1031/79
96-1-7

ПОБѢДЫ И ПОРАЖЕНІЯ

въ войнѣ 1870 года

и

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЯ ИХЪ ПРИЧИНЫ.

Опытъ критическаго описанія

ФРАНКО-ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЫ

до Седанской битвы включительно

Генеральнаго штаба Генералъ-Лейтенанта Войде.

БИБЛ. С.С.С.Р. ИМЕНИ В.И. ЛЕНИНА ВСЕКОЛЕКТ.

ТОМЪ II

съ шестью чертежами.

ВАРШАВА.

Типографія А. ГИНСА. Новозельная № 47.

1890.

E17
119

ПОБѢДЫ И ПОРАЖЕНІЯ

въ войнѣ 1870 года

и

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЯ ИХЪ ПРИЧИНЫ.

Опытъ критическаго описанія

ФРАНКО-ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЫ

до Седанской битвы включительно

Генеральнаго штаба Генералъ-Лейтенанта Войде.

ТОМЪ II

съ шестью чертежами.

ВАРШАВА.

Типографія А. ГИПСА. Повозельная, № 47.

1890.

Дозволено Цензурою.
Варшава, 7 Декабря 1889 года.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 20822 1967

М

I.

Канунъ сраженія и сраженіе при Гравелётъ — Сенъ-Прива 18 августа.

Положеніе нѣмцевъ послѣ боя 16 августа; потеря ими слѣдовъ французовъ; распоряженія на 18 августа. — Отступленіе арміи маршала Базена на позицію Гравелётъ — Сенъ-Прива; описаніе ея. — Обоюдное положеніе къ утру 18 августа. Предварительный очеркъ сраженія. — Неувѣренность нѣмцевъ; первоначальныя ихъ распоряженія и движенія. — Описаніе сраженія 18 августа. — Взглядъ на дѣйствія французскихъ начальниковъ. — Взглядъ на общія распоряженія и дѣйствія нѣмцевъ. — Значеніе дѣятельности частныхъ нѣмецкихъ начальниковъ въ сраженіи 18 августа.

(Чертежъ 8-ой).

Тактическіе успѣхи нѣмцевъ въ бою 16 августа у Марсъ-ля-Тура далеко не были рѣшительны и окончательны, и къ вечеру того-же дня положеніе ихъ на полѣ сраженія представлялось далеко не въ приглядномъ видѣ. Вотъ какъ описываетъ его спеціальная исторія 2ой нѣмецкой арміи, обсуждая вопросъ о возможности возобновить бой на слѣдующее утро, т. е. 17 числа [1]):

„Состояніе нѣмецкихъ войскъ, сражавшихся 16 числа, требовало безусловно, чтобы ихъ поберечь".

„Дѣйствительныя цифры потерь войскъ не могли быть еще опредѣлены хотя бы приблизительно. Но даже наглядно можно было заключить, что онѣ превзойдутъ мѣру всякихъ предположеній. Такія потери дѣйствуютъ конечно на всякую армію. Всѣ кадры были числительно весьма ослаблены, многіе баталіоны, эскадроны и батареи почти безъ офицеровъ".

„При большомъ протяженіи поля сраженія, которое отчасти волнообразно-лѣсисто, разстроилась тактическая организація войскъ. Ночь, конечно, должна была пройти въ сборѣ и расчетѣ частей".

„Усталость людей и лошадей послѣ 10 — 11 часоваго боя достигла крайнихъ предѣловъ. Ни одна часть войскъ не могла

---

[1]) Стр. 102—103.

произвести варки въ теченіе 16 числа. На плято чувствовался недостатокъ въ водѣ".

„Еще во время боя оказывался недостатокъ въ патронахъ и зарядахъ. Командиръ арміи приказалъ начальнику артиллеріи, чтобы пополненіе послѣдовало въ теченіе ночи".

„Отъ утомленныхъ людей невозможно было требовать особыхъ усилій на слѣдующее утро".

„Само собою разумѣется, что послѣ сильныхъ ощущеній сегоднишняго дня неминуемо послѣдуетъ обычное въ такихъ случаяхъ безсиліе".

„Необходимо было имѣть въ виду при отдаваемыхъ ночью диспозиціяхъ, чтобы хотя нѣкоторое количество свѣжихъ войскъ достигло плято къ самому началу слѣдующаго утра".

Однако изъ свѣжихъ войскъ 2ой нѣмецкой арміи поблизости былъ только 9ый корпусъ, переправившійся черезъ Мозель къ концу дня 16 августа отчасти уже въ темнотѣ; одна его дивизія, а именно 25ая (гессенская), нѣсколькими баталіонами приняла подъ вечеръ нѣкоторое участіе въ бою въ лѣсу Оньонъ (южнѣе Гравелёта), куда и стянулась вся дивизія; отъ другой дивизіи, Врангеля, одинъ полкъ, Шенинга, какъ упомянуто было, попалъ въ дѣло на правомъ флангѣ 3го корпуса; остальныя части этой дивизіи ночевали верстахъ въ десяти отъ поля сраженія, а корпусная артиллерія—нѣсколько ближе.

Ближайшій затѣмъ отъ поля битвы корпусъ былъ 12ый, саксонскій. Обѣ его пѣхотныя дивизіи прибыли 15 числа къ Номени, частью поздно ночью, откуда безъ варки пищи поднялись утромъ 16 числа, направляясь въ Понтъ-а-Муссонъ. У этого пункта, не смотря на два моста, произошло большое скопленіе и задержка отъ войсковыхъ и штабныхъ обозовъ, такъ что задняя, 24ая дивизія только къ 6 часамъ вечера расположилась въ мѣстечкѣ и окрестности; головная же успѣла выдвинуться впередъ и достигла Реньевиль-анъ-Ге (Regniéville an Haye, по дорогѣ въ Тіокуръ). За нею расположилась корпусная артиллерія.

Саксонская кавалерійская дивизія, согласно диспозиціи на 16 число, идя во главѣ корпуса, въ два часа пополудни достигла Нонсаръ (Nonsard) и выставила аванпосты фронтомъ на недалекую уже р. Мезу [1]).

---

[1]) По точнымъ наблюденіямъ дефилированіе саксонской кавалерійской дивизіи (16 эскадроновъ) черезъ каменный мостъ продолжалось 1 часъ 20 минутъ; 23-ей дивизіи—черезъ военный мостъ—2 ч. 30 м.; причемъ были небольшія остановки отъ порчи моста. Корпусная артиллерія черезъ каменный мостъ—2 часа. 24-ая дивизія переправилась по обоимъ мостамъ, а часть ея осталась на томъ берегу. Обозы переправлялись поздно днемъ и частью ночью. („Исторія 2-ой арміи").

Хотя прямое разстояніе Понтъ-а-Муссона отъ поля битвы всего верстъ 20, но такъ какъ по ближайшей дорогѣ на Горзъ, занятый войсками 10го корпуса, обозами и амбулянсами, саксонцамъ идти было нельзя, то приходилось избрать кружный путь на Тіокуръ къ Тронвиль. Гвардейская кавалерійская дивизія, направляясь 16 числа отъ переправы черезъ Мозель въ Діелюаръ, ранѣе полудня еще достигла Апрмонъ (Apremont) и выставила аванпосты фронтомъ къ сторонѣ Мезы, войдя вправо въ связь съ саксонскою конною дивизіею. Остальная часть гвардейскаго корпуса достигла въ тотъ день окрестностей Бомона на полпути между рр. Мозелемъ и Мезою.

Изъ этого видно, что расположеніе гвардейскаго и саксонскаго корпусовъ въ ночь съ 16 на 17 было таково, что можно было расчитывать на прибытіе ихъ къ Марсъ-ля-Туру еще въ теченіе 17 числа, хотя частью и поздно. Но частная распорядительность нѣмецкихъ начальниковъ и въ настоящемъ случаѣ предупредила распоряженія свыше.

Саксонскій ротмистръ Кленкъ отъ саксонской конной дивизіи, получившій приказаніе отыскать со своимъ эскадрономъ связь съ 5^{ою} кавалерійскою дивизіею, былъ свидѣтелемъ боя 10го корпуса и послѣ 10 часовъ вечера привезъ въ 23^{ью} дивизію, въ Реньевильанъ-Ге, записку командира 10го корпуса, генерала Фохтсъ-Реца, въ коей значилось:

„Желательно, чтобы завтра съ разсвѣтомъ всѣ свободныя войска появились у Тронвиля, если принцъ Фридрихъ-Карлъ не сдѣлаетъ другихъ распоряженій“.

Начальникъ 23^{ей} дивизіи, принцъ Георгъ Саксонскій, поднялъ свои войска тотчасъ по полученіи сказанной записки и двинулъ ихъ черезъ Тіокуръ, о чемъ донесъ по начальству и сообщилъ ближайшему прусскому гвардейскому корпусу [1]).

Между тѣмъ еще до полудня гулъ боя долеталъ и до гвардейскаго корпуса, почему принцъ Виртембергскій, рѣшилъ пріостановить предположенное на слѣдующій день движеніе къ р. Мезѣ и немедленно, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній, стянулъ войска корпуса къ сѣверу. Такимъ образомъ послѣдующія приказанія нашли и гвардейскій корпусъ совершенно готовымъ къ движенію.

Что касается остальныхъ, болѣе удаленныхъ корпусовъ 2ой нѣмецкой арміи, то 4ый армейскій корпусъ, слѣдуя южнѣе гвардейскаго черезъ Марбашъ (переправу на Мозелѣ), дошелъ 16 числа

---

[1]) „Оффиціальная прусская исторія“, т. 1, стр. 655, 656 и „Исторія 2-ой арміи“, стр. 106.

авангардомъ своимъ до окрестностей Туля (Toul) и сдѣлалъ въ тотъ день неудачную попытку нападенія на эту крѣпость, стоившую ему 200 человѣкъ потери.

Наконецъ, 2ой корпусъ находился еще за Мозелемъ въ разстояніи цѣлаго перехода не доходя Понтъ-а-Муссона.

При такомъ положеніи дѣлъ, для возможнаго усиленія войскъ 2ой нѣмецкой арміи, противостоявшихъ непосредственно войскамъ Базена, оказалось необходимымъ вызвать впередъ 7ой и 8ой корпуса 1ой арміи, Штейнмеца, которые очутились въ то время позади 9го корпуса.

Выше уже объяснено, что наличная половина дивизіи Барнекова, 7го корпуса, по почину ближайшаго начальства приняла уже самое дѣятельное участіе въ бою 16 августа, сражаясь на правомъ флангѣ 3го корпуса. Другая бригада этой дивизіи еще не вернулась отъ Тіонвиля.

Генералъ Штейнмецъ, находясь на походѣ въ теченіе 16 числа, получилъ отъ командира 8го корпуса, генерала Гебена, краткое донесеніе о происходящемъ впереди дѣлѣ и о намѣреніи Гебена поддержать сражавшихся. Почему, въ видахъ скорѣйшей переправы черезъ р. Мозель, Штейнмецъ приказалъ выдвинуть изъ походныхъ колоннъ понтонные парки и направить ихъ къ Мозелю.

Въ часъ ночи съ 16 на 17 августа Гебенъ доносилъ изъ Арри о подробностяхъ сраженія, упоминая, что бригада Война послѣ тяжелаго боя едва ли будетъ способна на слѣдующее утро къ походу, и что Гебенъ, на всякій случай, намѣренъ рано утромъ двинуть черезъ Арри дивизію Вельтцинъ (Weltzien) и корпусную артиллерію и, отправившись лично впередъ, принять дальнѣйшія рѣшенія смотря по обстоятельствамъ.

Главная королевская квартира получила свѣдѣніе о сраженіи еще до выступленія ея изъ Эрни. По прибытіи главной квартиры въ Понтъ-а-Муссонъ, генералъ Мольтке засталъ донесеніе начальника штаба 2ой арміи, генерала Штиле, въ которомъ сообщалось о начавшемся сраженіи въ духѣ тогдашнихъ воззрѣній начальства 2ой арміи, полагавшаго, что настигнута только часть отступавшей французской арміи, которую и предполагалось возможнымъ „оттѣснить къ сѣверу тремя лѣво-фланговыми корпусами“ (3мъ, 9мъ и 10мъ), „продолжая остальными наступленіе къ р. Мезѣ“.

Однако генералъ Мольтке не вполнѣ раздѣлялъ воззрѣнія принца Фридриха-Карла. Онъ, какъ объяснено въ своемъ мѣстѣ, еще раньше позаботился о скорѣйшемъ подходѣ 9го корпуса по направленію на Марсъ-ля-Туръ. Далѣе, генералъ Мольтке, зная, что 9ый корпусъ уже достаточно близокъ, отдалъ приказаніе, чтобы

саксонскій корпусъ, достигнувшій 16 числа окрестностей Понтъ-а-Муссонъ ,,выступилъ 17 числа, въ 3 часа утра, и шелъ черезъ Тіокуръ на Марсъ-ля-Туръ", передовую же его кавалерію приказано выдвинуть до дороги Мецъ—Верденъ.

Еще днемъ ранѣе, 16 числа, посланъ былъ къ генералу Штейнмецу офицеръ генеральнаго штаба съ изустнымъ приказаніемъ короля, ,,чтобы 7ой и 8ой корпуса на утро 17 августа были готовы у переправъ Корни и Арри для слѣдованія непосредственно за 9мъ корпусомъ". Обозы приказано пока оставить на правомъ берегу Мозеля. За этимъ приказаніемъ послѣдовала объяснительная записка генерала Мольтке, въ коей выражено предположеніе ,,о возможности оттѣснить сражавшагося въ тотъ день непріятеля отъ его сообщеній и прижать его къ сѣверу" [1]).

Ночью устроены были у Корни три военные моста (козлы, понтоны) независимо цѣпнаго моста, а у Арри генералъ Гебенъ приказалъ навести мостъ независимо моста 3го корпуса.

Генералъ Штейнмецъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы утромъ 17 числа 1ая кавалерійская дивизія и 7ой корпусъ изготовились къ переправѣ у Корни, а 8ой корпусъ у Арри; 3ей кавалерійской дивизіи стать между Пуйли и Марли (Pouilly, Marly) лицомъ на Мецъ, чтобы прикрыть переправы и обозы. Между тѣмъ офицеръ генеральнаго штаба старался ночью освободить дороги отъ обозовъ 9го корпуса, что ему къ утру и удалось.

Утромъ 17 числа, въ 4 часа, получены генераломъ Штейнмецомъ въ Коэнъ на р. Сейль (Coin sur Seille) директивы, писанные въ Понтъ-а-Муссонъ въ 2 часа ночи, въ которыхъ значилось:

,,3ій и 10ый корпуса удержали вчера свои позиціи, но крайне желательна возможно ранняя поддержка ихъ къ разсвѣту".

,,Ближайшіе корпуса 2ой арміи должны пройти разстоянія больше нежели корпуса 1ой арміи. Поэтому необходимо наступленіе черезъ всѣ переправы (которыя вѣроятно уже имѣются въ виду)".

,,Его Величество отправляется сейчасъ въ Горзъ, гдѣ будетъ ожидать донесеній".

Далѣе, Мольтке въ $8^1/_2$ часовъ утра 17 числа писалъ Штейнмецу съ высотъ Флявиньи:

,,Непріятель въ отступленіи, большею частью на Мецъ, но онъ еще владѣетъ Гравелётомъ и Резонвилемъ; 7му корпусу пере-

---

[1]) Такъ говорится въ оффиціальной прусской исторіи, но спеціальная исторія 1 арміи, дословно приводя всѣ полученныя распоряженія, о подобномъ сообщеніи не упоминаетъ вовсе; она не говоритъ и о прибытіи офицера генеральнаго штаба изъ главной королевской квартиры.

правиться у Корни и идти на Аръ-сюръ-Мозель и Гравелётъ. Лѣсъ на правомъ флангѣ занятъ. 8му корпусу идти на Резонвиль, оставляя Горзъ влѣво. Когда головы начнутъ движеніе, донести; предполагается, что армія въ 12 часовъ будетъ готова".

Между тѣмъ ближайше заинтересованное начальство 2ой нѣмецкой арміи дѣлало съ своей стороны распоряженія, чтобы на другой день притянуть возможно бо́льшія силы. Изъ распоряженій этихъ, отданныхъ изъ Горзъ въ 11 часовъ пополудни (ночи), видно между прочимъ относительно 9го корпуса, что 25ой дивизіи приказано слѣдовать за 18ю, Врангеля, и всему корпусу къ утру 17 числа собраться на плято въ $1/2$ милѣ къ сѣверо-востоку отъ Горзъ, гдѣ ожидать приказаній". Но между тѣмъ 25ая дивизія находилась уже впереди, на правомъ флангѣ 3го корпуса, и нѣсколькими баталіонами даже участвовала въ бою 16 числа, о чемъ начальству арміи въ моментъ отдачи приказаній на 17 число извѣстно еще не было. Видно, что въ пылу боя не легко было сохранить связь и что сообщенія между войсками и начальствомъ заставляли желать лучшаго.

Саксонскому корпусу было приказано, „слѣдуя черезъ Тіокуръ, прибыть къ Марсъ-ля-Туръ къ восходу солнца, гдѣ и расположиться въ резервномъ порядкѣ за 10мъ корпусомъ".

Гвардейскому корпусу — „тоже идти на Марсъ-ля-Туръ, гдѣ стать въ резервномъ порядкѣ лѣвѣе саксонскаго. Гвардейской кавалеріи, по прежнимъ приказаніямъ, идти на р. Мезу".

Всѣмъ этимъ тремъ корпусамъ приказано было „взять съ собою муниціонныя колонны, а обозы оставить сзади".

„2му корпусу достигнуть Понтъ-а-Муссонъ; передовыя части по направленію на переправу Сенъ-Міель (St. Mihiel) на р. Мезѣ. 4му сохранить указанное направленіе на Туль" [1]). (По той вѣроятной причинѣ, что корпусъ этотъ по отдаленности нескоро могъ поспѣть для присоединенія къ остальнымъ корпусамъ 2ой арміи).

Еще въ теченіе 16 числа сообщены были принцу Фридриху-Карлу воззрѣнія главной королевской квартиры въ запискѣ изъ Понтъ-а-Муссонъ, въ $8\frac{1}{4}$ часовъ вечера, слѣдующаго содержанія:

„Здѣсь" (въ королевской главной квартирѣ) „того мнѣнія, что рѣшеніе кампаніи состоитъ въ томъ, чтобы отступающія отъ Меца главныя силы непріятеля отбросить къ сѣверу. Чѣмъ больше 3ій корпусъ имѣетъ сегодня противъ себя, тѣмъ крупнѣе будетъ завтрашній успѣхъ, когда противъ тѣхъ-же силъ можно будетъ употребить корпуса 10ый, 3ій, 9ый, 8ой, 7ой, а также и 12ый.

---

[1]) „Исторія 2-й арміи", стр. 104—105.

Не участвующіе корпуса 2ой арміи могутъ уже сегодня пріостановиться. Скорое достиженіе р. Мезы кажется второстепеннымъ, но взятіе Туля весьма важно“ [1]).

Сравнивая между собою распоряженія командира 2ой арміи и главной королевской квартиры, видно, что они—частью вполнѣ согласовались между собою, частью же дополняли другъ друга въ смыслѣ возможно бо́льшаго сосредоточенія войскъ на полѣ бывшей наканунѣ битвы. Главная королевская квартира распорядилась о прибытіи кромѣ саксонскаго еще двухъ корпусовъ 1ой арміи, и направила саксонскую кавалерію на ближайшій путь Мецъ—Верденъ, а принцъ рѣшилъ притянуть и гвардейскій корпусъ, на который Мольтке, видимо, не расчитывалъ.

Еще ночью съ 16 на 17 число августа, частью же утромъ послѣдняго дня, начались передвиженія нѣмецкихъ войскъ, согласно предыдуще изложенныхъ приказаній.

Съ шести часовъ утра черезъ Мозель дефилировали части 1ой арміи. Передовыя войска 7го корпуса встрѣтили французовъ въ лѣсахъ Во и Оніонъ и послѣ незначительнаго боя достигли сѣверныхъ опушекъ этихъ лѣсовъ, южнѣе Гравелёта, который французы очистили въ 3 часа пополудни. Зато на высотахъ восточнѣе этого пункта нѣмцамъ виднѣлись большіе французскіе лагери, въ коихъ замѣтно было большое оживленіе; кой-гдѣ ясно были видны свѣжіе эполементы для орудій.

Генералъ Штейнмецъ, лично рекогносцировавшій позиціи французовъ, приказалъ избѣгать дальнѣйшаго столкновенія съ противникомъ; онъ даже отослалъ назадъ батарею, вызванную генераломъ Война для обстрѣлянія французскаго кавалерійскаго лагеря, безпечно, видимо, расположеннаго. Штейнмецъ въ этомъ отношеніи руководился приводимымъ ниже указаніемъ главной королевской квартиры, въ которомъ значилось, что „наступленія въ тотъ день уже не предполагается; оно откладывается до слѣдующаго дня“.

Гвардейскій и саксонскій корпуса прибыли въ окрестности Пюксіэ и Марсъ-ля-Туръ вскорѣ послѣ полудня.

Командиръ саксонскаго корпуса, принцъ Августъ Саксонскій, отдалъ своей кавалеріи вполнѣ раціональное приказаніе, чтобы она, „не довольствуясь пересѣченіемъ ближайшей дороги Мецъ—Верденъ“ (черезъ Марсъ-ля-Туръ), „пересѣкла и другую“ (черезъ Этенъ).

---

[1]) „Исторія 2-й арміи“, стр. 107—108.

Между тѣмъ Базенъ, намѣреваясь дать нѣмцамъ отпоръ на „непобѣдимой (inexpugnable)“ по его выраженію позиціи, на высотахъ, которыя тянутся западнѣе Меца фронтомъ на западъ, приказалъ отойти на нее правому своему крылу, удерживаясь пока лѣвымъ прочно у Гравелёта.

Движеніе французовъ началось съ утра 17 числа на виду у нѣмцевъ, и совершенно ясно замѣтно было съ позицій ихъ у Флявиньи, на которыхъ съ восхода солнца находился принцъ Фридрихъ-Карлъ, и куда около 6 часовъ утра прибылъ самъ король Вильгельмъ. Тѣмъ не менѣе окончательная цѣль передвиженія французовъ, постепенно скрывавшихся съ глазъ наблюдавшихъ нѣмцевъ, не была вполнѣ понятна для послѣднихъ. Разъѣзды же, направленные передъ лѣвое крыло нѣмецкаго фронта, давали свѣдѣнія сбивчивыя, клонящіяся болѣе къ тому, что „французы отступаютъ къ западу или сѣверо-западу“, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности послѣдніе окончательно отходили „къ востоку и сѣверо-востоку“ [1]).

Принцъ Фридрихъ-Карлъ, вѣрный своей предвзятой мысли, что дравшіеся наканунѣ французы „должны“ стараться поскорѣе отойти въ общемъ на западъ, предполагалъ возможнымъ, что отступленіе это начато было еще ночью и что теперь отходятъ туда-же и остальныя французскія главныя силы; наконецъ, что только меньшая часть арміи Базена стягивается ближе къ Мецу [2]). Это заблужденіе продолжалось въ теченіе значительной части дня 17 августа, а между тѣмъ соприкосновеніе кавалеріи 2ой арміи съ французами было потеряно совершенно.

Такимъ образомъ въ теченіе дня 17 числа нѣмцы окончательно потеряли слѣды французской арміи, бывшей однако на глазахъ у всѣхъ еще утромъ того-же дня. Странное это явленіе оффиціальная прусская исторія старается объяснить тѣмъ, что въ первую половину дня 17 числа начальство 2ой арміи всецѣло поглощено было оборонительными соображеніями. За неимѣніемъ никакихъ свѣдѣній о движеніяхъ французовъ, случилось, что даже распоряженія по 2ой нѣмецкой арміи 17 числа, для исполненія на слѣдующій день, отданы подъ вліяніемъ болѣе воображаемой нежели дѣйствительной обстановки. Нѣмцы въ то время не уяснили себѣ даже вопроса, имѣли-ли они 16 числа дѣло со всею арміею Базена, или только съ одною запоздавшею, хотя и значительною ея частью? А между тѣмъ саксонская кавалерія, двигаясь быстрымъ маршемъ, пересѣкла юж-

---

[1]) Нѣмцевъ отчасти могло сбить движеніе двухъ дивизій Лямиро въ Донкуръ за ранцами, оставленными тамъ наканунѣ.

[2]) „Исторія 2-й арміи“, стр. 110—115.

ную дорогу Мецъ—Верденъ (только верстъ 12 западнѣе Марсъ-ля-Тура) и уже въ 9 часовъ утра того-же 17 августа достигла и сѣвернаго пути Мецъ—Верденъ у Сенъ-Жанъ-ле-Бюзи (St. Jean les Buzy). Съ той минуты могло быть дознано нѣмцами, что по двумъ сказаннымъ путямъ „французы вовсе не отходили къ Вердену" и что имъ оставались развѣ еще сѣверныя кружныя дороги. Засимъ весьма близко было-бы заключеніе, что 16 числа находилась на лицо еще вся армія Базена, такъ какъ до того времени ей не было никакой надобности отходить по кружнымъ неудобнымъ путямъ, имѣя въ распоряженіи прямыя шоссейныя дороги. Не извѣстно, выведено-ли нѣмцами подобное заключеніе. Самое же свѣдѣніе о томъ, что саксонская конница достигла пути Мецъ—Донкуръ—Верденъ, дошло до командира саксонскаго корпуса только въ часъ дня, а дошло ли оно до начальства 2ой арміи—изъ имѣющихся источниковъ не видно. Вѣрно только одно, что въ моментъ отдачи приказаній на 18 число свѣдѣнія этого начальствомъ 2ой нѣмецкой арміи въ виду не имѣлось [1]).

Потеря нѣмцами слѣдовъ французской арміи въ день 17 августа, вызвавшая колебаніе и недоразумѣнія со стороны ихъ начальства, достойна хотя нѣкотораго бѣглаго разбора. Разборъ этотъ приводитъ къ неминуемому заключенію, что день Марсъ-ля-Тура, который нѣмцы справедливо называютъ „днемъ славы своей конницы", если смотрѣть на дѣло съ „одной" только стороны, въ сущности принадлежитъ эпохѣ, можно сказать, далеко не умѣлаго и едвали не превратнаго употребленія прекрасной нѣмецкой конницы.

Въ своемъ мѣстѣ достаточно выяснено, что съ одной стороны нѣмецкое начальство вообще не сумѣло воспользоваться своею многочисленною конницею, для своевременнаго поиска въ тылъ Мецу, а съ другой, что подошедшая въ этомъ направленіи 15 числа конница Рейнбабена, забавляясь тактическими дѣйствіями, упустила главную свою задачу, то есть, не обслѣдовала путей, по коимъ французы могли отходить отъ Меца, и не раскрыла значительной части арміи Базена (три корпуса), которая находилась тутъ-же на лицо".

Наконецъ, и кровавый бой 16 августа, въ которомъ легло полторы тысячи храброй нѣмецкой кавалеріи, не выяснилъ еще для нѣмецкаго начальства того, что могъ добыть одинъ толковый поискъ [2]).

---

[1]) „Исторія 2-ой арміи", стр. 114 и 115.

[2]) Въ дѣйствительности нѣмцы и въ теченіе 17 числа все еще не знали того, что имѣютъ передъ собою всю армію Базена. Историки ихъ вообще обходятъ дѣло это молчаніемъ. Исторія же 2-й арміи упоминаетъ, что 17 числа извѣстно было нѣмцамъ только то, что они 16 августа имѣли дѣло съ французскими корпусами 2-мъ, 6-мъ,

Въ виду такихъ далеко неполныхъ результатовъ, невольно спрашивается, на что собственно нѣмецкая конница израсходовала свои силы и кровь въ безспорно славный для нея день Марсъ-ля-Тура? Полный отвѣтъ на это потребовалъ бы разбора далеко выходящаго за предѣлы цѣлей, поставленныхъ настоящимъ сочиненіемъ; тѣмъ не менѣе, если отбросить въ сторону всякія легендарныя росказни и взглянуть на дѣло проще, то нетрудно убѣдиться, что, напримѣръ, двукратное наступленіе 6ой кавалерійской дивизіи въ сраженіи подъ Марсъ-ля-Туромъ по меньшей мѣрѣ было совершенно безплодно, а истинно молодецкая аттака Бредова въ сущности дала только случай потѣшиться и оправиться оплошавшей было по утру французской дивизіи Фортона.

Наконецъ, допустивъ, что всѣ кровавыя аттаки нѣмецкой конницы въ день 16 августа были дѣйствительно нужны и что тяжелыя жертвы неминуемо вызваны были въ данномъ случаѣ трудною общею обстановкою,—то не надо забывать, что „обстановка эта была именно плодомъ ошибокъ нѣмецкаго начальства“ и что нѣмецкая конница поплатилась въ бою за то только, что начальники ея не умѣли употребить ее по надлежащему до боя, или же вообще недостаточно внушили ей самыя важныя обязанности, то есть „раскрытіе противника“. Какъ на примѣръ только что сказаннаго можно указать на дѣйствіе гвардейскаго драгунскаго эскадрона, который 16 числа, находясь уже на болѣе сѣверной дорогѣ Мецъ—Верденъ, ведущей черезъ Донкуръ, поскакалъ оттуда въ большой кавалерійскій бой, происходившій на западной части поля сраженія и принялъ въ немъ самое дѣятельное участіе ударомъ въ тылъ французамъ. Спрашивается однако, не лучшую ли службу своимъ сослужилъ бы этотъ храбрый эскадронъ, если бы онъ вмѣсто того, чтобы идти назадъ съ дороги на Этенъ (хотя и въ бой), освѣтилъ бы еще и самый сѣверный путь Мецъ—Верденъ на Бріей и своевременно донесъ о томъ, что французы по путямъ этимъ вовсе еще не отступали.

На основаніи всего этого утвердительно можно сказать, что при правильномъ употребленіи нѣмецкой конницы для стратегической развѣдки она навѣрное съ ничтожными, сравнительно, потерями раскрыла бы своевременно истинное положеніе дѣлъ къ западу отъ Меца. Тогда нѣмцамъ не пришлось бы ходить ощупью и давать кровавыя рискованныя сраженія только изъ за недостаточной оріентировки какъ это было подъ Марсъ-ля-Туромъ 16 августа и при Гравелётѣ 18го.

гвардейскимъ и отдѣльными кавалерійскими дивизіями. Слѣдовательно неизвѣстно было о присутствіи и даже участіи въ боѣ еще цѣлыхъ двухъ корпусовъ (3-го и 4-го) силою въ 7 дивизій пѣхоты.

Но какъ бы все это ни было, возвращаясь къ положенію дѣлъ 17 августа, нельзя не признать, что, благодаря распорядительности и энергіи нѣмцевъ, какъ начальниковъ, такъ и войскъ ихъ, въ теченіе еще того же дня, вскорѣ послѣ полудня, стали уже въ линію или стягивались на подмогу къ 3му и 10му корпусамъ еще пять свѣжихъ, а именно: прусскій гвардейскій, 12ый (саксонскій), 7ой, 8ой и 9ый корпуса; изъ коихъ только два послѣдніе имѣли каждый счетомъ около бригады въ бою предыдущаго дня. Къ этому прибыли еще двѣ свѣжія конныя дивизіи, 1ая и 12ая (саксонская).

Нѣмецкіе начальники могли теперь вздохнуть свободно; самые опасные критическіе моменты уже прошли и наступало время наказать французовъ за всѣ ихъ промахи и непростительныя упущенія.

Вопросъ о немедленномъ наступленіи еще въ теченіе 17 числа, чтобы довершить пораженіе отступавшихъ французовъ, былъ поднятъ въ главной королевской квартирѣ (присутствовавшей, какъ сказано, у Флявиньи), но принцъ Фридрихъ-Карлъ и нѣкоторые другіе изъ присутствовавшихъ начальствовавшихъ генераловъ были противоположнаго мнѣнія, причемъ выразили, что „подошедшія свѣжія войска сдѣлали уже большіе переходы; что для достиженія непріятеля придется еще идти впередъ; что бой могъ начаться только поздно пополудни, и если бы даже окончился побѣдою, то во всякомъ случаѣ безъ полнаго рѣшенія. Вечеръ долженъ прекратить сраженіе и сдѣлать преслѣдованіе невозможнымъ". По этимъ причинамъ считалось болѣе соотвѣтственнымъ покончить все однимъ ударомъ 18 числа. Принцъ Фридрихъ-Карлъ полагалъ, что онъ безъ труда догонитъ французовъ, „которые должны отступать большими массами по кружнымъ дорогамъ, да притомъ еще французы до того времени вовсе не выказали маршевыхъ способностей. Въ день битвы 18 августа можно расчитывать и на содѣйствіе 2го корпуса".

Получивъ одобреніе короля, принцъ Фридрихъ-Карлъ съ поля сраженія, близь Віонвиль, въ часъ дня отдалъ диспозицію, въ коей значилось: [1]).

„Непріятель отходитъ, кажется, частью на сѣверо-западъ, частью же—къ Мецу".

„2ая армія съ 7мъ и 8мъ корпусами должны завтра отыскать непріятеля, отходящаго въ сѣверномъ направленіи, и разбить его".

Далѣе указаны корпусамъ бивуачныя ихъ мѣста на ночь. Въ первой линіи корпуса: 9ый, 3ій и саксонскій, а во второй—10ый и гвардейскій.

---

[1]) „Исторія 2-ой арміи" стр. 116.

2^му корпусу приказано было выступить въ 4 часа утра изъ Понтъ-а-Муссонъ; идти черезъ Онвиль и стянуться сѣвернѣе Бюксіэ, гдѣ сварить пищу.

Въ связи съ этими распоряженіями принца Фридриха-Карла, изъ главной королевской квартиры разосланы командирамъ 1ой и 2ой армій въ 2 часа пополудни слѣдующія приказанія:

„2ая армія двинется завтра, 18 числа, въ 5 часовъ утра и будетъ наступать уступами съ лѣваго фланга, между ручьями Иронъ и Горзъ (вообще между Виль-сюръ-Иронъ и Резонвиль). 8^му корпусу присоединиться къ этому движенію на правомъ флангѣ 2ой арміи; на 7ой корпусъ возлагается первоначально задача обезопасить 2^ую армію отъ какихъ либо покушеній со стороны Меца. Дальнѣйшія приказанія Его Величества Короля будутъ зависѣть отъ мѣръ непріятеля. Донесенія Его Величеству посылать первоначально на высоту южнѣе Флявиньи“.

Командиръ 1ой нѣмецкой арміи, генералъ Штейнмецъ, еще съ утра противостоявшій непосредственно французамъ и бывшій въ близкомъ съ ними прикосновеніи своимъ 7^ымъ корпусомъ, не считалъ положеніе послѣдняго вполнѣ безопаснымъ, не смотря на возможную поддержку со стороны 8го корпуса, собравшагося тогда у Горзъ. Для того чтобы отвлечь силы и вниманіе французовъ, Штейнмецъ въ 10^омъ часу утра 17 числа послалъ командиру 1го корпуса (оставшемуся на противоположномъ берегу рѣки для наблюденія за Мецомъ и прикрытія сообщеній нѣмецкихъ армій) приказаніе: произвести въ тотъ же еще день демонстративное наступленіе къ Мецу.

Объ исполненіи этого приказанія Мантейфель доносилъ вечеромъ:

„Мецъ обстрѣлянъ всею артиллеріею корпуса съ разстояній 4000 — 5000 шаговъ; около 5 часовъ казалось, что въ городѣ пожары. Въ половинѣ шестаго видна была пыль по дорогѣ ведущей изъ Меца на лѣвомъ берегу рѣки — кажется отъ возвращающихся колоннъ. Такъ какъ цѣль по возможности достигнута, то въ 6¼ часовъ приказано прекратить огонь, и корпусъ вернулся на бивуаки къ Курсель и Лякенекси“.

Изъ приведеннаго выше королевскаго приказанія на 18 число генералъ Штейнмецъ усмотрѣлъ, что 7ой корпусъ долженъ быть осью движенія наличныхъ нѣмецкихъ силъ и что главная королевская квартира распорядилась уже 8^ымъ корпусомъ, приказавъ ему слѣдовать уступомъ справа за движеніемъ 2ой арміи. Штейнмецъ далъ приказаніе, чтобы 7ой корпусъ къ 5 часамъ утра 18 числа изготовился къ оборонительному бою и держался до послѣдней

крайности; но вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ донесеніе, выставляя опасное положеніе этого корпуса. Надо предполагать, что онъ при этомъ требовалъ, чтобы 8ой корпусъ возвращенъ былъ въ его распоряженіе для поддержки 7го и указывалъ, „что армія его раскассирована". Отвѣтъ полученъ рано утромъ 18 числа:

„7му корпусу на первое время придется дѣйствовать оборонительно. Связь его съ 8ымъ корпусомъ можетъ быть возстановлена только впереди" (т. е. наступленіемъ). „Если окажется, что непріятель уйдетъ въ Мецъ, то съ нашей стороны послѣдуетъ поворотъ направо. Непосредственная поддержка, если окажется нужною, послѣдуетъ изъ второй линіи 2ой арміи". Къ этому прибавляю, что „въ командномъ отношеніи арміи измѣненій нѣтъ".

Въ виду этого Штейнмецъ послалъ Мантейфелю приказаніе, въ коемъ значилось, что 7ой корпусъ составляетъ опорный пунктъ наступленія всѣхъ нѣмецкихъ войскъ, что корпусу этому вѣроятно придется выдержать первый ударъ непріятеля, что онъ нуждается въ поддержкѣ и съ праваго берега Мозеля. Для этого Мантейфелю приказано: придвинуть пѣхотную бригаду съ нѣсколькими батареями противъ Во, чтобы обстрѣливать путь (по лѣвому берегу р. Мозеля), по коему непріятель могъ бы произвести наступленіе. 3ей кавалерійской дивизіи приказано прикрыть эту бригаду отъ стороны Меца. Начальнику 1ой кавалерійской дивизіи, бывшей въ то время еще на томъ берегу рѣки, сказано, чтобы онъ лично наблюдалъ за ходомъ боя, если таковой случится, и дѣйствовалъ по обстоятельствамъ, причемъ указанъ ему путь отъ Аръ на Горзъ къ Резонвилю.

Въ бою 16 августа армія Базена удержала свое расположеніе, занятое ею около половины этого дня, и отбила всѣ направленныя на него дальнѣйшія аттаки нѣмцевъ. Но этотъ благопріятный въ смыслѣ пассивной обороны результатъ отнюдь не соотвѣтствовалъ стратегическому положенію французовъ, желавшихъ отойти за р. Мезу.

Нѣмцы все еще стояли на южномъ пути отступленія французовъ и въ непосредственной близости отъ другаго пути, болѣе сѣвернаго, такъ что для отхода въ Верденъ относительно свободнымъ оставался только сѣверный, кружный путь на Бріей. Отступать при подобной обстановкѣ вдоль близкой нейтральной границы, было совершенно невозможно, не рискуя подвергнуться катастрофѣ.

Естественная очередная стратегическая задача французовъ, состоявшая въ томъ, чтобы, освободившись рѣшительнымъ ударомъ отъ ближайшаго докучливаго врага, выиграть болѣе спокойное отступленіе, — все еще ожидала развязки.

Бой 16 числа ни на шагъ не подвинулъ дѣла французовъ, и маршалу Базену предстояли къ рѣшенію теперь вопросы: „возобновить ли 17 числа бой наступленіемъ на нѣмцевъ? или же хотя держаться оборонительно въ занимаемомъ до нынѣ расположеніи?“ Оба эти вопроса маршалъ рѣшилъ отрицательно, на основаніи весьма вѣскихъ данныхъ. Дѣйствительно, у Базена войскъ совершенно не введенныхъ въ бой 16 августа было всего двѣ дивизіи (Метмана 3го корпуса и Лёрапсе—4го); въ противоположность же этому можно было предвидѣть, что нѣмцы, которыхъ не удалось разбить, будутъ на слѣдующій день значительно сильнѣе. Притомъ случайное расположеніе французовъ послѣ боя 16 августа не представляло собою удобной боевой позиціи; оно сверхъ того доступно было обходамъ справа и слѣва; наконецъ значительный расходъ зарядовъ и патроновъ требовалъ пополненія.

На основаніи всего этого Базенъ принялъ лучшее на сей разъ рѣшеніе: отойти на другую, болѣе соотвѣтственную и по мнѣнію его „непобѣдимую“ позицію, на которой маршалъ, судя по его словамъ, хотѣлъ дать нѣмцамъ рѣшительный отпоръ. Для этого избрано было расположеніе на кряжѣ высотъ, который тянется въ общемъ сѣверномъ направленіи (съ небольшимъ уклономъ на югъ), начиная отъ р. Мозеля, повыше Меца, и простираясь до ручья Орнъ (Orne), притока Мозеля. Базенъ, на сколько можно понять, первоначально полагалъ протянуть свой правый флангъ значительно менѣе того, какъ это было исполнено потомъ въ дѣйствительности.

Въ томъ видѣ, какъ позиція была окончательно занята и защищаема французами, лѣвый ея флангъ упирался въ р. Мозель у Сентъ-Рюфинъ (Ste Ruffine) и Розерьель, верстъ 6 повыше Меца; правый же приближался къ р. Орнѣ у Сенъ-Прива-ля-Монтань и Ронкуръ (St. Privat la Montagne, Roncourt), а передовой пунктъ передъ правымъ флангомъ французской позиціи Сентъ-Мари-о-Шенъ отстоялъ всего версты двѣ отъ р. Орны. Фронтъ этой позиціи (длиною верстъ 12) обращенъ былъ на западъ (съ небольшимъ уклономъ на югъ), такъ что въ случаѣ неудачи французамъ оставалось единственное средство—отойти за форты Меца. Но это обстоятельство имѣло пока второстепенное значеніе, такъ какъ во всякомъ случаѣ дальнѣйшее движеніе къ р. Мезѣ при данной обстановкѣ грозило близкою катастрофою и слѣдовательно было невозможно. Напротивъ того, рѣшившись дать сраженіе, Базенъ могъ еще надѣяться на успѣхъ, а въ случаѣ неудачи можно было держаться еще въ Мецѣ. Наконецъ, самое важное то, что другаго исхода теперь не было.

Ночью съ 16 на 17 число маршалъ Базенъ разослалъ слѣдующія приказанія:

„Большой расходъ патроновъ и зарядовъ минувшаго дня и недостатокъ запаса продовольствія на нѣсколько дней препятствуютъ продолженію предполагавшагося движенія. Поэтому мы перейдемъ на Пляпевильское плято. 2ой корпусъ займетъ позиціи между Пуэнъ-дю-Журъ (Point du Jour) и Розерьель; 3ій корпусъ — правѣе 2го, на высотѣ (на равнѣ) Шатель-Сенъ-Жерменъ (Châtel St. Germain); 4ый—на продолженіи до Монтиньи-ля-Гранжъ (Montigny la Grange); 6ой — у Верневиль (Verneville). Конницѣ дю-Баре слѣдовать за 6ымъ корпусомъ; дивизіи Фортона расположиться за 2ымъ корпусомъ, гвардіи — у Лесси и Пляпевиль (Lessy, Plappeville), гдѣ будетъ главная квартира. Движеніе начать 17 числа, въ 4 часа утра; оно будетъ прикрываться дивизіею Метмана, которая займетъ позицію Гравелётъ, а потомъ присоединится къ 3му корпусу“ [1]).

Въ теченіе 17 числа французскія войска заняли указанныя имъ позиціи; только 6ой корпусъ, маршала Канробера, вмѣсто того чтобы занять Верневиль (впереди расположенія 4го корпуса), отошелъ на правый флангъ послѣдняго, къ Сенъ-Прива.

Вопросъ о допущенной перемѣнѣ расположенія 6го корпуса достоинъ особаго вниманія съ точки зрѣнія разбираемаго тутъ вопроса. Базенъ въ сочиненіи своемъ [2]) представляетъ эту перемѣну единственно какъ уступку сдѣланную имъ Канроберу, говоря, что „это была съ его“ (Базена) „стороны ошибка, дозволившая непріятелю совершить свое большое обходное движеніе 18 числа“.

Спрашивается невольно: какимъ образомъ Базенъ, постоянно проповѣдовавшій безусловное во всемъ слѣпое подчиненіе частныхъ начальниковъ волѣ и указаніямъ старшаго, могъ допустить перемѣну не соотвѣтствующую его убѣжденіямъ, простирая притомъ угодливость свою до того, что на бумагѣ, разрѣшающей Канроберу передвиженіе до Сенъ-Прива, добавилъ, что „занятіе позиціи у Верневиль было назначено только временно, для прикрытія отступленія корпуса Лямиро, который находится въ Донкурѣ“? [3]).

Мимоходомъ можно замѣтить, что въ дѣйствительности новое расположеніе Канробера у Сенъ-Прива (а не у Верневиля), продолжая вправо флангъ общаго французскаго расположенія, значи-

---

[1]) Фроссаръ, стр. 100.
[2]) Базенъ, стр. 96—98.
[3]) Дивизіи корпуса Лямиро, Гренье и Сиссе, отправляясь 16 числа на поле сраженія, оставили въ Донкурѣ свои ранцы, куда пришлось имъ заходить 17 числа вмѣсто того, чтобы слѣдовать кратчайшимъ путемъ на новыя позиціи.

тельно обезопасило его отъ обхода, который (говоря безотносительно) былъ бы совершенно невозможенъ (по меньшей мѣрѣ въ теченіе 18 числа), если бы правый флангъ французовъ, еще болѣе продолженный, прочно упертъ былъ въ самую р. Орну.

Далѣе Базенъ жалуется, что приказанія его укрѣпить новыя позиціи далеко не были исполнены, причемъ нѣкоторые изъ его подчиненныхъ ссылались „на недостатокъ инструмента, другіе якобы считали укрѣпленія излишними". По этому случаю, между прочимъ, оказывается, что инженерныя войска и инженерный паркъ Капробера тоже остались въ Шалонѣ съ частью войскъ 6го корпуса, о чемъ сказано прежде.

Нѣмцы со своей стороны (конечно нѣсколько заинтересованные въ томъ, чтобы преувеличить встрѣченныя ими препятствія) упоминаютъ о крѣпленіяхъ по всѣмъ пунктамъ, которыя имъ пришлось аттаковать 18 августа. Однако нѣмецкое спеціально артиллерійское описаніе дѣла 18 числа признаетъ, что хорошо укрѣпленъ былъ только лѣвый флангъ французовъ и частью центръ [1]).

Командиръ 2го французскаго корпуса, генералъ Фроссаръ, упоминаетъ объ укрѣпленіи позиціи его корпуса, о пользованіи эполементами и мѣстностью для прикрытія войскъ, приписывая этимъ мѣрамъ незначительныя потери 2го корпуса въ бою 18 числа. Фроссаръ упоминаетъ тоже объ укрѣпленіяхъ въ 3емъ корпусѣ, Ле-Бефа [2]). Наконецъ Деррекаге говоритъ, что на самой опасной части общей позиціи, а именно у Сенъ-Прива, вырыто едва нѣсколько стрѣлковыхъ ровиковъ.

Позиція французовъ, длиною около двѣнадцати верстъ, занята была слѣдующимъ образомъ:

На лѣвомъ флангѣ 2ой корпусъ, Фроссара (2½ пѣхотныя дивизіи), упираясь въ р. Мозель, занималъ пункты Сенъ-Рюфинъ, Розерьель и Бельвю (Пуэнъ-дю-Журъ).

Правѣе его 3ій корпусъ, Ле-Бефа (четыре пѣхотныя дивизіи), опирался на фермы: Моску, Лейпцигъ, Ля-Фоли (Moscou, Leipzig, la Folie) и сильно занялъ лежащій впереди лѣсъ Жениво (Genivaux), далѣе

4ый корпусъ, Лямиро (три пѣхотныя дивизіи), у Монтини-ля-Гранжъ и Аманвильеръ (Amanvillers); наконецъ

---

[1]) „Нѣмецкая артиллерія въ битвахъ у Меца", т. 3, стр, 20—21.

[2]) Фроссаръ былъ собственно инженеромъ, а корпусъ его какъ разъ передъ войною былъ въ сборѣ въ Шалонѣ и быть можетъ лучше другихъ подготовленъ былъ въ этомъ отношеніи. Изъ сочиненія французскаго инженера „Три мѣсяца въ Мецской арміи", изд. 1871 г., стр. 88—90 (Trois mois à l'armée de Metz, par un officier du génie, deuxième édition, Bruxelles) видно, что въ 3-емъ французскомъ корпусѣ работы начаты были только въ день боя 18 числа.

6ой корпусъ, Канробера (3 1/4 дивизіи), у Сенъ-Прива и Ронкуръ.

Императорская гвардія расположена была позади, ближе лѣваго фланга, у форта Пляпевиль, гдѣ находилась главная квартира маршала Базена.

Подробное описаніе позиціи французовъ не входитъ въ предѣлы поставленной нами задачи. Довольно сказать, что склоны высотъ, на которыхъ стояли французы, представляли возможность отличнаго обстрѣла даже въ тѣхъ мѣстахъ, къ которымъ близко подходили лѣса; что господствовавшія надъ мѣстностью фермы и прочіе пункты съ каменными постройками и такими же оградами усиливали оборону. Мѣстность давала возможность скрыто расположить войска. Впрочемъ, оврагъ за фронтомъ лѣваго крыла не дозволялъ свободнаго движенія резервовъ, но оно усиливалось близъ лежащимъ сзади фортомъ Сенъ-Кентенъ (St. Quentin). Самою слабою точкою былъ правый флангъ французовъ, какъ подверженный охвату. Въ особенности (по свидѣтельству Деррекаге) слабъ былъ крайне правый пунктъ Канробера—Ронкуръ, не представлявшій самъ по себѣ прочной опоры; онъ легко могъ быть обойденъ благодаря близости деревень, группъ деревьевъ и закрытыхъ склоновъ мѣстности [1]).

Обѣ враждебныя арміи провели ночь съ 17 на 18 августа въ довольно странномъ обоюдномъ расположеніи; фланги ихъ,—правый нѣмецкій и лѣвый французскій,—такъ сказать, соприкасались, между тѣмъ какъ дальнѣйшія линіи фронтовъ расходились почти подъ прямымъ угломъ, причемъ фронтъ французовъ обращенъ былъ на западъ а нѣмцевъ — на сѣверъ.

Еще страннѣе то, что нѣмцы и не подозрѣвали близости французской арміи; они потеряли ее изъ виду еще наканунѣ, т. е. 17 числа. Послѣ того ни дневныя, ни ночныя развѣдки отнюдь не выяснили нѣмцамъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ, не смотря на то, что французы въ теченіе 17 числа, можно сказать, „обязательно“ убрали всю свою конницу за пѣхоту и совершенно очистили фронтъ своей позиціи. Наконецъ, надо припомнить, что самое передвиженіе французовъ на новую позицію, начатое 17го утромъ уже засвѣтло, совершилось въ виду и на глазахъ нѣмцевъ.

Но какъ бы то ни было, достаточно того, что къ утру 18 числа у нѣмцевъ не было свѣдѣній о непріятелѣ, а между тѣмъ

---

[1]) Эти и другія свѣдѣнія собственно о боѣ корпуса Канробера почерпнуты у Деррекаге, (La Guerre moderne) т. 2, стр. 94 - 120. Нѣкоторыя другія, скудныя впрочемъ свѣдѣнія о сраженіи 18 августа, взяты у Фроссара, стр. 102—116.

*

время уходило,—надо было дѣйствовать. Дѣйствовать же пока можно было только на основаніи общихъ соображеній, изложенныхъ въ распоряженіяхъ предыдущаго, 17 числа августа, видоизмѣняя ихъ по мѣрѣ разъясненія обстоятельствъ.

Въ день 18 августа, въ противоположность предыдущимъ сраженіямъ этой кампаніи, которыя разыграны были распоряженіями частныхъ начальниковъ (за отсутствіемъ, или позднимъ прибытіемъ старшихъ), состояла налицо главная королевская квартира и командиры двухъ армій, такъ что присутствіе начальства чувствовалось чуть ли не въ избыткѣ, выражаясь одновременными, иногда невполнѣ согласными распоряженіями, исходившими то отъ имени главнаго вождя, короля Вильгельма, то отъ непосредственнаго командира большинства наличныхъ силъ, принца Фридриха-Карла, то, наконецъ, и отъ Штейнмеца. Притомъ нельзя упускать изъ виду, что, благодаря отсутствію свѣдѣній о расположеніи и нахожденіи французовъ, отдаваемыя распоряженія не могли быть вполнѣ опредѣлительны, а напротивъ того, они должны были имѣть въ виду разныя эвентуальности. Такимъ образомъ, по мѣрѣ раскрытія дѣйствительной обстановки, впредь до полученія новыхъ приказаній, открывалось широкое поле для самостоятельнаго почина частныхъ начальниковъ.

Починъ частныхъ нѣмецкихъ начальниковъ въ день 18 августа заявилъ себя на дѣлѣ такъ же какъ и прежде, но въ размѣрахъ еще болѣе крупныхъ, причемъ рядомъ съ весьма цѣлесообразными дѣйствіями независимость эта выражалась и неумѣстною горячностью, стоившею нѣмцамъ многихъ напрасныхъ жертвъ. Тѣмъ не менѣе общими усиліями въ совершенствѣ исполнена главная мысль, руководившая нѣмецкими маневрами 18 числа: „непріятель сбитъ посредствомъ охвата праваго его фланга“.

Точно также, какъ и при предыдущихъ описаніяхъ сраженій, предпосылается здѣсь очеркъ боя 18 августа.

На крайнемъ правомъ нѣмецкомъ флангѣ стоялъ 7ой корпусъ, который, находясь въ прикосновеніи съ французами, держался съ утра строго-оборонительно, а такъ какъ французы не наступали, то въ началѣ тутъ было спокойно. Между тѣмъ началось и продолжалось наступленіе четырехъ нѣмецкихъ корпусовъ въ сѣверномъ направленіи, уступами съ лѣваго фланга, именно: саксонскаго, гвардейскаго, 9го и 8го; за ними во второй линіи шли 10ый и 3ій и подходилъ отъ Понтъ-а-Муссона 2ой.

Между тѣмъ для нѣмцевъ выяснилось, что французы стоятъ на позиціи лѣвымъ флангомъ у р. Мозеля, правый же ихъ флангъ предполагался у Аманвильеръ. Рѣшено было занять французовъ

право-фланговыми корпусами, 7ымъ, 8ымъ и 9ымъ съ фронта, и обойти гвардейскимъ правый ихъ флангъ.

Но обходъ гвардіи наткнулся прямо на фронтъ расположенія французовъ, болѣе длиннаго нежели ожидали нѣмцы.

Дѣйствовавшіе съ фронта три нѣмецкихъ корпуса, 8ой, 9ый и гвардейскій, всѣ зарвались въ бой слишкомъ поспѣшно и не имѣли полнаго успѣха, равно какъ и поздняя уже аттака 2го корпуса, поддержавшаго 8ой корпусъ. Только обходное движеніе саксонцевъ со взятіемъ Сенъ-Прива подъ конецъ дня рѣшило дѣло въ пользу нѣмцевъ.

Правый флангъ французовъ, корпусъ Канробера, былъ сбитъ, и французы ночью и частью утромъ 19 числа очистили и остальныя части своей позиціи отойдя къ Мецу.

Перехожу къ подробному въ размѣрѣ задачи описанію дѣйствій нѣмцевъ 18 числа, начиная съ 1ой нѣмецкой арміи.

Въ 1ой нѣмецкой арміи ночь прошла спокойно, не смотря на близость обѣихъ противныхъ сторонъ. Утромъ началась перестрѣлка и маловажныя стычки. Въ 6 часовъ утра 7ой корпусъ донесъ, что „непріятель въ общемъ стоитъ на вчерашней своей позиціи. У Пуэнъ-дю-Журъ и Сенъ-Юберъ (St. Hubert) сильная батарея и пѣхотныя массы. Французскій лагеръ у Моску—Лейпцигъ стоитъ по прежнему; тамъ большое оживленіе: барабанный бой, сигналы, музыка“.

Между тѣмъ 8ой корпусъ, въ 8 часовъ утра, донесъ, что „онъ началъ движеніе въ 6 часовъ утра и снаравливаясь съ 9ымъ корпусомъ, т. е. двигаясь черезъ Горзъ и Резонвиль, дошелъ авангардомъ до Вильеръ-о-Буа (Villers au Bois). Не имѣя никакихъ свѣдѣній слѣва и не слыша канонады, намѣренъ стянуть предварительно корпусъ у Резонвиля, чтобы по мѣрѣ надобности дѣйствовать направо или налѣво“ [1]).

Начальникъ штаба 1ой арміи, генералъ Шперлингъ, къ 10 часамъ отправился къ королю во Флявиньи и въ 11½ часовъ привезъ приказаніе: „не прежде аттаковать 1ою арміей пока 2ая армія не вступитъ лѣвѣе въ дѣло“.

Въ это время 2ая армія находилась уже въ полномъ движеніи. Тамъ рано утромъ получено было донесеніе отъ 9го корпуса, писанное въ 4½ часа утра; „Гравелётъ еще сегодня утромъ не занятъ французами“.

---

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны“, т. 1, стр. 681—682.

Принцъ Фридрихъ-Карлъ, во исполненіе диспозицій предыдущаго дня, къ 5 часамъ утра 18 числа прибылъ на бивуакъ саксонцевъ у Марсъ-ля-Туръ, изложилъ здѣсь свои воззрѣнія и передалъ приказанія командирамъ корпусовъ: 12го саксонскаго, наслѣдному принцу Саксонскому, прусскаго гвардейскаго, принцу Виртембергскому и 10го, генералу Фохтсъ-Рецу. Полчаса спустя принцъ подобнымъ же образомъ объяснился у Віонвиль съ командирами остальныхъ двухъ корпусовъ своей арміи, а именно съ генераломъ Альвенслебеномъ, 3го корпуса, и Манштейномъ—9го.

Изустныя приказанія командира 2ой нѣмецкой арміи состояли въ слѣдующемъ: [1])

„Сегодня 2ая армія продолжаетъ наступленіе. Задача ея, по прежнему, оттѣснить непріятеля отъ его пути отступленія Верденъ—Шалонъ и разбить его тамъ гдѣ онъ будетъ отысканъ“.

„12 саксонскій корпусъ наступитъ немедленно въ видѣ лѣво-фланговаго уступа; правѣе и позади его—гвардейскій корпусъ; правѣе и позади гвардейскаго—10ый корпусъ (въ 6 часовъ утра).

„12ый корпусъ беретъ направленіе на Жарни, гвардейскій—на Донкуръ; 9ый корпусъ, пройдя между Віонвиль и Резонвиль, наступаетъ, оставляя Сенъ-Марсель (St. Marcel) слѣва.

„Во второй линіи, держа направленіе на интервалы первой линіи, наступаютъ корпуса—правѣе 3^{ій} и лѣвѣе 10ый, причемъ третьему подчиняется 6ая кавалерійская дивизія, а десятому—5ая.

„Корпусная артиллерія 3го корпуса поступаетъ въ общій артиллерійскій резервъ арміи“.

„Правѣе 2ой арміи наступаютъ два корпуса 1ой арміи, а именно 8ой—правѣе и позади 9го корпуса, а 7ой—дальше, къ сторонѣ Меца“.

„Обозамъ оставаться тамъ гдѣ они находятся, а обозы 9го корпуса—между Віонвиль и Резонвиль, гдѣ есть вода“.

„Наступленіе произвести не въ длинныхъ маршевыхъ колоннахъ, но дивизіонными массами“ (въ резервномъ порядкѣ по дивизіямъ),—„корпусныя артиллеріи между дивизіями. Пока, нужно только подвинуться на столько, чтобы занять сѣверную дорогу на Верденъ. Отдыхъ послѣ полудня“.

Къ этому принцъ добавилъ еще, что армія должна наступать связно какъ одна цѣльная, громадная масса, постоянно готовая исполнить поворотъ „направо“, или „налѣво“, смотря по тому гдѣ окажется непріятель.

---

[1]) „Исторія 2-ой арміи“, стр. 120.

Принцъ Фридрихъ-Карлъ слѣдовалъ первоначально при 3мъ корпусѣ.

При исполненіи этихъ приказаній приходилось скрестить у Марсъ-ля-Тура пути наступленія корпусовъ саксонскаго и гвардейскаго, такъ какъ послѣдній, предполагавшійся на ночлегѣ у Марсъ-ля-Тура, правѣе саксонцевъ, въ дѣйствительности очутился лѣвѣе ихъ, у Анонвиль, вслѣдствіе двойственныхъ приказаній, полученныхъ корпусомъ отъ принца Фридриха-Карла и изъ главной королевской квартиры. Но начальство 2ой арміи считало нужнымъ возложить предвидѣнныя на крайнемъ флангѣ, болѣе самостоятельныя задачи именно на саксонцевъ. При этомъ расчитывали, что послѣдніе во-время успѣютъ очистить путь для гвардейскаго корпуса [1]).

О распоряженіяхъ этихъ донесено въ главную королевскую квартиру.

Здѣсь приходится замѣтить, что предположеніе принца Фридриха-Карла, чтобы войска двинулись массами, а не путевыми колоннами, по условіямъ мѣстности могло быть исполнено только отчасти.

Всѣ эти соображенія принца Фридриха-Карла (какъ признаетъ оффиціальная исторія 2ой нѣмецкой арміи) основывались на сбивчивыхъ донесеніяхъ предыдущаго дня, и принцъ все еще предполагалъ, что французы поспѣшно уходятъ къ р. Мезѣ, и что найти ихъ можно развѣ передъ фронтомъ или передъ лѣвымъ флангомъ нѣмецкой наступающей арміи [2]).

Такимъ образомъ вполнѣ констатировано, что ночные разъѣзды со стороны нѣмцевъ никакихъ обстоятельныхъ свѣдѣній не доставили. Впрочемъ и безъ того съ разсвѣтомъ съ высотъ Флявиньи можно было разсмотрѣть въ подзорныя трубы, что французовъ не видно до окрестностей Сенъ-Марсель—Донкуръ.

Первоначальное донесеніе съ праваго фланга, то есть съ аванпостовъ, выставленныхъ противъ Гравелёта, по мнѣнію принца подтверждало предположеніе объ общемъ отступленіи французовъ на сѣверо-западъ; въ немъ значилось:

„Я былъ, примѣрно, въ разстояніи 400 шаговъ отъ непріятельскаго лагеря; мѣръ предосторожности имъ не принято; сила 6—8 дивизій пѣхоты. Артиллерія, насколько видно, уже отъѣхала; конница 1—2 полка въ бѣлыхъ мундирахъ. Цѣлое дѣлаетъ впечатленіе поспѣшнаго отступленія къ Мецу; теперь восточнѣе Гравелёта стоитъ еще 6—8 тысячъ пѣхоты“.

---

[1]) „Оффиціальная прусская исторія“, т. 1, стр. 683.
[2]) См. стр. 120—122.

„18 августа, 4 часа 50 минутъ утра“.

Кромѣ того и отъ 18ой дивизіи послѣдовало донесеніе:

„1. Гравелётъ и сегодня утромъ оказался не занятымъ“.

„2. Въ лагерѣ генералмаршъ, по донесенію драгунскаго пикета, который утверждаетъ будто замѣтилъ движеніе непріятеля на сѣверо-западъ“.

„3. Въ лѣсу, сѣвернѣе Резонвиль, непріятельскіе патрули, о коихъ доносятъ двѣ роты расположенныя въ Резонвилѣ“.

„18 августа 1870 года утромъ, 5¾ часа“.

Эти свѣдѣнія укрѣпили начальство 2ой арміи въ предвзятомъ имъ мнѣніи, что главныя силы французовъ отошли по направленію къ р. Мезѣ и что видѣнные восточнѣе Гравелёта непріятельскія войска тоже скоро изчезнуть. Очень интересно, что начальство 2ой арміи, вопреки очевидности донесенія, въ коемъ говорились—„6—8 дивизій“, желало видѣть въ нихъ только „дивизіоны“ т. е. „полубаталіоны“ [1]). Вотъ до чего можетъ довести упорно предвзятое мнѣніе.

Но между тѣмъ въ главной королевской квартирѣ взяло верхъ мнѣніе противоположное, а именно, что „главныя силы французовъ отошли къ Мецу, на позицію, правый флангъ коей надо искать, примѣрно, у Аманвильеръ“. При такой обстановкѣ казалось уже несоотвѣтственнымъ двигаться лѣвымъ флангомъ впередъ столь далеко какъ предполагалось первоначально. Съ цѣлью ознакомленія начальства 2ой арміи съ этими взглядами королевской главной квартиры отправленъ подполковникъ Верди; послѣдній доложилъ принцу Фридриху-Карлу, что „если сѣверный путь на Верденъ свободенъ отъ непріятеля, то не надо направлять корпуса гвардейскій и 12ый саксонскій влѣво. Если подтвердится воззрѣніе главной королевской квартиры“ (что французы находятся на позиціи между р. Мозель и Аманвильеръ), „то 1ая армія будетъ аттаковать непріятеля во фронтъ, 9ый корпусъ долженъ обойти правый флангъ, а гвардія составитъ резервъ. Остальнымъ корпусамъ пока пріостановиться“ [2]).

---

[1]) На нѣмецкомъ языкѣ дивизія и дивизіонъ (какъ называли прежде полубаталіонъ) однозвучны. Исторія 2-ой арміи говоритъ (слѣдуя, надо полагать, предвзятой мысли командира 2-ой арміи): „видно, что тутъ надо подразумѣвать полубаталіоны“; но писавшій едва ли понималъ выраженіе въ этомъ именно смыслѣ. Не лишне добавить, что выраженіе „дивизіонъ“ вмѣсто „полубаталіонъ“ ни въ оффиціальной прусской исторіи войны, ни въ спеціальной исторіи 2-ой арміи нигдѣ не встрѣчается; напротивъ того, неоднократно говорится просто о „полубаталіонахъ“. Самый конецъ донесенія, въ коемъ говорится, что „восточнѣе Гравелёта стоитъ еще 6—7 тысячъ пѣхоты“, ясно показывалъ, что имѣлись въ виду массы войскъ, а не дробныя ихъ дѣленія.

[2]) „Оффиціальная прусская исторія“, т. 1, стр. 686. „Исторія 2-ой арміи“, стр. 125—126.

Принцъ Фридрихъ-Карлъ и безъ того желалъ дать отдыхъ войскамъ и разослалъ уже соотвѣтственныя приказанія; теперь пришлось дополнить ихъ распоряженіями относительно 9го корпуса, которому послано слѣдующее приказаніе:

„Віонвиль, 8 часовъ 35 минутъ утра 18 августа 1870 года".

„Когда главныя силы пѣхоты корпуса дойдутъ до Кольръ-Фермъ" (Caulre Ferme) „сѣверо-восточнѣе Сенъ-Марсель, то имъ дать отдыхъ и посылать разъѣзды на Лейпцигъ, Сенъ-Прива-ля-Монтань и для связи съ гвардейскимъ корпусомъ, который будетъ имѣть остановку въ Донкурѣ. Донесенія направленной на западъ [1]) кавалеріи должны быть доставляемы мнѣ и непосредственно генералу Мольтке".

подписалъ „Фридрихъ-Карлъ".

Далѣе разосланы приказанія: гвардіи остановиться въ Донкуръ, а у Жарни—12му корпусу (который впрочемъ самъ уже тамъ остановился, о чемъ и донесъ); 10му остановиться у Віонвиль, когда онъ туда дойдетъ; 3й же корпусъ пока двигаться еще не начиналъ.

Обо всемъ этомъ донесено королю.

Впрочемъ принцъ, не смотря на докладъ Верди, оставался при своемъ мнѣніи, что, по меньшей мѣрѣ, бо́льшая часть французской арміи отходитъ къ р. Мезѣ. Въ этомъ онъ былъ утвержденъ совершенно ложнымъ донесеніемъ конницы саксонскаго корпуса, которая въ 8 часовъ 50 минутъ утра доносила изъ Лябри (Labry, сѣвернѣе Жарни):

„Западнѣе Валлеруа" (Volleroy) „кажется непріятельская артиллерія на позиціи, а равно—колонны западнѣе Валлеруа, а также—колонны сѣвернѣе Донкуръ".

Хотя вслѣдъ затѣмъ саксонскій корпусъ донесъ, что вышеизложенное свѣдѣніе „ложно" и что Валлеруа непріятелемъ не занято, но тѣмъ не менѣе принцъ Фридрихъ-Карлъ не покидалъ предвзятой своей мысли, предполагая, что замѣченные прежде саксонцами французы могли потомъ уйти [2]).

Весьма замѣчательно то, что принцъ въ приведенномъ выше приказаніи своемъ, переданномъ 9му корпусу, не сдѣлалъ даже малѣйшаго намека на то, что непріятель быть можетъ находится „на позиціи на флангѣ наступленія" этого корпуса, о чемъ передавалъ принцу подполковникъ Верди. Упущеніе это, рядомъ съ довольно небрежнымъ освѣщеніемъ праваго фланга 9го корпуса [3]),

---

[1]) Тутъ очевидно долженъ быть „востокъ", а не западъ. „Исторія 2-ой арміи", стр. 125—126.

[2]) „Исторія 2-ой арміи", стр. 127.

[3]) Корпусъ этотъ доносилъ изъ Кольръ-Фермъ, что разъѣзды его, направленные на сѣверъ и сѣверо-востокъ, нигдѣ непріятеля не отыскали, а между тѣмъ французы въ то время стояли на позиціи верстъ 5 отъ Кольръ-Фермъ, куда стянулся 9-й корпусъ.

было одною изъ причинъ тому, что послѣдующее затѣмъ приказаніе принца, данное корпусу „наступать на востокъ“ застало его совершенно врасплохъ при варкѣ пищи и другихъ хозяйственныхъ работахъ, вызвавшихъ отлучку многихъ людей.

Всѣ эти подробности приводятся для того именно, чтобы показать какого рода неопредѣленныя отношенія, разногласія и недоумѣнія выказываются на войнѣ, веденной большими масссами, на большихъ пространствахъ и при невозможности давать свыше положительныя въ каждый данный моментъ приказанія.

Очевидно, что въ описываемомъ случаѣ предположенія Мольтке были гораздо ближе къ истинѣ нежели убѣжденія принца Фридриха-Карла; но для послѣдняго доводы Мольтке не были достаточно доказательны, и принцъ всякую минуту могъ на дѣлѣ раскрыть обстановку, совершенно противоположную воззрѣніямъ генерала Мольтке.

Коренное различіе между воззрѣніями Мольтке и принца Фридриха-Карла замѣчается съ 15 числа августа. Принцъ, все считая, что французы „должны“ поскорѣе отойти къ р. Мезѣ, былъ убѣжденъ, что они отошли или отходятъ въ дѣйствительности; Мольтке съ своей стороны ближе былъ къ дѣйствительности, руководясь разными признаками, а можетъ быть и ведомый безотчетнымъ чувствомъ, которымъ истинные стратеги по немногимъ, даже неяснымъ примѣтамъ угадываютъ или вѣрнѣе „провидятъ истину“. Но на основаніи подобнаго чувства можно только „приказывать“, убѣждать же невозможно. Приказать Мольтке (конечно именемъ короля) не рѣшался; да и едва ли онъ могъ дать категорическое приказаніе при далеко не выяснившихся обстоятельствахъ и при установившихся въ нѣмецкой арміи отношеніяхъ въ дѣлѣ, касающемся все таки подробностей дѣйствій 2ой арміи, какъ бы важны впрочемъ въ данномъ случаѣ ни были эти именно подробности. Тутъ требовалось полное фактическое убѣжденіе, котораго не имѣлъ и самъ Мольтке.

Уже въ 9½ часовъ утра Мольтке сообщалъ съ высотъ Флявиньи въ штабъ 2ой арміи какъ будто, отчасти, въ отмѣну прежде высказаннаго:

„На правомъ флангѣ 7го корпуса незначительная ружейная перестрѣлка. Войска видимыя на высотѣ къ сторонѣ Меца, кажется, двигаются на сѣверъ, слѣдовательно на Бріей. Нѣтъ данныхъ, чтобы 1ая армія нуждалась въ бо́льшей поддержкѣ какъ 3мъ корпусомъ со стороны Віонвиль или Сенъ-Марсель“ [1]).

---

[1]) „Исторія 2-й арміи“, стр. 128.

Тѣмъ не менѣе, главная королевская квартира,—основываясь на донесеніяхъ, полученныхъ отъ особаго офицера генеральнаго штаба, посланнаго въ штабъ 1ой арміи для личныхъ наблюденій и сбора свѣдѣній, а также на докладѣ начальника штаба 1ой арміи, генерала Шперлинга, прибывшаго за приказаніями въ 10 часовъ утра,—утверждалась опять въ начальныхъ своихъ (частью поколебленныхъ потомъ) воззрѣніяхъ. На основаніи всего этого въ 10½ часовъ утра посланы во 2ую армію новые директивы слѣдующаго содержанія:

„По полученнымъ свѣдѣніямъ можно предположить, что непріятель желаетъ держаться между Пуэнъ-дю-Журъ и Монтиньиля-Гранжъ. Четыре французскихъ баталіона вступили въ лѣсъ Жениво. Его Величество полагаетъ, что будетъ соотвѣтственнымъ двинуть 12ый и гвардейскій корпуса по направленію на Батильи (Batilly), чтобы, въ случаѣ если непріятель уходитъ на Бріей, захватить его у Сентъ-Мари-о-Шенъ, а если онъ останется на высотахъ, то аттаковать его отъ Аманвильеръ. Аттака должна быть одновременна: 1ою арміею—отъ лѣса Во и Гравелёта, 9мъ корпусомъ—на лѣсъ Жениво и Верневиль, а лѣвымъ крыломъ, 2ой арміи,—съ сѣвера“.

Относительно 1ой арміи было приказано, чтобы она „аттаковала тогда только когда 2ая армія подвинется болѣе впередъ и будетъ готова къ дѣйствію“. Съ этимъ приказаніемъ въ 11 часовъ отправился къ Штейнмецу начальникъ штаба 1ой арміи, генералъ Шперлингъ [1]).

Около того же времени положеніе дѣлъ начало измѣняться и въ глазахъ начальства 2ой арміи; оно убѣдилось въ присутствіи значительныхъ силъ французовъ на правомъ флангѣ наступленія нѣмцевъ. Предполагалось однако, что фронтъ французовъ тянется только до ля-Фоли. На основаніи этого въ 11 часовъ утра, то есть ранѣе полученія приведенныхъ выше директивовъ, отданы принцемъ Фридрихомъ-Карломъ слѣдующія приказанія, подписанныя самимъ принцемъ.

„Въ 9ый корпусъ (10 часовъ утра)“.

„Корпусу подняться и подвинуться по направленію черезъ Верневиль на ля-Фоли. Если правый непріятельскій флангъ тамъ, то дѣло начать, развернувъ пока сильную артиллерію“.

„Въ гвардейскій корпусъ (въ 10½ часовъ утра)“.

„Гвардейскій корпусъ продолжаетъ движеніе черезъ Донкуръ до Верневиль, гдѣ располагается для поддержки 9го корпуса, который

---

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны“, т. 1, стр. 692.

наступаетъ къ ля-Фоли, на правый флангъ непріятеля. Желательно освѣщеніе влѣво черезъ Аманвильеръ и Сенъ-Прива-ля-Монтань и скорыя донесенія".

Саксонскому корпусу сообщено объ этихъ распоряженіяхъ и приказано ему „пока оставаться у Жарни", такъ какъ за тѣснотою пространства не предвидѣлось надобности употребить корпусъ этотъ по направленію ля-Фоли, а желательно было имѣть его подъ рукою, для возможнаго еще движенія въ сѣверномъ или сѣверозападномъ направленіи [1]).

Вообще наступленіе корпусовъ 2ой арміи, частью задержанное у Марсъ-ля-Туръ, черезъ который гвардейскому корпусу приходилось дефилировать позади саксонскаго, не подвигалось такъ быстро, какъ предполагалось первоначально, и къ 10 часамъ утра они находились: въ первой линіи:

12ый саксонскій корпусъ — у Жарни;

Гвардейскій корпусъ — въ движеніи на Донкуръ;

9ый корпусъ — у Кольръ-Фермъ, съ аванпостами лицемъ на Верневиль;

8ой корпусъ — у Гравелётъ;

7ой корпусъ — на позиціи, въ лѣсу Во. А во второй линіи:

10ый корпусъ — у Марсъ-ля-Туръ — Тронвиль;

3ій корпусъ и 6ая кавалерійская дивизія — у Віонвиля;

2ой корпусъ — въ движеніи отъ Понтъ-а-Муссонъ къ Бюксіэ.

Такимъ образомъ, въ общемъ, въ то время уже на дѣлѣ достаточно выказалось наступленіе нѣмецкой арміи уступами съ лѣваго фланга. Линія Марсъ-ля-Туръ — Гравелётъ, отъ которой началось наступленіе, имѣетъ длины верстъ 10; а передній эшелонъ — 12ый корпусъ отошелъ теперь отъ нея верстъ 5—6.

Уже послѣ отдачи поименованныхъ приказаній, принцъ Фридрихъ-Карлъ получилъ указанное выше приказаніе короля, коимъ опредѣленъ порядокъ аттаки французской позиціи. Изъ сравненія этихъ распоряженій видно, во первыхъ, что Мольтке предполагалъ правый флангъ французовъ у Монтиньи-ля-Гранжъ, а не двѣ версты южнѣе — у Лейпцигъ, какъ думалъ принцъ, давая 9му корпусу направленіе на ля-Фоли, которое лежитъ посреди поименованныхъ двухъ пунктовъ. Кромѣ того Мольтке предназначалъ корпусамъ саксонскому и гвардейскому направленіе на Батильи, т. е. значительно сѣвернѣе, между тѣмъ какъ принцъ распорядился уже движеніемъ гвардіи къ Верневилю.

---

[1]) Эти распоряженія въ „Исторіи 2-ой арміи", стр. 130—132.

Хотя въ то время принцъ Фридрихъ-Карлъ имѣлъ донесеніе о томъ, что французы стоятъ даже у Сенъ-Прива-ля-Монтань, т. е. гораздо сѣвернѣе ля-Фоли, но такъ какъ въ свѣдѣніи этомъ не упоминалось въ какихъ силахъ тамъ французы, то принцъ не довѣрялъ ему и не считалъ нужнымъ измѣнять приказаніе, данное гвардіи „идти къ Верневилю". Въ 11½ часовъ утра онъ дополнилъ прежнія свои распоряженія только слѣдующимъ:

„12^му^ корпусу приказывается идти на Сентъ-Мари-о-Шенъ; кавалеріею розыскивать черезъ Конфлянъ и по направленію на Бріей и по возможности достичь кавалеріею долины Мозеля, чтобы прервать телеграфъ и рельсовый путь на Тіонвиль".

„7ой, 8ой, 9ый и грардейскій корпуса часа черезъ два аттакуютъ непріятеля, который стоитъ на позиціи на высотахъ Лейпцигъ до лѣса Во, тыломъ къ Мецу".

„Во второй линіи для поддержки слѣдуютъ корпуса 3^ій^, 10ый и 2ой".

Гвардейскому корпусу сообщено:

„Непріятелъ, кажется, стоитъ на боевой позиціи на хребтообразной высотѣ, отъ лѣса Во черезъ Лейпцигъ. Гвардейскому корпусу ускорить движеніе черезъ Верневиль до Аманвильеръ и оттуда произвести серіозное охватывающее наступленіе противъ непріятельскаго праваго фланга".

„Одновременно 9ый корпусъ переходитъ въ наступленіе на ля-Фоли".

„Гвардейскій корпусъ можетъ идти и черезъ Абонвиль (Habonville, сѣвернѣе Верневиль)."

„12ый корпусъ идетъ на Сентъ-Мари."

9^му^ корпусу писано:

„Гвардейскому корпусу приказано идти черезъ Верневиль на Аманвильеръ, чтобы оттуда эвентуально аттаковать непріятельскій правый флангъ. Если фронтъ непріятеля передъ 9^ымъ^ корпусомъ протягивается далѣе къ сѣверу, то серіозное дѣло откладывать до тѣхъ поръ пока гвардейскій корпусъ аттакуетъ отъ Аманвильеръ. Войска вѣроятно будутъ еще имѣть время сварить кофе".

Соотвѣтственныя приказанія посланы около полудня и корпусамъ 3^ему^ и 10^ому^, въ коихъ сообщалось имъ объ аттакѣ и указывались мѣста сбора для 3го — Верневиль, а для 10го — Сентъ-Эль (St. Ail, сѣвернѣе Верневиль, недалеко отъ Сентъ-Мари-о-Шенъ). Наконецъ, 2^му^ корпусу послано приказаніе:

„2^му^ корпусу отъ Бюксіэ идти на Резонвиль, чтобы служить резервомъ для праваго крыла".

„Времени для варки достаточно, особой спѣшности въ достиженіи Резонвиля нѣтъ. Саксонская кавалерія прикрываетъ со стороны Вердена“.

Пока послѣднія распоряженія принца Фридриха-Карла, данныя имъ въ 12омъ часу, достигли своего назначенія, 9ый корпусъ, вслѣдствіе прежняго приказанія, разосланнаго еще въ 10 часовъ утра, затѣялъ дѣло, которое весьма вѣско и неблагопріятно для нѣмцевъ отразилось на всемъ ходѣ сраженія.

Въ помянутомъ приказаніи принца ясно опредѣлено было, что 9му корпусу, „если лѣвый флангъ непріятеля находится у ля-Фоли, начать дѣло, развернувъ пока сильную артиллерію“. Начальство 9го корпуса не позаботилось, видимо, о своевременной надлежащей развѣдкѣ къ сторонѣ непріятеля и вовсе не опредѣлило протяженія его фронта; теперь же, вмѣсто того, чтобы прежде всего исправить это упущеніе, а пока дѣйствовать съ должною осмотрительностью и осторожностью, оно, наоборотъ, выказало только торопливость и опрометчивость.

Обѣимъ дивизіямъ 9го корпуса приказано прервать варку пищи и „немедленно наступать“; причемъ правѣе Верневиля направлена колонна изъ 18ой пѣхотной дивизіи и лѣвѣе — 25ая; командиру авангарда, генералу Блюменталю, приказано „занять ля-Фоли и лѣсъ лежащій передъ этимъ пунктомъ“, то есть прямо часть французской позиціи.

Самъ командиръ корпуса, генералъ Манштейнъ, выѣхавъ на высоту сѣвернѣе Верневиля, увидѣлъ за ложбиною ручья Мансъ большой французскій лагерь, па высотахъ ля-Гранжъ и Аманвильеръ. Манштейнъ вздумалъ воспользоваться кажущейся ему „безпечностью“ французовъ и безотлагательно начать рѣшительную аттаку, хотя правый флангъ французовъ простирался, видимо, много далѣе ля-Фоли. Въ исполненіе этого приказано начальнику артиллеріи корпуса, генералу Путкамеру, повести артиллерію 18ой дивизіи и корпусную немедленно рысью на высоту къ сѣверо-востоку отъ Верневиля, на дѣйствительный выстрѣлъ къ непріятельскому лагерю и съ полною энергіею подготовить дѣло. Для прикрытія слѣва даны пока два эскадрона драгунъ и затѣмъ для этой же цѣли преполагалось двинуть и пѣхоту.

Подобное сразу энергическое дѣйствіе вовсе не входило въ общій планъ наступленія командира арміи, тѣмъ болѣе, что правый флангъ противника оказался теперь протянутымъ много дальше, нежели прежде предполагалось; притомъ наступленіе 9го корпуса

отнюдь не было подготовлено. Предварительной рекогносцировки мѣстности вовсе, повидимому, сдѣлано не было. Наконецъ, артиллерійская прислуга 9го корпуса во время отдыха у Кольръ-Фермъ разослана была для добывки дровъ и воды; лошадей повели на водопой и т. п. Отправляясь теперь поспѣшно въ дѣло, пришлось наскоро комплектовать орудійную прислугу изъ резерва; батареи начинали движеніе порознь, каждая по мѣрѣ своей готовности.

Наконецъ десять батарей 9го корпуса, примѣняясь къ мѣстности, заняли указанную общую позицію въ видѣ уступовъ лѣвымъ флангомъ значительно впередъ, на линіи возвышенности, тянувшейся къ сторонѣ французовъ; лѣвѣе этой высоты находились перелѣски, еще не занятые нѣмцами. Въ 11 3/4 часа дня раздался первый выстрѣлъ прибывшаго ранѣе на позицію задняго эшелона. Нѣмецкія батареи, дѣйствовавшія вначалѣ по французской дивизіи Монтодона, а потомъ и по — Сиссэ, сразу подверглись сильному огню французскихъ орудій, картечницъ и пѣхотному, не только съ фронта и фланга, но даже въ тылъ,—и несли громадныя потери. Оба эскадрона прикрытія ихъ лѣваго фланга, представлявшіе отличную мишень выстрѣламъ французовъ, отведены назадъ.

Скоро бывшая въ переднемъ эшелонѣ нѣмецкая батарея потеряла 3/4 людей и всѣхъ лошадей (кромѣ восьми) преимущественно отъ огня франузскихъ картечницъ, дѣйствовавшихъ съ разстоянія 900 шаговъ; вдобавокъ на батарею эту бросается скрытый до того по близости французскій стрѣлковый баталіонъ. Одно орудіе успѣло еще уйти послѣднимъ усиліемъ трехъ раненыхъ лошадей, другое ускакало на четверкѣ къ лѣсу, недоходя коего лошади пали разстрѣлянныя пулями французскихъ стрѣлковъ, которые теперь обратили огонь на слѣдующую нѣмецкую батарею (конную). Батарея эта, отбиваясь картечью, несетъ страшныя потери и вынуждена поспѣшно отойти назадъ, бросивъ одинъ зарядный ящикъ. Прибывшая къ тому времени нѣмецкая пѣхота прикрываетъ теперь общее отступленіе остальныхъ нѣмецкихъ батарей, причемъ отъ назойливо преслѣдующихъ французомъ приходилось отбиваться картечью съ разстоянія даже 400 шаговъ.

Такъ какъ выѣздъ нѣмецкой артиллеріи не былъ комбинированъ со своевременнымъ наступленіемъ пѣхоты, то послѣдняя, прибывая на мѣсто по частямъ, какъ будто случайно, не могла уже предотвратить пораженія своей артиллеріи, не смотря на примѣрное свое самоотверженіе; такъ напр. фюзелерный баталіонъ 84го полка, поспѣшая на выручку батареи Вернера, въ 20 минутъ потерялъ болѣе половины своего состава.

Прусская артиллерія, снимаясь постепенно, начиная съ переднихъ уступовъ, отходила за лѣсъ Де-ля-Кюсъ (bois de la Cusse), для возстановленія; только три батареи заднихъ уступовъ, поддержанныя теперь пѣхотою, остались на позиціи.

Потери нѣмецкой артиллеріи были большія; многія орудія уходили только на раненыхъ лошадяхъ, иныя пришлось увозить на лошадяхъ заднихъ эшелоновъ зарядныхъ ящиковъ; многіе ящики брошены. Значительно бо́льшая часть потерь артиллеріи 9го корпуса въ день 18 августа относится къ этому періоду сраженія, въ которомъ, между прочимъ, одна упомянутая выше конная батарея потеряла 102 лошади, изъ коихъ только шесть впослѣдствіи вылечены.

Такъ около 2½ часовъ пополудни кончилось „внезапное нападеніе" артиллеріи 9го корпуса на „безпечныхъ" французовъ [1]).

Во время описанныхъ дѣйствій артиллеріи, войска дивизіи Врангеля, держась вообще правѣе, заняли съ-боя передовые пункты французской позиціи, ферму Шантренъ (Chantrenne, къ юго-востоку отъ Верневиль), за ручьемъ Мансъ, въ долинѣ послѣдняго, у сѣверной оконечности лѣса Жениво; а также — Шампенуа (Champenois), передъ фронтомъ помянутой прежде артиллерійской позиціи 9го корпуса. Далѣе подошли два баталіона, которые расположились правѣе той же позиціи. Между тѣмъ 25ая гессенская дивизія 9го корпуса потянулась черезъ Ану-ля-Гранжъ (Anoux la Grange) лѣвѣе дивизіи Врангеля, отрядивъ конную гессенскую бригаду къ Абонвиль, для прикрытія фланга; сама она собралась въ резервный порядокъ у западной оконечности перелѣсковъ ля-Кюсъ, съ намѣреніемъ выждать прибытія гвардіи, чтобы совмѣстно съ нею черезъ Аманвильеръ дѣйствовать во флангъ французамъ.

Но уже на высотѣ Ану-ля-Гранжъ гессенцы подверглись сильному артиллерійскому огню французовъ съ фронта, съ позиціи у Аманвильеръ и съ фланга — отъ Сенъ-Прива. Ждать было уже нечего, и гессенская артиллерія выѣхала на позицію. Скоро она выстроилась восточнѣе Абонвиль, по обѣ стороны выемки строившейся тогда желѣзной дороги, а пѣхота ея заняла важные перелѣски ля-Кюсъ, которые тянулись по направленію къ Аманвильеръ, облегчая подступы къ этому пункту и служа опорою лѣвому флангу 9го корпуса. Упомянутые довольно рѣдкіе перелѣски гессенцы держали стойко подъ сильнѣйшимъ огнемъ французовъ, и противъ контръ-аттакѣ послѣднихъ до прибытія гвардіи; о чемъ будетъ сказано ниже.

---

[1]) Подробности дѣйствія артиллеріи 9-го корпуса взяты изъ сочиненія „Нѣмецкая артиллерія въ бояхъ у Меца", ч. 3, стр. 32—39.

Вообще 9ый корпусъ, направившись съ фронта на самый центръ расположенія французовъ, до конца дня не имѣлъ уже никакихъ болѣе успѣховъ, и только впослѣдствіи, благодаря поддержкѣ артиллеріею 3го корпуса (около 4 часовъ пополудни), усилившею и замѣнившею разстроенныя батареи 9го корпуса, возстановилъ въ окрестности Шампенуа свою центральную большую артиллерійскую линію въ числѣ 12 батарей [1]).

Предполагавшееся и частью уже начатое подъ вечеръ наступленіе войскъ 3го корпуса для поддержки аттаки войскъ 9го корпуса на ля-Фоли не состоялось, потому что войска 3го корпуса отвлечены были въ сторону, къ лѣсу Жениво, подъ вліяніемъ контръаттаки французовъ. За то части лѣваго крыла 9го корпуса, поддержанныя 3ею гвардейскою бригадой, поздно вечеромъ произвели (при чувствительномъ уронѣ) аттаку до самаго Аманвильеръ въ то время, когда французы корпуса Ле-Бефа уже очистили этотъ пунктъ, вслѣдствіе отступленія корпуса Канробера.

Преждевременно затѣянный 9ымъ корпусомъ бой оказалъ вѣское вліяніе на дѣйствія сосѣдняго 8го корпуса 1ой арміи, бывшаго въ окрестности Гравелёта, правѣе 9го корпуса. Лѣвѣе-же послѣдняго нѣмцы пока не пришли еще въ прикосновеніе съ французами.

Обращаюсь къ дѣйствіямъ 1ой нѣмецкой арміи.

Выше было сказано, что по увѣренію оффиціальной прусской исторіи войны начальникъ штаба 1ой арміи, прибывшій къ королю на высоты Флявиньи, отпущенъ былъ оттуда обратно въ 11½ часовъ съ приказаніемъ, чтобы 1ая армія аттаковала „тогда только, когда 2ая армія подвинется болѣе впередъ и будетъ готова къ дѣйствію“. Это частное приказаніе было сообразовано съ общимъ, извѣстнымъ генералу Шперлингу распоряженіемъ по 2ой арміи, по коему 9ый корпусъ долженъ былъ аттаковать по направленію на Верневиль и лѣсъ Жениво, а корпуса гвардейскій и саксонскій— дѣйствовать еще лѣвѣе для прегражденія французамъ пути на Бріей, или для эвентуальнаго охвата и аттаки праваго фланга французовъ, съ тѣмъ чтобы всѣ эти аттаки были одновременны.

Между тѣмъ изъ оффиціальной исторіи 1ой арміи [2]) видно, что поименованное выше приказаніе передано было командиру 8го корпуса, генералу Гебену, въ томъ видѣ, „чтобы корпусъ перешелъ въ наступленіе отъ Гравелёта, по обѣ стороны шоссе, на позиціи

---

[1]) Сильно пострадавшія въ бою 16 августа батареи 3-го корпуса, не смотря на укомплектованіе лошадьми изъ своихъ резервовъ и даже взятыми просто у жителей, имѣли частью только по четыре лошади въ запряжкѣ на орудіе.

[2]) Стр. 116.

лежащія восточнѣе этого пункта, какъ только 9ый корпусъ, направленный на Верневиль, вступитъ въ дѣло".

Не трудно замѣтить, что переданное Гебену приказаніе не соотвѣтствовало полученному командиромъ 1ой арміи (если вѣрить обѣимъ исторіямъ). По первоначальному приказанію 1ая армія (то есть въ данномъ случаѣ 8ой корпусъ) должна перейти въ наступленіе когда 2ая армія „подвинется далѣе впередъ и будетъ готова къ дѣйствію". Тутъ, слѣдовательно, говорилось о всей 2ой арміи, или, по меньшей мѣрѣ, о всей первой ея линіи, а между тѣмъ Гебену передано, чтобы онъ перешелъ въ наступленіе какъ только ближайшій корпусъ 2ой арміи, то есть 9ый, „вступитъ въ дѣло".

При исполненіи же Гебенъ еще болѣе упростилъ задачу; онъ отдалъ приказаніе къ аттакѣ, предшествуемой огнемъ всей почти его артиллеріи, какъ только около полудня „послышалась" пушечная и ружейная пальба со стороны Верневиля. Къ тому же времени, по личному приказанію генерала Штейнмеца, къ батареямъ Гебена присоединилась артиллерія дивизіи Камеке, 7го корпуса.

Между тѣмъ въ главной королевской квартирѣ, видимо теперь только, то есть при громѣ орудій 9го корпуса, поняли, что данныя 1ой арміи указанія все таки не вполнѣ ясны, почему Мольтке въ 12 часовъ дня съ высотъ Флянвиля писалъ Штейнмецу [1]):

„Слышимый теперь бой передъ Верневилемъ только частный и не обусловливаетъ общей аттаки 1ой арміи. Сильныхъ массъ войскъ показывать не надо, эвентуально только артиллерію для подготовки позднѣйшей аттаки".

Приказаніе это конечно уже запоздало, и войска Гебена, при громѣ болѣе ста дѣйствовавшихъ тутъ нѣмецкихъ орудій, двинулись на позиціи французовъ. Гебенъ не считалъ возможнымъ задержать ихъ; онъ полагалъ, что лучше главной королевской квартиры знаетъ настоящее положеніе дѣлъ. Къ тому времени ему было уже извѣстно, что 9ый корпусъ вступилъ въ серіозное дѣло, и потому Гебенъ не хотѣлъ оставить его безъ косвенной хотя бы поддержки. Генералъ Штейнмецъ согласился съ этимъ воззрѣніемъ — и только 7ой корпусъ пока еще былъ удержанъ [2]).

Наступавшій нѣмецкій 8ой корпусъ ввязался въ бой съ французами, занимавшими передовую позицію въ лѣсу Жениво еще по сю сторону ручья Мансъ, за которымъ возвышалась главная позиція французовъ. Послѣ упорнаго боя лѣсъ былъ занятъ пруссаками. Черезъ этотъ лѣсъ 8ой корпусъ вошелъ въ связь съ 9ымъ, который къ тому времени занималъ ферму Шантренъ, по сѣверной

---

[1]) „Исторія 1-ой арміи" стр. 116.
[2]) „Нѣмецкая артиллерія въ битвахъ у Меца", ч. 3, стр. 65—68.

опушкѣ лѣса Жениво. Наконецъ, около 3 часовъ, въ кровопролитномъ бою, подготовленномъ огнемъ 126 орудій, войскамъ 8го и частью 7го корпусовъ удалось взять заѣзжій домъ Сенъ-Юберъ, на склонѣ мѣстности по ту сторону ручья Мансъ,—передовой пунктъ защищаемый войсками корпуса Фроссара.

Всѣ дальнѣйшія попытки противъ главной позиціи французовъ, которые какъ разъ противъ Сенъ-Юберъ занимали лежащую на самомъ гребнѣ возвышенности ферму Моску и Пуэнъ-дю-Журъ (Бель-Вю),—оказались безуспѣшны; нѣмцы всякій разъ были отбиваемы французами корпуса Ле-Бефа (Моску) и дивизіи Верже, корпуса Фроссара (Бель-Вю) съ большимъ урономъ для нѣмцевъ [1]).

Чтобы не возвращаться болѣе къ описанію дѣйствій на правой части нѣмецкаго фронта (корпуса 7ой, 8ой и 9ый), не имѣвшихъ прямаго вліянія на окончательный исходъ боя 18 числа, приведу главнѣйшіе эпизоды, случившіеся на этой части поля сраженія до конца дня.

Французскія батареи замолкли вскорѣ послѣ взятія войсками 8го корпуса заѣзжаго дома Сенъ-Юберъ. Подобный пріемъ французы вообще употребляли часто для того, чтобы уклониться отъ единоборства съ превосходящею числомъ и дѣйствіемъ нѣмецкою артиллеріею, и сберечь себя для дѣйствія противъ наступленія нѣмецкой пѣхоты. Какъ бывало въ другихъ случаяхъ, такъ и теперь, молчаніе французскихъ орудій ввело нѣмцевъ въ заблужденіе; генералъ Штейнмецъ вывелъ заключеніе, что французы потрясены и близки къ отступленію.

Для „довершенія побѣды" Штейнмецъ приказалъ корпусной артиллеріи 7го корпуса идти впередъ, за ручей Мансъ, къ Сенъ-Юберъ, и туда же направиться 1ой кавалерійской дивизіи, чтобы „быть ей подъ рукою". Наконецъ, пѣхотѣ 7го корпуса „рѣшительно аттаковать по направленію на Пуэнъ-дю-Журъ", а бригадѣ Гольца того же корпуса, бывшей до того у Аръ-сюръ-Мозель въ качествѣ резерва арміи, прикрывавшаго переправы корпуса черезъ Мозель, „наступать по направленію на деревню Во". Изъ послѣдняго распоряженія видно, что Штейнмецъ, считая побѣду уже вѣрною, полагалъ возможнымъ обойтись безъ резерва и не заботился болѣе о непосредственномъ прикрытіи своей переправы черезъ Мозель. Послѣдняя, впрочемъ, косвенно съ того берега обезпечивалась еще бригадою 1го корпуса, притянутою къ р. Мозелю по приказанію Штейнмеца, о коемъ упомянуто уже въ своемъ мѣстѣ.

Между тѣмъ генералъ Гебенъ, съ своей стороны, полагая послѣ взятія Сенъ-Юберъ направить аттаку на Моску, приказалъ

---

[1]) „Исторія 1-ой арміи", стр. 116—121.

*

бригадѣ Гнейзенау дивизіи Барнекова [1]) идти на Сенъ-Юберъ. Гнейзенау, отрядивъ два баталіона для поддержки слабѣющей въ бою 15ой дивизіи, повелъ остальные (четыре) въ аттаку на Моску, но былъ отбитъ съ большими потерями.

Путь наступавшей артиллеріи 7го корпуса и 1ой кавалерійской дивизіи шелъ по шоссе черезъ Гравелётское дефиле (длиною болѣе версты), которое образуется въ началѣ деревнею Гравелётъ, а потомъ—возвышенною шоссейною насыпью и далѣе глубокою выемкою.

Движеніе нѣмцевъ къ этому дефиле началось при неблагопріятныхъ условіяхъ. Артиллерія и конница, пересѣкая другъ другу дорогу, сталкиваются и перемѣшиваются. Никѣмъ невызванные два гусарскіе полка дивизіонной кавалеріи спѣшатъ тоже къ дефиле. Замолкшій до того на время огонь французовъ мгновенно оживаетъ; картечницы ихъ анфилируютъ Гравелётское дефиле. Нѣмецкое орудіе съ перебитою запряжкою заграждаетъ дорогу, на которую валятся люди и лошади, сраженные французскою картечью; въ дефиле происходитъ страшная давка и сумятица.

Нѣкоторыя изъ вызванныхъ впередъ батарей, потерявъ надежду пробраться впередъ, сворачиваютъ и пристраиваются къ другимъ дѣйствующимъ по сю сторону дефиле; иныя, не найдя себѣ никакихъ позицій, поневолѣ уходятъ совершенно назадъ; наконецъ, три батареи, ранѣе поспѣвшія не смотря на всѣ препятствія, храбро прорываются впередъ къ Сенъ-Юберъ и снимаются съ передковъ. Двѣ изъ нихъ скоро теряютъ множество людей и запряжку; раненыя лошади закусивъ удила вскачь уносятъ передки. Черезъ нѣкоторое время дѣйствовать изъ орудій уже некому; отвезти же ихъ неначемъ. Только послѣ большихъ усилій, при личной даже работѣ немногихъ уцѣлѣвшихъ офицеровъ, удается наконецъ оттащить назадъ часть орудій; остальныя брошены на мѣстѣ. Только одна батарея (Гнюгге), пользуясь нѣкоторымъ укрытіемъ за низкою стѣнкою и частью маскируемая склонами мѣстности, остается на позиціи, не смотря на большія потери, и перестрѣливается съ французскими цѣпями съ разстоянія 800—1000 шаговъ; она производитъ пожаръ въ занятомъ французами Моску и дѣйствуетъ до конца сраженія.

Между тѣмъ головной полкъ 1ой кавалерійской дивизіи дебушируетъ правѣе поименованныхъ батарей и дѣлается мишенью для французской пѣхоты. Скоро полкъ этотъ со всею дивизіею отходитъ назадъ, за Гравелётъ. Въ это время нѣкоторыя лошади „уносятъ всадниковъ“ (такъ значится въ нѣмецкихъ источникахъ)

[1]) Эта бригада ходила на неудачный поискъ для взятія Тіонвиля; она только-что въ тотъ день присоединилась къ своей дивизіи.

и вскачь бросаются въ дефиле, распространяя ужасъ и смятеніе между подъѣхавшими туда разнаго рода повозками.

Нѣмецкая пѣхота, нашедшая себѣ укрытіе и мѣсто сбора въ глубокой ложбинѣ ручья Мансъ, позади Сенъ-Юберъ, усиленная свѣжею бригадою Гнейзенау, бросалась впередъ еще въ первый періодъ дѣйствія тамъ нѣмецкихъ батерей, для поддержанія послѣднихъ и завладѣнія французскою позиціею у Моску. Но нѣмцы каждый разъ были отбиваемы огнемъ и контръ-аттаками войскъ Ле-Бефа.

Все это вынудило командира 8го корпуса, генерала Гебена, около 6 часовъ пополудни пустить въ ходъ послѣдній свой резервъ, бригаду Рекса. Наконецъ противъ храбро защищаемой французами позиціи двинулась уже и часть войскъ 7го корпуса, Цастрова, хотя по общему плану сраженія имъ предназначалась собственно роль оборонительная. Часть артиллеріи 7го корпуса, ненаходя себѣ позиціи впереди своего расположенія (по случаю лѣсистой мѣстности), вскорѣ послѣ начала дѣла пристроилась къ правому флангу большой батареи 8го корпуса, стоявшей у Гравелёта.

Къ 5^ти^ часамъ южнѣе Гравелёта стояло на позиціи шесть батарей 7го корпуса, а правѣе ихъ съ 3 часовъ пополудни одна изъ пѣшихъ бригадъ, поставленная туда Цастровымъ въ видѣ резерва. Отъ этой бригады, правѣе батарей, двинуты были впередъ два баталіона для содѣйствія слѣва бригадѣ Гольца, которая въ то время наступала отъ Аръ-сюръ-Мозелъ на Во и Жюсси. Этому наступленію содѣйствовала и артиллерія бригады 1го корпуса, дѣйствовавшая съ другого (праваго) берега Мозеля. Потѣснивъ французскихъ застрѣльщиковъ бригады Ляпассе на главныя позиціи, Гольцъ пріостановился, считая задачу свою конченною и дальнѣйшее наступленіе неудобнымъ [1]).

Указанная Штейнмецомъ рѣшительная аттака пѣхотою 7го корпуса на Пуэнъ-дю-Журъ собственно вовсе не состоялась. Обстоятельство это не выяснено нѣмецкими историками. Надо полагать, что въ виду новаго неожиданнаго рѣшительнаго отпора, даннаго французами, начальники 1ой нѣмецкой арміи не только не пожелали пустить въ ходъ послѣдніе свои резервы, но даже ожидали уже помощи со стороны, а именно отъ войскъ 2го корпуса.

2ой корпусъ, генерала Франзецкаго, прибылъ на ночлегъ къ Понтъ-а-Муссонъ и окрестности вечеромъ 17 числа. Согласно диспозиціи на 18 число корпусъ долженъ былъ „подняться въ 4 часа утра, идти на Бюксіэ, гдѣ сварить пищу, и ожидать дальнѣйшихъ приказаній“.

---

[1]) „Исторія 1-й арміи“, стр. 17—23, и „Нѣмецкая артиллерія въ сраженіяхъ у Меца“, ч. 3, стр. 104—119.

Генералъ Франзецкій, заботясь о возможно раннемъ прибытіи въ районъ предполагаемыхъ дѣйствій, лично испросилъ разрѣшеніе короля выступить двумя часами раньше, то есть въ 2 часа утра. Для исполненія этого задней, 4ой дивизіи, расположенной южнѣе Понтъ-а-Муссона, пришлось подняться еще до полуночи. Къ 11 часамъ утра головная, 3я дивизія подошла къ Бюксіэ, но не могла приступить къ варкѣ за недостаткомъ воды; 4ая дивизія оставалась позади, у Онвиля, а корпусная артиллерія между поименованными пунктами.

Въ часъ дня генералъ Франзецкій получилъ приказаніе принца Фридриха-Карла „идти къ Резонвилю, въ резервъ праваго крыла". Генералъ Франзецкій направилъ туда 3ю дивизію по большой дорогѣ, а остальнымъ войскамъ приказалъ слѣдовать туда-же боковымъ, кратчайшимъ путемъ.

Въ 4 часа 2ой корпусъ началъ собираться у Резонвиля. Въ 5 часовъ Штейнмецъ потребовалъ у Франзецкаго поддержки; послѣдній отказалъ, ссылаясь на то, что онъ „находится въ резервѣ и безъ разрѣшенія свыше дѣйствовать не можетъ" [1]).

Оффиціальная прусская исторія войны вовсе обходитъ эти обстоятельства и говоритъ только [2]), что корпусъ Франзецкаго получилъ отъ принца Фридриха-Карла приказаніе „идти на Резонвиль въ резервъ 1ой арміи. Но этому совершенно противорѣчитъ текстъ даннаго принцемъ приказанія, приведеннаго въ спеціальной исторіи 2ой арміи [3]), въ коемъ значится: „2ой корпусъ идетъ отъ Бюксіэ на Резонвиль, чтобы служить резервомъ праваго крыла". Слѣдовательно 2ой корпусъ былъ резервомъ не „1ой арміи" а „праваго крыла" общаго нѣмецкаго расположенія, а это при данной обстановкѣ составляло большую разницу. Въ качествѣ резерва 1ой арміи, 2ой корпусъ былъ бы обязанъ слушать приказаній Штейнмеца, а въ роли резерва праваго крыла онъ долженъ былъ подчиняться лишь приказаніямъ главнаго начальника арміи, коль скоро особый начальникъ „праваго крыла" назначенъ не былъ.

Упираю на эти недоразумѣнія потому именно, чтобы показать какъ важно и необходимо на войнѣ смотрѣть на все просто и ясно,—всегда соблюдать извѣстный органическій порядокъ, придерживаясь его и при отдачѣ приказаній. Приказанія въ свою очередь должны быть изложены вполнѣ ясно; ясность же выраженій происходитъ отъ ясности мысли.

---

[1]) „Исторія 1-й арміи", стр. 123.
[2]) ч. 1, стр. 774.
[3]) Стр. 137.

Казалось бы съ перваго взгляда, что въ данномъ случаѣ сдѣлано было все; 2ой корпусъ своевременно пододвинутъ такъ, что дѣйствительно могъ и долженъ былъ служить обѣщаннымъ резервомъ именно 1ой арміи, ибо для поддержки ближайшаго, 9го корпуса (2ой арміи) двинутъ былъ уже къ Верневилю 3й корпусъ, Альвенслебена. Но это послѣднее обстоятельство Франзецкому извѣстно не было; онъ, пожалуй, могъ и не знать гдѣ именно, въ какомъ направленіи и въ какомъ порядкѣ сражаются нѣмецкіе корпуса; гдѣ надо считать начало а гдѣ конецъ лѣваго или праваго крыла общей боевой линіи или же его „центра"; отсюда отказъ его Штейнмецу совершенно естественъ.

Все указанное недоразумѣніе произошло потому только, что писавшему поименованное приказаніе казалось, вѣроятно, что „правое крыло" и „1ая армія" одно и то же; но и въ такомъ случаѣ онъ при выборѣ двухъ наименованій долженъ былъ избрать то, которое соотвѣтствовало фактическому, органическому дѣленію нѣмецкихъ силъ, которыя вовсе не были раздѣлены на „крылья". Съ другой же стороны можно признать и то, что генералъ Франзецкій, опередившій свой корпусъ на полѣ дѣйствій, могъ въ теченіе болѣе трехъ часовъ оріентироваться на столько, чтобы самому знать, гдѣ и когда пустить въ дѣло подчиненныя ему войска.

Впрочемъ, указанное недоразумѣніе скоро разрѣшено было непосредственнымъ приказаніемъ короля Вильгельма, случайно присутствовавшаго по близости.

Король Вильгельмъ въ началѣ дня находился со своимъ штабомъ на высотѣ у Флявиньи, которую оставилъ около часа пополудни, направляясь къ Резонвилю; оттуда виднѣлись уже подходившія колонны 2го корпуса, и генералъ Франзецкій лично докладывалъ королю о скоромъ прибытіи подчиненныхъ ему войскъ.

Въ 4мъ часу пополудни король подъѣхалъ въ сферу дѣйствій 1ой арміи (къ сѣверо-западу отъ Гравелёта). Свѣдѣнія оттуда поступали все самыя благопріятныя: о взятіи лѣса Жениво, пункта Сенъ-Юберъ, о молчаніи французской артиллеріи, наконецъ о дебушированіи нѣмецкой артиллеріи и кавалеріи за Гравелётское дефиле. Казалось, что побѣда, которую нѣмецкіе начальники искали посредствомъ охвата французовъ лѣвымъ нѣмецкимъ крыломъ, будетъ теперь одержана—на правомъ. Однако Штейнмецъ вслѣдъ затѣмъ, около 4½ часовъ, доносилъ, что „за лѣсами Жениво и Во идетъ жаркій, но нерѣшительный бой; необходимо сильно аттаковать правый флангъ непріятеля", [1]) подразумѣвая вѣроятно пра-

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны" т. 1, стр. 824.

вый флангъ французскихъ войскъ, противостоявшихъ собственно 1ой арміи.

Должно быть въ видахъ исполненія подобной аттаки, Штейнмецъ вслѣдъ затѣмъ, въ 5 часовъ, послалъ Франзецкому помянутое выше требованіе о поддержкѣ. По полученіи отказа, Штейнмецъ отправилъ къ королю генералъ-квартирмейстера своей арміи, полковника Вартенслебена, для доклада о положеніи дѣлъ. Засимъ король, приказаніемъ, даннымъ въ 5½ часовъ, отдалъ корпусъ Франзецкаго въ распоряженіе Штейнмеца, приказавъ этому корпусу идти къ Гравелёту.

Голова 2го корпуса подошла къ Гравелёту въ 7 часовъ пополудни. Только двѣ батареи его нашли себѣ еще позиціи рядомъ съ артиллеріею 1ой арміи. День склонялся къ концу. Извѣстія съ лѣваго нѣнецкаго крыла были, правда, довольно благопріятныя, но до полной тамъ побѣды въ то время казалось еще далеко. Между тѣмъ огонь французовъ противъ Гравелёта опять сталъ затихать, и нѣмцы вторично въ этотъ день па томъ же самомъ пунктѣ приняли это за признакъ, что французы сильно потрясены. Подъ этими впечатлѣніями король Вильгельмъ приказалъ Штейнмецу направить всѣ наличныя силы для аттаки къ сторонѣ Пуэнъ-дю-Журъ, а 2му корпусу, коего головная, 3я дивизія собралась тогда уже у Гравелёта,—поддержать эту аттаку.

Но пока со стороны нѣмцевъ дѣлались распоряженія для исполненія этихъ приказаній, французы вдругъ оживились. Вновь загремѣли ихъ батареи, а сильныя застрѣльщичьи цѣпи французовъ смели съ высотъ и погнали разстроенныя нѣмецкія части; даже половина орудій храброй батареи Гнюгге, все еще державшейся у Сенъ-Юберъ, вовлечена была въ это безпорядочное, неудержимое отступленіе, уподобляемое нѣмецкими писателями „горному снѣжному обвалу". Ужасъ овладѣлъ теперь тысячными толпами легко раненыхъ и здоровыхъ солдатъ, отбившихся отъ своихъ ротъ и искавшихъ убѣжища въ оврагѣ ручья Мансъ. Толпы эти бросились назадъ, въ Гравелётское дефиле, въ которое вдобавокъ карьеромъ внеслись орудійные передки безъ ѣздовыхъ. Паника между элементами внѣ строя перенеслась далеко назадъ въ тылъ войскъ и достигла до самаго Резонвиля. Только нѣмецкія войска занимавшія Сенъ-Юберъ не были вовлечены въ общее бѣгство; при нихъ остались и три орудія батареи Гнюгге съ однимъ незапряженнымъ передкомъ [1]).

---

[1]) „Исторія 1-й арміи", стр. 128. „Нѣмецкая артиллерія у Меца", ч. 3 стр. 122—123.

Послѣ минутъ ожиданія вѣрной побѣды, настало для нѣмцевъ горькое разочарованіе и сомнѣніе. Зрителямъ отъ Гравелёта могло казаться, что на той сторонѣ ручья все уже потеряно.

Наступали сумерки. У Гравелётскаго дефиле появился Мольтке со своимъ штабомъ. Тамъ распоряжались Штейнмецъ и Франзецкій. Послѣдній полагалъ необходимымъ, не теряя времени, кратчайшимъ путемъ двинуть свои наличныя войска прямо черезъ дефиле. Съ барабаннымъ боемъ, подъ звуки трубъ устремились въ дефиле баталіоны Франзецкаго, ободряемые присутствіемъ высокихъ начальниковъ.

Толпы раненыхъ и отставшихъ заграждали выходы изъ дефиле, сквозь которое войска Франзецкаго пробивались впередъ баталіонъ за баталіономъ и полкъ за полкомъ, увеличивая столпленіе и неизбѣжную сумятицу по ту сторону ручья, среди коей нѣмцы, вслѣдствіе наступавшей темноты, неоднократно обстрѣливали взаимно другъ друга. Мольтке видѣлъ, что по ту сторону дефиле войскъ слишкомъ достаточно и что за темнотою ничего тамъ уже предпринять нельзя. Онъ хотѣлъ задержать стремившіяся впередъ полки, но усилія его были напрасны: пѣхота Франзецкаго рвалась впередъ, проталкиваясь прямо черезъ дефиле и мимо его [1]).

Между тѣмъ самый критическій для нѣмцевъ моментъ уже миновалъ. Гебенъ успѣлъ смѣнить новыми и усилить войска занимавшія Сенъ-Юберъ. Французы пункта этого, за которымъ собралась и свѣжая еще бригада Рекса, собственно и не аттаковали. Но они за то держали все открытое пространство подъ сильнѣйшимъ огнемъ, отбивая всякія наступательныя попытки нѣмцевъ на главную свою позицію. Нѣмцы распространились только по покатостямъ.

Солнце скрылось за горизонтомъ; темныя тѣни все гуще и гуще ложились на застланныя дымомъ склоны французской позиціи. Вскорѣ лишь по блеску выстрѣловъ можно было разглядѣть обоюдное расположеніе. Огонь то стихалъ совершенно, то срывался съ новымъ ожесточеніемъ и прекратился окончательно только послѣ 10 часовъ вечера.

Настала ночь. Въ окрестности Сенъ-Юберъ густыя массы нѣмцевъ съ ружьемъ въ рукѣ залегли склоны главной французской позиціи, лицемъ къ лицу съ крѣпко и грозно стоявшими на ней французами. Но участь дня въ то время рѣшена была уже окончательно въ пользу нѣмцевъ на противоположной части поля сраженія,—корпусами гвардейскимъ и главнымъ образомъ—саксонскимъ.

---

[1]) „Участіе нѣмецкой артиллеріи въ сраженіяхъ у Меца“, ч. 3, стр. 130.

Обращаюсь къ дѣйствіямъ гвардейскаго и саксонскаго корпусовъ, которымъ около 11½ часовъ утра принцемъ Фридрихомъ-Карломъ посланы были приведенныя выше приказанія: первому изъ нихъ—идти на Верневиль, съ предоставленіемъ ему и направленія сѣвернѣе, на Абонвиль, такъ какъ оба вели на поддержку 9го корпуса. Но въ самый моментъ отсылки этого приказанія, то есть въ 11½ часовъ дня, командиръ гвардейскаго корпуса, принцъ Августъ-Виртембергскій, писалъ изъ Донкура:

„Посланная впередъ кавалерія доноситъ съ высотъ Батильи въ 10 часовъ 50 минутъ, что только-что прибывшіе изъ Сентъ-Мари люди принесли свѣдѣніе, что тамъ находится французская пѣхота, а главное, что много французскихъ войскъ въ Сенъ-Приваля-Монтань. Поэтому гвардейскій корпусъ, согласно полученному приказанію, немедленно начнетъ движеніе изъ Донкура, но командиръ корпуса полагаетъ, что при данной обстановкѣ надо пока идти не на Верневиль, а на Абонвиль“.

Приказаніе, о которомъ упомянулъ принцъ Виртембергскій, было еще предыдущее, по коему предполагалось возможнымъ охватить правый флангъ французовъ движеніемъ гвардіи черезъ Верневиль. Предпринятое же теперь самостоятельное, болѣе сѣверное движеніе корпуса на Абонвиль лучше соотвѣтствовало обстановкѣ. Впрочемъ, въ видахъ поддержки 9го корпуса, о которой просилъ генералъ Манштейнъ, командиръ гвардейскаго корпуса поворотилъ съ пути дивизію Папе. Но по обоюдному объясненію Манштейна съ Папе первый заявилъ, что онъ обойдется безъ прямой помощи, но просилъ оказать ему посредственную поддержку аттакою на Сенъ-Прива, а потому въ резервъ 9му корпусу оставлена была только одна 3я пѣхотная бригада гвардіи.

Съ своей стороны командиръ саксонскаго корпуса, прибывшаго, какъ сказано выше, въ Жарни, совершенно самостоятельно принялъ такія мѣры, которыя, предупреждая распоряженія командира арміи, совершенно имъ соотвѣтствовали.

Зная, что гвардейскій корпусъ достигъ уже Донкуръ и получивъ отъ разъѣздовъ свѣдѣніе, что мѣстность къ сѣверу отъ непріятеля свободна и что французы показались на сѣверо-востокѣ въ окрестностяхъ у Куэнвиль и Батильи (первое на р. Орнѣ, къ сѣверо-западу отъ Сентъ-Мари-о-Шенъ, и второе—къ юго-западу отъ этого пункта), кронпринцъ Саксонскій рѣшилъ пока подвинуться на сѣверо-востокъ, въ общемъ направленіи на Сентъ-Мари-о-Шенъ и для этого въ 11½ часовъ дня разослано было войскамъ корпуса слѣдующее приказаніе:

„Авангарду наступать по обѣ стороны р. Орны на Валлеруа и Муанвиль; 23я дивизія 45ою бригадою идетъ на Тишемонъ и занимаетъ лѣсъ Понти; 46ой бригадѣ оставаться у Жарни въ распоряженіи корпуснаго командира; 23ей дивизіи идти черезъ Монсель, Шато-Жуавиль и Батильи на Сентъ-Мари-о-Шенъ. Корпусной артиллеріи идти на Жиремонъ и на Жарниси".

Это движеніе начато въ 12 часовъ дня. Саксонской кавалерійской дивизіи, подошедшей между тѣмъ къ Пюксъ, приказано идти тоже на лѣсъ Понти, освѣщая однимъ полкомъ влѣво на Валлеруа. Это приказаніе застало дивизію уже въ пути на выстрѣлы; а такъ какъ одинъ уланскій полкъ оставленъ былъ западнѣе Пюксъ, для наблюденія дорогъ въ Этенъ и Бріей, то другой уланскій направленъ былъ для освѣщенія въ сторону Бріей [1]).

Самостоятельно предпринятое саксонцами движеніе въ общемъ вполнѣ соотвѣтствовало распоряженіямъ принца Фридриха-Карла, пока еще командиру корпуса неизвѣстнымъ. Послѣдній на походѣ получилъ отъ высланнаго на рекогносцировку офицера генеральнаго штаба донесеніе, что „въ 12 часовъ деревня Сентъ-Мари-о-Шенъ оказалась незанятою французами, но непріятель ясно замѣтенъ въ большихъ массахъ съ многочисленною артиллеріею на высотахъ Сенъ-Прива-ля-Монтань и Донкуръ, которыя возвышаются въ видѣ гласиса, такъ что фронтальная аттака будетъ стоить многихъ жертвъ".

Кронпринцъ Саксонскій выѣхалъ лично впередъ, ознакомился въ общемъ съ позиціей французовъ и узналъ между тѣмъ, что французы послѣ 12 часовъ дня заняли Сентъ-Мари. Кронпринцъ рѣшилъ обойти правый непріятельскій флангъ, и въ 2 часа отдалъ 23ей дивизіи приказаніе „притянуть къ себѣ оставленную пока у Жарни 46ую бригаду; идти черезъ Коэнвиль и рощи находящіяся восточнѣе Обуэ, чтобы оттуда наступать на Ронкуръ", т. е. во флангъ и тылъ позиціи французовъ у Сенъ-Прива. Относительно 24ой дивизіи приказано: „обойдя 47ою бригадою Батильи, слѣдовать по ложбинѣ, тянущейся оттуда къ Сентъ-Мари, и подойдя поближе аттаковать этотъ пунктъ, а 48ую бригаду, пока, оставить у Батильи въ распоряженіи командира корпуса".

Между тѣмъ командиръ 23ей дивизіи, принцъ Георгъ Саксонскій, получивъ свѣдѣніе, что французы сильно занимаютъ Сенъ-Прива и Ронкуръ, еще до полученія приказаній командира корпуса, самостоятельно рѣшилъ идти съ дивизіею на Сентъ-Мари;

---

[1]) Поименованныя здѣсь названія пишутся: Coinville, Moineville, Tichemont, Ponty, Moncelle, Ch. Jouaville, Puxe, Valleroy.

но такъ какъ одна бригада его пока стояла у Жарни, а другая въ лѣсу Понти, то принцъ двинулся впередъ со своимъ авангардным полкомъ и дивизіонною артиллеріею, и около 2½ часовъ прибылъ къ Батильи. Въ тоже время у Муанвиль вышелъ изъ долины Орны на плято отрядъ генерала Краузхара, направляясь на выстрѣлы.

Такимъ образомъ передъ Сентъ-Мари оказались теперь головныя части всѣхъ трехъ саксонскихъ колоннъ. Онѣ направлялись на этотъ пунктъ концентрически, съ запада, и въ 3 часа открыли по немъ огонь изъ 13 батарей [1]). Въ тоже время съ юга отъ Сентъ-Эль наступали на Сентъ-Мари части гвардейскаго прусскаго корпуса.

Между тѣмъ до принца Фридриха-Карла дошли свѣдѣнія, что у Сенъ-Прива замѣчены большія силы французовъ и что войска послѣднихъ подвигаются оттуда впередъ къ Сентъ-Мари. Отправившись прежде къ Верневиль, принцъ переѣхалъ затѣмъ на высоту у Абонвиль, откуда уже ясно видно было, что позиція французовъ протягивается до Сенъ-Прива.

Тутъ, у Абонвиль, принцъ Фридрихъ-Карлъ получилъ изъ главной королевской квартиры указаніе, писанное въ 1¾ часа дня, въ коемъ значилось:

„Передъ лѣсомъ Дозейльонъ“ (Doseuillons) „стоитъ уже 9ый корпусъ въ артиллерійскомъ бою. Серіозная общая аттака по всей линіи послѣдуетъ не ранѣе, пока большія силы не будутъ готовы наступать на Аманвильеръ“.

Очевидно, что указаніе это несогласно было съ обстановкою, раскрывшеюся уже передъ глазами принца, такъ какъ флангъ французовъ оказался гораздо дальше Аманвильеръ. Хотя затѣмъ предположеніе „повременить рѣшительнымъ наступленіемъ на фронтъ французовъ, пока не будетъ подготовлена сильная аттака на ихъ правый флангъ“, было въ основаніи совершенно вѣрно и сообщено войскамъ еще прежде, но оно уже на дѣлѣ нарушено было преждевременною аттакою 9го корпуса, Манштейна, а вслѣдъ затѣмъ и—8го, Гебена.

Возвращаюсь къ гвардейскому корпусу.

Головныя части гвардейскаго корпуса подошли къ Абонвиль около часа. Корпусъ получилъ приказаніе „дѣйствовать пока только своею артиллеріею; пѣхоту же пустить въ дѣло тогда, когда

---

[1]) „Участіе 12-го (королевско-саксонскаго) армейскаго корпуса въ битвѣ подъ Гравелётъ—Сенъ-Прива“, стр. 4 и 7. „(Die Betheiligung des 12. (Kgl. Sächsischen) Armee-Corps an der Schlacht bei Gravellotte—St. Privat 2c". Schubert. Berlin, 1872.

и 12ый корпусъ будетъ въ состояніи принять дѣйствительное участіе въ сраженіи“ [1]).

Но еще до полученія этого приказанія командиръ гвардейскаго корпуса, принцъ Виртембергскій, выѣхавъ впередъ, замѣтилъ сильную позицію непріятеля, тянувшуюся до Сенъ-Прива, и рѣшилъ ввести въ дѣло всю гвардію лѣвѣе 9го корпуса; просимое же командиромъ того корпуса наступленіе на Сенъ-Прива подготовить огнемъ своей артиллеріи [2]).

Это вполнѣ соотвѣтствовало видамъ принца Фридриха-Карла, который при личномъ объясненіи съ командиромъ гвардейскаго корпуса, принцемъ Виртембергскимъ, передалъ послѣднему: „двинуть пѣхоту въ аттаку тогда только, когда выкажется дѣйствіе саксонскаго корпуса, идущаго на Муанвиль и Сентъ-Мари“.

Между 2мя и 3мя часами дня общее положеніе дѣлъ у нѣмцевъ было слѣдующее:

На правомъ флангѣ корпуса 7ой, 8ой и 9ый, по прежнему, первый — въ наблюденіи, а послѣдніе два — въ бою.

Гвардейскій корпусъ подтягивался у Абонвиль и Сентъ-Эль (сѣвернѣе Абонвиль на полупути оттуда въ Сентъ-Мари). Корпусная его артиллерія стояла лѣвымъ флангомъ къ Сентъ-Эль и дѣйствовала уже по позиціи французовъ у Сенъ-Прива.

Что касается саксонцевъ, то принцъ Фридрихъ-Карлъ около 3½ часовъ пополудни получилъ изъ Батильи новое донесеніе, писанное въ 2½ часа: „Саксонскій корпусъ идетъ: 24ая дивизія на Сентъ-Мари-о-Шенъ, а 23ья дивизія обходитъ правый флангъ противника черезъ Куэнвиль и черезъ лѣса, лежащіе между этимъ пунктомъ и Ронкуръ“ [3]).

Въ то время видны уже были саксонскія колонны, наступавшія сѣвернѣе Батильи.

Въ это же время изъ корпусовъ второй линіи:

2ой, назначенный „для поддержки праваго крыла“, шелъ на Бюксіэ и Онвиль къ Резонвилю.

3ій армейскій корпусъ подошелъ къ Верневилю (въ резервъ 9му корпусу).

10ый корпусъ, предназначенный въ резервъ лѣваго крыла, подошелъ пока къ Батильи.

Ближайшимъ предметомъ дѣйствій лѣваго нѣмецкаго крыла было теперь Сентъ-Мари, только что занятое 2½ баталіонами 94го полка дивизіи Ляфонъ (по приказанію Канробера), въ видѣ пере-

---

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны“, т. 1, стр. 741.
[2]) „Исторія 2-ой арміи“, стр. 140—141.
[3]) „Оффиціальная прусская исторія войны“, т. 1, стр. 742.

доваго пункта передъ позиціею у Сенъ-Прива. При полку этомъ, имѣвшемъ на лицо менѣе полуторы тысячи человѣкъ, находился и командиръ бригады, генералъ Коленъ (Colin).

На Сентъ-Мари обратили теперь огонь: съ юга три батареи прусской гвардіи, коимъ съ запада дружно содѣйствовала саксонская артиллерія. Аттака, подготовленная такимъ образомъ огнемъ 96 орудій, исполнена была по обоюдному соглашенію между генераломъ Папе и командиромъ 47ой (саксонской) бригады. Французы только что вступили въ Сентъ-Мари и не успѣли еще въ немъ устроиться. Причинивъ наступавшимъ довольно значительный уронъ и ощущая недостатокъ въ патронахъ, они очистили деревню, предоставивъ ее нѣмцамъ; было это въ 3½ часа пополудни. Отступленіе французовъ прикрывалось тремя ротами, которыя, отойдя за Сентъ-Мари шаговъ 1000, остановились и дали сильный отпоръ нѣмцамъ, сунувшимся было ихъ преслѣдовать. Саксонская бригада потеряла при этомъ до 800 человѣкъ. Два баталіона подошедшіе отъ Сенъ-Прива приняли на себя отступавшихъ французовъ, которые безъ особыхъ потерь отступили къ Ронкуръ вдоль ложбины скрывавшей ихъ отъ нѣмцевъ.

Послѣ взятія Сентъ-Мари дѣло на лѣвомъ флангѣ нѣмцевъ, въ ожиданіи обхода саксонцевъ, ограничивалось только канонадою гвардейской и саксонской артиллеріи. Первая изъ нихъ дѣйствовала противъ французской артиллеріи Канробера, бывшей на позиціяхъ у Сенъ-Прива, а послѣдняя избрала главною цѣлью французскія позиціи у Ронкура, подготовляя такимъ образомъ охватывающую аттаку на правый флангъ французовъ.

Многочисленной артиллеріи нѣмцевъ Канроберъ противоставилъ 48 орудій 6го корпуса, да еще 12 конныхъ—дивизіи дю-Баре. Вдобавокъ зарядовъ было мало. Скоро подавляющій огонь нѣмцевъ вынудилъ французовъ убрать свою артиллерію; только двѣ двѣнадцатифунтовыя батареи держались еще на позиціи у Сенъ-Прива.

Между тѣмъ 5ый часъ былъ уже на исходѣ. Казалось, что обходное движеніе саксонцевъ затягивается. Рождалось сомнѣніе успѣютъ ли они довершить свой обходъ и перейти въ наступленіе во́-время, то есть до наступленія еще темноты. Дѣла въ 9омъ корпусѣ не подвинулись ни на шагъ впередъ; тамъ пришлось уже ввести въ бой артиллерію 3го корпуса и передать окончательно въ распоряженіе командира корпуса, генерала Манштейна, 3ью гвардейскую пѣхотную бригаду, оставленную у Абонвиля. На пѣхоту 3го корпуса, видимо, въ тотъ день не расчитывали, по причинѣ большихъ потерь и разстройства, которое она претерпѣла въ бою 16 августа.

Такимъ образомъ являлся вопросъ: возможно ли вообще при этой обстановкѣ довести дѣло до конца, т. е. разбить французовъ въ тотъ же еще день (лѣвымъ крыломъ нѣмцевъ)? Слѣдуетъ ли выжидать еще далѣе воздѣйствія обходнаго движенія саксонцевъ и не лучше ли теперь же повести гвардіею рѣшительную аттаку на Сенъ-Прива? Нетерпѣніе командира гвардейскаго корпуса поставило этотъ послѣдній вопросъ; оно же рѣшило его въ утвердительномъ смыслѣ.

Вопросъ, подготовлена ли достаточно аттака, видимо, не былъ даже предметомъ серіознаго обсужденія и совѣщанія. Временное молчаніе французскихъ батарей у Сенъ-Прива было поводомъ окончательнаго рѣшенія не откладывать аттаку. Молчаніе это ввело въ заблужденіе нѣмецкихъ начальниковъ передъ Сенъ-Прива точно также какъ и Штейнмеца на противоположномъ концѣ поля сраженія (о чемъ сказано выше).

Принцъ Виртембергскій, находившійся лично по близости Абонвиля (на крайнемъ правомъ флангѣ расположенія своего корпуса), рѣшилъ, не выжидая болѣе, аттаковать Сенъ-Прива всѣми силами гвардейской пѣхоты (за выдѣленіемъ 3ей бригады, переданной Манштейну), причемъ, какъ значится въ исторіи 2ой арміи, расчитывалъ, что воздѣйствіе саксонцевъ выкажется въ свое время въ теченіе самой аттаки гвардіи.

Получивъ разрѣшеніе принца Фридриха-Карла, командиръ гвардейскаго корпуса отдалъ приказаніе 4ой гвардейской бригадѣ, Будрицкаго, стоявшей у Сентъ-Эль (южнѣе Сентъ-Мари), „взять направленіе на Жерюзалемъ“ (Jérusalem, непосредственно южнѣе и смежно съ Сенъ-Прива), а самъ поѣхалъ къ Сентъ-Мари, къ 1ой гвардейской дивизіи. Командиръ этой дивизіи, генералъ Папе, близко слѣдившій за ходомъ дѣлъ на этой части поля сраженія, обратилъ вниманіе командира корпуса на то, что обходныхъ саксонскихъ колоннъ не видать и что аттака сильнаго Сенъ-Прива, не подготовленная артиллерійскою стрѣльбою (поэтому именно пункту), едва ли обѣщаетъ успѣхъ [1]).

Замѣчаніе Папе было совершенно справедливо, такъ какъ гвардейская артиллерія до того времени главнымъ образомъ перестрѣливалась съ французскою и дѣйствовала вообще по всей противолежащей позиціи противника, а саксонская со взятія Сентъ-Мари подготовляла аттаку на Ронкуръ (сѣвернѣе Сенъ-Прива) для облегченія наступленія своей обходной колонны. Но такъ какъ къ тому

---

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны“, т. 1, стр. 860.

времени бригада Будрицкаго уже наступала и, казалось, имѣла успѣхъ, то приказаніе данное 1ой дивизіи гвардіи отмѣнено не было.

Генералъ Папе, исполняя приказаніе принца, двинулъ впередъ 1ую бригаду, стоявшую къ юго-западу отъ Сентъ-Мари, указавъ ей цѣлью виднѣвшуюся вдали юго-западную группу домовъ Сенъ-Прива, а 2му полку 2ой бригады приказалъ слѣдовать шаговъ 600 позади 1ой бригады, въ видѣ резерва.

Аттака гвардіи на Сенъ-Прива, предпринятая очевидно слишкомъ опрометчиво, безъ надлежащей подготовки артиллеріею, ведена была вдобавокъ недостаточно связно и, надо полагать, безъ должной рекогносцировки и соображенія пространства по фронту. Бригада Будрицкаго развернулась раньше 1ой гвардейской и заняла все пространство отъ Сентъ-Эль до Сентъ-Мари, очутившись такимъ образомъ передъ фронтомъ 1ой бригады, Касселя, развертывавшейся между тѣмъ южнѣе Сентъ-Мари. Поэтому послѣдней бригадѣ, миновавъ Сентъ-Мари, пришлось двинуться фланговымъ маршемъ подъ огнемъ противника влѣво, сѣвернѣе Сентъ-Мари и передъ фронтъ саксонской большой общей батареи. Такимъ образомъ бригада Касселя временно закрыла собою саксонскія батареи и вступила въ бой гораздо позже бригады Будрицкаго.

Между тѣмъ бригады Соннэ, Жибонъ и Леруа (Sonnay, Gibon i Leroy de Dais) отъ корпуса Канробера изготовились къ встрѣчѣ противника. Огонь французовъ ожилъ моментально лишь только выказались пруссаки; обѣ бригады прусской гвардіи въ самое короткое время понесли страшныя потери. Цѣною громадныхъ жертвъ удалось имъ только отогнать французскихъ застрѣльщиковъ, густо занимавшихъ окраины высотъ Сенъ-Прива, и кое какъ пріютиться за ихъ склонами. Завязалась перестрѣлка съ разстояній какихъ либо 600—800 шаговъ. Но французы не думали уступать своей главной позиціи. А противъ правой части, еле-еле державшейся на мѣстѣ разстроенной боевой линіи прусской гвардіи, обрисовалась теперь грозная контръ-аттака французовъ.

Пруссаки держали выдающійся мысъ возвышенности въ разстояніи шаговъ 1000—1300 отъ Сенъ-Прива, прикрывавшей имъ временное расположеніе. Если бы высота эта была потеряна, то вся прусская гвардія неминуемо отхлынула бы назадъ подъ огнемъ противника и сдѣлалась бы на этотъ день уже совершенно неспособною къ бою. Въ эту критическую минуту, капитанъ Фогельфонъ-Фалькенштейнъ (Vogel von Falkenstein), собравъ остатки четырехъ ротъ, открылъ по наступавшимъ французскимъ колоннамъ самый учащенный огонь. Не дремала и прусская артиллерія. Она съ самаго начала аттаки прекратила огонь по позиціи Аман-

вильеръ и поддерживала аттаку гвардіи на Сенъ-Прива. Теперь выстрѣлы гвардейской артиллеріи обратились на наступавшихъ французовъ, часть же прусскихъ батарей подвигалась впередъ по мѣрѣ наступленія пѣхоты.

Въ ту-же описываемую критическую минуту одинъ изъ командировъ батарей, капитанъ Притвицъ (Pritwitz), по собственному почину скачетъ съ батареею прямо на угрожаемую высоту; подъ градомъ ружейныхъ пуль только три орудія могли открыть дѣйствіе, посылая въ наступавшія французскія колонны свои гранаты съ разстоянія 500 и даже 300 шаговъ. Жестоко пострадавшія колонны французовъ ушли назадъ. Начальникъ артиллеріи прусской гвардіи, принцъ Гогенлоэ, собралъ тутъ постепенно тридцать орудій; стояли они на отличной позиціи, съ которой могли брать во флангъ Аманвильеръ и обстрѣливать вглубь значительную часть непріятельскаго расположенія втылъ Сенъ-Прива, пересѣкая такимъ образомъ пути, по которымъ могли подходить французскія подкрѣпленія изъ главнаго резерва арміи.

Французы безъ боя не могли оставить прусскихъ орудій въ указанномъ расположеніи. Для аттаки прусской батареи, имѣвшей при себѣ только ничтожные остатки пѣхоты, направлены были со стороны Аманвильеръ два французскихъ полка дивизіи Сиссе корпуса Лямиро. Французы, не смотря на громадныя потери, наступали подъ огнемъ храбро и стройно цѣлыхъ 1000 шаговъ (съ разстояній 1900 до 900 шаговъ отъ прусскихъ орудій); наконецъ не выдержали и въ полномъ разстройствѣ ушли обратно къ Аманвильеръ. Результатъ этотъ достигнутъ былъ однимъ только огнемъ прусской артиллеріи [1]).

Весьма странно, что французы, предпринимая, съ одной стороны, сравнительно весьма длинное подъ огнемъ наступленіе отъ Аманвильеръ на правый флангъ прусской гвардіи, не повели противъ длинной тонкой линіи пруссаковъ рѣшительной контръ-аттаки прямо съ ближайшихъ разстояній отъ Сенъ-Прива съ охватомъ ихъ лѣваго фланга. Подобною аттакою французы безъ особаго труда отбросили бы пруссаковъ обратно до Сентъ-Мари, что и признается оффиціальною прусскою исторіею войны [2]).

Наконецъ, часть гвардейской артиллеріи подъѣхала къ Сенъ-Прива на 1000 шаговъ и открыла огонь. Вскорѣ въ этомъ

---

[1]) Нѣкоторыя подробности почерпнуты здѣсь изъ сочиненія принца Гогенлоэ. „Военныя письма III, стр. 46—50. (Militärische Briefe III. Über Artillerie von Kraft Prinz zu Hohenlohe-Ingelfingen. Berlin, 1885).

[2]) Томъ 1, стр. 873.

пунктѣ и въ Жерюзалемъ вспыхнули пожары [1]). Такимъ образомъ уже послѣ аттаки на Сенъ-Прива предпринято то (обстрѣливаніе артиллеріею), что должно было ей предшествовать.

Но и самое высшее самоотверженіе прусской гвардіи не привело бы къ желанному для пруссаковъ исходу. Къ счастію для нихъ совершилось наконецъ подготовительное обходное движеніе саксонцевъ, и послѣдніе около 6 часовъ перешли въ рѣшительное наступленіе.

Обращаюсь къ дѣйствіямъ саксонскаго корпуса.

По взятіи Сентъ-Мари саксонская корпусная артиллерія съ артиллеріею 24ой дивизіи, какъ уже упомянуто выше, выстроилась лѣвѣе (сѣвернѣе) этого пункта и обратила огонь на позиціи французовъ у Ронкуръ, для облегченія обходнаго движенія 23ей дивизіи и аттаки поименованной деревни, составлявшей въ дѣйствительности крайній правофланговый опорный пунктъ французовъ.

Между тѣмъ обходное движеніе 23ей дивизіи подвигалось далеко не такъ успѣшно какъ было желательно. Командиръ этой дивизіи, принцъ Георгъ, получилъ приведенное выше приказаніе (идти въ обходъ черезъ Куэнвиль на перелѣски Обуэ), около 2¼ часовъ, когда онъ съ авангардомъ своимъ достигъ Батильи. Въ это время другія части дивизіи его были еще позади, такъ что задняя, 46ая бригада находилась въ четырехъ верстахъ отъ Куэнвиль. Передача приказаній тоже требовала времени. Вдобавокъ часть авангарда генерала Краузхара, видимо на сей разъ безъ всякой надобности, приняла участіе въ поименованной выше аттакѣ на Сентъ-Мари и ввязалась въ бой, изъ котораго пришлось ее выводить [2]).

Впрочемъ, передовыя части 23ей дивизіи прибыли въ окрестности Обуэ настолько во́-время, что успѣли еще предупредить французовъ въ занятіи перелѣсковъ, которые тянутся отъ Обуэ по направленію къ Ронкуръ; но засимъ сборъ дивизіи подъ прикрытіемъ этихъ перелѣсковъ въ ложбинѣ у Обуэ подвигался медленно. Въ виду этого кронпринцъ Саксонскій для ускоренія обхода рѣшилъ не выжидать прибытія 46ой бригады и предпочелъ усилить наличныя части 23ей дивизіи, т. е. 45ую бригаду 48ою бригадою (отъ 24ой дивизіи), оставшеюся въ его распоряженіи у Батильи, и всею наличною своею кавалеріею. Соотвѣтственное приказаніе получено принцемъ Георгомъ въ 4½ часа, а вслѣдъ затѣмъ подошла и 48ая бригада, полковника Шульца.

---

[1]) „Оффиціальная исторія“ т. 1, стр. 856—876 и „Участіе нѣмецкой артиллеріи въ сраженіяхъ у Меца“, т. 3, стр. 134—140.

[2]) 45-ая бригада состояла изъ трехъ пѣхотныхъ полковъ, изъ коихъ одинъ переданъ былъ въ составъ авангарда генерала Краузхара; этотъ авангардъ послѣ поворота корпуса отъ Жарни на Сентъ-Мари обратился собственно въ боковой отрядъ.

Принцъ Георгъ съ своей стороны отдалъ слѣдующее приказаніе:

„Полковникъ Шульцъ съ 48ою бригадою, усиленною 1мъ коннымъ полкомъ и тремя батареями 1го пѣшаго отдѣленія, продолжаетъ движеніе въ долинѣ Орны пока не поравняется съ Жэ и Монтуа“ (Joeuf, Montois) „и черезъ этотъ послѣдній пунктъ наступаетъ на Ронкуръ“.

„Генералъ Краузхаръ съ 45ою бригадою совершенно вытѣсняетъ непріятеля изъ рощъ и наступаетъ на Ронкуръ съ запада въ то время когда полковникъ Шульцъ начнетъ дѣйствіе съ сѣвера“.

„46ая бригада остается въ распоряженіи (въ резервѣ)“ [1]).

Менѣе чѣмъ черезъ часъ Шульцъ поравнялся съ правымъ флангомъ французовъ и поднялся на гору противъ дер. Монтуа, которую французы уже очистили. Концентрическая, съ двухъ сторонъ аттака на Ронкуръ ранѣе подготовлена была огнемъ десяти саксонскихъ батарей, которыя непосредственно послѣ аттаки прусской гвардіи на Сенъ-Прива выѣхали отъ Сентъ-Мари впередъ, обстрѣливая Ронкуръ съ разстоянія 1200 шаговъ. Французы вначалѣ имѣли въ этой сторонѣ (на крайне правомъ своемъ флангѣ) только 9ый линейный полкъ (единственный дивизіи Биссонъ), который и занялъ Монтуа и Ронкуръ. Замѣтивъ обходное движеніе саксонцевъ, маршалъ Канроберъ усилилъ свой правый флангъ бригадою Пешо (Péche) дивизіи Тиксіе.

Но Пешо прибылъ на мѣсто когда Монтуа уже было захвачено саксонцами и сильно ими занято. Французы изготовились отстаивать позицію у Ронкуръ и удерживали ее подъ жесточайшимъ огнемъ саксонской артиллеріи. Наконецъ обойденный съ правой стороны Пешо очистилъ Ронкуръ, который занятъ саксонцами въ 7½ часа пополудни, а по нѣмецкимъ источникамъ — въ 6½ часовъ.

Пешо отошелъ къ Жомонскому лѣсу и прочно занялъ Жомонскія каменоломни. Такимъ образомъ французскій правый флангъ уклонился назадъ, но общій фронтъ французовъ нигдѣ не былъ прорванъ.

День приближался къ концу. Принцъ Фридрихъ-Карлъ полагалъ, что настало время употребить въ дѣло всѣ резервы и сбить непріятеля не только у Сенъ-Прива, но и прорвать центръ его у Аманвильеръ. Съ этою цѣлью принцъ въ 7 часовъ, исполняя неоднократныя просьбы командира 9го корпуса, генерала Манштейна, разрѣшилъ послѣднему перейти въ наступленіе всѣми свободными еще силами. 3я гвардейская бригада, остававшаяся до того въ резервѣ 9го корпуса, тоже двинута была въ бой.

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны“, т. 1, стр. 768.

Въ то же время принцъ Фридрихъ-Карлъ послалъ командиру 10го корпуса, генералу Фохтсъ-Рецу, указаніе, чтобы послѣдній „наступалъ по своему усмотрѣнію", причемъ однако добавилъ, что „онъ съ своей стороны полагалъ бы соотвѣтственнымъ, чтобы одна дивизія 10го корпуса направлена была въ резервъ 9го—а другая—между корпуса гвардейскій и саксонскій". Но это распоряженіе было уже предупреждено самостоятельнымъ наступленіемъ 20ой дивизіи отъ Сентъ-Эль на Сенъ-Прива.

Командиру 2го корпуса, генералу Франзецкому, тоже отправлено приказаніе, чтобы онъ „поскорѣе принялъ участіе въ бою по собственному усмотрѣнію и донесъ королю" [1]). Впрочемъ, событія на правой части нѣмецкой боевой линіи уже предупредили и это приказаніе, о чемъ сказано уже въ своемъ мѣстѣ.

На Сенъ-Прива обратились теперь всѣ усилія саксонцевъ и прусской гвардіи, все еще въ самомъ незавидномъ положеніи залегавшей склоны Сенъ-Прива. Еще ранѣе, (во время движенія саксонскихъ войскъ Краузхара, шедшихъ на Ронкуръ, по направленію сѣвернѣе Сенъ-Прива), командиръ 1ой гвардейской дивизіи, генералъ Папе, усмотрѣвъ слѣва саксонцевъ, послалъ къ нимъ офицера, чтобы ознакомить ихъ съ положеніемъ дѣлъ у Сенъ-Прива и склонить идти на помощь. Вслѣдствіе этого войска 45ой бригады, частью по приказанію генерала Краузхара, частью же сами отъ себя, не окончивъ наступленія на Ронкуръ, повернули къ сѣверной окраинѣ Сенъ-Прива, гдѣ совмѣстно съ ободрившимся лѣвымъ флангомъ гвардіи нѣсколько потѣснили передовыя цѣпи французовъ. Но этой импровизованной аттакѣ скоро насталъ конецъ. Саксонцы, понеся большія потери, залегли шаговъ 300 отъ французовъ занимавшихъ сѣверную часть Сенъ-Прива. Дѣло еще не созрѣло.

Наконецъ Папе двинулъ впередъ послѣдній полкъ своей дивизіи. Саксонцы снова готовились къ аттакѣ на Сенъ-Прива; артиллерія ихъ выѣхала впередъ примѣрно на разстояніе шаговъ 1400 отъ этого пункта. Артиллерія 10го корпуса заняла промежутокъ между гвардейскими и саксонскими батареями. Наконецъ и командиръ 10го корпуса, генералъ Фохтсъ-Рецъ, повелъ свою головную 20^ую^ дивизію на Сенъ-Прива, которая однако къ приступу уже не поспѣла.

Окончательная аттака на Сенъ-Прива подготовлена была такимъ образомъ огнемъ 186 нѣмецкихъ орудій, которыя огибали этотъ пунктъ сплошною дугою отъ окрестностей Абонвиля до Рон-

---

[1]) „Исторія 2-й арміи", стр. 152.

куръ. Къ нимъ во время самаго приступа присоединились еще 24 орудія 20ой дивизіи, увеличивъ громадную батарею нѣмцевъ до 210 орудій [1]). Подъ адскимъ огнемъ этой артиллерійской массы, дѣйствовавшей съ весьма близкихъ разстояній, разшатывались и падали каменныя стѣны построекъ Сенъ-Прива; въ развалинахъ вспыхивали пожары.

Въ виду замѣтнаго успѣха артиллеріи оба корпусныхъ командира, принцъ Виртембергскій и кронпринцъ Саксонскій, въ 7½ часовъ вечера рѣшили отдать приказанія къ окончательному приступу на пылающее Сенъ-Прива. Но приказанія эти предупреждены были войсками огибавшими Сенъ-Прива; они въ то же время, — частью по прямымъ приказаніямъ наличныхъ при нихъ генераловъ, а частью по собственному почину и примѣру другихъ, — дружно ринулись на приступъ и ворвались въ деревню съ разныхъ сторонъ. Съ закатомъ солнца, около 8 часовъ, нѣмцы послѣ упорнаго, кровопролитнаго боя завладѣли развалинами Сенъ-Прива, захвативъ при этомъ случаѣ до 2000 нераненыхъ французовъ. Непосредственно послѣ приступа нѣмецкія отдѣльныя батареи за наступленіемъ темноты неоднократно обстрѣливали свои же войска.

Сражавшійся на правомъ флангѣ французовъ корпусъ Канробера поспѣшно отходилъ назадъ. Это, частью уже безпорядочное отступленіе прикрывала на окраинахъ Жомонскаго лѣса и въ каменоломняхъ пѣшая бригада Пешо съ нѣсколькими батареями, кавалеріею дю-Барре и вновь выѣхавшимъ артиллерійскимъ резервомъ французской арміи.

Между тѣмъ двинулась впередъ и нѣмецкая артиллерія, частью во время самаго приступа на Сенъ-Прива, частью же непосредственно послѣ взятія этого пункта, или нѣсколько позже. Такимъ образомъ по обѣ стороны Сенъ-Прива собралась на позиціи густо сплоченная масса изъ 228 нѣмецкихъ орудій; она дѣйствовала частью противъ французской артиллеріи, прикрывавшей отступленіе войскъ Канробера, частью же противъ праваго фланга французскаго корпуса Лямиро [2]). Корпусъ этотъ послѣ нѣсколькихъ частныхъ смѣлыхъ контръ-аттакъ, — причемъ едва не были взяты нѣкоторыя зарвавшіяся впередъ нѣмецкія батареи, — вынужденъ былъ откинуть назадъ свой правый флангъ, но сильно удерживалъ свой лѣво-фланговый опорный пунктъ — Монтиньи-ля-Гранжъ.

Въ то время когда корпусъ Лямиро только что началъ свое отступленіе, пошла въ аттаку по направленію на Аманвильеръ

[1]) „Участіе нѣмецкой артиллеріи въ бояхъ у Меца“, ч. 3, стр. 210.
[2]) „Участіе нѣмецкой артиллеріи въ бояхъ у Меца“, ч. 3, стр. 211.

и сѣвернѣе Монтиньи часть гессенской дивизіи, поддержанная 3ею гвардейскою прусскою бригадой. Аттакующіе встрѣтили еще сильный отпоръ отъ отходившихъ французовъ, причемъ дѣло доходило до рукопашнаго боя. Аманвильеръ остался незанятымъ. Французы удержали командующее этимъ пунктомъ Монтиньи-ля-Гранжъ и всю свою главную позицію влѣво отъ него, вплоть до самаго Мозеля, то есть бо́льшую часть своего первоначальнаго боеваго расположенія. Такъ кончился кровопролитный бой 18 августа, названный нѣмцами сраженіемъ при Гравелётъ—Сенъ-Прива.

Однако частью въ теченіе ночи, частью же утромъ 19 числа французскія войска по приказанію Базена оставили свои бывшія позиціи, стягиваясь ближе къ Мецу.

Базену въ оборонительномъ бою не удалось сломить нѣмецкія силы, преграждавшія ему дорогу. Теперь оставалось ему только или запершись въ Мецѣ держаться до истощенія припасовъ продовольствія, или же проложить себѣ дорогу новымъ рѣшительнымъ наступательнымъ боемъ при обстановкѣ несравненно менѣе выгодной противъ боя 18 и въ особенности 16 августа.

Нѣмцамъ побѣда досталась недешево; они потеряли болѣе 20 тысячъ человѣкъ и безъ малаго 1900 лошадей, почти все артиллерійскихъ. Не взявъ никакихъ трофеевъ кромѣ плѣнныхъ, нѣмцы сами потеряли нѣсколько орудій. Французы опредѣлили свои потери 18 августа менѣе 13 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ шесть генераловъ [1]).

Распоряженія и дѣйствія маршала Базена въ день 18 августа исходили изъ тѣхъ же самыхъ убѣжденій и опасеній, которыя въ соединеніи съ полною пассивностью были причиною неудачи французской арміи въ день Марсъ-ля-Тура.

Одинаковыя причины хотя и при различной обстановкѣ породили аналогичныя послѣдствія. Въ день 16 августа при Марсъ-ля-Турѣ французы упустили изъ рукъ несомнѣнно вѣрную побѣду, а въ сраженіи при Гравелётѣ—Сенъ-Прива они далеко не воспользовались промахами противника, благодаря коимъ французы дѣйствительно имѣли шансы, чтобы по меньшей мѣрѣ день 18 числа окончить общимъ успѣшнымъ отбитіемъ нѣмцевъ по всей линіи, не смотря на весьма большое превосходство численности послѣднихъ.

Базенъ, какъ 16го, такъ и 18 августа, болѣе всего опасался быть отрѣзаннымъ отъ Меца. Подъ вліяніемъ этихъ опасеній

---

[1]) Базенъ, стр. 106.

онъ даже потерялъ довѣріе къ своей дѣйствительно прекрасной позиціи 18 числа, не смотря на то, что самъ же называлъ ее „непобѣдимою". Базеномъ въ день Гравелётскаго боя овладѣло опасеніе, что эта „непобѣдимая" позиція можетъ быть прорвана нѣмцами какъ разъ въ самой крѣпкой и безопасной, упирающейся въ Мозель лѣвой ея части, а между тѣмъ условія мѣстности были тутъ очень благопріятны; позиція усилена была укрѣпленіями; наконецъ непосредственно позади находились форты Сенъ-Кентенъ и Пляпвиль. Подъ вліяніемъ этихъ опасеній маршалъ расположилъ у поименованныхъ фортовъ всѣ свои резервы, то есть гвардейскій корпусъ и резервную артиллерію, и лично въ теченіе цѣлаго дня не оставлялъ этихъ окрестностей.

Переправа съ праваго на лѣвый берегъ Мозеля 1ой кавалерійской нѣмецкой дивизіи у Аръ и бригады Гнейзенау отъ 8го корпуса — у Новэанъ, совершавшаяся утромъ 18 числа и замѣченная издали съ французскаго обсерваціоннаго пункта на фортѣ Сенъ-Кентенъ, утвердила Базена въ убѣжденіи, что нѣмцы затѣваютъ аттаку именно лѣваго фланга его позиціи. Поглощенный въ началѣ дня этими соображеніями, а потомъ и тутъ-же предъ нимъ разыгрывающимися событіями, Базенъ, все время боя остававшійся ближе къ своему лѣвому флангу, въ окрестностяхъ Пляпвиля и Сенъ-Кентена, видимо гораздо менѣе заботился о своемъ правомъ флангѣ и какъ будто заранѣе мирился уже съ мыслью о возможномъ его охватѣ противникомъ. Маршалъ заранѣе уже думалъ объ отступленіи или перенесеніи назадъ этой части позиціи французовъ.

Вотъ что писалъ Базенъ Канроберу утромъ 18 числа:

„Мецъ, 18 августа, 10 часовъ утра".

„Маршалъ Ле-Бефъ доноситъ, что непріятельскія войска, которыя кажутся значительными, какъ будто наступаютъ на него; въ эту минуту когда я пишу онъ присылаетъ пріобщаемую при семъ выписку изъ донесеній его разъѣздовъ. Какъ бы то ни было, расположитесь возможно прочнѣе на вашихъ позиціяхъ и свяжитесь съ правымъ флангомъ 4го корпуса; нужно, чтобы войска расположились въ двѣ линіи съ возможно узкимъ фронтомъ. Вы хорошо сдѣлаете, приказавъ осмотрѣть дороги, которыя ведутъ отъ Маранжъ" (Marange) „къ вашему крайнему правому флангу. Я приказалъ генералу Лямиро сдѣлать то же самое по отношенію деревни Норуа-ле-Венеръ" (Noroy le Veneur). „Если бы непріятель, распространяясь по нашему фронту, собирался серіозно аттаковать Сенъ-Прива-ля-Монтань, то примите всѣ нужныя мѣры, чтобы удержаться и дозволить правому крылу совершить перемѣну фронта

для занятія, если окажется нужнымъ, позицій позади, которыя въ настоящее время рекогносцируются. Я не хотѣлъ бы быть тамъ сломаннымъ непріятелемъ, и если указанное движеніе совершится, то только съ цѣлью облегчить пополненіе продовольствія, дать большее количество воды лошадямъ и дозволить людямъ помыться и выстирать свое бѣлье и т. д.", и наконецъ добавлено:

„Полагаю, что вашъ начальникъ артиллеріи принялъ достаточное количество зарядовъ, чтобы пополнить ваши ящики и парки" [1]).

Тутъ, какъ сказано, явствуетъ, что Базенъ предвидѣлъ возможность обхода праваго своего фланга; однако онъ не думалъ объ его усиленіи и о побѣдѣ на этой части поля сраженія; напротивъ того, маршалъ, такъ сказать, съ мѣста мирился уже съ необходимостью перемѣны фронта, то есть отступленія. Вообще, Базенъ гораздо болѣе заботился о лѣвомъ своемъ флангѣ, куда онъ въ началѣ сраженія направилъ дивизію вольтижеровъ гвардіи: одну бригаду для поддержанія корпуса Ле-Бефа, а другую расположилъ позади корпуса Фроссара.

Наконецъ Базенъ (какъ значится въ его сочиненіи) около 3 часовъ пополудни двинулъ по направленію своего праваго фланга гренадерскую дивизію гвардіи подъ начальствомъ ея корпуснаго командира, генерала Бурбаки, снабдивъ его неопредѣленнымъ приказаніемъ „войти въ сношеніе съ командирами корпусовъ Лямиро и Канроберомъ" [2]).

Не имѣя другихъ, болѣе точныхъ данныхъ, трудно сказать въ какомъ дѣйствительно видѣ было дано это приказаніе и какъ исполнено; но довольно того, что голова гренадерской дивизіи гвардіи, тронувшаяся съ мѣста въ 3 часа пополудни, только къ ночи показалась у выходовъ изъ лѣсу противъ Сенъ-Прива, пробиваясь черезъ толпы отступавшихъ тогда войскъ 6го корпуса,—между тѣмъ какъ весь путь до самаго Сенъ-Прива можно было пройти въ какихъ-либо два часа времени.

Совершенно понятно, что весьма неопредѣленное приказаніе, данное маршаломъ Базеномъ генералу Бурбаки, могло быть причиною мѣшкотности рѣшеній и дѣйствій послѣдняго. И въ самомъ дѣлѣ, — что же значитъ „войти въ сношеніе". Вѣдь „въ сношеніе" должны входить всякія по сосѣдству находящіяся войска всегда и вездѣ. Тутъ очевидно шелъ вопросъ о совершенно иномъ, а именно о рѣшеніи, гдѣ именно и когда съ наибольшею пользою ввести въ дѣло императорскую гвардію, направляемую для усиле-

---

[1]) Базенъ, стр. 102—103. Заряды пополнены не были.
[2]) Базенъ, стр. 104.

ленія праваго крыла французской арміи. Но подобный вопросъ могъ быть рѣшенъ только единолично. А такъ какъ Базенъ находился вдали и не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о положеніи тамъ дѣлъ, то власть эту надо было ему сразу и всецѣло предоставить другому опредѣленному лицу. Но вмѣсто того Базенъ, какъ самъ онъ говоритъ, далъ приказаніе Бурбаки „войти въ сношеніе съ Лямиро и Канробером“.

Тутъ опять встрѣчаемся съ игнорированіемъ со стороны французовъ всякаго ясно опредѣленнаго іерархическаго и органическаго порядка. Нельзя не признать, что въ виду приказанія даннаго генералу Бурбаки въ сущности никто не имѣлъ права распорядиться дивизіею гвардіи, хотя она находилась тутъ же, подъ рукою. Съ одной стороны, она не была отдана въ распоряженіе ни Канробера, ни Лямиро, а съ другой — самъ Бурбаки тоже потерялъ право дѣйствовать по своему усмотрѣнію, коль скоро его рѣшенія обусловлены были „сношеніемъ“ съ обоими поименованными начальниками.

Въ данномъ случаѣ, когда самъ Базенъ предвидѣлъ возможность охвата праваго своего фланга, проще всего, конечно, было — послать гренадерскую дивизію гвардіи прямо въ распоряженіе маршала Канробера. Тамъ она могла содѣйствовать отраженію обхода праваго фланга 6го корпуса, или же контръ-аттакою на лѣвый флангъ нѣмцевъ содѣйствовать корпусу Лямиро, — въ менѣе вѣроятномъ случаѣ — если бы нѣмцы главныя свои усилія направили фронтально противъ этого именно корпуса.

Наконецъ, если маршалъ Базенъ въ 3 часа пополудни не считалъ еще своевременнымъ направить послѣдній свой резервъ именно на крайній правый флангъ боевой позиціи, то онъ могъ дать Бурбаки такія же приказанія, какія далъ въ тотъ день принцъ Фридрихъ-Карлъ командирамъ корпусовъ второй линіи (2му и 10му), сущность коихъ (приказаній) заключалась въ томъ, чтобы командиры, наблюдая за ходомъ дѣла, принимали „самостоятельныя рѣшенія“ куда именно направить свои удары. Если бы Бурбаки получилъ подобныя же приказанія, то ему оставалось бы немедленно выѣхать впередъ и, пока дивизія подходила, достаточно ознакомиться съ обстановкою и ходомъ боя и затѣмъ принять окончательное рѣшеніе.

Весьма вѣроятно, что при своевременномъ прибытіи дивизіи императорской гвардіи къ Сенъ-Прива, хотябы и послѣ перваго приступа прусской гвардіи, представилась бы полная возможность отогнать залегшихъ вблизи Сенъ-Прива пруссаковъ. Для этого впрочемъ, хватило бы и собственныхъ силъ Канробера. Оффи-

ціальная прусская исторія не только признаетъ подобную эвентуальность, но указывая на нее выражаетъ даже удивленіе, что французы упустили случай отбросить прусскую гвардію совершенно назадъ, къ Сентъ-Мари [1]). Если бы залегшая противъ Сенъ-Прива прусская гвардія, и безъ того уже сильно разстроенная, была отброшена и принуждена къ отступленію подъ огнемъ французовъ, то она конечно сдѣлалась бы совершенно неспособною къ новому наступательному бою въ этотъ же еще день, и засимъ французы, усиленные у Сенъ-Прива гвардейскою дивизіею, по всей вѣроятности отбили бы саксонцевъ и слѣдовательно удержалась бы на своей позиціи по всему ея фронту.

Эти предположенія приводятся здѣсь вовсе не въ видахъ безплодныхъ умствованій, имѣющихъ основаніемъ своимъ то именно, чего въ дѣйствительности не случилось, но для того, чтобы показать какъ важно на войнѣ прямое и ясное отношеніе къ дѣлу и опредѣленныя приказанія съ предоставленіемъ достаточнаго простора „самостоятельности и почину частныхъ начальниковъ".

Но именно „самостоятельный починъ" — самое больное мѣсто французскихъ подчиненныхъ начальниковъ разбираемой эпохи. Самостоятельности отъ нихъ не требовалось; ее стѣсняли, преслѣдовали и порицали даже въ самыхъ обыденныхъ и вполнѣ необходимыхъ проявленіяхъ, какъ это уже неоднократно было указываемо. А чтобы не повторять приведенныхъ уже примѣровъ, можно указать лишь на то, что и по случаю боя 18 августа Базенъ не преминулъ упрекнуть Канробера въ томъ, что послѣдній занялъ Сентъ-Мари-о-Шенъ въ видѣ передоваго пункта, хотя оборона его французами причинила нѣмцамъ немаловажныя потери, выяснила французамъ намѣренія противника и отдалила время аттаки на Сенъ-Прива.

Маршалъ Базенъ, пожалуй, могъ не считать цѣлесообразнымъ занятіе и оборону Сентъ-Мари и критиковать эту мѣру въ своемъ сочиненіи (мнѣнія свободны), но странно, что онъ заявляетъ прямо, что это „было противно инструкціямъ", даннымъ Канроберу [2]). Отсюда выводъ, что находящійся на мѣстѣ командиръ корпуса не имѣетъ даже права занять и защищать данный ему участокъ позиціи по своему ближайшему усмотрѣнію и долженъ ожидать подробныхъ указаній отъ того, кто никакъ не можетъ знать ближайшей обстановки.

Впрочемъ, неизбѣжное послѣдствіе подобнаго взгляда старшихъ начальниковъ, то есть пассивность младшихъ, выразилось въ данномъ

[1]) Томъ 1, стр. 873.
[2]) Базенъ, стр. 103.

случаѣ и со стороны Канробера. Онъ не только не опрокинулъ залегшей у Сенъ-Прива прусской гвардіи, на что имѣлъ достаточныя средства, коль скоро уже послѣ потери Сенъ-Прива могъ прикрыть свое отступленіе, но онъ непосредственно послѣ потери Сентъ-Мари готовился уже очистить Ронкуръ и откинуть свой правый флангъ назадъ [1]).

Отказывая своимъ генераламъ въ малѣйшей самостоятельности, занимаясь мелочами вродѣ указанія мѣстъ батареямъ, дѣйствовавшимъ того же 18 числа противъ аттаки Гольца, Базенъ упускаетъ между тѣмъ свои обязанности главнокомандующаго. Правый свой флангъ онъ на дѣлѣ какъ будто считаетъ менѣе важнымъ. Онъ упрекаетъ Канробера въ томъ, что послѣдній не укрѣпилъ позиціи, но со своей стороны не заботится о снабженіи Канробера шанцевымъ инструментомъ изъ армейскаго парка, зная, что паркъ Канробера остался въ Шалонѣ [2]).

Наконецъ, Канроберъ испыталъ и послѣдствія прежнихъ ошибокъ временъ командованія императора Наполеона, допустившаго отрѣзать отъ арміи артиллерійскіе ея парки. По недостатку зарядовъ артиллерія Канробера въ день 18 августа имѣла только по 100 зарядовъ на орудіе [3]), такъ что послѣ первой оживленной пальбы пришлось скоро умѣрить огонь для сбереженія на рѣшительныя минуты; пока же каждое орудіе давало по одному выстрѣлу каждую четверть часа [4]).

Не вдаваясь затѣмъ въ частности и въ безплодныя разбирательства кто въ чемъ виноватъ, достаточно констатировать неоспоримый фактъ, что ключъ французской позиціи и самое больное ея мѣсто въ бою 18 августа, т. е. Сенъ-Прива, не былъ поддержанъ резервами, не былъ укрѣпленъ и не защищенъ достаточно сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Всѣмъ этимъ французская армія обязана неумѣлости своихъ тогдашнихъ начальниковъ.

Въ сраженіи при Гравелётъ — Сенъ-Прива, нѣмцы, не смотря на свое значительное численное превосходство, едва не были

[1]) Мѣры эти приняты предварительною установкою на новой позиціи части артиллеріи 6-го корпуса, чѣмъ (надо полагать съ вѣдома маршала Канробера) распорядился генералъ Монлюизанъ (Montluisant). „Нѣмецкая артиллерія въ битвахъ у Меца“, ч. 3, стр. 176—177.

[2]) Понятно, что Канроберъ прежде всего самъ обязанъ былъ позаботиться объ этомъ.

[3]) Такимъ образомъ на батарею приходилось по 600 зарядовъ, между тѣмъ какъ напримѣръ нѣкоторыя нѣмецкія батареи въ бою подъ Марсъ-ля-Туромъ выпустили болѣе 1000 зарядовъ каждая.

[4]) „Нѣмецкая артиллерія въ сраженіяхъ у Меца“, ч. 3, стр. 178.

отброшены слабѣйшими силами французовъ, по крайней мѣрѣ подобный результатъ былъ совершенно въ рукахъ французскихъ начальниковъ.

Причина этому та, что нѣмцы, не будучи сразу достаточно оріентированы, выступили въ сраженіе не на основаніи общаго, болѣе или менѣе точнаго соображенія и плана, а какъ будто ощупью, не зная гдѣ имъ искать непріятеля и гдѣ его ожидать! А между тѣмъ нѣмцы 18 числа уже пятый день находились въ непосредственномъ соприкосновеніи съ арміею Базена и бо́льшую часть дня 17 числа и ночь на 18^{00} провели, такъ сказать, локоть объ локоть съ французами, такъ какъ правый нѣмецкій флангъ сходился съ лѣвою оконечностью новой позиціи арміи Базена.

Причина подобнаго страннаго явленія все та же, то есть недостаточное освѣщеніе конницею. Предметъ этотъ, на сколько онъ касается предыдущаго времени, по 16 число, достаточно разобранъ прежде. За описываемое же здѣсь время, 17 и 18 августа, случилось тоже самое, не смотря на то, что нѣмцы по расчету оффиціальной прусской исторіи войны 18 числа имѣли на лицо болѣе 24 тысячъ конницы, изъ коей до 20 тысячъ находилось на мѣстѣ еще 17 августа [1]).

Очевидно, что значительныя французскія силы, встрѣченныя нѣмцами 16 числа и очень больно заявившія тогда о своемъ присутствіи, могли 17 и 18 августа находиться только просто у Меца, или на походѣ въ отступленіи отъ этого плацдарма къ р. Мезѣ, или же наконецъ — въ обоихъ этихъ положеніяхъ (въ случаѣ раздѣленія Базеновской арміи). Если затѣмъ нѣмцы интересовались французами, то развѣдки ихъ должны были охватить два района: одинъ — сѣверный, на пути по которымъ могли уходить французы къ р. Мезѣ, и другой, восточный, къ Мецу. Притомъ вмѣсто полнаго обслѣдованія всего сѣвернаго района, или пожалуй рядомъ съ нимъ, можно было въ извѣстномъ разстояніи отъ Меца просто пересѣчь развѣдками главнѣйшія дороги, по коимъ французы вообще могли отходить къ р. Мезѣ. Задачу эту нѣмцы, какъ доказано, обязаны были исполнить одновременно съ началомъ обходнаго движенія Меца, а въ описываемый періодъ и подавно. Они дѣйствительно предприняли нѣчто подобное и именно саксонскою отдѣльною кавалерійскою дивизіею.

Выше уже сказано, что главная королевская квартира еще 16 числа вечеромъ распорядилась, чтобы саксонская отдѣльная кавалерійская дивизія двинулась на дорогу Мецъ — Верденъ.

[1]) „Оффиціальная исторія войны“, т. 1, стр. 232 –235 „прибавленій“.

Командиръ же саксонскаго корпуса, принцъ Альбертъ, весьма раціонально приказалъ дивизіи дойти до втораго, болѣе сѣвернаго пути Мецъ—Верденъ (на Донкуръ).

Саксонская кавалерійская дивизія, исполняя это приказаніе, рано утромъ 17 числа пересѣкла дорогу Мецъ—Верденъ (на Марсъ-ля-Туръ), а въ 9 часовъ очутилась уже у Порфандрупа (Porfandroupt) на второй, то есть сѣверной дорогѣ Мецъ—Верденъ (на Донкуръ и Этенъ), причемъ саксонцы могли, конечно, узнать положительно, что по обѣимъ этимъ дорогамъ французская армія не отступала. Скоро затѣмъ саксонскіе разъѣзды донесли начальнику дивизіи, что черезъ Этенъ (западнѣе Парфандрупъ) французы не отходили. А такъ какъ именно въ Этенъ упирается третій, самый сѣверный путь, ведущій изъ Меца въ Верденъ, то нетрудно было тогда же, то есть утромъ 17 августа, вывести заключеніе, что французская армія къ Вердену пока „не отступала". Принявъ затѣмъ въ соображеніе, что кружная, самая сѣверная дорога вдоль Бельгійской границы отъ Меца на Момеди и Седанъ, вела черезъ Бріей, отстоящій отъ лѣваго нѣмецкаго фланга у Марсъ-ля-Туръ верстъ на 15, то въ тотъ же еще день, 17 августа, возможно было добыть свѣдѣніе, что французской арміи тамъ нѣтъ и не было и что она, слѣдовательно „находится тутъ же, у Меца, по близости нѣмецкой арміи".

Послѣднее обстоятельство, то есть присутствіе значительныхъ силъ французовъ или вѣрнѣе цѣлой арміи на позиціи между р.р. Мозель и Орною, нѣмцы непремѣнно должны были раскрыть и непосредственнымъ прикосновеніемъ еще въ теченіе 17 числа, такъ какъ французы въ тотъ день начали отступленіе свое съ ранняго утра, такъ что, напримѣръ, корпусъ Фроссара занялъ новое свое расположеніе уже къ 10 часамъ утра; правда, что путь его былъ нѣсколько короче противъ разстояній, которыя пришлось пройти остальнымъ корпусамъ; къ тому же французы, по обыкновенію, убрали назадъ свою конницу, совершенно открывая свой фронтъ [1]).

Тѣмъ не менѣе нѣмецкая конница въ теченіе 16 числа ничего не раскрыла, и совершенно потеряла изъ виду даже тѣ массы французовъ, которыя утромъ 17 числа ясно видны были королю Вильгельму и прочимъ нѣмецкимъ начальникамъ, еще съ 6 часовъ утра собравшимся на высотѣ у Флявиньи. Ночные нѣмецкіе разъѣзды съ 17 на 18 августа тоже не пополнили этого пробѣла. Наконецъ, съ самаго утра 18 числа отъ кавалеріи, пред-

---

[1]) Фроссаръ, стр. 103.

шествовавшей движенію нѣмецкихъ корпусовъ на сѣверъ, начали поступать свѣдѣнія сбивчивыя и даже прямо ложныя.

Весьма замѣчательно, что ни 17 числа, ни 18го вовсе не было предпринято и даже не приказано свыше сдѣлать общую систематическую развѣдку къ сторонѣ Меца, а между тѣмъ эта ближайшая окрестность имѣла весьма важное значеніе хотя бы какъ крѣпость вообще. Вдобавокъ, нѣмцамъ положительно было извѣстно, что цѣлая французская армія находилась тамъ въ недавнемъ прошедшемъ; а потому можно было найти тамъ или французскую армію или, по меньшей мѣрѣ, хотя слѣды ея пребыванія.

Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что основательныя и систематическія развѣдки, произведенныя кавалеріею съ артиллеріею хотя бы подъ вечеръ 17 числа [1]), неминуемо констатировали бы отсутствіе французовъ въ сѣверномъ направленіи и раскрыли бы ихъ позицію впереди Меца по всему ея фронту. Такъ именно должно было быть, если бы нѣмцы сумѣли воспользоваться своею многочисленною конницею. Но на дѣлѣ вышло то, что близкое присутствіе цѣлой готовой къ отпору французской арміи было для нѣмцевъ 18 августа почти совершеннымъ сюрпризомъ. Они готовились преслѣдовать непріятеля и пожать плоды „побѣды", и никакъ не ожидали, что эту побѣду придется имъ еще заслужить въ новой жестокой схваткѣ. Отсюда въ дѣйствіяхъ нѣмцевъ въ бою 18 числа не замѣчается должной связи и единства и неторопливой обдуманности, а напротивъ того со стороны частныхъ начальниковъ не разъ проявляется излишняя поспѣшность, чтобы не сказать — опрометчивость.

Всѣ эти обстоятельства передали многія шансы успѣха въ руки французовъ и увеличили рискъ и опасности нѣмцевъ, которые притомъ и не достигли главной своей цѣли, т. е. не оттѣснили французовъ на нейтральную Бельгійскую границу [2]). Конечно, рискъ и опасности — это стихія, въ которой поневолѣ вращается война, но дѣло полководца до минимума ограничивать вредныя ихъ вліянія. А нѣмцы имѣли въ рукахъ всѣ средства для того, чтобы ничего не предоставить капризному случаю; но они ими не воспользовались.

Подозрѣвать нѣмецкихъ стратеговъ въ томъ, что они не стояли на высотѣ серіозной минуты, что они не поняли и не разгадали общаго, указаннаго выше положенія дѣлъ — было бы по меньшей мѣрѣ опрометчиво. Напротивъ того, это положеніе дѣлъ ясно и мѣт-

[1]) Къ этому времени даже уставшая наканунѣ нѣмецкая конница могла достаточно отдохнуть и оправиться.

[2]) Въ слѣдующей главѣ вопросъ этотъ разобранъ подробнѣе.

ко очерчено генераломъ Мольтке вечеромъ 16 числа, въ то время когда еще не замолкъ гулъ жестокаго и столь опаснаго для нѣмцевъ боя при Марсъ-ля-Турѣ.

Въ посланіи принцу Фридриху-Карлу, писанномъ въ Понтъ-а-Муссонъ 16 числа въ 8½ часовъ вечера (приведенномъ въ своемъ мѣстѣ), Мольтке выразилъ прямо, что „насталъ моментъ, который можетъ рѣшить участь кампаніи" и что „успѣхъ будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше были силы французовъ въ бою противъ 3го корпуса". Слѣдовательно, тутъ было полное сознаніе серіознаго значенія грядущихъ событій.

Далѣе небезызвѣстно, что нѣмецкое начальство простирало вообще прозорливость свою до того, что заблаговременно еще до войны изучило всѣ обстоятельства такъ точно и подробно, до малѣйшихъ мелочей, что оно не разъ у Меца заранѣе указывало своимъ разъѣздамъ пункты, съ которыхъ открывался большой кругозоръ на окрестности [1]). Спрашивается, повторяю, какимъ образомъ тѣ же начальники въ моментъ рѣшительнаго кризиса, не смотря на имѣемыя средства, остались совершенно безъ свѣдѣній о противникѣ?

Для того, чтобы понять это явленіе, необходимо припомнить, что начальство 2ой нѣмецкой арміи 16 числа находилось еще подъ впечатлѣніемъ выдержаннаго наканунѣ тяжелаго и опаснаго боя, который по мнѣнію того же начальства, могъ возобновиться каждую минуту и разыграться раньше прибытія достаточныхъ подкрѣпленій. Слѣдовательно, забота о самосохраненіи была тутъ ближайшею и, казалось, самою главною, пока, цѣлью. Такимъ образомъ начальство 2ой нѣмецкой арміи, находясь подъ гнетомъ тяжелаго настоящаго, упустило изъ виду ближайшее будущее и болѣе важные общіе интересы нѣмецкихъ армій. Такъ по крайней мѣрѣ по существу, если и не тѣми же словами, объясняютъ это дѣло нѣмецкіе историки.

Но, какъ бы то ни было, кажется, что если командиръ 2ой нѣмецкой арміи, повинуясь общечеловѣческой слабости, поневолѣ поддался гнету ближайшей минуты, теряясь въ подробностяхъ и частностяхъ, то высшее начальство въ то время тѣмъ болѣе должно было заботиться о будущемъ и не упускать изъ виду крупнаго цѣлаго. Главная королевская квартира, какъ изложено прежде, могла уже достаточно убѣдиться, что не только начальство 1ой арміи, но даже и 2ой не сумѣло своевременно воспользоваться своею конницею для обширныхъ основательныхъ поисковъ Кровопролитное и крайне рискованное для нѣмцевъ сраженіе 16 августа было прямымъ по-

---

[1]) Указанія на это встрѣчаются въ исторіи 2-й арміи.

слѣдствіемъ этого неумѣнія. Поэтому обще-верховное начальство нѣмецкихъ армій, съ 6 часовъ утра 17 числа бывшее на полѣ вчерашней битвы, непремѣнно должно было твердо взять въ руки общіе интересы. Тутъ нечего было церемониться съ „принципомъ самостоятельности частныхъ“ начальниковъ, хотя бы и командировъ армій.

Въ дѣлѣ военномъ, дѣлѣ прямо и чисто практическомъ, никакія правила и никакіе принципы не могутъ быть предметомъ „безусловнаго культа“. На войнѣ всегда и вездѣ повелѣваютъ ближайшія обстоятельства. Они на этотъ разъ сложились такъ, что нѣмцамъ во что бы ни стало необходимо было раскрыть французовъ; а потому главное нѣмецкое начальство обязано было достигнуть этого, ни на что не оглядываясь и ничѣмъ не стѣсняясь. Оно этого не исполнило, и нѣмецкій солдатъ, нѣмецкій офицеръ въ день Гравелёта, точно также какъ и въ кровавый день Марсъ-ля-Тура, опять жестоко поплатились за промахи тѣхъ, за которыми однако осталась вся слава успѣха.

Главнѣйшія проявленія самостоятельнаго почина нѣмецкихъ частныхъ начальниковъ въ описываемый въ настоящей главѣ короткій промежутокъ времени были слѣдующія:

Находившійся на полѣ сраженія 16 августа командиръ 10го нѣмецкаго корпуса, Фохтсъ-Рецъ, вечеромъ того дня передалъ командиру эскадрона (прибывшаго отъ саксонской кавалерійской дивизіи для отысканія связи съ ближайшими вправо войсками), записку, въ коей выразилъ, чтобы 17го съ разсвѣтомъ всѣ свободныя войска собрались къ Тронвилю. Записка эта прежде всего, въ 10 часовъ вечера, попала въ Реньевиль (между Понтъ-а-Муссонъ и Тіокуръ), въ головную саксонскую 23^{ью} пѣхотную дивизію. Командиръ этой дивизіи, принцъ Георгъ Саксонскій, для того, чтобы поспѣть во́-время, немедля, ночью же поднялъ свою дивизію и направился къ Тронвилю, предупреждая такимъ образомъ приказаніе свыше, которое послѣдовало какъ со стороны принца Фридриха-Карла, такъ и изъ главной королевской квартиры.

Командиръ саксонскаго корпуса, принцъ Альбертъ, получивъ приказаніе двинуть саксонскую кавалерійскую дивизію 17 числа на дорогу изъ Меца въ Верденъ, приказалъ ей пересѣчь не только этотъ ближайшій путь, но и другой, болѣе сѣверный. Саксонская кавалерійская дивизія, со своей стороны, еще во время дѣла 16 августа предлагала сражавшимся свои услуги. Надо полагать, что въ дивизіи 16 же числа въ ожиданіи приказаній или извѣстій все было готово къ тому, чтобы пріостановить движеніе на западъ,

къ р. Мезѣ, и идти на сѣверъ. По крайней мѣрѣ видно, что 17 числа дивизія не только пересѣкла ближайшую къ ней дорогу Мецъ — Верденъ, но уже въ 9 часовъ утра достигла слѣдующей, указанной ей принцемъ Альбертомъ Саксонскимъ.

Принцъ Георгъ Саксонскій, отправляясь, какъ сказано, на поддержку войскамъ Фохтсъ-Реца, одновременно донесъ о томъ по начальству, а о содержаніи записки сообщилъ ближайшему сосѣднему корпусу, именно прусскому гвардейскому.

Командиръ гвардейскаго корпуса, принцъ Виртембергскій, еще днемъ (заслыша дальнюю канонаду) сдѣлалъ распоряженіе, чтобы корпусъ на другой день, 17 числа, не продолжалъ движенія къ р. Мезѣ, а въ ожиданіи приказаній свыше стянулся болѣе къ сѣверу (т. е. къ сторонѣ поля битвы). Идти прямо на выстрѣлы, т. е. на сѣверъ, еще 16 числа принцъ Виртембергскій не рѣшался, не зная, не будетъ-ли корпусъ его нужнѣе для того, чтобы поспѣть наперерѣзъ французамъ, которые могли быть и въ пути дальше къ западу. Притомъ принцу вовсе не была извѣстна обстановка разъигравшагося боя; а потому принцъ Виртембергскій ограничился пока тѣмъ, что отправилъ на выстрѣлы двухъ офицеровъ, которые, вернувшись поздно ночью, доложили о видѣнномъ ими боѣ [1]). Когда же приказаніе идти къ Марсъ-ля-Туру дѣйствительно послѣдовало, то гвардейскій корпусъ былъ совершенно подготовленъ къ движенію въ ту сторону и уже около часу дня 17 числа показался вблизи вчерашняго поля сраженія.

Приказаніе главной королевской квартиры, чтобы 7ой и 8ой корпуса 17 числа поспѣшили переправою и шли на поддержку 2ой арміи, тоже было уже предупреждено ближайшими начальниками. Изъ описанія дѣла видно, что одна бригада генерала Война 8го корпуса (дивизіи Барпекова) приняла участіе въ дѣлѣ 16 числа, а командиръ этого корпуса, Гебенъ, самостоятельно распорядился уже о переправѣ 17 числа всѣхъ остальныхъ подчиненныхъ ему войскъ.

Для этой же цѣли командиръ 1ой арміи, генералъ Штейнмецъ, не ожидая никакихъ приказаній изъ главной королевской квартиры, еще 16 числа приказалъ подготовить переправы у Корни и Арри и увеличить число мостовъ для обезпеченія немедленнаго перехода войскъ на ту сторону рѣки Мозель.

Однако, рядомъ съ этими и другими еще (о коихъ упомянуто) раціональными со стороны нѣмцевъ проявленіями частной предпріимчивости въ бою 18 августа едва ли не впервые въ эту кампанію встрѣчается съ ихъ стороны извѣстная, излишняя горячность,

[1]) Гогенлоэ „Стратегическія письма“ (Strategische Briefe). т. 1, стр. 318—320.

признакъ едва ли не эгоистической жажды отличій, переходящей въ опрометчивость, чтобы не сказать — распущенность. А черезъ все это видимо сквозитъ пренебреженіе къ противнику, котораго храбрая французская армія отнюдь не заслуживала.

Перехожу къ описанію помянутыхъ отрицательныхъ проявленій въ дѣятельности частныхъ нѣмецкихъ начальниковъ.

Бой 18 августа начатъ былъ со стороны нѣмцевъ 9ымъ корпусомъ. Этотъ послѣдній въ 10 часовъ утра получилъ приказаніе „идти отъ Верневиля на Ля-Фоли, и если тамъ находится правый непріятельскій флангъ, то, пока, начать дѣло сильною артиллеріею".

Нельзя сказать, чтобы приказаніе это вполнѣ оріентировало командира 9го корпуса, генерала Манштейна, по отношенію дѣйствительныхъ намѣреній начальства „охватить правый флангъ французовъ", который тогда предполагался у Ля-Фоли. Быть можетъ, что принцъ Фридрихъ-Карлъ, имѣя намѣреніе скоро отправиться въ ту сторону лично, думалъ распорядиться дальше согласно обстоятельствамъ. Но не надо забывать и того, что приказаніемъ, посланнымъ генералу Манштейну 1½ часами раньше, рекомендовалось ему „послать разъѣзды на Лейпцигъ и Сенъ-Прива", слѣдовательно принцъ вправѣ былъ предполагать, что генералъ Манштейнъ самъ уже точнѣе ознакомленъ съ ближайшею обстановкою, то есть дѣйствительнымъ протяженіемъ позиціи французовъ.

Далѣе, приказаніе принца указывало дѣйствіе пока предварительное, самое осторожное, то есть „канонаду", въ томъ случаѣ, „если фронтъ французовъ оканчивается у Ля-Фоли". Понятно, что осторожность должна была быть соблюдаема еще бо́льшая, если бы фронтъ непріятеля, а слѣдовательно и наличныя его силы, оказались больше предполагаемыхъ.

Но генералъ Манштейнъ, видимо вовсе не обслѣдовавъ заранѣе расположенія противника и вовсе не подготовленный къ близкому бою[1]), далеко неудачно воспользовался правомъ почина, и вмѣсто рекогносцировочной, такъ сказать, канонады вздумалъ открыть бой прямо нечаяннымъ артиллерійскимъ нападеніемъ на лагерь французовъ. Однако французы на сей разъ не дремали и на артиллерійскій налетъ отвѣтили пѣхотнымъ сюрпризомъ, отъ котораго не поздоровилось храбрымъ батареямъ 9го нѣмецкаго корпуса.

Тутъ, слѣдовательно, видимъ примѣръ неудачнаго примѣненія самостоятельнаго почина со стороны частнаго начальника. Артиллерійское нападеніе 9го корпуса въ день 18 августа было какъ бы

---

[1]) Въ своемъ мѣстѣ сказано, что артиллерійская прислуга разошлась по разнымъ хозяйственнымъ дѣламъ и т. п.

подражаніемъ подобному же налету батарей Рейнбабена, открывшему бой у Марсъ-ля-Тура. Но конница Рейнбабена производила тогда усиленную развѣдку и канонада ея въ соотвѣтственномъ разстояніи послужила средствомъ раскрытія непріятеля. Артиллерійскій налетъ не былъ тогда спеціально задуманъ; онъ явился скорѣе послѣдствіемъ ближайшей обстановки въ видѣ удачной импровизаціи и вполнѣ соотвѣтствовалъ задачѣ, поставленной кавалеріи. Напротивъ того, первоначальное дѣйствіе артиллеріи 9го корпуса 18 августа въ общемъ совершенно не соотвѣтствовало поставленной задачѣ, а въ частности приведено въ исполненіе безъ всякой надлежащей подготовки и зрѣлаго обсужденія. Тутъ ради частнаго успѣха, ради единичнаго мелочнаго отличія допущено отступленіе отъ данныхъ приказаній съ пренебреженіемъ общихъ интересовъ и задачъ цѣлой арміи.

Общія задачи требовали отъ 9го корпуса выжидательнаго, пока, боя, то есть просто канонады съ соотвѣтственныхъ, во всякомъ случаѣ неблизкихъ разстояній. Затѣянный же командиромъ корпуса артиллерійскій налетъ ничего общаго съ этимъ не имѣлъ и вдобавокъ никакихъ особыхъ важныхъ выгодъ нѣмцамъ не сулилъ. Дѣйствительно, если бы французы не думали держаться на позиціи, то они при нападеніи артиллеріи Манштейна просто уклонились бы отступленіемъ къ фортамъ Меца; въ противномъ же случаѣ должно было случиться то, что́ приключилось въ дѣйствительности, то есть пораженіе нѣмецкой артиллеріи.

Тутъ кстати слѣдуетъ припомнить, что въ день Марсъ-ля-Тура изнемогавшій въ неравномъ бою 3^{ій} корпусъ, Альвенслебена, не былъ во время поддержанъ войсками 9го корпуса по причинѣ того, что командиръ корпуса воспретилъ своимъ подчиненнымъ совершить въ тотъ день какое бы то ни было передвиженіе безъ особаго его на то разрѣшенія.

Такимъ образомъ, въ поведеніи командира 9го нѣмецкаго корпуса встрѣчается нѣчто аналогичное съ дѣйствіями Базена, а именно стѣсненіе разумнаго почина подчиненныхъ безусловными приказаніями (или воспрещеніями), а съ другой—упущеніе собственныхъ своихъ прямыхъ обязанностей. Первому соотвѣтствовало помянутое воспрещеніе на 16 число, а послѣднему — отсутствіе основательныхъ развѣдокъ во время движенія корпуса 18 августа отъ Резонвиля на сѣверъ, а также во время остановки противъ Верневиля, не смотря даже на напоминаніе командира арміи, который прямо указалъ „на развѣдку въ раіонѣ Лейпцигъ — Сенъ-Прива“.

Вслѣдъ за 9^{ымъ} корпусомъ слишкомъ поспѣшно ввязался въ бой и 8ой корпусъ вслѣдствіе неточно переданныхъ ему приказаній.

*

Дѣйствительно, согласно приказаній короля, 8ой корпусъ тоже долженъ былъ вести бой выжидательный, но вмѣсто того корпусъ этотъ сразу ввязался въ ожесточенный бой, въ который еще до конца дня вынужденъ былъ пустить въ дѣло послѣдніе свои резервы. Войска 7го корпуса, долженствовавшія непосредственно прикрывать переправы черезъ Мозель и обезпечивать флангъ нѣмцевъ, понемногу тоже введены были въ дѣло Штейнмецомъ.

Вообще бой на правомъ нѣмецкомъ крылѣ (корпуса 9ый, 8ой и 7ой) принялъ съ мѣста такіе размѣры и характеръ, которые вовсе не соотвѣтствовали видамъ и указаніямъ главной королевской квартиры и въ свою очередь повели къ поспѣшному и неподготовленному употребленію въ дѣло 2го корпуса, Франзецкаго.

Командиръ этого корпуса, бывшій уже съ часу дня у Резонвиля (версты три отъ Гравелёта), упуская изъ виду общее дѣло, видимо не ознакомился лично съ обстоятельствами и мѣстностью. Приказаніе „аттаковать черезъ Гравелётъ" застало его неподготовленнымъ и было причиною тому, что баталіоны 2го корпуса пущены прямо черезъ дефиле Гравелёта, и безъ того запруженное. Отъ этого въ дефиле и за нимъ произошло столпленіе, сумятица и чувствительныя потери не только отъ огня французовъ, но даже отъ своего собственнаго.

Прусская оффиціальная исторія утѣшаетъ себя тѣмъ, что „энергическія дѣйствія на правомъ крылѣ, озаботивъ Базена и заставивъ его израсходовать часть резерва арміи, облегчили успѣхъ на лѣвомъ крылѣ нѣмцевъ". Позволительно выразить, что для подобнаго утѣшенія надо обладать порядочною дозою оптимизма. Во первыхъ, приходится сказать, что энергическія съ мѣста дѣйствія на правомъ крылѣ прямо противорѣчили видамъ и приказаніямъ главной королевской квартиры. Слѣдовательно, оправдывая дѣйствія, противорѣчащія этимъ видамъ и приказаніямъ, надо бы прежде всего доказать, или по меньшей мѣрѣ допустить, что главная королевская квартира „ошибалась". Однако, прусская исторія этого не дѣлаетъ и сдѣлать не можетъ, хотя бы потому, что воззрѣнія главнаго начальства нѣмецкихъ силъ были тутъ совершенно правильны.

Далѣе, нельзя забывать, что нѣмецкіе начальники бывшіе на правой части боеваго фронта, отнюдь и не заботились объ облегченіи дѣйствій корпусовъ лѣваго крыла общей боевой линіи. Каждый въ этомъ случаѣ преслѣдовалъ свои особые виды и цѣли. Манштейнъ вздумалъ было воспользоваться кажущеюся оплошностью французовъ. Гебенъ пошелъ въ бой потому, что получилъ отъ Штейнмеца несовсѣмъ правильное приказаніе. Самъ Штейн-

мецъ преждевременно двинулъ въ дѣло послѣднія свои свободныя войска для того, чтобы воспользоваться плодами воображаемой побѣды, до которой въ то время было еще слишкомъ далеко.

Наконецъ, если бы всѣ эти узко-мѣстныя дѣйствія въ дѣйствительности хотя бы косвенно способствовали окончательной побѣдѣ, то послѣдствіе это было лишь чисто случайное, а отнюдь не обдуманное и не расчитанное. Между тѣмъ раціональное командованіе и распоряженіе войсками должно клониться именно къ тому, чтобы по возможности стѣснить сферу вліяній капризнаго случая, расширяя просторъ разумной дѣятельности начальниковъ.

Много лучше представляются начальныя дѣйствія на лѣвомъ крылѣ нѣмецкихъ войскъ, а именно въ корпусахъ гвардейскомъ и саксонскомъ.

Изъ описанія хода дѣла видно, что командиръ гвардейскаго корпуса, получивъ приказаніе идти отъ Донкура къ Верневилю, двинулъ туда только одну свою дивизію, а другую направилъ сѣвернѣе, къ Абонвиль, на томъ основаніи, что по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ фронтъ французовъ простирался въ ту сторону (сѣверную) гораздо дальше, нежели нѣмцы прежде предполагали. Этимъ предупреждено было позднѣйшее приказаніе принца Фридриха-Карла, по коему весь корпусъ долженъ былъ собираться у Абонвиля.

Подобнымъ же образомъ и командиръ 12го саксонскаго корпуса, получивъ приказаніе оставаться у Жарни, самъ по выяснившимся для него обстоятельствамъ двинулся къ Сентъ-Мари, куда дѣйствительно призывало его послѣдующее приказаніе принца Фридриха-Карла. Притомъ командиръ саксонскаго корпуса направилъ на Сентъ-Мари только часть своихъ силъ, а остальныя двинулъ въ обходъ праваго фланга французовъ; послѣдній самостоятельный маневръ,—предпринятый Саксонскимъ принцемъ и окончательно приведенный въ исполненіе не смотря на задержки и помѣхи, указанныя въ своемъ мѣстѣ ниже, — рѣшилъ побѣду въ пользу нѣмцевъ.

Для того, чтобы понять важное значеніе самостоятельныхъ дѣйствій поименованныхъ корпусовъ, надо припомнить, что имъ, какъ и всей нѣмецкой арміи, дано было первоначально общее направленіе на сѣверъ. Необходимость же перемѣны этого направленія на восточное выяснилась не вдругъ, а постепенно. Точно также постепенно мѣнялись и приказанія, дававшіяся принцемъ Фридрихомъ-Карломъ.

Естественно, что вообще передача начальныхъ приказаній и дальнѣйшія распоряженія по нимъ со стороны корпусныхъ ко-

мандировъ и, наконецъ, подготовительныя дѣйствія въ войскахъ до начала исполненія требуютъ времени иногда довольно значительнаго и во всякомъ случаѣ гораздо бо́льшаго нежели вообще предполагается. А между тѣмъ въ данномъ случаѣ, вслѣдствіе самостоятельной распорядительности обоихъ корпусныхъ командировъ при исполненіи общаго охватывающаго маневра, произошелъ значительный выигрышъ во времени. Этотъ выигрышъ имѣлъ рѣшающее вліяніе на благопріятный исходъ всего дѣла въ пользу нѣмцевъ, дозволивъ имъ еще засвѣтло охватить и сбить правый флангъ французовъ.

Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что самый охватъ праваго фланга французовъ предпринятъ былъ и исполненъ саксонцами совершенно самостоятельнымъ починомъ ихъ кронпринца.

То, что тутъ сдѣлано было нѣмецкими начальниками, кажется послѣ того какъ оно случилось совершенно простымъ и обыкновеннымъ. Да оно въ дѣйствительности просто и естественно въ арміи, начальники коей вполнѣ на своемъ мѣстѣ и пользуются признаннымъ правомъ частнаго почина и распорядительности. Но если бы во главѣ обоихъ этихъ нѣмецкихъ корпусовъ стояли начальники иные и, чтобы не далеко искать, похожіе на противостоявшихъ имъ французскихъ начальниковъ, то во всякомъ случаѣ наступленіе саксонскаго корпуса отъ Жарни по приказанію свыше (а не по собственному почину) началось бы значительно позже. Обходное движеніе, какъ не приказанное, могло и вовсе не состояться. Между тѣмъ, если бы окончательное исполненіе обходнаго маневра по тѣмъ или другимъ причинамъ запоздало часами двумя — тремя, то за темнотою пришлось бы отъ него отказаться, то есть уступить побѣду непріятелю.

Описаніе кампаніи показываетъ, что французскіе начальники умѣли запаздывать гораздо болѣе трехъ часовъ. Чтобы не искать далеко, достаточно вспомнить слѣдующее: за два дня до разбираемаго теперь сраженія, а именно 16 числа, 3ій французскій корпусъ, маршала Ле-Бефа, рано утромъ стоялъ на бивуакахъ между Верневилемъ и Кольръ-Фермъ, въ разстояніи верстъ четырехъ отъ Резонвиля и Віонвиля (у коихъ 2ой корпусъ, Фроссара, съ 9 часовъ утра выдерживалъ сильный натискъ пруссаковъ) и въ разстояніи верстъ восьми отъ Марсъ-ля-Туръ, черезъ который корпусъ Ле-Бефа могъ совершить охватъ лѣваго фланга непріятеля. Тѣмъ не менѣе корпусъ этотъ, съ одной стороны, не поддержалъ своевременно Фроссара, а съ другой—не сдѣлалъ попытки обходнаго движенія для охвата противника, не смотря на то, что Базенъ въ своей исторіи упоминаетъ будто послѣдній маневръ лично указанъ имъ былъ войскамъ Ле-Бефа.

Не вдаваясь далѣе въ разборъ этого дѣла и не силясь отыскать виновныхъ, довольно сказать, что корпусъ Ле-Бефа имѣлъ полную возможность въ кратчайшее время принять въ бою самое рѣшающее участіе и что онъ этого не сдѣлалъ. Тутъ факты говорятъ сами за себя даже слишкомъ краснорѣчиво. Точно также мы видѣли, что въ тотъ же день боя при Марсъ-ля-Турѣ и командиръ 4го французскаго корпуса, не смотря на вполнѣ достаточныя средства, не сдѣлалъ ничего для того, чтобы охватить и смять разбитый лѣвый флангъ нѣмцевъ, а напротивъ того, довольствовался пассивною обороною.

Рядомъ съ подобнымъ пагубнымъ бездѣйствіемъ французовъ тѣмъ болѣе ярко обрисовывается благотворная для нѣмцевъ самостоятельная дѣятельностъ частныхъ ихъ начальниковъ. Въ настоящемъ сочиненіи по роду поставленной задачи приходится ограничиться представленіемъ преимущественно дѣятельности старшихъ начальниковъ, дѣйствія коихъ имѣли видимое крупное и рѣшающее значеніе. Но въ сущности нѣмцы обязаны окончательными своими успѣхами громадной суммѣ частной самостоятельной предпріимчивости отъ верху до самаго низу—какъ на полѣ битвы, такъ и внѣ онаго. Сумму этой самостоятельной благотворной работы можно уподобить развѣ сборному труду дробныхъ молюсковъ, воздвигающихъ острова изъ нѣдръ океана. Помянутый уже выше принцъ Гогенлоэ приводитъ именно образчикъ такой работы, относящейся къ разбираемой эпохѣ кампаніи.

Прусскій гвардейскій корпусъ прибылъ 4 августа въ Кайзерслаутернъ, гдѣ въ тотъ же день высажены первые эшелоны принадлежащихъ ему „муниціальныхъ колоннъ“ (въ числѣ трехъ отдѣленій артиллерійскаго парка). Колонны эти слѣдовали за тѣмъ же корпусомъ по запруженнымъ войсками и обозами дорогамъ (такъ какъ три корпуса шли по одной и той же дорогѣ), и часто только среди ночи паркъ находилъ возможность подвигаться впередъ.

Между тѣмъ начальникъ всѣхъ гвардейскихъ муниціонныхъ колоннъ, маіоръ Гейнеціусъ, оставался позади, въ Пруссіи, при остальныхъ шести муниціонныхъ колоннахъ, съ коими 8 августа высадился въ Майнцѣ. Тамъ никто не могъ ему объяснить гдѣ находится гвардейскій корпусъ, который, впрочемъ, ежедневно мѣнялъ свои квартиры. Гейнеціусъ, недолго думая, пошелъ впередъ пока не напалъ на слѣдъ корпуса. Двигаясь усиленными переходами, онъ 16 числа со вторымъ эшелономъ (три колонны) вошелъ въ непосредственную связь съ корпусомъ.

Когда гвардейскому корпусу 17 числа пришлось двинуться неожиданно на сѣверъ, то оба передовые эшелона колоннъ полу-

чили отъ начальника артиллеріи корпуса, Гогенлоэ приказаніе: 1^му^ эшелону идти въ Сповиль а 2^му^—въ Тіокуръ.

Утромъ 18 числа маіоръ Гейпеціусъ явился за приказаніями и затѣмъ двинулъ 1ой эшелонъ муниціонныхъ колоннъ за корпусомъ, сначала на Донкуръ, а потомъ ближе къ боевой линіи гвардіи. Гвардейская артиллерія вступила уже въ жаркій бой, не жалѣя зарядовъ въ то время, когда подъѣхавшій къ ней начальникъ артиллеріи арміи, генералъ Колёмье, заявилъ принцу Гогенлоэ, что онъ распорядился уже первымъ эшелономъ гвардейскихъ муниціонныхъ колоннъ, передавъ его въ 3^ій^ и 10ый корпуса, которые израсходовали свои заряды въ бою 16 числа (это могло быть около 3 часовъ пополудни). Такимъ образомъ гвардейская артиллерія оставалась безъ резерва зарядовъ. Хотя затѣмъ послали за колоннами 2го эшелона, но являлось полное сомнѣніе поспѣютъ ли онѣ во-время.

Было уже поздно, колонны находились въ разстояніи четырехъ миль и въ этотъ день совершили уже переходъ въ три мили. Однако распорядительность ближайшихъ частныхъ начальниковъ предупредила и эти приказанія. Двѣ изъ муниціонныхъ гвардейскихъ колоннъ, заслыша канонаду, двинулись впередъ по собственному почину своихъ начальниковъ. Пробиваясь по запруженнымъ до крайности дорогамъ, онѣ вечеромъ еще достигли поля сраженія. Тутъ, не теряя времени, разослали парковыя повозки прямо по батареямъ, которыя такимъ образомъ снабжены были зарядами еще въ теченіе ночи. На другой день всѣ пять колоннъ, совершенно опорожненныхъ, отправились за новымъ комплектомъ, снабдивъ гвардейскую артиллерію сверхъ того еще четырьмя батарейными командирами взамѣнъ убывшихъ въ сраженіи и 200^ми^ лошадей изъ собственной упряжки.

Далѣе, Гогенлоэ повѣствуетъ, что тѣ же эшелоны подобнымъ же образомъ, послѣ самыхъ усиленныхъ переходовъ, сами отыскивая свой корпусъ, явились къ нему какъ разъ наканунѣ Седанскаго боя и затѣмъ подъ Парижъ съ третьимъ комплектомъ зарядовъ [1]).

Какой поразительный контрастъ представляетъ картина этой неутомимой, разумной, самостоятельной дѣятельности съ апатіею и инертностью французовъ, благодаря коимъ напримѣръ 18 августа противостоявшій какъ разъ прусской гвардіи французскій корпусъ Канробера терпѣлъ недостатокъ въ артиллерійскихъ зарядахъ.

Приведенный примѣръ, между прочимъ, показываетъ еще разъ, что разумная, ровная и постоянная самодѣятельность не можетъ

[1]) Гогенлоэ, „Военныя письма III“, стр. 121—125.

быть замѣнена одиночными, даже самыми счастливыми порывами. Въ данномъ, напримѣръ, случаѣ двѣ муниціонныя колонны никакъ не могли бы самостоятельнымъ починомъ достигнуть корпуса къ вечеру 18 числа, если бы Гейнеціусъ въ ожиданіи приказаній потерялъ въ Майнцѣ дорогое время, и на оборотъ — одна распорядительность Гейнеціуса не привела бы въ данномъ случаѣ къ желанному результату, если бы командиры двухъ муниціонныхъ колоннъ не двинулись на выстрѣлы 18 августа по собственному своему почину.

Кстати или не кстати можно тутъ еще замѣтить, что иной офицеръ иной арміи, очутившись въ положеніи маіора Гейнеціуса (въ Майнцѣ, безъ прямыхъ приказаній и безъ оффиціальныхъ о своемъ корпусѣ свѣдѣній), просто „донесъ-бы" куда можно было; остался бы засимъ на мѣстѣ, занявшись пока „фуражною экономіею" и основаннымъ на оной жуированіемъ. Поэтому даже этотъ въ сущности мелкій примѣръ ясно показываетъ, что дѣйствительно плодотворная „самостоятельная дѣятельность" должна покоиться на широкомъ основаніи „полной добросовѣстности". Подразумѣвается не одна лишь примитивная, такъ сказать, финансовая добросовѣстность, оберегаемая даже уголовными законами, но то высоконравственное чувство, которое вездѣ и всегда ставитъ общее дѣло и общее благо выше личныхъ видовъ и выгодъ, хотя бы проявляющихся иной разъ въ заманчивой формѣ единичныхъ боевыхъ подвиговъ, несоотвѣтствующихъ однако общимъ пользамъ арміи.

Возвращаюсь къ дальнѣйшему разбору дѣйствій нѣмецкихъ начальниковъ лѣваго крыла.

Достойно здѣсь вниманія товарищеское отношеніе и дружное, согласное дѣйствіе различныхъ начальниковъ. Изъ описанія сраженія видно, что связная аттака на Сентъ-Мари произведена была по взаимному соглашенію командира 1ой гвардейской дивизіи, Папе, съ командиромъ 24ой саксонской дивизіи, Гольденбергомъ. Подобнымъ же образомъ саксонцы по просьбѣ Папе поддержали прусскую гвардію, залегшую въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ Сенъ-Прива и находившуюся тогда въ самомъ критическомъ положеніи.

Впрочемъ, и на этой, сѣверной части поля сраженія со стороны нѣмцевъ не обошлось безъ промаховъ и упущеній, изъ коихъ не всѣ принадлежатъ къ разряду неизбѣжныхъ на войнѣ случайностей. Приступаю къ ихъ разбору.

Кронпринцъ Саксонскій въ 2½ часа пополудни доносилъ принцу Фридриху-Карлу, что онъ „одною, 24ою дивизіею наступаетъ на Сентъ-Мари, а другую, 23ею — на Куэнвиль въ обходъ

праваго фланга французовъ". А между тѣмъ на дѣлѣ части 23ей пѣхотной дивизіи, — авангардъ генерала Краузхара и главныя силы ея подъ командою принца Георга Саксонскаго, — свернули съ указаннаго имъ направленія и пошли въ сторону, откуда слышалась канонада, т. е. прямо на фронтъ Сентъ-Мари. Тутъ, слѣдовательно, надо допустить одно изъ двухъ, или, что поименованные начальники недостаточно были оріентированы командиромъ корпуса относительно значенія данной имъ задачи обходнаго маневра, или же, что они, упуская изъ виду общее дѣло, весьма неудачно на сей разъ примѣнили ходячее правило „спѣшить на выстрѣлы", — тѣмъ болѣе, что если бы вообще у Сентъ-Мари нужно было содѣйствіе 23ей дивизіи, то во всякомъ случаѣ появленіе ея желательно было скорѣе во флангъ французамъ, занимавшимъ эту деревню, а никакъ не во фронтъ.

Эти несоотвѣтственныя дѣйствія 23ей дивизіи были причиною довольно значительнаго замедленія общаго обходнаго движенія (главной французской позиціи), для довершенія котораго командиръ корпуса, не дождавшись этой дивизіи, въ концѣ концовъ долженъ былъ отрядить послѣдній свой резервъ — бригаду 24ой дивизіи. Разныя нѣмецкія описанія военныхъ дѣйствій [1]), касаясь этого дѣла, хотя и указываютъ или, вѣрнѣе, намекаютъ на приведенные факты, но тѣмъ не менѣе вмѣсто разъясненія стараются обойти все это дѣло молчаніемъ. Одна только спеціальная исторія дѣйствій нѣмецкой артиллеріи въ бою 18 августа выражается объ этомъ случаѣ нѣсколько яснѣе [2]).

Преждевременный штурмъ прусской гвардіи на Сенъ-Прива тоже представляетъ эпизодъ весьма поучительный, достойный болѣе тщательнаго разбора.

Насколько можно понять изъ описаній битвы, командиръ гвардейскаго корпуса, принцъ Виртембергскій, въ началѣ боя гвардіи и послѣ взятія Сентъ-Мари находился на ея крайне правомъ флангѣ, вблизи Анонвиль, у принца Фридриха-Карла. Такимъ образомъ принцъ Виртембергскій едва могъ слѣдить за дѣйствіями всѣхъ своихъ батарей и вѣроятно ничего не зналъ о дѣйствіи саксонской артиллеріи, выстроенной сѣвернѣе Сентъ-Мари. Между тѣмъ, вся гвардейская прусская артиллерія перестрѣливалась главнымъ образомъ съ артиллеріею французовъ и дѣйствовала по пѣхотѣ послѣднихъ, но къ обстрѣливанію собственно Сенъ-Прива, съ цѣлью подготовки приступа на этотъ главный опорный пунктъ непрія-

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны". „Исторія 2-й арміи" и спеціальная брошюра Шуберта, описывающая участіе саксонцевъ въ битвѣ у Сенъ-Прива.
[2]) „Нѣмецкая артиллерія въ битвахъ у Меца", ч. 3, стр. 86 и 196.

тельской позиціи, пока еще не приступала, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ и бывшій командиръ гвардейской прусской артиллеріи, принцъ Гогенлоэ [1]).

По изложеннымъ въ своемъ мѣстѣ причинамъ принцъ Виртембергскій часу въ пятомъ вызвался немедленно аттаковать Сенъ-Прива, не ожидая болѣе воздѣйствія обхода саксонцевъ. Принцъ Фридрихъ-Карлъ могъ на это согласиться, предполагая, что командиръ гвардейскаго корпуса уже подготовилъ аттаку надлежащимъ образомъ. Однако послѣдній, видимо очень мало оріентированный относительно дѣйствительнаго положенія дѣлъ, приступилъ къ непосредстненному исполненію аттаки прежде, чѣмъ успѣлъ хотя бы въ послѣднюю минуту ознакомиться съ ближайшими обстоятельствами.

Принцъ Виртембергскій, какъ видно изъ описанія дѣла, двинулъ прямо въ аттаку 4ю бригаду, находившуюся на правомъ флангѣ гвардіи у Сентъ-Эль, и лишь послѣ этого переѣхалъ къ Сентъ-Мари, къ 1ой своей дивизіи. Тутъ, не смотря на представленія командира дивизіи, генерала Папе, о несвоевременности аттаки, принцъ тѣмъ не менѣе приказалъ аттаковать немедленно.

Дорого обошлась пруссакамъ эта опрометчивая, хотя въ высшей степени храбрая аттака, и только пассивности французовъ они обязаны тѣмъ, что начальная неудача гвардіи не обратилась для нея въ полное пораженіе, которое, въ свою очередь, по всей вѣроятности измѣнило бы участь боя 18 августа.

Если вникнуть въ настоящія причины этой неудачи, то нетрудно убѣдиться, что она произошла единственно отъ того именно, что старшій начальникъ, командиръ корпуса, не исполнилъ своей прямой обязанности, т. е. не слѣдилъ съ достаточною внимательностью за ходомъ дѣлъ своего корпуса и сосѣдняго, саксонскаго. Затѣмъ, какъ это всегда почти бываетъ въ такихъ случаяхъ, онъ, не исполнивъ самъ прямыхъ своихъ обязанностей, не пожелалъ признать мнѣнія своего подчиненнаго, начальника дивизіи генерала Папе, слѣдившаго за ходомъ дѣлъ у Сентъ-Мари и лучше принца знавшаго дѣйствительную современную обстановку. Нѣчто подобное видѣли мы у французовъ. Какъ тамъ, такъ и тутъ упущеніе старшимъ прямыхъ его обязанностей сочетается съ игнорированіемъ мысли и воли подчиненныхъ. Понятно, что какъ тамъ, такъ и тутъ нераціональное отношеніе къ дѣлу повело къ одинаково нежеланнымъ послѣдствіямъ.

---

[1]) Въ сочиненіи „Военныя письма III“, 1885 г., стр. 25.

Нельзя, впрочемъ, не признать, что далеко не своевременное наступленіе прусской гвардіи, равно какъ и подобная же аттака Штейнмеца, въ основаніи своемъ происходили отъ совершенно вѣрнаго чувства и убѣжденія, что начатое дѣло надо довести до конца, что надо побѣдить во что бы то ни стало и побѣдить именно еще въ тотъ же день. Здѣсь, слѣдовательно, имѣемъ дѣло съ излишнимъ увлеченіемъ, вѣрнымъ въ основаніи принципамъ. Притомъ вообще извѣстное увлеченіе, а слѣдовательно и рискованныя дѣйствія со стороны нѣмецкихъ начальниковъ основаны были на чувствѣ своего общаго числительнаго и, надо прибавить, нравственнаго превосходства, оправданнаго предыдущими успѣхами. Это можетъ послужить нѣмецкимъ начальникамъ извиненіемъ, если и не оправданіемъ.

Подобное же чувство и было, повидимому, причиною опрометчиваго начальнаго наступленія 9го корпуса. При этомъ, однако, нельзя не отдать справедливости командиру его, генералу Манштейну, что онъ, поддерживаемый храбростью своихъ войскъ, мужественно перенесъ первыя неудачи и даже отказался отъ непосредственной поддержки гвардейскаго корпуса и вполнѣ вѣрно указалъ на болѣе полезное косвенное содѣйствіе посредствомъ сильнаго натиска на Сенъ-Прива.

Общее всѣмъ нѣмецкимъ начальникамъ всегдашнее стремленіе доводить каждое дѣло до окончательнаго рѣшенія и въ день 18 августа указало ихъ ударамъ самое слабое и больное мѣсто расположенія противника. На этотъ разъ ударъ этотъ нанесенъ былъ кронпринцемъ Саксонскимъ, который, вдобавокъ, въ критическую минуту лично очутился у Ронкура, при своей крайней обходной колоннѣ, рѣшившей участь сраженія.

Наконецъ, достойны еще особаго вниманія нѣкоторыя частныя распоряженія командира 2ой нѣмецкой арміи, принца Фридриха-Карла, который въ самомъ разгарѣ далеко нерѣшеннаго еще сраженія заботился уже о томъ, чтобы изъ ожидаемой побѣды извлечь выгоды возможно бо́льшія.

Непосредственно послѣ получки свѣдѣнія о взятіи Сентъ-Марп, въ 3$^{1}/_{4}$ часа пополудни, Фридрихъ-Карлъ писалъ кронпринцу Саксонскому изъ Абонвиля:

„Обращаю вниманіе Вашего Королевскаго Высочества на то, что единственное сообщеніе сражающейся французской арміи съ Парижемъ лежитъ въ долинѣ р. Мозеля, на лѣвомъ его берегу.“

„Поэтому въ видахъ рѣшенія участи кампаніи весьма важно, чтобы кавалеріею Вашего Высочества какъ можно скорѣе основательно уничтожена была телеграфная линія и желѣзная

дорога Мецъ — Тіонвиль и, буде возможно, долина Мозеля была занята".

Далѣе, еще до взятія Сенъ-Прива, въ 6 часовъ 40 минутъ пополудни, принцъ писалъ кронпринцу Саксонскому:

„Не смотря на одиночныя контръ-аттаки непріятеля, сраженіе, видимо, выиграно. Въ высшей степени важно, не взирая на большое утомленіе пѣхоты, ударить еще сегодня на Вуапи" (Woippy) „не менѣе какъ одною бригадою 12го корпуса, чтобы пересѣчь тамъ надежнымъ образомъ телеграфъ и желѣзную дорогу".

Наконецъ, въ приказаніи своемъ отданномъ по окончаніи дѣла, въ 8 часовъ вечера, принцъ добавилъ:

„12^му^ корпусу еще разъ указывается на важное значеніе достиженія пункта Вуапи".

Въ этихъ распоряженіяхъ и настойчивыхъ напоминаніяхъ виденъ ясный, предусмотрительный взглядъ и желѣзная воля истиннаго полководца.

Нужно ли еще проводить параллель между принцемъ Фридрихомъ-Карломъ и маршаломъ Базеномъ?

Въ день 18 августа, точно также какъ и подъ Марсъ-ля-Туромъ, Базенъ побѣжденъ былъ раньше чѣмъ вступилъ въ дѣло: онъ не могъ побѣдить уже потому, что не имѣлъ для этого настоящей воли и дѣйствительнаго непреклоннаго стремленія.

II.

Положеніе дѣлъ у Меца послѣ сраженія Гравелётъ — Сенъ-Прива и новыя предположенія нѣмцевъ.

Положеніе арміи маршала Базена. — Очеркъ дѣйствій нѣмцевъ у Меца; дѣйствія эти не представляютъ одной, заранѣе опредѣленной операціи; нѣмцы не достигли главной цѣли и не рискнули еще разъ аттаковать Базена. — Новыя предположенія и распоряженія нѣмцевъ.

Подъ конецъ дня боя 18 августа, какъ уже сказано въ предъидущей главѣ, правый флангъ арміи Базена сбитъ былъ съ позиціи у Сенъ-Прива и откинутъ назадъ. Однако французы, поддержанные частью императорской гвардіи и не разстроенными еще войсками праваго фланга, удержали лѣсъ Жомонъ, образуя такимъ

образомъ новый боевой фронтъ, упиравшійся у Монтиньи-ля-Гранжъ въ первоначальную главную позицію арміи Базена. Независимо того французы удержали за собою бо́льшую лѣвую часть первоначальной своей главной боевой позиціи. Тѣмъ не менѣе, въ виду разстройства войскъ праваго крыла и недостатка зарядовъ въ батареяхъ, Базенъ еще вечеромъ 18 числа отдалъ приказаніе, на основаніи коего вся армія должна была отойти на новыя позиціи, ближе къ Мецу [1]).

Очищеніе старой позиціи и занятіе новой послѣдовало въ теченіе 19 числа безъ малѣйшей помѣхи со стороны нѣмцевъ.

Передовыя части новаго фронта французовъ занимали на лѣвомъ флангѣ Сентъ-Рюфинъ на р. Мозелѣ повыше Меца, и линія ихъ тянулась далѣе впереди фортовъ Сенъ-Кентенъ и Пляпвиль и деревни Вуапи, откуда заворачивала нѣсколько назадъ къ р. Мозелю, ниже Меца, противъ право-бережнаго форта Сенъ-Жюліенъ.

Четыре французскихъ армейскихъ корпуса заняли новую позицію въ томъ же порядкѣ нумеровъ, въ которомъ расположены были на прежней. Лагерь гвардіи оставался у Пляпвиль.

Французы дѣятельно занялись укрѣпленіемъ новыхъ своихъ позицій и снабженіемъ войскъ.

Изъ донесеній командировъ корпусовъ маршалу Базену отъ 20 и 21 августа [2]) видно, что огнестрѣльные и продовольственные припасы при войскахъ были пополнены и что войска, по завѣренію поименованныхъ начальниковъ, вполнѣ были готовы къ новымъ дѣйствіямъ. Одинъ только Фроссаръ съ нѣкоторыми для виду оговорками откровенно выразился, что нравственная сторона войскъ его корпуса сильно пошатнулась. Войска эти еще 6 августа потеряли свои лагерныя и бивуачныя, т. е. кухонныя принадлежности. Послѣднія кое какъ, хотя и недостаточно пополненныя, вторично потеряны 16 августа при „паникѣ", происшедшей отъ безпорядочнаго отступленія кавалерійской дивизіи Фортона, какъ говоритъ Фроссаръ [3]). Три бригады 4го корпуса тоже потеряли палатки и одѣяла. Тѣмъ не менѣе армія Базена скоро вообще оправилась; ряды ея пополнялись выздоравливающими изъ Мецскихъ госпиталей; но надъ дальнѣйшею судьбою ея тяготѣли безпорядки, унаслѣдованные отъ управленія императора Наполеона.

Мецъ недостаточно снабженъ былъ продовольствіемъ; укрѣпленія его далеко не были окончены и частью не вооружены; наконецъ, артиллерійскихъ запасовъ, кромѣ находившихся при бата-

[1]) Базенъ, стр 107.
[2]) Тамъ же, стр. 153—156.
[3]) Фроссаръ, стр. 153.

реяхъ, не было. Впрочемъ, продовольственный вопросъ пока отходилъ на второй планъ, такъ какъ французская армія все еще не оставила намѣренія уйти изъ Меца. Гораздо важнѣе непосредственнымъ своимъ вліяніемъ были остальные недостатки, а именно не полная готовность укрѣпленій самого Меца и отсутствіе запаса артиллерійскихъ снарядовъ [1]).

Насколько можно заключить изъ плановъ и приведенныхъ Базеномъ показаній коменданта крѣпости, генерала Кофиніера, Мецъ въ то время имѣлъ всего четыре форта, изъ коихъ правобережные, Келе и Сенъ-Жюліенъ, были открыты съ горжи. Пятый же фортъ, Сенъ-Прива (между р.р. Сейль и Мозель), едва былъ начатъ, такъ что до 20 августа былъ даже посѣщаемъ нѣмецкими патрулями. На лѣвомъ берегу Мозеля были два сомкнутые форта, Сенъ-Кентенъ и Пляпвиль; они, находясь близко одинъ отъ другаго, значительно усиливали лѣвую часть французской позиціи лѣваго берега. Но они или еще вовсе не были вооружены, или по крайней мѣрѣ невполнѣ, такъ что 18 числа пришлось поставить на нихъ орудія изъ артиллерійскаго резерва арміи.

Наконецъ на правой части фронта, по линіи верстъ шесть длины отъ Пляпвиль черезъ Вуапи до Мозеля, не было ни одного форта.

Сраженіе при Гравелётъ — Сенъ-Прива заканчиваетъ собою циклъ дѣлъ у Меца, начатыхъ боемъ 14 августа. Въ этотъ краткій, но богатый роковыми событіями періодъ времени обѣ противныя стороны помѣрились въ трехъ послѣдовательныхъ сраженіяхъ: 14, 16 и 18 августа.

Уходящіе за Мозель французы впервые задержаны были на правомъ берегу рѣки боемъ 14 августа и черезъ два дня вторично — у Марсъ-ля-Тура, уже на лѣвой сторонѣ Мозеля, причемъ отрѣзанъ имъ кратчайшій путь отступленія на Верденъ и Шалонъ. Наконецъ, 18 августа сбитые съ поля французы окончательно потеряли свои сообщенія и вынуждены были укрыться въ укрѣпленіяхъ, которыя они десять недѣль спустя сдали побѣдителю вмѣстѣ съ цѣлою арміею.

Постепенный успѣхъ нѣмцевъ и неудачи французовъ видны даже въ направленіи обоюднаго фронта сражавшихся въ тѣ дни противниковъ. Подъ Колёмбэ—Нуйли 14 августа французы стояли еще фронтомъ на востокъ, имѣя свои главныя сообщенія прямо

---

[1]) Впослѣдствіи, впрочемъ, какъ видно изъ сочиненія Базена, оказалось возможнымъ изготовлять въ Мецѣ нужные для полевыхъ орудій снаряды.

позади, въ совершенно естественномъ направленіи. Въ день боя при Марсъ-ля-Турѣ путь отступленія арміи Базена лежалъ уже на продолженіи праваго его фланга, и одна болѣе важная изъ двухъ избранныхъ имъ для отступленія дорогъ непосредственно преграждена была нѣмцами. Наконецъ, 18 августа обѣ стороны сражались каждая обратнымъ фронтомъ,—французы лицомъ на западъ, а нѣмцы на востокъ: въ положеніи выгодномъ только для болѣе сильнаго, то есть въ данномъ случаѣ для нѣмцевъ.

Такимъ образомъ дѣйствія нѣмцевъ за описываемый періодъ разыгрались на дѣлѣ „въ видѣ" одной стройной, послѣдовательно проведенной стратегической операціи, увѣнчанной полнымъ и заслуженнымъ успѣхомъ. Такъ представляется дѣло съ виду, но далеко не такъ было въ дѣйствительности.

Нѣмцы отбросили Базена въ Мецъ рядомъ послѣдовательныхъ отдѣльныхъ удачныхъ дѣйствій, связанныхъ между собою фактически, но не входившихъ въ заранѣе обдуманную связную и цѣльную операцію. Дѣйствительно, послѣ Шпихернскаго боя пришлось 1ой и 2ой нѣмецкимъ арміямъ такъ или иначе перейти ближайшую преграду, р. Мозель. Операція переправы пониже, то есть сѣвернѣе Меца, натыкалась на узкій и сильный фронтъ Мецъ — Тіонвиль и удаляла поименованныя арміи отъ наслѣднаго принца Прусскаго, а потому обходъ Меца съ южной его стороны является, такъ сказать, самъ собою. О томъ, чтобы обойти французскую армію вмѣстѣ съ крѣпостью не было тогда и помину. Напротивъ, изъ приведенныхъ выше распоряженій 13 августа видно, что приказывалось 14 числа безпокоить кавалеріею вѣроятное „отступленіе французовъ отъ Меца къ Вердену".

Сраженіе 14 августа, подготовившее операцію обхода нѣмцами Базеновской арміи, не входило собственно въ расчетъ главнаго нѣмецкаго начальства. Оно, по выраженію оффиціальной прусской исторіи войны, было „наступательною импровизаціею, плодомъ вѣрнаго, правильнаго вдохновенія частныхъ начальниковъ", генераловъ Мантейфеля и Гольца. Послѣ дѣла 14 августа нѣмецкимъ начальствомъ принята была въ расчетъ только возможность застигнуть французовъ при дальнѣйшемъ ихъ отступленіи за Мецомъ по сю или по ту сторону р. Мезы съ цѣлью разбить и отбросить ихъ къ сѣверу, что видно изъ приведенныхъ въ своемъ мѣстѣ указаній главной королевской квартиры и распоряженій командира 2ой нѣмецкой арміи на 16 августа.

Изъ этого слѣдуетъ само собою, что сраженіе при Марсъ-ля-Турѣ 16 августа, окончательно задержавшее отступленіе французовъ, тоже не входило въ расчеты нѣмецкихъ начальниковъ, а на-

противъ было для нихъ же величайшимъ сюрпризомъ. Только къ вечеру того же дня генералъ Мольтке въ извѣстномъ посланіи своемъ принцу Фридриху-Карлу впервые высказалъ мысль, что предстоитъ возможность уже теперь „застигнуть французскую армію непосредственно западнѣе Меца и погнать ее на Бельгійскую границу".

Наконецъ самая обстановка, въ коей одержана нѣмцами побѣда 18 августа при Гравелётѣ, опять-таки явилась для нихъ новымъ сюрпризомъ. Они расчитывали было покончить съ Базеномъ, нагнавъ его на нейтральную границу, т. е. на сферу его гибели, а между тѣмъ потѣснили его только на форты Меца, за которыми французы, по крайней мѣрѣ на первое время, находили полную безопасность и неуязвимость.

Итакъ, мы видимъ тутъ скорѣе рядъ послѣдовательныхъ по времени и весьма удачныхъ дѣйствій, но отнюдь не одну общую связную операцію, стремящуюся сознательно къ одной опредѣленной и окончательной цѣли. Вдобавокъ нельзя не припомнить, что съ виду столь блистательный кругъ дѣйствій нѣмцевъ по настоящему могъ быть прорванъ и уничтоженъ 16 августа весьма чувствительнымъ для нихъ пораженіемъ.

Окончательнымъ успѣхомъ своихъ дѣйствій нѣмцы обязаны, съ одной стороны, не то, чтобы частнымъ ошибкамъ, а вѣрнѣе сказать основнымъ отрицательнымъ свойствамъ предводителей Наполеоновской арміи, а съ другой — вполнѣ цѣлесообразной въ основаніи мысли главнаго нѣмецкаго начальства, проведенной въ дѣло общими усиліями, всегда и вездѣ съ крайнею энергіею и въ большинствѣ случаевъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. Эта основная мысль выразилась въ предпринятой нѣмецкими арміями задачѣ „настигнуть главныя силы противника и разбить, оттѣсняя отъ сообщеній съ Парижемъ и прижимая къ сѣверу, т. е. къ нейтральной границѣ [1]).

---

[1]) Слѣдовательно, несмотря на все высказанное выше, подтверждается въ сущности выраженное въ предисловіи къ настоящему сочиненію, въ которомъ „обходъ арміи Базена" со стороны нѣмцевъ представленъ какъ примѣръ „ясной постановки крупной цѣли и энергическаго ея преслѣдованія". Дѣйствительно, цѣль обхода и охвата главной арміи противника съ тѣмъ, чтобы „оттѣснить ее отъ Парижа и прижать къ нейтральной границѣ", настойчиво преслѣдовалась нѣмцами съ самаго начала кампаніи. Итакъ: имѣлось въ виду 9 августа фронтально форсировать линію рѣки Саары (за которою непосредственно предполагалась главная французская армія) 1-ою и 2-ою арміями съ одновременнымъ ударомъ 3-ею арміею въ правый флангъ французовъ (стр. 34 сего сочиненія). Послѣ того 11 августа, въ то время, когда казалось, что французы дадутъ отпоръ впереди Меца, нѣмцы готовились занимать противника съ фронта 1-ою своею арміею, а 2-ою ударить въ правый его флангъ (стр. 164—166 сего сочиненія). Далѣе, послѣ сраженія 14 августа нѣмцы (2-ая армія) устремилась за Мозель для того, чтобы настигнуть непріятеля, имѣя опять-таки цѣлю

Но и эта цѣль, какъ уже сказано, не вполнѣ была достигнута нѣмецкими стратегами. Армія Базена, хотя и побѣжденная, была разбита далеко не такъ, какъ мечталъ Мольтке. Она, причинивъ нѣмцамъ въ пять дней уронъ въ 40.000 человѣкъ, хотя и сама ослабленная числомъ, но все еще цѣльная и грозная, стояла теперь въ тылу нѣмцевъ, вызывая послѣднихъ на новый бой и на новыя жертвы. Но на это нѣмцы уже не рискнули. Они, видимо, не считали себя довольно сильными, чтобы въ наступательномъ бою еще разъ грудь съ груьдю схватиться съ французскою арміею, и сразу рѣшили держаться отъ нея въ почтительномъ отдаленіи. Нѣмцы не рѣшились даже занять строившійся еще только фортъ Сенъ-Прива (южнѣе Меца, между р.р. Сейль и Мозель), который временно былъ посѣщаемъ ихъ патрулями и найденъ не занятымъ французами.

Нѣмецкіе историки совершенно обходятъ эти вопросы. Они намекаютъ, будто французы ушли за лѣво-бережные форты Меца, и считаютъ, что этимъ все уже сказано. Но на дѣлѣ французы вовсе не ушли за два единственные форта лѣваго берега Мозеля— Сенъ-Кентенъ и Пляпвиль,—они, напротивъ того, занимали не только передовые пункты въ разстояніи до двухъ верстъ впереди этихъ фортовъ, но даже цѣлую шестиверстную позицію Лорри—Вуапи— Тюри (Thury), отъ форта Пляпвиль до р. Мозеля. О эвентуальности аттаки этой новой позиціи французовъ нѣтъ у нѣмцевъ и помину, хотя они въ то время считали Базена слабѣе нежели онъ былъ въ дѣйствительности [1]).

Дѣло въ томъ, что нѣмецкіе корпуса, видимо, порядочно расшатаны были тяжелыми, хотя и побѣдоносными боями, о чемъ лучше всего свидѣтельствуютъ сцены у Гравелёта подъ вечеръ 18 числа. Нѣтъ нужды спорить съ нѣмецкими авторами о томъ, что двукратная тамъ паника, распространившаяся далеко назадъ, не коснулась войскъ, находившихся собственно въ строю. Доста-

---

„отбросить его на нейтральную границу". Наконецъ, тотъ же по существу маневръ имѣли въ виду нѣмцы еще 18 августа до самаго общаго того дня боя. Слѣдовательно, вездѣ тутъ была у нѣмцевъ одна „крупная, ясно поставленная цѣль (ни болѣе ни менѣе какъ уничтоженіе цѣлой арміи), преслѣдуемая съ замѣчательною настойчивостью и приводимая въ дѣло съ крайнею энергіею". А если эта цѣль нѣмцевъ боями 16 и 18 августа достигнута была пока только вполовину (непріятель отрѣзанъ, но не уничтоженъ), то произошло это оттого, что нѣмцы сунулись за Мозель, не подготовивъ своихъ операцій своевременными кавалерійскими поисками въ тылъ Меца. Это же послѣднее обстоятельство подтверждаетъ и другую выраженную въ „предисловіи" мысль, а именно, что, въ противность общему повѣрью, „нѣмецкое командованіе далеко не отличалось постоянною непогрѣшимостью", и что „изумительные успѣхи нѣмцевъ происходятъ отъ другихъ причинъ, а главнымъ образомъ отъ самостоятельной дѣятельности частныхъ начальниковъ".

[1]) „Исторія 2-й арміи", стр. 165.

точно указать на то, что по признанію самихъ же нѣмцевъ позади боевыхъ ихъ линій находились уже и подверглись паникѣ тысячныя толпы здоровыхъ. не отбившихся отъ своихъ частей солдатъ.

Съ другой стороны, и сами нѣмецкіе начальники послѣ Гравелётскаго боя потеряли охоту къ дальнѣйшимъ фронтальнымъ аттакамъ и наступательнымъ боямъ вообще, какъ это весьма ясно высказано въ спеціальной исторіи 2ой арміи [1]) и косвенно выражено въ приказѣ короля Вильгельма отъ 21 августа, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „аттака на непріятельскую позицію прежде всего должна быть подготовлена артиллеріею и пѣшимъ стрѣлковымъ огнемъ; въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда невозможенъ охватъ и фланговое обстрѣливаніе и когда фронтальная аттака по ровной мѣстности необходима, употреблять ротныя и полубаталіонныя колонны". Далѣе, рекомендуется вполнѣ искусное примѣненіе къ мѣстности и основательная подготовка аттакъ [2]).

Оставивъ засимъ открытымъ вопросъ, не лучше ли было бы для нѣмцевъ преслѣдовать по пятамъ французовъ и 19го же или не позже 20 числа сломить ихъ въ новой схваткѣ съ тѣмъ, чтобы сразу завладѣть мѣстностью лѣваго берега Мозеля (вполнѣ господствующею надъ внутреннею крѣпостью), — можно только замѣтить, что 6ой и 4ый французскіе корпуса послѣ ночнаго отступленія своего изъ ожесточеннаго боя въ первое время никакъ не могли находиться въ большомъ порядкѣ, а между тѣмъ имъ пришлось бы защищать какъ разъ слабѣйшую часть французскаго фронта, то есть шестиверстный промежутокъ между фортомъ Пляпвиль и р. Мозелемъ. Съ потерею французами этихъ позицій немедленно рѣшена была бы участь Меца и арміи Базена; теперь же, напротивъ того, рѣшеніе дѣла откладывалось нѣмцами на неопредѣленное время.

Можно, кажется, безошибочно предположить, что это положеніе дѣлъ не ускользнуло отъ вниманія главнаго нѣмецкаго начальства, но нѣмцы, какъ сказано, просто не чувствовали себя въ силахъ еще разъ грудь съ грудью схватиться съ французами на новыхъ позиціяхъ послѣднихъ [3]).

---

[1]) Стр. 174—175.

[2]) „Исторія 3-ей арміи", стр. 90.

[3]) Нѣмцы 18 числа во время своихъ, частью совершенно неоправданныхъ аттакъ ввели въ дѣло всю почти свою артиллерію, а изъ пѣхоты нетронутыми осталась только одна дивизія 10-го корпуса и обѣ 3-го корпуса, который, впрочемъ, понесъ громадныя потери за день до того у Марсъ-ля-Тура, и равно какъ и 10-ый не могъ быть еще вполнѣ реорганизованъ. Довольно сказать, что одинъ 3-ій корпусъ потерялъ 16 числа 310 офицеровъ. Кромѣ того, нѣмецкія войска устали отъ продолжительныхъ, непрерывныхъ, частью усиленныхъ маршей. Отсюда понятно, что они послѣ жестокаго кризиса въ Гравелётскомъ бою требовали въ ближайшее время отдыха, а въ послѣдующее затѣмъ — французы тоже уже оправились.

*

По всему этому нѣмцы въ то время, т. е. 19 августа, едва ли могли быть очень довольны достигнутыми результатами, въ особенности сравнительно съ задуманнымъ предположеніемъ „разбить Базена и погнать его на нейтральную границу".

Еще менѣе могъ быть доволенъ Базенъ, очутившись отрѣзаннымъ отъ сообщеній въ не готовой крѣпости, весьма недостаточно снабженной необходимыми припасами. Между тѣмъ отъ количества припасовъ въ Мецѣ зависѣли двѣ дальнѣйшія операціи французовъ и окончательный исходъ, болѣе или менѣе благопріятный для каждой изъ противныхъ сторонъ.

Не вдаваясь въ обширныя разсужденія о томъ, что́ могло бы быть, но чего въ дѣйствительности не случилось, можно, однако, мимоходомъ замѣтить, что если бы въ Мецѣ оказалось достаточно съѣстныхъ припасовъ, то Макъ-Магону нечего было бы спѣшить на выручку Базена и предпринимать рискованный маневръ, окончившійся Седанскимъ погромомъ. Съ другой стороны, если бы Базенъ за недостаткомъ продовольствія не вынужденъ былъ сдаться преждевременно, то принцъ Фридрихъ-Карлъ никакъ не могъ бы своевременно попасть на р. Луару, чтобы сломить новыя ополченія, выставленныя впослѣдствіи Франціею съ поразительною быстротою и въ угрожающихъ размѣрахъ.

Но какъ бы то ни было, можно, кажется, предположить, не рискуя ошибиться, что 19 августа ни французскій главнокомандующій, ни нѣмецкое начальство не забѣгали еще мыслью столь далеко впередъ. Французы пока еще не потеряли надежды уйти изъ Меца, а нѣмцамъ волею-неволей оставалось довольствоваться достигнутымъ пока результатомъ, т. е. раздѣленіемъ французскихъ армій.

Надо отдать нѣмцамъ полную справедливость, что рѣшенія свои, сообразныя по ихъ понятіямъ съ новою обстановкой, они приняли и исполнили съ быстротою, свидѣтельствующею, съ одной стороны, о ясномъ взглядѣ на дѣло, а съ другой, о томъ, что всѣ ихъ силы дѣйствительно подчинялись одной мысли и одной волѣ и направлялись сообразно съ условіями современной стратегической обстановки безъ всякихъ стороннихъ, не военныхъ уваженій, какъ это бывало у французовъ.

На другой день послѣ Гравелётскаго сраженія, какъ только выяснилось, что французы начали очищать удержанную до вечера часть своей вчерашней боевой позиціи, изъ главной королевской квартиры, Резонвиль, въ 11 часовъ утра отдано слѣдующее приказаніе [1]).

---

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны", т. 1, стр. 929—930.

„Послѣ побѣдъ послѣднихъ дней сдѣлалось необходимымъ и возможнымъ дать войскамъ достаточный отдыхъ и дождаться укомплектованія рядовъ. Далѣе необходимо, чтобы послѣдующее наступленіе къ Парижу арміи совершали на одной высотѣ для того, чтобы въ достаточныхъ силахъ встрѣтить новыя формаціи, собирающіяся въ Шалонѣ".

„Принимая далѣе во вниманіе, что отброшенная на Мецъ французская армія можетъ рискнуть попыткою пробиться въ западномъ направленіи, будетъ цѣлесообразно оставить шесть армейскихъ корпусовъ на лѣвомъ берегу р. Мозеля, которые, удерживаясь на взятомъ вчера съ боя кряжѣ возвышеній, могутъ противиться подобному движенію. На правомъ берегу остаются: одинъ корпусъ и резервная дивизія, которые, если нужно, должны уклониться отъ натиска превосходныхъ непріятельскихъ силъ".

„Его Величество Король назначаетъ для обложенія, кромѣ 1ой арміи и 3ей резервной дивизіи, корпуса 2й, 3й, 9й и 10й. Его Величество король изволилъ поручить Его Королевскому Высочеству принцу Фридриху-Карлу командованіе всѣми войсками, назначенными для обложенія главной французской арміи, и приказываетъ затѣмъ, чтобы корпуса: гвардейскій, 4ый и 12ый вмѣстѣ съ 5ю и 6ю кавалерійскими дивизіями поступили подъ команду Его Королевскаго Высочества кронпринца Саксонскаго, пока окажется возможнымъ возстановить первоначальный составъ армій. Штабъ Его Королевскаго Высочества кронпринца Саксонскаго будетъ немедленно организованъ".

„Назначенный для обороны кряжъ высотъ долженъ быть укрѣпленъ, а впрочемъ можно занять кантониръ-квартиры до р. Орны. Три корпуса, отдѣляемые отъ 2ой арміи, располагаются на квартирахъ по ту сторону поименованной рѣчки, а также—рѣчки Иронъ; 3я армія останавливается на р. Мозель. Главная Королевская квартира остается пока въ Понтъ-а-Муссонъ, гдѣ оставить баталіонъ 2го корпуса" [1]).

подписалъ „Мольтке".

Приказаніе это, какъ видно, ограничивается ближайшими практическими цѣлями, т. е. сборомъ достаточныхъ силъ для того, чтобы разбить формирующуюся у Шалона новую французскую армію. Относительно арміи Базена Мольтке довольствуется только тѣмъ, чтобы не пропустить ее прямо на западъ. Онъ и не

[1]) Цѣлесообразность новаго дѣленія нѣмецкихъ силъ и постановки новыхъ для нихъ задачъ будетъ разобрана ниже, въ главѣ VI, при разсмотрѣніи результатовъ похода 3-ей и 4-ой нѣмецкихъ армій послѣ Бомонскаго сраженія.

заботился о томъ, чтобы заставить ее цѣликомъ положить оружіе именно у Меца. Приказаніемъ, даннымъ войскамъ, расположеннымъ на правомъ берегу р. Мозеля, чтобы они „уклонились отъ удара превосходныхъ силъ французовъ", послѣднимъ какъ будто предоставлялись всѣ пути по ту, то есть восточную сторону р. Мозеля, потому что Базену, владѣвшему переправами, нетрудно было въ короткое время перебросить на правый беретъ рѣки значительныя силы противъ 44 баталіоновъ пруссаковъ, то есть 26 баталіоновъ 1го корпуса, Мантейфеля, и 18 — отряда Куммера.

Нѣмецкое начальство видимо расчитывало на то, что прорывомъ на правомъ берегу Мозеля Базенъ удалялся отъ Шалонской арміи. Разбить послѣднюю отдѣльно было теперь главною и ближайшею цѣлью, все же остальное предоставлялось времени вообще, а дѣло у Меца распорядительности принца Фридриха-Карла — въ особенности.

III.

Блокада нѣмцами крѣпости Меца и сраженіе при Нуассевиль 31 августа — 1 сентября.

Виды и распоряженія командира нѣмецкой блокадной арміи, принца Фридриха-Карла. — Положеніе арміи маршала Базена и вылазка его 26 августа; характерное совѣщаніе французскихъ начальниковъ въ замкѣ Гримонъ; отступленіе французовъ. — Распоряженія у нѣмцевъ въ виду вылазки французовъ 26 августа. — Положеніе блокадной арміи по 31 августа. — Новыя наступательныя предположенія Базена. — Поле Нуассевильской битвы и расположеніе на немъ нѣмцевъ. — Наступленіе французовъ и бой 31 августа. — Бой 1го сентября. — Послѣдствія боя при Нуассевиль — предстоящая сдача французской арміи вмѣстѣ съ крѣпостью. — Оцѣнка главныхъ распоряженій въ блокадной арміи; мысль Мольтке не исполнена, и всѣ шансы переданы на сторону французовъ. — Частные нѣмецкіе начальники въ Нуассевильскомъ сраженіи. — Французскіе начальники въ Нуассевильскомъ сраженіи. — Характерная стратегическая постановка Нуассевильскаго сраженія; обѣ стороны дѣйствуютъ вопреки своимъ интересамъ; побѣдитель отдалилъ срокъ гибели противника почти на цѣлыхъ два мѣсяца.

(Чертежъ 9).

Командиръ блокадной нѣмецкой предъ Мецомъ арміи, принцъ Фридрихъ-Карлъ, сразу задался мыслью не выпустить изъ рукъ армію Базена, которую при каждой его попыткѣ пробиться — отбрасывать обратно въ Мецъ.

Основаніемъ распоряженій принца послужили слѣдующія его соображенія [1]):

„1) Войска праваго берега р. Мозеля должны быть расположены такимъ образомъ, чтобы на избранной позиціи своевременно противостать попыткамъ французовъ прорваться на сѣверъ, къ Тіонвилю; при этомъ расчитывать на сильное содѣйствіе войскъ лѣваго берега рѣки, которыя направятся на лѣвый флангъ противника".

„2) На случай наступленія французовъ по правой же сторонѣ рѣки, къ востоку, на Ремильи,—главный складочный пунктъ арміи и конечный пунктъ ея желѣзно-дорожныхъ сообщеній съ Германіею,—1^му^ корпусу избрать позицію, на которой онъ будетъ поддержанъ ближайшими корпусами съ обоихъ фланговъ".

„3) Если бы французы затѣяли обширное наступленіе въ иномъ направленіи, то войскамъ праваго берега уклониться отъ удара".

„4) Если французы ударятъ вверхъ по Мозелю, по направленію на Понтъ-а-Муссонъ, то они выше Меца должны наткнуться на 7ой корпусъ, расположенный по обѣ стороны рѣки въ укрѣпленіяхъ соединенныхъ обезпеченнымъ мостовымъ сообщеніемъ. Корпусъ этотъ будетъ поддержанъ съ обѣихъ сторонъ".

„5) На случай попытки прорыва французовъ прямо на западъ, держаться на линіи обложенія въ укрѣпленіяхъ, соединенныхъ засѣками и стрѣлковыми рвами, а резервнымъ корпусамъ идти на помощь".

Далѣе, 10^му^ корпусу приказано было устроить переправу черезъ Мозель ниже Меца, въ окрестности Оконкуръ (Hauconcourt); ему даны указанія поддерживать сосѣдей по обѣ стороны и избрать позицію на случай прорыва французовъ внизъ рѣки по лѣвому берегу, къ Тіонвилю. Наконецъ, всѣмъ войскамъ приказано возводить сильныя укрѣпленія и даны другія еще указанія (объ устройствѣ наблюдательныхъ пунктовъ и т. д.).

Предварительныя распоряженія въ этомъ же смыслѣ сдѣланы были принцемъ еще 19 числа и исполнены частью въ тотъ же и частью въ слѣдующіе два дня, послѣ чего нѣмецкія войска вокругъ Меца занимали слѣдующее расположеніе [2]):

На правомъ берегу Мозеля подъ общимъ начальствомъ генерала Мантейфеля слѣдующія войска 1ой нѣмецкой арміи:

На правомъ флангѣ только что прибывшая свѣжая дивизія Куммера (18 баталіоновъ, 16 эскадроновъ и 36 орудій) держала

---

[1]) „Исторія 2-ой арміи", стр. 166.
[2]) Тамъ-же, стр. 169.

участокъ по фронту Мальруа—Шарли, примыкая правымъ флангомъ къ р. Мозелю ниже Меца;

1ой армейскій корпусъ занималъ 1ою пѣхотною дивизіею линію Фальи—Сервиньи, главныя силы дивизіи—у Времн, корпусная артиллерія—у Сентъ-Барбъ; 2ая пѣхотная дивизія стояла у Лякенекси, 3я кавалерійская дивизія прикрывала мѣстность отъ Лякенекси до Фраскати, то есть отъ 2ой пѣхотной дивизіи до расположенія 7го корпуса.

Въ этомъ расположеніи нѣмецкія войска праваго берега прикрывали: собственно отрядъ Куммера съ 1ою пѣхотною дивизіею—пути къ сѣверу, на Тіонвиль, а 2ая пѣхотная дивизія—складочный пунктъ Ремильи; промежутокъ между этими дивизіями верстъ въ семь наблюдался, вѣроятно, кавалеріею; наконецъ, промежутокъ между 2ою пѣхотною дивизіею и войсками 7го корпуса смыкался 3ею кавалерійскою дивизіею.

Въ окрестности Аръ-сюръ-Мозель, выше Меца, стоялъ 7ой корпусъ, Цастрова, расположившись по обѣ стороны Мозеля; лѣвѣе Цастрова:

8ой корпусъ, Гебена,—восточнѣе Гравелёта до Моску—Фермъ, и лѣвѣе его

2ой корпусъ, Франзецкаго, до Норуа-ле-Венеръ (Norroy le Veneur) и, наконецъ,

10ый корпусъ, Фохтсъ-Реца, расположилъ: передовыя свои войска по линіи Норуа—Петитъ-Тапъ (Norroy, Petittes Tappes) до самаго Мозеля, приготовивъ себѣ главную позицію по линіи Февъ — Амелянжъ (Fèves, Amelange); мостъ у Оконкуръ готовъ былъ къ вечеру 21 числа.

Изъ двухъ корпусовъ, назначенныхъ въ резервъ, 3й, Альвенслебена, расположился у Кольръ-Фермъ, позади 8го корпуса, а 9й, Манштейна, у Сентъ-Эль и Сентъ-Мари, позади 2го.

Наконецъ, 1ая кавалерійская дивизія, Хартмана, расположена была у Резонвиля.

Такимъ образомъ уже на третій день послѣ сраженія окончательно устроено было дѣло обложенія арміи Базена.

Только теперь наконецъ посланы были разъѣзды для тщательнаго обслѣдованія сѣверныхъ путей, по коимъ французы могли отходить отъ Меца. Изысканія эти показали, что всѣ слѣды съ поля битвы ведутъ къ Мецу, и что въ сѣверномъ направленіи таковые не замѣчены [1]). Такимъ образомъ окончательно констатировано было, что вся французская армія, дѣйствовавшая около Меца, находится теперь въ этой крѣпости.

---

[1]) „Исторія 2-ой арміи“, стр. 173.

Кажется, нѣтъ болѣе нужды повторять, что нѣмцы имѣли всѣ средства для того, чтобы подобныя обслѣдованія исполнить гораздо раньше, а именно съ приближеніемъ своимъ къ Мецу, и что этимъ они избѣжали бы многихъ напрасныхъ жертвъ и весьма серіозныхъ опасностей, изъ коихъ вышли они благополучно не только благодаря собственной распорядительности, но и въ значительной степени—неспособности французскихъ начальниковъ.

Выдѣленные изъ 2ой нѣмецкой арміи и поступившіе подъ начальство кронпринца Саксонскаго три корпуса уже 23 числа двинуты были на западъ для новыхъ операцій въ связи съ 3ею арміею, кронпринца Прусскаго.

Операціи эти будутъ предметомъ послѣдующаго разсказа, здѣсь же вкратцѣ излагаются дальнѣйшія дѣйствія у Меца до битвы при Нуассевиль 31 августа и 1 сентября включительно.

По расчету начальства нѣмецкой арміи обложенія, французы, оправившись въ теченіе нѣсколькихъ дней, могли сдѣлать попытку къ прорыву. Присутствіе всей почти арміи Базена на лѣвомъ берегу р. Мозеля указывало, казалось, на то, что прорывъ этотъ затѣвается по лѣвую сторону р. Мозеля. Болѣе вѣроятнымъ предполагалось сѣверное направленіе, къ Тіонвилю, отъ котораго французы могли бы всѣми наличными силами или частью ихъ пробраться далѣе вдоль сѣверной своей границы къ Мезіеръ и Седану. Нахожденіе здѣсь рельсоваго пути Тіонвиль—Мезіеръ съ укрѣпленными на немъ пунктами Тіонвиль, Монмеди и Седанъ дѣйствительно въ извѣстной мѣрѣ облегчали движенія французовъ въ этомъ направленіи, а болѣе густая группировка французскихъ лагерей у Меца именно къ сѣверу, казалось, подтверждала подобныя предположенія въ глазахъ нѣмцевъ.

На этомъ основаніи съ нѣмецкой стороны въ теченіе 23 числа сдѣлано на лѣвомъ берегу нѣкоторое перемѣщеніе, причемъ 8й корпусъ раздвинулся влѣво, а 2й и 10й потѣснились въ ту же сторону и стали гуще по путямъ, ведущимъ на Тіонвиль. Одновременно съ этимъ передвинуты были влѣво и оба резервные корпуса, то есть 3й и 9й, а также 1ая кавалерійская дивизія. Все это съ цѣлью усилить по возможности ту часть линіи обложенія, черезъ которую пришлось бы прорываться Базену, если бы онъ намѣренъ былъ пробиться къ Тіонвилю по лѣвой сторонѣ р. Мозеля.

Вокругъ крѣпости, на самыхъ возвышенныхъ пунктахъ, устроено было шесть главныхъ постоянныхъ обсерваціонныхъ пунктовъ спеціально для надобностей штаба блокадной арміи. Подобные же обсерваціонные пункты устроены были и отдѣльными корпусами для

своихъ ближайшихъ надобностей. Съ нихъ видно было все расположеніе французовъ позади ихъ укрѣпленій, такъ что отъ вниманія нѣмцевъ не могло ускользнуть ни одно дневное передвиженіе французовъ или перемѣна въ расположеніи ихъ лагерей. Наконецъ, штабъ принца соединенъ былъ телеграфомъ со штабами корпусовъ.

Высланы были кавалерійскіе отряды, которые попортили желѣзныя дороги у Тіонвиля, ведущія одна на Мезіеръ—Шалонъ или Парижъ, а другая за границу, въ Люксембургъ. Одна конная бригада изъ отряда Куммера, поддержанная отрядомъ подходившей изъ внутри Германіи резервной пѣхоты, начала блокаду Тіонвиля.

24 августа поступило изъ главной королевской квартиры увѣдомленіе, что императоръ Наполеонъ находится съ арміею въ Реймсѣ и что по полученнымъ свѣдѣніямъ въ Мецѣ расчитываютъ на помощь этой арміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ указано было, что весьма важно попортить желѣзную дорогу, ведущую отъ Тіонвиля во внутрь Франціи, вдоль сѣверной границы. Подобная порча въ болѣе западной части поручена была арміи кронпринца Саксонскаго. Хотя конницею принца Фридриха-Карла уже была произведена порча этого пути, тѣмъ не менѣе принцъ отправилъ конный полкъ съ отрядомъ піонеровъ на Лонгюіонъ (Longuion, полъ пути между Тіонвилемъ и Седаномъ), чтобы уничтожить нѣсколько желѣзно-дорожныхъ мостовъ въ окрестности этого пункта и если возможно взорвать тоннель на этой линіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручалось полку собрать свѣдѣнія о непріятелѣ въ этой части края [1]).

Вслѣдъ затѣмъ 25 числа получено было принцемъ сообщеніе главной королевской квартиры, подтверждавшее извѣстіе, что французы оставили Шалонъ. Въ тотъ же день замѣчено было движеніе во французскихъ лагеряхъ у Меца.

Въ день 26го августа, рано утромъ, донесено съ разныхъ нѣмецкихъ наблюдательныхъ пунктовъ, что у французовъ на лѣвомъ берегу Мозеля большое оживленіе; лагери на лѣвомъ берегу рѣки

[1]) Казалось бы, что вообще при наступленіи надо съ большою осторожностью относиться къ вопросу порчи такихъ рельсовыхъ путей, которые хотя и временно находятся во власти и пользованіи противника, но могутъ намъ же пригодиться впослѣдствіи. Тутъ порча пути должна соразмѣряться съ ближайшею цѣлью прекратить движеніе поѣздовъ противника. Для этого лучше произвести послѣдовательно рядъ небольшихъ поврежденій, препятствующихъ движенію нежели одно значительное, разрушеніе, послѣдствія коего придется испытать намъ же самимъ. Поэтому затѣянныя нѣмцами разрушенія, въ особенности тоннеля, едва ли были умѣстны.

[2]) Базенъ, стр. 107.

исчезали; формировались походныя колонны, которыя дефилировали на другой берегъ. Вскорѣ въ окрестностяхъ форта Сенъ-Жюліенъ (на правомъ берегу р. Мозеля, ниже Меца) собрались большія массы французскихъ войскъ всѣхъ трехъ родовъ оружія.

Маршалъ Базенъ въ донесеніи своемъ императору, на другой день послѣ битвы 18 августа, между прочимъ говорилъ, что войска утомлены частыми битвами и что необходимо дать имъ 2—3 дня отдыха для приведенія въ порядокъ матеріальной части; далѣе онъ упомянулъ: „все еще расчитываю взять сѣверное направленіе и свернуть черезъ Монмеди на дорогу Сентъ-Менегу—Шалонъ, если она не сильно занята, въ противномъ же случаѣ я пойду на Седанъ и Мезіеръ, чтобы достигнуть Шалона“ [2]).

Должно быть во исполненіе высказанныхъ намѣреній Базенъ 26 августа перевелъ значительныя силы на правый берегъ р. Мозеля, какъ будто для прорыва дѣйствительно слабой тамъ блокадной нѣмецкой линіи. Однако въ послѣднюю минуту собранное чуть ли не подъ выстрѣлами нѣмцевъ совѣщаніе французскихъ начальниковъ дало дѣлу иной оборотъ.

Изъ показаній бывшаго коменданта Меца, генерала Кофиніера, видно, что послѣдній вмѣстѣ съ начальникомъ артиллеріи арміи, генераломъ Солейль, утромъ 26 числа отправился къ маршалу, чтобы убѣдить его отложить прорывъ блокадной нѣмецкой линіи, пока не получится положительное извѣстіе, гдѣ находится армія Макъ-Магона, которая, по распространеннымъ неизвѣстно откуда слухамъ идетъ на выручку арміи Базена. Выслушавъ этихъ генераловъ, маршалъ отвѣтилъ: „быть можетъ, что вы правы, но тѣмъ хуже; мое движеніе готово, и я его исполню“. Войска дѣйствительно тронулись, но, тѣмъ не менѣе, маршалъ приказалъ, чтобы главные начальники собрались на совѣщаніе въ замокъ Гримонъ, сѣвернѣе форта Сенъ-Жюліенъ [1]). Совѣтъ начался въ 2 часа пополудни. Маршалъ открылъ его, изложивъ положеніе дѣлъ, и передалъ слово начальнику артиллеріи, генералу Солейль [2]).

Генералъ Солейль высказалъ въ сущности слѣдующее: онъ сравнилъ данное положеніе съ положеніемъ дѣлъ въ 1814 году, когда императоръ Наполеонъ I, собравъ гарнизоны сѣверныхъ крѣпостей, бросился на сообщенія союзниковъ, расчитывая, что послѣдніе остановятся передъ укрѣпленіями, которыя онъ приказалъ возвести вокругъ Парижа. Но Парижъ не былъ укрѣпленъ, и планъ

---

[1]) Базенъ, стр. 159.
[2]) Тамъ же, стр. 163—164.

тогда не состоялся; теперь дѣло иное—Парижъ сильно укрѣпленъ. Присутствіе французской арміи у Меца, угрожающей сообщеніямъ нѣмцевъ, должно было сильно озаботить послѣднихъ. Мецъ не только крѣпость, но и столица Лотарингіи. Если предположить, что Франція послѣ ряда неудачъ вынуждена будетъ заключить миръ, то въ виду фактическаго обладанія Мецомъ французами, Лотарингія вѣроятно останется за ними. Притомъ нельзя скрывать, что запаса артиллерійскихъ зарядовъ хватитъ только на одно сраженіе. Пробившись даже, французская армія будетъ преслѣдована нѣмцами какъ „олень собаками".

Но если армія во всей силѣ останется у Меца, то возможное отступленіе пруссаковъ обратится для нихъ въ катастрофу. Нѣтъ надобности, чтобы армія оставалась въ бездѣйствіи; она можетъ дѣлать нападенія по большому, въ 50 километровъ кругу расположенія нѣмцевъ, можетъ даже уничтожать ихъ работы, отрѣзывать транспорты и пересѣкать линіи сообщеній.

Послѣ генерала Солейль говорилъ комендантъ крѣпости, генералъ Кофиніеръ. Онъ сказалъ, что верки крѣпости въ настоящемъ своемъ видѣ еще не съ состояніи противиться правильной аттакѣ болѣе пятнадцати дней; поэтому армія должна вернуться и занять оборонительныя линіи по указанію его (Кофиніера).

Всѣ остальные французскіе начальники, а именно командиры корпусовъ, маршалы Канроберъ и Ле-Бефъ, и генералы Фроссаръ, Бурбаки и Лямиро въ общемъ присоединились къ мнѣнію генерала Солейль въ томъ смыслѣ, что необходимо оставаться у Меца.

Мысль пробиться какъ будто совсѣмъ была брошена. Къ ней возвращается одинъ только маршалъ Канроберъ, говоря, что отходить отъ Меца съ обозами невозможно, и что въ случаѣ выступленія придется ихъ бросить. Канроберъ говорилъ также въ пользу дѣятельной обороны.

Фроссаръ со своей стороны выразилъ еще, что Рейнская армія вслѣдствіе испытанныхъ неудачъ болѣе способна къ оборонѣ, нежели къ наступленію; что при рискованномъ движеніи послѣ перваго дѣла, даже самаго удачнаго, на нее нельзя будетъ расчитывать. Съ другой стороны, если непріятель будетъ отступать, то французскій солдатъ обратитъ его отступленіе въ полное пораженіе.

Одинъ только маршалъ Ле-Бефъ, послѣ пространнаго, едва ли удачнаго оправданія своихъ прежнихъ дѣйствій въ качествѣ главнаго помощника императора, замѣтилъ, что конечно сохраненіе арміи будетъ лучшею услугою, которую можно оказать Франціи; но добавилъ: „какъ же исполнить это, не имѣя продовольствія?"

Въ томъ же совѣтѣ затронутъ былъ вопросъ о томъ, что кавалеріи при арміи много, а пользы отъ нея мало и что она очень затрудняетъ положеніе крѣпости по причинѣ недостатка фуража. Разбирались и личныя качества кавалерійскихъ начальниковъ.

Наконецъ, рѣшено было сформировать роты партизановъ, которыя дѣйствовали бы совмѣстно съ кавалеріею, и употреблять ихъ противъ аванпостовъ непріятеля, его транспортовъ и линій сообщенія [1]).

На капитальный вопросъ о „недостаткѣ продовольствія", слегка затронутый Ле-Бефомъ, не откликнулся никто изъ присутствовавшихъ тогда въ совѣщаніи.

Надо предполагать, что въ то уже время французскіе начальники въ душѣ всякій про себя считали войну проигранною и законченною. Слѣдовательно, освобожденія своего они ожидали отъ мирныхъ переговоровъ, а не отъ военныхъ дѣйствій вообще, а тѣмъ менѣе отъ своихъ собственныхъ. Пораженія и катастрофы, которыя сулились нѣмцамъ въ случаѣ ихъ отступленія, были, конечно, фразы, въ которыя драпировалось убожество мысли и воли [2]). Къ этимъ же фразамъ надо отнести и разговоры о нападеніяхъ на транспорты нѣмцевъ и сообщенія послѣднихъ. Разговоры эти, не облеченные въ конкретную форму положительныхъ предположеній, имѣли въ сущности видъ „набожныхъ пожеланій", какъ гласитъ нѣмецкая поговорка. Между тѣмъ мысль въ основаніи была вѣрна и вполнѣ исполнима: сами обстоятельства не только наталкивали французовъ на практическое ея примѣненіе, но даже просто вынуждали ихъ къ этому. Въ совѣщаніи, какъ сказано выше, затронутъ былъ вопросъ о безполезномъ излишкѣ конницы, затруднявшей положеніе крѣпости. Кажется, чего проще какъ связать съ собою въ практическомъ исполненіи обѣ мысли, записанныя въ краткомъ журналѣ совѣщанія 26 числа? Занявъ нѣмцевъ большою вылазкою или только демонстраціями, не трудно было выслать изъ крѣпости нѣсколько тысячъ излишней конницы, которая легко могла выиграть два три перехода и затѣмъ надѣлать на сообщеніяхъ нѣмцевъ много бѣдъ, пока послѣдніе спохватились бы и приняли мѣры противодѣйствія.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что французская конница, пробившись въ поле, принесла бы громадную непосредственную

---

[1]) Базенъ, стр. 164—167; „Краткій журналъ совѣщанія 26 августа", составленный адъютантомъ Базена.

[2]) Говорится тутъ о фактахъ, а не о лицахъ.

пользу дѣйствуя въ массѣ или въ мелкихъ отрядахъ въ связи съ дружинами вольныхъ стрѣлковъ, которые повсемѣстно организовались[1]).

Но какъ бы то ни было, но, пока, ближайшимъ послѣдствіемъ Гримонскаго совѣщанія было отступленіе французской арміи въ тотъ же еще день, 26 числа, причемъ однако корпуса 2ой, Фроссара, и 3ій, Ле-Бефа, оставлены были на правомъ берегу рѣки и заняли расположеніе, указанное генераломъ Кофиніеромъ.

Все дѣло въ этотъ день кончилось незначительною перестрѣлкою.

Наступленіе французовъ утромъ 26 августа, казалось, ближе всего угрожало позиціямъ Куммера и смежной съ нимъ 1ой пѣхотной дивизіи 1го корпуса. Поэтому Мантейфель, начальствовавшій, какъ сказано, надъ всѣми войсками на правомъ берегу Мозеля, рѣшилъ притянуть къ 1ой дивизіи бригаду отъ 2ой, сохранивъ, впрочемъ, блокаду по всей линіи.

Сосредоточеніе французовъ у Сенъ-Жюліенъ, видимое и съ противоположнаго берега, какъ будто угрожало прорывомъ по правой сторонѣ Мозеля и скорѣе въ сѣверномъ направленіи. По мѣрѣ разъясненія всего этого нѣмецкіе начальники лѣваго берега, какъ и всегда, приняли каждый со своей стороны зависящія мѣры, не испрашивая и не ожидая приказаній.

Генералъ Фохтсъ-Рецъ, командиръ 10го корпуса, стоявшаго ближе къ Мозелю, на лѣвомъ флангѣ общей линіи лѣваго берега, стянулъ свой корпусъ къ рѣкѣ и значительную часть его перевелъ на ту сторону рѣки, у Аржанси.

Генералъ Манштейнъ, командиръ 9го корпуса, бывшаго во второй линіи, въ резервѣ лѣваго крыла, двинулъ одну дивизію къ мосту черезъ Мозель у Оконкуръ, а другую за нею — къ Моранжъ.

Такимъ образомъ два нѣмецкихъ корпуса готовились поддержать правый флангъ своихъ, находившихся на противоположномъ, лѣвомъ берегу Мозеля.

Одновременно 2ой корпусъ вступилъ въ укрѣпленія блокадной линіи; другой резервный корпусъ, а именно 3ій, изготовился къ движенію, стянувъ свои войска по дивизіямъ и собравъ корпусную артиллерію.

---

[1]) Французская конница какъ матеріалъ была хороша. Вооруженная большею частью карабинами „шасно“ она вполнѣ способна была къ партизанискимъ дѣйствіямъ. Блистательную храбрость она проявила у Верта и Седана, и когда ее умѣли употребить не разъ накрывала нѣмцевъ: такъ разбитъ ею разъѣздъ графа Цепелина, партія въ Понтъ-а-Муссонѣ и эскадронъ уланъ въ Марсъ-ля-Турѣ 15 августа.

Принцъ Фридрихъ-Карлъ вытребовалъ отъ 8го корпуса пѣхотную бригаду съ артиллеріею для смѣны ею блокадной линіи на участкѣ 2го корпуса на случай, если бы корпусъ этотъ пришлось тоже двинуть на тотъ берегъ Мозеля.

Вмѣстѣ съ тѣмъ принцъ сообщилъ генералу Мантейфелю слѣдующее:

„Генералъ Куммеръ доноситъ въ 1½ часа пополудни, что непріятель зажегъ бивуачные огни въ лѣсу Гримонъ, но что небольшая перестрѣлка продолжается уже четыре часа".

„Силы непріятеля опредѣляются въ нѣсколько корпусовъ".

„Въ предположеніи, что ваше превосходительство находитесь на позиціи Фальи — Сервиньи въ связи съ позиціею Мальруа — Шарли, генерала Куммера, я, пока обстоятельства не разовьются, не могу дать дальнѣйшихъ директивовъ".

„При нападеніи непріятеля мы вездѣ должны удержать наши подготовленныя блокадныя линіи. Сражающіеся на правомъ берегу войска будутъ, смотря по надобности, поддержаны частями 10го, а затѣмъ 9го корпусовъ".

„Другихъ распоряженій пока дѣлать нельзя".

Однако, не смотря на всѣ принятыя мѣры, положеніе нѣмецкихъ войскъ на правомъ берегу Мозеля, въ случаѣ рѣшительнаго наступленія французовъ, было бы очень трудное. Войска Куммера и ближайшія, Мантейфеля, могли быть смяты прежде, чѣмъ подоспѣли бы достаточныя подкрѣпленія съ другой стороны Мозеля. На войска того же берега, расположенныя повыше крѣпости, а именно на ближайшій 7ой корпусъ, нельзя было вовсе расчитывать, такъ какъ имъ для того, чтобы попасть туда, гдѣ поддержка ихъ могла быть необходимою, пришлось бы послѣ переправы совершить цѣлый большой кружный переходъ позади своей правобережной блокадной линіи, причемъ они легко могли быть задержаны какимъ либо дѣйствительнымъ вспомогательнымъ, или хотя бы демонстративнымъ наступленіемъ французовъ наперерѣзъ ихъ пути. Что же касается нѣмецкихъ войскъ лѣваго берега, пониже крѣпости, то они имѣли въ распоряженіи только два моста въ разстояніи всего 6—8 верстъ отъ французскихъ линій; выходы же изъ этихъ мостовъ на правый берегъ рѣки при удачѣ французовъ скоро могли быть заперты для нѣмцевъ. Такимъ образомъ прорывъ Базена въ Тіонвилю по правому берегу былъ по меньшей мѣрѣ возможенъ и принятъ въ расчетъ нѣмецкимъ начальствомъ.

Въ предвидѣніи возможности успѣшнаго прорыва арміи Базена или значительной ея части въ сказанномъ направленіи, приказано было 3му корпусу „изготовиться, идти къ Тіонвилю и энер-

гически противиться дебушированію оттуда французовъ на западъ или къ Люксембургской границѣ“ [1]).

Впрочемъ, какъ уже сказано, утреннее наступленіе французовъ скоро прекратилось; войска ихъ пріостановились и расположились бивуаками.

Вечеромъ, въ 7 1/2 часовъ, Мантейфель донесъ между прочимъ Штейнмецу:

„Непріятель выдвинулъ аванпостную цѣпь впередъ отъ Колёмбэ черезъ Монтуа до Нуассевиль; вечеромъ, если окажется возможнымъ, она будетъ выброшена изъ Колёмбэ и Нуассевиль“.

— —

Хотя 26 августа прошло для нѣмцевъ благополучно, такъ какъ французы не аттаковали, но нельзя было знать что́ принесетъ слѣдующій день. Опасность 27 числа еще не миновала. Нѣмецкія войска не успѣли достаточно укрѣпить своихъ линій. Неувѣренность въ теченіе утра того дня усиливалась тѣмъ, что дождливая погода мѣшала наблюденіямъ, а между тѣмъ блокадный корпусъ совершенно неожиданно былъ значительно ослабленъ вслѣдствіе приказаній изъ главной королевской квартиры, откуда 27 числа получено сообщеніе (отъ 26го въ полдень), что весьма вѣроятно, что Макъ-Магонъ подвигается изъ Шалона на сѣверъ, очевидно для обхода праваго фланга нѣмецкихъ войскъ, подвигавшихся къ западу. Цѣль французовъ, вѣроятно, — наступленіе къ Мецу для освобожденія Базена.

Далѣе говорилось, что три корпуса арміи кронпринца Саксонскаго и оба баварскіе отъ 3ей арміи еще 26го направлены были въ окрестности Дамвиллеръ (на правомъ берегу р. Мезы къ сѣверовостоку отъ Вердена), чтобы пересѣчь путь Макъ-Магону. Относительно 2ой арміи добавлено:

„Его Величество приказываетъ, чтобы отъ блокадной арміи отдѣлены были два корпуса и направлены такъ, чтобы они непремѣнно еще 28го достигли окрестностей Даманвиллеръ—Манжіенъ“.

„Начальству арміи предоставляется распорядиться такимъ образомъ, чтобы во всякомъ случаѣ воспрепятствовать прорыву непріятеля на западъ, хотя бы пришлось временно снять блокаду съ праваго берега Мозеля“.

Во исполненіе этого приказанія на поддержку арміи кронпринца Саксонскаго назначены корпуса 2ой и 3ій; а такъ какъ разстояніе до окрестностей Дамвиллеръ—Манжіенъ было верстъ пять-

---

[1]) „Исторія 2-ой арміи“, стр. 190.

десятъ, то рѣшено назначить выступленіе еще того же 27 числа, для чего, въ 9 часовъ утра, отдано слѣдующее приказаніе:

„1, 3ему корпусу немедленно двинуться черезъ Конфлянъ; онъ сегодня еще большею частью своихъ силъ долженъ достигнуть Этена; завтра идти на Дамвиллеръ".

„2, 2ому корпусу немедленно смѣнить свои войска первой линіи тою бригадою 8го корпуса, которая бивуакируетъ у Аманвиллеръ, и затѣмъ двинуться черезъ Бріей по дорогѣ въ Менвиль, съ тѣмъ, чтобы голова корпуса сегодня еще достигла Менвиль.

„Завтра, 28му корпусу идти черезъ Водонкуръ и достигнуть обязательно окрестности Манжіенъ".

Къ этимъ распоряженіямъ было добавлено: „исполненіе помянутыхъ приказаній не должно быть прерываемо даже въ такомъ случаѣ, если бы того же, 27 числа возгорѣлось сраженіе у Меца [1]).

За выдѣленіемъ двухъ корпусовъ, въ блокадной нѣмецкой арміи вокругъ Меца осталось на лицо въ круглыхъ цифрахъ 112 тысячъ штыковъ, 13 тысячъ коней и 278 орудій.

Базенъ для рѣшительнаго прорыва могъ вывести силы почти не меньшія противъ арміи принца Фридриха-Карла и ударить ими на любую часть непріятельскаго фронта (или вообще употребить ихъ въ дѣло хотя бы частью для демонстрацій и аттакъ второстепенныхъ), между тѣмъ какъ нѣмцы, во всякомъ случаѣ, на каждомъ берегу и на каждой части длинной блокадной линіи могли противоставить французамъ только часть своихъ силъ. Тѣмъ не менѣе принцъ Фридрихъ-Карлъ и не думалъ воспользоваться разрѣшеніемъ снять блокаду съ праваго берега р. Мозеля. Напротивъ того, въ приказаніи отданномъ въ 9½ часовъ утра онъ рѣшилъ непосредственно воспротивиться прорыву французовъ на томъ берегу рѣки, почему приказалъ:

„Мантейфелю держаться на занимаемыхъ позиціяхъ, преграждающихъ кратчайшій путь отъ Меца къ Тіонвилю, на правомъ берегу Мозеля".

„10му корпусу, собравшемуся уже 26 числа большею частью въ долинѣ Мозеля, оставаться тамъ и изготовиться для энергической поддержки отряда Куммера" (правый флангъ Мантейфеля) „въ случаѣ нападенія на него французовъ, оставивъ въ блокадной линіи небольшія силы".

„9му корпусу тоже изготовиться къ движенію за Мозель по первому приказанію".

---

[1]) „Исторія 2-ой арміи." стр. 194—195. Приведенныя здѣсь названія пишутся: Damvillers, Mangiennes, Mainville, Vaudoncourt.

Для усиленія 2ой пѣхотной дивизіи корпуса Мантейфеля, прикрывавшей расположеніемъ своимъ нѣмецкіе склады и магазины въ Ремильи, приказано придвинуть туда, къ Лякепекси, одну пѣхотную бригаду съ артиллеріею 7го корпуса.

По блокадной линіи на лѣвомъ берегу раздвинулись войска 8го корпуса.

Дождливый день 27 августа прошелъ однако спокойно, и хотя дождь мѣшалъ наблюденіямъ, тѣмъ не менѣе въ общемъ можно было замѣтить, что французы отошли назадъ, отказавшись отъ намѣченной 26 числа попытки.

Въ 3 часа утра 28 числа въ штабѣ блокадной арміи получена телеграмма генерала Мольтке слѣдующаго содержанія:

„Эризъ-ля-Петитъ. 27 августа, 12 часовъ 15 минутъ пополудни. Согласно только-что полученнымъ свѣдѣніямъ бо́льшая часть силъ непріятеля вчера вечеромъ" (т. е. 26го) „стояла еще у Вузіеръ; поэтому до новаго приказанія нѣтъ надобности въ исполненіи передвиженія войскъ арміи Вашего Высочества" [1]).

На основаніи этого сообщенія, приказано корпусамъ 2му и 3му оставаться на достигнутыхъ ими въ теченіе 27 числа пунктахъ. Затѣмъ около полудня получена была новая телеграмма Мольтке, въ которой сказано, что противъ арміи Макъ-Магона собраны достаточныя силы и что въ корпусахъ 2ой арміи надобности болѣе не предстоитъ.

Принимая во вниманіе позднее время дня и дурную погоду, принцъ предпочелъ не возвращать въ тотъ же день откомандированные корпуса. Притомъ, обсуждая общее положеніе дѣлъ, онъ пришелъ къ заключенію (частью уже высказанному въ приказаніяхъ 26 числа), что полезно будетъ имѣть позади блокадной линіи лѣваго берега сильный подвижной резервъ для употребленія его по мѣрѣ надобности.

Дѣйствительно, не трудно было расчитать, что въ случаѣ наступленія французовъ по правому берегу Мозеля, для поддержки находящихся тамъ нѣмецкихъ войскъ можно будетъ двинуть: ниже Меца 9ый и 10ый корпуса, а выше — 7ой или же часть 8го; но каждая изъ этихъ группъ будетъ отдѣлена отъ другой разстояніемъ въ большой переходъ. Такимъ образомъ противъ рѣшительнаго и болѣе или менѣе внезапнаго натиска французовъ на одну часть право-бережной блокадной линіи нѣмцы никакъ устоять не могли.

По этимъ причинамъ принцъ предполагалъ, въ случаѣ удачнаго прорыва французовъ, вцѣпиться въ нихъ сзади всѣми способ-

---

[1]) „Исторія 2-ой арміи", стр. 198.

ными къ бою войсками праваго берега и преградить непріятелю путь подвижнымъ резервомъ изъ 2го и 3го корпусовъ съ 1^ою^ кавалерійскою дивизіей.

На этомъ основаніи (все еще въ предположеніи болѣе вѣроятной попытки прорыва къ сѣверу) принцъ расположилъ поименованные два корпуса у Бріей и Конфлянъ, откуда они, въ случаѣ прорыва Базена по правому берегу къ сѣверу, могли преградить ему дебушированіе на лѣвый берегъ Мозеля у Фонтуа (Fontoy), западнѣе Тіонвиля, или же, вообще, — быть подъ рукою въ случаѣ попытки непосредственнаго прорыва французовъ изъ Меца прямо на западъ.

Дни 28, 29 и 30 августа прошли для нѣмцевъ у Меца спокойно. Извѣстія изъ главной королевской квартиры и донесенія кавалерійскихъ отрядовъ, направленныхъ на Тіонвиль — Седанъ и южнѣе этого пути, сообщали о присутствіи на сѣверо-западѣ войскъ противника и о слухахъ между жителями, что Макъ-Магонъ идетъ на выручку Базену.

Для поддержанія поименованныхъ кавалерійскихъ отрядовъ и лучшаго выясненія обстоятельствъ, наконецъ для возможной задержки наступленія французовъ съ той стороны, утромъ 31 числа отправленъ на Омецъ (Aumetz), между Тіонвиль и Лёнгюи (Longuy), отрядъ изъ трехъ баталіоновъ, одной батареи и эскадрона, которому подчиненъ былъ Цитенскій гусарскій полкъ, бывшій уже въ той сторонѣ. Отрядъ этотъ, а равно и баталіонъ 9го корпуса, отправляемый для связи съ блокаднымъ отрядомъ у Тіонвиля, выступили уже подъ грохотъ перестрѣлки, возвѣщавшей новое наступленіе арміи Базена.

На совѣтѣ французскихъ главныхъ начальниковъ, состоявшемся 26 числа въ замкѣ Гримонъ, рѣшено было, какъ уже сказано выше, оставаться пока у Меца, т. е. прекратить попытку прорыва, предпринятаго въ ту пору Базеномъ. Совѣтъ удовольствовался этимъ отрицательнымъ результатомъ и констатировалъ еще только фактъ, что для болѣе обширныхъ операцій недостаетъ артиллерійскихъ зарядовъ. Дальше впередъ совѣтъ не забѣгалъ.

Такимъ образомъ, не смотря на болѣе или менѣе напыщенныя и полуученыя фразы, плодомъ совѣта въ сущности могло быть только безсрочное, такъ сказать, пассивное выжиданіе. А такъ какъ пассивность и безъ того была основнымъ свойствомъ тогдашнихъ французскихъ начальниковъ, то она, проведенная теперь въ принципъ и систему, едва ли не ставила девизомъ Мецской арміи полную апатію. Можно, какъ уже разъ сказано, предположить, что тогда уже французскіе начальники въ Мецѣ (насколько

они вообще заботились о будущемъ) считали войну оконченною и ожидали своего освобожденія только отъ мирныхъ переговоровъ. Однако свѣдѣнія полученныя извнѣ вынудили Базена къ новымъ усиліямъ.

Комендантъ Тіонвиля, полковникъ Турнье (Tournier), писалъ Базену 27 августа черезъ лазутчика:

„Генералъ Дюкро командуетъ корпусомъ Макъ-Магона. Сегодня, 27го, онъ долженъ находиться въ Стенэ; это лѣвый флангъ арміи. Генералъ Дуэ на правомъ, на рѣкѣ Мезѣ. Приготовьтесь идти по первому пушечному выстрѣлу...“

Это извѣстіе, полученное Базеномъ 29 числа, подтверждено было въ общемъ на слѣдующій день депешею отъ Макъ-Магона (тоже черезъ лазутчика), въ которой значилось:

„Депешу Вашу отъ 19го получилъ; иду въ направленіи Монмеди; послѣ завтра буду на рѣкѣ Энь, откуда стану дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ, чтобы придти Вамъ на помощь“ [1]).

Предполагая, что Макъ-Магонъ можетъ быть уже довольно близко, Базенъ рѣшилъ немедля, а именно на слѣдующій же день, пробиться по правому берегу р. Мозеля и черезъ Тіонвиль искать соединенія съ Макъ-Магономъ.

Рѣшеніе Базена привело къ двухдневному сраженію 31 августа и 1 сентября, названному дѣломъ при Нуассевиль.

Мѣстность, на которой разыгралось Нуассевильское сраженіе, была почти та же, на коей произошелъ бой 14 августа, но поле битвы значительно расширилось теперь къ сѣверо-западу, заворачивая къ Мозелю и доходя до него пониже Меца. Роли однако перемѣнились—наступали теперь французы,—оборонялись нѣмцы.

Французамъ, рѣшившимся идти къ Тіонвилю по правую сторону р. Мезы, необходимо было прежде всего сбить нѣмцевъ, преграждавшихъ имъ дорогу, и сверхъ того выиграть извѣстное пространство для того, чтобы получить возможность двигаться къ Тіонвилю достаточно широкимъ фронтомъ. Для удовлетворенія обѣимъ этимъ цѣлямъ Базену предстояло завладѣть командующимъ всею окрестностью плато деревни Сентъ-Барбъ, такъ какъ впереди его находилась главная позиція Мантейфеля, а позади пролегала шоссейная дорога, ведущая на сѣверъ, къ Тіонвилю.

Отъ возвышеннаго плато Сентъ-Барбъ спускаются къ Мозелю покатые отроги, раздѣленные ручьемъ Вальеръ, впадающимъ въ Мозель между Мецомъ и фортомъ Сенъ-Жюліенъ.

---

[1]) Базенъ, стр. 168.

Прямой доступъ изъ Меца къ Сентъ-Барбъ (между фортомъ Жюліенъ и ручьемъ Вальеръ) пересѣкался укрѣпленною позиціею 1ой дивизіи корпуса Мантейфеля: Сервиньи—Пуа—Фальи (Servingy, Pois, Fally), находившеюся по правую сторону ручья Вальеръ. Подъ прямымъ угломъ къ этой позиціи вплоть до самого Мозеля тянулась позиція отряда Куммера, включавшая укрѣпленные пункты Рюпиньи, Малеруа (Rupigny, Malleroy), а позади ихъ — Шарли (Charly). Расположеніе Куммера брало во флангъ всякое прямое наступленіе на Сентъ-Барбъ, составляя вмѣстѣ съ расположеніемъ 1ой дивизіи, Мантейфеля, одну общую, сильно укрѣпленную, хотя и растянутую позицію Малеруа — Сервиньи. Висящій на воздухѣ лѣвый ея флангъ обезпечивался нѣсколько выдвинутою впередъ укрѣпленною позиціею Нуассевиль — Брассери — Монтуа (Montoy, на лѣвомъ берегу ручья Вальеръ).

Однако эта связная, укрѣпленная и для первой обороны довольно сильно занятая общая оборонительная линія нѣмцевъ (Малеруа — Сервиньи — Монтуа) запирала только меньшую, сѣверную часть восточнаго (по правую сторону рѣки Мозеля) блокаднаго полукруга, оставляя бо́льшую, южную часть, скорѣе маскированною нежели занятою.

Ближайшій, болѣе сильный нѣмецкій отрядъ лѣвѣе Мантейфеля (бригада 2ой дивизіи) стоялъ у укрѣпленнаго Лякенекси и Курсель, въ разстояніи безъ малаго шести верстъ отъ Монтуа (лѣвый флангъ главной позиціи Мантейфеля); онъ имѣлъ свою спеціальную задачу прикрывать склады въ Ремильи, и занималъ передовыми частями и аванпостами нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ; за нимъ въ резервѣ у Курсель стояла другая бригада той же 2ой дивизіи.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что слабою частью главной позиціи Мантейфеля былъ лѣвый ея флангъ, который легко могъ быть охваченъ французами, прямымъ напоромъ ихъ на востокъ. Подобная операція французовъ, конечно, значительно облегчилась бы внезапнымъ сосредоточеніемъ ихъ войскъ на правомъ берегу Мозеля. Несостоявшееся дѣло 26 августа могло послужить какъ будто репетиціею предварительнаго своевременнаго сосредоточенія французовъ. Притомъ операція эта значительно облегчилась теперь, такъ какъ два французскіе корпуса, а именно 2ой и 3ій, находились уже на правомъ берегу Мозеля, такъ что переправлять приходилось войскъ меньше противъ 26 числа, а времени для соображенія и матеріальной подготовки успѣшной переправы было больше.

Переправа французскихъ войскъ 31 числа обдумана была и подготовлена недостаточно и совершилась далеко не въ должномъ

порядкѣ. Она начата въ 6 часовъ утра по тремъ мостамъ: прежде 4ый корпусъ, потомъ 6ой, далѣе гвардія, резервная артиллерія и наконецъ вновь сформированная резервная кавалерійская дивизія подъ начальствомъ генерала Дево (Desveaux). Оказалось однако, что всѣ три моста имѣли исходомъ на правый берегъ одну только удобную дорогу и другую, по которой не могли двигаться повозки; произошло столпленіе войскъ и скрещиваніе колоннъ. Ходъ операціи значительно замедлился.

Два корпуса, 4ый и 6ой, перешли на правый берегъ только въ 2 часа пополудни; остальныя же французскія войска окончили передвиженіе и разстановку на томъ берегу къ 5 часамъ пополудни; артиллерійскій резервъ и кавалерія — еще позже. Между тѣмъ корпуса 2ой и 3ій, расположенные, какъ сказано, на правомъ же берегу Мозеля, безъ труда заняли указанное имъ предварительно расположеніе еще до 9 часовъ утра. Они оттѣснили нѣмецкіе аванпосты и затѣмъ начали варку пищи въ ожиданіи подхода остальныхъ войскъ съ того берега рѣки.

Французскія силы на правомъ берегу Мозеля сгруппировались слѣдующимъ образомъ:

На лѣвомъ флангѣ у Мозеля, впереди форта Сенъ-Жюліенъ, 6ой корпусъ, Канробера, расположившійся между рѣкою и дорогою, ведущею на Аванси (Avancy, сѣвернѣе Сентъ-Барбъ), въ общемъ лицомъ на сѣверъ, т. е. фронтомъ на позицію нѣмецкаго отряда Куммера.

Правѣе его стоялъ 4ый корпусъ, Лямиро, до ручья Вальеръ, правымъ флангомъ у Нуйли, лицомъ на востокъ, т. е. фронтомъ на позицію Мантейфеля: Флявиньи—Сервиньи.

Далѣе находился 3ій корпусъ, Ле-Бефа, въ составѣ трехъ пѣхотныхъ дивизій, протягиваясь до Саарбрюкенской дороги, лицомъ на часть нѣмецкой позиціи Нуассевиль—Монтуа.

Позади праваго фланга 3го корпуса у Белекруа, на Саарбрюкенской дорогѣ — 2ой корпусъ, Фроссара. Бригада Ляпассе этого корпуса съ утра заняла Колёмбэ, прикрывая такимъ образомъ правый флангъ 3го корпуса.

Дивизія Кастаньи 3го корпуса, долженствовавшая оставаться въ Мецѣ (на случай удачнаго прорыва всей арміи), стояла у форта Келе, прикрывая правый флангъ общаго расположенія арміи Базена.

Въ общемъ резервѣ арміи оставались: гвардейскій корпусъ у форта Сенъ-Жюліенъ, тамъ-же — артиллерійскій резервъ арміи и резервная кавалерія на островѣ Шамбіеръ (Chambière).

Такимъ образомъ большая часть французскихъ силъ, т. е. восемь пѣхотныхъ дивизій съ резервною артиллеріею, скомкана

была въ тѣсномъ секторѣ (между Мозелемъ и ручьемъ Вальеръ), окаймленномъ съ сѣвера и съ востока нѣмецкими укрѣпленными позиціями. Остальныя войска, корпуса́ Ле-Бефа и Фроссара стояли тоже лицомъ на фронтъ непріятельской позиціи и только одна бригада Ляпассе имѣла направленіе въ охватъ лѣваго фланга главной позиціи Мантейфеля.

Въ первомъ часу дня собрались у Гримонъ начальники французскихъ войскъ, коимъ маршалъ Базенъ прочелъ депешу императора (она собственно была отъ Макъ-Магона), обратилъ вниманіе на серіозное положеніе дѣлъ и затѣмъ отдалъ слѣдующее приказаніе:

„3ій корпусъ постарается аттаковать позицію Сентъ-Барбъ, съ ея лѣвой стороны (Шато-Шеби) и расположится на высотѣ 317 лѣса Шеби и у Аваньи (высота 270)“.

„4ый корпусъ аттакуетъ правую часть позиціи Сентъ-Барбъ (Виллеръ-Лёрмъ, Файли и Времн) и старается всѣми мѣрами, чтобы достигнуть расположенія у Сомри-ле-Винь (высоты 241 и 243)“.

„6ой корпусъ аттакуетъ позицію впереди Шіель, Шарли и Мальруа, идетъ до самаго Антилльи гдѣ (высота 186), располагается упирая свой лѣвый флангъ въ Арганси (высота 186)“.

„2ой корпусъ слѣдуетъ за 3имъ, обезпечивая флангъ послѣдняго; онъ подчиняется маршалу Ле-Бефу. Гвардія остается въ резервѣ“ [1]).

По словамъ Базена аттака должна была начаться одновременно, ровно въ 2 часа дня. Сигналомъ долженъ былъ служить залпъ у Гримонъ, гдѣ Базенъ самъ расположилъ пятнадцатъ крѣпостныхъ орудій, съ большимъ трудомъ подвезенныхъ изъ форта Сенъ-Жюліенъ съ цѣлью обстрѣливать покатости Сентъ-Барбъ.

Нѣмцы еще 30 числа замѣтили бо́льшее противъ обыкновеннаго оживленіе со стороны французовъ и движеніе рекогносцирующихъ, повидимому, французскихъ партій. На другое утро, 31 числа, густой туманъ застилалъ окрестности Меца и до 8 часовъ утра скрывалъ отъ нѣмцевъ первоначальныя передвиженія французовъ; тѣмъ не менѣе съ наблюдательныхъ пунктовъ стали вскорѣ получатся единогласная донесенія, что во всѣхъ французскихъ лагеряхъ большое оживленіе, а потомъ, — что палатки на лѣвомъ берегу исчезаютъ, формируются колонны войскъ, которыя отходятъ на правый берегъ Мозеля. Въ подзорныя трубы можно было замѣтить, что на передкахъ и зарядныхъ ящикахъ навьючено

[1]) Базенъ, стр. 168. Помянутыя тутъ названія пишуться: Chau Cheuby (у Базена ошибочно—Chenly), Villers-l'Orme, Failly, Vrémy, Saury les vignes, Chieulles, Charly, Malroy, Argancy.

сѣно, кромѣ того видны были обозныя повозки, какъ будто французы готовились къ болѣе продолжительнымъ операціямъ.

Генералъ Мантейфель доносилъ въ 8 часовъ 11 минутъ утра:

„На непріятельской сторонѣ большое движеніе; большія колонны покрываютъ дорогу Мецъ—Беллекруа; видно 18 орудій за Беллекруа; примѣрно 10 эскадроновъ наступаютъ на Сентъ-Барбъ между Ванту“ (Vantoux) „и дорогою Мецъ—Пуа. Дана тревога“.

Затѣмъ, въ 9 часовъ 20 минутъ, Мантейфель доносилъ:

„Между дорогами Мецъ—Саарлюи и Мецъ—Пуа непріятель развертываетъ, кажется, всю свою армію; 1ый корпусъ занялъ свои позиціи“.

Намѣченное маршаломъ Базеномъ 26 числа, но неисполненное наступленіе послужило и для нѣмцевъ репетиціею, которою они однако воспользовались теперь лучше французовъ.

По примѣру дѣйствій 26 августа 10ый нѣмецкій корпусъ не ожидая приказаній пошелъ къ переправѣ, чтобы быть готовымъ перейти на правый берегъ Мозеля; при чемъ на своей позиціи, на лѣвомъ берегу рѣки, оставилъ лишь незначительныя силы.

Командиру 9го корпуса приказано еще въ 8½ часовъ утра сосредоточить одну дивизію у Пієревилеръ (Pierrevillers), а другую съ корпусною артиллеріею—у Ронкуръ.

Часъ спустя, когда вполнѣ уже выяснилось серіозное положеніе дѣлъ, принцъ Фридрихъ-Карлъ отдалъ еще слѣдующіе приказаніе:

1) 2ой корпусъ сосредоточивается между Обуэ и Бріей и готовится къ движенію къ Фонтуа или Сенъ-Прива, смотря по послѣдующимъ приказаніямъ.

2) 3му корпусу идти немедленно къ Сенъ-Прива [1]).

Изъ этихъ приказаній видно, что 2ой корпусъ предполагалось, смотря по обстоятельствамъ, двинуть или на перерѣзъ пути Тіонвиль—Седанъ, у Фонтуа, или на Сенъ-Прива, поближе къ полю дѣйствій у Меца. Подобнымъ же образомъ и 3ій корпусъ могъ отъ Сенъ-Прива поддержать блокадную линію на лѣвомъ берегу Мозеля, или направиться на тотъ берегъ для непосредственной поддержки войскъ Мантейфеля, или же, наконецъ, послѣдовать за 2мъ корпусомъ, на Фонтуа, для того, чтобы препятствовать дебушированію французовъ изъ Тіонвиля, въ случаѣ если бы имъ удалось прорваться внизъ по правому берегу Мозеля.

Сдѣлавъ эти распоряженія, принцъ въ 10½ часовъ утра отправился на высоту Оримонъ близъ Февъ (Horimont, Fèves).

---

[1]) Помянутыя донесенія Мантейфеля и приказанія принца Фридриха-Карла находятся въ „Исторіи 2-ой арміи“, стр. 205—5.

Пунктъ этотъ лежитъ на нагорномъ берегу Мозеля и находился почти на продолженіи праваго фланга позиціи Мантейфеля, виднѣвшейся на томъ берегу рѣки. Онъ господствуетъ надъ всею окружающею мѣстностью; съ него къ западу ясно видны были позиціи Мантейфеля, а къ югу — движеніе французовъ черезъ переправы и развертываніе ихъ войскъ на томъ берегу рѣки. Интересно, что принцъ со своего наблюдательнаго пункта видѣлъ, ближе къ себѣ, правую часть фронта французовъ, корпуса́ Ле-Бефа и Фроссара, а уже черезъ нихъ подальше — аттакованныя ими части позицій Мантейфеля у Нуассевиль.

Въ теченіе утра французы воздерживались отъ наступательныхъ дѣйствій, выжидая окончанія сбора своихъ войскъ; только на крайнемъ правомъ своемъ флангѣ они съ боя завладѣли Колёмбэ и Ля-Гранжъ-о-Буа, вытѣснивъ оттуда передовыя части 2ой прусской дивизіи, прикрывавшей, какъ сказано, армейскіе склады, находившіеся позади, у Ремильи. Съ другой стороны, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ французовъ, послѣдніе обмѣнялись съ нѣмцами только немногими пушечными выстрѣлами при участіи форта Сенъ-Жюліенъ.

Командиръ 2ой прусской пѣхотной дивизіи, генералъ Прицельвицъ (Pritzelwitz), соображая, что вся суть дѣла состоитъ теперь въ томъ, чтобы Мантейфель во что-бы то ни стало удержался на своихъ позиціяхъ, не побоялся ослабить собственный отрядъ, и направилъ на помощь 1ой дивизіи бригаду пѣхоты (5 баталіоновъ и 12 орудій). Къ ней присоединился 1ый драгунскій полкъ. Отрядъ этотъ около полудня расположился уступомъ позади Нуассевиль — Брассери, т. е. лѣваго фланга позиціи Мантейфеля. Не дремали и другіе нѣмецкіе начальники.

На основаніи приказанія Штейнмеца генералъ Гребенъ, командиръ 3ей кавалерійской дивизіи, содержавшей блокадную линію между 7ымъ корпусомъ и 2ою пѣхотною дивизіею, оставилъ на аванпостахъ всего два эскадрона, собралъ 3½ полка и конную батарею и вскорѣ послѣ полудня прибылъ къ Пюшъ (Puche), связывая такимъ образомъ отрядъ Мантейфеля и Прицельвица.

Генералъ Война, командиръ 28ой пѣхотной бригады 7го корпуса, выдвинутой на правый берегъ Мозеля къ Пуйли (Pouilly) на р. Сейль (еще вслѣдствіе наступленія французовъ 26 августа), оставилъ теперь на аванпостахъ всего семь ротъ, а съ остальными 4½ баталіонами, эскадрономъ и 12 орудіями подошелъ къ желѣзнодорожной станціи Курсель и отдалъ себя въ распоряженіе генерала Прицельвица.

Между тѣмъ французы, удовольствовавшись описаннымъ небольшимъ успѣхомъ на своемъ правомъ флангѣ, приступили къ варкѣ пищи; нѣмцы черезъ нѣкоторое время послѣдовали ихъ примѣру.

Генералъ Мантейфель заключилъ изъ передвиженій французовъ, что послѣдніе вѣроятно поведутъ аттаку на расположеніе 1ой прусской дивизіи. Сообразно сему артиллерія этой дивизіи усилена была шестью батареями корпусной артиллеріи, и всѣ десять батарей расположены предварительно позади намѣченныхъ для дѣйствія позицій. Наконецъ, видя постоянное усиленіе французовъ, Мантейфель пополудни приказалъ ландверной дивизіи отряда Куммера перейти отъ Зендена къ Сентъ-Барбъ, въ резервъ 1ой пѣхотной дивизіи [1]), а на мѣсто ландверной дивизіи, для усиленія правой части общей своей позиціи, пригласилъ 25ую дивизію 9го корпуса, переправившуюся черезъ р. Мозель.

Самъ принцъ Фридрихъ-Карлъ предполагалъ, что французы за позднимъ уже временемъ вѣроятно не намѣрены начинать дѣла въ этотъ день, и въ видахъ сбереженія своихъ войскъ отдалъ во второмъ часу распоряженія для варки пищи и возвращенія нѣкоторыхъ войскъ на свои бивуаки.

Однако около 4 часовъ общій покой прерванъ былъ сигнальными выстрѣлами французовъ съ форта Сенъ-Жюліенъ, которые подхвачены были 15-ти орудійною батареею Базена. Одновременно же началось наступленіе французовъ противъ лѣвой части позиціи 1ой прусской дивизіи. Наступалъ корпусъ Ле-Бефа въ составѣ трехъ дивизій, поддержанный дивизіею Фаваръ-Батуль, отъ 2го корпуса. Въ первой линіи шла дивизія Метмана сѣвернѣе ложбины ручья Вальеръ, а южнѣе его наступала дивизія Монтодона; дивизія же Кастаньи и Фаваръ-Батуль слѣдовали за ними.

Нѣмцы, по большей части неокончившіе еще своей варки, удивлены были этимъ внезапнымъ взрывомъ дѣятельности французовъ, но не были застигнуты въ расплохъ. Части 1ой бригады 1ой дивизіи, генерала Бентхейма, заняли оборонительные пункты Фальи, Пуа, Сервиньи, Нуассевиль и Брассери; въ резервѣ за ними стала 2ая бригада позади Сервиньи, отдѣливъ два баталіона въ резервъ праваго фланга къ Времи (Vremy, позади Фальи). Прусская артиллерія постепенно выѣзжала на позиціи, которыя по условіямъ мѣстности избраны были шагахъ въ 800—1000 впереди оборонительной линіи пѣхоты. Въ этомъ расположеніи прусская артиллерія подвергалась бо́льшей опасности, но за то получила лучшій обстрѣлъ. Лѣвый, болѣе подверженный нападенію французовъ флангъ ея прикрытъ былъ двумя, а потомъ четырмя ротами, засѣвшими въ виноградникахъ къ юго-западу отъ Сервиньи,

[1]) Въ составѣ отряда Куммера была одна 5-ая ландверная дивизія (12 баталіоновъ) и бригада линейной пѣхоты (6 баталіоновъ).

а правый—одною ротою въ стрѣлковыхъ ровикахъ, сѣвернѣе Пуа, и однимъ эскадрономъ драгунъ.

Подъ мѣткимъ огнемъ десяти прусскихъ батарей, артиллерія французовъ замолкла, и остановилось фронтальное наступленіе ихъ пѣхотныхъ массъ. Но французскіе стрѣлки, скрываясь въ долинахъ ручьевъ, неудержимо двигались впередъ, и скоро на прусскія батареи посыпались ружейныя пули, въ особенности на лѣвую часть общаго артиллерійскаго фронта.

Командиръ 3ей прусской пѣшей бригады, генералъ Мемерти, прибывшій (какъ уже сказано) къ Ретонфэ, замѣтилъ наступленіе большихъ силъ французовъ, угрожавшихъ лѣвому флангу позиціи Мантейфеля, и, желая предотвратить охватъ, двинулся около 5 часовъ впередъ на позицію уступомъ позади лѣваго фланга 1ой дивизіи, и послѣ канонады отрядилъ 44ый полкъ къ Монтуа, для продолженія лѣваго фланга 1ой дивизіи, а Нуассевиль поддержалъ однимъ баталіономъ

Наступающая на Нуассевиль—Брассери французская дивизія Монтодона, замѣтивъ движеніе части прусскаго отряда Мемерти на Монтуа, и опасаясь за свой правый флангъ, направила туда одну бригаду, за которою послѣдовала и дивизія Фаваръ-Батуль, отъ 2го корпуса. Другая-же бригада дивизіи Монтодона, Кленшанъ, открыла огонь противъ Нуассевиль—Брассери; она въ началѣ шестаго часа произвела удачную охватывающую аттаку на Брассери, а въ исходѣ этого часа французы заняли и Нуассевиль, оставленный пруссаками.

Между тѣмъ 44ый прусскій полкъ, направленный генераломъ Мемерти къ Монтуа, засталъ пунктъ этотъ уже занятымъ французами, аттаковалъ его и послѣ упорнаго боя отброшенъ былъ на Флянвиль. Бывшія при отрядѣ Мемерти двѣ пѣшія—и подоспѣвшая на поддержку конная батарея (отъ 3ей кавалерійской дивизіи) смѣло и рѣшительно поддерживали пѣхоту какъ при аттакѣ, такъ и при отступленіи.

Попытка 2ой бригады 2ой прусской дивизіи помочь отряду Мемерти наступленіемъ на правый флангъ французовъ, тоже кончилась неудачею. Потѣсненные превосходными силами французовъ пруссаки потеряли Коэнси, взятый спѣшенными драгунами дивизіи Клерамбо [1]), и Замокъ Обиньи и отошли назадъ, удерживаясь на линіи Марсильи—Аръ—Лякенекси и Мерси-ле-Го. Бой окончился тутъ, или вѣрнѣе прервался, около 7 часовъ вечера. Генералъ

[1]) По свидѣтельству Бони (Campagne de 1870, la Cavalerie Française. Bony Paris 1871), стр. 94—96.

Мемерти уже въ темнотѣ, около 9 часовъ вечера, замѣтилъ, что у Сервиньи бой возобновился (о которомъ ниже) и желая помочь своимъ, повелъ аттаку на взятые французами Брассери и Нуассевиль, причемъ пруссакамъ удалось даже временно занять этотъ послѣдній пунктъ; скоро однако нѣмцамъ пришлось очистить Нуассевиль передъ напоромъ французовъ, равно уступить имъ даже Флянвиль, противъ Монтуа. Отрядъ Мемерти стянулся къ Шато-Гра, позади Сервиньи. Когда бой затихъ, то Мемерти, предполагая, что французы быть можетъ отошли, опять направилъ ночью баталіонъ на Нуассевиль, который оказался однако сильно занятымъ непріятелемъ.

Перехожу къ французскому корпусу Лямиро, дѣйствовавшему лѣвѣе войскъ Ле-Бефа.

Лямиро, взявшій направленіе на часть прусской позиціи Фальи — Пуа — Сервиньи, началъ свое наступленіе тогда, когда линія Брассери — Нуассевиль взята была съ боя Ле-Бефомъ и когда представлялось возможнымъ дѣйствовать охватывающе противъ лѣваго фланга пруссаковъ, у Сервиньи. Первыя дѣйствія французовъ обращены были тутъ на большую артиллерійскую линію пруссаковъ, стоявшую, какъ уже сказано, впереди позиціи пѣхоты послѣднихъ.

Сильныя цѣпи французовъ осыпаютъ пулями прусскія батареи. Французская артиллерія беретъ ихъ въ лѣвый флангъ, который одновременно охватывается частями дивизіи Метмана. Лѣвофланговое пѣхотное прикрытіе прусской артиллеріи сбито и послѣдняя попадаетъ въ весьма опасное положеніе: она начинаетъ отступленіе съ лѣваго фланга. Съ большими потерями и неоднократно отбиваясь картечью отъ наступавшихъ стрѣлковъ непріятеля, прусскія батареи тѣмъ не менѣе въ цѣлости уходятъ на линію укрѣпленныхъ пунктовъ, занятыхъ пѣхотою.

Довольно рѣшительныя, но не одновременныя (во флангъ и фронтъ) аттаки французовъ дивизіи Сиссе противъ Сервиньи не имѣютъ успѣха; разновременно ворвавшіеся въ ограду этой сильно укрѣпленной деревни французы отброшены, но держатся по близости, на кладбищѣ.

Часть отошедшихъ прусскихъ батарей, перемѣнивъ фронтъ на югъ, обстрѣливаетъ между тѣмъ подходы изъ Нуассевиль, недопуская дальнѣйшаго оттуда, опаснаго для пруссаковъ охватывающаго наступленія французовъ. Наконецъ смѣлая контръ-аттака части резерва пруссаковъ на Сервиньи отбрасываетъ французовъ, которые оставляютъ теперь и занятое ими съ боя кладбище у западнаго входа этой деревни.

Между тѣмъ Маршалъ Базенъ, для облегченія аттаки Ле-Бефа на Пуа—Сервиньи, приказалъ Канроберу взять Фальи (сѣвернѣе Пуа). Исполненіе поручено дивизіи Тиксіе. Аттака началась около 7½ часовъ вечера. Однако защищавшій Фальи прусскій баталіонъ успѣлъ удержаться въ самой деревнѣ Фальи, куда подведены были еще два баталіона ландверной дивизіи. Французы засѣли поблизости. Маршалъ Базенъ находился лично на этомъ пунктѣ въ передовой линіи войскъ. Въ исторіи своей онъ, должно быть по недоразумѣнію, упоминаетъ, что Фальи было взято. Вѣроятно принято тутъ взятіе стрѣлковыхъ рвовъ и засѣкъ, прикривавшихъ деревню, за взятіе самой деревни, которая и ночью оставалась за пруссаками.

Наступила темнота; сраженіе затихло и казалось законченнымъ. Прусская артиллерія отошла съ линіи Пуа—Сервиньи назадъ, на бивуакъ; пѣхота послѣ жаркаго боя тоже нуждалась въ отдыхѣ. Ночной сторожевой порядокъ, видимо, еще не установился у пруссаковъ, по крайней мѣрѣ, — у Сервиньи. Между тѣмъ со стороны французовъ подошла въ боевыя линіи дивизія Эмаръ, 3го корпуса, направленная Ле-Бефомъ на Сервиньи, въ виду неудачи войскъ Сиссе.

Французскія колонны молча пошли прямо на Сервиньи; пруссаки были застигнуты совершенно въ расплохъ и выброшены изъ деревни послѣ штыковой свалки. Осталась тамъ одна только прусская рота, притаившаяся въ окруженномъ стѣною виноградникѣ у южнаго входа въ деревню. Все это случилось около 9 часовъ вечера столь быстро, и какъ кажется безъ всякой пальбы [1]), что бивуакировавшія ближе другихъ отъ этого пункта прусскія войска сначала ничего не замѣтили; но какъ только выяснилось положеніе дѣла, то разные прусскіе начальники, не задумываясь долго, приступили къ контръ-аттакѣ съ цѣлью отбить Сервиньи у французовъ. Тутъ одновременно, хотя совершенно независимо, распорядились командиры обѣихъ бригадъ 1ой прусской дивизіи, генералы Гайль и Фалькенштейнъ, и командиры баталіоновъ—Эльпансъ и Хюльгесемъ.

Одновременная концентрическая аттака немногихъ, въ сущности, прусскихъ ротъ (по прусской исторіи можно насчитать ихъ всего двѣнадцать), поддержанная въ рѣшительный моментъ внезапной пальбой поименованной притаившейся въ виноградникѣ роты, имѣла полный успѣхъ. Сигналъ къ отступленію далъ 44ый французскій полкъ. Французы выброшены были изъ Сервиньи, и не удер-

[1]) Въ нѣмецкихъ источникахъ намекается, что у пруссаковъ небыло патроновъ.

жались даже на кладбищѣ; впрочемъ генералъ Эмаръ успѣлъ остановить свои войска въ недальнемъ разстояніи и расположить ихъ за ближайшимъ склономъ. Случилось все это около 10 часовъ вечера.

Расположеніе обѣихъ противныхъ сторонъ на полѣ битвы ночью съ 31го августа на 1ое сентября и къ утру этого послѣдняго дня было въ общихъ чертахъ слѣдующее:

Линейная пѣшая бригада отряда Куммера по прежнему держала правое крыло расположенія пруссаковъ у Мозеля. За нею, прямо позади, частью влѣво (для связи съ 1ою прусскою пѣхотною дивизіею), расположилась 25ая (гесенская) дивизія 9го корпуса. Остальная часть этого корпуса переправилась ночью черезъ Мозель и къ 4 часамъ утра 1 сентября собралась у Антильи, позади гессенцевъ; 1ая бригада 1ой прусской дивизіи попрежнему держала линію Фальи—Пуа—Сервиньи; ее усилили уже части 2ой бригады и 5ая ландверная бригада отряда Куммера. Резервъ этой части позиціи пруссаковъ (2ая пѣшая бригада и 6ая ландверная съ корпусною артиллеріею 1го корпуса и бригадою конницы) стоялъ позади, у Времп и Сентъ-Барбъ. Лѣвый (наружный) флангъ этого расположенія прикрытъ былъ отрядомъ Мемерти, стоявшимъ лѣвѣе и южнѣе Сентъ-Барбъ, — у Пети-Маре, по дорогѣ въ Саарлюи и Шато-Гра; онъ занималъ позицію влѣво и впереди Ретомфэ, за которымъ расположена была 3я кавалерійская дивизія.

Отрядъ Мемерти, въ сущности, весьма слабо связывалъ главныя силы Мантейфеля съ отрядомъ генерала Прицельвица, стоявшимъ въ укрѣпленной позиціи у Лякенекси (4ая пѣшая бригада подержанная 28ою бригадою, Войпа, 7го корпуса) въ разстояніи верстъ 5—6 отъ главныхъ силъ Мантейфеля.

Все остальное пространство влѣво до Мозеля было собственно только наблюдаемо слабою конницею при занятіи 3 — 4 пунктовъ всего лишь нѣсколькими ротами пѣхоты.

Въ это крайне растянутое расположеніе пруссаковъ (верстъ 20) французы во время хотя и очень уже поздняго боя 31 августа успѣли все таки врѣзаться клиномъ между отрядомъ Прицельвица, прикрывавшимъ головную желѣзнодорожную станцію со складами блокадной арміи, и расположеніемъ главныхъ силъ Мантейфеля, подготовивъ такимъ образомъ охватъ послѣднихъ.

Въ общемъ французы въ ночь съ 31 августа на 1 сентября расположены были слѣдующимъ образомъ:

Фронтъ арміи Базена представлялся въ видѣ исходящаго тупаго угла, обращеннаго вершиною къ занятому пруссаками Фальи.

Лѣвый короткій фасъ этого расположенія тянулся отъ вершины угла влѣво къ Мозелю, фронтомъ на сѣверъ (Тіонвиль); онъ былъ занятъ корпусомъ маршала Канробера.

Болѣе длинный правый фасъ фронта французовъ, обращенный на сѣверо-западъ, занятъ былъ корпусами 4мъ и 3мъ до Нуассевиль и Брассери.

Далѣе, вправо, уступомъ впереди у Монтуа и Флянвиля, вдаваясь клиномъ въ расположеніе пруссаковъ, стояла дивизія Фаваръ-Батуль 2го корпуса, Фроссара, съ бригадою отъ дивизіи Метмана 3го корпуса, Ле-Бефа.

За войсками Ле-Бефа стояли остальныя части корпуса Фроссара, изъ коихъ видвинута была вправо—впередъ бригада Ляпассе, лицомъ на Лякенекси, то есть на прусскій отрядъ Прицельвица, прикрывавшій склады у Ремильи.

Наконецъ дивизія Кастиньи, отряженная отъ 3го корпуса, стояла вправо, у форта Келе, подъ предлогомъ обезпеченія праваго фланга и тыла французской арміи. Дивизія эта связывалась съ бригадою Ляпассе конною дивизіею Валябрега и пѣшимъ баталіономъ, занимавшимъ Ля-Гранжъ-о-Буа.

Общій резервъ арміи Базена (императорская гвардія, резервная конница Дево и резервная артиллерія) стоялъ у форта Сенъ-Жюліенъ, позади 6го и 4го корпусовъ.

Независимо занятія съ боя линіи Нуассевиль—Шато-Обиньи, на правой части своего западнаго боеваго фронта, французы вездѣ подвинулись впередъ и провели ночь, густо занимая передовыми частями ближайшіе склоны укрѣпленной позиціи непріятеля Фальи—Сервиньи, въ разстояніи менѣе версты отъ пруссаковъ.

Генералъ Мантейфель, готовясь и на слѣдующій день во что бы то ни стало удержаться на своихъ позиціяхъ, опасался съ одной стороны за свой лѣвый флангъ у Сервиньи (въ особенности доступный со стороны занятаго французами Нуассевиля), а съ другой, надо полагать, — прорыва французовъ внизъ по Мозелю. На этомъ основаніи Мантейфель на 1 число сентября приказалъ командиру 1ой дивизіи, генералу Бентхейму, отбить у французовъ Нуассевиль, а Мемерти—поддержать по возможности аттаку Бентхейма. Войсками-же 9го корпуса Мантейфель распорядился такимъ образомъ: онъ приказалъ перейти къ Сентъ-Барбъ (въ резервъ позиціи Фальи—Сервиньи) только 25ой дивизіи съ корпусною артиллеріею, а 18ую дивизію — придвинуть къ крайнему правому флангу, у Мозеля.

Маршалъ Базенъ съ своей стороны разослалъ командирамъ корпусовъ на 1 сентября слѣдующее приказаніе:

„Смотря по мѣрамъ, которыя предприметъ непріятель, продолжать вчерашнее движеніе; дѣло заключается въ томъ, чтобы завладѣть Сентъ-Барбъ для облегченія марша на Беленвиль. Въ противномъ случаѣ будемъ удерживать наши позиціи, укрѣпивъ ихъ, а вечеромъ отойдемъ опять къ фортамъ Сенъ-Жюліенъ и Келе. Черезъ передавшаго сіе офицера сообщите, что дѣлается передъ вашимъ фронтомъ“ [1]).

Базенъ въ сочиненіи своемъ упоминаетъ, что онъ „имѣлъ въ виду повести аттаку очень энергично“, что „онъ подготовилъ аттаку гвардіи и резервной кавалеріи по соотвѣтственной мѣстности, чтобы захватить легкія батареи непріятеля и укрѣпить духъ пѣхоты, которая не выказала своего обычнаго рвенія. Началась уже непрерывная вереница отдѣльныхъ людей, которые безъ разрѣшенія возвращались въ лагери, а даже и въ городъ“ [2]).

Аттака пруссаковъ на Нуассевиль подготовлена была часовою канонадою 24 орудій 1ой дивизіи; въ исходѣ же 6 часа утра она поведена была всего нѣсколькими баталіонами 2ой бригады, недожидавшимися воздѣйствія отряда Мемерти.

Такимъ образомъ пруссаки, открывъ канонаду, съ одной стороны промедлили наступленіе, лишившись выгодъ внезапнаго нападенія въ бывшую утромъ туманную погоду, а съ другой — для подготовки явно намѣченной аттаки употребили слишкомъ мало орудій. Наконецъ, они повели въ аттаку недостаточныя силы пѣхоты.

Аттака пруссаковъ на Нуассевиль была отбита. Ворвавшіеся же въ этотъ пунктъ прусскія части послѣ упорнаго боя выгнаны оттуда рѣшительною контръ-аттакою французовъ. Тогда капитанъ Гинюберъ и поручикъ Горчица собрали въ баталіонъ разные мелкіе отряды, сброшенные въ долину и еще разъ смѣло повели его на приступъ, который однако тоже не удался. Отбитые пруссаки собрались въ ложбинѣ у Сервиньи.

Между тѣмъ Мемерти самъ озабоченъ былъ присутствіемъ „большихъ силъ“ французовъ впереди его лѣваго фланга, у Мантуа и Флянвиль. Обративъ на французовъ огонь 24 орудій, бывшихъ тогда у него въ распоряженіи, Мемерти, имѣвшій на лицо всего 3½ баталіона, перешелъ въ наступленіе десятью ротами на Нуассевиль, а остальныя направилъ на Флянвиль.

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны“, т. 1, стр. 1461.

[2]) Базенъ и по случаю сраженія 16 августа говоритъ, что „французскія войска держались слабо“ (едвали это не сказано для прикрытія своей нераспорядительности).

Но къ тому времени отбита была уже и послѣдняя попытка войскъ 2ой бригады противъ Нуассевиля; войска-же Мемерти, послѣ неудачнаго покушенія на этомъ пунктѣ, ограничились перестрѣлкою и понемногу отошли къ Ретонфэ.

Всѣ эти подробности хотя и вскользь приводятся для того именно, чтобы показать, какими ничтожными средствами, при далеко не раціональныхъ общихъ распоряженіяхъ, прусскіе частные и мелкіе начальники своими смѣлыми, энергическими и толковыми дѣйствіями успѣли нагнать страху предводителямъ праваго крыла арміи маршала Базена.

Французскіе начальники, всегда склонные къ пассивности, въ виду даже неудачныхъ аттакъ пруссаковъ на Нуассевиль, отказались отъ всякихъ дальнѣйшихъ наступательныхъ попытокъ. А такъ какъ центръ французовъ, поражаемый съ фронта жестокимъ огнемъ 114 прусскихъ орудій, расположенныхъ между Фальи и Ретонфэ, предварительно рѣшительной аттаки, во всякомъ случаѣ долженъ былъ выжидать успѣховъ своего праваго крыла, то при пассивности послѣдняго дѣло, по настоящему, было уже проиграно для французовъ. Достаточно было малѣйшаго еще толчка, чтобы пораженіе арміи маршала Базена выразилось общимъ ея отступленіемъ. Толчекъ этотъ данъ былъ „появленіемъ" всего на всего четырехъ прусскихъ баталіоновъ бригады Война; къ ней я и обращаюсь.

Командиръ 2ой прусской дивизіи, генералъ Прицельвицъ, находясь на позиціи у Лякенекси (въ прикрытіи головы желѣзной дороги и армейскихъ складовъ), имѣлъ въ распоряженіи своемъ, кромѣ собственной 4ой бригады, еще 28ую бригаду, генерала Война, прибывшую ему на помощь наканунѣ, какъ уже сказано выше.

Изъ движенія французовъ предыдущаго дня Прицельвицъ угадалъ настоящій предметъ ихъ наступленія и, полагая, что его собственной наличной бригады будетъ вполнѣ достаточно для обезпеченія желѣзной дороги, далъ генералу Война приказаніе „идти на сѣверъ, на Ожи и Пюшъ, чтобы, по обстоятельствамъ, принять участіе въ бою 1ой дивизіи".

Въ 6 часовъ утра Война съ четырмя баталіонами, однимъ эскадрономъ и двѣнадцатью орудіями выступилъ отъ станціи Курсель, у которой ночевалъ. Дойдя до Ожи и узнавъ отъ своего разъѣзда, что Фланвиль сильно занятъ французами, Война рѣшилъ взять этотъ пунктъ. Обѣ батареи Война открыли теперь огонь по Фляпвилю, противъ котораго дѣйствовалъ въ то время и одинъ баталіонъ отряда Мемерти.

Подъ огнемъ прусской артиллеріи и угрожаемые аттакою слабыхъ въ сущности пруссаковъ, французы дивизіи Батуль очи-

стили пылающій Флянвиль; пруссаки заняли его въ 9 часовъ утра, а черезъ часъ — и Коэнси (южнѣе Монтуа). Хотя отступившая дивизія Батуль немного спустя перешла обратно въ наступленіе, но вслѣдъ за тѣмъ она окончательно отошла назадъ. Часамъ къ 10 утра дѣло на этой части поля сраженія прекратилось совершенно.

Отступленіе дивизіи Батуль послужило причиною или предлогомъ для отхода и корпуса Ле-Бефа, который въ 9¾ часа утра писалъ Базену:

„Такъ какъ дивизія Батуль, 2го корпуса, отступила часъ тому назадъ противъ моего приказанія, то мой правый флангъ совершенно открытъ. Я окруженъ огнемъ и аттакующими колоннами съ фронта и съ фланга. Я держался до послѣдней возможности и вынужденъ отступить".

Отступленіе Ле-Бефа повлекло за собой отходъ всей французской линіи, которая около полудня находилась уже въ полномъ отступленіи.

Остальныя дѣйствія какъ на южномъ, такъ и на остальныхъ частяхъ поля сраженія имѣли только эпизодическій характеръ, отнюдъ не вліяя на общій исходъ дѣла. Изъ нихъ отмѣчаются болѣе интересныя.

Генералъ Война, находившійся послѣ взятія Флянвиля на шоссе Мецъ—Саарлюи, получилъ приказаніе Мантейфеля придвинуться ближе къ Нуассевилю, чтобы содѣйствовать общей аттакѣ на этотъ пунктъ; но, въ виду помянутой послѣдней наступательной попытки французовъ дивизіи Батуль, генералъ Война донесъ Мантейфелю, что онъ полагаетъ принести болѣе пользы для аттаки Нуассевиля, прикрывая флангъ аттакующихъ войскъ на своей нынѣшней позиціи, что и было одобрено Мантейфелемъ.

На лѣвомъ флангѣ французовъ войска Канробера неоднократно пытались взять Фальи и завладѣли даже Рупиньи, но окончательно отброшены были контръ-аттакой войскъ линейной бригады Куммера и частью 18ой дивизіи 9го корпуса.

Къ ночи отступившіе французы заняли прежнія свои лагерныя мѣста.

Остается еще добавить, что распоряженія принца Фридриха-Карла въ день 1 сентября исходили изъ прежней его мысли, чтобы по возможности недопустить французовъ пробиться изъ Меца. На этомъ основаніи приказано было 10му и 7му корпусамъ перейти Мозель выше и ниже Меца. Въ случаѣ, еслибы французамъ все таки удалось пробится къ Тіонвилю, то принцъ предполагалъ, съ одной стороны, преградить имъ дебушированіе изъ Тіонвиля на

лѣвый берегъ Мозеля (для чего готовы были 2ой и 3ій корпуса), а съ другой — вцѣпиться въ нихъ на правомъ берегу всѣми свободными еще и годными для боя войсками, которыя нашли бы себѣ новую опору въ подходящемъ отъ Саарбрюкена, вновь прибывающемъ на театръ войны 13мъ корпусѣ, великаго герцога Мекленбургскаго. Головная часть этого корпуса еще въ тотъ-же день, 1 сентября, вскорѣ послѣ полудня, подоспѣла къ полю сраженія. Остальныя части корпуса ночевали на р. Нидъ-Французской, то есть въ самомъ близкомъ разстояніи.

Двудневный бой подъ Мецомъ, 31 августа и 1 сентября, названъ былъ пруссаками „сраженіемъ при Нуассевиль".

Французы въ первый-же день боя собрали на правомъ берегу Мозеля всю свою полевую армію, за исключеніемъ дивизіи Лявокупе, вошедшей уже прежде въ составъ гарнизона крѣпости, и десяти баталіоновъ съ восьмью эскадронами, оставленныхъ въ укрѣпленіяхъ на лѣвомъ берегу Мозеля, при выступленіи на правый. Въ общемъ, на лѣвомъ берегу французы могли имѣть до 120 тысячъ человѣкъ и располагали во всей своей арміи 528 полевыми орудіями и 96 картечницами.

Нѣмцы въ первое время могли противоставить на правомъ берегу по всей линіи обложенія всего одинъ корпусъ Мантейфеля, отрядъ Куммера, 28ую бригаду Война и 3ю кавалерійскую дивизію, то есть по оффиціальной нѣмецкой исторіи около 36 тысячъ штыковъ, 4.800 коней и 138 орудій. Къ нимъ вечеромъ 31 августа присоединилась 25ая дивизія, а утромъ 1 сентября 18ая дивизія съ корпусною артиллеріею. Наконецъ около полудня прибыла и бо́льшая часть 10го корпуса, такъ что къ тому времени въ общемъ у нѣмцевъ на правомъ берегу Мозеля было 69 тысячъ пѣхоты и 290 орудій.

Потери съ обѣихъ сторонъ, принимая въ расчетъ важные результаты сраженія, были незначительны, а именно: у нѣмцевъ 3.000 человѣкъ, а у французовъ—3.400, въ томъ числѣ четыре генерала.

Вылазка французской арміи изъ Меца, кончившаяся двудневнымъ Нуассевильскимъ сраженіемъ, была единственною серіозною попыткою Базена прорваться сквозь нѣмецкія блокадныя линіи. Впрочемъ эта попытка была серіозною болѣе по смыслу отданныхъ первоначально маршаломъ приказаній и по количеству силъ двинутыхъ французами, нежели по исполненію, которое

нельзя не назвать вялымъ, хотя бы во вниманіе ничтожныхъ потерь французовъ, побудившихъ ихъ однако же къ отступленію.

Французы вплоть до самой сдачи непріятелю Меца со всей своей арміей 29 октября и непроизводили болѣе попытокъ прорваться, хотя исполнили нѣсколько удачныхъ частныхъ нападеній на разныя части блокадной линіи нѣмцевъ.

Наконецъ, послѣ своеобразныхъ политическихъ и военныхъ переговоровъ, французы, истощивъ продовольственные запасы, ровно черезъ 10 недѣль послѣ начала обложенія, сдали крѣпость и сами положили оружіе при списочномъ въ моментъ сдачи составѣ въ 173 тысячъ человѣкъ [1]).

Эта плачевная судьба французской арміи въ сущности рѣшена была съ потерею ею Нуассевильскаго сраженія. Каждая новая попытка къ прорыву неминуемо должна была разыгрываться при обстановкѣ все менѣе и менѣе благопріятной для французовъ, такъ какъ укрѣпленія блокадной линіи нѣмцевъ все усиливались: подходили подкрѣпленія и укомплектованія. Средства-же французовъ, въ особенности коневыя, все слабѣли; духъ войскъ ихъ падалъ.

Дѣйствія обѣихъ сторонъ въ періодъ между Нуассевильскимъ боемъ и сдачею французовъ, не представляютъ ничего особо поучительнаго въ смыслѣ разбираемаго нами вопроса; притомъ событія эти по времени выходятъ за предѣлъ изучаемаго здѣсь періода франко-германской войны; а потому, не вдаваясь въ описаніе послѣдующихъ дѣйствій у Меца, перехожу къ выводамъ.

Разбитая въ бояхъ у Меца и вогнанная въ эту крѣпость французская армія все таки удерживала на мѣстѣ превосходныя силы побѣдоносныхъ нѣмцевъ. Каждый день стоянки Базена у Меца при этой обстановкѣ былъ въ извѣстной мѣрѣ безспорно выигрышемъ для общей обороны Франціи. Но съ другой стороны, въ виду ограниченнаго количества съѣстныхъ припасовъ для людей, каждый день приближалъ армію Базена къ неизбѣжной катастрофѣ и ослаблялъ ея оперативныя способности по причинѣ недостатка фуража для лошадей; лошади истощались и уменьшались числомъ отъ падежа и употребленія въ пищу людьми. Къ этому присоединился еще недостатокъ въ запасѣ полевыхъ артиллерійскихъ зарядовъ и неготовность передовой оборонительной линіи фортовъ и укрѣпленій Меца. Вотъ всѣ тѣ элементы, которые французскому начальству пришлось принять въ расчетъ,

[1]) Въ то число входятъ конечно и больные, около 20 тысячъ, и нестроевые а также зачтены вѣроятно отряды жандармовъ, лѣсной и пограничной стражи.

обсуждая свое положеніе послѣ Гравелётскаго боя и дѣлая предположенія на будущее.

На отвѣтственности Базена лежали теперь двѣ задачи, частью несовмѣстимыя, а именно: первая—спасти армію для дальнѣйшей защиты Франціи и вторая — обезпечить возможно продолжительную оборону Меца, столицы Лотарингіи. Принявъ затѣмъ во вниманіе хотя бы одинъ только вопросъ продовольственный, было очевидно, что чѣмъ раньше французская армія оставитъ крѣпость, тѣмъ продолжительнѣе будетъ обезпечена эта послѣдняя. Базенъ, дѣйствительно, уже 26 числа передвинулъ оправившуюся между тѣмъ армію на правый берегъ р. Мозеля для прорыва прусской блокадной линіи; но тутъ, непосредственно передъ самымъ моментомъ исполненія, онъ какъ будто впервые узналъ, съ одной стороны, отъ коменданта крѣпости, что укрѣпленія Меца не готовы и крѣпость по меньшей мѣрѣ довремени должна быть охраняема арміею, а съ другой,—отъ начальника артиллеріи, генерала Солейль, что для болѣе продолжительныхъ операцій нѣтъ запаса полевыхъ артиллерійскихъ зарядовъ. И на оборотъ-же видно, что генералы Кофиньеръ и Солейль узнали о предполагаемомъ наступленіи арміи Базена уже въ самый моментъ исполненія тоже какъ будто случайно.

Все это обличаетъ совершенно ненормальныя и непонятныя отношенія между различными органами общаго управленія арміею, которые однако должны дѣйствовать во всемъ совершенно согласно и единодушно. Но подобныя описанному отношенія были совершенно въ духѣ тогдашняго французскаго управленія; по крайней мѣрѣ Базенъ по поводу другихъ обстоятельствъ упоминаетъ, что по причинѣ болтливости французскихъ начальниковъ всѣ планы дѣйствій и предположенія надо было держать въ строгой тайнѣ до самой минуты исполненія. Очевидно, что при подобной системѣ совершенно невозможна раціональная подготовка какъ частныхъ, такъ и общихъ операцій.

Въ данномъ случаѣ секретничаніе доведено было до крайности, и на практикѣ оказалось, что если Базенъ относительно предпріятія 26 августа секретничалъ передъ ближайшими своими помощниками, то съ другой стороны и передъ нимъ видимо оставалось тайною то, что ему надлежало знать заранѣе, до принятія какихъ либо серіозныхъ рѣшеній (недостатокъ зарядовъ и неполная готовность укрѣпленій Меца).

Далѣе и самая операція переправы 26 числа большихъ массъ войскъ съ лѣваго на правый берегъ Мозеля (быть можетъ по той же причинѣ секретничанія) не только не была надлежащимъ обра-

зомъ подготовлена, но даже основательно не обдумана. Вообще французскіе частные начальники, въ совершенную противоположность нѣмецкимъ, никогда не были оріентированы по отношенію видовъ своего главнокомандующаго. Они не могли, слѣдовательно, дѣйствовать самостоятельно, если бы даже хотѣли и умѣли. Базенъ неоднократно жалуется на отсутствіе почина со стороны командировъ корпусовъ (между прочимъ по поводу предоставленныхъ ихъ распорядительности частныхъ вылазокъ [1]). Но могло-ли быть иначе при извѣстной французской системѣ централизаціи, всецѣло перенесенной по духу и въ управленіе военными операціями?

Изъ смысла Гримонскаго совѣщанія 26 августа видно, что въ сущности всѣ высшіе французскіе начальники склонялись къ мысли оставаться у крѣпости. Они видимо считали войну оконченною и спасенія своего ожидали скорѣе отъ мирныхъ переговоровъ чѣмъ отъ военныхъ дѣйствій извнѣ, а меньше всего отъ собственнаго смѣлаго почина. Въ виду такого рѣшенія невольно спрашивается, оправдывалось ли оно современною обстановкою, или-же происходило отъ самыхъ свойствъ французскихъ начальниковъ?

Обстановка, въ которой очутилась армія Базена послѣ Гравелётскаго боя, отчасти уже очерчена выше; въ ней немаловажную роль играла неготовность укрѣпленій Меца въ смыслѣ обороны безъ присутствія арміи. Генералъ Кофиньеръ высказался по этому поводу, что „Мецъ безъ арміи не продержится болѣе 15 дней". Допустивъ, что заявленіе это если не буквально, но все таки хотя приблизительно вѣрно, выходитъ, съ одной стороны, что съ выбытіемъ французской арміи изъ Меца освободилась бы немедленно и часть арміи принца Фридриха-Карла (такъ какъ для блокады и осады Меца, незащищаемаго арміею Базена, требовалось силъ гораздо меньше имѣвшихся въ наличности у нѣмцевъ предъ Мецемъ); съ другой же стороны—съ близкимъ паденіемъ крѣпости освободилась бы и остальная часть арміи принца Фридриха-Карла.

Совершенно другое было бы, если бы Базенъ, простоявъ у Меца и воспользовавшись временемъ и рабочими силами, оставилъ бы крѣпость подготовленною къ надлежащей оборонѣ. Тогда съ выбытіемъ арміи увеличился бы и срокъ сопротивленія крѣпости, такъ какъ, съ уменьшеніемъ числа ртовъ для прокормленія по крайней мѣрѣ на какіе либо 100 тысячъ, съѣстныхъ припасовъ хватило бы на время гораздо болѣе продолжительное.

---

[1]) Базенъ, стр. 187.

Правда, что съ отходомъ арміи Базена освободилась бы и часть нѣмецкой блокадной арміи, положимъ, примѣрно равносильная или нѣсколько слабѣе полевой арміи Базена. Но за тó выведенная изъ Меца французская армія могла послужить ядромъ новыхъ громадныхъ вооруженій, которыя Франція могла выставить, и дѣйствительно выставила впослѣдствіи. Напротивъ того, проведенная Базеномъ на дѣлѣ комбинація, до конца связавшая судьбу арміи нераздѣльно съ судьбою крѣпости, привела къ результату самому плачевному, т. е. къ безвременной погибели арміи и потерѣ крѣпости.

Природная, такъ сказать, пассивность тогдашнихъ французскихъ начальниковъ, склонившая ихъ оставаться у Меца, нашла кстати предлогъ и поддержку въ политическихъ якобы соображеніяхъ. Извѣстно, что маршалъ Базенъ думалъ посредствомъ своей арміи, съ согласія нѣмцевъ, силою возстановить во Франціи имперію, павшую послѣ Седанскаго погрома.

Вопросъ, могъ-ли вообще Базенъ пробиться еще въ самое послѣднее или близкое до сдачи время, можетъ быть оставленъ тутъ открытымъ. Мимоходомъ только можно сказать, что съ теченіемъ времени преграды для французской арміи все болѣе и болѣе увеличивались (усиленіемъ блокадныхъ линій нѣмцевъ), а между тѣмъ по мѣрѣ уничтоженія конскаго состава въ Мецѣ уменьшалась и оперативная способность французской арміи. Такимъ образомъ подъ конецъ Базену можно бы было пробиться развѣ только съ пѣшими людьми, часть коихъ могла бы, пожалуй, спастись хотя бы въ разсыпную. Что этотъ послѣдній исходъ въ матеріальномъ и нравственномъ отношенія былъ лучше сдачи арміи съ крѣпостью— не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Изъ всего сказаннаго видно, что самое лучшее для французовъ было-бы пріостановиться въ Мецѣ на время возможно короткое, крайне лишь нужное для возстановленія въ арміи порядка, снабженія ея и т. д., а также для усиленія укрѣпленій Меца. Затѣмъ слѣдовало пробиться сквозь блокаду нѣмцевъ. Слово „пробиться" употреблено тутъ какъ ходячее, такъ зказать, обще-принятое выраженіе. Такъ Базену одни ставили въ укоръ, что онъ „не пробился", а другіе доказывали, что „пробиться" онъ не могъ, причемъ какъ будто подразумѣвалось какое-то единичное кратковременное дѣйствіе. Но въ дѣйствительности подъ словомъ „пробиться" нельзя понимать одну лишь операцію фронтальнаго прорыва одной части непріятельской блокадной линіи, но, напротивъ того, въ него надо включить и всю связь предшествующихъ и послѣдующихъ операцій и столкновеній.

Собственно „пробиться“, то есть просто проложить себѣ дорогу сквозь непріятеля, можетъ баталіонъ, полкъ и много-много дивизія, но никакъ не цѣлая армія, походныя колонны коей (даже при движеніи по нѣсколькимъ дорогамъ) тянутся десятками верстъ. Спрашивается, есть ли малѣйшая возможность вытянуть подобныя колонны въ виду противника и дефилировать мимо его цѣлыми часами и пожалуй днями? Понятно, что это невозможно даже и въ томъ случаѣ, еслибы противникъ не ставилъ фронтальныхъ препятствій, потому что пока уходящія изъ блокады войска будутъ вытягиваться по дорогамъ, армія обложенія вся или по крайней мѣрѣ значительною своею частью успѣетъ сосредоточиться противъ фланговъ походныхъ колоннъ непріятеля. Поэтому ходячее вообще выраженіе „пробиться“, употребляемое по отношенію большой арміи, уходящей изъ блокады, не представляетъ сути дѣла и только замѣняетъ понятіе о немъ. Большая армія, если она вообще желаетъ оставаться „арміею“,—не „пробивается сквозь блокаду“: она просто должна „разбить противника“. Большая армія не спасаетъ себя бѣгствомъ, а пролагаетъ себѣ путь боемъ и побѣдою или пожалуй цѣлымъ рядомъ побѣдъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ дѣло не можетъ ограничиться одною встрѣчею и быть покончено однимъ ударомъ.

Слѣдовательно для Базена все дѣло сводилось къ тому, чтобы прежде всего, такъ или иначе, одержать какой либо крупный тактическій успѣхъ, хотя бы надъ частью силъ противника. Но первая побѣдоносная для Базена встрѣча, естественно, порождала совершенно новую обстановку, несравненно болѣе выгодную для французовъ. Она, смотря по дальнѣйшему, болѣе или менѣе искусному и удачному веденію дѣлъ со стороны французовъ (говоря теоретически), совершенно должна была измѣнить обоюдное отношеніе, такъ что отступать, быть можетъ, приходилось бы не французамъ, а нѣмцамъ [1]).

Спрашивается теперь, могъ ли Базенъ надѣяться разбить нѣмцевъ или, по меньшей мѣрѣ, одержать какой либо начальный крупный успѣхъ, который послужилъ бы для него исходною точкою къ дальнѣйшимъ операціямъ? Отвѣтъ будетъ утвердительный, такъ какъ своеобразныя распоряженія командира нѣмецкой блокадной арміи, по духу своему совершенно противоположныя указаніямъ

[1]) Нѣмцы могли отступить вслѣдствіе не одной лишь тактической неудачи, но напримѣръ и отъ недостатка въ продовольствіи, хотя бы вслѣдствіе вполнѣ возможнаго уничтоженія французами нѣмецкихъ запасовъ сложенныхъ въ Ремильи. Нѣмцы могли отступить вслѣдствіе болѣе или менѣе продолжительнаго прорыва сообщеній и т. п.

генерала Мольтке, опять таки передавали на сторону французовъ возможные шансы успѣха, по крайней мѣрѣ въ первой крупной встрѣчѣ на правомъ берегу рѣки Мозеля.

Въ приведенномъ выше приказаніи Короля Вильгельма отъ 19 августа сказано было между прочимъ: „для противодѣйствія возможной попыткѣ французовъ прорваться изъ Меца къ западу будетъ цѣлесообразно оставить шесть армейскихъ корпусовъ на лѣвомъ берегу Мозеля, которые могутъ противиться подобному наступленію. На правомъ берегу оставить одинъ корпусъ и резервную дивизію, которые, если нужно, должны уклониться отъ натиска превосходныхъ непріятельскихъ силъ".

Очевидно, что генералъ Мольтке, составляя это приказаніе, имѣлъ въ виду ближайшую практическую цѣль—не допустить Базена къ соединенію съ Шалонскою арміею французовъ, на которую направлялись дальнѣйшіе удары нѣмцевъ. Забота объ арміи Базена всецѣло лежала теперь на принцѣ Фридрихѣ-Карлѣ, которому совершенно въ духѣ, можно сказать, излишне строго сохраняемаго нѣмцами „принципа самостоятельности частныхъ начальниковъ" не дано было никакихъ болѣе настоятельныхъ инструкцій и указаній. Впрочемъ приведенное приказаніе въ немногихъ словахъ намекало на цѣлую, вполнѣ раціональную систему дѣйствій противъ арміи Базена.

Система, на которую намекалъ Мольтке, была очень простая: французамъ безусловно преграждались пути на лѣвый берегъ Мозеля. Въ случаѣ-же серіознаго наступленія Базена, ему предоставлялось уйти изъ Меца, но непремѣнно по правой сторонѣ Мозеля. Для нѣмцевъ, очевидно, было выгодно, чтобы французы оставили укрѣпленный лагерь, въ которомъ они были неуязвимы. Очутившись внѣ сферы Меца, на правой сторонѣ рѣки, французы рано или поздно могли быть застигнуты нѣмцами и вынуждены принять бой съ обратнымъ фронтомъ, т. е. тыломъ къ своей же границѣ. Вѣроятное пораженіе французовъ обращалось тогда въ полную для нихъ катастрофу. Съ этою именно цѣлью Мольтке предполагалъ, съ одной стороны, открыть французамъ свободный выходъ по правую сторону рѣки, а съ другой — не подвергать опасности отдѣльнаго пораженія находившіяся тамъ прусскія войска, но напротивъ того, сохранять ихъ для дальнѣйшихъ общихъ дѣйствій противъ французовъ, уходившихъ по правой сторонѣ Мозеля.

Въ особенности же выгодно было для нѣмцевъ движеніе Базена по правой сторонѣ Мозеля, именно на сѣверъ, къ Тіонвилю,

совершенно близко къ нейтральной границѣ, такъ какъ французы очутились бы тамъ именно въ томъ положеніи, въ которомъ желалъ и мечталъ видѣть ихъ Мольтке.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что фланговый маршъ французовъ на западъ, черезъ Тіонвиль, вдоль границы, въ виду нетронутой арміи принца Фридриха-Карла повелъ бы неминуемо къ рѣшительному пораженію французовъ, соединенному съ полнымъ уничтоженіемъ арміи Базена (послѣ перехода нейтральной границы). Во всякомъ-же случаѣ, еслибы даже незначительнымъ партіямъ французовъ или даже цѣлымъ ихъ отрядамъ удалось спастись отъ общаго погрома, то зато́ сразу освободилась бы цѣлая нѣмецкая армія, которую немедленно можно было бы употребить въ другомъ мѣстѣ [1]). Но между тѣмъ всѣ распоряженія командира блокадной нѣмецкой арміи клонились какъ разъ къ обратному.

Принцъ Фридрихъ-Карлъ сразу задался мыслью силою преградить Базену пути на сѣверъ, къ Тіонвилю, не только по лѣвую, но и по правую сторону Мозеля и вообще не выпускать его изъ Меца. Съ этою цѣлью принцъ отдалъ соотвѣтственныя распоряженія, чтобы войска праваго берега преграждали пути, ведущія къ Тіонвилю, и упорно удерживали свои позиціи, а войска лѣваго берега спѣшили на непосредственную ихъ выручку. Но недовольствуясь этимъ однимъ, принцъ, въ предвидѣніи возможности прорыва французовъ на Тіонвиль (по правой сторонѣ Мозеля), подготовилъ еще подвижной резервъ изъ свѣжихъ двухъ корпусовъ и кавалерійской дивизіи. Войска эти по расчету принца могли преградить Базену дебушированіе изъ Тіонвиля на лѣвый берегъ рѣки Мозеля.

Очевидно, что прорывъ французовъ къ Тіонвилю, въ виду „упорнаго“ сопротивленія пруссаковъ на правомъ берегу Мозеля, могъ быть только послѣдствіемъ „полнаго пораженія“ послѣднихъ, а потому казалось бы для нѣмцевъ болѣе желательнымъ употребить помянутый подвижной резервъ на правомъ же берегу рѣки для предотвращенія пораженія своихъ и непосредственнаго удержанія арміи Базена у Меца. Если же, по расчетамъ нѣмцевъ, резервъ этотъ (нужный во всякомъ случаѣ и на лѣвомъ берегу до выясненія обстоятельствъ) въ этотъ день боя не могъ поспѣть до рѣшенія его участи на другую сторону рѣки (хотя бы за недостаткомъ мостовъ и дорогъ для быстраго одновременнаго передвиженія),

[1]) Подъ Мецомъ находилось семь нѣмецкихъ корпусовъ и отрядъ Куммера (18 баталіоновъ, 10 эскадроновъ и 48 орудій), такъ что за выдѣленіемъ войскъ для дальнѣйшей блокады Меца легко можно было взять корпуса четыре для иныхъ операцій.

то это служило только доказательствомъ, что вся комбинація дѣйствій противныхъ указаніямъ Мольтке была „нераціональна и несостоятельна“.

Лучше всего это видно изъ обстановки и самаго хода двухдневнаго боя 31 августа и 1 сентября. Оффиціальная прусская исторія войны въ виду этой побѣды нѣмцевъ замѣчаетъ не безъ нѣкотораго самодовольства, что нѣмцы во весь первый день боя, то есть 31 августа, могли противоставить Базену на правомъ берегу Мозеля только 36 тысячъ пѣхоты, менѣе 5 тысячъ конницы и 138 орудій. Вдобавокъ нѣмецкія войска эти раскинуты были по длинному полукругу блокадной линіи; изъ нихъ бо́льшая часть, а именно общимъ счетомъ три пѣхотныя дивизіи (три бригады отряда Куммера и три бригады 1го корпуса), заняли позицію отъ Мозеля до Монтуа—верстъ семь по фронту, а на долю остальныхъ двухъ бригадъ (одна 2ой дивизіи, а другая 7го корпуса) выпала нелегкая задача защищать желѣзную дорогу, подступы къ сладамъ въ Ремильи и стеречь все протяженіе влѣво отъ Монтуа, по меньшей мѣрѣ до р. Сейль, то есть верстъ девять, предполагая, что остальное пространство отъ р. Сейль до р. Мозеля, длиною до пяти верстъ, будетъ прикрываемо другими частями отъ 7го корпуса. Эти сравнительно слабыя и крайне растянутыя силы нѣмцевъ, противъ коихъ французы имѣли всѣ выгоды внезапнаго почина и центральнаго расположенія, въ дѣйствительности только поздно вечеромъ 31 августа усилены были одною 25ою (гессенскою) дивизіею: менѣе 9 тысячъ пѣхоты, нѣсколько болѣе одной тысячи конницы и 36 орудій [1]).

Положимъ, что въ виду нерѣшительности дѣйствій французовъ (до вечера перваго дня боя) нѣмецкое начальство и не особо торопилось передвиженіемъ большихъ силъ на правую сторону Мозеля; но и на другой день, при несомнѣнной уже опасности (въ случаѣ рѣшительнаго натиска значительно превосходныхъ силъ французовъ), нѣмецкія войска, сражавшіяся на правой сторонѣ Мозеля, усилены были до полудня одною только 18ою дивизіею.

Французамъ, конечно, еще до сраженія, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, извѣстно было расположеніе и распредѣленіе нѣмцевъ по блокадной линіи. Имѣя на лѣвомъ берегу рѣки съ 26 числа 6½ дивизій пѣхоты (корпусовъ Ле-Бефа и Фроссара), французы рано утромъ въ день боя 31 августа могли бо́льшую часть этихъ войскъ, примѣрно пять дивизій, бросить частью прямо въ разрѣзъ расположенія 1ой и 2ой дивизіи Мантейфеля, частью

---

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны“, т. 1, стр. 1481.

же—для аттаки и охвата первой изъ нихъ. Для этого рѣшающаго все дѣло маневра французамъ нечего было выжидать предварительнаго сбора резервовъ и занятія остальныхъ позицій войсками подходившими съ лѣваго берега. Все это могло быть исполнено по мѣрѣ подхода этихъ войскъ, не говоря уже о томъ, что часть французскихъ силъ лѣваго берега Мозеля могла перейти рѣку заблаговременно, еще ночью.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что войска 1го нѣмецкаго корпуса не могли бы 31 августа устоять долго противъ энергическаго напора французовъ, подходу коихъ, вдобавокъ, благопріятствовало туманное утро. А упорство, съ коимъ держались войска Мантейфеля, служитъ ручательствомъ полнаго ихъ пораженія, въ которое неминуемо вовлечены были бы и остальныя нѣмецкія войска, которыя перешли бы на правый берегъ Мозеля ниже Меца. Пораженіе это коснулось бы, по меньшей мѣрѣ, 1ой дивизіи, отряда Куммера, и гессенской дивизіи, а съ ними вѣроятно и 28ой бригады, которая, равно какъ и части 2ой дивизіи, отъ Ляконекси не могли не идти на выручку своимъ. Такимъ образомъ изъ всѣхъ нѣмецкихъ войскъ въ составѣ 7 3/4 корпусовъ (считая отрядъ Куммера за 3/4 корпуса), по меньшей мѣрѣ, два съ половиною корпуса, а быть можетъ и больше (если бы пруссаки за Мозель перевели и остальныя части 9го корпуса), могли потерпѣть крупное пораженіе еще 31 августа.

Съ подобною, вполнѣ возможною, хотя и частною пока, побѣдою французовъ являлась совершенно новая обстановка, нисколько не похожая на предыдущую. Каковы бы ни были дальнѣйшія послѣдствія,—ясно, что на первое время нѣмцамъ нельзя было и думать о поддержаніи полной блокады Меца на обѣихъ сторонахъ Мозеля. Далѣе, склады ихъ у Ремильи (въ разстояніи одного небольшаго перехода отъ французскихъ линій въ юго-восточномъ направленіи) подвергались большой опасности и едвали могли быть спасены, если бы французы серіозно захотѣли завладѣть ими. Наконецъ крѣпость Мецъ, возстановивъ свои сообщенія со страною хотя на время, могла пополнить свои припасы и выслать изъ города излишнее населеніе, что прежде упущено было изъ виду.

Что касается полевой арміи Базена, то она (разбивъ нѣмцѣвъ на правомъ берегу Мозеля) пріобрѣтала полную свободу дѣйствій, по крайней мѣрѣ на время, и всѣ выгоды почина переходили на ея сторону. Французы могли воспользоваться нѣмецкими припасами у Ремильи, и, уничтоживъ излишніе изъ нихъ, поставить армію принца Фридриха-Карла въ самое затруднительное положеніе. Если бы затѣмъ Базенъ отправился съ арміею

на югъ, то онъ, такъ сказать, по пути прерывалъ бы сообщенія и этапы 3ей нѣмецкой арміи. Оффиціальная прусская исторія войны выражается по этому вопросу слѣдующимъ образомъ:

„.....Гораздо меньшія затрудненія представляла обстановка по южную сторону Меца. Тамъ для движенія своего французы нашли бы широкій просторъ по обѣ стороны р. Сейль и три дороги: на Сольнь, Номени и Шемино. Если бы главныя массы Рейнской арміи внезапно устремились по этимъ путямъ, направивъ влѣво боковой отрядъ на Курсель (на Нидѣ) и поставивъ другой отрядъ примѣрно у Фрескати лицемъ на переправы Аръ и Жуй, чтобы при содѣйствіи крѣпостной артиллеріи задержать переправу 7го и 8го корпусовъ" (нѣмецкихъ), „то, принимая во вниманіе тогдашнее расположеніе блокирующей арміи, удача прорыва даже безъ особо тяжелаго боя была бы довольно обезпечена. Конечно, французскимъ начальникамъ безусловно пришлось бы отказаться отъ своихъ обозовъ, и сверхъ того раньше или позже французы подверглись бы опасности съ тыла и фланга отъ преслѣдующихъ корпусовъ блокадной арміи. Во всякомъ, однако, случаѣ маршалъ Базенъ могъ надѣяться, что онъ по крайней мѣрѣ впереди себя найдетъ пути свободными; онъ могъ по пути (на время) прервать слабо занятыя комуникаціонныя линіи нѣмцевъ и спастись на югъ съ бо́льшею частью своей арміи, хотя и не безъ затрудненій по части продовольственной" [1]).

Наконецъ принцъ Гогенлоэ свидѣтельствуетъ, что послѣ войны довольно значительная группа нѣмецкихъ офицеровъ въ теченіе цѣлой зимы самымъ тщательнымъ образомъ разыгрывала военною игрою блокаду Меца, принявъ въ расчетъ всѣ дѣйствительныя, вполнѣ извѣстныя уже данныя. Вылазка французовъ съ цѣлью прорыва блокады предположена была 25 августа по направленію къ югу. Всѣ участники игры пришли къ убѣжденію, что удача прорыва французовъ „находилась вполнѣ въ предѣлахъ возможности" [2]).

Находя въ приведенныхъ мнѣніяхъ нѣмецкихъ авторитетовъ подтвержденіе въ общемъ высказаннаго въ настоящемъ сочиненіи, позволю себѣ однако остаться при своемъ мнѣніи, а именно, что французы, намѣреваясь прорваться сквозь блокаду нѣмцевъ, отнюдь не должны были избѣгать боя, а напротивъ того прежде всего „разбить нѣмцевъ на правомъ берегу Мозеля".

Кажется за симъ, что приведенными прежде доводами достаточно доказано, что еслибы Базенъ открылъ операцію прорыва

---

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны", т. 1, стр. 1485—86.
[2]) Гогенлоэ, „Стратегическія письма" т. II, стр. 6.

полною и совершенно возможною для него побѣдою на правомъ берегу р. Мозеля, то онъ спасъ бы не только „бо́льшую часть своихъ войскъ“ (что ему сулятъ прусскіе историки), а всю свою армію, поставивъ нѣмцевъ въ самое затруднительное положеніе, хотя бы уничтоженіемъ ихъ складовъ и перерывомъ сообщеній.

Таковы должны были быть послѣдствія распоряженій командира нѣмецкой блокадной арміи, если бы французскіе начальники стояли на высотѣ своей задачи. Но и на сей разъ нѣмцевъ, независимо ошибокъ противниковъ, вывезла энергія и распорядительность частныхъ ихъ начальниковъ, стойкость пѣхоты и прекрасное дѣйствіе ихъ артиллеріи.

Перехожу къ болѣе выдающимся дѣйствіямъ частныхъ нѣмецкихъ начальниковъ.

Командиръ 2ой пѣхотной дивизіи, генералъ Прицельвицъ, прикрывавшій желѣзную дорогу на Саарбрюкенъ и склады въ Ремильи, замѣтивъ утромъ 31 августа большія массы французовъ, собиравшіяся противъ 1ой дивизіи съ видимымъ намѣреніемъ прорыва, направилъ немедленно 3ю свою бригаду, Мемерти, на поддержку 1ой дивизіи и сообщилъ объ этомъ ближайшему своему сосѣду слѣва, генералу Война, стоявшему съ 28ою бригадою на р. Сейль. Война, оставивъ на мѣстѣ только аванпосты, съ остальными частями своего отряда подошелъ къ Курсель, гдѣ отдалъ себя въ распоряженіе Прицельвица. Прибывшій къ Ретонфэ въ тотъ же первый день боя Мемерти замѣтилъ, что французы направляются для охвата лѣваго фланга 1ой прусской дивизіи, позади коего верстахъ въ двухъ стоялъ Мемерти. Онъ, не ожидая приказаній, принялъ съ своей стороны мѣры противодѣйствія: смѣло двинулся впередъ на французовъ и хотя былъ отбитъ послѣ упорнаго боя и потѣсненъ назадъ, но тѣмъ не менѣе не потерялъ энергіи. Замѣтивъ впослѣдствіи, что бой 1ой дивизіи оживился къ ночи (у Сервиньи), Мемерти повелъ аттаку на Нуассевиль, хотя и эта аттака по причинѣ слабости силъ пруссаковъ была тоже неудачна, но тѣмъ не менѣе Мемерти смѣлыми дѣйствіями достигъ своей цѣли: онъ видимо озадачилъ непріятеля и задержалъ полторы французскихъ дивизій, направленныхъ въ охватъ лѣваго фланга расположенія Мантейфеля.

Изъ описанія ночнаго боя за Сервиньи видно, съ какою энергіею и единодушіемъ разные прусскіе начальники совершенно самостоятельно распорядились обратнымъ отбитіемъ этого столь важнаго для обѣихъ сторонъ пункта.

Не менѣе самостоятельнаго почина, а также вѣрной оцѣнки общаго положенія дѣлъ выказалъ командиръ 2ой пѣхотной дивизіи, генералъ Прицельвицъ, когда онъ самъ, будучи лицомъ къ лицу съ противникомъ, тѣмъ не менѣе на второй день боя, рано утромъ, выслалъ бригаду Война для поддержки лѣваго фланга Мантейфеля, оцѣнивъ вполнѣ вѣрно, что тамъ именно рѣшится участь сраженія.

Съ своей стороны и генералъ Война не удовольствовался только простымъ исполненіемъ приказанія, а напротивъ того, не доходя до мѣста назначенія, повернулъ влѣво на французовъ и появленіемъ своимъ и дѣйствіемъ (главнымъ образомъ артиллеріею) во многомъ способствовалъ окончательному отступленію праваго фланга французовъ и затѣмъ и всей ихъ боевой линіи, при чемъ, будучи призываемъ Мантейфелемъ для непосредственнаго участія въ аттакѣ на Нуассевиль, Война указалъ на важное значеніе занимаемаго имъ расположенія у Флянвиль и Сенъ-Аніо, прикрывавшаго лѣвый флангъ позиціи Мантейфеля и войскъ послѣдняго, аттакующихъ Нуассевиль, и получилъ разрѣшеніе оставаться въ своемъ расположеніи.

Нельзя тоже не отдать полной справедливости смѣлой рѣшимости Мантейфеля выбить французовъ изъ взятаго ими наканунѣ Нуассевиля, хотя, какъ сказано въ своемъ мѣстѣ, исполненіе не соотвѣтствовало важности задачи.

Вообще, „наступательная оборона" слабѣйшихъ силъ нѣмцевъ вполнѣ парализовала французовъ, не смотря на то, что послѣдніе имѣли на своей сторонѣ выгоды почина (по крайней мѣрѣ въ началѣ), превосходства силъ и центральнаго расположенія. Но все это перевѣшено было личными достоинствами нѣмецкихъ начальниковъ.

Что касается французскихъ начальниковъ, то какъ Мецское ихъ сидѣніе вообще, кончившееся паденіемъ этой крѣпости и гибелью цѣлой арміи Базена, такъ и сраженіе при Нуассевиль въ частности, выказали обычную въ эту войну со стороны ихъ нераспорядительность и даже преступное, можно сказать, легкомысліе.

Въ то время, когда передъ самою войною тогдашній французскій военный министръ, Ле-Бефъ, заявлялъ публично и оффиціально, что Франція „болѣе чѣмъ готова къ войнѣ, что готово все до послѣдней пуговицы", въ это самое время укрѣпленія Меца были въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи; мало того,

не видно, чтобы хотя въ началѣ войны и даже послѣ Шпихерскаго пораженія дѣло это, а равно и надлежащее снабженіе крѣпости были много подвинуты впередъ.

Обстоятельство это, конечно, унаслѣдовано было Базеномъ отъ управленія императора и Ле-Бефа, также какъ и недостатокъ въ зарядахъ полевой артиллеріи, но затѣмъ на отвѣтственности его остается:

1) совершенно ложный выборъ направленія для прорыва (къ Тіонвилю), которое при правильномъ дѣйствіи нѣмцевъ неминуемо повело бы къ немедленному полному погрому французской арміи;

2) безпорядочная переправа 31 августа, не смотря на горькій опытъ переправъ 14 и 15 августа и репетицію 26 числа;

3) безвыходное скомканіе въ Нуассевильскомъ бою бо́льшей части арміи на лѣвомъ крылѣ, въ углу, охваченномъ Мозелемъ и позиціею противника, между тѣмъ какъ главный ударъ надо было нанести правымъ крыломъ, начавъ его охватывающею аттакою лѣваго фланга главной позиціи Мантейфеля;

4) отсутствіе общаго управленія боемъ со стороны Базена и упущеніе деталей тамъ, гдѣ онѣ имѣли вѣское значеніе (подробности переправы), рядомъ съ забавою мелочами въ родѣ постановки пятнадцати крѣпостныхъ орудій на батарею у Виллеръ-Ормъ, или разъѣздовъ въ боевой линіи въ центрѣ, у Пуа, между тѣмъ какъ рѣшающія событія разыгрывались на правомъ крылѣ, которое, слѣдовательно, было болѣе достойно посѣщенія маршала, разъ Базенъ рѣшилъ снизойти до вмѣшательства въ частности.

Ближайшіе сподвижники Базена, старшіе начальники въ его арміи, распоряжались и дѣйствовали не лучше своего главнокомандующаго.

По свидѣтельству „инженернаго офицера", находившагося при 3емъ корпусѣ въ бояхъ Гравелётскомъ и Нуассевильскомъ, маршалъ Ле-Бефъ главнымъ образомъ рисовался своею безспорно-блистательною, но вполнѣ безплодною храбростью, вовсе не заботясь объ общемъ управленіи боемъ. Это было настолько очевидно, что находившійся 31 августа при корпусѣ Ле-Бефа въ качествѣ зрителя генералъ Шангарнье вышелъ изъ терпѣнія и прямо отъ себя приказалъ бригадѣ Кленшанъ взять Нуассевиль.

Но если Ле-Бефъ бездѣйствовалъ подъ огнемъ и, какъ увѣряетъ инженерный офицеръ, „смотрѣлъ, но не видѣлъ", то товарищъ маршала, командиръ 2го корпуса (если вѣрить упомянутому инженерному офицеру), для безучастнаго бездѣйствія своего избралъ мѣсто болѣе укромное.

Вотъ что говоритъ „инженерный офицеръ", описывая видѣнныя имъ событія 1го сентября, про встрѣчу съ командиромъ 2го французскаго корпуса, генераломъ Фроссаромъ [1]).

„Удивительную встрѣчу имѣли мы возлѣ самой фермы Беллекруа. Генералъ Фроссаръ шелъ пѣшкомъ; остановившись, спрашиваетъ онъ нашего генерала" (начальника инженеровъ 3го корпуса), „почему войска отступаютъ? Генералъ отвѣчаетъ: „мы" (3ій корпусъ) „вынуждены отступать потому, что корпусъ, который долженъ прикрывать нашъ правый флангъ, отступаетъ съ утра. Этотъ корпусъ—2ой. Почему генералъ Фроссаръ находился тамъ въ такую минуту, почему именно намъ пришлось объяснять ему, что дѣлается съ его же корпусомъ,—этого никто изъ насъ никогда не понялъ".

Присутствіе генерала Фроссара у Беллекруа объясняется тѣмъ, что тамъ стоялъ резервъ его корпуса: почти вся дивизія Верже и артиллерійскій резервъ. Но тѣмъ не менѣе невольно является вопросъ: тамъ ли (сзади) находился бы прусскій генералъ, поставленный на мѣсто Фроссара? Спрашивалъ ли бы онъ у проѣзжихъ о томъ, что дѣлаютъ его же войска? Да и вообще возможно ли у пруссаковъ что либо подобное тому, что случилось тутъ у французовъ? Простые факты служатъ отвѣтомъ, что французскій корпусный командиръ, генералъ Фроссаръ, не знаетъ, что дѣлаютъ его же войска, находящіяся въ бою. Онъ бездѣйствуетъ, имѣя еще подъ рукою сильный, относительно, резервъ и допускаетъ, что боевая его линія отходитъ въ виду смѣлаго, хотя въ сущности, пока, болѣе демонстративнаго дѣйствія четырехъ баталіоновъ прусскаго генерала Война [2]). Тѣ же факты подтверждаютъ, что маршалъ Ле-Бефъ, которому согласно диспозиціи подчиненъ былъ Фроссаръ, ничего не сдѣлалъ, чтобы исправить упущенія послѣдняго.

Явленія эти (бездѣйствіе и пассивность) по роду своему не единичныя. Они въ эту войну повторяются у французовъ постоянно. Инертные французскіе начальники вездѣ и всегда пасовали передъ смѣлымъ, самостоятельнымъ починомъ начальниковъ нѣмецкихъ. И въ описываемомъ дѣлѣ цѣлая французская дивизія Кастаньи безполезно простояла у Грижи, якобы прикрывая правый флангъ арміи Базена, и простояла въ совершенномъ бездѣйствіи, имѣя противъ себя только аванпостъ прусской бригады Война, ото-

[1]) Сочин. „Три мѣсяца въ Мецской арміи" стр. 139. (Trois mois à l'armée de Metz, par un officier du génie. 2 édition, Bruxelles. 1871). Описываемый моментъ относится ко времени начала отступленія французовъ.

[2]) Что Война пока дѣйствовалъ только демонстративно—это доказывается ничтожными потерями въ его бригадѣ, всего на всего 27 человѣкъ. („Оффиціальная прусская исторія войны", т. 1, стр. 374 „прибавленій").

шедшей между тѣмъ туда, гдѣ свершались рѣшительныя событія. Конечно, можно отвѣтить, что ни Фроссаръ (подчиненный въ тотъ день Ле-Бефу), ни Кастаньи „не получали приказаній". Но развѣ генералъ Война пошелъ 31 августа на поддержку Прицельвицу „по приказанію?" Развѣ ген. Прицельвицъ на другой день „по приказанію" послалъ бригаду Война для обезпеченія лѣваго фланга Мантейфеля? Нѣтъ! Оба они дѣйствовали по собственному почину, на личную отвѣтственность, съ полнымъ спокойствіемъ и увѣренностью, потому что оба они отлично обнимали общее положеніе дѣлъ и знали, что самостоятельный, раціональный починъ ихъ во имя общаго блага поставится имъ въ заслугу, а не въ осужденіе.

Не такъ смотрѣли на дѣло и не такъ дѣйствовали французскіе начальники какъ въ болѣе важныхъ, такъ и въ мелкихъ дѣлахъ, а потому именно они доходили до результатовъ отрицательныхъ. Вотъ примѣры изъ того же Нуассевильскаго боя.

Генералъ Кленшанъ, взявшій Нуассевиль въ первый день боя, отказываетъ инженерному офицеру въ рабочихъ, необходимыхъ для приведенія Нуассевиля въ оборонительное состояніе. Офицеръ обращается тогда къ начальнику инженеровъ корпуса, прося дать въ его распоряженіе резервную инженерную роту. Начальникъ инженеровъ, генералъ-лейтенантъ (général de division), отказываетъ, „не считая себя вправѣ распорядиться ротою безъ разрѣшенія маршала Ле-Бефа", который въ то время отправился уже на покой.

У Сервиньи вечеромъ того же самаго дня случилось нѣчто аналогичное. Послѣ взятія этого пункта французами, стоявшій позади его безъ дѣла, капитанъ со своею батареею узналъ отъ раненыхъ, что пруссаки при отступленіи своемъ бросили близъ Сервиньи 18 орудій. Капитанъ вызвался свезти ихъ на своихъ лошадяхъ, или по крайней мѣрѣ испортить; но начальникъ артиллерійскаго отдѣленія, коему принадлежала батарея, не считалъ себя вправѣ дать на то свое разрѣшеніе безъ согласія старшаго, коего на мѣстѣ не оказалось. Орудія остались за пруссаками, въ ту же ночь отбившими обратно Сервиньи у французовъ [1]).

Однако, независимо всѣхъ ошибокъ французскихъ начальниковъ, нельзя не согласиться, что французскій солдатъ въ то время поддерживалъ ихъ уже слабѣе, такъ, напримѣръ, смѣло и раціонально задуманное и весьма удачно исполненное ночное нападеніе

---

[1]) Оба эти примѣра взяты изъ сочиненія „Три мѣсяца въ Мецкой арміи", стр. 128—34. Нѣмецкіе историки не упоминаютъ о брошенныхъ у Сервиньи орудіяхъ. Но если бы самое свѣдѣніе, полученное французскимъ капитаномъ, было не точно, то поведеніе его ближайшаго начальника тѣмъ не менѣе вполнѣ согласно съ общимъ настроеніемъ французскихъ начальниковъ.

французской дивизіи Эмара на Сервиньи кончилось паникою вслѣдствіе аттаки двѣнадцати прусскихъ ротъ. Съ другой стороны справедливость требуетъ признать, что если французскій солдатъ потерялъ довѣріе къ своимъ начальникамъ, то это, къ сожалѣнію, показываетъ только, что онъ оцѣнилъ ихъ по достоинству.

Правда, что въ Нуассевильской битвѣ четыре храбрыхъ французскихъ генерала пали во главѣ своихъ войскъ, но французскій солдатъ и унтеръ-офицеръ не нуждались въ примѣрахъ храбрости, а только въ лучшемъ, внушающемъ довѣріе командованіи,—а этого то именно и не было.

Въ заключеніе приходится замѣтить, что общая постановка сраженія при Нуассевилѣ представляетъ собою весьма поучительный и рѣдкій примѣръ обоюдной коренной ошибки. Обѣ стороны, какъ будто сговорившись, дѣйствуютъ каждая наперекоръ стратегической обстановкѣ, во вредъ себѣ и въ пользу противника.

Базенъ, оставляя свое безопасное убѣжище, стремится къ Тіонвилю, какъ будто желая предать себя въ руки нѣмцамъ, рискуя въ лучшемъ случаѣ попасть своими походными колоннами между превосходящей силами армію принца Фридриха-Карла и нейтральную границу [1]). Командиръ же нѣмецкой блокадной арміи старается всѣми мѣрами не только удержать Базена отъ этой крупной ошибки, но даже предоставляетъ ему случай одержать вѣрную и сравнительно легкую побѣду надъ слабѣйшими силами нѣмцевъ, противопоставленныхъ французамъ на правомъ берегу р. Мозеля. Все это нетолько расходилось съ собственными стратегическими интересами нѣмцевъ, но и являлось совершенно не соотвѣтственнымъ сути полученныхъ свыше указаній. Оправданіемъ подобныхъ дѣйствій (со стороны блокадной нѣмецкой арміи) никакъ не можетъ служить опасеніе, что Базенъ, вышедшій изъ Меца 31 сентября, успѣетъ соединиться или войти въ связь съ Макъ-Магономъ, потому что въ главной квартирѣ блокадной арміи еще 27 августа получено было разрѣшеніе взять обратно два корпуса этой арміи,

[1]) При довольно значительномъ списочномъ состояніи французскихъ силъ въ Мецѣ, которое вѣроятно доходило въ началѣ блокады до 200 тысячъ (при сдачѣ было еще 173 тысячи), собственно полевыхъ „наличныхъ“ войскъ участвовавшихъ въ вылазкѣ 31 августа было, конечно, гораздо меньше; примѣняясь къ цифрѣ принятой „Оффиціальною прусскою исторіею войны“ (т. 1, стр. 1.481) можно принять силы Базена, сосредоточенныя 31 августа на правомъ берегу Мозеля, въ 120 тысячъ человѣкъ въ строю. Изъ этихъ войскъ одна пѣхотная дивизія, а именно Кастиньи, должна была остаться въ Мецѣ. Такимъ образомъ Базенъ могъ-бы повести къ Тіонвилю немного болѣе 110 тыс. человѣкъ. А такъ какъ блокадную армію въ общемъ можно считать не менѣе 200 тысячъ, то очевидно, что нѣмцы, имѣя въ распоряженіи своемъ еще 13-ый корпусъ, великаго герцога Мекленбурскаго, (который 2 сентября подошелъ бы къ Мецу), могли обратить на Базена силы не менѣе какъ полуторныя.

*

двинутые было по направленію къ Дамвиллеръ для поддержки 4ой нѣмецкой арміи, долженствовавшей преградить путь Макъ-Магону. Изъ этого разрѣшенія само собою слѣдовало, что всякая возможность дальнѣйшаго наступленія Макъ-Магона на Мезу уже совершенно миновала; о чемъ и сообщено было принцу.

Но какъ бы все это ни было, существуетъ однако неопровержимый фактъ, что вогнанная нѣмцами обратно въ Мецъ армія Базена еще почти два мѣсяца задерживала подъ крѣпостью всѣ силы принца Фридриха-Карла. Она сдалась лишь по причинѣ истощенія съѣстныхъ припасовъ, то есть вслѣдствіе такого сторонняго обстоятельства, на которое нѣмцы съ точностью расчитывать впередъ права не имѣли. А между тѣмъ стоило только нѣмцамъ не препятствовать движенію Базена къ Тіонвилю, чтобы покончить съ нимъ въ ближайшіе дни, почти одновременно съ Седанскимъ погромомъ остальной части силъ императора Наполеона III.

Такимъ образомъ при ложной въ основаніи стратегической постановкѣ всего дѣла самая побѣда при Нуассевилѣ обратилась въ концѣ концовъ во вредъ самимъ же нѣмцамъ.

IV.

Наступленіе 3ей и 4ой нѣмецкихъ армій на французскую „Шалонскую“ армію и стычка у Нуаръ 29 августа.

Движенія 3-й и 4-й нѣмецкихъ армій по 26 августа — Новая „Шалонская“ французская армія подъ начальствомъ маршала Макъ-Магона; маршалъ въ разрѣзъ со своимъ мнѣніемъ вынужденъ идти на выручку Базену. Передвиженія Шалонской арміи по 26 августа — Нѣмцы, разгадавъ намѣренія французовъ, направляются на перерѣзъ Макъ-Магону. — Передвиженія французовъ по 28 августа. Передвиженія нѣмцевъ по 28 августа. Они занимаютъ переправы на р. Мезѣ.—Маршалъ Макъ-Магонъ рѣшаетъ отступить, но по настояніямъ „изъ Парижа“ измѣняетъ свои распоряженія. — Распоряженія нѣмцевъ по 29 августа и передвиженія въ этотъ день 3-й арміи.—Соображенія и дѣйствія начальства 4-й нѣмецкой арміи 29 августа, несогласныя съ приказаніями главной королевской квартиры. Стычка у Нуаръ. — Взглядъ на неправильныя дѣйствія начальства 4-й нѣмецкой арміи и оправдательный (по обыкновенію) приговоръ оффиціальной прусской исторіи войны.

(Чертежи 10 и 11).

Армія кронпринца прусскаго, какъ уже сказано въ своемъ мѣстѣ, достигла теченія р. Мозеля почти одновременно съ арміею принца Фридриха-Карла, то есть 16—17 августа.

Въ Люнсвилѣ, главной квартирѣ кронпринца, не могли быть добыты свѣдѣнія, куда дѣвалась армія Макъ-Магона; но съ разныхъ сторонъ дознано, что значительныя силы французовъ собираются у Шалона. Предполагалось, что туда же отходятъ и тѣ французскія войска, которыя противостояли 1ей и 2ей нѣмецкимъ арміямъ. Въ виду возможности встрѣчи съ французами, 16 августа даны были кронпринцемъ приказанія, по коимъ 3яя нѣмецкая армія подвигалась далѣе тремя колоннами по фронту всего въ три мили, имѣя два корпуса позади въ видѣ вторыхъ эшелоновъ. На одинъ или два перехода впереди арміи двигались части 4ой кавалерійской дивизіи передъ фронтомъ, а 2ая кавалерійская—на лѣвомъ флангѣ общаго наступленія. Въ такомъ порядкѣ 3я армія 19 числа достигла р. Мезы, имѣя правый флангъ у Ле-Сенъ-Реми (le St. Remy, дорога Нанси—Шалонъ), а лѣвый — у Савиньи (Savigny). Самъ кронпринцъ 20 августа отправился въ Понтъ-а-Муссонъ къ королю Вильгельму, гдѣ получилъ дальнѣйшія указанія.

Нѣмецкія войска, назначенныя для дальнѣйшаго наступленія послѣ Гравелётской побѣды, состояли изъ армій кронпринцевъ Прусскаго и Саксонскаго [1]). Первая изъ нихъ въ числѣ трехъ корпусовъ собиралась: двумя корпусами, прусскимъ гвардейскимъ и 12мъ саксонскимъ,—у Донкура и Этена, имѣя передъ фронтомъ 3ю кавалерійскую дивизію и готовясь къ выступленію на Верденъ. Лѣвѣе этихъ корпусовъ, нѣсколько поодаль, у Комерси на р. Мезѣ, находился остальной, т. е. 4ый корпусъ, имѣя впереди часть гвардейской прусской конницы; корпусъ этотъ служилъ 4ой арміи связью съ 3ею арміею, кронпринца Прусскаго.

Общій фронтъ обѣихъ армій въ то время простирался миль на двѣнадцать. Имѣлось въ виду, что отдаленность французовъ допускаетъ, пока, такое растяженіе фронта. Расчитывалось на то, что армія кронпринца Саксонскаго, наступая, будетъ прикрывать непосредственно Мецъ и противодѣйствовать возможному прямому наступленію французовъ для освобожденія Базена, между тѣмъ какъ 3я армія направится во флангъ непріятелю.

Въ этихъ видахъ и вообще для охвата Шалонской французской арміи съ ея праваго фланга, съ цѣлью оттѣснить ее отъ Парижа, еще 21 числа послѣдовало изъ главной королевской квартиры распоряженіе, чтобы 3я армія подвинулась на одинъ переходъ уступомъ впереди 4ой арміи; причемъ расчитывалось, что съ 23

[1]) Армія кронпринца Саксонскаго называется въ нѣмецкихъ исторіяхъ различно—то 4-ою, то „арміею Мезы", то просто „отдѣломъ арміи кронпринца Саксонскаго". Въ настоящемъ сочиненіи будемъ называть ее „4-ою арміею".

по 26 августа обѣ арміи подвинутся на столько впередъ, что авангарды ихъ дойдутъ до линіи Сентъ-Менуль (St. Menehould, путь Мецъ—Веденъ—Шалонъ) и Витри (Vitry, путь Нанси—Шалонъ) по фронту миль семь протяженія; причемъ 3я армія подтягивалась ближе къ сѣверу.

Обѣ арміи двинулись впередъ, и конница 4ой арміи 23 числа достигла р. Мезы, а одинъ изъ разъѣздовъ 3ей арміи дошелъ до ближайшихъ окрестностей Шалона и узналъ у жителей, что въ лагерѣ осталось всего семь тысячъ „подвижной національной гвардіи“ (garde mobile).

По настоянію Мольтке, на другой день, 24 числа, двинута была отъ 3ей арміи за р. Марну 4ая кавалерійская дивизія съ общимъ направленіемъ—правымъ флангомъ на Шалонъ, который найденъ совершенно очищеннымъ французами, со всѣми признаками поспѣшнаго отступленія, съ оставшимися разнаго рода припасами и военнымъ матеріаломъ.

Сверхъ того дознано въ тотъ день, что императоръ Наполеонъ находится съ арміею въ Реймсѣ (къ сѣверо-западу отъ Шалона). Въ виду чего, для прекращенія возможныхъ сношеній этой арміи съ Базеномъ черезъ Тіонвиль, главною королевскою квартирою сдѣлано распоряженіе, чтобы конница 4ой арміи прервала желѣзную дорогу Реймсъ — Тіонвиль.

24 августа состоялось общее совѣщаніе чиновъ главной королевской квартиры съ начальствомъ 3ей арміи, причемъ впервые генералъ-квартирмейстеръ, генералъ Подбѣльскій, заявилъ мнѣніе, что „хотя движеніе французской арміи изъ Реймса на выручку Базену и не выдерживаетъ критики съ военной точки зрѣнія, но что политическія причины все таки могутъ побудить къ тому французовъ“. Но такъ какъ въ то время не имѣлось еще никакихъ положительныхъ данныхъ, подтверждающихъ подобное предположеніе, то рѣшено было продолжать назначенное прежде движеніе (на линію Сенъ-Менуль — Витри), причемъ однако корпусамъ 3ей арміи приказано еще 25 числа достигнуть пунктовъ, до которыхъ, по прежнимъ приказаніямъ, слѣдовало дойти только 26 августа, т. е. линію отъ Сенъ-Маръ-сюръ-Монъ (St. Mard sur Mont, между Витри и Сенъ-Менуль) и Витри, что и исполнено. Шедшія впереди 3ей арміи 4ая кавалерійская дивизія, конная виртембергская бригада и баварская—уланская, подвигались длинною линіею въ общемъ направленіи на Реймсъ. Главныя силы этой конницы заняли крѣпостцу Витри, сдавшуюся на капитуляцію, и прошли далѣе, приближаясь къ Шалону и Шалонскому лагерю, который и занятъ нѣмецкою конницею. Передовой отрядъ изъ двухъ эскадроновъ

драгунъ подошелъ къ самому Реймсу и расположился на ночлегъ въ полумилѣ отъ этого города.

2ая кавалерійская дивизія, освѣщавшая мѣстность лѣвѣе зоны наступленія 3ей арміи, достигла въ тотъ день Шаванжъ (Chavange), мили три южнѣе Витри.

Корпуса 4ой арміи достигли въ тотъ день (25 августа) до линіи Домбаль (путь Мецъ—Верденъ—Реймсъ—Тріокуръ—Лагейкуръ (Triaucourt, Laheycourt) и ночевали уступомъ позади линіи фронта 3ей арміи.

Двигавшаяся впереди фронта этой арміи 6ая кавалерійская дивизія аванпостами своими достигла ручья Іевръ (Yèvres, на высотѣ Витри), по пути захвативъ въ плѣнъ французскій баталіонъ подвижной національной гвардіи; причемъ конница потеряла только шесть человѣкъ.

Шедшая правѣе 6ой кавалерійской дивизіи, 5я кавалерійская достигла главными силами Сенъ-Менуль. Направленный отъ этой дивизіи для порчи желѣзной дороги Реймсъ—Седанъ—Тіонвиль 27ой гусарскій полкъ, пройдя въ тотъ день до окрестностей Стенэ, сжегъ ночью на означенной линіи деревянный мостъ у Лямуйли (Lamouilly, нѣсколько западнѣе Монмеди).

Гвардейская и саксонская кавалерійскія дивизіи слѣдовали пока во второй линіи, за 6ою и 5ою.

Въ такомъ положеніи застали обѣ нѣмецкія арміи новыя королевскія приказанія, которыя послужили вводомъ къ совершенно неожиданнымъ рѣшающимъ событіямъ.

Съ половины августа въ Шалонскомъ лагерѣ собрались новыя французскія войска, не вошедшія пока въ составъ дѣйствующей, такъ называемой „Рейнской арміи". Туда же прибыли разбитыя подъ Вертомъ войска Макъ-Магона и вовлеченные въ ихъ отступленіе корпуса: 5ый, Фальи, и 7ой, Феликса Дуэ. Всѣ эти части присоединились ко вновь сформированному въ Шалонскомъ лагерѣ 12му корпусу. Однако войска эти, доведенныя вскорѣ до численности 140, а потомъ до 150 тысячъ человѣкъ, не имѣли надлежащей внутренней силы и связи.

Разбитый подъ Вертомъ 1ый корпусъ съ одною дивизіею 7го отступали,—чтобы не сказать бѣжали,—въ величайшемъ безпорядкѣ. Они потеряли свои лагерныя и бивуачныя принадлежности и терпѣли отъ голода. Многіе люди отстали, другіе разбѣжались, мародерствуя. Съ прибытіемъ въ Шалонъ войска эти не досчита-

лись въ своихъ рядахъ чуть ли не половины своего состава, который пришлось пополнить на-скоро резервистами.

Въ немного лучшемъ положеніи находился 5й корпусъ, Фальи. Если матеріальное его положеніе было исправнѣе, то за то нравственное едва ли не хуже. Войска этого корпуса совершенно потеряли довѣріе къ своимъ начальникамъ; они не могли не чувствовать, что находясь 6 августа между двумя полями сраженій, никуда на выручку своимъ не поспѣли. Не попытавъ жребія боя, не претерпѣвъ пораженія, 5й корпусъ тѣмъ не менѣе вовлеченъ былъ въ бѣгство войскъ Макъ-Магона.

Что касается 7го корпуса, Дуэ, то одна дивизія его, какъ извѣстно, разбита была при Вертѣ, а другія двѣ обезохочены безтолковыми передвиженіями въ Эльзасѣ и продолжительною, ничѣмъ не обезпеченною перевозкою по желѣзной дорогѣ, во время коей войскамъ пришлось терпѣть большія неудобства и лишенія, вызвавшія даже въ дивизіи Ліеберъ (Liébert) серіозные безпорядки.

Наконецъ 12й корпусъ (три пѣхотныя дивизіи) имѣлъ въ составѣ своемъ и „маршевыя" части (два полка и стрѣлковый баталіонъ), а также дивизію изъ отличныхъ морскихъ полковъ, но вовсе не подготовленныхъ къ продолжительнымъ маршамъ [1]).

Вообще состояніе собранныхъ при Шалонѣ французскихъ силъ требовало времени для того, чтобы войска могли оправиться и получить недостающее имъ разнаго рода снабженіе. Событія однако не ждали.

Въ то время внутреннее положеніе Франціи возбуждало опасенія ея правительства и тяготѣло надъ свободою чисто военныхъ соображеній. Умы волновались. Депутаты въ Парижѣ съ трибуны и непризванные газетные критики въ печати вкривь и вкось обсуждали современное положеніе дѣлъ, указывали признаваемыя ими спасительныя мѣры и настаивали на исполненіи. Приверженцы различныхъ противодинастическихъ партій ожили. Извѣстные и неизвѣстные еще честолюбцы-вожаки мысленно дѣлили уже наслѣдіе пошатнувшейся второй Французской имперіи, а за ними

[1]) Составъ Шалонской арміи былъ слѣдующій:

1 корпусъ	(Дюкро)	36 баталіоновъ	24 эскадрона	96 орудій	24 картечницъ
5	(Фальи)	32	16	72	18
7	(Дуэ)	38	12	72	18
12	(Лебренъ)	46	24	150	18
1 рез. кав. див.	(Маргеритъ)		20	6	—
2	(Бонемекъ)		16	6	6
	Итого	166 баталіоновъ.	112 эскадроновъ.	402 орудія.	84 картечницы.

Въ составѣ 1-го корпуса, генерала Дюкро, было четыре пѣхотныя дивизіи; въ остальныхъ—по три. Въ каждомъ корпусѣ—своя кавалерійская дивизія. „(Оффиціяльная прусская исторія войны", т. 1, стр. 244—56 „приложеній").

скрывались сонмы темныхъ личностей, алчущихъ власти и наживы. Однимъ словомъ, какъ и неустанно послѣ кроваваго 93 года, такъ и теперь, въ годину бѣдствія и общей опасности, надъ Франціею носился уже духъ раздора и измѣны [1]).

Объ императорѣ Наполеонѣ III (по свидѣтельству Вимпфена) какъ будто забыли. Одиночные чины и люди, подражая собранію депутатовъ, считали себя уже вправѣ дѣйствовать прямо отъ себя. Въ видѣ примѣровъ можно привести, что тотъ-же генералъ Вимпфенъ, вызванный въ армію изъ Алжира для принятія 5го корпуса, проѣзжая черезъ свою родину Энь, счелъ возможнымъ и умѣстнымъ обратиться къ жителямъ этого департамента съ прокламаціею, въ коей призывалъ ихъ къ оружію противъ нѣмцевъ. По его же свидѣтельству мэръ города Ретеля, напротивъ того, не хотѣлъ выдать жителямъ оружія (нужнаго для защиты противъ мародеровъ) и обнародовалъ воззваніе, приглашая обывателей „хорошо принять непріятеля". Въ тоже самое время другой мэръ — деревень Синь и Лябе — для противодѣйствія мародерамъ и прусскимъ разъѣздамъ образовалъ отрядъ изъ браконьеровъ, который впрочемъ по ошибкѣ обстрѣлялъ самаго Вимпфена [2]).

Повсемѣстно прорывавшійся духъ безначалія охватывалъ уже и вооруженныя силы Франціи. Войска потеряли довѣріе къ своимъ начальникамъ. Собранные въ Шалонскомъ лагерѣ баталіоны подвижной національной гвардіи проявили непослушаніе и просто мятежное направленіе: въ рядахъ ихъ раздавались уже крики „да здравствуетъ республика!"

Личное положеніе императора Наполеона, прибывшаго изъ Меца въ Шалонскій лагерь, было самое незавидное и ложное; онъ сдалъ Базену командованіе арміею, а между тѣмъ не возвращался въ Парижъ, изъ коего Франціею управляло имъ же установленное „регенство" подъ предсѣдательствомъ императрицы Евгеніи.

Въ то время когда противники Наполеоновской имперіи помышляли о ея ниспроверженіи, друзья ея и приверженцы, въ особенности принцъ Наполеонъ, поговаривали о томъ, что Люи-Наполеону для спасенія династіи слѣдуетъ отказаться отъ престола.

При такой обстановкѣ въ Шалонскомъ лагерѣ 17 августа состоялось нѣчто въ родѣ военнаго совѣта. Результатомъ было то, что изъ собиравшихся еще тамъ въ то время четырехъ корпусовъ образована армія подъ командою маршала Макъ-Магона съ подчи-

[1]) Изъ „Оффиціальной прусской исторіи войны", (т. 1, стр. 258 приложеній) видно, что одинъ негодяй изъ жителей Нуара, назвавшій себя „краснымъ республиканцемъ", измѣннически сообщилъ нѣмецкимъ аванпостамъ свѣдѣніе о численности и расположеніи арміи Макъ-Магона.

[2]) Вимпфенъ стр. 125—130. (Sédan par le général de Wimpffen. Paris. 1871).

неніемъ ея маршалу Базену какъ главнокомандующему „Рейнскою арміею". 12ый корпусъ порученъ былъ генералу Лебрену вмѣсто генерала Трошю, который, какъ человѣкъ популярный въ Парижѣ, назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ этого города. Отправляясь по назначенію, Трошю потребовалъ, чтобы туда же изъ Шалонскаго лагеря направлены были восемнадцать баталіоновъ подвижной національной гвардіи [1]).

О положеніи арміи Базена ничего въ точности въ Шалонѣ извѣстно не было; предполагали, что она отходитъ къ Вердену. Только 18 числа вечеромъ получено императоромъ предварительное телеграфное донесеніе Базена о битвѣ 16 августа, писанное того же числа въ 11 часовъ вечера изъ Гравелёта; въ немъ значилось:

„Сегодня утромъ непріятель аттаковалъ передовые наши лагери у Резонвиля".

„Битва продолжалась съ утра до 8 часовъ вечера. Бой шелъ упорный, мы остались на нашихъ позиціяхъ, понеся чувствительныя потери. Трудность состоитъ теперь въ истощеніи нашихъ резервныхъ парковъ; съ тѣмъ, что намъ остается въ ящикахъ, трудно будетъ выдержать такой же бой какъ сегодня. Съ другой стороны, продовольствія такъ-же мало какъ и зарядовъ, и я вынужденъ перейти на дорогу Виніель—Лесси, чтобы пополнить продовольствіе. Раненые свезены въ Мецъ. Смотря по свѣдѣніямъ, которыя получу о сосредоточеніи армій принцевъ, я вѣроятно буду вынужденъ взять направленіе на Верденъ сѣверными путями [2])".

Со своей стороны Макъ-Магонъ, принявъ командованіе Шалонскою арміею „съ подчиненіемъ ея Базену", обратился къ послѣднему за приказаніями и получилъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что „Базенъ слишкомъ удаленъ отъ Шалона, чтобы указывать операціи; что онъ боится ошибиться и предоставляетъ Макъ-Магону полную свободу дѣйствій".

Въ сочиненіи Базена указаны еще двѣ относящіяся до того же времени, депеши, которыми обмѣнялись Макъ-Магонъ съ Базеномъ, а именно: Макъ-Магонъ телеграфировалъ изъ Шалона 18 числа, въ 3 часа 35 минутъ: „Если вамъ, какъ предполагаю, придется отступать въ скоромъ времени, то я съ разстоянія въ коемъ нахожусь не знаю какъ помочь вамъ, не открывая Парижа. Если думаете иначе, то сообщите".

[1]) Трошю и прежде занималъ оппозиціонное положеніе противъ военнаго французскаго управленія. Онъ извѣстенъ былъ въ особенности какъ авторъ сочиненія, въ коемъ французскія военныя учрежденія подвергались безпощадной критикѣ. Событія видимо оправдывали мнѣніе Трошю.

[2]) Базенъ, стр. 129.

Депеша эта, сколько можно понять, получена была Базеномъ не ранѣе 20 августа; послѣдній между тѣмъ телеграфировалъ наканунѣ Макъ-Магону:

„Я долженъ былъ занять расположеніе у Меца, чтобы дать войскамъ отдыхъ и пополнить продовольствіе и аммуницію. Непріятель все усиливается вокругъ насъ, и я, чтобы соединиться съ вами, вѣроятнѣе всего возьму направленіе вдоль линіи сѣверныхъ крѣпостей. Я предувѣдомлю васъ о своемъ движеніи, если возможно будетъ предпринять его не компрометируя арміи".

Не видно, получилъ ли Макъ-Магонъ эту депешу и если получилъ, то когда именно. Во всякомъ случаѣ онъ 22 августа не имѣлъ еще въ рукахъ этой телеграммы. Положеніе маршала было трудное: съ одной стороны надо было прикрывать Парижъ, который и для арміи Макъ-Магона могъ послужить отличною опорою, а съ другой—заботиться о поддержкѣ Базена.

Военный министръ, генералъ Монтобонъ, графъ Паликао, требовалъ, чтобы Макъ-Магонъ непремѣнно шелъ на помощь Базену, на что Макъ-Магонъ отвѣтилъ 20 числа изъ Шалона:

„Полученныя свѣдѣнія, кажется, указываютъ, что три непріятельскія арміи расположены такъ, что пересѣкаютъ Базену дороги на Верденъ—Бріей и Сенъ-Міэль. Хотя я готовъ къ выступленію завтра, но, не зная направленія отступленія Базена, я думаю, что останусь въ лагерѣ до полученія свѣдѣній о движеніи Базена—на сѣверъ или на югъ".

На другой день Макъ-Магонъ, въ виду наступленія 3ей прусской арміи въ направленіи на Шалонъ, перевелъ свои войска къ Реймсъ, уклоняясь такимъ образомъ къ сѣверо-западу. Оттуда онъ, по обстоятельствамъ, могъ отойти еще къ Парижу, или же двинуться къ Мецу.

Вечеромъ того же 21 августа императоръ потребовалъ Макъ-Магона, который засталъ у него прибывшаго нарочно изъ Парижа предсѣдателя государственнаго совѣта Руэ. Послѣдній старался убѣдить маршала идти на помощь Базену. Макъ-Магонъ отвѣчалъ, что „Базенъ окруженъ въ Мецѣ арміею, которую можно опредѣлить въ 200 тысячъ Наслѣдный принцъ Саксонскій находится у Вердена съ 80 тысячами и наконецъ наслѣдный принцъ Прусскій подходитъ со 150 тысячами". Въ такомъ положеніи Макъ-Магонъ „можетъ подвергнуться одинъ удару арміи принца Прусскаго". Онъ желаетъ „избѣжать катастрофы и сохранить послѣднее средство защиты Франціи—армію, которая теперь состоитъ изъ 120 тысячъ человѣкъ, но со временемъ можетъ быть увеличена до 200 и 300 тысячъ". Въ заключеніе Макъ-Магонъ заявилъ,

что „не пойдетъ въ Мецъ, но въ Парижъ". Императоръ не противорѣчилъ, и Руэ уѣхалъ въ столицу, захвативъ съ собою прокламацію императора, въ коей излагались поводы отступленія арміи къ Парижу.

Но уже на другой день, 22 августа, Руэ телеграфировалъ:

„Въ виду свѣдѣній отъ маршала Базена единодушныя чувства Совѣта какъ нельзя болѣе энергичны. Принятыя вчера рѣшенія должны быть оставлены".

Военный министръ, съ своей стороны, писалъ императору въ томъ же смыслѣ. Вообще высказывалась мысль, что если Базенъ не будетъ поддержанъ, то „въ Парижѣ вспыхнетъ революція".

Императоръ Наполеонъ былъ противъ предположеній графа Паликао, вѣроятно считая ихъ слишкомъ рискованными. Онъ предпочиталъ отойти съ арміею къ Парижу для защиты столицы. Но этого то именно не желалъ графъ Паликао, да и большинство вліятельныхъ бонапартистовъ, которые настаивали на томъ, чтобы Шалонская армія шла на помощь Базену [1]).

Впрочемъ Макъ-Магонъ все еще крѣпился и дѣлалъ уже распоряженія для отступленія къ Парижу, когда предъявлено было ему донесеніе Базена императору отъ 19 августа о сраженіи 18 числа, которое заканчивалось словами:

„Я все расчитываю взять сѣверное направленіе и черезъ Монмеди достигнуть дороги отъ Сенъ-Менуль къ Шалону, если она не сильно занята. Въ противномъ случаѣ я пойду черезъ Седанъ или даже Мезіеръ, чтобы достигнуть Шалона".

Въ виду этого донесенія Макъ-Магонъ предположилъ, что Базенъ вѣроятно уже въ пути, что можно будетъ встрѣтить его въ окрестностяхъ Монмеди, и рѣшилъ двинуться въ эту сторону на другой день, 23 августа [2]).

Исполненіе новыхъ рѣшеній Макъ-Магона, приведшее французскую армію десять дней спустя къ Седанскому погрому, началось при не особо благопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Уже на первомъ переходѣ 23 числа обнаружился недостатокъ въ продовольствіи, вынудившій Макъ-Магона повернуть въ сторону, влѣво къ Ретелю (Rethel, на желѣзной дорогѣ) для пополненія запасовъ. Это передвиженіе, операція пополненія запасовъ разнаго рода, частные безпорядки, наконецъ недостаточная маршевая способность, въ особенности нѣкоторыхъ частей 12го корпуса, были причиною довольно значительной потери времени и малаго успѣха движенія, такъ

[1]) Вимпфенъ, стр. 119—122.

[2]) Показаніе Макъ-Магона передъ парламентною коммисіею (въ сочиненіи Базена, стр. 134).

что къ ночи съ 25 на 26 августа 12ый французскій корпусъ съ главною квартирою Макъ-Магона находились еще у Ретеля, а остальные три корпуса, бывшіе правѣе, очень мало опередили 12ый корпусъ.

Обоюдное расположеніе противныхъ сторонъ представляло въ то время (въ ночь съ 25 на 26 августа) зрѣлище весьма любопытное. Фронты обѣихъ армій очутились теперь почти на одной высотѣ. Нѣмцы лицомъ на западъ, а французы на—сѣверо-востокъ. Между внутренними флангами враждебныхъ армій было разстояніе верстъ 30—35. Каждая армія шла, такъ сказать, въ пустое пространство, какъ будто обѣ онѣ намѣрены были разойтись совершенно. Впрочемъ желаніе это въ дѣйствительности было только со стороны французовъ, а нѣмцы уже готовились взять новое направленіе, на перерѣзъ Макъ-Магону.

Еще 24 августа вечеромъ, въ тотъ самый день, когда, какъ уже сказано, Подбѣльскій выразилъ мнѣніе въ пользу вѣроятности, что Шалонская французская армія пойдетъ на выручку Базену, въ главную королевскую квартиру, въ Баръ-ле-Дюкъ, поступили и другія свѣдѣнія, подтверждавшія правдоподобіе заключенія Подбѣльскаго.

Изъ результатовъ рекогносцировокъ 4ой кавалерійской дивизіи, произведенныхъ 23 числа, выяснилось, что французы оставили окрестности Шалона. Далѣе, въ перехваченной французской газетѣ значилось, что армія Макъ-Магона (силою въ 150 тысячъ) находится у Реймса. Наконецъ, полученная изъ Парижа черезъ Лондонъ (видимо отъ шпіона), телеграмма отъ 23 числа вечеромъ гласила: „Армія Макъ-Магона собрана у Реймса. Императоръ Наполеонъ и принцъ при арміи. Макъ-Магонъ ищетъ соединенія съ Базеномъ“.

Телеграммы эти совершенно совпадали съ содержаніемъ прежде еще перехваченнаго письма, въ которомъ французскій офицеръ писалъ изъ Меца, что тамъ навѣрное расчитываютъ на помощь Макъ-Магона. На письмо это сначала не обратили особаго вниманія, такъ какъ прямое направленіе Макъ-Магона на Мецъ преграждалось нѣмцами, а выборъ кружнаго, сѣвернаго, весьма опаснаго направленія былъ мало вѣроятенъ. Теперь же, въ виду полнаго совпаденія всѣхъ поименованныхъ указаній, рѣшено было, не останавливая пока движенія къ Парижу, вмѣстѣ съ тѣмъ не упускать изъ виду и возможности указаннаго движенія арміи Макъ-Магона.

На этихъ основаніяхъ изъ главной королевской квартиры дано было 25 августа слѣдующее приказаніе: [1])

„Всѣ полученныя свѣдѣнія согласуются въ томъ, что непріятель очистилъ Шалонъ и отошелъ на Реймсъ".

„Его Величество Король приказалъ, чтобы армія Кронпринца Саксонскаго и 3а армія послѣдовали этому движенію, продолжая наступленіе въ сѣверо-западномъ направленіи. Первая подвинетъ завтра 12ый корпусъ во Віенъ (авангардъ въ Отри и Сервонъ) гвардейскій—въ Сенъ-Менуль (авангардъ къ Віенъ-ля-Виль и Берзіе); 4ый корпусъ въ Виллеръ-анъ-Аргонъ (авангардъ къ Домартенъ). Кавалерію для освѣщенія фронта и праваго фланга выдвинуть далеко впередъ; она непремѣнно должна достигнуть Вузіеръ и Бюзанси".

„3ей арміи передовыми частями достигнуть завтра линіи Живриапъ-Аргонъ — Шанжи (къ сѣверо-востоку отъ Витри). За этимъ послѣднимъ пунктомъ наблюдать". [2])

„Если не будетъ получено особо важныхъ свѣдѣній, то 27 августа будетъ отдыхъ, къ которому притянуть обозы и устроить продовольственную часть, для того, чтобы безъ затрудненія можно было пройти пустынную часть Шампаніи".

„Главная королевская квартира идетъ завтра въ Сенъ-Менуль. Донесенія присылать сюда до 11 часовъ утра". [3])

Этимъ приказаніемъ правый флангъ общей линіи наступленія обѣихъ нѣмецкихъ армій лишь немного подвинутъ былъ къ сѣверу, но зато весь фронтъ ихъ значительно стягивался къ правой сторонѣ, такъ что всѣ войска подтянулись къ сѣверу, не отказываясь однако еще отъ западнаго направленія, впредь до болѣе полнаго выясненія обстоятельствъ.

Главная королевская квартира двинулась верстъ на 35 тоже къ сѣверу, а указанное конницѣ 4ой арміи направленіе на Вузіеръ и Бюзанси, на перерѣзъ пути, ведущаго отъ Реймса въ Мецъ (черезъ Монмеди), попадало прямо на путь ближайшаго правофлангового французскаго 7го корпуса, ночевавшаго у Вузіеръ.

Между тѣмъ въ теченіе того же еще 25 августа въ главную королевскую квартиру поступили разныя газетныя свѣдѣнія, частью по телеграфу, въ коихъ страстно выражалось мнѣніе французской публики о необходимости „выручить Базена". Тамъ же

[1]) „Исторія 3-й арміи", стр. 101.
[2]) Крѣпостца Витри въ то время уже сдалась нѣмецкой конницѣ.
[3]) Приведенныя тутъ названія пишутся: Bar le Duc, Autry, Servon, Vienne la ville, Berzieux, Villers en Argonne, Domartin, Vouziers, Buzancy, Givry en Argonne, Changy, St. Ménehould.

приводились рѣчи, произнесенныя въ народномъ французскомъ собраніи, въ которыхъ оставленіе Базена безъ поддержки называлось „посрамленіемъ французской націи". Наконецъ телеграмма изъ Лондона сообщила статью изъ Парижской газеты „Время" (Temps) отъ 23 числа, въ коей сообщалось, „что Макъ-Магонъ внезапно рѣшилъ идти на выручку Базену и что вся армія Макъ-Магона выступила изъ Реймса".

Нѣмецкое начальство заключило изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній, что политическія побужденія у французовъ дѣйствительно могутъ восторжествовать надъ военными соображеніями; за симъ расчитывалось, что въ случаѣ исполненія французскихъ предположеній, армія Макъ-Магона могла уже достигнуть окрестностей Вузіеръ, а потому результатъ предписанной на Вузіеръ—Бюзанси развѣдки 26 августа получалъ теперь рѣшающее значеніе.

Съ другой стороны, для главной королевской квартиры становилось яснымъ, что при значительномъ удаленіи бо́льшей части войскъ 3ей арміи, не представляется уже вѣроятности настигнуть Макъ-Магона превосходными силами по сю сторону р. Мезы, если французы подвигаются впередъ безостановочно. При такомъ положеніи дѣлъ, генералъ Мольтке составилъ расчетъ, по коему на худой конецъ предполагалъ около 28 августа пятью корпусами, силою въ 150 тысячъ человѣкъ, преградить путь Макъ-Магону, а именно у Дамвиллеръ уже на томъ (правомъ) берегу р. Мезы. Расчитывалось тутъ на три корпуса кронпринца Саксонскаго и на два отъ блокадной арміи принца Фридриха-Карла.

Не ожидая затѣмъ свѣдѣній о результатѣ кавалерійскихъ поисковъ къ Вузіеръ и Бюзанси, изъ главной королевской квартиры Баръ-ле-Дюкъ даны 4ой арміи, того же 25 августа, въ 11 часовъ вечера, слѣдующія дополнительныя приказанія на 26 августа:

„Согласно только-что полученному свѣдѣнію не невѣроятно, что Маршалъ-Макъ-Магонъ рѣшилъ сдѣлать попытку для освобожденія запертой въ Мецѣ главной непріятельской арміи. Въ такомъ случаѣ онъ съ 23 августа въ движеніи отъ Реймса, такъ что его головныя части могли сегодня достигнуть Вузіеръ. Въ такомъ случаѣ армію Его Королевскаго Высочества Кронпринца Саксонскаго нужно собрать къ правому флангу, примѣрно такъ, чтобы 12ый корпусъ достигъ Варенъ, въ то же время гвардейскій и 4ый придвинутся до дороги Верденъ—Варенъ. Корпуса 1ый и 2ой баварскій послѣдуютъ, эвентуально, этому движенію".

„Но движеніе находится въ зависимости отъ донесеній, которыя получитъ Его Королевское Высочество Кронпринцъ Саксонскій и которыхъ тутъ дожидаться нельзя".

Гвардейскій и 4ый корпуса получили отсюда приказаніе: „не исполнять завтра утромъ приказаннаго имъ сегодня движенія, но сварить пищу, и ожидать для движенія приказаній“.

Копія этого распоряженія сообщена была и командиру 3ей арміи съ добавкою, что „баварскіе корпуса 1ый и 2ой получили непосредственно приказаніе остановиться, пока, и сварить пищу; 5му, 6му и 11му корпусамъ продолжать еще указанное прежде сосредоточивающее движеніе впередъ, и они, быть можетъ, „впослѣдствіи будутъ притянуты, примѣрно, въ направленіи Сенъ-Менуль“.

Кронпринцъ же Прусскій, съ своей стороны, сразу счелъ предположеніе о возможномъ движеніи Макъ-Магона на выручку Базену окончательно опредѣленнымъ фактомъ. Въ этихъ видахъ утромъ 26 числа дано шедшей передъ фронтомъ 3ей арміи 4ой кавалерійской дивизіи приказаніе „взять направленіе на Вузіеръ“ а 2ой кавалерійской дивизіи, бывшей до того на лѣвомъ флангѣ арміи, „перейти къ Шалону“.

Въ тотъ же день, 26 августа, главныя силы 3ей арміи, на основаніи приказанія предыдущаго дня, и безъ того должны были пододвинуться къ сѣверу и стать болѣе сосредоточенно, такъ что онѣ, смотря по надобности, могли продолжать движеніе къ Парижу или слѣдовать къ сѣверу. Кронпринцъ склонялся къ немедленному движенію въ этомъ послѣднемъ направленіи. Поэтому онъ въ тотъ же день отправился къ королю со своимъ начальникомъ штаба, генераломъ Блюменталемъ, и испросилъ разрѣшеніе теперь же со всею нераздѣльною 3ею арміей отказаться отъ наступленія на Парижъ, и двинуться къ сѣверу. Король предоставилъ кронпринцу дѣйствовать по усмотрѣнію съ тѣмъ, чтобы не нарушались отданныя въ полдень того же 26 числа приказанія слѣдующаго содержанія:

„Полученныя свѣдѣнія дѣлаютъ вѣроятнымъ сосредоточеніе арміи маршала Макъ-Магона у Вузіеръ.

„Его Величество приказываетъ, чтобы армія его Королевскаго Высочества Кронпринца Саксонскаго, а также 1ый и 2ой королевско-баварскіе корпуса немедленно двинуты были въ этомъ направленіи.

„Корпусъ 12ый, а также 5ая и 6ая кавалерійскія дивизіи уже въ движеніи.

„Гвардейскому корпусу идти на Домбаль; одинъ баталіонъ 12го корпуса остается для прикрытія главной королевской квартиры въ Клермонъ“.

„4ый корпусъ идетъ во Флери“.

„1ый королевско-баварскій корпусъ идетъ въ Эрнзъ-ля-Петишъ, 2ой королевско-баварскій въ Тріокуръ“.

„Всѣ войска подымаются немедленно по окончаніи варки, снабжаются провіантомъ на три дня и сегодня же оставляютъ, при соотвѣтственномъ прикрытіи, тѣ обозы, въ которыхъ не предвидится настоятельной необходимости“.

„Главная королевская квартира идетъ сегодня пополудни въ Клермонъ“.

(подписалъ) „Мольтке“.

Копія этого приказанія сообщена 3ей арміи съ добавкою: „оба баварскіе корпуса получили уже непосредственныя приказанія“ [1]).

Наконецъ приказанія эти дополнены телеграммою принцу Фридриху-Карлу, чтобы онъ „назначилъ отъ блокадной арміи два корпуса, коимъ еще 28 числа прибыть въ окрестности Дамвиллеръ и Монжіенъ“.

Кронпринцъ Прусскій, съ своей стороны, принимая во вниманіе, что 3я армія 26 числа находилась еще миляхъ въ 10 отъ Вузіеръ и что французы, зная о присутствіи нѣмецкихъ силъ, могли поспѣшить движеніемъ по направленію къ Мецу, полагалъ не терять времени, и немедленно подойти возможно ближе къ 4ой арміи съ цѣлью недопустить Макъ-Магона сразиться съ послѣднею при выгодныхъ для французовъ условіяхъ. „Если бы въ теченіе 27 и 28 августа“ (такъ разсуждалъ кронпринцъ) „оказалось, что предположеніе о движеніи Макъ-Магона къ Мецу ошибочно, то, во всякомъ случаѣ, вредъ отъ промедленія въ наступленіи на Реймсъ и Парижъ будетъ менѣе важенъ нежели рискъ отъ слишкомъ поздняго движенія наперерѣзъ Макъ-Магону, въ случаѣ если бы послѣдній дѣйствительно шелъ къ Мецу“.

Наконецъ и перехваченныя въ тотъ день французскія солдатскія письма единогласно говорили о движеніи изъ Реймса на Верденъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ кронпринцъ 26 августа, въ четыре часа пополудни, отдалъ изъ Ревиньи приказанія, по коимъ остальные корпуса 3ей арміи (5ый съ виртембергскою дивизіею, 6ой и 11ый) должны были 27 числа двинуться въ общемъ направленіи на сѣверъ.

Между тѣмъ того же 26 августа разъѣзды и отряды нѣмецкой конницы раскрыли, что окрестности Реймса совершенно очищены французами, хотя самый городъ еще занятъ; по словамъ жителей французская армія пошла въ сѣверномъ направленіи; далѣе, что въ окрестностяхъ Вузіеръ и за нимъ стоятъ и двигаются зна-

---

[1]) „Исторія 3-й арміи“, стр. 108.

чительныя силы французовъ, число коихъ жители опредѣляютъ въ 140 тысячъ, и что черезъ два дня ожидаютъ тамъ Макъ-Магона, который находится теперь въ Атиньи. Наконецъ, что у Гранъ-Пре (Grand Pré, дефиле въ долинѣ р. Энь, по пути Вузіеръ—Варенъ—Верденъ) находится отрядъ французовъ трехъ родовъ оружія и что Денъ (Dun, переправа черезъ Мезу, на пути Вузіеръ—Верденъ) французами не занятъ.

Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній только два послѣдніе во́-время, т. е. еще въ теченіе 26 числа, дошли до главной королевской квартиры. Однако для нѣмецкаго начальства извѣстныхъ ему свѣдѣній оказалось вполнѣ достаточно для совершенно вѣрныхъ въ общемъ заключеній. Въ присутствіи французовъ у Гранъ—Пре найдено подтвержденіе предположенія, что армія Макъ-Магона, подвигаясь къ востоку, находится сѣвернѣе этого пункта, а въ отсутствіи французовъ въ Денъ—указаніе на то, что они пока недостигли еще рѣки Мезы; поэтому рѣшено предупредить французовъ на р. Мезѣ. На этомъ основаніи на 27 августа приказано саксонскому корпусу перейти обратно за эту рѣку и занять на ней переправы у Денъ и Стенэ (Stenay), обѣ сѣвернѣе Вердена по путямъ ведущимъ къ Дамвиллеръ. Гвардейскому же и 4^му^ корпусамъ—продолжать движеніе на сѣверъ.

Приказанія получены лично начальникомъ штаба этой арміи, генераломъ Шлётхеймомъ (въ 11 часовъ вечера), съ указаніемъ, чтобы кавалерію пустить въ правый флангъ непріятеля. Оба баварскіе корпуса получили непосредственно приказаніе продолжать движеніе къ сѣверу, дойти до Никсвиль и Домбаль (то есть на линію оставляемую въ тотъ день корпусами арміи кронпринца Саксонскаго).

Обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ сообщено было командиру 3^ей^ нѣмецкой арміи, съ указаніемъ, чтобы остальные корпуса этой арміи продолжали движеніе по направленію къ Сентъ-Менуль. 5ая и 6ая кавалерійскія дивизіи получили приказаніе идти на Гранъ-Пре и Вузіеръ.

Армія Макъ-Магона въ ночь съ 25 на 26 число расположена была слѣдующимъ образомъ:

На правомъ флангѣ 7ой корпусъ, Феликса Дуэ, у Вузіеръ (на кратчайшемъ пути Шалонъ—Седанъ, отъ коего у Вузіеръ отходитъ дорога Бюзанси—Нуаръ—Стенэ—Монмеди—Тіонвиль), выдвинулъ одинъ гусарскій полкъ къ дефиле у Гранъ-Пре (путь Вузіеръ—Варенъ), для прикрытія своего праваго фланга.

Далѣе вдоль р. Энъ (Aisne) стояли остальные корпуса: 1ый, Дюкро, у Атиньи, 5ый, Фальи, у Аманъ, а за нимъ 12ый, Лебрена, у Ретеля (желѣзная дорога Шалонъ—Ретель—Мезьеръ—Тіонвиль).

Передъ фронтомъ общаго расположенія находилась 1ая резервная кавалерійская дивизія, Маргерита, у Ле-Шенъ (le Chesne Populeux, по пути на Стенэ), между тѣмъ какъ 2ая резервная кавалерійская дивизія, Бонемена, была у Ретеля, за крайнимъ лѣвымъ флангомъ арміи, то есть какъ будто нарочно, возможно дальше отъ непріятеля.

Такимъ образомъ нѣмцы перемѣняли постепенно фронтъ на сѣверъ, лицомъ въ правый флангъ французовъ, въ который направляли теперь три кавалерійскія дивизіи (саксонскую, 5ую и 6ую) силою въ 72 эскадрона. Французы между тѣмъ изъ 112 своихъ наличныхъ эскадроновъ имѣли на опасномъ правомъ своемъ флангѣ для всевозможныхъ надобностей всего только 12 эскадроновъ корпуса Дуэ.

Въ тотъ день, 26 числа, армія Макъ-Магона двигаясь впередъ совершила захожденіе направо, осью коего служилъ 7ой корпусъ, Дуэ, выдвинувшій отряды изъ трехъ родовъ оружія къ Бюзанси, передъ фронтъ, и къ Гранъ-Пре, на правый флангъ; сколько можно понять, всего—шесть баталіоновъ бригады Борда, шесть орудій и нѣсколько эскадроновъ. Однако отряды, долженствовавшіе прикрывать 7ой французскій корпусъ и обезпечивать его отъ излишнихъ тревогъ, сослужили ему плохую службу.

Генералъ Борда, находившійся у Гранъ-Пре, при появленіи одного драгунскаго нѣмецкаго полка отвелъ свой отрядъ въ „неприступный“ лѣсъ; отрядъ же бывшій у Бюзанси отошелъ на Вузіеръ. А когда еще, вдобавокъ ко всему этому, стоявшій южнѣе Вузіеръ уланскій французскій полкъ при появленіи одного нѣмецкаго драгунскаго эскадрона донесъ о „наступленіи большаго отряда уланъ“, то генералъ Дуэ заключилъ, что на его корпусъ наступаетъ цѣлая армія.

Не теряя затѣмъ времени, Дуэ избралъ оборонительную позицію у Вузіеръ, которую французы начали поспѣшно укрѣплять. Для облегченія отступленія отряда Борда послана другая бригада той же дивизіи. Обозы 7го корпуса направлены назадъ, къ Ретелю.

Между тѣмъ Борда, узнавъ, что противъ него только конница, опять занялъ Гранъ-Пре; но начальникъ дивизіи, генералъ Дюмонъ, тѣмъ не менѣе приказалъ очистить Гранъ-Пре и къ утру со всей дивизіею отошелъ къ Вузіеръ. Тамъ между тѣмъ вторичнаго донесенія Борда (о занятіи имъ Гранъ-Пре) не было получено, и 7ой корпусъ, въ ожиданіи аттаки воображаемаго непріятеля, подъ проливнымъ дождемъ, всю ночь простоялъ на своей оборонитель-

*

ной позиціи. Дуэ донесъ Макъ-Магону о занятіи Гранъ-Пре нѣмцами и что онъ ежечасно ожидаетъ ихъ аттаки [1]).

Получивъ это свѣдѣніе, Макъ-Магонъ счелъ опаснымъ продолжать свое фланговое движеніе къ сѣверо-востоку и рѣшилъ повернуть фронтъ своей арміи къ юго-востоку, то есть къ сторонѣ непріятеля—на линію Вузіеръ—Бюзанси.

На этомъ основаніи приказано было на 27 августа:

7^му^ корпусу, Дуэ, оставаться у Вузіеръ;

5^му^ корпусу, Фальи, повернуть направо къ Бюзанси (верстъ 20 сѣверо-восточнѣе Вузіеръ).

За этими корпусами первой линіи двинуты были: 1ый корпусъ, Дюкро, за 7^мъ^, а 12ый, Лебрена, за 5^мъ^.

Кавалерійская дивизія Маргерита, шедшая ранѣе передъ фронтомъ арміи Макъ-Магона, тоже подвинулась направо и перешла къ Бомону, къ лѣвому флангу новаго общаго фронта французской арміи. Только кавалерійская дивизія Бонемена все еще оставалась позади (у Атиньи), правѣе 1го корпуса.

Между тѣмъ, въ теченіе слѣдующаго дня, 27 августа, выяснилось, что Гранъ-Пре непріятелемъ не занятъ и что нѣмецкой арміи (кромѣ конницы) поблизости вовсе нѣтъ. Поэтому Макъ-Магонъ приказалъ опять взять прежнее направленіе на сѣверо-востокъ. Новыя приказанія получены были французскими корпусами въ то время, когда войска уже почти достигли назначенныхъ пунктовъ согласно приказаніямъ полученнымъ наканунѣ. Головныя части корпуса Фальи уже дошли до Бюзанси, у котораго и въ самой деревнѣ произошла кавалерійская стычка между частью саксонской конницы и передовымъ полкомъ кавалерійской дивизіи Брао (Brahaut) названнаго корпуса.

Такимъ образомъ день 27 августа принесъ французамъ новую потерю столь дорогаго времени, вызванную напрасною перемѣною фронта арміи противъ воображаемаго непріятеля. А между тѣмъ нѣмцы безостановочно двигались къ намѣченной себѣ цѣли.

Къ вечеру 27 августа 12ый саксонскій корпусъ перешелъ уже обратно за р. Мезу, занялъ игравшія въ то время важную роль главнѣйшія переправы у Денъ и Стенэ и уничтожилъ переправы у Сасэ (Sassey, между Дэнъ и Стенэ). Такимъ образомъ къ вечеру 27 числа саксонцы переградили уже арміи Макъ-Магона

---

[1]) „Офиціальная прусская исторія", т. 1, стр. 989..

кратчайшіе пути ведущіе на востокъ. Для поддержанія ихъ съ зади подходили со стороны Меца два корпуса отъ блокадной арміи принца Фридриха-Карла, вызванные на тотъ случай, если бы при быстромъ движеніи Макъ-Магона не удалось своевременно притянуть баварцевъ для усиленія 4ой арміи. Остальныя нѣмецкія войска какъ будто готовились поддержать оборону р. Мезы наступленіемъ во флангъ французамъ по лѣвой сторонѣ рѣки. Войска эти въ то время въ общемъ представляли двѣ большія группы въ видѣ двухъ уступовъ. Первый, передній, ближайшій къ саксонцамъ уступъ состоялъ изъ группы четырехъ корпусовъ — гвардейскаго, у Монфокона, 4го, у Фромервиль, и позади ихъ, во второй линіи — 1го баварскаго, у Никсвиль, и 2го баварскаго, у Домбаль.

Задній, лѣвый уступъ образовали остальные три корпуса 3й нѣмецкой арміи, двигавшіеся въ то время на сѣверъ въ видѣ общей колонны. Головной, 5ый корпусъ достигъ Сенъ-Менуль, поравнявшись по линіи съ баварскими корпусами.

Кавалерія арміи кронпринца Саксонскаго въ теченіе 27 числа наступала въ сѣверо-западномъ направленіи въ слѣдующемъ порядкѣ: въ центрѣ—5ая кавалерійская дивизія; она достигла линіи Гранъ-Пре и Бюзанси; правѣе ея — саксонская кавалерія — достигла Нуаръ. За ними, во второй линіи, шла гвардейская въ общемъ направленіи на Бюзанси. Шедшая лѣвѣе 5ой кавалерійской дивизіи 6ая кавалерійская подошла передовыми частями къ окрестностямъ Вузіеръ. Съ этого времени ни одно движеніе французовъ не могло уже ускользнуть отъ вниманія связной кавалерійской цѣпи, длиною верстъ 40 — 50, которая огибала теперь всю мѣстность, по коей приходилось двигаться французамъ.

Изъ обѣихъ кавалерійскихъ дивизій 3ей арміи 4ая находилась на лѣвомъ флангѣ, верстахъ въ 30 отъ пѣхоты, на высотѣ ея фронта у Сюиппъ (Suippe) и на столько же южнѣе Вузіеръ. Далеко позади 4ой дивизіи, верстахъ въ 40, слѣдовала 2ая кавалерійская дивизія, дополнявшая освѣщеніе мѣстности на лѣвомъ флангѣ 3ей арміи.

Между тѣмъ того же 27 августа въ главной королевской квартирѣ на основаніи только что дошедшихъ до нея свѣдѣній, добытыхъ нѣмецкою конницею еще 26 числа, заключили, что французская армія отъ Реймса — Ретеля подвигается въ общемъ направленіи на сѣверо-востокъ, частью по направленію Бюзанси а частью сѣвернѣе, на Бомонъ; далѣе, что движеніе это 27 какъ будто пріостановилось, встрѣтивъ какія то затрудненія; наконецъ, что французы во всякомъ случаѣ не достигли еще р. Мезы, такъ

какъ переправы черезъ эту рѣку у Денъ и Стенэ въ этотъ день (27 августа) заняты были саксонцами.

Изъ всего этого выведено было заключеніе, что представлялась уже возможность настичь французовъ еще по сю сторону р. Мезы. При такой обстановкѣ, сосредоточеніе пяти нѣмецкихъ корпусовъ у Дамвиллеръ, въ видахъ преграждения французамъ пути на „правой" сторонѣ р. Мезы, дѣлалось уже излишнимъ. На этомъ основаніи приказано: два корпуса отъ блокадной арміи Меца, направленные на поддержку саксонцевъ, возвратить въ распоряженіе принца Фридриха-Карла, а войскамъ 3ей и 4ой арміи (кромѣ саксонцевъ, занявшихъ переправы на р. Мезѣ) подвигаться дальше въ сѣверномъ направленіи.

Къ вечеру 27 августа дѣла сложились уже такъ, что армія Макъ-Магона никакъ не могла продолжать намѣченнаго движенія къ Мецу безъ столкновенія со значительно бо́льшими силами нѣмцевъ, часть коихъ, даже безъ особой воли или усилія, такъ сказать, по естественному ходу вещей, должна была очутиться въ тылу французовъ, къ случаѣ если бы послѣдніе упорствовали въ своемъ восточномъ движеніи.

Такимъ образомъ для Макъ-Магона насталъ послѣдній, рѣшительный срокъ бросить мечты о выручкѣ Базена и подумать единственно о собственномъ спасеніи.

Такъ именно понялъ свое положеніе Макъ-Магонъ, получившій сверхъ того достовѣрное свѣдѣніе, что Базенъ 26 августа не оставилъ еще Меца.

Усматривая изъ всего этого, что Базенъ во всякомъ случаѣ еще далеко, между тѣмъ какъ превосходныя силы нѣмцевъ близки, Макъ-Магонъ рѣшилъ начать отступленіе на другой день, то есть 28 августа.

О намѣреніи своемъ маршалъ донесъ военному министру слѣдующее: [1])

„Первая и вторая нѣмецкія арміи, численностью болѣе 200 тысячъ, блокируютъ Мецъ преимущественно по лѣвому берегу Мозеля. Войска, опредѣляемыя тысячъ въ 50, какъ увѣряютъ, занимаютъ правый берегъ р. Мезы, чтобы мѣшать нашему наступленію на Мецъ. Получены свѣдѣнія, что кронпринцъ Прусскій направляется въ Арденны,, (les Ardennes) „со 150 тысячами; увѣряютъ, что они уже въ Ардени" (Ardeni). „Нахожусь въ Шенъ-

[1]) Это и послѣдующія свѣдѣнія взяты у Базена, стр. 134—135.

Понюле, имѣя болѣе 100 тысячъ. Съ 19 августа не имѣю никакихъ свѣдѣній о Базенѣ [1]), если я пойду ему на встрѣчу, то буду аттакованъ 1ою и 2ою арміями. Одновременно могу быть аттакованъ арміею Кронпринца Прусскаго, который отрѣжетъ мнѣ всякое отступленіе. Завтра я приближусь къ Мезіеръ, откуда, смотря по обстоятельствамъ, буду продолжать отступленіе къ западу".

Въ этомъ смыслѣ отданы были войскамъ приказанія на 28 число, которыя однако были отмѣнены вслѣдствіе настоянія военнаго министра. Послѣдній въ отвѣтъ Макъ-Магону сообщилъ:

„Если вы не поддержите Базена, то въ Парижѣ будетъ революція и вы сами будете аттакованы всѣми силами непріятеля. Парижъ самъ себя обережетъ—укрѣпленія окончены. Мнѣ кажется необходимымъ, чтобы вы быстро подоспѣли къ Базену. Въ Шалонѣ находятся не кронпринцъ Прусскій, а одинъ изъ принцевъ, братъ короля, съ сильною кавалеріею [2]). Утромъ я вамъ сообщилъ по телеграфу два свѣдѣнія, которыя указываютъ, что кронпринцъ, чувствуя опасность вашего обхода какъ для арміи, которая блокируетъ Базена, такъ и для своей собственной, перемѣнилъ направленіе и идетъ на сѣверъ. Вы имѣете противъ него 36, а можетъ быть и 48 часовъ впередъ".

„Противъ васъ только часть силъ изъ блокирующихъ Мецъ, которая, замѣтивъ движеніе ваше отъ Шалона къ Мецу, растянулась къ Аргоніи".

„Ваше движеніе въ Реймсъ обмануло какъ ихъ, такъ и кронпринца Прусскаго. Здѣсь всѣ чувствуютъ необходимость освободить Базена, и нетерпѣніе, съ которымъ слѣдятъ за вашими движеніями, достигло крайнихъ предѣловъ".

Депеша эта, полученная Макъ-Магономъ въ 2 часа утра 28 августа, поколебала его убѣжденія; а слѣдующая затѣмъ, прибывшая два часа спустя, окончательно заставила маршала измѣнить свои намѣренія и распоряженія.

Въ депешѣ этой сказано:

„Отъ имени совѣта министровъ и тайнаго совѣта прошу васъ помочь Базену, пользуясь 36 часами, которые вы имѣете впереди Кронпринца Прусскаго".

„Направляю корпусъ Винуа къ Мезіеръ [3]).

Макъ-Магонъ, въ отмѣну данныхъ уже на 28 число распоряженій, приказалъ корпусамъ своей арміи идти на Стенэ, то есть

[1]) Подразумѣваются свѣдѣнія, „непосредственно отъ Базена", потому что Макъ-Магонъ получилъ извѣстіе, что 26 августа, французы еще не пробились изъ Меца.

[2]) Принцъ Альбрехтъ, командиръ 4-ой кавалерійской дивизіи. Прим. авт.

[3]) Корпусъ Винуа не принадлежалъ еще арміи Макъ-Магона; онъ былъ сформированъ въ Парижѣ.

въ прежнемъ, восточномъ направленіи. Но между тѣмъ обозы на основаніи приказаній предыдущаго дня направились уже по дорогамъ на западъ. Произошла путаница, которая опять замедлила движенія [1]).

Потерю во времени (съ выступленія изъ Реймса), происшедшую отъ поворота на Ретель и отъ другихъ указанныхъ выше проволочекъ, самъ Макъ-Магонъ опредѣляетъ въ „двое сутокъ".

Но какъ бы то ни было, французская армія въ теченіе 28 числа подвинулась въ общемъ направленіи на западъ; въ правой колоннѣ шелъ 5ый корпусъ, Фальи, достигшій Буа-де Дамъ (Bois des Dames, верстъ 10 не доходя переправы у Стенэ), за нимъ во второмъ эшелонѣ 7ой корпусъ, Дуэ. Войска двигались подъ дождемъ, прибыли на мѣста (ночью съ 28 на 29 и частью утромъ 29 числа), усталыя и недовольныя, оставивъ много отсталыхъ. Французы въ общемъ подвинулись весьма мало впередъ по причинѣ указанныхъ проволочекъ, а также частныхъ тревогъ и перемѣнъ направленія, по случаю появленія нѣмецкой конницы и мелкихъ съ нею столкновеній.

Въ лѣвой колоннѣ шелъ 12ый корпусъ, Лебрена; онъ достигъ Стонъ (Stonne) и передовою конницею занялъ Бомонъ, верстъ 10 отъ Стенэ. За нимъ находился 1ый корпусъ, Дюкро.

Обѣ резервныя французскія кавалерійскія дивизіи какъ будто не получили никакихъ приказаній и не умѣли себѣ отыскать мѣстъ и поля дѣйствій. Изъ нихъ 1ая, Маргерита, очутилась теперь на лѣвомъ (внутреннемъ) флангѣ корпуса Фальи, а 2ая по прежнему слонялась между 12мъ и 1мъ корпусами. А между тѣмъ обращенный къ нѣмцамъ правый флангъ французской арміи прикрытъ былъ конницею совершенно недостаточно.

Въ теченіе 28 августа саксонцы продолжали занимать переправы на р. Мезѣ по линіи Денъ—Стенэ. Посланный отъ нихъ отрядъ послѣ неудачной попытки 27 числа произвелъ 28 порчу желѣзной дороги Седанъ—Тіонвиль, у Шованси (Chauvancy).

Остальныя войска обѣихъ нѣмецкихъ армій подвинулись въ общемъ значительно на сѣверъ, причемъ шедшій на правомъ флангѣ, впереди другихъ, гвардейскій корпусъ приблизился уже къ Денъ. Въ маломъ переходѣ позади его шелъ 4ый корпусъ, а лѣвѣе послѣдняго общею линіею наступали корпуса 1ый и 2ой баварскіе и 5ый, за коимъ почти на одной высотѣ подвигались 6ой и 11ый.

[1]) Базенъ, стр. 134—137.

Что касается нѣмецкой конницы, слѣдившей за походомъ французовъ, то она на правомъ флангѣ подалась нѣсколько назадъ противъ 27 числа, очистивъ Нуаръ (саксонцы); за то на выдавшемся далеко впередъ лѣвомъ флангѣ—6ая кавалерійская дивизія прошла уже немного за Вузіеръ, оставленный наканунѣ 7мъ французскимъ корпусомъ. Непосредственно за нею слѣдовала поэшелонно 4ая; а 2ая кавалерійская дивизія, двигаясь на флангѣ 3ей арміи, перешла на прежнее мѣсто 4ой.

Такъ какъ обращенный къ сторонѣ нѣмцевъ флангъ наступавшей французской арміи былъ, какъ выше сказано, совершенно открытъ, то нѣмецкой конницѣ, въ числѣ коей выдвинута была теперь въ первую линію и гвардейская прусская, не трудно было проникнуть въ районъ движенія французовъ; причемъ произошло нѣсколько стычекъ.

Донесенія нѣмецкой конницы отъ 28 августа (вслѣдствіе перемѣнъ въ движеніи въ этотъ день французовъ), были отчасти противорѣчивы. Согласно однимъ—„французы продолжали наступленіе на востокъ", а по другимъ — „начали отходить на западъ". Кажется есть данныя, допускающія предположеніе, что право-фланговая нѣмецкая кавалерійская дивизія, а именно саксонская, не исполнила задачи, которая представлялась ей по ходу дѣла.

Еще наканунѣ, а именно 27 числа, саксонскій корпусъ получилъ свѣдѣніе, что французы находятся уже неподалеку переправы Стенэ, которую приходилось держать нѣмцамъ съ цѣлью не пропустить Макъ-Магона на ту сторону р. Мезы. Для выясненія этого важнаго обстоятельства приказано было саксонской конной дивизіи „идти на Нуаръ" (путь Вузіеръ—Стенэ), который къ вечеру и былъ занятъ частью этой дивизіи. Но къ Стенэ велъ еще другой, болѣе сѣверный путь, черезъ Бомонъ. Казалось, что саксонская дивизія должна была бы обслѣдовать и этотъ путь, да и вообще освѣтить весь районъ подступовъ къ Стенэ съ восточной стороны. Иными словами, саксонской конницѣ надо было отъ Нуара распространиться еще дальше на сѣверъ, передъ фронтъ наступавшихъ французовъ. Если бы это было исполнено, то отъ вниманія саксонцевъ не могло ускользнуть наступленіе къ Стенэ и другой французской колонны, шедшей сѣвернѣе, черезъ Бомонъ. Между тѣмъ вмѣсто распространенія къ сѣверу саксонская конница, въ виду приближенія 7го французскаго корпуса, сама отошла на югъ и упустила противника.

Но какъ бы то ни было, однако добытыя 28 августа нѣмецкою конницею свѣдѣнія констатировали, что занимавшійся прежде французами районъ у Вузіеръ и вообще по р. Энь оставленъ уже

ими и что значительныя силы ихъ находятся въ пути между Вузіеръ и Стенэ. А такъ какъ этотъ послѣдній пунктъ и ближайшая къ нему часть теченія р. Мезы все еще заняты были или наблюдались саксонцами (противъ коихъ французы на р. Мезѣ пока не появлялись), то въ королевской главной квартирѣ заключили, что „французская армія Макъ-Магона находится сѣвернѣе новаго фронта нѣмецкихъ силъ, въ пространствѣ между рѣками Энь и Мезою“ и что „представляется возможность настигнуть ее, не допустивъ до р. Мезы“. Для этого изъ Клермона 28 августа въ 11 часовъ вечера дано было слѣдующее приказаніе:

„Появленіе у Баръ, близъ Бюзанси“ (верстъ 20 отъ Стенэ) „сильной пѣхоты непріятеля показываетъ, что онъ намѣренъ попытаться освободить Мецъ отъ блокады. Можно предположить, что одинъ или два корпуса съ этою цѣлью избрали дорогу Вузіеръ—Бюзанси—Стенэ, между тѣмъ какъ остальная часть арміи идетъ сѣвернѣе, на Бомонъ. Для того, чтобы не вызывать непріятеля на бой, пока не будутъ собраны достаточныя силы, предоставляется усмотрѣнію Его Королевскаго Высочества Кронпринца Саксонскаго пораньше собрать корпуса 12ый и 4ый, предварительно на оборонительной позиціи, примѣрно въ линіи Ляндръ—Энкревиль. Линію Денъ—Стенэ наблюдать откомандированною бригадою. Обоимъ баварскимъ корпусамъ выступить въ 5 часовъ утра. 1ый корпусъ (баварскій), который получаетъ непосредственное приказаніе отсюда, идетъ черезъ Флевиль на Сомерансъ, куда долженъ прибыть въ 10 часовъ“.

„2ой корпусъ (баварскій) двигается черезъ Бинарвиль, Шатель, Корни къ Сенъ-Жювенъ. 5ый корпусъ идетъ черезъ Буконвиль, Моншантенъ, Сенюкъ въ Гранъ-Пре“.

„Дальнѣйшее наступленіе на путь Вузіеръ—Бюзанси—Стенэ главная королевская квартира предоставляетъ себѣ. Неисключается и ближайшее занятіе его арміею Мезы“, (т. е. 4ой) „если послѣдней противостоятъ слабыя силы противника“.

„Остальные два корпуса 3ей арміи должны быть направлены такъ, чтобы они въ случаѣ надобности могли быть притянуты 30 августа для битвы.

„Его Величество отправляется въ 9 часовъ въ Варенъ“[1]).

Такъ какъ дѣйствія 4ой нѣмецкой арміи въ день 29 августа представляютъ особый интересъ, то, чтобы не перебивать потомъ разсказа о нихъ, слѣдуетъ упомянуть здѣсь, что войска 3ей арміи къ вечеру, не смотрѣ на дурную погоду, достигли назначенныхъ

[1]) „Исторія 3-ей арміи“, стр. 121. Помянутыя тутъ названія пишутся. Fleville, Sommerance, Bouconville, Binarville, Chatel, Cornay, St.-Juvin, Monchentin, Senuc.

имъ пунктовъ. Оба баварскіе корпуса только къ ночи прибыли къ Сомерансъ и Корнэ, версты 4—6 одинъ отъ другаго. Лѣвѣе ихъ, у Гранъ-Пре, стоялъ 5ый корпусъ съ виртембергскою дивизіею; еще лѣвѣе—у Монтуа—11ый корпусъ. Корпуса 3ей арміи ночевали такимъ образомъ на одной почти высотѣ, по общему фронту верстъ 20. Только 6ой корпусъ, шедшій на Варенъ (сзади баварцевъ), получилъ на пути приказаніе изъ главной королевской квартиры идти на Винь (Vigne) за 5мъ корпусомъ).

Что касается отдѣльныхъ кавалерійскихъ дивизій, то 2ая продолжала освѣщать мѣстность лѣвѣе зоны наступленія 3ей арміи, а передъ лѣво-фланговымъ корпусомъ, т. е. 11мъ, по неизвѣстной причинѣ очутились одна за другою цѣлыхъ три кавалерійскія дивизіи, а именно: впереди, непосредственно одна за другою, 5ая (у Атиньи) и 6ая (у Вризъ, впереди Вузіеръ),— обѣ дивизіи, отбившіяся уже отъ своей 4ой арміи; за 6ою кавалерійскою дивизіею шла 4ая 3ей арміи, достигшая 29 числа Вузіеръ.

О замѣченномъ этими дивизіями и донесеніяхъ ихъ будетъ сказано ниже. Здѣсь же мимоходомъ можно замѣтить, что не видно, чтобы многочисленная и близко сошедшаяся нѣмецкая конница имѣла на мѣстѣ какое нибудь необходимое „общее начальство". Этимъ быть можетъ и объясняется то, что „сдѣлала" она, собственно, очень немного; однѣ же развѣдки не были трудны при полной почти пассивности конницы французовъ, упрятавшихъ между прочимъ свою конную дивизію Бонемена подальше отъ нѣмцевъ.

Перехожу къ дѣйствіямъ 4ой нѣмецкой арміи въ теченіе 29 августа.

Кронпринцъ Саксонскій, получившій въ теченіе 28 числа ошибочныя донесенія конницы, что „французы отходятъ на западъ", то есть назадъ, приказалъ гвардейской кавалерійской дивизіи освѣтить 29 числа мѣстность черезъ Баръ по общему направленію на Шенъ (это была какъ разъ главная квартира Макъ-Магона 28 числа); за нею должна была слѣдовать саксонская кавалерійская дивизія, а гвардейскій корпусъ къ 7 часамъ утра обязанъ былъ выдвинуть авангардъ къ Ремонвиль (Rémonville). По полученіи же приведеннаго королевскаго повелѣнія кронпринцъ Саксонскій съ своей стороны отдалъ приказаніе „гвардейскому корпусу остановить выдвинутый къ Ремонвиль авангардъ, чтобы принять на себя гвардейскую кавалерію, производящую развѣдку у Баръ; главныя силы корпуса оставить въ готовности у Бантевиль".

„12^му корпусу пораньше перейти Мезу у Денъ и расположиться на позиціи между Клери-ле-Гранъ „(Clery le Grand)“ и Энкревиль; 12ая кавалерійская дивизія подъ покровительствомъ авангарда, выдвинутаго къ Виллеръ-деванъ-Денъ (Villers devant Dun)[1]), освѣщаетъ къ Нуаръ. Такъ какъ р. Мезу между Денъ и Стенэ нужно только наблюдать, то 48^ую бригаду можно оттуда притянуть вверхъ по рѣкѣ; 4^му корпусу предварительно подвинуться на какую либо позицію сѣвернѣе Нантилюа“ (Nantillois). „Начальствующимъ генераламъ собраться завтра въ 8 часовъ утра на высоту сѣвернѣе Энкревиль“ [2]).

Изъ докладовъ командировъ корпусовъ во время означеннаго съѣзда утромъ 29 числа, кромѣ свѣдѣній о движеніи нѣмецкихъ корпусовъ выяснилось: 1) что гвардейская конная дивизія, дѣйствовавшая лѣвѣе саксонской, имѣя передовой отрядъ у Бюзанси (прямой путь Вузіеръ—Стенэ), рано утромъ „не открыла французовъ“ въ ближайшихъ окрестностяхъ этого пункта — у Баръ и Эрикуръ. Она утромъ послала офицерскіе разъѣзды на Соммотъ (путь въ Бомонъ) и Жермонъ (путь на Вузіеръ), донесенія коихъ еще ожидались; и 2) что саксонская кавалерійская дивизія, дѣйствовавшая правѣе гвардейской, ночью „не могла проникнуть далѣе лѣса Діэле“ (Dieulet, южнѣе Бомона) и что ей вновь приказано проникнуть по направленію Нуаръ (путь Вузіеръ—Стенэ).

Тутъ будетъ кстати замѣтить, что два французскіе корпуса, 7ой и 5ый, ночевали всего въ разстояніи верстъ 6—8 отъ Бюзанси, мѣста ночлега передоваго отряда прусской гвардейской конницы, которая наканунѣ днемъ видѣла „большія силы французовъ“ и доносила о нихъ, но засимъ прикосновеніе съ французами видимо было потеряно и утромъ еще не возстановлено.

Кронпринцъ Саксонскій заключилъ изъ выслушанныхъ докладовъ, что на лѣвомъ флангѣ нужно возстановить прикосновеніе съ французамы, потерянное гвардейскою конницею, и выяснить положеніе дѣлъ въ окрестностяхъ Бомонъ, черезъ который вела сѣверная, болѣе кружная дорога изъ Вузіеръ въ Стенэ (черезъ ле-Шенъ). Въ этихъ видахъ обѣимъ помянутымъ кавалерійскимъ дивизіямъ приказано было идти наперерѣзъ пути ле-Шенъ—Стенэ); гвардейской—по общему направленію черезъ Буль-о-Буа и Отъ

[1]) Тутъ очевидно подразумѣвается пѣхотное репли для принятія на себя конницы въ случаѣ надобности.

[2]) „Офиціальная прусская исторія войны“. Нельзя не замѣтить, что согласно этой диспозиціи саксонцы ограничивались только „наблюденіемъ“ части теченія р. Мезы около Стенэ, которую ранѣе того сами „занимали“. Это не было согласно съ полученнымъ изъ главной королевской квартиры указаніемъ, по коему слѣдовало оставить тамъ одну бригаду пѣхоты.

(Boult au bois, Authe), а саксонской черезъ Нуаръ и Ошъ (Oches). Причемъ, должно быть въ предвидѣніи, что саксонская конница можетъ быть задержана въ пути, приказано гвардейской конницѣ развѣдать и вправо, къ сторонѣ Бомона, хотя послѣдній лежалъ въ прямомъ направленіи, данномъ саксонской конницѣ (на Нуаръ).

Наконецъ кронпринцъ счелъ нужнымъ придвинуть пѣхоту къ кратчайшему пути, по коему французы могли идти на Стенэ отъ Вузіеръ, и съ этою цѣлью приказалъ гвардейскому корпусу занять Бюзанси и Теноргъ (Thénorgues), а саксонскому Нуаръ (верстъ семь восточнѣе Бюзанси).

Что касается 4го корпуса, то ему приказано подойти къ Ремонвиль—Біонвиль, верстъ 7—10 позади расположенія обоихъ передовыхъ корпусовъ. Въ этомъ видѣ армія кронпринца Саксонскаго группировалась для взаимной поддержки, проникая своею конницею верстъ на 15 впередъ за новое расположеніе 4ой арміи.

Отдавая эти приказанія, кронпринцъ „настоятельно" пояснилъ, что „всѣ указанныя движенія имѣютъ только цѣлью разъяснить положеніе дѣлъ" и что настоящая аттака (наступленіе) предполагается главнымъ начальствомъ нѣмецкихъ силъ „только на слѣдующій день".

Оговорка эта сдѣлана, видимо такъ сказать, для очищенія совѣсти, такъ какъ командиръ 4ой нѣмецкой арміи не могъ не чувствовать, что онъ немедленнымъ, до выясненія обстоятельстъ, движеніемъ двухъ корпусовъ на путь Бюзанси—Стенэ нарушаетъ данныя ему свыше указанія. Дѣйствительно, движеніе на путь Бюзанси—Стенэ рекомендовалось тогда только, „когда 4ой арміи противостоятъ слабыя силы непріятеля". Пока же извѣстно было только, съ одной стороны, что кавалерія 4ой арміи „не успѣла еще въ тотъ день освѣтить даже ближайшей окрестности" сѣвернѣе помянутаго пути, а съ другой, — что „наканунѣ не въ дальнемъ разстояніи замѣчены большія силы непріятеля". Не было слѣдовательно никакихъ данныхъ, чтобы французы противъ 4ой арміи имѣли „силы слабыя".

Вечеромъ 28 августа въ главной квартирѣ французской арміи, Стонъ, получено извѣстіе будто Стенэ занято 15 тысячнымъ саксонскимъ отрядомъ, между тѣмъ какъ въ сущности пунктъ этотъ еще съ утра покинутъ былъ саксонцами, которые оставили въ окрестности его всего два эскадрона.

Такъ какъ французы не имѣли понтоннаго парка, и притомъ нѣмцы появились уже на кратчайшей дорогѣ Вузіеръ—Стенэ, то Макъ-Магонъ, въ отмѣну прежнихъ распоряженій, по которымъ армія его 29 числа двигалась къ Стенэ, рѣшилъ повернуть болѣе

къ сѣверу и переправиться черезъ р. Мезу ниже Стенэ, у Музона и у Ремильи[1]).

Лѣвая колонна арміи Макъ-Магона (корпуса 12ый и 1ый) исполнили указанныя имъ на 29 число передвиженія, причемъ бывшій въ первомъ эшелонѣ 12ый корпусъ перешелъ у Музона на ту сторону рѣки Мезы, имѣя впереди себя, по пути на Стенэ, кавалерійскую дивизію Маргерита. 1ый корпусъ, задержанный на пути перепутавшимися обозами, достигъ 29 числа Рокуръ, недоходя верстъ 8 до переправы. Кавалерійская дивизія Бонемэна продолжала слоняться между обоими этими корпусами.

Но между тѣмъ правая колонна французской арміи, корпуса 5ый и 7ой, не достигла 29 числа пунктовъ указанныхъ ей Макъ-Магономъ. Задній въ колоннѣ 7ой корпусъ, Дуэ, провожаемый нѣмецкою конницею и сбиваемый ложными свѣдѣніями о непосредственной близости непріятеля, потерялъ понапрасну время и дошелъ въ тотъ же день (29 августа) только до Ошъ, недоходя верстъ 8—10 до назначеннаго ему ночлега у Безасъ (по направленію на Музонъ). Что же касается 5го корпуса, то везшій къ Фальи приказаніе (объ отмѣнѣ движенія къ Стенэ) офицеръ генеральнаго штаба былъ перехваченъ нѣмецкою гвардейскою конницею, почему Фальи, исполняя предыдущія приказанія, двинулся двумя колоннами къ Бофоръ и Боклеръ (Beaufort, Beauclair, оба близъ р. Мезы по пути въ Стенэ), гдѣ долженъ былъ ожидать приказаній для аттаки Стенэ. Во время этого движенія войска Фальи столкнулись съ саксонскимъ авангардомъ у Нуаръ.

Во главѣ правой колонны корпуса Фальи, состоявшей изъ дивизіи Лепара, шла конная дивизія Брао (Brahaut) съ конною батареею, направляясь черезъ Шампи (Champy) на Боклеръ.

Около полудня два передовые полка дивизіи Брао достигли окрестностей Нуаръ, гдѣ наткнулись на авангардъ саксонскаго корпуса, состоявшій изъ 46ой пѣхотной бригады и 4 эскадроновъ при 12 орудіяхъ.

Генералъ Фальи, въ виду появленія нѣмцевъ, преграждавшихъ ему путь непосредственнымъ фланкированіемъ, пріостановилъ дальнѣйшее движеніе къ Боклеръ и поставилъ дивизію Лепара на позицію лицомъ къ югу, на Нуаръ.

Командиръ саксонскаго корпуса, принцъ Георгъ Саксонскій, имѣя въ виду раскрыть силы непріятеля, двинулъ одинъ полкъ на позицію французовъ. Завязалось дѣло, во время коего саксонцы убѣдились, что имѣютъ противъ себя значительный отрядъ непріятеля.

[1]) Насколько можно понять, предполагалось головные въ обѣихъ колоннахъ корпуса, а именно: 12 и 5, переправить у Музонъ, а задніе, 7 и 1—у Ремильи.

Между тѣмъ принцъ Георгъ получилъ съ праваго своего фланга свѣдѣніе о появленіи большихъ силъ французовъ въ окрестности Боклеръ. Частью по этой причинѣ, частью же, не считая нужнымъ продолжать аттаку, цѣль коей—раскрытіе силъ противника—принцъ считалъ достигнутою, онъ въ четвертомъ часу приказалъ отвести аттаковавшій полкъ; хотя въ то время уже близко подошли и остальныя части корпуса.

Стычка у Нуаръ стоила саксонцамъ до 370 человѣкъ потери. Выказанныя силы французовъ опредѣлены саксонцами—не менѣе дивизіи пѣхоты, пять батарей орудійныхъ, 1—2 картечныхъ и два кавалерійскихъ полка [1]).

Окрестности Боклеръ и Бофоръ (нѣсколько сѣвернѣе Боклера) оказались впрочемъ совершенно свободными отъ французовъ. Офиціальная исторія войны предполагаетъ, что въ Бофорѣ могли быть головныя части лѣвой колонны Фальи, оставившія потомъ это мѣсто по причинѣ новыхъ приказаній.

Дѣйствительно Фальи получилъ, между тѣмъ, повтореніе приказаній Макъ-Магона; почему онъ, оставивъ противъ Нуаръ сильный аріергардъ, направился къ Бомону, назначенному ему по приказанію маршала ночлежнымъ пунктомъ, и достигъ его въ теченіе ночи. Аріергардъ корпуса Фальи, оставшійся у Нуара, снялся съ позиціи въ 8 часовъ вечера, но по причинѣ темноты и неудобной дороги расположился у Бомона только въ четыре часа утра, пройдя десять верстъ въ теченіе восьми часовъ.

Обращаюсь къ прусскому гвардейскому корпусу принца Виртембергскаго.

Корпусъ этотъ около полудня достигъ назначенныхъ ему на 29 число пунктовъ, Бюзанси и Эрикуръ; авангардъ 1ой пѣхотной дивизіи, при коей были главныя силы одной гвардейской конной бригады, занялъ Баръ впереди Бюзанси.

Еще во время передвиженія главныхъ силъ гвардейской пѣхоты былъ раскрытъ конницею у Буль-о-Буа лагерь 7го французскаго корпуса, Дуэ, (бывшій въ правой колоннѣ, позади корпуса Фальи). Корпусъ Дуэ началъ свое передвиженіе, дефилируя флангомъ въ полумилѣ отъ авангарда прусской гвардіи. Въ то самое время (во второмъ часу дня) послышалась канонада со стороны Нуаръ.

Командиръ прусскаго гвардейскаго корпуса не зналъ на что ему теперь рѣшиться, наступать ли на проходившую мимо французскую колонну, или же поспѣшить на помощь своимъ, завязавшимъ уже дѣло съ непріятелемъ (судя по канонадѣ со стороны

[1]) „Оффиціальная прусская исторія", т. 1 стр., 1028 и прибавленіе № 30.

Нуаръ). Для рѣшенія недоумѣній своихъ принцъ Виртембергскій послалъ за приказаніемъ къ находящемуся недалеко кронпринцу Саксонскому, который отвѣчалъ: „сегодня дѣло идетъ только о томъ, чтобы удержаться у Баръ и Бюзанси; задача же кавалеріи — не потерять прикосновенія съ непріятелемъ, если послѣдній будетъ отходить. Кромѣ того, не имѣется въ виду, чтобы гвардейскій корпусъ принялъ участіе въ бою у Нуаръ, пока сраженіе не приметъ бо́льшихъ размѣровъ".

На основаніи этого указанія гвардейскій корпусъ не вышелъ изъ своего наблюдательнаго положенія, и дѣло въ тотъ день ограничилось поименованною уже стычкою саксонцевъ у Нуаръ.

Обращаясь къ оцѣнкѣ дѣйствій въ день 29 августа, приходится констатировать, что передовыя войска арміи кронпринца Саксонскаго пришли въ близкое соприкосновеніе съ двумя французскими корпусами и даже частью въ боевое столкновеніе, въ то время когда остальныя нѣмецкія силы были далеко, и въ тотъ день въ достаточномъ числѣ не могли еще поспѣть на выручку. Между тѣмъ преждевременное столкновеніе съ „сильнымъ противникомъ" вовсе не входило въ расчеты главной королевской квартиры. Правда, что королевское приказаніе на 29 число „предоставляло усмотрѣнію" кронпринца Саксонскаго собрать армію на оборонительной позиціи Ляндръ—Энкревиль или же двинуться впередъ на перерѣзъ пути Вузіеръ—Бюзанси—Стенэ, „если противъ кронпринца окажутся только слабыя силы непріятеля". Но относительно послѣдняго обстоятельства командиръ 4ой арміи не былъ достаточно оріентированъ не только въ теченіе 28 числа, но и утромъ 29 послѣ доклада командировъ корпусовъ. Хотя затѣмъ кронпринцъ и отдалъ приказаніе для обширныхъ развѣдокъ двумя конными дивизіями: саксонской и прусской гвардейской, но онъ предупредилъ исходъ этихъ развѣдокъ, двинувъ два корпуса немедленно утромъ прямо на упомянутый путь Вузіеръ—Бюзанси—Стенэ. При этомъ оказалось на дѣлѣ, что указанные корпусамъ этимъ пункты Нуаръ, Бюзанси и Тепоржъ отстояли всего версты 3—6 отъ почлежныхъ мѣстъ двухъ французскихъ корпусовъ.

Правда, что кронпринцъ, отдавая свои приказанія, дѣйствительно подчеркнулъ, что „все наступленіе имѣетъ только характеръ развѣдки"; но это не измѣняло сути самаго дѣла. Командиръ 4ой нѣмецкой арміи могъ называть свое движеніе какъ ему было угодно, но по существу оно было простымъ „наступленіемъ" при

полной возможности наткнуться на неизвѣстныя силы противника, быть можетъ и превосходныя. Результатъ, котораго по точному смыслу указаній свыше слѣдовало „избѣжать непремѣнно".

Очевидно, что по мысли полученнаго кронпринцемъ приказанія наступленіе допускалось только въ случаѣ, если будетъ убѣжденіе, что противостоящія силы французовъ окажутся слабыми. Поэтому прежде всего слѣдовало ожидать результатовъ общей независимой кавалерійской развѣдки и отнюдь не соединять и не смѣшивать наступленіе всей арміи съ этою развѣдкою. Иными словами — 4ая армія 29 числа тогда только могла двинуться на путь Нуаръ—Бюзанси, когда бы получилась „полная увѣренность, что поблизости нѣтъ значительныхъ силъ непріятеля". На дѣлѣ же 4ая армія движеніемъ своимъ рисковала наткнуться на цѣлыхъ два видимыхъ французскихъ корпуса, за которыми (по чемъ знать) могли оказаться и остальные.

Болѣе крупное столкновеніе 4ой арміи съ французами въ день 29 августа во всякомъ случаѣ было бы вредно для нѣмцевъ по слѣдующимъ причинамъ: во первыхъ, позволительно предположить, что войска кронпринца въ день 29 августа могли испытать частную неудачу, не смотря на общее превосходство нѣмецкихъ силъ, наступавшихъ на армію Макъ-Магона. Результатъ во всякомъ случаѣ для нѣмцевъ весьма нежелательный. Между тѣмъ и принцъ Гогенлоэ признаетъ полную возможность частной побѣды французовъ надъ гвардейскимъ и саксонскимъ корпусами въ день 29 августа [1]). Съ другой стороны, побѣда кронпринца надъ частью французской арміи (если даже допустить таковую) навѣрно имѣла бы послѣдствіемъ возможное еще въ то время спасеніе бо́льшей части войскъ Макъ-Магона, посредствомъ поспѣшнаго отступленія, такъ какъ войска 3ей арміи значительно тогда отстали и не могли отрѣзать путь отступленія французовъ.

Существуетъ, правда, поговорка или афоризмъ, что „побѣда всегда на что нибудь да годится"; приписывается она чуть ли не самому Наполеону I; но на дѣлѣ годятся только тѣ побѣды, которыя одержаны въ сраженіи „стратегически осмысленномъ". Чтобы не искать примѣровъ далеко, припомнимъ предыдущую главу этого сочиненія, въ которой достаточно, кажется, доказано, что Нуассевильская побѣда нѣмцевъ послужила имъ же во вредъ, отдаливъ срокъ погибели арміи Базена почти на цѣлыхъ два мѣсяца.

Въ разбираемомъ случаѣ общій смыслъ маневра двухъ нѣмецкихъ армій, дѣйствовавшихъ въ описываемое время противъ

[1]) Гогенлоэ. „Стратегическія письма", т. 2. стр. 268.

арміи Макъ-Магона, былъ тотъ, чтобы (независимо недопущенія французовъ къ Мецу) воспользоваться фланговымъ движеніемъ непріятеля вдоль сѣверной границы Франціи, съ цѣлью аттаковать его превосходными силами и потѣснить за нейтральную границу, гдѣ французы должны бы были положить оружіе. Но для исполненія этого непремѣнно нужно было, пока, повременить наступленіемъ: ибо войска 3ей арміи все еще слѣдовали уступомъ позади 4ой, такъ что 29 августа нельзя было расчитывать на поддержку хотя бы части ея.

Однимъ словомъ, Макъ-Магонъ, двигаясь флангомъ вдоль границы, дѣлалъ при данной обстановкѣ крупную ошибку, и нѣмцамъ не слѣдовало мѣшать ему въ этомъ пока съ ихъ стороны не подойдутъ достаточныя силы для вѣрнаго, полнаго разгрома французской арміи. Такъ дѣло это, повидимому, понимало главное нѣмецкое начальство: въ этомъ смыслѣ и даны были имъ приказанія на 29 августа.

Еслибы 4ая армія, подчиняясь настоящему смыслу королевскихъ приказаній, простояла 29 числа на указанной ей позиціи Ляндръ—Энкревиль, то съ нею уже къ ночи съ 29 на 30 подравнялась бы первая линія трехъ наступавшихъ корпусовъ 3ей арміи, между тѣмъ какъ оба баварскіе подходили сзади для непосредственной поддержки 4ой нѣмецкой арміи. Съ этой общей линіи Монтуа (11ый корпусъ)—Гранъ-Пре (5ый корпусъ и виртембергская дивизія) и Ляндръ—Энкревиль (войска кронпринца Саксонскаго, за коими находились еще оба баварскіе и 6ой корпусъ) нѣмцы могли 30 числа наступать уже связнымъ фронтомъ съ сильною поддержкою въ глубину.

При такомъ положеніи дѣлъ, если бы французы 29 числа продолжали свое движеніе на востокъ (какъ и было въ дѣйствительности), то они въ то время, какъ сказано, только увеличивали свою ошибку, и нѣмцамъ никакъ не приходилось преждевременнымъ напоромъ наводить французовъ на сознаніе своего промаха. Наконецъ, если бы французы, опомнившись, сами начали отступленіе 29 числа, то попытаться предупредить ихъ, то есть отрѣзать отъ Парижа, можно было развѣ только лѣвофланговыми войсками общей нѣмецкой линіи, т. е. войсками 3ей арміи, а никакъ не 4ой, бывшей на правомъ флангѣ,—а потому послѣдней ни въ какомъ случаѣ 29 августа торопиться впередъ не приходилось.

Достойно вниманія еще одно обстоятельство, а именно, что принцъ Виртембергскій, имѣвшій передъ собою проходившія войска французовъ и слыша справа канонаду у Нуаръ, послалъ за приказаніями къ кронпринцу Саксонскому, находившемуся невда-

лекѣ, и получилъ вполнѣ раціональный отвѣтъ „воздержаться отъ всякихъ дѣйствій", но уже поясненіе къ этому приказанію,—что гвардейскому корпусу „нужно только удержаться у Баръ и Бюзанси", не принимая участія въ дѣлѣ у Нуаръ, пока послѣднее не приметъ „болѣе обширныхъ размѣровъ",—показываетъ, что въ случаѣ наступленія французовъ непремѣнно разыгралось бы 29 числа крупное дѣло, избѣжать котораго было въ интересѣ нѣмцевъ.

Къ такому исходу, не вознаграждаемому никакими иными выгодами, вело наступленіе 4ой арміи 29 числа, стратегически неоправданное и затѣянное въ разрѣзъ съ полученными приказаніями. Поэтому дѣйствительныхъ причинъ помянутой операціи 4ой арміи приходится искать развѣ въ желаніи поскорѣе помѣриться съ врагомъ, весьма конечно похвальномъ въ иныхъ случаяхъ; въ настоящемъ же, какъ сказано, оно не только шло въ разрѣзъ съ полученными приказаніями, но нарушило самые существенные интересы стратегическаго въ данное время положенія нѣмцевъ.

Впрочемъ, какъ бы то ни было, но надо признать, что дальнѣйшими распоряженіями въ 4ой арміи въ теченіе 29 августа нѣмецкіе начальники старались уменьшить рискъ, происшедшій отъ основной ошибки преждевременнаго наступленія на линію Нуаръ—Бюзанси, а именно:

Командиръ саксонскаго корпуса вóвремя еще прекратилъ дѣло у Нуаръ.

Принцъ Виртембергскій, командиръ гвардейскаго корпуса, устоялъ противъ искушенія и не пошелъ на проходившую французскую колонну корпуса Дуэ. Самъ же командиръ арміи, насколько теперь еще отъ него зависѣло, старался ограничить размѣръ столкновенія. Въ этомъ помогла ему обычная пассивность французовъ, которые, какъ будто прокрадываясь къ Мецу, и не помышляли о томъ, чтобы проложить себѣ путь боемъ и побѣдою[1]).

Послѣ всего сказаннаго (и смѣю думать доказаннаго) весьма интересно привести мнѣніе оффиціальной прусской исторіи войны. Она, приводя приказанія кронпринца Саксонскаго, данныя утромъ 29 числа, какъ и вседа остается вѣрною своему принципу поощрять всякое проявленіе частной самостоятельности и энергіи, хотя бы и мало оправдываемое.

Вотъ что говорится въ помянутой исторіи о рѣшеніяхъ и распоряженіяхъ кронпринца Саксонскаго послѣ того какъ онъ утромъ 29 августа выслушалъ личный докладъ командировъ корпусовъ:

[1]) Тутъ конечно говорится объ общемъ настроеніи французскаго начальства, а не о спеціальной только обстановкѣ 29 августа.

*

„Кронпринцъ Саксонскій заключилъ изъ выслушанныхъ донесеній, что дѣло идетъ главнымъ образомъ о томъ, чтобы возобновить ослабленное прикосновеніе лѣваго фланга[1]) съ непріятелемъ, а главнымъ образомъ разъяснить положеніе у Бомона. Нужное для этого, конечно, наступленіе арміи Мезы" (т. е. 4ой арміи) „до дороги Бюзанси—Стенэ согласовалось съ видами главнаго начальства потому, что при данной обстановкѣ не предстояло опасности движеніемъ этимъ ввязаться въ преждевременное сраженіе"[2]).

Присутствіе двухъ французскихъ корпусовъ на виду нѣмецкихъ и столкновеніе у Нуаръ составляютъ весьма интересную иллюстрацію этой неудачной защиты. Армія кронпринца Саксонскаго 29 августа не только могла ввязаться въ преждевременное сраженіе (въ противность завѣренію прусской исторіи), но даже въ дѣйствительности въ него ввязалась у Нуаръ. Разъ дѣло тамъ началось, то прекращеніе его зависѣло не отъ однихъ только нѣмцевъ, но и отъ французовъ. Мы видѣли, что 29 числа шесть французскихъ пѣхотныхъ дивизій (корпуса Фальи и Дуэ), очутились прямо предъ фронтомъ и въ виду нѣмцевъ, и хотя до столкновенія дошло только у Нуаръ, но изъ приказаній, данныхъ кронпринцемъ Саксонскимъ принцу Виртембергскому, „удерживаться въ Баръ и Бюзанси и идти къ Нуаръ на выручку саксонцамъ, если тамъ разыграется болѣе крупное дѣло", видно, что въ случаѣ наступленія французовъ два нѣмецкіе корпуса неминуемо ввязались бы въ дѣло, любой исходъ коего, какъ доказано уже выше, былъ одинаково нежелателенъ для нѣмцевъ, а потому эта „quand même" защита со стороны оффиціальной прусской исторіи (какъ уже разъ замѣчено по поводу мнѣнія ея о дѣйствіяхъ генераловъ Штейнмеца и Камеке, приведшихъ къ преждевременному сраженію при Шпихернъ — Форбахъ) доказываетъ только, что высшее нѣмецкое начальство увѣрено, что „въ огромномъ большинствѣ случаевъ самостоятельный смѣлый починъ со стороны частныхъ начальниковъ приноситъ несомнѣнную пользу" и поэтому оно готово „помириться и съ менѣе раціональными ихъ проявленіями".

Не лишне добавить, что какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ настоящая причина неудачныхъ распоряженій была неполная развѣдка конницы, въ особенности саксонской, уклонившейся передъ французами къ югу, вмѣсто того, чтобы оставаться передъ фронтомъ ихъ наступленія.

---

[1]) Лѣваго фланга собственно 4-ой арміи.
[2]) „Прусская оффиціальная исторія войны", т. I, стр. 1016.

V.

Канунъ сраженія и сраженіе при Бомонѣ 30 августа.

Виды и распоряженія нѣмецкихъ начальниковъ на 30 августа. — Виды и распоряженія французскихъ начальниковъ на 30 августа. — Нечаянное нападеніе нѣмцевъ на французовъ и Бомонское сраженіе. — Взглядъ на дѣйствія нѣмецкихъ начальниковъ. — Взглядъ на дѣйствія французскихъ начальниковъ. — Невыгоды отсутствія постоянной конницы при пѣхотныхъ дивизіяхъ.

(Чертежъ 12).

Для распоряженій своихъ на 30 августа главная прусская королевская квартира, переѣхавшая 29 августа въ Гранъ-Пре, имѣла въ виду весьма цѣнный документъ, а именно бумагу, найденную у схваченнаго 29 числа офицера французскаго генеральнаго штаба, изъ коей видно было въ какихъ пунктахъ ночевали всѣ четыре французскихъ корпуса въ ночь съ 28 на 29 и до какихъ пунктовъ корпуса 5ый и 7ой должны были дойти 29 числа [1]).

Далѣе имѣлись донесенія двухъ штабъ-офицеровъ генеральнаго штаба, изъ коихъ одинъ ѣздилъ изъ главной королевской квартиры въ Нуаръ, въ 12ый корпусъ, а другой на рекогносцировку по направленію на Бюзанси и далѣе на сѣверъ. Штабъ-офицеры эти вернулись въ главную королевскую квартиру въ 8 и 9 часовъ вечера и донесли: одинъ (еще раньше письменно), что „Буа-де-Дамъ, Шампи и Боклеръ заняты“ (надо подразумѣвать французами). Это сообщеніе онъ дополнилъ изустнымъ свѣдѣніемъ, что „присутствіе двухъ французскихъ корпусовъ у Сенъ-Піеремонъ, Буа-де-Дамъ—вѣроятно и что у Бомона находятся непріятельскіе отряды; другой штабъ-офицеръ тоже замѣтилъ непріятельскія войска у Сенъ-Піеремонъ.

Въ то время, вечеромъ 29 числа, въ дѣйствительности нѣсколько сѣвернѣе Сенъ-Піеремонъ, стоялъ 7ой французскій корпусъ, Дуэ а у Бомона 5ый. Фальи, оставившій всего одну бригаду въ Буа-де-Дамъ, которая ночью на 30 оставила это расположеніе, отправляясь къ своему корпусу.

Донесенія кавалерійскихъ дивизій за дальностью разстояній поступали въ главную королевскую квартиру очень скудно и по-

---

[1]) „Оффиціальная прусская исторія“, т. 1, стр. 1033, и „Исторія 3-ей арміи“, стр. 125.

здно: нѣкоторыя только ночью или въ теченіе слѣдующаго дня. Пока же, 29 числа къ 4½ часамъ пополудни, получено донесеніе 6ой кавалерійской дивизіи, что „она заняла Вонкъ“ (Voncq, по дорогѣ Ретель—Ле-Шенъ и далѣе черезъ Стонъ въ Стенэ или Музонъ) „въ тылу французской арміи“; что массы послѣдней съ большими обозами „виднѣются у Ле-Шенъ“ и что „французы занимаютъ еще Буль-о-Буа — Беленвиль и Катръ-Шанъ“. Изъ этого видно, что 6ая кавалерійская дивизія очутилась теперь уже въ тылу обѣихъ французскихъ колоннъ и раскрыла войска заднихъ ихъ эшелоновъ, а именно: корпуса 1ый и 7ой, которые, впрочемъ, съ того времени (донесенія были съ утра) до вечера ушли уже впередъ, направляясь къ р. Мезѣ.

„Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній“ (говоритъ прусская исторія) „въ королевской главной квартирѣ приняли за достовѣрное, что Шалонская французская армія подвигается въ сѣверо-восточномъ направленіи. А такъ какъ казалось, что французы стояли въ то время главными силами между Ле-Шенъ и Бомонъ, а сильные аріергарды ихъ—еще болѣе къ югу, то король Вильгельмъ рѣшилъ на слѣдующій день обѣими арміями произвести наступленіе на означенную линію, для того, чтобы аттаковать противника раньше чѣмъ онъ достигнетъ р. Мезы“ [1]).

Въ этихъ видахъ въ 11 часовъ вечера 29 августа отдано было слѣдующее приказаніе [2]):

„Всѣ полученныя сегодня свѣдѣнія согласуются въ томъ, что непріятельская армія главными силами будетъ находиться завтра до полудня между Ле-Шенъ и Бомонъ или эвентуально южнѣе этой линіи. Его Величество Король приказываетъ аттаковать непріятеля“.

„Правѣе наступаетъ армія Его Королевскаго Высочества Кронпринца Саксонскаго, въ 10 часовъ, черезъ линію Боклеръ—Фоссе; въ ея распоряженіи пути восточнѣе большой дороги Бюзанси — Бомонъ“.

„Гвардейскій корпусъ, который первоначально долженъ быть въ резервѣ, обязанъ очистить эту дорогу къ 8 часамъ утра“.

„3я армія, поднявшись пораньше, направляется правымъ своимъ флангомъ черезъ Бюзанси и Бомонъ и готовится двумя корпусами поддержать аттаку Его Королевскаго Высочества Кронпринца Саксонскаго, между тѣмъ какъ другимъ корпусамъ надо дать направленіе болѣе къ Ле-Шенъ“.

---

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны“, т. 1, стр. 1032.
[2]) „Исторія 3-й арміи“, стр. 129.

„Одинъ баталіонъ 3ей арміи занимаетъ Гранъ-Пре (главная королевская квартира)“.

„Его Величество въ 10 часовъ направится отсюда къ Бюзанси“.

(подписалъ) „Мольтке“.

Изъ приведеннаго выше видно, что нѣмецкое главное начальство не приняло въ расчетъ, во первыхъ, возможности нахожденія значительной части арміи французовъ „сѣвернѣе“ линіи Ле-Шенъ—Бомонъ, во вторыхъ — возможности передвиженій въ теченіе 29 числа (такъ какъ полученныя свѣдѣнія были утреннія), и, наконецъ,—возможности движенія французовъ съ утра 30 числа [1]). Чтобы разъяснить эти кажущіяся несообразности, остается предположить, что нѣмцы были увѣрены, что французамъ насталъ послѣдній срокъ опомниться и прекратить дальнѣйшее движеніе къ востоку. По этой причинѣ въ распоряженіяхъ нѣмцевъ на 30 августа видно уже больше заботливости о томъ, чтобы пресѣчь французамъ отступленіе назадъ (посредствомъ движенія лѣваго фланга 3ей арміи къ Ле-Шенъ), чѣмъ о прегражденіи имъ путей къ Мецу. Это совершенно понятно, такъ какъ при непосредственной близости пяти право-фланговыхъ, густо сгруппированныхъ корпусовъ нѣмцевъ (4ая армія и баварцы), Макъ-Магонъ пересталъ уже быть опасенъ для блокадной нѣмецкой арміи у Меца.

Перейдемъ къ видамъ и распоряженіямъ начальствъ 3ей и 4ой армій, начиная съ послѣдней.

Ничѣмъ не оправданное наступленіе 4ой нѣмецкой арміи 29 августа, произведенное вопреки приказаній свыше, не только не разъяснило, но на первыхъ порахъ скорѣе затемнило настоящее положеніе дѣлъ. Бой при Нуаръ не былъ нѣмцами доведенъ до конца и слѣдовательно самъ по себѣ не могъ раскрыть силъ французовъ. Въ дѣйствительности саксонцы у Нуаръ имѣли дѣло только съ частью 5го французскаго корпуса, Фальи, которая до ночи продолжала занимать окрестность сѣвернѣе Нуаръ. Силы этихъ войскъ опредѣлялись нѣмцами преувеличенно потому, что конница на этой части театра дѣйствій недостаточно прежде прослѣдила движенія французовъ, а проникнуть теперъ къ сѣверу отъ Нуаръ уже не могла, или не успѣла.

Однако оставленные въ окрестности Стенэ для наблюденія линіи р. Мезы кавалерійскія части 4ой нѣмецкой арміи вывели свое начальство изъ затрудненія: онѣ донесли, что Бомонъ занятъ

[1]) Изъ перехваченнаго французскаго приказанія (о чемъ упомянуто выше) извѣстны были ночлежные пункты всѣхъ корпусовъ съ 28 на 29 и цѣли, указанныя 7-му и 5-му корпусамъ на 29 августа.

французами, что часть арміи послѣднихъ перешла уже рѣку и выдвинула войска до Иноръ (Inor, на правомъ берегу р. Мезы, между Стенэ и Музонъ). Это были части кавалерійской дивизіи Маргерита.

Начальство 4ой нѣмецкой арміи вывело въ общемъ заключеніе, что французы намѣрены на другой день собрать всю свою армію на правомъ берегу р. Мезы, но что при быстромъ наступленіи удастся захватить часть французской арміи еще на лѣвомъ берегу рѣки. Далѣе, въ теченіе ночи съ 30 на 31 число замѣчено саксонскими аванпостами, что французы очищаютъ свои позиціи сѣвернѣе Нуаръ, и когда вслѣдъ за тѣмъ получено было свѣдѣніе, что Стенэ еще занято саксонскимъ баталіономъ [1]) и что лѣсъ Діэле, лежащій сѣвернѣе Нуаръ, свободенъ, то для начальства 4ой нѣмецкой арміи стало уже совершенно ясно, что французы отошли на сѣверъ. Хотя затѣмъ не имѣлось еще свѣдѣній, что́ сдѣлалось съ французскимъ корпусомъ, бывшимъ у Ошъ (7ый корпусъ, Дуэ), но во всякомъ случаѣ казалось вѣроятнымъ, что французы на первыхъ порахъ захотятъ удержаться у Бомона для того, чтобы прикрыть переправу своихъ войскъ черезъ р. Мезу. Эту именно часть войска кронпринцъ Саксонскій рѣшилъ настигнуть и разбить.

Такимъ образомъ общія предположенія начальства 4ой нѣмецкой арміи для движеній 30 числа по существу согласовались съ поступившими ночью (приведенными выше) королевскими приказаніями. Во исполненіе послѣднихъ предписано было саксонскому и 4му корпусамъ двинуться на Бомонъ четырмя колоннами (по дивизіямъ): саксонцамъ правѣе 4го корпуса, а гвардейскому—стянуться пока въ Нуаръ, очистивъ еще до 8 часовъ утра дорогу Бюзанси—Бомонъ, предназначенную для войскъ 3ей арміи.

Въ лѣсистой мѣстности, черезъ которую приходилось наступать къ Бомону, невозможна была связь между колоннами во время самаго движенія, почему приказано было, чтобы колонны, достигшія выходовъ изъ лѣса, „открыли дѣйствіе только артиллеріею и не наступали далѣе по одиночкѣ противъ превосходныхъ силъ непріятеля, но выжидали дебушированія другихъ для одновременнаго затѣмъ наступленія“, при которомъ имѣлось въ виду и фланговое содѣйствіе войскъ 3ей арміи [2]).

Таковы были распоряженія по 4ой нѣмецкой арміи.

[1]) Свѣдѣнія о составѣ саксонскихъ войскъ, оставшихся у Стенэ 29 августа, нѣсколько сбивчивы: разъ говорится только о кавалеріи, то вдругъ является баталіонъ. Вѣроятно въ теченіе дня происходили тамъ нѣкоторыя перемѣны.

[2]) „Оффиціальная прусская исторія“ т. 1, стр. 1034—1036.

Въ помянутомъ выше королевскомъ приказаніи на 30 число, 3ей арміи, въ виду общаго наступленія и, эвентуально, аттаки на линію Ле-Шенъ—Бомонъ, указаны двѣ цѣли: во первыхъ—„поддержка 4ой арміи двумя корпусами къ Бомону“ и во вторыхъ — „направленіе на Ле-Шенъ“. Разстояніе между крайними пунктами, указанными такимъ образомъ 3ей арміи (Ле-Шенъ и Бомонъ), было верстъ 25. Для исполненія имѣлось въ распоряженіи 5½ корпусовъ. Изъ нихъ оба баварскіе направлены на Бомонъ, а два съ половиною корпуса (6ой и 11ый и виртембергская дивизія) на Ле-Шенъ [1]). Остальной корпусъ 3ей арміи, а именно 5ый, направленъ былъ первоначально на Шіерсмонъ (семь верстъ отъ Стонъ), который лежитъ на дорогѣ Ле-Шенъ—Бомонъ, верстъ 15 отъ перваго и верстъ 10 отъ послѣдняго, „откуда по обстоятельствамъ“ (предписано было ему) „принять участіе въ бою“.

Изъ четырехъ кавалерійскихъ дивизій, бывшихъ тогда въ распоряженіи 3ей арміи, двѣ (5ая и 6ая) направлены были западнѣе Ле-Шенъ верстъ (8—10), какъ будто во флангъ предполагаемой общей непріятельской линіи (Ле-Шенъ—Бюзанси); 2ая дивизія двинута за виртембергцами а 4ая—за баварцами.

Въ ночь съ 29 на 30 августа армія Макъ-Магона, какъ уже сказано, занимала слѣдующее расположеніе: лѣвая колонна первымъ эшелономъ (12ый корпусъ, Лебрена) перешла уже р. Мезу у Музона, выдвинувъ впередъ кавалерійскую дивизію Маргерита; второй эшелонъ этой колонны (1ый корпусъ Дюкро) готовился къ переправѣ у Ремильи (сѣвернѣе и пониже Музона). Что же касается правой колонны, то заднему эшелону ея (корпусу Дуэ), ночевавшему у Ошъ, приказано было идти за 1мъ корпусомъ, къ переправѣ у Ремильи, а первому эшелону (корпусу Фальи), собравшемуся частью ночью, частью же къ утру 30 августа у Бомона, перейти р. Мезу у Музона.

Самъ маршалъ Макъ-Магонъ, безпокоясь за корпуса правой своей колонны и не зная какія силы нѣмцевъ успѣли уже приблизиться, прибылъ около 6 часовъ утра 30 числа къ Бомону. Тутъ маршалъ между прочимъ обратился къ Фальи со словами:

„Я писалъ, чтобы вы произвели кавалерійскую аттаку, для того, чтобы раскрыть пруссаковъ и узнать, что́ мы въ дѣйствительности имѣемъ предъ собою“.

[1]) Изъ этихъ 2½ корпусовъ 6-му корпусу, отставшему отъ прочихъ, по ходу обстоятельствъ 30 числа назначенъ цѣлью Вузіеръ, 15 верстъ не доходя Ле-Шенъ.

„Я старался это сдѣлать, но мнѣ не вполнѣ это удалось“, отвѣчалъ Фальи, который сознался, что „не можетъ сказать, имѣетъ ли онъ противъ себя 10 или 60 тысячъ непріятеля“. Упоминая объ этомъ разговорѣ [1]), маршалъ добавляетъ, что „пруссаки дѣйствовали по способу, къ которому французы не привыкли“. „Густая кавалерійская завѣса прикрывала главныя силы нѣмцевъ. Въ случаѣ аттаки завѣса эта уклонялась назадъ и со всѣхъ сторонъ появлялась изъ лѣсовъ сильная непріятельская кавалерія, чтобы отбить аттаку. Не видно было ни пѣхоты, ни артиллеріи, не было извѣстно гдѣ онѣ находятся, въ какомъ числѣ и проч.“

Маршалъ, конечно, былъ совершенно правъ, требуя отъ Фальи болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній о противостоявшемъ ему противникѣ. Но невольно рождается вопросъ: не цѣлесообразнѣе ли было бы, вмѣсто приказанія—„произвести аттаку“ или одновременно съ этимъ приказаніемъ дать Фальи просто „средства для исполненія“. Не надо забывать, что резервная кавалерійская дивизія Бонемена (16 эскадроновъ, 6 орудій и 6 картечницъ) все еще слонялась безъ опредѣленной цѣли въ лѣвой колоннѣ арміи маршала, между тѣмъ какъ Фальи при своихъ трехъ пѣхотныхъ дивизіяхъ имѣлъ только 16 эскадроновъ безъ конной артиллеріи. Эта кавалерія Фальи, сколько можно понять, усилена была однимъ только конно-егерскимъ полкомъ, вѣроятно изъ резервной дивизіи Маргерита. Вообще нельзя сказать, чтобы французская кавалерія исполняла свою развѣдочную и охранительную службу вполнѣ удовлетворительно, но, однако, надо признать, что въ данномъ случаѣ роль ея была не легкая. Одни только два ближайшіе къ Фальи непріятельскіе корпуса, саксонскій и гвардейскій, имѣли при своихъ пѣхотныхъ дивизіяхъ 16 эскадроновъ конницы, а сверхъ того французамъ противостояла тутъ саксонская отдѣльная кавалерійская дивизія (16 эскадроновъ) и часть прусской гвардейской отдѣльной кавалерійской дивизіи.

Во время помянутаго разговора маршалъ Макъ-Магонъ передалъ Фальи, что „пока все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы 5ый корпусъ поскорѣе переправился черезъ Мезу у Музона“, отстоящаго верстъ 8—10 отъ лагерныхъ мѣстъ корпуса Фальи. Однако Фальи медлилъ, желая дать отдыхъ своимъ войскамъ, часть коихъ (аріергардъ, державшійся противъ Нуаръ) подошла къ Бомону только къ утру 30 августа, между 4 и 5 часами.

Между тѣмъ 7ой корпусъ, Дуэ, хотя и поднялся съ бивуаковъ еще въ 4 часа утра, но задержанъ былъ несмѣтными, боль-

[1]) Базенъ, стр. 141 (показаніе Макъ-Магона).

шею частью безполезными (порожними) обозами, такъ что корпусъ только въ часъ пополудни выступилъ изъ Стона въ Ля-Безасъ (дорога къ переправѣ у Ремильи).

Послѣдствіемъ мѣшкотности обоихъ французскихъ корпусовъ было столкновеніе съ нѣмцами, разыгравшееся въ тотъ же день, 30 августа, по линіи верстъ 12 между Стонъ и р. Мезою, названное „сраженіемъ при Бомонѣ". Сраженіе это, вслѣдствіе полнаго отсутствія всякихъ охранительныхъ мѣръ со стороны войскъ Фальи, получило особую, весьма своеобразную окраску.

Мѣстность, на которой разыгралось сраженіе 30 августа, ограничена съ востока р. Мезою, а съ запада — р. Баръ (впадающею въ Мезу ниже Седана). Мѣстность эта очень волниста; по ней раскинуты болѣе или менѣе обширные лѣса. Большой, почти непроходимый, внѣ дорогъ, лѣсъ подходитъ къ Бомону съ юга, на разстояніи верстъ трехъ окаймляя пунктъ этотъ съ трехъ сторонъ. Означенный лѣсъ пересѣкаетъ всѣ пути, ведущіе къ Бомону съ юга, образуя длинныя затруднительныя дефиле, черезъ которыя съ ранняго утра двигались направляемыя къ Бомону нѣмецкія войска, а именно: правѣе, ближе къ р. Мезѣ—саксонскій корпусъ принца Георга, лѣвѣе его—4ый, Альвенслебена; оба по дивизіямъ—каждая на отдѣльной дорогѣ. Лѣвѣе 4го корпуса шелъ 1ый баварскій, генерала Танна. Но такъ какъ саксонскій корпусъ встрѣтилъ разныя препятствія, а баварскій ночевалъ поодаль, то средній, то есть 4ый корпусъ, нѣсколько опередилъ оба фланговые. (О движеніи другихъ корпусовъ 3ей нѣмецкой арміи будетъ сказано ниже).

Шедшая въ лѣвой колоннѣ 4го корпуса 8ая пѣхотная дивизія встрѣтила по пути саксонскій уланскій полкъ, командиръ коего доложилъ, что „съ высотъ поверхъ лѣсовъ виднѣются французскіе лагери у Бомона" и что, „по словамъ жителей, находящіяся тамъ войска расположились совершенно безпечно"; почему 8ая дивизія двинулась дальше, соблюдая величайшую тишину. Головной отрядъ дивизіи, выйдя изъ лѣсу на ближайшую высоту, различилъ въ разстояніи менѣе шаговъ 800 французскій лагерь впереди Бомона и другой позади этого пункта. Французы стояли, видимо, безъ всякихъ предосторожностей и въ полной безпечности.

Хотя нѣмецкимъ колоннамъ было приказано „не соваться впередъ въ одиночку, а выждать подхода и другихъ колоннъ", но при данной обстановкѣ начальникъ дивизіи, генералъ Шелеръ, полагалъ, что французы и безъ того всякую миниту могутъ раскрыть

его присутствіе; поэтому онъ рѣшилъ самъ произвести на нихъ нечаянное нападеніе, выждавъ только прибытія своей артиллеріи и головной бригады пѣхоты; пока же расположилъ на высотѣ стрѣлковый баталіонъ съ двумя батареями. Но едва войска эти заняли свое расположеніе, какъ французы въ ближайшемъ лагерѣ вдругъ засуетились, видимо узнавъ, наконецъ, о близости нѣмцевъ. Медлить нѣмцамъ уже было невозможно, и присутствовавшій тамъ командиръ корпуса, генералъ Альвенслебенъ, приказалъ открыть огонь.

Почти ровно въ 12½ часовъ дня загремѣли прусскія орудія, посылая свои гранаты въ мирное, можно сказать, расположеніе французовъ. Однако, не смотря на страшную сумятицу, частную панику и даже бѣгство, большинство французовъ не дрогнуло; артиллерія ихъ открыла огонь, отчасти прямо съ бивуачныхъ мѣстъ а пѣхота „точно осерчавшій пчелиный рой" (по словамъ оффиціальной прусской исторіи) „посыпалась изъ всего лагеря на ближайшія нѣмецкія войска, обдавая ихъ жестокимъ огнемъ. Французскія гранаты попадали даже въ прусскія колонны, двигавшіяся еще въ лѣсу. Скоро въ двухъ выѣхавшихъ на позицію прусскихъ батареяхъ осталось по 2—3 человѣка прислуги на орудіе. Тѣмъ не менѣе двѣ послѣдовательныя аттаки французовъ, веденныя, впрочемъ, надо замѣтить, несвязно, преимущественно густыми цѣпями, были отбиты, и пруссаки готовились сами къ наступленію, будучи уже поддержаны справа частями 7ой дивизіи Шварцхофа.

Дивизія Шварцхофа, достигнувъ авангардомъ выхода изъ лѣсу, начала стягиваться, но когда заслышанъ былъ огонь, то Шварцхофъ рѣшилъ немедля перейти въ наступленіе, и началъ развертываться. Такимъ образомъ въ часъ отъ обѣихъ дивизій 4го прусскаго корпуса находились уже на позиціи 6½ баталіоновъ при 8 батареяхъ. Генералъ Альвенслебенъ послалъ увѣдомленіе въ сосѣдніе корпуса, саксонскій и 1ый баварскій, прося о содѣйствіи.

Отбивъ еще одну аттаку французовъ, прусскіе баталіоны сами перешли въ наступленіе, гоня передъ собою противника, и взяли два передовыхъ французскихъ лагеря по сю сторону Бомона; около же 2 часовъ ворвались и въ самый городъ, завладѣли имъ, и наконецъ захватили остальной французскій лагерь, находившійся позади (сѣвернѣе) Бомона.

Въ то время французская артиллерія,—кромѣ орудій, очутившихся безъ запряжки въ моментъ нападенія пруссаковъ и захваченныхъ послѣдними въ лагеряхъ впереди Бомона,—собралась позади этого города на длинной высотѣ, образуемой южными (опускающимися къ ручью Бомону) отрогами большой возвышенности, заполняющей пространство между р. Мезою и ручьемъ Іонкъ. За

новою французскою позиціею собиралась пѣхота переднихъ лагерей, отброшенная за Бомонъ въ большомъ безпорядкѣ. Малочисленные прусскіе баталіоны пріостановились и дѣло перешло въ обоюдную канонаду, въ которой участвовала уже вся артиллерія 4го прусскаго корпуса. Въ это время справа и слѣва этого корпуса вступили въ бой передовыя части саксонцевъ и баварцевъ.

Саксонскій корпусъ, какъ уже сказано, нѣсколько запоздавшій, подвигался лѣсомъ правѣе 4го въ двухъ колоннахъ—по дивизіямъ. Въ обоихъ колоннахъ заслышана была канонада, возвѣщавшая сраженіе. Лѣвая саксонская колонна, 24ая пѣхотная дивизія, съ трудомъ пробиравшаяся черезъ лѣсъ и болотистый ручей Вамъ, очутилась позади развертывавшихся войскъ 4го корпуса и поэтому стягивалась въ резервъ. Правая же саксонская колонна, 23я пѣхотная дивизія, нашла впереди свободное пространство, почему шедшій въ авангардѣ ея егерскій полкъ пущенъ былъ впередъ бѣгомъ и вступилъ въ бой между войсками 4го корпуса и р. Мезою, тѣсня передъ собою французовъ, занимавшихъ тогда еще отдѣльную высоту, лежащую къ юго-востоку отъ Бомона, между ручьемъ того же названія и ручьемъ Вамъ. Саксонская артиллерія, усиливаясь постепенно, заняла поименованную высоту, увеличивъ артиллерію 4го корпуса до 20 батарей. Два саксонскіе полка спустились съ высоты, направляясь къ лежащей у ея подошвы деревнѣ Летанъ (Létanne, между Бомономъ и р. Мезою). Остальныя саксонскія войска собирались позади, сѣвернѣе ручья Вамъ.

Перехожу къ баварцамъ.

1ый баварскій корпусъ, Танна, получилъ приказанія королевской главной квартиры на 30 число (хотя и высланныя ему непосредственно) только въ 4 часа утра того же дня. Авангардъ генерала Шумахера, отъ 2ой пѣхотной дивизіи Танна, выступилъ отъ Сомнерансъ полтора часа спустя по указанному ему направленію, на Бомонъ; при немъ ѣхалъ и корпусный командиръ. Около полудня отъ передовыхъ разъѣздовъ получено было донесеніе, что съ высотъ можно видѣть лагери французовъ у Бомона [1]). Вскорѣ затѣмъ со стороны 4го корпуса послышались выстрѣлы;

[1]) Вотъ что говоритъ по этому поводу спеціальная исторія 1 баварскаго корпуса (Das 1. bayerische Armee-Corps von der Tann im Kriege 1870—71 г.) изд. 1872 г., стр. 151: „Съ высотъ Соммотъ можно было ясно различить лагери французовъ. Въ одномъ, болѣе открытомъ виденъ былъ дымъ, оживленное движеніе людей. Люди въ рубахахъ двигались между городомъ и лагеремъ, похожимъ больше на таборъ цыганъ, чѣмъ на войсковой бивуакъ. Не видно было часовыхъ или войсковыхъ командъ и даже одиночныхъ людей въ военныхъ мундирахъ, такъ что наблюдавшій баварскій корпусный штабъ усомнился даже. не брошенный ли это лагерь, посѣщаемый мѣстными жителями“.

и авангардная батарея съ коннымъ полкомъ выѣхала впередъ и достигнувъ выхода изъ лѣса открыла огонь. Авангардъ спѣшилъ впередъ.

Командиръ головной баварской дивизіи, генералъ Шумахеръ, получилъ отъ Танна приказаніе „идти впередъ и принять участіе въ бою лѣвѣе 4го корпуса". Выѣхавшій къ своей батареѣ Шумахеръ встрѣтилъ офицера генеральнаго штаба этого корпуса, который доложилъ ему о ходѣ дѣла и указалъ направленіе на виднѣвшіяся издалека тополи мызы Тибодинъ (Thibaudine), какъ ведущее во флангъ и тылъ позиціи занятой французами. Шумахеръ принялъ это предложеніе и направилъ было туда свою головную 4ю бригаду, которая однако совершенно неожиданно аттакована была слѣва французскими войсками изъ дивизіи Консейль-Дюменилъ, 7го корпуса, Дуэ [1]). Однако баварцы отбили аттаку и сами перешли въ наступленіе въ западномъ и сѣверо-западномъ направленіи, удаляясь такимъ образомъ отъ поля дѣйствій у Бомона. Совершилось это частью само собою подъ вліяніемъ внезапной аттаки французовъ, частью же вслѣдствіе приказанія командира 3ей арміи, призывавшаго къ себѣ 1ый баварскій корпусъ (какъ будетъ сказано ниже).

Такимъ образомъ дѣйствія 1го баварскаго корпуса принадлежатъ собственно къ событіямъ въ западной группѣ войскъ и о нихъ будетъ сказано ниже.

Надо впрочемъ замѣтить, что Таннъ, по собственнымъ соображеніямъ намѣревавшійся помочь 4му корпусу аттакою въ правый флангъ противостоявшихъ французовъ, и теперь удаляясь, все таки оставилъ въ распоряженій Альвенслебена отрядъ Шуха—четыре баталіона, двѣ батареи и два эскадрона.

Возвращаюсь къ дѣйствіямъ собственно у Бомона. Тамъ за выбытіемъ баварцевъ все таки осталось со стороны нѣмцевъ въ общей суммѣ войскъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы справиться съ сильно уже пошатнувшимся французскимъ корпусомъ Фальи, который теперь помышлялъ только о спасеніи за р. Мезу, къ гор. Музону, кое-какъ удерживаясь только на аріенгардныхъ позиціяхъ.

Мѣстность, на которой разыгрались дальнѣйшія дѣйствія, способствовала упорной постепенной оборонѣ; она состояла изъ

[1]) Этотъ непріятный для баварцевъ сюрпризъ произошелъ, повидимому, отъ того, что баварскій корпусъ вообще, а авангардъ его въ особенности не освѣщалъ наружнаго своего лѣваго фланга. Бывшій при авангардѣ конный полкъ вопреки обстановкѣ шелъ въ лѣсу во главѣ колонны. Не мудрено, что онъ воспользовался выѣздомъ артиллеріи, чтобы выбраться впередъ на открытое пространство, но и тутъ вмѣсто того, чтобы употребить полкъ по настоящему назначенію для освѣщенія, „хотѣли" (какъ говорится въ исторіи) имъ брать французскія батареи, а между тѣмъ прозѣвали подошедшихъ французовъ (стр. 52 исторіи 1 баварскаго корпуса).

длинной, волнистой, неширокой возвышенности, которая тянется отъ Бомона по направленію къ Музону, будучи ограничена крутыми скатами, спускающимися съ востока къ р. Мезѣ, а съ запада — къ ручью Іонкъ. Перелѣски и жилые пункты, находящіеся на этой возвышенности, благопріятствовали оборонѣ французовъ. Очистивъ свою позицію сѣвернѣе Бомона, французы заняли другую, у лѣса Живодо и фермы Сартель (forêt Givodau, la Sartelle) поперекъ помянутой высоты, ширина коей поверху не болѣе двухъ верстъ.

Командиръ 12го французскаго корпуса, генералъ Лебренъ, стоявшій еще съ предыдущаго дня на той, правой сторонѣ р. Мезы, у Музона, направилъ для поддержки Фальи на другой берегъ одну дивизію пѣхоты и бригаду кавалеріи; но по случаю занятія моста уходившими войсками Фальи, только одна изъ пѣшихъ бригадъ корпуса успѣла перейти рѣку, а одинъ полкъ кирасиръ отправленъ былъ обратно. Кромѣ того часть пѣхоты и артиллеріи Лебрена, занявъ позиціи на высотахъ праваго берега рѣки, фланговымъ своимъ огнемъ обстрѣливала подступы къ новымъ позиціямъ войскъ Фальи по склону, обращенному къ Мезѣ.

Задача нѣмцевъ собственно у Бомона состояла, очевидно, теперь въ томъ, чтобы неотступнымъ и настойчивымъ преслѣдованіемъ довершить пораженіе войскъ Фальи и погнать ихъ на р. Мезу. При исполненіи же, въ виду сильной и недоступной съ лѣваго ея фланга позиціи французовъ, упиравшейся тутъ въ р. Мезу, оставалось, вцѣпившись въ французовъ съ фронта, охватить ихъ правый флангъ и потѣснить по направленію къ р. Мезѣ. Средствъ для исполненія, не смотря на выбытіе баварцевъ Таппа, оставалось у нѣмцевъ болѣе нежели достаточно, а именно цѣлыхъ два корпуса: 4ый и саксонскій, не считая поспѣшавшаго за первымъ изъ нихъ гвардейскаго, пока еще не прибывшаго.

Однако первоначальное направленіе нѣмецкихъ войскъ прямо на Бомонъ (съ юга и восточнѣе его) не благопріятствовало охвату праваго фланга новой позиціи французовъ. Этотъ послѣдній маневръ требовалъ болѣе западнаго направленія. Роль эта, (охвата праваго фланга противника) за выбытіемъ баварскаго корпуса Таппа, очевидно принадлежала войскамъ 4го корпуса, находившагося лѣвѣе саксонцевъ, между тѣмъ какъ послѣдніе должны были наступать на фронтъ французовъ. Казалось, что времени для соображенія обстановки и принятія мѣръ было у нѣмцевъ достаточно, такъ какъ новое наступленіе ихъ начато было только въ четыре часа пополудни, послѣ двухъ-часовой канонады, во время коей 4ый корпусъ (значительная часть котораго еще вовсе не прини-

мала участія въ бою) собрался у Бомона. Однако со стороны нѣмцевъ невидно надлежащей оцѣнки положенія дѣлъ и не было связнаго, дружнаго дѣйствія.

Вмѣсто того, чтобы податься болѣе влѣво, въ особенности свѣжими своими частями, 4ый корпусъ, начавшій около четырехъ часовъ пополудни новое наступленіе отъ Бомона, протянулъ свою правофланговую 7ую дивизію во всю ширину плято (между ручьемъ Іонкъ и р. Мезою), и такимъ образомъ, съ одной стороны, саксонцы на правомъ флангѣ остались совершенно позади боевыхъ линій 4го корпуса, а съ другой—8ая дивизія (болѣе уже потерпѣвшая въ бою) потѣснена была влѣво. Дивизія эта, не имѣя другаго поля дѣйствій, волею-неволею приняла по отношенію французовъ болѣе охватывающее направленіе. Такимъ образомъ болѣе трудная задача охвата выпала на долю войскъ болѣе пострадавшихъ и болѣе утомленныхъ. Наконецъ и корпусная артиллерія 4го корпуса не двинута была влѣво (гдѣ ей представлялись хорошія позиціи къ юго-востоку отъ Іонкъ и предметы для дѣйствія), а тоже направлена черезъ Бомонъ во фронтъ лѣса Живодо, гдѣ не представлялось ей возможности развернуться и дѣйствовать [1]).

Впрочемъ 8ая дивизія Шварцхофа, за которою шелъ баварскій отрядъ Шуха (отъ корпуса Танна) отлично исполнила свою роль на лѣвомъ флангѣ общаго расположенія нѣмцевъ. Французы сбиты были съ позиціи у Живодо и Сартель и съ другой на высотахъ Монъ-де-Брюнъ и Вилемонтри (Mont de Brune, Villemontry). Послѣ пяти часовъ пополудни съ этихъ высотъ по долинѣ рѣки дѣйствовало уже 12 прусскихъ и лѣвѣе ихъ двѣ баварскія батареи Шуха. Французы въ большомъ безпорядкѣ отброшены были за Мезу. Пруссаки завладѣли всею мѣстностью лѣваго берега, даже предмѣстьемъ Музона, находящимся на лѣвомъ берегу рѣки. Успѣшное дѣйствіе пруссаковъ, въ особенности удачное охватывающее дѣйствіе 8ой дивизіи Шварцхофа, во многомъ облегчено было тѣмъ, что французы, вопреки условій мѣстности и обстановки боя, слабо удерживались на своемъ правомъ флангѣ [2]).

Саксонцы въ этихъ бояхъ приняли самое незначительное участіе собственно въ видѣ резерва 7ой прусской дивизіи. Къ 6

[1]) „Нѣмецкая артиллерія въ дѣлахъ 29, 30 и 31 августа 1870 г.“ стр. 124—126 и „Оффиціальная прусская исторія войны“, т. 1, стр. 1071 и 1072.

[2]) Во время этого боя кирасирскій французскій полкъ исполнилъ храбрую, но совершенно безуспѣшную аттаку на три прусскія роты, изъ коихъ смялъ только одну. Кирасиры потеряли своего командира, 10 офицеровъ и 100 нижнихъ чиновъ, прусская рота не понесла никакихъ потерь, хотя были люди опрокинутые и нѣсколько помятые натискомъ лошадей.

часамъ вечера къ Бомону началъ стягиваться и прусскій гвардейскій корпусъ.

Пока все это совершалось, 2ая баварская дивизія, отбившая какъ уже сказано, фланговую аттаку французовъ, около двухъ часовъ пополудни сама перешла въ наступленіе въ направленіи на западъ, къ Варнифорэ (Warniforêt), которымъ и завладѣла около четырехъ часовъ пополудни. Къ тому же времени лѣвѣе Варнифорэ дебушировала изъ лѣсу и 1ая баварская дивизія. Подвигаясь далѣе съ боемъ, обстрѣливая отходящія французскія колонны 7го корпуса, Дуэ, баварцы подъ вечеръ заняли Рокуръ (верстахъ въ семи отъ переправы французовъ у Ремильи), имѣя передъ собою французскій аріергардъ—дивизію Лісберъ (Liéber), занимавшій дер. Аранкуръ и лѣсъ Гро-Буа (Harancourt, Gros bois).

Тутъ за темнотою дѣло и прекратилось; баварцы расположились на ночлегъ главнымъ образомъ у Рокуръ, а французы продолжали свою безпорядочную переправу черезъ р. Мезу у Ремильи, причемъ мостъ испортился въ то время, когда на лѣвомъ берегу рѣки оставалась еще резервная артиллерія 7го корпуса и часть пѣхоты. Ночью пѣхота эта ушла и французская артиллерія осталась одна въ нѣсколькихъ верстахъ отъ баварцевъ. Наконецъ и артиллерія, замѣтивъ свое одиночество, бросилась въ безпорядкѣ вдоль лѣваго берега Мезы, направляясь къ Седану.

Изъ войскъ 3ей нѣмецкой арміи въ теченіе 30 числа попали въ бой (описанный выше) только войска 1го баварскаго корпуса, дѣйствія же остальныхъ частей этой арміи были слѣдующія:

Авангардъ 5го корпуса, около полудня дошедшій до окрестностей Піеремонъ, открылъ канонаду по французскимъ войскамъ, оказавшимся около Ошъ. Это были заднія части замѣшкавшагося 7го корпуса, Дуэ, авангардъ коего, шедшій на Бомонъ, имѣлъ упомянутое уже удачное въ началѣ столкновеніе со 2ою баварскою дивизіею.

Дуэ, получивъ отъ Макъ-Магона приказаніе „спѣшить къ переправѣ у Ремильи, не вдаваясь въ бой начавшійся у Бомона“, направилъ свои войска къ переправѣ, временно занявъ аріергардомъ расположеніе на сильной съ фронта позиціи у Стонъ (Stonne); нѣмцы въ началѣ приняли это за боевое расположеніе большихъ силъ французовъ, намѣревающихся дать отпоръ. Кронпринцъ Прусскій приказалъ поэтому 5му корпусу пріостановиться, притянулъ къ нему поближе слѣва 11ый корпусъ и виртембергцевъ и приказалъ 2му баварскому корпусу идти на Ля-Безасъ (la Bezace), въ разрѣзъ между Стонъ и Бомонъ, между 5мъ корпусомъ и 1мъ баварскимъ, шедшимъ тогда (въ 1½ часа дня) еще къ Бомону. Но такъ

какъ 2ой баварскій корпусъ запоздалъ, то направленіе на Безасъ приказано взять 1му баварскому корпусу, Танна, который, какъ выяснено въ своемъ мѣстѣ, и безъ того вовлеченъ былъ въ бой въ этомъ направленіи, вслѣдствіе неожиданнаго нападенія авангарда корпуса Дуэ во флангъ 2ой баварской дивизіи.

Король Вильгельмъ, наблюдавшій за ходомъ дѣла у Бомона, издали, съ высотъ у Во-анъ-Діелэ (Vaux en Dieulet, близъ Соммотъ), получивъ донесеніе кронпринца Прусскаго, послалъ ему приказаніе „не тѣснить непріятеля у Стонъ, такъ какъ всякая задержка на этой позиціи должна быть гибельна для французовъ". Однако въ третьемъ часу замѣчено было, что французы очищаютъ свои позиціи у Стонъ. Это обстоятельство вызвало новое наступленіе авангарда 5го корпуса, артиллерія коего дѣйствовала по отступавшимъ французамъ, слѣдуя за ними къ сѣверу. Командиръ 5го корпуса, генералъ Кирхбахъ, въ виду усиливающейся канонады въ сторонѣ Бомона, счелъ необходимымъ двинуть впередъ и главныя свои силы и повелъ ихъ черезъ Стонъ къ Безасъ, (восточнѣе Стонъ, по пути въ Ремильи), но найдя, что Безасъ уже пройденъ баварцами, Кирхбахъ остановилъ свой корпусъ на ночлегъ у Безасъ, позади 1го баварскаго корпуса; при немъ ночевала и вызванная впередъ 4ая кавалерійская дивизія. 11ый корпусъ расположился на ночь частью у Стонъ, частью позади, у Ля-Берліеръ (la Berlière); у послѣдняго расположились и виртембергцы. 2ая кавалерійская дивизія ночевала нѣсколько позади, у Ошъ, а за нею — 2ой баварскій корпусъ у Соммотъ, куда онъ, задерживаемый разными обозными колоннами, прибылъ только между 7 и 9 часами пополудни [1]).

6ой корпусъ дошелъ (какъ было приказано) до Вузіеръ. 5ая и 6ая кавалерійскія дивизіи оказались лѣвѣе общаго расположенія нѣмецкихъ армій — частью у Ле-Шенъ, частью же западнѣе.

Три корпуса 4ой арміи, какъ уже сказано, сгруппировались въ окрестности Бомона и къ сѣверу отъ этого пункта.

Такъ кончилось 30 августа сраженіе при Бомонѣ, въ коемъ нѣмецкія войска понесли уронъ въ 3.500 человѣкъ. Французы опредѣляютъ свои потери въ 1.800 человѣкъ убитыми и ранеными и около 3.000 безъ вѣсти пропавшими, бо́льшею частью взятыми въ плѣнъ; кромѣ того они потеряли 42 орудія и множество лагерныхъ принадлежностей, брошенныхъ у Бомона. Но несравненно важнѣе этихъ матеріальныхъ потерь было разстройство и упадокъ духа, которому подвергся не только дравшійся у Бо-

[1]) „Исторія 2-го баварскаго корпуса", стр. 37.

мона 5ый корпусъ, Фальи, но частью и 7ой и 12ый корпуса, принимавшіе въ бою самое, въ сущности, незначительное участіе.

Вообще французскія войска Шалонской арміи Макъ-Магона и передъ тѣмъ много страдали отъ недостаточнаго снабженія продовольствіемъ и отъ дурно соображенныхъ маршей съ частыми перемѣнами направленій. Они утомлялись много, а двигались, въ сущности, мало; нравственныя и физическія силы ихъ напрягались чрезмѣрно безъ утѣшительныхъ результатовъ. Неувѣренность старшихъ начальниковъ чувствовалась чуткими и впечатлительными французскими солдатами. Достаточно было малѣйшаго толчка, чтобы серіозно нарушить колебавшееся уже чувство связи и дисциплины. Толчкомъ этимъ была неудача 30 числа у Бомона.

Обстановка сраженія при Бомонѣ не представляла особенно обширнаго поля проявленій самостоятельнаго почина со стороны частныхъ нѣмецкихъ начальниковъ. Впрочемъ начальство 3ей нѣмецкой арміи расчитывало повидимому на эвентуальный вѣскій починъ со стороны командира 5го корпуса, направленнаго на Піеремонъ и Ошъ (между Бомонъ и Ле-Шенъ). Корпусу этому приказано было оттуда „по обстоятельствамъ принять участіе въ бою", а между тѣмъ бой могъ загорѣться, пожалуй, на крайне лѣвомъ флангѣ общей линіи наступленія въ окрестности Ле-Шенъ или, какъ случилось въ дѣйствительности, на совершенно противоположномъ правомъ флангѣ—у Бомона, въ 25 верстахъ отъ Ле-Шенъ.

Особаго вниманія заслуживаетъ обстановка, въ коей 4ый прусскій корпусъ вступилъ въ бой при Бомонѣ. Всѣ четыре наступавшія колонны 4ой арміи, по свидѣтельству оффиціальной прусской исторіи войны [1]), получили отъ кронпринца Саксонскаго приказаніе, „чтобы каждая, во избѣжаніе отдѣльнаго дѣла съ превосходными силами, приготовленными къ бою противникомъ, по достиженіи противоположной опушки лѣса, дожидалась прибытія сосѣднихъ колоннъ и предварительно подготовляла аттаку только артиллеріею". Очевидно, что по мысли командира арміи французы должны были дать отпоръ на позиціи у Бомона (для прикрытія переправъ), и соотвѣтственно сему приказаніе данное колоннамъ 4ой арміи нельзя не признать вполнѣ раціональнымъ. Предполагалось, что вышедшая первою изъ лѣса колонна, развертываясь, вызоветъ впередъ свою артиллерію и будетъ занимать ею противника, впредь до прибытія другихъ нѣмецкихъ колоннъ.

---

[1]) Т. 1, стр 1036.

*

На дѣлѣ оказалось, что самое главное предположеніе командира 4ой нѣмецкой арміи нашло себѣ полное подтвержденіе въ присутствіи большихъ силъ французовъ у Бомона. Но тѣмъ не менѣе 4ый корпусъ и спеціально 8ая пѣхотная дивизія очутились вдругъ въ обстановкѣ, въ частности совершенно непредвидѣнной, а именно: французы оказались не на позиціи а просто на бивуакахъ и вдобавокъ въ разстояніи всего нѣсколькихъ сотъ шаговъ отъ головныхъ частей подходившей 8ой дивизіи.

Такимъ образомъ данныя командиромъ арміи указанія оказались на дѣлѣ совершенно непримѣнимыми. Еще примѣръ: какъ трудно на войнѣ давать сколько нибудь подробныя приказанія, сверхъ указанія войскамъ общихъ цѣлей и первоначальнаго ихъ направленія. При данной, напримѣръ, обстановкѣ невозможно было медлить открытіемъ огня изъ орудій авангарда, а между тѣмъ это равносильно было непосредственному началу сраженія, а не одной лишь къ нему подготовкѣ артиллеріею. Понятно, что за канонадою съ самаго незначительнаго разстоянія немедленно должна была послѣдовать аттака—все равно со стороны нѣмцевъ или же французовъ. Наконецъ, авангардъ 8ой прусской дивизіи, бездѣйствуя, могъ потерять всѣ выгоды нечаяннаго огня по лагерямъ французовъ и, будучи, открытъ подвергнуться нападенію всѣхъ силъ противника. По всему этому командиръ корпуса приказалъ начать канонаду и прямо открылъ настоящее сраженіе. Онъ имѣлъ основаніе предполагать, что громъ орудій вызоветъ содѣйствіе сосѣднихъ колоннъ войскъ и поторопитъ заднія; такимъ образомъ скоро должно было прекратиться невыгодное положеніе, въ коемъ на время могли очутиться малочисленныя головныя части 8ой дивизіи.

Изъ сказаннаго видно, что не смотря на нечастое на войнѣ совпаденіе, что старшимъ начальникомъ, командиромъ 4ой нѣмецкой арміи, точно угадано время, мѣсто и наличность значительныхъ силъ противника у Бомона, тѣмъ не менѣе подчиненному пришлось „отступить отъ буквы“ полученнаго имъ приказанія и распорядиться самостоятельно и съ формальной стороны совершенно противоположно приказанію. Излишне кажется прибавлять, что формальное „ослушаніе буквѣ“ частнаго приказанія со стороны командира 4го прусскаго корпуса было въ сущности только самымъ простымъ и точнымъ „исполненіемъ самой сути“ общихъ распоряженій, которыя клонились къ тому, чтобы въ день 30 августа „застигнуть и разбить непріятеля“. Альвенслебеномъ же при данной обстановкѣ принята была въ этомъ смыслѣ лучшая посильная мѣра, т. е. нечаянная канонада, которая сразу озадачивъ французовъ вмѣстѣ съ тѣмъ должна была призвать остальныя нѣ-

мецкія колонны. Послѣднія не замедлили, и оказали 7ой дивизіи надлежащую помощь.

Изъ описанія сраженія видно, что другая колонна 4го корпуса, а именно 7ая дивизія, и саксонскій корпусъ поспѣшили своевременно на помощь 8ой дивизіи, а командиръ 2ой баварской дивизіи, генералъ Шумахеръ, по совѣщаніи съ офицеромъ генеральнаго штаба отъ 4го корпуса, рѣшилъ направиться въ охватъ праваго фланга французовъ. Наконецъ генералъ Таннъ, отозванный командиромъ 3ей арміи, оставилъ особый отрядъ въ распоряженіи командира 4го корпуса.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что далеко не правильное дѣйствіе 4го корпуса,—который, распространившись вправо, (при новомъ своемъ наступленіи отъ Бомона), совершенно оттѣснилъ назадъ саксонскій корпусъ,—произошло вѣроятно отъ желанія самому безъ дальнѣйшей посторонней помощи покончить начатое дѣло. Подобное, весьма похвальное, конечно, „стремленіе впередъ и въ бой“ присуще было всѣмъ нѣмецкимъ войскамъ; оно въ особенности должно было воодушевлять войска 4го корпуса, которыя, послѣ столькихъ успѣховъ одержанныхъ другими корпусами, сами въ эту кампанію впервые попали въ сраженіе. Этимъ развѣ можетъ быть объяснено излишнее рвеніе, съ которымъ, однако, должны были бы умѣть совладать заправскіе военачальники.

Что касается дѣйствій французовъ въ Бомонскомъ сраженіи, то прежде всего бросается въ глаза фактъ, что лагери 5го французскаго корпуса совершенно неожиданно могли быть обстрѣляны огнемъ непріятеля съ самыхъ близкихъ разстояній. Командиръ этого корпуса, генералъ Фальи, въ сочиненіи своемъ, писанномъ, конечно, въ видахъ оправданія, говоритъ между прочимъ объ обстоятельствахъ этого дѣла, что „начальникъ его штаба, генералъ Бэссонъ, шелъ 29 августа во главѣ колонны войскъ, отходившихъ на Бомонъ“ и что онъ же „распредѣлилъ лагерныя мѣста у Бомона“.

Казалось бы за тѣмъ, что на обязанности Бэссона лежало распорядиться и относительно мѣръ охранительныхъ.

Далѣе, начальникъ аріергарда, оставленнаго у Нуаръ (если бы онъ понималъ свою задачу въ настоящемъ ея смыслѣ), долженъ былъ, отходя къ Бомону, оставить въ прикосновеніи съ противникомъ хотя бы партіи конницы, а позади по дорогамъ поставить пѣхотные посты, которые въ дефилеяхъ, въ особенности на переправахъ черезъ топкіе ручьи, не только заранѣе раскрыли бы

наступленіе нѣмцевъ, но и задержали бы ихъ нѣкоторое время. Такъ навѣрное поступилъ бы каждый нѣмецкій аріергардный начальникъ. Французскій же начальникъ вѣроятно ожидалъ указаній и распоряженій свыше, между тѣмъ какъ самъ корпусный командиръ не только ничѣмъ не распорядился, но повидимому даже и не полюбопытствовалъ справиться о принятыхъ мѣрахъ охраненія.

Тутъ повторилось общее у французовъ явленіе, что старшій начальникъ, безъ котораго никто ничѣмъ распорядиться не смѣетъ и не умѣетъ, не только не поспѣваетъ вездѣ и всегда, но даже упускаетъ самыя насущныя свои обязанности.

Относительно дѣйствій 30 августа генералъ Фальи говоритъ, между прочимъ, слѣдующее [1]):

„Въ 9 часовъ утра собрались всѣ начальники дивизій (и другіе начальствующіе). Полученные рапорты не указали ни на одинъ фактъ, ни на одну подробность, изъ которой можно бы предполагать, что непріятель слѣдуетъ за 5ымъ корпусомъ. Аванпосты (главные караулы) не донесли о его присутствіи. Изъ собранныхъ свѣдѣній можно было заключить, что онъ (непріятель) продолжаетъ свое наступленіе на Стенэ“.

Далѣе Фальи упоминаетъ, что по случаю усталости войскъ выступленіе головы колонны назначено было въ 11 часовъ утра и что „въ моментъ, когда первыя войска становились въ ружье, непріятель, аттакуя аванпосты, открылъ внезапно съ большого разстоянія очень сильный огонь“.

Что огонь нѣмцевъ могъ показаться сильнымъ это понятно; но „дальнимъ“ названъ онъ, видимо, для того только, чтобы скрыть непростительную свою оплошность. Напротивъ того, изъ спеціальной исторіи нѣмецкой артиллеріи видно, что изъ двухъ батарей, внезапно открывшихъ огонь по французскимъ лагерямъ въ 12½ часовъ дня, одна стрѣляла первоначально съ разстоянія 800 шаговъ, другая же—четырмя орудіями съ 900 и только двумя, направленными на дальній французскій лагерь, виднѣвшійся за Бомономъ, огонь открытъ съ разстоянія 2.500 шаговъ [2]). Слѣдовательно огонь открытъ нѣмцами по близкимъ къ нимъ лагерямъ не „съ большаго разстоянія“ (какъ говоритъ Фальи), а „съ дистанціи ружейнаго выстрѣла“. За симъ совершенно понятно, что расказы о какихъ то „аванпостахъ“ нельзя принять съ довѣріемъ; по крайней мѣрѣ къ сторонѣ наступавшей 7ой прусской дивизіи ихъ положительно не было. Равно, видимо, не было и разъ-

[1]) Фальи, стр. 45—46.

[2]) „Нѣмецкая артиллерія и проч.“ книжка: „Бои 29, 30 и 31 августа 1870 года“, стр. 43.

ѣздовъ. А куда дѣлась кавалерійская дивизія корпуса — неизвѣстно. Едва ли эта дивизія не начала тогда уже (30 августа) отступленія на свою руку прямо въ бельгійскіе предѣлы, посредствомъ коего она случайно избѣжала общаго—Седанскаго погрома. При описаніи же дальнѣйшаго хода Бомонскаго сраженія упоминается только о кавалеріи 12го французскаго корпуса.

Вообще, командиръ 5го французскаго корпуса не особо счастливъ былъ въ употребленіи и распредѣленіи своей кавалерійской дивизіи. Такъ изъ его же сочиненія[1]) видно, что еще 10 августа, въ то время, когда онъ прибылъ со своею 3ею пѣхотною бригадою въ Люневиль (съ намѣреніемъ идти на Нанси, согласно приказанія императора), кавалерійская дивизія его оказалась въ другой колоннѣ корпуса, верстахъ въ тридцати южнѣе Люневиля. За симъ Фальи, видимо, не имѣлъ средствъ провѣрить ложные слухи о близости преслѣдующихъ нѣмцевъ и о занятіи ими будто Нанси; почему онъ, вмѣсто того, чтобы идти къ этому городу, уклонился къ югу, удаляясь такимъ образомъ отъ Меца, у котораго какъ разъ готовились роковыя событія.

Можно предположить, что отсутствіе постоянной конницы при дивизіяхъ дало себя почувствовать 5му французскому корпусу—какъ въ свое время у Люневиля, такъ и у Бомона. По крайней мѣрѣ можно допустить, что начальники пѣхотныхъ дивизій, имѣя непосредственно въ распоряженіи своемъ конницу, едва ли могли упустить изъ виду освѣщеніе мѣстности вокругъ своихъ лагерей, а начальникъ французскаго аріергарда быть можетъ правильно распорядился бы кавалеріею (предполагая, что она у него была), если бы отношенія пѣхотныхъ начальниковъ къ кавалеріи были болѣе опредѣленныя и постоянныя.

Это мнѣніе раздѣляетъ и авторъ „Стратегическихъ писемъ", принцъ Гогенлоэ, который неудачное для французовъ начало Бомонскаго сраженія приписываетъ, между прочимъ, „неправильной организаціи, не придавшей кавалеріи пѣхотнымъ дивизіямъ".

Конечно, нетрудно доказать, что и при данной организаціи корпуса Фальи (три дивизіи пѣхоты съ одной кавалерійской) возможно было распорядиться мѣрами охраненія, развѣдками и проч. Можно даже „отыскать виновныхъ" въ упущеніи—хотя бы, напримѣръ, самаго командира корпуса, Фальи, или его начальника штаба, Бэссона, или же, наконецъ, начальника кавалерійской дивизіи. Но „отыскать виновныхъ" не значитъ „исправить дѣло" разъ безповоротно испорченное, или же хотя — предотвратить ошибки

[1]) Стр. 19—23.

въ будущемъ. Ошибки эти должны быть предотвращены надлежащею организаціею. Если корпусное начальство ежедневно должно заботиться о распредѣленіи кавалеріи по пѣхотнымъ дивизіямъ, то лучше разъ на всегда придать послѣднимъ извѣстное количество конницы, тѣмъ болѣе, что корпусное начальство, какъ старшее, въ случаѣ надобности, можетъ распорядиться и дивизіонною конницею, никогда не теряя надъ нею своей власти и авторитета. Между тѣмъ наоборотъ—начальникъ пѣхотной дивизіи, коему конница придается только временно, никогда не будетъ ея „настоящимъ начальникомъ" и слѣдовательно не извлечетъ изъ нея надлежащей пользы. Наконецъ, если кавалерія разъ на всегда будетъ придана пѣхотнымъ дивизіямъ, то корпусное начальство избѣжитъ многихъ лишнихъ мелкихъ заботъ и будетъ имѣть возможность сосредоточить мысли свои на болѣе важномъ.

Надо впрочемъ сознаться, что начальство 5го французскаго корпуса, упустивъ подробности, не успѣло и въ болѣе важномъ. Самымъ важнымъ, напримѣръ въ данномъ случаѣ, для 5го корпуса у Бомона было поскорѣе убраться за р. Мезу, во исполненіе полученнаго приказанія; а между тѣмъ изъ словъ самого же Фальи видно, что головы его колоннъ не двинулись въ 11 часовъ дня (какъ было имъ приказано); онѣ стали въ ружье лишь въ то время, когда нѣмецкія батареи открыли огонь по ихъ лагерямъ, т. е. „въ половинѣ перваго часа".

Генералъ Фальи проявилъ и общее тогдашнимъ французскимъ начальникамъ непониманіе первенствующаго значенія боя, какъ средства сломить силы и сопротивленіе противника. Напротивъ того, генералу Фальи, какъ и другимъ французскимъ начальникамъ, все еще мерещились какіе то безотносительные маневры, важные какъ будто „per se" пункты и т. п.[1]). Такимъ только образомъ могло случиться, что въ то именно время, когда нѣмцы 30 августа просто двигались на французовъ съ цѣлью „разбить" ихъ, Фальи (по его же словамъ) неизвѣстно изъ чего вывелъ заключеніе, что „нѣмцы продолжаютъ свое движеніе къ Степэ". Вопросомъ, какова могла быть цѣль такого движенія и какой пользы могли ожидать отъ него нѣмцы,—Фальи, видимо, не задавался; а между тѣмъ подобное рѣшеніе со стороны нѣмцевъ отнюдь не принадлежало бы къ разряду „самыхъ разумныхъ", какія обыкновенно принято приписывать непріятелю.

[1]) Конечно есть „на театрѣ войны важные пункты", но важны они не сами по себѣ, а по причинѣ выгодъ представляемыхъ по отношенію боевыхъ столкновеній съ противникомъ или сохраненія и увеличенія своей боевой способности.

VI.

Критическій взглядъ на обоюдныя предположенія и дѣйствія въ „Седанскомъ походѣ“ по 31 августа.

Мнѣніе „Оффиціальной прусской исторіи войны“ о предположеніяхъ и дѣйствіяхъ французовъ. „Планъ“ графа Палликао имѣетъ корень въ соображеніяхъ политическихъ; онъ не былъ разработанъ и подготовленъ. Несоразмѣрность средствъ съ поставленными задачами. Игнорированіе элемента боя и побѣды. Пассивность при исполненіи задачъ активныхъ.—Бои у Меца (съ 14 по 18 августа) не привели нѣмцевъ къ желаннымъ результатамъ. Причины, по коимъ они затѣмъ задались одновременно двумя цѣлями. Для обезпеченія успѣха нѣмцевъ надо было заручиться серіозными гарантіями въ томъ, что дѣйствія блокадной арміи у Меца будутъ согласны съ видами генерала Мольтке; это не исполнено изъ за „культа принципа самостоятельности командировъ армій“. Принцу Фридриху-Карлу не дано опредѣленныхъ указаній. Стремленіе нѣмцевъ къ двумъ цѣлямъ могло обратиться въ „погоню за двумя зайцами“. Окончательнымъ успѣхомъ нѣмцы обязаны ошибкамъ противника и своей энергіи. Блистательное исполненіе нѣмцами операціи погони за „Шалонской арміей“.

Бомонское пораженіе закончило собою недѣльный походъ Шалонской арміи французовъ, предпринятый для освобожденія Базена. Съ этого момента Макъ-Магону, почти совершенно настигнутому превосходными силами нѣмцевъ, оставалось только думать о собственномъ своемъ спасеніи.

Спрашивается невольно: въ чемъ именно кроются причины этой неудачи французовъ? Въ самомъ ли, такъ называемомъ, „планѣ“ ихъ операцій, или же „въ исполненіи“? Вотъ что говоритъ по этому поводу вполнѣ компетентный судья, „Оффиціальная прусская исторія войны“ [1]).

„Планъ, составленный въ Парижѣ въ видахъ освобожденія Рейнской арміи и совмѣстнаго отвоеванія потерянныхъ территорій, задуманъ смѣло и грандіозно. Однако ему недоставало необходимыхъ для успѣха основаній [2]). Вновь выставленная въ Шалонѣ армія не отличалась сплошною военною пригодностью и не всѣ части ея вполнѣ соотвѣтствовали предстоящимъ трудамъ и испытаніямъ. Хотя припасы и были собраны въ нѣсколькихъ пун-

[1]) Томъ 1, стр. 1297—1299.

[2]) Неполная надежность войскъ. Плохое интендантство. Зависимость полководца отъ внутреннихъ политическихъ соображеній.

ктахъ, но войска, тѣмъ не менѣе, терпѣли чувствительный недостатокъ при непредвидѣнныхъ то туда, то сюда передвиженіяхъ. Самъ полководецъ рѣдко дѣйствовалъ по личному, свободному рѣшенію, но по большей части—подъ давленіемъ политическихъ стремленій въ Парижѣ и по получавшимся оттуда указаніямъ".

„Однако, не смотря на всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства, въ началѣ предпріятія частный по крайней мѣрѣ успѣхъ не былъ невозможенъ, потому что французы пользовались тогда цѣнною выгодою упрежденія".

„Въ то время когда маршалъ Макъ-Магонъ въ эпоху перехода своего изъ Шалона въ Реймсъ довольно хорошо былъ освѣдомленъ о передвиженіяхъ нѣмцевъ, послѣдніе въ непріятельской странѣ, потерявъ разъ соприкосновеніе съ противникомъ, лишены были какихъ бы то ни было свѣдѣній о намѣреніяхъ французовъ. Было, правда, доподлинно извѣстно, что значительныя боевыя силы собираются въ Шалонѣ на глазахъ императора; дознано было также, что туда же притянуты прогнанные изъ Эльзаса французскіе корпуса; но всѣ военныя соображенія говорили въ пользу того, что войска эти назначались для защиты угрожаемой столицы и что они будутъ ожидать наступленія нѣмцевъ въ какомъ либо соотвѣтственномъ фронтальномъ или фланговомъ расположеніи. Поэтому въ главной королевской квартирѣ мало или вовсе не вѣрили первымъ намекамъ и слухамъ о составленномъ въ Парижѣ и приводимомъ уже въ исполненіе планѣ дѣйствій".

„Хотя французы упустили уже драгоцѣнное время передвиженіемъ своимъ къ Реймсу и Ретелю, но они, тѣмъ не менѣе, къ вечеру 25 августа стояли съ 150 тысячами человѣкъ почти на правомъ флангѣ направленнаго на западъ фронта нѣмцевъ, между тѣмъ, какъ послѣдніе все еще предполагали французовъ впереди себя по направленію къ Парижу".

„Въ ближайшіе дни Шалонская армія могла вторгнуться въ Аргонны съ сѣверной стороны и тамъ по одиночкѣ смять и разбить войска кронпринца Саксонскаго; но въ этотъ же еще вечеръ, 25 числа, произошелъ рѣшительный поворотъ, который разомъ вырвалъ у французовъ всѣ выгоды тогдашняго ихъ расположенія. Это былъ походъ нѣмецкихъ армій на сѣверъ, на перерѣзъ Макъ-Магону".

Такъ говоритъ „Оффиціальная прусская исторія войны".

Очевидно, что всѣ расчеты „плана" французовъ прежде всего должны были основываться на полной скрытности ихъ дѣйствій и на продолжительности заблужденія нѣмцевъ. Общепризнанная истина говоритъ, что „каждому маневру соотвѣтствуетъ свой

контрманевръ", конечно настолько, насколько для послѣдняго имѣется „время и средства". Средствъ у нѣмцевъ было вполнѣ достаточно; оставался вопросъ о времени. Послѣднее всецѣло зависѣло отъ срока раскрытія нѣмцами тайны французской операціи. Поэтому мѣры, клонящіяся къ отдаленію этого срока или, что одно и тоже, къ продолженію заблужденія нѣмцевъ (демонстраціи, ложные слухи и свѣдѣнія и проч.), должны были составлять интегральную часть самаго плана французскихъ дѣйствій. Но въ этомъ отношеніи французами не только ничего не исполнено, но, насколько можно судить, даже ничего предположено не было. А потому, въ виду столь существенныхъ пробѣловъ предположеніе графа Паликао нельзя даже назвать „планомъ",—это была просто брошенная пока только „мысль", которая требовала еще соотвѣтственной подробной разработки и матеріальной подготовки. Между тѣмъ маршалъ Макъ-Магонъ приступилъ прямо къ исполненію Немудрено, что съ перваго же часа встрѣтились запинки.

Шалонскій лагерь брошенъ былъ французами преждевременно: тогда когда пѣхота нѣмцевъ была еще очень далеко. Большіе пожары въ лагерѣ (французы уничтожали въ немъ разные склады) возвѣщали о томъ нѣмецкимъ разъѣздамъ. Коль скоро же нѣмцы убѣдились, что французовъ нѣтъ болѣе у Шалона, то у нихъ естественно родился вопросъ: куда же дѣвалась французская армія? А разъ вопросъ былъ поставленъ, то этимъ самымъ близился срокъ разгадки французской тайны. Поэтому именно французамъ надо было занимать Шалонскій лагерь до послѣдней крайности и вообще принять мѣры для возможно продолжительнаго скрытія отъ нѣмцевъ перемѣнъ въ расположеніи своихъ войскъ. Такъ поставленъ былъ вопросъ теоретически. На дѣлѣ же совершенно достаточно было бы, если бы французы умѣли скрыть свои передвиженія хотя въ теченіе немногихъ дней[1]). Не слѣдуетъ

[1]) Для занятія Шалонскаго лагеря и другихъ демонстрацій съ цѣлью обмануть нѣмцевъ, хотя на время, можно было употребить, напримѣръ, часть изъ 18 баталіоновъ подвижной національной гвардіи, вывезенныхъ Трошю въ Парижъ изъ того же Шалонскаго лагеря. Далѣе, для этой же цѣли, мѣсто формированія 13 корпуса, Винуа, можно было изъ Парижа перенести въ Шалонъ. Наконецъ, можно было временно оставить въ Шалонѣ и часть арміи Макъ-Магона. Войска эти могли потомъ догнать армію, двигаясь по желѣзной дорогѣ. Это было бы отчасти даже выгодно для этихъ войскъ, такъ какъ многія части торопливо отправлены были въ новый походъ, будучи недостаточно еще приведенными въ порядокъ и не получивъ полнаго снабженія. При демонстративныхъ дѣйствіяхъ весьма полезна была бы конница; къ сожалѣнію, у Французовъ было ея мало,—была однако кавалерія корпуса Винца; притомъ лучше было употребить для демонстраціи напримѣръ дивизію Бонемена, которая все время, до самого Седана, безъ нужды и цѣли слонялась между походными колоннами французскихъ корпусовъ. Самъ императоръ Наполеонъ, игравшій такую незавидную роль при арміи Макъ-Магона, съ гораздо большею пользою для дѣла могъ бы оставаться подольше въ Шалонѣ, или хотя бы позже

забывать, что каждый день выигранный французами значительно измѣнялъ обстановку въ ихъ пользу. Въ теченіе каждыхъ сутокъ нѣмцы подвигались на цѣлый переходъ на западъ, а французы на переходъ въ восточномъ направленіи. Такимъ образомъ послѣ того какъ фронты враждебныхъ армій разъ подравнялись, т. е. очутились на одной высотѣ, (какъ дѣйствительно было 25 августа), то каждый слѣдующій день увеличивалъ бы разстояніе между ними на цѣлыхъ два перехода.

Если взять за основаніе именно обоюдное расположеніе 25 числа, то, не смотря на большую передъ тѣмъ потерю времени французами, положеніе ихъ было еще такое, что если бы удалось сохранить тайну дня на два, то 3ая нѣмецкая армія никакъ не поспѣла бы уже наперерѣзъ Макъ-Магону; одни же войска 4ой арміи, кронпринца Саксонскаго, если бы и подоспѣли, то могли быть разбиты отдѣльно, какъ это и признаетъ „Оффиціальная прусская исторія войны". Однимъ словомъ, при сохраненіи тайны французскихъ операцій, хотя бы еще въ теченіе двухъ дней, нѣмцамъ, не смотря на громадныя ихъ „средства", не хватило бы уже „времени", для надлежащаго „контрманевра".

Съ этимъ нельзя не согласиться, если смотрѣть на вопросъ только съ точки зрѣнія чисто стратегически-научной. А именно можно сказать, что при предположенной обоюдной обстановкѣ „французамъ могъ представиться случай одержать побѣду надъ частью силъ противника". Но подобные случаи представлялись французамъ и прежде; напримѣръ подъ Шпихерномъ и въ особенности подъ Марсъ-ля-Туромъ. Тамъ все было уже готово для побѣды; ее не нужно было подготовлять предварительными стратегическими маневрами. Однако дни Шпихерна и Марсъ-ля-Тура вмѣсто побѣдъ дали французскимъ начальникамъ двѣ крупныя неудачи, вполнѣ ими заслуженныя. Какія, же имѣются данныя на то, что французскіе начальники въ предпринятомъ Макъ-Магономъ походѣ сумѣли бы распорядиться лучше?

Основныя отрицательныя свойства французскихъ начальниковъ, которыя ранѣе сего вмѣсто побѣдъ давали имъ однѣ лишь пораженія, оставались все одни и тѣже. Самъ маршалъ Макъ-Магонъ, такъ же какъ и другіе тогдашніе французскіе начальники, не относился къ „бою" съ надлежащею серіозностью. Французы какъ будто не

въ Реймсѣ. Когда невозможно было уже скрыть выбытія арміи Макъ-Магона изъ подъ Шалона, то не трудно было распустить слухъ „о движеніи ея въ Парижъ", хотя бы для подтвержденія его пришлось какимъ либо частямъ арміи дѣйствительно пропарадировать по улицамъ столицы. Желѣзныя дороги давали средства для подобной демонстраціи. Крикъ и шумъ по этому поводу болтливыхъ Парижскихъ газетъ вѣроятно сослужилъ бы тогда французамъ хорошую, въ видѣ исключенія, службу.

сознавали, что положительный успѣхъ на войнѣ никакъ не можетъ быть одержанъ только хожденіемъ войскъ или занятіемъ излюбленныхъ пунктовъ, а что надо пересилить противника „боемъ и побѣдою“.

Генералъ Вимпфенъ, другъ автора Седанскаго похода, графа Паликао, говоритъ по поводу этого проекта между прочимъ слѣдующее:

„Графъ Паликао (въ согласіи съ совѣтомъ министровъ въ Парижѣ) полагалъ, что первая очередная операція должна дать князю Маджента“ (маршалу Макъ-Магону) „возможность подойти на помощь Базену быстрымъ и искуснымъ походомъ и совершить соединеніе съ войсками въ Мецѣ. Разъ соединеніе совершилось, разъ Мецъ освобожденъ отъ блокады, то обѣ соединенныя французскія арміи, имѣя на лицо около 280 тысячъ человѣкъ, могли, дѣйствуя соотвѣтственно обстоятельствамъ, бросить вызовъ нѣмецкимъ силамъ [1]).

Изъ этого видимъ, что здѣсь рѣчь идетъ обо всемъ, но только не „о боѣ и побѣдѣ“, зато говорится о „помощи Базену“, о „соединеніи“ съ нимъ, объ „освобожденіи Меца отъ блокады“, наконецъ, и „о вызовѣ нѣмцамъ“. Идеаломъ французскихъ начальниковъ въ этомъ случаѣ является, слѣдовательно, „мирное“, такъ сказать, соединеніе Макъ-Магона съ Базеномъ. Но при подобномъ мирномъ соединеніи французскихъ силъ и армія принца Фридриха-Карла осталась бы, естественно, тоже цѣла и невредима. А такъ какъ остальныя нѣмецкія арміи, 3ая и 4ая, рано или поздно (вопросъ немногихъ дней) должны были замѣтить свою ошибку, и, въ свою очередь, устремиться за Макъ-Магономъ, то, по весьма справедливому замѣчанію генерала Г. А. Леера, это привело бы только къ сосредоточенію тамъ значительно слабѣйшихъ въ общемъ двухъ французскихъ армій противъ четырехъ нѣмецкихъ [2]). Поэтому не можетъ, кажется, подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что предположенное французами (если бы даже было исполнимо) „мирное соединеніе“ ихъ армій было бы для нихъ крайне невыгодно. Французы, напротивъ того, должны были всѣми мѣрами стремиться къ тому, чтобы не то что „соединиться между собою“, а непремѣнно „настигнуть и разбить“ принца Фридриха-Карла именно въ то еще время, когда армія его, раскинутая вокругъ Меца по обоимъ берегамъ р. Мозеля, не успѣла бы еще

[1]) Вимпфенъ, стр. 105.

[2]) „Публичныя лекціи о войнѣ 1870 г.“, изд. 1871 г., стр. 209. — Дѣйствительно, допустивъ даже, что французы имѣли бы у Меца въ полѣ 280 тысячъ, то нѣмцы могли противоставить имъ тамъ до 450 тысячъ.

принять мѣръ противъ нападенія французовъ или же во́-время уклониться отъ ихъ ударовъ.

Вводомъ къ подобному успѣху могла служить попутная, такъ сказать, аттака и побѣда надъ частью нѣмецкихъ войскъ, наступавшихъ къ Парижу (т. е. надъ 4^ою^ нѣмецкою арміею). Эта послѣдняя операція составляла собственно первую задачу Макъ-Магона. Она отходила на второй планъ единственно настолько, насколько погоня за побѣдою надъ арміею кронпринца Саксонскаго слишкомъ бы замедлила наступленіе къ Мецу и задерживала Макъ-Магона въ сферѣ возможнаго удара 3^ей^ нѣмецкой арміи. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ выходитъ, что французы должны были искать „соединенія посредствомъ побѣды" или, вѣрнѣе, „вмѣстѣ съ побѣдою", а не эвентуальной побѣды „послѣ своего соединенія", потому что и нѣмцы могли тоже соединиться для противодѣйствія.

Но, вмѣсто того, чтобы думать о боѣ и побѣдѣ, маршалъ Макъ-Магонъ „не наступалъ" къ Мецу, а такъ сказать только къ нему „прокрадывался", даже въ то время, когда былъ уже раскрытъ нѣмцами и когда, слѣдовательно, настало время дѣйствовать начистоту. А между тѣмъ Макъ-Магонъ, которому не удалось „обойти" нѣмцевъ своими нехитрыми маневрами, упорствовалъ непремѣнно обойти ихъ операціонное направленіе, вездѣ и всегда уклоняясь подальше отъ всякой встрѣчи и столкновенія съ противникомъ. А именно: когда нѣмцы преградили маршалу путь черезъ намѣченную имъ переправу у Денъ, то онъ нацѣлился на слѣдующую, къ сѣверу—къ Стенэ; считая затѣмъ и эту переправу не безопасною, онъ пошелъ еще сѣвернѣе—на Музонъ и наконецъ—на Ремильи. Такимъ образомъ Макъ-Магонъ въ концѣ концовъ очутился у самой бельгійской границы, то есть въ сущности — на краю пропасти. Таковы были плоды „пассивнаго наступленія" Шалонской арміи, во время коего французы, вмѣсто того, чтобы смѣлымъ и энергическимъ починомъ предписывать законъ противнику, сами всегда и вездѣ подчинялись воздѣйствію нѣмцевъ.

Когда Макъ-Магонъ замѣтилъ, что онъ раскрытъ уже противникомъ, то, говоря теоретически, ему оставалось одно изъ двухъ: или разбить ближайшія войска противника и за симъ продолжать свои операціи, или же немедленно принять мѣры для спасенія собственной своей арміи.

Въ дѣйствительности же, разъ Макъ-Магонъ раскрытъ былъ нѣмцами, то шансы дальнѣйшаго успѣшнаго движенія его къ Мецу, въ виду наступавшихъ съ юга побѣдоносныхъ непріятельскихъ

армій, при данной современной обстановкѣ, были крайне малы. Однако на войнѣ и въ лучше соображенныхъ операціяхъ противника, приводимыхъ въ исполненіе даже вполнѣ надежнымъ превосходствомъ силъ, могутъ на дѣлѣ оказаться прорѣхи, которыми и пользуются смѣлые и энергичные полководцы [1]). Такою прорѣхою въ операціяхъ генерала Мольтке было, напримѣръ, неосторожное наступленіе 4ой нѣмецкой арміи (гвардейскій и саксонскій корпуса) передъ общую линію стратегическаго фронта нѣмцевъ, произведенное 29 августа и окончившееся стычкою у Нуара.

Если бы, напримѣръ, Макъ-Магонъ вмѣсто того, чтобы безъ конца уклоняться отъ непріятеля, смѣло накинулся въ тотъ день на 4ую нѣмецкую армію всѣми четырмя своими корпусами, то онъ, на сколько побѣда зависитъ отъ превосходства силъ, имѣлъ бы за собою всѣ шансы успѣха, успѣха не малаго, такъ какъ нѣмцы, привыкшіе въ теченіе этой кампаніи вездѣ и всегда побѣждать французовъ, навѣрное держались бы до послѣдней крайности и ушли бы съ поля не иначе, какъ окончательно разбитые [2]). Отъ размѣра подобнаго предполагаемаго пораженія нѣмцевъ, въ которое вѣроятно вовлеченъ бы былъ и ближайшій 4ый прусскій корпусъ, зависѣло бы дальнѣйшее положеніе дѣлъ.

Однако не лишнимъ будетъ оговориться, что сказанное тутъ о возможныхъ успѣхахъ французовъ заключаетъ въ себѣ въ сущности только предположенія чисто теоретическія, и, признаться откровенно,—непримѣнимыя къ данной конкретной обстановкѣ. Шалонская армія французовъ, какъ боевой матеріалъ, стояла ниже войскъ нѣмецкихъ и притомъ значительно уступала имъ въ численности. Интендантская неурядица ослабляла французскія войска физически и подрывала нравственныя ихъ силы. Французы имѣли на своей сторонѣ одну только выгоду почина и возможнаго упре-

[1]) И такъ, напримѣръ, и считающійся образцовымъ походъ Наполеона I въ 1805 году передъ побѣдами при Іенѣ и Ауэрштетѣ могъ быть прерванъ чувствительными частными неудачами. Въ день 10 октября первый эшелонъ лѣвой колонны арміи императора: корпусъ Ланна, отдѣленный отъ остальныхъ трудно проходимою долиною р. Заалы могъ быть разбитъ отдѣльно. Въ подобномъ положеніи дѣйствительно очутился Ланнъ и 13 октября, когда на него двинулась армія принца Гогенлоэ, случайно только задержанная потомъ дурно понятымъ приказаніемъ. (Объ этомъ упоминаетъ и авторъ „Стратегическихъ писемъ“ т. 1, стр. 36—50).

[2]) Тутъ ничего не значатъ слова командира 4-ой нѣмецкой арміи, который, предпринимая свое наступленіе 29 числа (вопреки точнаго смысла указаній главной королевской квартиры), толковалъ утромъ 29 числа своимъ генераламъ, что предпринятое имъ движеніе есть „только рекогносцировка“. Дѣло наступленія двухъ корпусовъ явно тому противорѣчитъ; равно какъ и послѣдующія приказанія командира арміи, чтобы гвардія не наступала далѣе Бомона, но только „держалась“ у него и шла на подмогу къ Нуаръ“ тогда только, когда тамъ „разыграется серіозное дѣло“. Ясно, что если бы французы аттаковали, то нѣмцы дали бы имъ самый рѣшительный отпоръ. Возможность же пораженія нѣмцевъ вполнѣ признается и авторомъ „Стратегическихъ писемъ“, принцемъ Гогенлоэ, какъ сказано уже прежде.

жденія противника, но для того, чтобы воспользоваться этимъ единственнымъ преимуществомъ, нужно было раціональное и энергическое общее командованіе со стороны командира Шалонской арміи, съ надлежащею поддержкою со стороны частныхъ французскихъ начальниковъ. Къ сожалѣнію, какъ тотъ, такъ и другіе не стояли на высотѣ серіознаго положенія дѣлъ. Они не отошли отъ своихъ товарищей, не умѣвшихъ побѣдить при Шпихернѣ, при Марсъ-ля-Турѣ и при Нуассевилѣ, не смотря на всѣ внѣшнія въ пользу французовъ данныя [1]).

Такимъ образомъ выходитъ въ концѣ концовъ, что проектъ графа Паликао (выработаннымъ планомъ его назвать нельзя) вовсе не принималъ въ расчетъ существующихъ реальныхъ средствъ, имѣя за собою только данныя, такъ сказать, геометрическія, то есть то обстоятельство, что ведущіе къ Мецу сѣверные пути, по коимъ въ извѣстный срокъ можно было подойти къ Мецу, были до-времени свободны отъ нѣмцевъ: пока послѣдніе на нихъ не подвинулись. Вотъ на чемъ единственно опирались всѣ предположенія графа Паликао; все же остальное,—числительность, сравнительное качество и духъ арміи, свойства ея предводителей, наконецъ и часть интендантская—неблагопріятствовало затѣямъ французовъ.

Между тѣмъ нельзя не помнить, что война есть дѣло по существу своему вполнѣ практическое и реальное; въ немъ нельзя отдѣлять предположеній для операцій, или такъ называемаго „плана", отъ „средствъ" данныхъ для исполненія. Самыя, такъ сказать, академически-геніальныя соображенія и планы тогда только могутъ быть признаны практически-удовлетворительными, когда они согласованы съ данною конкретною, реальною обстановкою, и удовлетворяютъ всѣмъ существеннымъ ея условіямъ. Проектъ графа Паликао удовлетворялъ собственно только одному изъ данныхъ условій, а потому, хотя, слѣдуя оффиціальной прусской исторіи войны, самую мысь можно пожалуй назвать „смѣлою и грандіозною", но проектъ или (пусть будетъ) „планъ" дѣйствій, на ней

[1]) Самъ маршалъ Макъ-Магонъ достаточно заявилъ себя въ этомъ кратковременномъ походѣ; что же касается остальныхъ французскихъ начальниковъ, то, напримѣръ, Бомонское пораженіе обличаетъ не одну только неспособность командира 5-го французскаго корпуса... Для такого безобразнаго упущенія самыхъ элементарныхъ предосторожностей, какое допущено было тамъ французами, нужна была, можно сказать, чуть не повальная халатность и недомекъ со стороны подлежащихъ дѣятелей. Неутѣшительную также картину общаго и частнаго управленія въ 7-мъ французскомъ корпусѣ представляетъ эпизодъ 25 августа у Вузіеръ, когда цѣлый французскій корпусъ простоялъ на боевой позиціи (вслѣдствіе появленія нѣсколькихъ нѣмецкихъ эскадроновъ) всю ночь съ 25 на 26 августа, и не выяснивъ этого недоразумѣнія подалъ поводъ къ ложному маневру всей арміи Макъ-Магона въ теченіе 26 числа. Съ такими сподвижниками и лучшій главнокомандующій маневрировать не можетъ, а безъ маневра нѣтъ почина, безъ почина нѣтъ побѣды.

основанный, какъ несогласный съ реальною конкретною обстановкою, нельзя не признать просто „мертворожденнымъ“.

Что же сказать объ исполненіи?

Проведеніе въ дѣло смѣлыхъ (или, вѣрнѣе сказать, слишкомъ смѣлыхъ) соображеній графа Паликао было не по-плечу и не по-нутру подневольному исполнителю ихъ маршалу Макъ-Магону. Маршалъ не сочувствовалъ затѣямъ военнаго министра; но онъ, съ другой стороны, не имѣлъ достаточно характера, чтобы отстоять свои убѣжденія. Напротивъ того, Макъ-Магонъ какъ бонапартистъ-политикъ исполнялъ то именно, что самъ же порицалъ какъ главнокомандующій.

Въ дѣйствительности Макъ-Магонъ не былъ настоящимъ командиромъ арміи—онъ не былъ самостоятельною движущею силою; онъ „не везъ а—его волокли“. Двигали же маршала и его злополучную армію двѣ разныя постороннія силы. Настоянія изъ Парижа толкали французовъ на востокъ, а страхъ предъ встрѣчею съ непріятелемъ гналъ ихъ на сѣверъ. Наконецъ равнодѣйствующая этихъ силъ уже къ вечеру 30 августа привела Шалонскую армію къ бельгійскимъ предѣламъ, т. е. поставила ее на край погибели....

А между тѣмъ маршалъ Макъ-Магонъ какъ „самостоятельный“ главнокомандующій навѣрное уберегъ бы армію отъ непосильной и гибельной операціи; поддавшись же политиканству, онъ погубилъ свои войска и по меньшей мѣрѣ ускорилъ паденіе той же самой династіи, въ дурно-понятыхъ интересахъ коей нарушилъ обязанности военачальника и гражданина своего отечества.

Характеристическою чертою нѣмецкаго военачалія въ періодъ времени послѣ перехода Мозеля было вполнѣ сознательное стремленіе къ достиженію крупныхъ цѣлей, посредствомъ дѣйствій самыхъ рѣшительныхъ, проводимыхъ въ дѣло съ мужественною энергіею и крайнимъ напряженіемъ всѣхъ физическихъ и нравственныхъ силъ войскъ. Этимъ-то именно солиднымъ свойствамъ общаго и частнаго командованія, нѣмцы, не смотря на немалые промахи, обязаны были своими замѣчательными успѣхами.

Въ предыдущей главѣ уже сказано, что нѣмцы вогнали Базена въ Мецъ вовсе не по расчету, а такъ сказать случайно и почти противъ своей воли. Они собственно стремились къ тому, чтобы разбивъ французовъ въ полѣ погнать ихъ на нейтральную границу и такимъ образомъ уничтожить совершенно армію Базена.

Вслѣдствіе ухода Базена къ укрѣпленіямъ Меца (послѣ Гравелётскаго сраженія) являлось совершенно новое положеніе дѣлъ,

вовсе не предвидѣнное нѣмецкимъ начальствомъ и далеко для него не желанное. Положеніе это, правда, сулило нѣмцамъ плоды въ будущемъ (гибель окруженной арміи Базена), но само по себѣ не было еще успѣхомъ рѣшительнымъ.

Нѣмцы, какъ уже сказано, мечтали совсѣмъ покончить съ Базеномъ тутъ же, на дняхъ; теперь же предстояло имъ достигнуть этого развѣ только посредствомъ болѣе или менѣе продолжительной блокады. Нѣмцы, конечно, обладали достаточными средствами для полнаго обложенія Базена и надежнаго прикрытія блокады отъ всякихъ покушеній французовъ. Успѣхъ блокады былъ въ концѣ концовъ несомнѣненъ, но онъ требовалъ времени.

А между тѣмъ нѣмцы не могли упускать изъ виду, что Франція, застигнутая ими врасплохъ съ далеко неудовлетворительною военною организаціею, тѣмъ не менѣе заключала въ себѣ еще громадные сырые элементы для новыхъ обширныхъ вооруженій. Обладая богатѣйшими финансовыми средствами, вполнѣ развитымъ всестороннымъ фабричнымъ и промышленнымъ производствомъ, упираясь съ трехъ сторонъ на открытыя для себя моря, Франція, бросивъ пока армію Базена какъ будто на приманку нѣмцамъ, не сегодня-завтра, съ имперіею или уже безъ нея, могла возстать въ грозномъ величіи.

Положимъ, нѣмецкая армія не испугалась бы новыхъ французскихъ формацій. Но возрожденіе силъ Франціи и запинки въ ходъ поразительныхъ до сихъ поръ успѣховъ нѣмцевъ могли имѣть послѣдствіемъ невыгодныя для нихъ политическія усложненія; да и въ самой Германіи продолжительная война не могла быть популярною [1]). Нѣмцамъ, слѣдовательно, по многимъ причинамъ невыгодно было замѣнить живую наступательную войну, давшую до сихъ поръ однѣ только торжества, сидѣніемъ подъ Мецомъ, окончательный срокъ коего, бывшій въ зависимости отъ неизвѣстнаго нѣмцамъ количества съѣстныхъ припасовъ въ крѣпости, впредь не могъ быть предвидѣнъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ нѣмецкое начальство не могло избрать Мецъ своимъ главнымъ и почти единственнымъ предметомъ дѣйствій. За симъ оно въ буквальномъ почти значеніи выраженія „не теряя ни минуты“, намѣтило себѣ двѣ новыя крупныя цѣли: съ одной стороны рѣшено было не упускать армію Базена,

---

[1]) Небезъизвѣстно, что напр. общественное мнѣніе въ Италіи сильно склонялось къ вооруженному вмѣшательству въ пользу Франціи, союзницы въ борьбѣ съ Австріею въ 1859 г., не говоря уже объ Австріи. Въ самой Германіи не было недостатка во врагахъ Пруссіи, удерживаемыхъ и до-времени примиряемыхъ общими побѣдами нѣмцевъ.

а съ другой, накинуться на Шалонскую армію французовъ. За пораженіемъ послѣдней нѣмецкому начальству вѣроятно рисовалась впереди возможность застигнуть Парижъ (съ миліоннымъ его изнѣженнымъ населеніемъ), хотя и укрѣпленный, но быть можетъ потрясенный пораженіями, не снабженный продовольствіемъ и въ концѣ концовъ неспособный къ оборонѣ.

Объектомъ 1ой и 2ой нѣмецкихъ армій назначенъ былъ Мецъ, т. е. армія Базена; предметомъ другихъ двухъ, 3ей и 4ой, — Шалонъ или, вѣрнѣе, собравшаяся тамъ французская армія.

Конечно, новый планъ дѣйствій, поставившій себѣ разомъ двѣ цѣли, не былъ безъ извѣстнаго риска. Для того, чтобы сохранить достаточныя силы для наступленія на Шалонъ и Парижъ, пришлось ослабить блокадную армію у Меца, такъ что послѣдняя, сильная на лѣвомъ берегу р. Мозеля, до подхода подкрѣпленій изнутри Германіи, не была въ состояніи поддержать полнаго, прочнаго обложенія Меца на правой сторонѣ рѣки [1]). Но при подобномъ распредѣленіи силъ у Меца, даже при самыхъ раціональныхъ дальнѣйшихъ предположеніяхъ и дѣйствіяхъ со стороны нѣмцевъ, укрывшимся въ Мецѣ французамъ все таки представлялись многія шансы; отъ нихъ только зависѣло быть сильнѣе нѣмцевъ на правомъ берегу Мозеля. Позволительно думать, что авторъ новаго операціоннаго плана нѣмцевъ не упустилъ изъ виду этихъ эвентуальностей, но онъ, видимо, расчитывалъ на дознанное уже малоудовлетворительное командованіе у французовъ и на раціональныя распоряженія со стороны командира блокадной нѣмецкой арміи.

Послѣдствія показали, что если Базенъ бездѣятельностью своею и превзошелъ самыя смѣлыя надежды нѣмцевъ, то за то начальство блокадной ихъ арміи, хотя и преисполненное рѣшимости и энергіи, оказалось далеко ниже поставленной ей задачи, такъ что окончательный успѣхъ нѣмцевъ (плѣненіе арміи Базена и взятіе Меца) вполнѣ зависѣлъ отъ такого рода дѣйствія или, вѣрнѣе, бездѣйствія французовъ, на которое никто ранѣе не могъ расчитывать, да и не расчитывалъ.

Первою и самою главною задачею поставленной блокадной арміи у Меца было преградить Базену пути изъ Меца прямо на западъ. Для этого пришлось употребить большинство силъ, то есть шесть корпусовъ, оставивъ на правомъ берегу рѣки только одинъ корпусъ и отрядъ Куммера (въ коемъ было 18 баталіоновъ).

[1]) Впрочемъ ожидалось скорое прибытіе корпуса великаго герцога Мекленбургскаго и ландверной дивизіи Ботмера.

*

Поэтому въ указаніяхъ, данныхъ командиру блокадной арміи, выражено было, что „войска праваго берега Мозеля, если нужно будетъ, должны уклониться отъ натиска превосходныхъ силъ непріятеля". Такимъ образомъ по мысли генерала Мольтке, Базену, въ случаѣ прорыва изъ блокады, открывались всѣ пути по правую сторону р. Мозеля, по крайней мѣрѣ въ началѣ его наступленія. Мысль главнаго нѣмецкаго начальства была вполнѣ раціональна.

Если бы Базенъ вышелъ изъ Меца (по правой сторонѣ Мозеля) и удалился отъ него, то онъ, лишенный всякой опоры со стороны крѣпости, былъ бы вынужденъ открыть себѣ сообщенія со страною или дальнимъ движеніемъ, во время коего онъ могъ быть настигнутъ нѣмцами, или же прямымъ боемъ съ превосходными силами противника, притомъ еще съ обратнымъ фронтомъ, т. е. въ такомъ положеніи, всѣ плоды коего пожинаются однимъ побѣдителемъ, то есть обыкновенно болѣе сильнымъ. Въ данномъ же случаѣ перевѣсъ силъ былъ на сторонѣ нѣмцевъ. Въ особенности выгодно было бы для нѣмцевъ, если бы Базенъ, прорвавшись сквозь блокаду, устремился на сѣверъ, гдѣ онъ могъ быть прижатъ къ нейтральной границѣ. Но для этого необходимо было, чтобы Базенъ выпущенъ былъ изъ блокады безъ особаго серіознаго боя, въ коемъ нѣмцы (какъ болѣе слабые на правомъ берегу р. Мозеля) легко могли быть разбиты. А между тѣмъ нѣмцамъ нужно было сохранить всѣ свои силы для преслѣдованія и пораженія Базена въ полѣ. По этимъ именно причинамъ нѣмецкимъ войскамъ праваго берега Мозеля отнюдь не слѣдовало прямо преграждать путь Базену, но, отступая передъ нимъ и предшествуя ему, всѣми мѣрами задерживать и замедлять движеніе французовъ (напр. порчею переправъ, уничтоженіемъ припасовъ и т. п.) для того, чтобы дать время остальной части блокадной арміи собраться и ударить на непріятеля. Вотъ почему Мольтке полагалъ „не рисковать боемъ на правомъ берегу р. Мозеля".

Изъ предыдущаго описанія хода дѣлъ у Меца видно, что принцъ Фридрихъ-Карлъ понялъ свою задачу совершенно иначе. Онъ рѣшилъ, во что-бы то ни стало, силою поддержать полную блокаду не только на лѣвой, но и на правой сторонѣ р. Мозеля и не выпустить изъ подъ нея Базена, „въ особенности же на сѣверъ". Такимъ образомъ, какъ уже достаточно доказано въ своемъ мѣстѣ, французамъ предоставленъ былъ прекрасный случай одержать крупный успѣхъ рѣшительною побѣдою на правомъ берегу р. Мозеля. Подобный успѣхъ радикально измѣнялъ положеніе дѣлъ у Меца и, какъ уже сказано, по меньшей мѣрѣ открылъ бы Базену совершенно безпрепятственный путь на югъ. Что путь этотъ вслѣдствіе распо-

ряженій нѣмецкой блокадной арміи и былъ совершенно свободенъ для французовъ, это признается и оффиціальною прусскою исторіею войны, а также и авторомъ „Стратегическихъ писемъ", какъ уже упомянуто въ своемъ мѣстѣ.

Если бы Базенъ, пользуясь своимъ выгоднымъ положеніемъ и безспорно доказанными ошибками противника, разбилъ часть блокадной арміи (на правомъ берегу Мозеля), напр. 26 августа, то есть тогда именно, когда онъ дѣйствительно намѣтилъ свое первое наступательное движеніе, то онъ безъ особаго труда и опасности могъ проложить себѣ путь въ южномъ направленіи. Съ другой стороны, Макъ-Магонъ, получивъ 27, или хотя бы даже 28 августа свѣдѣніе о движеніи Базена къ югу, по всей вѣроятности могъ бы еще прекратить свое наступленіе къ Мецу настолько во́-время, чтобы уклониться отъ грозившей ему опасности полнаго пораженія. Таковъ могъ быть исходъ новаго операціоннаго плана нѣмцевъ. Если же исходъ былъ иной, то это уже не было заслугою нѣмцевъ, а зависѣло отъ самихъ французовъ.

Послѣ всего сказаннаго невольно спрашивается: во что́ обратился бы весь дальнѣйшій планъ нѣмецкихъ операцій (послѣ Гравелётскаго боя), если бы Базенъ ускользнулъ изъ блокады? Не обратился ли бы планъ этотъ въ нѣчто совершенно схожее съ тѣмъ, что́ народная мудрость назвала „погонею за двумя зайцами". Въ то время, когда утромъ 19 августа окончательно утвержденъ былъ новый планъ нѣмцевъ, никакъ нельзя было предвидѣть, что Макъ-Магонъ дозволитъ, такъ сказать, живымъ забрать себя у Седана. Нѣмцы ни на что подобное расчитывать не могли и не расчитывали. Они напротивъ того (по свидѣтельству оффиціальной своей исторіи) предполагали, что вновь формируемая у Шалона французская армія будетъ стараться прикрыть или защитить Парижъ.

Слѣдовательно, рискуя упустить Базена, нѣмцы не могли навѣрно расчитывать ни на какой другой крупный успѣхъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшее время. Изъ всего этого слѣдуетъ, что „вполнѣ раціональное дѣйствіе со стороны блокадной нѣмецкой арміи было, такъ сказать, интегральною частью новаго операціоннаго плана нѣмцевъ". Поэтому и самый „планъ" предъ лицомъ научной критики можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ настолько, насколько вполнѣ обезпечено было соотвѣтственное дѣйствіе со стороны блокадной арміи, то есть дѣйствіе въ духѣ данныхъ ей свыше указаній. Иными словами, что прежде чѣмъ новый планъ былъ принятъ и утвержденъ окончательно, слѣдовало непремѣнно убѣдиться, каковы были мнѣнія и убѣжденія начальства блокадной арміи? Слѣдовало заручиться самыми серіозными га-

рантіями, что смѣлый и по обстоятельствамъ раціональный планъ нѣмецкаго начальства „погнаться разомъ за двумя цѣлями“ не будетъ испорченъ неправильнымъ его исполненіемъ.

Между тѣмъ все дѣло, повидимому, ограничилось только приведеннымъ въ своемъ мѣстѣ приказомъ короля Вильгельма 19 августа, въ 11 часовъ утра, который командиръ блокадной арміи понялъ и исполнилъ совершенно своеобразно, чтобы не сказать превратно. Результатомъ же неправильныхъ дѣйствій начальства блокадной арміи была отсрочка гибели запертой въ Мецѣ французской арміи почти на цѣлыхъ два мѣсяца, не смотря на всѣ непростительные промахи Базена.

Спрашивается: какъ все это могло случиться?

Произошло это едва ли не опять отъ доведеннаго до крайности у нѣмцевъ „культа принципа самостоятельности частныхъ начальниковъ и въ особенности командировъ армій“. Выше указано уже было, что изъ за этого же въ свое время, до перехода Мозеля, не были исполнены кавалерійскіе поиски въ тылъ Меца; послѣдствіемъ чего было очень рискованное и кровопролитное сраженіе при Марсъ-ля-Турѣ. Точно также главное нѣмецкое начальство не рѣшалось взять твердо въ свои руки дѣло развѣдки въ теченіе 17 августа, наканунѣ Гравелётскаго боя, почему оно на другой день дѣйствовало совершенно въ потемкахъ, ощупью, и ввязалось въ генеральное сраженіе почти совершенно неожиданно, при такой обстановкѣ, при которой не исключалась возможность неудачи [1]).

Война, какъ уже неоднократно было замѣчено, есть дѣло чисто практическое: она должна стремиться къ своимъ цѣлямъ, имѣя въ виду одну только реальную ближайшую обстановку, не оглядываясь ни на какіе такъ называемые общіе принципы и правила. Если общая обстановка, въ которой очутились нѣмцы послѣ 18 августа требовала извѣстнаго такого, а не инаго способа дѣйствій со стороны блокадной арміи у Меца, то главному нѣмецкому начальству, прежде принятія новаго плана дѣйствій, слѣдовало заручиться „полною увѣренностью“, что командиръ блокадной арміи у Меца раздѣляетъ его виды и убѣжденія. А коль скоро этой увѣренности не было, то и новый планъ дѣйствій нѣмцевъ нельзя назвать основаннымъ на фактическихъ, реальныхъ данныхъ. Самый же успѣхъ отнюдь не оправдываетъ нѣмцевъ. Исходъ ихъ операцій зависѣлъ прежде всего отъ отрицательныхъ

[1]) Лучшее употребленіе резерва со стороны Базена, или напр. присутствіе у Меца корпуса Фальи, который безъ всякой надобности, почти случайно участвовалъ въ бѣгствѣ Макъ-Магона, вмѣсто того чтобы идти къ Мецу.

свойствъ французскихъ начальниковъ и за симъ, неоспоримо, отъ смѣлаго почина и крайней энергіи нѣмцевъ, при отличныхъ детальныхъ распоряженіяхъ и безукоризненномъ, можно сказать, веденіи частной операціи наступленія на армію Макъ-Магона послѣ 25 августа.

Вотъ какъ въ крупныхъ чертахъ совершилось это дѣло:

Начальнымъ срокомъ новыхъ операцій нѣмцевъ можно считать 23 августа. Въ то время вся 3я армія (кромѣ 6го корпуса) находилась уже за р. Мезою, а передовыя кавалерійскія части подошли къ р. Марнѣ. Армія эта занимала по общему фронту мили 3½ и въ глубину болѣе пяти.

Въ то время изъ войскъ вновь сформированной 4ой нѣмецкой арміи саксонскій корпусъ находился у Конфлянъ (въ переходѣ отъ Меца, по пути Мецъ—Этенъ—Верденъ). Лѣвѣе его, въ разстояніи миль двухъ,—гвардейскій корпусъ у Вель (Woel). Оба—на высотѣ заднихъ эшелоновъ 3ей арміи. 4ый корпусъ находился безъ малаго миль пяти южнѣе (лѣвѣе) гвардейскаго и непосредственно примыкалъ къ правому флангу 3ей арміи. Такимъ образомъ общій фронтъ обѣихъ нѣмецкихъ армій простирался до 12 миль (несчитая конницы), причемъ правый флангъ (который именно и могъ придти въ столкновеніе съ обходившимъ его Макъ-Магономъ) былъ сравнительно очень слабъ и далеко откинутъ отъ остальныхъ нѣмецкихъ войскъ, наступавшихъ на западъ. Впрочемъ войска обѣихъ армій, 3ей и 4ой, двигаясь концентрически къ Шалону, должны были сблизиться на походѣ.

Прямыхъ свѣдѣній о Шалонской французской арміи въ то время у нѣмцевъ не было никакихъ, такъ какъ не было еще возстановлено непосредственное съ нею соприкосновеніе. Но уже въ тотъ самый день, 23 августа, нѣмецкій разъѣздъ, дошедшій до окрестностей Шалона, узналъ, что тамъ осталось всего семь баталіоновъ подвижной французской національной гвардіи и что, по слухамъ, французскія войска отошли къ Реймсу. Свѣдѣніе это получено въ штабѣ 3ей арміи въ полдень 24 числа и подтверждено парижскою газетою отъ 23 августа. Ближайшимъ послѣдствіемъ было то, что 3ей арміи приказано 25 числа достигнуть того расположенія, до котораго предполагалось дойти только 26го. Тогда же, въ видахъ пресѣченія средствъ сообщеній между Тіонвилемъ (Мецомъ) и арміею Макъ-Магона, отошедшей въ Реймсъ, приказано было прервать желѣзную дорогу, соединяющую эти пункты.

Въ тотъ же день, 24 августа, генералъ-квартирмейстеръ нѣмецкой арміи, генералъ Подбѣльскій, первый заявилъ мнѣніе свое, что не смотря на весь рискъ Шалонская армія по политическимъ

побужденіямъ все таки можетъ попытаться двинуться на помощь Базену, направляясь сѣвернѣе зоны наступленія нѣмцевъ. Мысль эта уже на слѣдующій день нашла себѣ подтвержденіе съ разныхъ сторонъ настолько, что какъ возможная эвентуальность принята была въ расчетъ главною королевскою квартирою при распоряженіяхъ ея на 26 августа.

Нѣмецкой кавалеріи дано въ тотъ день такое направленіе (на Вузіеръ и Бюзанси), въ коемъ она непремѣнно должна была пересѣчь пути французовъ, направляющихся отъ Реймса къ Мецу. Дѣйствительно, у Гранъ-Пре (направленіе на Вузіеръ) нѣмецкая конница раскрыла боковой французскій авангардъ генерала Борда отъ ближайшаго французскаго 12го корпуса. Движеніе французовъ къ Мецу не подлежало болѣе сомнѣнію, и нѣмецкая армія съ 27 августа, такъ сказать, „полнымъ ходомъ" устремилась наперерѣзъ французамъ.

Первенствующее значеніе для нѣмцевъ пріобрѣталъ затѣмъ вопросъ, въ какой мѣрѣ французы успѣли въ своемъ движеніи, и будетъ ли еще время для контръ-маневра, т. е. удара превосходными силами во флангъ наступающимъ французамъ (такъ какъ 3я армія была еще далеко)? Но еще до окончательнаго разъясненія обстановки, нѣмецкое начальство приняло въ расчетъ самую худшую эвентуальность и съ обычною рѣшительностью рискнуло даже снятіемъ блокады Меца съ праваго берега р. Мозеля. Оно расчитало, что даже при успѣшномъ движеніи Макъ-Магона на востокъ все таки удастся предупредить его у Дамвиллеръ около 28 августа и разбить пятью нѣмецкими корпусами, (изъ коихъ два отъ блокадной арміи принца Фридриха-Карла). Разбивъ же французовъ у Дамвиллеръ не трудно бы было окончательно отрѣзать имъ отступленіе подоспѣвшими между тѣмъ войсками 3ей нѣмецкой арміи. Такимъ образомъ по расчету нѣмецкаго начальства этотъ предвидимый, несомнѣнный успѣхъ вознаграждалъ возможность неблагопріятныхъ у Меца эвентуальностей (отъ частнаго снятія блокады).

Съ тѣхъ поръ, т. е. съ 27 августа, нѣмецкая конница въ общемъ не выпускала уже изъ виду арміи Макъ-Магона. Черезъ день, 29 числа, произошла уже у Нуаръ стычка между саксонцами и частью французскаго корпуса Фальи, а 30 числа разыгралось Бомонское дѣло, въ коемъ по линіи верстъ въ пятнадцать столкнулись части трехъ французскихъ и четырехъ нѣмецкихъ корпусовъ.

Въ день Бомона нѣмцы настигли Шалонскую армію французовъ. Поставленная ими себѣ очередная задача блистательно была исполнена.

VII.

Канунъ сраженія и сраженіе при Седанѣ 1 сентября.

Положеніе французовъ послѣ Бомонскаго сраженія и дѣйствія ихъ 31 августа. — Соображенія нѣмецкаго начальства; распоряженія его на 31 число и передвиженія въ этотъ день. Бой у Базейля 31 августа. — Неувѣренность маршала Макъ-Магона въ теченіе 31 августа; на 1 сентября онъ не дѣлаетъ никакихъ распоряженій. — Соображенія и распоряженія нѣмецкаго начальства на 1 сентября. — Предварительный очеркъ Седанскаго сраженія и описаніе начальныхъ въ немъ дѣйствій нѣмцевъ. — Первоначальныя дѣйствія французовъ въ Седанскомъ сраженіи; двукратная перемѣна командованія (Дюкро — Вимпфенъ). — Продолженіе сраженія: французы окружены и вогнаны въ Седанъ. — Характерныя дѣйствія французскихъ начальниковъ въ виду погрома ихъ арміи. — Переговоры о сдачѣ французской арміи. — Взглядъ на дѣйствія нѣмецкихъ начальниковъ; Седанское сраженіе выиграно нѣмцами 1 сентября безъ особой на этотъ день общей диспозиціи и безъ всякихъ общихъ на 1 сентября приказаній. — Взглядъ на дѣйствія французскихъ начальниковъ; проявились присущія имъ общія отрицательныя свойства. — Парраллель между противными сторонами.

(Чертежъ 13).

Маршалъ Макъ-Магонъ, находясь 30 августа у Музона и наблюдая подъ вечеръ за исходомъ Бомонскаго сраженія, послалъ командиру 1го французскаго корпуса приказаніе „прикрыть отступленіе арміи на Дузи или Карипьянъ", то есть на востокъ или на западъ. Приказаніе это передано было маршаломъ лично адъютанту генерала Дюкро, причемъ маршалъ добавилъ:

„Я пока не знаю на что придется мнѣ рѣшиться; но во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы императоръ поскорѣе уѣхалъ въ Седанъ" [1]).

Отдавая подобное приказаніе еще до наступленія вечера, маршалъ быть можетъ не зналъ о близости значительно превосходныхъ силъ нѣмцевъ и не оцѣнилъ еще всего размѣра испытаннаго пораженія, послѣ котораго нечего было уже мечтать о движеніи къ Мецу, а оставалось лишь спѣшить спасти армію или хотя часть ея.

Дѣйствительно, въ полное пораженіе войска Фальи вовлечены были и части 7го и 12го французскихъ корпусовъ. Истомленныя

[1]) „День Седана", сочиненіе генерала Дюкро (La journée de Sédan), издан. 1871 г., стр. 7.

поистинѣ безтолковыми движеніями послѣднихъ дней, голодныя въ собственной своей странѣ французскія войска потеряли довѣріе къ своимъ начальникамъ. Ударъ 30 числа, не особенно опасный самъ по себѣ, послужилъ какъ бы сигналомъ или предлогомъ для всѣхъ болѣе слабыхъ элементовъ, покидающихъ теперь ряды арміи. Неудовольствіе и безпорядокъ росли и коснулись даже отчасти 1го французскаго корпуса, который въ бою вовсе не участвовалъ.

Вотъ что говоритъ объ этомъ французскій генералъ Вимпфенъ, только что прибывшій для принятія 5го корпуса [1]). „Я проѣхалъ Мэри и скоро достигъ Амблимонъ“ (оба по пути изъ Дузи въ Музонъ на правомъ берегу р. Мезы). „Было около четырехъ часовъ 30 августа, когда я достигъ этой послѣдней деревни, откуда я могъ видѣть полное бѣгство“ (deroutte) „нашихъ несчастныхъ солдатъ. Значительное число пѣхотинцевъ двигалось безъ всякаго порядка, въ видѣ застрѣльщиковъ, большими, широко раскинутыми бандами. Я сошелъ въ долину, чтобы прекратить этотъ безпорядокъ и заговорилъ съ бѣглецами. Мнѣ трудно было вразумить ихъ; напрасно я кричалъ имъ: оглянитесь же несчастные: артиллерія непріятеля еще далеко, опасаться вамъ нечего. Они не слушали, задыхаясь отъ бѣгства. Наконецъ мнѣ удалось пріостановить нѣсколькихъ и сколько нибудь успокоить; примѣру ихъ послѣдовали другіе“.

„Это были люди 5го, 7го и 12го корпусовъ“.

Далѣе Вимпфенъ упоминаетъ, что онъ встрѣтилъ нѣсколько сотъ человѣкъ изъ разныхъ полковъ 1го корпуса, которые, къ его удивленію, слушались какого то военнаго чиновника.

„Всѣ эти несчастные умирали отъ голоду и кричали, чтобы имъ дали хлѣба“, добавляетъ Вимпфенъ.

Возвращаюсь къ 1му французскому корпусу.

Получивъ приказаніе маршала (готовиться прикрыть отступленіе на Кариньянъ или Дузи), Дюкро послалъ своимъ 1ой и 3ей дивизіямъ приказаніе, чтобы онѣ „оставались у Дузи, а если перешли этотъ пунктъ, то чтобы немедленно туда вернулись и заняли крѣпкое расположеніе для прикрытія отступленія арміи“. Дузи лежитъ по правую сторону Мезы на рѣкѣ Шьеръ, по пути отъ Музона въ Седанъ и Мезьеръ. Другія двѣ свои дивизіи Дюкро въ исполненіе приказанія Макъ-Магона, расположилъ на позиціи у Кариньянъ (переправа черезъ Шьеръ восточнѣе Дузи).

[1]) „Седанъ“ стр. 137—140. Фальи былъ смѣненъ за дѣйствія при отступленіи его 5 корпуса къ Шалону.

Наконецъ, Дюкро, убѣжденный съ своей стороны, что о движеніи на востокъ, то есть о дальнѣйшемъ наступленіи не можетъ быть и рѣчи, послалъ извѣщеніе начальнику отдѣльной кавалерійской дивизіи, Маргериту, находившемуся на той сторонѣ р. Шьеръ, что положеніе вслѣдствіе битвы опасное и совѣтовалъ ему отойти за Шьеръ къ Кариньяну, съ тѣмъ, чтобы на другой день отступать къ Седану въ связи съ 1мъ корпусомъ. Маргеритъ вполнѣ согласился и отдалъ себя въ распоряженіе Дюкро.

Труднѣе далось Дюкро убѣдить императора Наполеона уѣхать въ Седанъ. Императоръ не хотѣлъ вѣрить, что дѣло у Музона и Бомона проиграно, увѣряя, что „позиціи войскъ были прекрасны". Однако въ концѣ концовъ императоръ уѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Седанъ, куда прибылъ въ 11 часовъ ночи [1]).

Между тѣмъ Макъ-Магонъ, убѣдясь въ невозможности дальнѣйшаго наступленія къ Мецу, отдалъ вечеромъ приказаніе, „чтобы войска отходили къ Седану". Начавшееся 30 августа отступленіе французовъ продолжалось и ночью на 31 число.

Сильно разстроенный 5ый корпусъ, Фальи, прибылъ къ Седану уже въ 5 часовъ утра 31 августа и расположился у самой крѣпости. Изъ трехъ дивизій его двѣ найдены новымъ командиромъ 5го корпуса, генераломъ Вимпфеномъ, въ удовлетворительномъ положеніи, образуя по словамъ Макъ-Магона корпусъ въ 16 тысячъ [2]). Корпусъ Дуэ разошелся въ день боя; нѣкоторая часть его дошла до Музона, остальныя отправились сначала къ Ремильи, откуда продолжали отступленіе къ Седану, двигаясь по обоимъ берегамъ Мезы. Въ 3½ часа утра 31 числа Дуэ прибылъ къ Седану и потребовалъ пропуска черезъ крѣпость наличныхъ при немъ войскъ, которыя, пройдя Седанъ, начали собираться къ сѣверо-западу отъ него у Флюанъ (Floing) на нагорномъ кряжѣ долины р. Мезы, ниже Седана.

Что касается 12го корпуса, Лебрена, расположеннаго 30 августа у Музонъ, то онъ получилъ приказаніе идти ночью-же черезъ Дузи къ Седану, но артиллерію направить черезъ Кариньянъ. Движеніе началось съ 9 часовъ вечера, но замедлилось вслѣдствіе загроможденія дорогъ. Корпусъ этотъ къ утру 31 числа очутился частью у Дузи, а частью у Базейль (послѣдній близъ Седана къ юго-западу отъ него, на краю долины р. Мезы, у нагорнаго берега ея).

---

[1]) Приведенныя свѣдѣнія взяты изъ поименованнаго выше сочиненія Дюкро „День Седана" стр. 8 12.

[2]) „Базенъ", стр. 144.

Двѣ дивизіи 1го французскаго корпуса, Дюкро, бывшія у Дузи, получили непосредственно отъ Макъ-Магона приказаніе слѣдовать къ Седану за отошедшими уже остальными войсками. Посланное маршаломъ генералу Дюкро приказаніе „отходить тоже къ Седану“ до послѣдняго не дошло. Дюкро, не получая рано утромъ 31 августа никакихъ приказаній и видя, что на Кариньянъ никто не движется, заключилъ, что отступленіе направлено къ Мезьеръ, почему рѣшилъ идти туда же, направляясь горною дорогою (подальше отъ р. Мезы) во избѣжаніе скученія по большой дорогѣ. Движеніе это слѣва прикрывалось кавалеріею. Обо всемъ этомъ Дюкро донесъ маршалу.

Цѣлью своего движенія Дюкро избралъ пока Илли (Illy), версты три сѣвернѣе Седана. Передвиженіе, по завѣренію Дюкро, совершилось въ полномъ порядкѣ, но мостъ черезъ р. Шьеръ у Дузи не былъ уничтоженъ войсками 1го корпуса, отошедшими оттуда по непосредственному приказанію Макъ-Магона.

Когда колонны частей 1го корпуса, шедшихъ подъ непосредственною командою Дюкро, поравнялись съ Виллеръ-Сернэ (Villers-Cernay), то генералу этому вручено было посланіе Макъ-Магона слѣдующаго содержанія:

„Любезный генералъ, я переслалъ вамъ приказаніе[1]) идти отъ Кариньяна къ Седану а не къ Мезьеръ, куда я вовсе не намѣренъ былъ идти. Я видѣлъ сегодня генерала Вольфа и думалъ, что вы въ Седанѣ. Съ полученія сего прошу васъ принять мѣры, чтобы къ вечеру перейти къ Седану, къ сторонѣ восточной. Вы расположитесь лѣвѣе 12го корпуса у. Базейль между Балянъ“ (Balan) „и Базейль. Пришлите мнѣ впередъ вашего начальника штаба рекогносцировать эту позицію“.

Приведенное приказаніе маршала Макъ-Магона могло быть только плодомъ крупнаго недоразумѣнія, заключая въ себѣ очевидную несообразность. Дѣйствительно, у Балянъ и Базейль, какъ пунктовъ лежащихъ близъ р. Мезы, могъ быть только правый флангъ 12го корпуса, фронтъ коего обращенъ былъ на востокъ. Расположившись близъ этихъ пунктовъ, Дюкро очутился бы, слѣдовательно, позади праваго фланга 12го корпуса, а не на продолженіи лѣваго (какъ значилось въ приказаніи маршала). Недоразумѣніе это впрочемъ разъяснилось, и 1ый корпусъ по страшно загроможденной дорогѣ направился къ Живонъ (Givonne), лѣвѣе 12го корпуса, куда послѣднія войска Дюкро прибыли только къ 11 часамъ ночи.

[1]) „Дюкро“ стр. 14.—Приказанія, о которомъ упомянулъ маршалъ, Дюкро не получилъ.

Такимъ образомъ французская армія значительно большею своею частью собралась у Седана еще утромъ 31 числа, остальная прибыла въ теченіе дня. Въ тоже время въ Мезіеръ (въ переходѣ западнѣе Седана) собирались уже войска головной дивизіи 13го французскаго корпуса, генерала Винуа (Vinoy), вновь сформированнаго въ Парижѣ и отправленнаго по желѣзной дорогѣ для усиленія Макъ-Магона. Но не дремали и нѣмцы... и въ тотъ же еще день нѣмецкія пушки загремѣли въ непосредственной близости Седана.

Въ своемъ мѣстѣ сказано было, что саксонцы еще 26 августа заняли часть теченія р. Мезы, а въ особенности переправу у Стенэ, пересѣкая такимъ образомъ арміи Макъ-Магона путь наступленія къ Мецу. Главное нѣмецкое начальство, получивъ объ этомъ извѣстіе 27 числа, тогда уже приняло въ расчетъ опасное положеніе французовъ и возможность потѣснить ихъ на нейтральную Бельгійскую границу. Событія ближайшихъ затѣмъ дней все болѣе и болѣе утверждали нѣмцевъ въ исполнимости сказаннаго предположенія, такъ что канцлеръ Сѣверо-Германскаго союза, графъ Бисмаркъ, 30 августа обратился въ Брюссель черезъ нѣмецкаго посланника съ предупрежденіемъ Бельгійскаго правительства и требованіемъ, чтобы французскія войска, въ случаѣ перехода ими границы, немедленно были обезоружены.

Вечеромъ 30 августа въ главной королевской квартирѣ, Бюзанси, неизвѣстны были еще всѣ подробности дѣйствій того дня и мѣста ночлеговъ войскъ 3^ей^ арміи, добравшихся до нихъ большею частью уже въ темнотѣ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи личныхъ наблюденій короля Вильгельма съ высотъ у Соммотъ, а также разныхъ донесеній, полученныхъ еще въ теченіе дня, не могло подлежать сомнѣнію, что въ послѣдующее 31 число надо продолжать охватывающее наступленіе противъ непріятеля, который въ день 30 августа отступалъ на всѣхъ пунктахъ.

На этомъ основаніи дано обѣимъ арміямъ слѣдующее приказаніе [1]):

„Бюзанси, 30 августа 1870 года,
11 часовъ вечера.
Армейскій приказъ“.

„Хотя до настоящаго времени и не получены свѣдѣнія, въ какихъ именно мѣстахъ окончились бои разныхъ корпусовъ, тѣмъ не менѣе положительно дознано, что непріятель вездѣ отступилъ или побитъ.

---

[1]) „Офиціальная прусская исторія войны“, т. 1, приложеніе 42.

„Поэтому наступленіе должно быть продолжаемо и завтра съ ранняго утра; непріятель долженъ быть энергически аттакованъ вездѣ гдѣ только онъ остановится по сю сторону р. Мезы, съ тѣмъ чтобы согнать его на возможно тѣсное пространство между этою рѣкою и Бельгійскою границею".

„На армію Его Королевскаго Высочества Кронпринца Саксонскаго падаетъ спеціальная обязанность недозволить непріятельскому лѣвому крылу уйти на востокъ. Для этого можно рекомендовать, чтобы, по возможности, два корпуса наступали по правому берегу р. Мезы съ цѣлью взять во флангъ и тылъ эвентуальное расположеніе насупротивъ Музона".

„Подобнымъ же образомъ 3ей арміи обратиться на фронтъ и правый флангъ противника. Надо занимать возможно сильныя артиллерійскія расположенія по сю сторону рѣки, съ тѣмъ чтобы безпокоить передвиженія и расположенія непріятельскихъ колоннъ въ долинѣ праваго берега, начиная отъ Музона и внизъ".

„Еслибы непріятель ушелъ за Бельгійскую границу и не былъ тамъ немедленно обезоруженъ, то преслѣдовать его безъ задержки".

„Его Величество отправляется отсюда въ Соммотъ въ 8½ часовъ утра".

„До этого времени диспозиціи по арміямъ присылать сюда".

(Подписалъ) „Мольтке".

Къ экземпляру приказа, назначенному для 3ей арміи, добавлено было еще свѣдѣніе о боѣ 4ой арміи и о мѣстахъ расположенія ея корпусовъ. Впрочемъ кронпринцъ еще раньше получилъ увѣдомленіе командира 4ой арміи, писанное въ 5 часовъ пополудни, въ коемъ сообщалось о разбитіи корпуса Фальи.

Кронпринцъ Прусскій прибылъ въ избранную имъ главную квартиру 3ей арміи, Піеремонъ, 30 числа уже ночью. Пунктъ этотъ лежалъ внѣ большихъ дорогъ; офицеръ, везшій королевскія приказанія, долго отыскивалъ штабъ кронпринца и прибылъ туда только въ 2½ часа пополуночи.

По этимъ причинамъ диспозиція по 3ей арміи поспѣла только къ тремъ часамъ утра 31 числа; содержаніе ея было слѣдующее:[1])

„Диспозиція по 3ей арміи 31 августа въ 3 часа утра".

„Разбитаго вчера непріятеля преслѣдовать сегодня, съ ранняго утра, до самой р. Мезы, энергически аттакуя вездѣ, гдѣ онъ станетъ, съ тѣмъ чтобы согнать его на возможно узкое пространство между этою рѣкою и Бельгійскою границею. Въ то время, когда армія Его Королевскаго Высочества Кронпринца Саксонска-

---

[1]) „Операціи 3-й арміи", стр. 135.

го будетъ наступать къ Музону по правому берегу р. Мезы, 3я армія будетъ наступать на сѣверъ. Для исполненія сего войскамъ начать движеніе впередъ по корпусамъ, съ 6 часовъ утра, слѣдующимъ способомъ:

1) Виртембергская дивизія идетъ отъ Стонъ черезъ ля-Невиль и Вандрестъ на Бутокуръ и тамъ занимаетъ позицію на р. Мезѣ лѣвымъ флангомъ по направленію къ Мезьеръ".

„2) 11му армейскому корпусу наступать отъ Стонъ на Шемери и Шеванжъ; онъ занимаетъ берегъ р. Мезы у Доншери; за Седаномъ наблюдать".

„3) 1ый баварскій армейскій корпусъ идетъ черезъ Рокуръ на Ремильи и тутъ располагается на позиціи".

„Всѣмъ тремъ колоннамъ освѣтить и очистить отъ непріятеля мѣстность по обѣ стороны линіи наступленія каждой, а на берегу р. Мезы брать такія расположенія, чтобы обстрѣливать долину и противолежащіе пути, и послѣ предварительныхъ рекогносцировокъ подготовить устройство мостовъ для переправъ".

„Если бы непріятель послѣ перехода черезъ Мезу 3ей арміи или части ея ушелъ на Бельгійскую почву и не былъ немедленно обезоруженъ, то преслѣдовать его безъ задержки".

„Остальнымъ частямъ арміи исполнить слѣдующія передвиженія:

„4) 5ый корпусъ подымается въ 8 часовъ; онъ идетъ на Шемери, гдѣ ожидаетъ дальнѣйшихъ приказаній".

„5) 2ой баварскій армейскій корпусъ въ то самое время выступаетъ въ Рокуръ".

„6) 6ой корпусъ сегодня еще идетъ къ Атиньи и Семюй и располагается на контониръ-квартирахъ въ сосѣднихъ деревняхъ".

„7) 4ая кавалерійская дивизія получила уже приказаніе подняться въ пять часовъ утра и преслѣдовать непріятеля въ сѣверномъ направленіи до р. Мезы".

„8) 6ая кавалерійская дивизія идетъ черезъ Бувельмонъ по направленію на Мезіеръ, между тѣмъ какъ 5ая остается въ сегодняшнемъ расположеніи и посылаетъ отрядъ противъ Реймсъ".

„9) 2ая кавалерійская дивизія идетъ до Шемери за 5мъ корпусомъ. Обозамъ не переходить линію Ле-Шенъ—Бомонъ".

„Донесенія застанутъ меня съ 9 часовъ утра у Шемери или по пути оттуда къ Доншери [1]).

(Подписалъ) „Фридрихъ-Вильгельмъ
Кронпринцъ".

[1]) Помянутыя тутъ названія пишутся: La Neuville, Vendresse, Boutaucourt, Chémery, Chévenges, Donchery, Semuy.

Что же касается 4ой нѣмецкой арміи, то кронпринцъ Саксонскій, еще вечеромъ 30 августа, до полученія королевскихъ приказаній, самостоятельно рѣшилъ переправиться 31 числа черезъ р. Мезу съ двумя корпусами и двумя кавалерійскими дивизіями повыше Музона и наступать между р.р. Мезою и Шьеръ на Музонъ и Кариньянъ, послѣ чего и 4ый корпусъ долженъ былъ переправиться у Музона. Между тѣмъ ночью на 31 число поступило донесеніе, что французы отъ Музона отошли въ сѣверо-западномъ направленіи и замѣчено большое движеніе по рельсовому пути Кариньянъ—Мезьеръ. Объ этомъ донесено главной королевской квартирѣ и сообщено 1му баварскому корпусу, съ предложеніемъ попортить противолежащій, за Мезою участокъ поименованной желѣзной дороги.

На основаніи этого положенія дѣлъ и поименованнаго королевскаго приказанія кронпринцъ Саксонскій отдалъ слѣдующую диспозицію: [1])

„Бомонъ, 31 августа 1870 г.,
6 часовъ утра".

„Армія сегодня продолжаетъ свое наступленіе по обѣ стороны р. Мезы по направленію на Седанъ".

„Гвардейская кавалерійская дивизія переходитъ р. Мезу у Пульи въ 8 часовъ утра, и идетъ черезъ Отревиль, Маляндри и Сайльи на Кариньянъ. Съ 9 часовъ слѣдуютъ за нею головныя части пѣхотныхъ дивизій гвардейскаго корпуса по возможности двумя колоннами: первая отъ Пульи вдоль берега Мезы южнѣе Отревиль, черезъ лѣсъ д'Иноръ на Маляндри и Сальи, въ видѣ вправо выдвинутаго эшелона, вторая—черезъ Отревиль, черезъ лѣсъ де-Муленъ и лѣсъ Бляншампань на Во. Кавалерійская дивизія 12го корпуса переходитъ р. Мезу въ 8 часовъ утра у Летанъ; идетъ черезъ Муленъ внизъ по Мезѣ, по хребту возвышенностей, въ связи и на одной высотѣ съ гвардейскою кавалерійскою дивизіею. Голова саксонской пѣхоты переходитъ Мезу у Летанъ въ 10 часовъ утра; идетъ черезъ ферму Сенъ-Реми и Муленъ на упомянутый хребетъ возвышенностей, чтобы по немъ или же долиною (если кавалерія донесетъ, что непріятель ушелъ) идти на Дузи. 4му корпусу съ 11 часовъ стоять въ резервномъ порядкѣ западнѣе Музона въ ожиданіи приказаній".

„Я буду слѣдовать при 12мъ корпусѣ. Если бы непріятель отошелъ за Бельгійскую границу и не былъ немедленно обезору-

---

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны", т. 1, стр. 287 (приложеній).

женъ, то преслѣдовать его безъ задержки; кромѣ этого случая строго избѣгать перехода Бельгійской границы".

(Подписалъ) „Альбертъ"

„Кронпринцъ Саксонскій" [1]).

Приведенныя выше три распоряженія на 31 августа (королевское и два по арміямъ), положили основаніе блистательному успѣху нѣмцевъ и въ день Седанской побѣды, почему документы эти помѣщены здѣсь полностью. Оставляя до будущаго разборъ этихъ распоряженій, приходится однако же замѣтить, что королевское приказаніе на 31 августа, хотя и носитъ наименованіе „приказа", есть въ сущности самый типичный „директивъ", въ коемъ исполнителямъ, командирамъ армій, въ особенности же 3ей, оставленъ самый широкій просторъ для самостоятельнаго почина.

Дѣйствія 31 числа со стороны нѣмцевъ были слѣдующія: шедшая впереди 4ой нѣмецкой арміи кавалерія, захвативъ нѣсколько плѣнныхъ и обозовъ, скоро дошла до р. Шьеръ, на которой завладѣла переправами у Каринъянъ, Дузи и Бревильи (Bréville), заставъ мосты не разрушенными.

Подъ вечеръ 12ый (саксонскій корпусъ) расположился на ночлегъ между р.р. Мезою и Шьеръ, занявъ авангардомъ переправу у Дузи, а гвардейскій корпусъ, переправившись черезъ Шьеръ въ окрестности Каринъянъ, занялъ подъ вечеръ передовыми своими войсками Пурю-сенъ-Реми (Pouru St. Rémy) и Экомбръ (Escombres, къ сѣверо-востоку отъ Дузи). Такимъ образомъ гвардейскій корпусъ слѣва вошелъ въ связь съ саксонцами, а справа протянулъ свои отряды до самой Бельгійской границы, за которой виднѣлись бивуачные огни бельгійскихъ войскъ.

Что же касается 4го корпуса, то онъ до часу дня простоялъ близъ Музона въ готовности поддержать своихъ, въ случаѣ, если разыграется дѣло, и затѣмъ сталъ на квартирахъ въ ближайшей окрестности Музона, въ которомъ расположился и штабъ 4ой арміи.

Такимъ образомъ армія кронпринца Саксонскаго исполнила 31 августа свою ближайшую задачу, преградивъ Макъ-Магону путь на востокъ, между р. Мезою и Бельгійскою границею.

Съ своей стороны войска 3ей нѣмецкой арміи, исполняя предписанныя имъ передвиженія, двинулись къ р. Мезѣ тремя колоннами:

Въ центрѣ на Доншери (западнѣе Седана) шелъ 11ый корпусъ, предшествуемый повернувшею отъ Ремильи внизъ по рѣкѣ 4ою кавалерійскою дивизіей, а за нимъ—5ый корпусъ со 2ою кава-

[1]) Названные въ этой диспозиціи мѣстности пишутся: Autreville, Malandry, Sailly, Pouilly, Bois d'Jnor, Bois de Moulins, Bois de Blanchampagne, Vaux, Létanne.

лерійскою. На правомъ флангѣ — Виртембергская дивизія шла къ Флизъ (между Доншери и Мезіеръ); лѣвѣе ея двигалась 6ая кавалерійская дивизія, направляясь къ окрестностямъ Мезіеръ, а позади виртембергцевъ (въ пяти миляхъ разстоянія) въ окрестности Атиньи находился 6ой корпусъ, 5ая же кавалерійская дивизія сѣвернѣе его. Правѣе 11го и 5го корпусовъ шелъ 1ый баварскій — на Ремильи и за нимъ — 2ой баварскій, который дошелъ до Ронкуръ.

Виртембергцы заняли Флизъ (Flize, переправу черезъ Мезу) послѣ небольшой перестрѣлки съ войсками 13го французскаго корпуса, Винуа, подъѣзжавшаго изъ Парижа, передовая дивизія коего заняла Мезіеръ, какъ уже сказано выше.

Рельсовый путь Шалонъ — Мезіеръ попорченъ былъ частью нѣмецкими кавалерійскими дивизіями, частью отрядомъ 6го корпуса.

Въ центрѣ 11ый корпусъ захватилъ непопорченную французами переправу черезъ Мезу, у Доншери, занявъ своимъ авангардомъ помянутый пунктъ, лежащій на правомъ берегу Мезы. Главныя силы корпуса расположились версты три южнѣе, у Шевежъ. По обѣ стороны ихъ стала 4ая кавалерійская дивизія, а позади — 5ый корпусъ со 2ою кавалерійскою дивизіею.

Не такъ гладко обошлось дѣло въ 1мъ баварскомъ корпусѣ, часть коего ввязалась въ тотъ день въ довольно упорное дѣло, вовсе не входившее въ расчеты нѣмецкаго начальства.

Когда авангардъ 1го баварскаго корпуса дошелъ до Ремильи, то замѣтно было, что большія французскія колонны слѣдуютъ вдоль противоположнаго берега р. Мезы по дорогѣ Дузи—Базейль. Одновременно видны были большія части сѣвернѣе этого пункта. Это были колонны войскъ 12го французскаго корпуса, Лебрена. Баварская артиллерія открыла пальбу по французскимъ колоннамъ.

Французы съ противоположнаго берега отвѣчали ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ.

Командиръ 1го баварскаго корпуса, генералъ Таннъ, усилилъ свою артиллерію изъ резерва, такъ что часовъ около 11 дня на позиціи стояло уже десять баварскихъ батарей. Огонь этой артиллеріи вынудилъ отступавшія къ Седану французскія войска искать болѣе безопаснаго пути подальше отъ р. Мезы. Около часу баварская артиллерія увеличилась до 108 орудій. Тутъ стояла на позиціи вся почти артиллерія 1го баварскаго корпуса и нѣсколько батарей 2го, подошедшихъ по просьбѣ Танна. Собирая эту грозную батарею, Таннъ имѣлъ въ виду подготовить себѣ форсированную переправу, въ случаѣ, если бы войска 4ой арміи

двинулись къ Седану въ тотъ же еще день. Съ этою цѣлью Таннъ приказалъ понтоннымъ своимъ паркамъ поспѣшить впередъ.

Между тѣмъ, еще около полудня замѣчено было, что французская команда подноситъ пороховые боченки и готовится взорвать желѣзно-дорожный мостъ черезъ р. Мезу, находившійся близъ Ремильи, южнѣе деревни Базейль. Для воспрепятствованія этому направленъ былъ на мостъ 4ый баварскій стрѣлковый баталіонъ; туда же одновременно, по собственному почину, устремилась и часть 9го стрѣлковаго баталіона. Стрѣлки, прогнавъ французскую команду, завладѣли мостомъ, но недовольствуясь этимъ, они перешли на ту сторону р. Мезы и направились на дер. Базейль. Видя наступленіе своихъ, 2ой баварскій стрѣлковый баталіонъ тоже поспѣшилъ за мостъ безъ всякаго на то приказанія.

Баварцы ворвались въ Базейль и достигли противоположной его окраины. Съ своей стороны французы для защиты Базейля повели цѣлую бригаду, а другую поставили для поддержки. Большія ихъ массы показались на высотахъ западнѣе Базейль, готовыя охватить сунувшихся впередъ баварцевъ. Если бы послѣдніе были поддержаны, то неминуемо разыгралось бы частное, совершенно излишнее для нѣмцевъ дѣло, при весьма трудной для нихъ обстановкѣ.

Таннъ былъ весьма недоволенъ храбрымъ, но безцѣльнымъ порывомъ своихъ стрѣлковъ, и воспретилъ поддерживать ихъ на томъ берегу. Хотя, не смотря на это воспрещеніе, одинъ артиллерійскій взводъ, около четырехъ часовъ пополудни, все таки перешелъ на тотъ берегъ, но, тѣмъ не менѣе, баварскіе стрѣлки убрались наконецъ назадъ къ р. Мезѣ. Около пяти часовъ прекратилась и канонада. Такъ кончилась эта стычка, стоившая баварцамъ 145 человѣкъ, въ томъ числѣ 9 офицеровъ [1]).

Еще во время боя баварскіе понтонеры перебросили черезъ Мезу два военные моста выше желѣзно-дорожнаго.

Бомонское пораженіе было какъ будто „послѣднимъ предостереженіемъ", даннымъ маршалу Макъ-Магону. По крайней мѣрѣ съ того времени даже и нежелающій видѣть долженъ былъ прозрѣть наконецъ и убѣдиться, что превосходныя силы нѣмцевъ готовы довести до полной катастрофы затруднительное положеніе французской арміи, стѣсненной на узкой полосѣ (верстъ 5—10) между р. Мезою и Бельгійскою границею. День 31 августа при-

[1]) „1 баварскій корпусъ и проч." стр. 62—69

несъ съ собою французамъ цѣлый рядъ новыхъ указаній все въ томъ же смыслѣ.

Непосредственно выше Седана, противъ Базейль, около полудня 31 августа гремѣло болѣе 100 баварскихъ орудій. Переправа у Доншери, лежащая поблизости, ниже крѣпости (верстъ 5), была уже захвачена нѣмцами. Ниже Доншери (верстъ 9) съ бою занята виртембергцами переправа у Флизъ. Наконецъ нѣмецкая кавалерія заявила о себѣ даже значительно ниже по р. Мезѣ, противъ самого Мезіеръ, близъ коего имѣла стычку съ войсками отъ французскаго корпуса Винуа.

Все это ясно намекало или вѣрнѣе прямо указывало французамъ стремленіе нѣмцевъ пресѣчь арміи Макъ-Магона пути ея отступленія и охватить ее совершенно. Оставался только вопросъ о силахъ нѣмцевъ, т. е. о средствахъ для исполненія охвата, который въ сущности сливался съ вопросомъ о времени бывшемъ въ распоряженіи нѣмцевъ для подхода ихъ войскъ, завѣдомо значительно превосходившихъ Шалонскую армію маршала Макъ-Магона.

Еще въ началѣ предпринятаго Макъ-Магономъ похода извѣстно было маршалу, что къ Шалону приближается армія кронпринца Прусскаго и что другая нѣмецкая армія идетъ отъ Меца. Силы этихъ армій маршалъ въ разговорѣ своемъ съ министромъ Руэ (въ Шалонѣ 21 августа) опредѣлялъ первую въ 150 тысячъ, а другую въ 80 тысячъ человѣкъ. Далѣе самъ авторъ проекта наступленія на Мецъ, французскій военный министръ графъ Паликао (генералъ Монтобонъ) въ телеграммѣ своей 28 августа писалъ Макъ-Магону, что послѣдній противъ арміи кронпринца Прусскаго имѣетъ „выигрышъ во времени въ 36 часовъ". Но съ тѣхъ поръ французы потеряли времени гораздо болѣе, и въ добавокъ не ушли впередъ, а напротивъ того попятились назадъ. Поэтому вѣроятность, что подошли уже обѣ нѣмецкія арміи, была полная и присутствіе ихъ весьма больно для французовъ заявило себя наканунѣ—у Бомона.

Если же обѣ нѣмецкія арміи были близко, то всякое серіозное общее столкновеніе съ ними, при данной стратегической обстановкѣ, могло быть только пагубно для меньшей числомъ и, въ добавокъ, порядочно уже разшатанной французской арміи. Современная обстановка настоятельно требовала скорѣйшаго, почти не теряя ни минуты, отступленія. Но маршалъ медлилъ, желая въ теченіе 31 августа дать войскамъ отдохнуть и оправиться. Это желаніе маршала само по себѣ было раціонально; но задержка у Седана не соотвѣтствовала обстановкѣ: тутъ шелъ уже

вопросъ о спасеніи арміи или хотя части ея, а для этого надо было спѣшить отступленіемъ. Есть указанія, что это было понято и во французской арміи, — что видно изъ объясненія императора Наполеона съ ординарцемъ генерала Винуа утромъ 31 числа. Императоръ, приказавъ еще прежде по телеграфу, чтобы корпусъ Винуа стянулся къ Мезіеръ (а не шелъ къ Седану) сказалъ ординарцу въ присутствіи маршала Макъ-Магона (который потверждалъ слова императора), что туда же, къ Мезіеру, отступитъ и вся французская армія. Самъ императоръ а также и маршалъ выразили мнѣніе, что непріятель не можетъ воспрепятствовать этому движенію, такъ какъ онъ не въ состояніи будетъ переправить у Доншери достаточныя силы на правый берегъ Мезы. Императоръ Наполеонъ расчитывалъ и на то, что отступленіе французской арміи по правой сторонѣ Мезы будетъ для нѣмцевъ совершенною неожиданностью, „такъ какъ имъ неизвѣстна дорога отъ Седана въ Мезіеръ черезъ Сенъ-Манжъ, Сенъ-Альберъ и Вринь-о-Буа (St. Menges, St. Albert, Vrigne aux Bois)". Дорогу эту императоръ въ присутствіи адъютанта нанесъ на карту, на которой она обозначена не была.

Описывая этотъ эпизодъ, „Оффиціальная прусская исторія войны" замѣчаетъ не безъ справедливой гордости, что помянутая дорога была уже нанесена на карты, которыми пользовались нѣмецкія войска [1]).

Далѣе командиръ 7го корпуса, генералъ Дуэ, въ оффиціальномъ рапортѣ своемъ упоминаетъ, что онъ, опасаясь за свой правый флангъ, надъ которымъ командовала высота Илли, отправился 31 августа къ Макъ-Магону и далѣе говоритъ:

„Я отправился къ главнокомандующему, чтобы заявить ему, между прочимъ, это положеніе дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ я доложилъ ему, что многочисленныя массы приготовляютъ и исполняютъ переправу на правый берегъ близъ Доншери". Но на это послѣднее обстоятельство маршалъ какъ будто не обратилъ вниманія и только успокоилъ Дуэ заявленіемъ, что онъ усилитъ его одною пѣхотною дивизіею.

Наконецъ самъ Макъ-Магонъ съ валовъ Седанской цитадели лично наблюдалъ за движеніемъ нѣмецкихъ войскъ, подходившихъ къ Доншери.

Невозможно затѣмъ допустить, чтобы маршалъ вполнѣ игнорировалъ очевидность, что онъ 1 сентября можетъ быть охваченъ нѣмцами; напротивъ того, распоряженія его на 1 сентября клони-

[1]) Т. 1, стр. 1114.

лись именно къ тому, чтобы дать отпоръ на всѣ стороны, слѣдовательно онъ ожидалъ нападенія со всѣхъ сторонъ или по меньшей мѣрѣ считалъ, что оно возможно. Но при данной обстановкѣ никакъ нельзя было ожидать благопріятныхъ послѣдствій отъ пассивной только обороны, которая въ концѣ концовъ должна была привести къ неизбѣжной катастрофѣ. Самъ маршалъ Макъ-Магонъ (какъ онъ изложилъ передъ парламентскою коммисіею) носился 31 числа съ какими то наступательными мыслями, но не придалъ имъ никакой опредѣленной формы, откладывая рѣшеніе до слѣдующаго утра. Если затѣмъ принять въ расчетъ современную обстановку, которая требовала самыхъ быстрыхъ и самыхъ энергическихъ дѣйствій, то нетрудно вывести заключеніе, что Макъ-Магонъ, откладывая свои рѣшенія, въ сущности уже избралъ, по мнѣнію Кляузевица, самое худшее [1]).

Понятно, что Макъ-Магонъ, самъ еще не давшій себѣ отчета о своемъ положеніи и ни на что не рѣшившійся, не могъ дать своимъ подчиненнымъ никакихъ опредѣленныхъ указаній. Онъ ничего не передалъ даже самому Дюкро, котораго однако предназначалъ, на случай своей смерти или раны, своимъ преемникомъ. Такимъ образомъ французская армія и въ эти трудныя минуты заранѣе обречена была на пагубную пассивность.

Старинная крѣпость Седанъ, въ окрестностяхъ коей разыгрались трагическія для французской арміи событія 1 и 2 сентября 1870 года, лежитъ въ долинѣ по обѣ стороны р. Мезы. Не имѣя передовыхъ фортовъ, расположенная подъ близкими командующими высотами, будучи почти безъ артиллеріи (нарѣзныхъ орудій не было) крѣпость въ сущности лишена была всякаго современнаго значенія, но тѣмъ не менѣе могла служить временно нѣкоторою опорою.

Рѣка Меза, непроходимая въ бродъ, имѣетъ у Седана сѣверо-западное направленіе, а въ разстояніи 1½ версты ниже крѣпости она круто поворачиваетъ прямо на сѣверъ, по длинѣ почти трехъ верстъ и затѣмъ также круто сворачиваетъ прямо на югъ стѣсняя такимъ образомъ до пяти верстъ и безъ того узкое пространство между р. Мезою и Бельгійскою границею.

Позиціи, на коихъ французамъ 1 сентября, волею неволею пришлось принять бой, упирались обоими флангами въ р. Мезу, огибая лежащій южнѣе Седанъ почти полукругомъ съ радіусомъ

---

[1]) „Самое худшее рѣшеніе на войнѣ это ни на что не рѣшиться“.

въ 3—4 версты. Онѣ прикрывались съ восточной стороны глубокою ложбиною и теченіемъ ручья Живонъ (Givonne), а съ западной или вѣрнѣе сѣверо-западной ограничивались долиною ручья Флюанъ (Floing). Лѣсъ Гаренъ (Garenne), лежащій сѣвернѣе Седана, какъ будто смыкалъ собою позиціи расположенныя по обоимъ ручьямъ. Надъ этимъ лѣсомъ господствовала близъ лежащая, выдающаяся во всѣ стороны высота Илли (Illy), которая, такимъ образомъ, дѣлалась какъ бы ключемъ французской позиціи. Сѣвернѣе французской позиціи въ недалекомъ разстояніи, верстахъ въ 2—4, начинался большой Арденскій лѣсъ, представлявшій движенію войскъ серіозныя преграды и замедленія. Непосредственно далѣе, не болѣе восьми верстъ отъ Седана, пролегала Бельгійская граница.

Позиціи французовъ давали хорошій артиллерійскій и ружейный обстрѣлъ. Слабою ихъ стороною была малая ихъ глубина, дозволявшая нѣмецкой артиллеріи обстрѣливать всю ихъ внутренность. Особой опасности отъ концентрическаго огня нѣмцевъ подвергалась поименованная важная для французовъ высота Илли, а также и лѣсъ Гаренъ. А такъ какъ нѣмецкая артиллерія значительно превосходила французскую числомъ и дѣйствіемъ, то (въ виду пассивности французовъ) срокъ форсированія позиціи арміи Макъ-Магона измѣрялся въ сущности только временемъ нужнымъ для подхода и охватывающаго выѣзда нѣмецкой артиллеріи противъ высоты Илли и послѣдующаго затѣмъ ея воздѣйствія, во всякомъ случаѣ довольно быстраго.

Описанныя позиціи заняты были французами слѣдующимъ образомъ:

На правомъ флангѣ находился 12ый корпусъ, Лебрена, занимая передовые пункты Балянъ (Balan), Базейль (Bazeilles) при соединеніи долины ручья Живона съ долиною р. Мезы), ля-Монсель и ля-Плятинери (la Moncelle, la Platinerie, оба по ручью Живонъ).

На крайнемъ лѣвомъ флангѣ 7ой корпусъ, Дуэ, отъ Флюанъ (близъ р. Мезы) до Илли.

Въ центрѣ 1ый корпусъ, Дюкро, соединялъ оба фланговые корпуса черезъ Деньи (Degny) и Живонъ (оба на ручьѣ Живонъ). Дивизія Лартигъ отъ этого корпуса направлена была утромъ 1 сентября черезъ Живонъ на ту сторону ручья—на позицію фронтомъ на лѣсъ Шевалье (Chevalier).

Значительно уменьшившійся 5ый корпусъ, теперь Вимпфена, былъ первоначально въ резервѣ у „Стараго лагеря“ близъ самаго Седана.

Почти полукружный, нѣсколько выдающійся у Илли фронтъ французской арміи, сомкнутъ былъ позади, какъ хордою, теченіемъ р. Мезы, усиленной Седанскою крѣпостью.

Въ такомъ положеніи застало французовъ общее наступленіе нѣмцевъ, направленное съ утра 1 сентября концентрически съ востока и запада.

Изъ суммы всѣхъ свѣдѣній, полученныхъ въ прусской главной королевской квартирѣ въ теченіе 31 августа, послѣдняя вывела общее заключеніе, что французы совершенно очистили лѣвый берегъ р. Мезы и что армія Макъ-Магона собралась въ ближайшихъ окрестностяхъ крѣпости Седана. Задаваясь вопросомъ, какія могутъ быть дальнѣйшій намѣренія противника, нѣмецкое начальство приняло въ расчетъ слѣдующее:

Французы должны были всѣми мѣрами стараться избѣжать близко угрожающаго имъ окруженія превосходными силами нѣмцевъ. Съ этою цѣлью, по расчетамъ Мольтке, они могли продолжать свое отступленіе на западъ, на Мезіеръ, или внезапно ринуться къ востоку по направленію на Кариньянъ; въ худшемъ же случаѣ спастись за Бельгійскую границу. Затѣмъ вовсе не принималась въ расчетъ самая невыгодная для французовъ (случившаяся между тѣмъ на дѣлѣ) эвентуальность, то есть пассивное выжиданіе ихъ у Седана. Напротивъ того, предполагалось болѣе всего вѣроятнымъ, что французы въ теченіе 1 сентября будутъ продолжать свое отступленіе отъ Седана на западъ. А такъ какъ противъ возможной все таки попытки прорыва французовъ на Кариньянъ (къ востоку), подвинуты были уже войска 4ой нѣмецкой арміи, то оставалось, удержавъ извѣстную часть въ центрѣ, на лѣвомъ берегу р. Мезы (для противодѣйствія мало вѣроятному прорыву французовъ къ югу), перебросить черезъ эту рѣку, ниже Седана, достаточныя силы для того, чтобы совершенно преградить французамъ пути на западъ или же эвентуально вцѣпиться въ лѣвый флангъ ихъ походныхъ колоннъ въ случаѣ еслибы французы начали свое дальнѣйшее отступленіе раньше.

Въ этомъ смыслѣ высказался генералъ Мольтке при личномъ свиданіи съ генераломъ Блюменталемъ въ Шемери пополудни 31 августа, прибавивъ: „теперь они“ (французы) „у насъ въ ловушкѣ и завтра пораньше надо намъ идти за Мезу“. Другихъ распоряженій на 1 сентября со стороны главной королевской квартиры вовсе не дѣлалось, такъ какъ считали, что общіе взгляды ея и цѣли достаточно ясно указаны были еще въ приказѣ, разо-

сланномъ 30 августа изъ Бюзанси, разъясненномъ относительно 3ей арміи при поименованномъ свиданіи въ Шемери [1]).

На основаніи этого кронпринцъ Прусскій приказалъ на 1 сентября отдать по 3ей арміи слѣдующую диспозицію [2]):

„Главная квартира Шемери, 31 августа 1870 года, 9 часовъ вечера.

„Для того чтобы задержать и сдѣлать невозможнымъ движеніе непріятеля, который завтра, 1 сентября, будетъ вѣроятно отступать по правому берегу р. Мозеля отъ Седана къ Мезіеръ, часть арміи перейдетъ завтра р. Мезу у Домъ-ле-Мениль и Доншери. Передвиженіе будетъ слѣдующее:

„1) 11ый армейскій корпусъ подымается до восхода солнца, и направляется черезъ Доншери на Вринь-о-Буа, гдѣ располагается имѣя ручей впереди фронта такъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ для непріятеля движеніе на Мезіеръ между р. Мезою и бельгійскою границею.

„2) 5ый армейскій корпусъ начинаетъ движеніе съ бивуаковъ въ 5 часовъ, слѣдуетъ за 11мъ корпусомъ черезъ Доншери и примыкаетъ къ 11му корпусу такимъ образомъ, чтобы правый флангъ его выдвинутъ былъ за ручей Вринь. Артиллерію поставить такъ, чтобы обстрѣливать дорогу Вринь—Седанъ.

„3) Виртембергской дивизіи навести еще одинъ мостъ у Домъ-ле-Мениль, перейти черезъ него съ разсвѣтомъ и расположиться на дорогѣ Седанъ—Мезіеръ, такъ чтобы дивизія могла стать фронтомъ на Мезіеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ служить резервомъ для 11го корпуса.

„Мостъ долженъ быть обезпеченъ“.

„4) 2ой баварскій армейскій корпусъ начинаетъ движеніе въ 5 часовъ; одною дивизіею идетъ черезъ Бюльсонъ на Френуа и занимаетъ резервною артиллеріею высоты противъ Доншери на лѣвомъ берегу р. Мезы; эту артиллерію имѣть въ головѣ колонны. Другая дивизія идетъ мимо Нойе и занимаетъ позицію между Френуа и Ваделенкуръ фронтомъ противъ Седана, чтобы воспрепятствовать дебушированію изъ крѣпости.

„5) 1ый баварскій армейскій корпусъ остается у Ремильи, если наступленіе Кронпринца Саксонскаго не потребуетъ участія этого корпуса въ дѣлѣ“ [3]).

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны“, т. 1, стр. 1140.
[2]) „О операціи 3-й нѣмецкой арміи“, стр. 142.
[3]) Помянутыя тутъ мѣстности пишутся: Dom le Mesnil (ниже Доншери, ближе къ Флизъ), Vrigne aux Bois, Vrigne, Bulson, Frénois, Noyers, Wadelincourt, Remilly, Boutaucourt, Boulzicourt, Flize.

Въ дальнѣйшихъ пунктахъ диспозиціи приказано:

Кавалерійскимъ дивизіямъ идти: 6ой къ Фризъ на р. Мезѣ (Frize, верстъ одиннадцать западнѣе Френуа), 4ой стать у Френуа, а 2ой—у Бутокуръ (верстъ шесть южнѣе Фриза). Наконецъ 5ой кавалерійской дивизіи и 6му армейскому корпусу оставаться на своихъ контонирь-квартирахъ.

Между тѣмъ въ главную королевскую квартиру возвратился посланный оттуда на рекогносцировку подполковникъ Брандштейнъ и доложилъ, что по его наблюденіямъ въ окрестностяхъ Ремильи французы, кажется, оставляютъ тяжести и поспѣшно отходятъ на Мезіеръ. Изъ этого можно было заключить, что наступленія французовъ на Кариньянъ (на востокъ) едва ли можно уже ожидать, а напротивъ того слѣдовало опасаться, что они значительными частями своей арміи успѣютъ уклониться отъ грозящаго имъ охвата. Поэтому генералъ Мольтке написалъ генералу Блюменталю записку слѣдующаго содержанія [1]):

„Вандресъ, 31 августа, 7 часовъ 45 минутъ вечера".

„Подполковникъ Брандштейнъ, который только что прибылъ изъ Ремильи, подтверждаетъ, что французы, оставляя всѣ тяжести" (Gepäck), „отходятъ на западъ и маршъ этотъ быть можетъ будутъ продолжать ночью. Черезъ это мы можемъ лишиться большаго успѣха. Примите, ваше превосходительство, въ соображеніе, не окажется ли возможнымъ 11мъ корпусомъ и виртембергскою дивизіею перейти р. Мезу еще ночью для того, чтобы развернувъ съ разсвѣтомъ фронтъ, наступать на дорогу Седанъ—Мезіеръ".

Записка эта отправлена была по назначенію черезъ подполковника Брандштейна, который вручилъ ее по принадлежности уже послѣ разсылки диспозиціи по 3ей арміи. Диспозиція требовала теперь соотвѣтственнаго дополненія, почему, какъ значится въ спеціальной исторіи 3ей арміи [2]), приказано было „5му и 11му корпусамъ, а также виртембергской дивизіи ночью еще навести мосты черезъ р. Мезу и съ разсвѣтомъ перейти ее". Къ командиру 1го баварскаго корпуса, Танну, посланъ въ Ремильи офицеръ съ приказаніемъ: „съ разсвѣтомъ наступать на Базейль, для того, чтобы аттаковать эвентуально отступающаго непріятеля и задержать его". Другой офицеръ посланъ былъ въ 10 часовъ вечера къ кронпринцу Саксонскому съ изустными поясненіями и слѣдующимъ письмомъ:

„Главная квартира Шемери, 31 августа 1870 года, въ 10 часовъ вечера [3]).

---

[1]) „Операціи 3-ей арміи" стр. 143.
[2]) Тамъ же, стр. 144.
[3]) Тамъ же, стр. 144.

„Прилагая при семъ диспозицію по 3ей арміи на 1 сентября, почтительнѣйше прибавляю: мы только что получили свѣдѣніе изъ главной королевской квартиры, что есть достаточныя данныя, чтобы имѣть убѣжденіе, что непріятель, оставивъ всѣ свои тяжести, попытается въ эту ночь отступить по дорогѣ Седанъ — Мезіеръ. Генералу Герсдорфу (11ый армейскій корпусъ), равно и виртембергской дивизіи приказано перейти р. Мезу еще ночью и съ разсвѣтомъ наступать въ сѣверномъ направленіи на указанную дорогу. Генералу Танну приказано съ разсвѣтомъ наступать на Базейль и по возможности аттаковать непріятеля или его хвостъ".

„Если бы Ваше Королевское Высочество могли сдѣлать тоже самое, то общій результатъ будетъ вѣроятно еще больше".

„Всепочтительнѣйше
Блюменталь, генералъ-лейтенантъ".

Кронпринцъ Саксонскій съ своей стороны ранѣе этого предполагалъ, что отставшимъ войскамъ 3ей арміи нужно время, чтобы подойти поближе, и поэтому думалъ въ теченіе 1 сентября дать своимъ войскамъ отдыхъ, въ которомъ они очень нуждались; причемъ однако сдѣлалъ распоряженіе для соотвѣтственнаго сосредоточенія въ видахъ отбитія возможныхъ попытокъ непріятеля къ прорыву на востокъ. Вслѣдствіе однако сообщеній изъ 3ей арміи, кронпринцъ Саксонскій измѣнилъ свои предположенія и отдалъ слѣдующую диспозицію: [1])

„Главная квартира Музонъ, 1 сентября 1870 года, 1¾ часа утра.

„Есть достаточныя данныя, чтобы имѣть убѣжденіе, что непріятель, оставивъ всѣ свои тяжести, попытается отступить въ настоящую ночь по дорогѣ Седанъ—Мезіеръ".

„Часть 3ей арміи еще до разсвѣта перейдетъ р. Мезу у Базейль, Доншери и у Домъ-ле-Мениль, для того чтобы аттаковать непріятеля на пути Седанъ —Мезіеръ.

„Корпусамъ 4ой арміи предписывается:

„1) Гвардейскому корпусу съ полученія сего ударить подъемъ и идти одною дивизіею черезъ Экомбръ, Пурю-о-Буа на Вилеръ-Серне; другую на Сами, Пурю-Сенъ-Реми и Франшваль; къ этой дивизіи пріобщить корпусную артиллерію".

„2) 12му корпусу тоже немедленно бить подъемъ; собраться ему южнѣе Дузи, у шоссе, чтобы ударить оттуда черезъ Лямекуръ къ Ля-Монсель.

[1]) „Операціи 3-ей арміи", стр. 145.

„3) Въ 5 часовъ должно начаться наступленіе отъ Пурю-о-Буа, Пурю-Сенъ-Реми и Дузи по крайней мѣрѣ авангардами. Главнымъ силамъ слѣдовать близко за авангардами и на сколько возможно сомкнуто. Три наступающія колонны должны держать связь между собою.

„4) 4^му^ корпусу направиться одною дивизіею и корпусною артиллеріею на Ремильи-сюръ-Мезъ для поддержки въ случаѣ надобности 1го баварскаго корпуса, который наступаетъ на Базейль. Другая дивизія этого корпуса должна перейти р. Мезу у Музонъ, направиться по правому берегу до Мезы и служить общимъ резервомъ. Корпусу этому начать движеніе по возможности скорѣе".

„5) Обозы и тяжести оставить на мѣстахъ".

„6) Донесенія найдутъ меня на высотѣ восточнѣе Амблимонъ".[1])

(Подписалъ) „Альбертъ
Кронпринцъ Саксонскій".

Возвращаясь къ диспозиціи по 3^ей^ нѣмецкой арміи на 1 сентября, надо припомнить, что ею назначалась 1^му^ баварскому корпусу на первое время роль выжидательная: сказано было, что корпусъ этотъ „останется у Ремильи, если наступленіе кронпринца Саксонскаго не потребуетъ участія корпуса въ дѣлѣ".

Довольно странно, что спеціальная исторія 1го баварскаго корпуса, ссылаясь на диспозицію по 3^ей^ арміи, говоритъ не совсѣмъ то, что въ ней сказано было (согласно спеціальной исторіи 3^ей^ арміи). Въ исторіи 1го баварскаго корпуса именно значится: „1ый корпусъ остается въ своемъ расположеніи у Ремильи и принимаетъ участіе въ бою по мѣрѣ наступленія арміи Кронпринца Саксонскаго"; къ этому добавлено было (кажется черезъ офицера генеральнаго штаба) еще изустное указаніе, что „предоставляется генералу Танну аттаковать и прежде, если непріятель этимъ можетъ быть удержанъ на своихъ позиціяхъ". Такъ какъ (разсуждаетъ поименованная исторія) срокъ вступленія корпуса въ дѣйствіе предоставленъ былъ генералу Танну, то послѣдній рѣшилъ аттаковать немедленно.

Согласно версіи спеціальной исторіи 1го баварскаго корпуса выходитъ, что генералъ Таннъ рѣшился на ночное еще нападеніе на Базейль совершенно самостоятельно, на собственную отвѣтственность Помянутая исторія (1го баварскаго корпуса) можно сказать, даже слишкомъ пространно приводитъ мотивы, побудившіе къ этому генерала Танна. Они клонятся въ общемъ къ то-

[1]) Помянутыя тутъ мѣстности пишутся: Escombres, Pouru aux Bois, Villers Cerney, Sachy, Pouru St. Remy, Trancheval, Lamécourt, La Moncelle, Amblimont.

му, что Таннъ опасался, что французы уйдутъ и хотѣлъ ихъ задержать [1]). Но по расчету, приведенному тою же исторіею, Французы должны были выступить еще въ полночь, такъ что баварцы, начавшіе аттаку Базейля въ началѣ 5 часа, могли настигнуть развѣ ихъ хвосты или аріергардъ. Можно поэтому предположить, что Таннъ не столько расчитывалъ задержать французовъ на мѣстѣ, сколько первому преслѣдовать ихъ, опередивъ войска кронпринца Саксонскаго. Странно и то, что исторія 3ей арміи со своей стороны ничего не говоритъ о предоставленіи Танну свободы дѣйствій (относительно срока аттаки на Базейль), а напротивъ того она упоминаетъ о послѣдующемъ положительномъ приказаніи, данномъ Танну, „аттаковать Базейль съ разсвѣтомъ“ [2]), о которомъ опять умалчиваетъ исторія 1го баварскаго корпуса. Очень можетъ быть, что исполненіе предупредило здѣсь приказаніе, какъ это зачастую случалось у нѣмцевъ въ эту кампанію.

На какъ бы то ни было, достаточно того, что Седанская битва началась ночью аттакою баварцевъ Танна, направленною на Базейль.

Седанское сраженіе, закончившееся полнымъ погромомъ и плѣненіемъ цѣлой французской арміи вмѣстѣ съ самимъ императоромъ Наполеономъ III, разыгралось въ общихъ чертахъ слѣдующимъ образомъ:

Генералъ Таннъ съ 1мъ баварскимъ корпусомъ еще въ темнотѣ аттаковалъ Базейль, лежащій на другомъ, правомъ берегу рѣки Мезы выше Седана, и послѣ самаго упорнаго боя, будучи поддержанъ справа саксонцами и сзади частями 4го прусскаго и 2го баварскаго корпусовъ, завладѣлъ этимъ пунктомъ около 11 часовъ дня, а вслѣдъ за тѣмъ и предмѣстьемъ Балянъ въ непосредственной близости Седана. Правѣе баварцевъ вступили въ бой саксонцы, а правѣе послѣднихъ—прусскій гвардейскій корпусъ. Оба эти корпуса завладѣли долиною ручья Живонъ около полудня, и артиллеріею своею громили противолежащія позиціи французовъ.

Такимъ образомъ французамъ закрыты были всѣ пути на востокъ. Дивизія 2го баварскаго корпуса съ корпусною артиллеріею стерегла между тѣмъ выходы изъ Седана на югъ, на лѣвый берегъ Мезы.

Прусскіе корпуса, 11ый и 5ый, съ ранняго утра переправились черезъ Мезу у Доншери, ниже Седана, и наступали на сѣверъ,

[1]) „1-ый баварскій корпусъ и проч.“ стр. 70—71.
[2]) Стр. 144.

потомъ повернули на востокъ. Бывшій правѣе 11ый корпусъ взялъ съ боя Флюанъ (ниже Седана, близъ Мезы) и потомъ понемногу и другіе пункты по направленію къ крѣпости. Лѣвѣе 11го выстроился 5ый корпусъ. Около полудня артиллерія обоихъ этихъ корпусовъ, частью совершенно опередившая пѣхоту, довершила обложеніе и разгромъ французской арміи.

Поражаемые со всѣхъ сторонъ мѣткимъ концентрическимъ огнемъ нѣмецкихъ орудій, французы, не смотря на самыя отчаянныя частныя попытки сопротивленія и геройскія контръ-аттаки, въ концѣ концовъ отхлынули въ Седанъ, но поражаемые и тамъ огнемъ непріятеля положили оружіе.

Перехожу къ болѣе подробному описанію Седанскаго сраженія въ предѣлахъ поставленной задачи.

Генералъ Таннъ, еще ночью съ 31 августа на 1 сентября, отправился лично къ Ремильи и приказалъ, чтобы 1ая баварская бригада направилась на Базейль черезъ понтонные мосты, а лѣвѣе ея—часть 2ой бригады, черезъ желѣзнодорожный. Всѣмъ этимъ войскамъ приказано было соблюдать величайшую тишину, идти безъ выстрѣла, въ темнотѣ еще достигнуть Базейль и захватить его нечаяннымъ нападеніемъ.

Базейль обороняемъ былъ частью морской пѣхоты бригады Мартенъ-де-Пальеръ (Martin de Pallières) 12го французскаго корпуса. Занявъ нѣкоторые дома, устроивъ кое гдѣ баррикады, французы, тѣмъ не менѣе, не приняли никакихъ охранительныхъ мѣръ.

Въ четыре часа утра среди густѣйшаго тумана началась переправа обѣихъ баварскихъ колоннъ. Такъ какъ путь лѣвой колонны отъ переправы былъ нѣсколько короче, то голова ея ранѣе правой достигла Базейля и никѣмъ незамѣченная, безъ выстрѣла, вошла въ южную часть деревни. Тутъ она однако скоро наткнулась на самое энергическое сопротивленіе, котораго не могла сломить и прибывшая правая колонна. Баварцы были отброшены, причемъ утвердившіеся въ одномъ домѣ у сѣвернаго выхода изъ деревни баварскій маіоръ съ двумя офицерами и немногими нижними чинами взяты были въ плѣнъ.

Довольно обширная деревня Базейль имѣла много каменныхъ прочныхъ построекъ, весьма способныхъ къ оборонѣ, но французы, сколько можно понять, сосредоточили свою оборону, по крайней мѣрѣ первоначально, главнымъ образомъ въ сѣверной части деревни и въ особенности въ виллѣ Бермана, почему и случилось, что отброшенные баварцы все таки удержались въ нѣкоторыхъ домахъ у южнаго входа въ деревню, а также и въ замкѣ Дори-

валь (Ch^au Dorival) у юго-восточнаго угла деревни, сохраняя такимъ образомъ путь для послѣдующихъ аттакъ [1]).

Между тѣмъ со стороны французовъ пододвинута была другая бригада тойже дивизіи Ребу (Reboult). Баварцы съ своей стороны послали къ Базейлю новыя подкрѣпленія. Въ девятомъ часу они ввели тутъ въ дѣло уже три бригады. Войска ихъ въ ожесточенныхъ уличныхъ бояхъ совершенно перемѣшались между собою, разсыпались въ стрѣлковыя цѣпи, имѣя едва нѣсколько сомкнутыхъ ротъ. Для того, чтобы ободрить войска сражавшіяся въ Базейлѣ, введенъ былъ туда взводъ артиллеріи, который, дѣйствуя съ разстоянія 70 шаговъ противъ одного дома занятаго французами, вынудилъ послѣднихъ къ отступленію; но пальба этого взвода противъ виллы Берманъ съ разстоянія 1000 до 1100 шаговъ не имѣли успѣха и взводъ былъ отведенъ изъ подъ мѣткаго ружейнаго огня французовъ.

Узнавъ между тѣмъ о приближеніи справа саксонцевъ, Таннъ двинулъ за Мезу послѣднюю свою бригаду и пригласилъ на помощь прибывшую къ Ремильи 8^ю дивизію (4го корпуса), авангардъ коей перешелъ р. Мезу и сталъ въ резервѣ 1го баварскаго корпуса. Артиллерійскій резервъ (корпусная артиллерія) 1го баварскаго корпуса, слабо до того дѣйствовавшій противъ Базейля съ высотъ лѣваго берега р. Мезы, переведенъ былъ за эту рѣку около 9 часовъ утра [2]).

Послѣдняя баварская бригада появилась какъ разъ кстати, чтобы отбить новую грозную контръ-аттаку французовъ, направленную между Базейль и Ля-Монсель. Противъ послѣдняго пункта находились уже довольно значительныя силы 12го корпуса (саксонцевъ), а другія за ними подходили.

Перехожу къ описанію дѣйствій этого корпуса.

Въ диспозиціи по 4ой арміи на 1 сентября значилось: „Саксонскому корпусу подняться съ полученія диспозиціи и собравшись южнѣе Дузи ударить оттуда черезъ Лямекуръ на Ля-Монсель. Движеніе должно быть начато не позже 5 часовъ утра“.

Распоряженіе это достигло штаба корпуса въ 3 часа утра. Приказано „выступить въ 5 часовъ утра возможно сомкнутыми колоннами; авангардъ—24ая дивизія; корпусная артиллерія и 23^я дивизія—идутъ отъ Дузи на дефилеи на ручьѣ Живонъ: Ля-Монсель и Деньи, оставивъ ранцы у Дузи“.

Головныя части корпуса (семь ротъ съ однимъ эскадрономъ) достигли окрестностей Ля-Монсель между 6 и 6¼ часами утра

[1]) „1-ый баварскій корпусъ и проч.“, стр. 74.
[2]) Тамъ же, стр. 77.

и оттѣснили встрѣченные тамъ французскіе аванпосты. Три саксонскія роты прошли очень слабо занятое Ля-Монсель, а двѣ изъ нихъ прошли и находящійся за нимъ мостъ и заняли два дома на той сторонѣ ручья. Въ этомъ расположеніи роты эти, прикрывая дефиле (мостъ), держались три часа при весьма трудной обстановкѣ и много способствовали къ отбитію послѣдующихъ контръ-аттакъ французовъ и окончательному успѣху своихъ на этомъ пунктѣ [1]).

Саксонцы вошли влѣво въ связь съ 3ею баварскою бригадою. Одновременно съ занятіемъ Ля-Монсель снялась одна саксонская батарея. Однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ ея серіозно раненъ французскій главнокомандующій, маршалъ Макъ-Магонъ. Вскорѣ на рысяхъ подъѣхали и снялись еще три саксонскія батареи.

Между тѣмъ французская дивизія Ляртига, направленная командиромъ 1го корпуса, генераломъ Дюкро, произвела наступленіе за ручей Живонъ, по направленію на лѣсъ Шевалье (Chevalier), между Монсель и Деньи. Положеніе только что подошедшихъ саксонскихъ войскъ (пока три баталіона) было трудное. Ощущался уже недостатокъ въ патронахъ, запасъ коихъ былъ въ ранцахъ, оставленныхъ у Дузи. Къ счастію саксонцевъ, въ самый критическій моментъ опаснаго натиска французовъ, послѣдніе внезапно аттакованы были въ лѣвый флангъ саксонскимъ стрѣлковымъ баталіономъ, направленнымъ было при первоначальномъ движеніи въ лѣсъ Шевалье для связи съ гвардейскимъ корпусомъ. Стрѣлки отбросили французовъ, захвативъ при этомъ одно орудіе и двѣ картечницы. Французы возобновляли свои нападенія; саксонцы усилились между тѣмъ до 5 баталіоновъ (107ой полкъ и два стрѣлковыхъ), причемъ 107ой полкъ, разсыпавшись въ одну общую стрѣлковую цѣпь, держался въ этомъ видѣ въ теченіе трехъ часовъ [2]). Между тѣмъ саксонская корпусная артиллерія поспѣшала впередъ на рысяхъ, и къ 8½ часамъ утра оказалось на позиціи десять саксонскихъ и двѣ баварскія батареи, дѣйствовавшія по Деньи и по высотамъ противоположнаго берега ручья Живонъ.

Огонь французовъ, временно почти совершенно затихшій, возобновился около 9 часовъ съ новою силою, и показались массы ихъ, наступавшія на Базейль и Ля-Монсель.

Натискъ французовъ, въ особенности на Ля-Монсель и паркъ Монвиллеръ (Monvillers, непосредственно сѣвернѣе Базейль), былъ такъ силенъ, что угрожаемая французскими застрѣльщиками сак-

[1]) Сочин. „Участіе 12-го корпуса въ Седанскомъ сраженіи", изд. 1871 года стр 10—11. (Der Antheil des 12 (Kön. Sächsischen) Armee-Corps in des Schlacht von Sedan).

[2]) Тамъ же, стр. 8—13

сонская корпусная артиллерія отошла временно назадъ [1]). Положеніе саксонцевъ у Ля-Монсель, а также и у Деньи, гдѣ бой снова возгорался, было трудное, пока наконецъ не подоспѣла 23ая дивизія, изъ коей одна бригада послана была для поддержанія войскъ, сражавшихся у Базейля, а другая оставлена пока въ резервѣ. Въ это время, около 9 часовъ, на позиціи восточнѣе ручья Живонъ стояло уже тринадцать саксонскихъ и три баварскія батареи. Между тѣмъ на подмогу баварцамъ къ Базейлю подошелъ съ того берега р. Мезы авангардъ 8ой дивизіи 4го корпуса, Альвенслебена, направленный на помощь Танну по его же просьбѣ. Въ то же время 7ая дивизія того же корпуса, двигаясь по правому берегу Мезы, подошла, по приказанію своего командира корпуса, къ Лямекуръ восточнѣе Ля-Монсель и Базейль, недоходя до нихъ версты 1 ½—2 [2]).

Такимъ образомъ въ 10 часовъ утра противъ Базейль и Ля-Монсель со стороны нѣмцевъ были налицо 1ый баварскій корпусъ, за нимъ стоялъ 4ый; (только часть 8ой дивизіи находилась еще у переправы на томъ, лѣвомъ берегу Мезы), правѣе ихъ—саксонскій корпусъ, имѣя 33^ю^ дивизію впереди въ бою, а за нею 24^ую^; наконецъ правѣе саксонцевъ, къ сторонѣ деревни Живонъ, вступили уже въ дѣло головныя части прусскаго гвардейскаго корпуса.

Къ тому же времени на сѣверной части поля битвы саксонцы въ ожесточенномъ бою оттѣснили за ручей Живонъ французскую дивизію Ляртигъ, потерявшую при этомъ шесть орудій; наконецъ послѣ упорнаго боя саксонцы заняли и Деньи. Въ тоже почти время нѣмцы имѣли успѣхъ и непосредственно у Базейля. Баварцы, поддержанные 46^ою^ (саксонскою) бригадою и головною частью прусской 8ой дивизіи, оттѣснили французовъ сѣвернѣе Базейля. Пунктъ этотъ, будучи такимъ образомъ обойденъ, попалъ въ 11 часовъ окончателено въ руки баварцевъ послѣ ожесточеннаго семичасоваго боя. Черезъ часъ весь Базейль объятъ былъ пламенемъ, обратившимъ его въ развалины. Убиты многіе жители, принимавшіе участіе въ оборонѣ.

Французы, отступая отъ Базейля, отошли частью на высоты праваго берега ручья Живонъ, частью же къ Балянъ (въ долинѣ р. Мезы, между Базейлемъ и Седаномъ). Бой на этой части поля сраженія на время затихъ. Французы укрылись за склонами высотъ. Затихъ и огонь нѣмецкихъ орудій, изрѣдка только направляемый противъ случайно выказывавшихся цѣлей. Сильно

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны", стр. 1168—1169.

[2]) На планѣ № 13 путь 7-ой див. (съ корп. арт.) ошибочно доведенъ только до Мэри, недоходя Дузи

перемѣшавшіяся въ бою нѣмецкія войска теперь устраивались и пополняли патроны, въ которыхъ чувствовался большой недостатокъ.

Генералъ Таппъ послѣ занятія Базейля направилъ вновь прибывшую изъ-за Мезы 4ую бригаду 2го баварскаго корпуса на Балянъ, для того чтобы взять въ правый флангъ и еще дальше оттѣснить оставившихъ Базейль французовъ. Бригада эта заняла Балянъ оставленный французами, которые сосредоточили свою оборону въ паркѣ у западной, сосѣдней съ Седаномъ оконечности этого пункта. Но и отсюда они послѣ упорнаго боя оттѣснены были баварцами около половины перваго часа.

Такимъ образомъ около полудня баварцы занимали тутъ въ общемъ слѣдующее расположеніе: 1ый баварскій корпусъ занималъ одною дивизіею линію Ля-Монсель—Базейль, имѣя другую по частямъ въ резервѣ; кавалерія его и артиллерія (кромѣ бывшей на позиціяхъ) собрались позади Базейль; 5ая баварская бригада (2го баварскаго корпуса) занимала Балянъ и высоты вправо отъ него.

Перехожу къ распоряженіямъ и дѣйствіямъ въ 4ой нѣмецкой арміи.

Кронпринцъ Саксонскій съ ранняго утра находился на высотѣ сѣверо-восточнѣе Мери (Maigy), на лѣвомъ берегу Мезы, откуда послѣ спаденія тумана можно было въ извѣстной мѣрѣ наблюдать за ходомъ боя на противоположномъ берегу рѣки. Кронпринцу казалось, что бой идетъ удачно, что французы въ полномъ отступленіи, и что они на р. Живонѣ оставили только свой аріергардъ. Рождалось затѣмъ опасеніе, чтобы французы всѣми своими силами не накинулись на части 3ей арміи, перешедшія Мезу ниже Седана. Въ видахъ скорѣйшей поддержки этой арміи, а также эвентуальнаго охвата и окруженія французовъ, кронпринцъ Саксонскій, предполагая лѣвый флангъ 3ей арміи у Вринь-о-Буа, рѣшилъ, завладѣвъ раздѣломъ мѣстности ручья Живонъ, направить прусскій гвардейскій корпусъ вверхъ по долинѣ этого ручья на Фленье, а саксонскій лѣвѣе гвардіи—на Илли.

Соотвѣтственныя распоряженія отданы были кронпринцемъ въ 8 часовъ утра, причемъ 1ый баварскій корпусъ приглашался прикрыть фланговое (должно быть по отношенію Седана) передвиженіе саксонцевъ и съ этою цѣлью, въ свое время, занять лѣсъ Гаренъ. Хотя кронпринцъ впослѣдствіи изъ видимо упорнаго боя на линіи Живонъ вывелъ заключеніе, что французы стоятъ тамъ еще въ большихъ массахъ, онъ, тѣмъ не менѣе, полагалъ необходимымъ поскорѣе войти въ связь съ 3ею арміею и поэтому оставилъ въ силѣ свои прежнія распоряженія.

Примѣняясь къ этимъ распоряженіямъ, генералъ Таппъ предложилъ 8ой дивизіи (подошедшей между тѣмъ черезъ переправы

противъ Базейля) занять высоту западнѣе Ля-Монсель для смѣны саксонцевъ. Но между тѣмъ сѣвернѣе саксонцевъ и частью прямо въ подмогу имъ вступили уже въ бой части прусскаго гвардейскаго корпуса. Корпусъ этотъ согласно диспозиціи подвигался съ утра двумя колоннами, лѣвая на Франшваль, а правая на Виллеръ-Сернэ; „онѣ ускоряли свой маршъ насколько возможно было идя по дурнымъ проселкамъ; ихъ подбодряла канонада, доносившая еще съ 4½ часовъ утра“ [1]). Главныя силы 1ой гвардейской дивизіи въ 8 часовъ утра подошли къ Виллеръ-Сернэ, у котораго стянулся уже ихъ авангардъ.

Между тѣмъ отъ саксонцевъ получено было въ гвардейскомъ корпусѣ сообщеніе о положеніи дѣлъ у Базейля и Ля-Монсель. Принцъ Виртембергскій, опередившій свою 2ую дивизію у Франшваль, принимая во вниманіе, что движеніе оттуда прямо впередъ встрѣчало большія мѣстныя затрудненія, отдалъ приказаніе, чтобы дивизія эта направилась тоже на Виллеръ-Сернэ, а 1ой дивизіи съ корпусною артиллеріею приказалъ отъ Виллеръ-Сернэ наступать на Живонъ. Между тѣмъ командиръ этой дивизіи, генералъ Папе, предупреждая приказаніе, двинулся впередъ, съ цѣлью завладѣть кряжемъ высотъ, раздѣляющихъ долину ручья ле-Рюль (le Rulle, который протекаетъ у Виллеръ-Сернэ) съ долиною ручья Живонъ.

Наступавшій авангардъ войскъ Папе встрѣтилъ лишь незначительное сопротивленіе со стороны лѣво-фланговыхъ частей французскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ то время противъ саксонцевъ. Пруссаки оттѣснили французовъ за р. Живонъ, причемъ захватили два орудія. Уже въ 8¼ часовъ утра 24 гвардейскихъ орудія, расположившись на занятомъ кряжѣ высотъ, открыли огонь противъ французскихъ батарей, расположенныхъ по ту сторону ручья, западнѣе деревень Живонъ и Эбъ (Hebes, сѣвернѣе Живона).

Между тѣмъ артиллерія 2ой гвардейской дивизіи, опередивъ на рысяхъ свою пѣхоту, достигла Франшваля и, узнавъ здѣсь о перемѣнѣ направленія, поспѣшила къ Виллеръ-Сернэ; не останавливаясь тамъ, она прошла дальше и снялась тремя батареями на позиціи близъ артиллеріи 1ой дивизіи (одна батарея за недостаткомъ мѣста осталась пока въ резервѣ). Такимъ образомъ батареи 2ой гвардейской дивизіи открыли огонь еще ранѣе прибытія главныхъ силъ 1ой дивизіи, а именно въ 9 часовъ утра.

[1]) Такъ говорится въ спеціальной исторіи гвардейскаго корпуса. Канонада эта, впрочемъ, могла быть развѣ французская по заранѣе наканунѣ намѣченнымъ направленіямъ, потому что по причинѣ тумана первые пушечные выстрѣлы со стороны баварцевъ пали только около 6 часовъ утра, когда туманъ отчасти разсѣялся. („Участіе нѣмецкой артиллеріи и проч.“, кн. 8, стр 18—19).

*

Принцъ Виртембергскій получалъ между тѣмъ отъ саксонцевъ неоднократныя просьбы о поддержкѣ; но онъ должно быть видѣлъ главную рѣшающую цѣль въ томъ, чтобы войти въ связь съ 3ею арміею; когда же въ исходѣ девятаго часа подоспѣло приказаніе командира арміи идти гвардіи на Фленье, то принцъ рѣшилъ употребить только часть своихъ силъ для поддержки саксонцевъ и эвентуальнаго воспрепятствованія прорыву французовъ черезъ Деньи, съ остальными же войсками хотѣлъ направиться за ручей Живонъ, для того чтобы войти въ связь съ лѣвымъ флангомъ 3ей арміи, пока же подготовить переходъ ручья Живонъ надлежащимъ дѣйствіемъ артиллеріи. На основаніи всего этого отданы были войскамъ корпуса слѣдующія приказанія:

„2ой гвардейской дивизіи" (подошедшей въ 8½ часовъ къ Виллеръ-Серпэ) „подвинуться ближе къ Деньи". Командиру артиллеріи корпуса, принцу Гогенлоэ:—„развернуть всю артиллерію на высотахъ лѣваго берега Живона; они должны поддерживать саксонцевъ и подготовить аттаку высотъ противоположнаго берега этого ручья". Наконецъ гвардейской кавалерійской дивизіи—„отыскать связь съ 3ею арміею по направленію на Илли".

Покровительствуемые весьма успѣшнымъ огнемъ своей артиллеріи, пруссаки (гвардія) понемногу завладѣли всѣми пунктами, лежащими въ долинѣ ручья Живонъ, причемъ въ деревнѣ Живонъ захватили на передкахъ десять непріятельскихъ орудій, по недоразумѣнію, повидимому, пробиравшихся впередъ черезъ незанятую тогда еще пруссаками часть этой деревни. Къ тому же времени очищено было и ля-Шапель (la Chapelle)—пунктъ, лежащій противъ праваго фланга наступленія пруссаковъ, занятый баталіономъ „Парижскихъ вольныхъ стрѣлковъ". Послѣ сего оказалось возможнымъ провести черезъ Арденскій лѣсъ эскадронъ гвардейскихъ гусаръ, который первый открылъ связь съ 3ею арміею.

Наконецъ, въ полдень двинута на Илли гвардейская кавалерійская дивизія, которая подъ огнемъ французовъ, причинявшихъ ей нѣкоторый уронъ, поднялась на тотъ берегъ Живона у ля-Фулери (la Foulerie, сѣвернѣе деревни Живонъ), но очутясь между сражающимися: впереди боевой линіи французовъ, занявшихъ лѣсъ Гаренъ, и передъ фронтомъ 5го прусскаго корпуса, отошла за лѣвый флангъ послѣдняго.

Къ полудню всѣ пункты въ долинѣ Живона, отъ Базейль и вверхъ за деревню Живонъ, находились уже въ рукахъ нѣмцевъ, а затѣмъ понемногу французы вытѣснены были и изъ нѣкоторыхъ кустарниковъ, въ которыхъ до того еще держались.

Такимъ образомъ пути на востокъ были французамъ окончательно отрѣзаны; равно пересѣчены пролегающія въ этомъ направленіи дороги, ведущія въ Бельгію. Къ тому же времени французская армія обложена была и съ другихъ сторонъ; совершилось это слѣдующимъ образомъ:

Король Вильгельмъ въ 7 ½ часовъ утра прибылъ на высоту южнѣе Френуа (Frénois, на лѣвой сторонѣ р. Мезы), откуда открывался обширный видъ на мѣстность противоположной стороны рѣки. Съ своей стороны, кронпринцъ Прусскій съ 6 часовъ находился версты полторы сѣверо-западнѣе королевскаго обсерваціоннаго пункта—у Піу, онъ-же Круа (Pioux или Croix), на господствующей высотѣ къ югу отъ Доншери.

Густой туманъ застилалъ еще окрестности. Гулъ оживленнаго боя долеталъ со стороны низко лежавшаго Базейля, не виднаго съ поименованныхъ обсерваціонныхъ пунктовъ даже послѣ того, какъ туманъ разсѣялся въ 7 часовъ утра. Неизвѣстно было, наступаетъ ли 1ый баварскій корпусъ, или аттакуютъ французы. Предполагалось, что корпусъ Танна нуждается въ скорой поддержкѣ.

При ближайшемъ осмотрѣ мѣстности лѣваго берега р. Мозеля, оказалось, что для удержанія весьма сильной позиціи Френуа—Ваделенкуръ (Wadelincourt), преграждавшей путь выхода изъ Седана, одной дивизіи совершенно достаточно, а между тѣмъ казалось безотлагательнымъ поддержать Танна независимо подкрѣпленій, подходившихъ постепенно отъ 4го корпуса. По этимъ причинамъ 2му баварскому корпусу послано было кронпринцемъ Прусскимъ слѣдующее приказаніе:

Корпусу Хартмана двинуться за корпусомъ Танна, для эвентуальной поддержки въ битвѣ, ту дивизію, которая назначалась противъ Седана; другой же дивизіи направиться отъ Френуа на Ваделенкуръ, чтобы занять расположеніе противъ Седана для встрѣчи наступательныхъ изъ Седана попытокъ непріятеля [1]).

Корпусъ Хартмана по первоначальной диспозиціи долженъ былъ двинуться внизъ по лѣвому берегу р. Мезы (отъ Рокуръ, между Френуа и Ваделенкуръ) и затѣмъ одною дивизіею занять позицію фронтомъ на непосредственно близкій Седанъ, для того, чтобы воспрепятствовать возможнымъ попыткамъ французовъ на лѣвый берегъ р. Мезы, а другой дивизіи съ корпусною артиллеріею расположиться южнѣе Доншери, откуда она, смотря по надобности, могла бы быть употреблена по сю или по ту сторону

[1]) „Участіе 2-го баварскаго корпуса и проч.“, стр. 39.

Мезы (послѣднее—въ видахъ усиленія войскъ, перешедшихъ Мезу ниже, т. е. западнѣе Седана).

Корпусъ Хартмана началъ движеніе двумя колоннами съ четырехъ часовъ утра. Еще до выступленія слышалась канонада со стороны Базейля, возвѣщавшая начало сраженія. Вслѣдствіе сего генералъ Хартманъ съ корпусною артиллеріею, подъ прикрытіемъ коннаго полка, направился на рысяхъ впередъ, къ Френуа, куда прибылъ въ 8 часовъ утра. Узнавъ тамъ о новыхъ распоряженіяхъ кронпринца, Хартманъ, имѣя поблизости только свою 3ю дивизію, направилъ отъ нея немедленно 5ую пѣхотную бригаду въ распоряженіе Танна, а другой, 6ой, съ корпусною артиллеріею приказалъ стать на позиціи противъ Седана, впредь до смѣны бригады этой другою, отъ 4ой дивизіи своего корпуса.

Баварцы на позиціи Френуа—Ваделенкуръ приготовились къ самой упорной оборонѣ. Выѣхавшая на позицію артиллерія ихъ пристрѣливалась пока по разнымъ мѣстнымъ предметамъ, изрѣдка только стрѣляя по одиночнымъ крѣпостнымъ (гладкоствольнымъ) орудіямъ, которыя по временамъ заявляли о своемъ существованіи. Приходилось потомъ дѣйствовать и по французскимъ войскамъ, виднѣвшимся по той сторонѣ р. Мезы, съ дальнихъ вообще разстояній. Такъ длилось время до полудня.

Поименованныя баварскія войска лѣваго берега Мезы, не принимая прямаго участія въ рѣшительныхъ событіяхъ, которыя совершались по той сторонѣ рѣки, служили однако твердою связью для обоихъ подвижныхъ крыльевъ нѣмецкой арміи, охватывавшихъ въ то время французовъ съ востока и запада.

Обращаюсь къ нѣмецкимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ въ этомъ послѣднемъ направленіи.

Согласно диспозиціи, данной по 3ей нѣмецкой арміи на 1 сентября, 11ый корпусъ долженъ былъ перейти р. Мезу у Доншери, а 5ый слѣдовать за нимъ.

Для возможнаго согласованія этой операціи прибылъ къ генералу Герсдорфу начальникъ штаба 5го корпуса, полковникъ Эшъ. Послѣдовало соглашеніе, чтобы 5ый корпусъ навелъ особый свой мостъ (независимо существовавшаго постояннаго и военнаго моста 11го корпуса) и чтобы затѣмъ 11ый корпусъ двигался правѣе черезъ Доншери и на Тандрекуръ (Tendrécourt), а 5ый лѣвѣе черезъ Вринь-Мезъ и Вивье-о-Куръ (Vrigne Meuse, Vivier au Court, версты двѣ лѣвѣе Тандрекура).

Новыя, позднія приказанія застали 5ый корпусъ неподготовленнымъ и видимо заторопили его начальство, отъ непомѣрнаго усердія коего войска лишились пищи и очень нужнаго имъ отдыха.

По крайней мѣрѣ изъ спеціальной исторіи этого корпуса, а также исторіи артиллеріи видно, что всѣ, надо полагать, войска корпуса подняты были еще въ глубокую ночь и выступили натощахъ для того только, чтобы напрасно простоять на берегу р. Мезы. Переправа черезъ эту рѣку головныхъ частей авангарда корпуса по только что наведенному мосту началась не ранѣе 5½ часовъ утра А такъ какъ разстояніе отъ стоянокъ войскъ (Шеэри, Омикуръ, Каннажъ и Бюльсонъ) до переправы было верстъ шесть, а самыхъ дальнихъ не болѣе 8—9, то понятно, что по настоящему головныя части могли оставаться на бивуакахъ почти до четырехъ часовъ утра, а остальныя соразмѣрно долѣе, не лишаясь столь необходимаго имъ отдыха [1]).

Во время ночнаго движенія произошли нѣкоторыя столкновенія между войсками, такъ что 5ый корпусъ, пользовавшійся по мѣрѣ возможности и мостомъ 11го корпуса [2]), совершенно оттѣснилъ нѣкоторыя части послѣдняго.

Но, какъ бы то ни было, переправа въ общемъ совершилась довольно быстро и успѣшно. Предшествовавшіе войскамъ обоихъ корпусовъ кавалерійскіе разъѣзды пересѣкли дорогу Седанъ—Мезіеръ (черезъ Вринь-о-Буа) уже около семи часовъ утра.

Кронпринцъ Прусскій, наблюдавшій за движеніями этихъ войскъ, замѣтилъ, что шедшіе впереди ихъ разъѣзды нигдѣ не вызвали огня непріятеля. Изъ этого онъ заключилъ, что французы или стоятъ еще у Седана, или же направились на востокъ на 4ой нѣмецкую армію. Какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ надо было, двигавшіяся до сихъ поръ на сѣверъ нѣмецкіе корпуса 5ый и 11ый, направить на востокъ, въ тылъ французской арміи. Въ этихъ видахъ кронпринцъ въ 7½ часовъ послалъ съ офицеромъ генеральнаго штаба приказаніе, по коему 11му корпусу поручено было „идти на Сенъ-Манжъ (St. Menges), откуда принять участіе въ бою, смотря по обстоятельствамъ, а 5му идти за 11мъ черезъ Вринь-о-Буа и дѣйствовать лѣвѣе 11го“ [3]).

Приказаніе это застало корпуса въ то время, когда они двигались на сѣверъ четырьмя колоннами на довольно близкихъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Теперь головы всѣхъ колоннъ повернули на востокъ, двигаясь всѣ по одному направленію въ одно дефиле отъ Мезонъ-Ружъ до Сенъ-Альберъ (Maison rouge, St. Albert), образуемое Мезою и круто упирающимися въ нее возвышен-

[1]) „5-ый армейскій корпусъ и проч.“ стр 68—70 и „Участіе нѣмецкой артиллеріи и проч“, кн. 8, стр. 72.

[2]) 5-ый корпусъ навелъ свой мостъ 50 шаговъ ниже моста 11-го корпуса.

[3]) „5-ый армейскій корпусъ и проч“, стр. 71.

постями праваго берега этой рѣки. Войска разныхъ корпусовъ стремились вытянуться въ одну общую колонну, оттѣсняя другъ друга. А такъ какъ разстоянія между колоннами были значительно менѣе ихъ глубины, то происходили задержки и скученіе. Части задняго, 5го корпуса проталкивались между войсками головнаго, 11го, и обратно оттѣсняемыя войска этого послѣдняго корпуса врывались потомъ между части 5го. Разрозненныя такимъ образомъ тактическія единицы теряли связь со своими прямыми начальниками; многія части уже не отыскали этой связи во все время послѣдующаго боя [1]). Такъ напримѣръ, одинъ полкъ 5го корпуса поневолѣ присталъ къ войскамъ 11го и участвовалъ во взятіи Флюанъ на крайнемъ правомъ флангѣ этого корпуса, между тѣмъ какъ нѣсколько ротъ 11го корпуса очутились на крайнемъ лѣвомъ флангѣ 5го въ прикрытіи его артиллеріи. Командиру этого корпуса пришлось принять подъ свое начальство и другія войска 11го и, въ свою очередь, послать свою бригаду въ резервъ тому же 11^му^ корпусу.

Все это, впрочемъ, не задержало наступленія головныхъ частей общей колонны войскъ 11го корпуса (три баталіона, 4 эскадрона и 18 орудій), которыя безъ особой помѣхи со стороны французовъ совершили дебушированіе изъ труднаго дефиле и начали развертываться впереди его. Они потѣснили французскую кавалерію, только теперь выѣхавшую въ развѣдку въ ту сторону. Пруссаки заняли возвышенность южнѣе Манжъ, прикрывавшую помянутое длинное дефиле (отъ Мезонъ-Ружъ до Сенъ-Альберъ), черезъ которое приходилось дебушировать войскамъ корпуса. Остальная пѣхота 11го корпуса въ то время еще очень отстала, и потому для усиленія войскъ его впереди дефиле командиръ корпуса, генералъ Герсдорфъ, послалъ въ девять часовъ за корпусною артиллеріею, которая, впрочемъ, предупреждая приказаніе и двигаясь на рысяхъ, выѣзжала въ то время на позицію на линію авангарда и позади ея.

Будучи обстрѣливаема при выѣздѣ изъ дефиле (вѣроятно случайными перелетами), артиллерія эта выѣхала на позицію слишкомъ, повидимому, поспѣшно и недостаточно оріентированная на счетъ обстановки. Она торопилась поскорѣе найти себѣ цѣли. Усмотрѣвъ впереди, сквозь не совсѣмъ еще очистившійся отъ тумана воздухъ, стрѣлявшія орудія своего авангарда, корпусная артиллерія открыла по нимъ огонь, принявъ ихъ за французскія.

[1]) „Участіе нѣмецкой артиллеріи и проч.“, кн. 8, стр. 75—76.

Впрочемъ частный этотъ эпизодъ, подтверждающій только, что артиллерійскіе начальники должны опереживать свои части и заранѣе ознакомляться съ обстановкою, не повліялъ на общій успѣшный выѣздъ нѣмецкой артиллеріи, такъ что уже въ десять часовъ утра двѣнадцать батарей 11го корпуса стояли на позиціи на кряжѣ, который тянется съ юга на сѣверъ отъ лежащей въ долинѣ Мезы деревни Флюанъ, занятой еще въ то время французами [1]).

Началась весьма оживленная канонада. Черезъ часъ перевѣсъ склонился на сторону батарей 11го корпуса. Противостоявшая имъ артиллерія 7го французскаго корпуса, Дуэ, замолкла.

Скоро вынуждена была замолкнуть и прусская артиллерія, разстрѣлявшая въ горячемъ бою свои наличные заряды въ надеждѣ на скорое прибытіе перваго эшелона своихъ зарядныхъ ящиковъ, которые между тѣмъ не могли пробиться черезъ запруженное дефиле Сенъ-Альберъ.

Во время развертыванія помянутой прусской артиллеріи лѣвый флангъ ея подвергся отъ Кальверъ-д'Илли (Calvaire d'Illy), кавалерійской аттакѣ французскихъ африканскихъ конныхъ егерей (три полка) бригады Галифе (Galliffèt), дивизіи Маргерита, съ двумя эскадронами уланъ и при нѣсколькихъ орудіяхъ. Аттака эта отбита была, главнымъ образомъ, огнемъ подоспѣвшей въ то время пѣхоты 11го корпуса.

Между тѣмъ войска 5го корпуса двигались впередъ частью черезъ Манжъ, а частью сѣвернѣе его. Въ этомъ именно направленіи ѣхалъ при авангардѣ самъ командиръ корпуса, генералъ Кирхбахъ; послѣдній, достигнувъ Шанъ-о-Буа въ 9½ часовъ утра, вытребовалъ впередъ корпусную артиллерію. Артиллерія эта, двигаясь рысью отъ Вринь-о-Буа и пройдя дефиле у Мезонъ-Ружъ, поднялась на высоту по весьма крутой и углубленной дорогѣ и начала выстраиваться близъ Манжъ. Но такъ какъ замѣчено было, что артиллерія 11го корпуса находится теперь далеко уступомъ впереди, то и артиллерія 5го корпуса двинулась впередъ. Преодолѣвъ разныя частныя помѣхи и препятствія, десять батарей 5го корпуса еще до полудня стояли на позиціи на кряжѣ Фленье уступомъ впереди артиллерійской линіи 11го корпуса, дополнивъ ее до 144 орудій [2]).

Пѣхота 5го корпуса не могла, конечно, поспѣть за быстрымъ наступленіемъ своей артиллеріи, почему лѣвый, наружный флангъ

[1]) Свѣдѣнія о дѣйствіяхъ тутъ нѣмецкой артиллеріи почерпнуты изъ сочиненія „Участіе нѣмецкой артиллеріи и проч.", кн. 8, стр. 76, 78, 98, 99 и 106.

[2]) При выѣздѣ артиллеріи 5-го корпуса тоже случилось, что позже выѣхавшія батареи открывали огонь по своимъ же, открывшимъ дѣйствіе раньше.

ея въ началѣ прикрытъ былъ частями пѣхоты 11го корпуса, расположившейся въ рощѣ восточнѣе Фленье, непосредственно у ложбины ручья Живонъ, южное теченіе коего въ то время находилось уже въ рукахъ баварцевъ и войскъ 4ой нѣмецкой арміи.

Нельзя сказать, чтобы смѣлый выѣздъ артиллеріи 5го прускаго корпуса былъ достаточно обезпеченъ. Онъ прикрытъ былъ только слабыми частями разъѣзжавшей тамъ дивизіонной конницы 11го корпуса, усиленной потомъ нѣкоторою частью конницы 5го корпуса. Между тѣмъ французы въ непосредственной близости у Илли имѣли съ самаго начала не менѣе 36 эскадроновъ, при 18 орудіяхъ. Они по признанію спеціальной исторіи нѣмецкой артиллеріи имѣли тутъ прекрасный случай для кавалерійской аттаки съ бо́льшимъ для себя успѣхомъ нежели послѣдующіе геройскіе, но безплодные ихъ налеты на прусскую пѣхоту. Однако французская конница не воспользовалась этимъ случаемъ. Она по обыкновенію не знала, что́ дѣлается впереди ея. По крайней мѣрѣ начальникъ кавалерійской дивизіи, Маргеритъ, незадолго до того доложилъ новому главнокомандующему французской арміи, генералу Вимпфену, что „по направленіи Фленье ничего не открыто“. Такъ, по крайней мѣрѣ утверждаетъ Вимпфенъ.

Послѣ выѣзда артиллеріи корпуса Кирхбаха нѣмецкія силы, охватившія французовъ съ востока и запада, раздѣлялись теперь только незначительнымъ промежуткомъ, менѣе трехъ верстъ, по долинѣ ручья Живонъ; на немъ скрещивались теперь выстрѣлы ихъ грозныхъ батарей.

Почти въ то же время, вскорѣ послѣ полудня, войска праваго фланга 11го корпуса, поддержанныя однимъ отставшимъ полкомъ 5го корпуса, взяли Флюанъ (лѣвофланговый опорный пунктъ 7го французскаго корпуса) послѣ ожесточеннаго боя, въ коемъ палъ командиръ 11го нѣмецкаго корпуса, генералъ Герсдорфъ [1]), а повыше Седана генералъ Таннъ, поддержанный бригадою 2го баварскаго корпуса, занялъ окончательно Балянъ въ долинѣ Мезы у самаго Седана и перевелъ на ту сторону Живона десять батарей, изъ коихъ четыре отъ 8ой дивизіи 4го корпуса.

Вообще къ тому времени по стѣсненному пространству менѣе трехъ верстъ въ поперечникѣ, на коемъ столпились французъ-

[1]) Достойно вниманія, что французы, неполучившіе на этотъ день никакихъ опредѣленныхъ приказаній, незнавшіе, должны ли они принять бой на мѣстѣ, наступать или отступать, не заняли во время Флюана, такъ что двумъ прусскимъ ротамъ удалось съ перваго налета ворваться въ деревню и устроиться для обороны въ двухъ дворахъ, въ коихъ онѣ затѣмъ держались цѣлыхъ два часа пока на подмогу имъ не прибыли значительныя силы. Случилось тутъ нѣчто совершенное аналогичное какъ и у Ія-Монсель въ тотъ же день, на другой части поля сраженія.

скія войска, дѣйствовало концентрически 456 нѣмецкихъ орудій, а именно: на сѣверо-западномъ фронтѣ (5ый и 11ый прусскіе корпуса)—156; на южномъ (2го баварскаго корпуса)—78; на юго-востокѣ, между Балянъ и лѣсомъ Шевалье (баварцы, саксонцы и часть 4го прусскаго корпуса)—132 и на востокѣ 90 орудій прусской гвардіи [1]).

Такимъ образомъ, вскорѣ послѣ полудня, окончательно уже рѣшена была трагическая участь французской арміи и только вполнѣ, впрочемъ, раціональное желаніе нѣмцевъ покончить дѣло скорѣе побудило ихъ непосредственно сомкнуть свои заходившіе фланги. Исполнить послѣднее возможно было только движеніемъ впередъ къ Илли и къ лѣсу Гаренъ. На эти мѣстности направился теперь перекрестный огонь прусскихъ батарей гвардейскаго и 5го корпусовъ.

Французскій главнокомандующій, маршалъ Макъ-Магонъ, отправился на поле битвы рано утромъ, подъѣхалъ къ 12му корпусу и остался доволенъ ходомъ дѣла; но тутъ въ исходѣ пятаго часа онъ былъ раненъ и передалъ командованіе арміею командиру 1го корпуса, генералу Дюкро, не смотря на то, что въ арміи состояли два старшіе генерала: Дуэ и Вимпфенъ [2]).

Дюкро, находившійся въ то время у Живонъ, не былъ посвященъ въ тайны и намѣренія Макъ-Магона, которыхъ послѣдній пока не имѣлъ никакихъ. Свѣдѣніе о назначеніи своемъ Дюкро получилъ отъ адъютанта маршала. Черезъ нѣкоторое время прибылъ къ нему начальникъ штаба арміи, генералъ Форъ со штабомъ.

Дюкро между тѣмъ узналъ о движеніи большихъ силъ нѣмцевъ черезъ Виллеръ-Сернэ. Онъ полагалъ, что бой у Базейля, Ля-Монсель и Деньи только демонстрація и что пруссаки, по обыкновенію, готовятъ обходъ и охватъ фланга (лѣваго) французскихъ войскъ, стоявшихъ на позиціи фронтомъ на востокъ (12ый и 1ый корпуса).

Желая уклониться отъ этого охвата, Дюкро немедленно по принятіи командованія отдалъ приказаніе, чтобы войска 12го и 1го корпусовъ отошли назадъ, на позицію на плато Илли (правымъ флангомъ къ Седану), и настоялъ на исполненіи этого, не смотря на возраженія приближенныхъ и командира 12го корпуса, генерала Лебрена. Было это въ 7½ часовъ утра. 12ый корпусъ началъ свое отступленіе эшелонами, по-бригадно, съ праваго фланга. Первою начала отходить дивизія Вуасуань (Voissoigne) этого кор-

[1]) „Нѣмецкая артиллерія и проч.“, кн. 8, стр. 119—120.
[2]) Послѣдующее взято изъ Дюкро, стр. 26—37.

пуса. Одновременно двинулась назадъ и дивизіи Лерилле и Пеле (обѣ 1го корпуса) и расположились на высотѣ лѣса Гаренъ. Дивизія Вольфа должна была съ боемъ отходить черезъ лѣсъ Гаренъ. Дивизія Лярти́гъ оставлена была впереди ручья Живонъ для прикрытія этого отступленія.

Бывшій у Балянъ императоръ Наполеонъ прислалъ узнать, „что значитъ это отступленіе въ минуту, когда бой идетъ успѣшно". Дюкро отвѣтилъ прибывшему адъютанту: „Доложите Его Величеству, что происходящее на нашемъ правомъ флангѣ не имѣетъ значенія: тутъ непріятель только насъ занимаетъ, а между тѣмъ онъ маневрируетъ, чтобы охватить наши фланги, а настоящее дѣло будетъ позади насъ у Илли. Доложите Императору, что я принимаю соотвѣтственныя мѣры, я въ порядкѣ совершаю мое отступленіе и сосредоточеніе и ничто ихъ не задержитъ".

Императоръ видимо удовольствовался этимъ объясненіемъ, или же не хотѣлъ мѣшать новому главнокомандующему. Но не такъ думалъ генералъ Вимпфенъ, новый командиръ 5го корпуса, только что, чуть ли не утромъ принявшій его послѣ смѣщеннаго Фальи.

Вимпфенъ имѣлъ въ рукахъ бумагу военнаго министра, которою онъ, Вимпфенъ, назначался командиромъ арміи на случай несчастія съ Макъ-Магономъ. Очень мало оріентированный на счетъ общаго положенія дѣлъ, Вимпфенъ, видя успѣшное сопротивленіе 12го корпуса, Лебрена, полагалъ возможнымъ выиграть еще все дѣло. Онъ, какъ значится въ его сочиненіи, думалъ сначала сбросить баварцевъ (два баварскихъ корпуса) въ р. Мезу и затѣмъ обратиться съ 1^мъ^ и 12^мъ^ корпусами и противъ остальныхъ силъ непріятеля [1]). Однако Вимпфенъ при соображеніяхъ своихъ не принялъ въ расчетъ „всей" 4ой нѣмецкой арміи, наступавшей съ востока; точно также какъ Дюкро, съ своей стороны, игнорировалъ пересѣкавшіе пути на Мезіеръ 2½ нѣмецкихъ корпуса, и которые могли взять въ тылъ предполагаемую Дюкро новую позиціи французовъ Седанъ—Илли.

Но какъ бы то ни было Вимпфенъ въ 8½ часовъ утра послалъ Дюкро слѣдующее предложеніе:

„Непріятель противъ нашего праваго фланга отступаетъ. Посылаю Лебрену дивизію Гранжанъ" (Grandjean). „Думаю, что въ настоящее время не должно быть рѣчи объ отступленіи. У меня письмо министра, поручающее мнѣ командованіе арміею; но объ этомъ переговоримъ послѣ сраженія. Вы отъ непріятеля бли-

[1]) Вимпфенъ, стр. 163.

же меня; употребите всю вашу энергію, все ваше знаніе для того, чтобы одержать побѣду надъ непріятелемъ, находящимся въ невыгодныхъ для него условіяхъ. Поэтому поддерживайте энергически Лебрена, оберегая однако линію, которую вамъ поручено удержать [1]).

Одновременно Вимпфенъ писалъ Лебрену:

„Посылаю вамъ много войскъ, надѣюсь, что можете взять обратно позиціи, если вы какія либо потеряли".

Дюкро, не желавшій отказаться отъ своихъ взглядовъ и предположеній, отправился къ Вимпфену для объясненій и, какъ значится въ его же сочиненіи, сказалъ:

„Я не хочу оспаривать у васъ командованія, хотя я получилъ его отъ маршала Макъ-Магона и утвержденъ императоромъ. Теперь не время подымать подобныя препирательства. Я готовъ поддержать васъ всѣми усиліями. Но позвольте мнѣ замѣтить, что я нахожусь лицомъ къ лицу съ пруссаками почти два мѣсяца, что я лучше васъ знаю методъ ихъ дѣйствій, что я изучилъ положеніе дѣлъ и мѣстность; для меня очевидно, что непріятель исполняетъ маневръ, чтобы насъ охватить (окружить); я видѣлъ это собственными глазами; а вотъ эта записка мэра Виллеръ-Сернэ, доносящая о проходѣ непріятельскихъ войскъ съ самаго утра, не оставляетъ никакого сомнѣнія. Во имя спасенія арміи умоляю васъ дозволить продолжать отступленіе. Черезъ два часа будетъ слишкомъ поздно".

На это генералъ Вимпфенъ отвѣтилъ:

„Но зачѣмъ же вы хотите отступать, когда Лебренъ имѣетъ успѣхъ? Неправда ли—обратился онъ къ присутствовавшему тамъ Лебрену,—что вы имѣете успѣхъ"?

Генералъ Лебренъ подтвердилъ слова Вимпфена, причемъ сказалъ, что съ отступленіемъ можно повременить пока послѣдующія событія этого не потребуютъ.

Далѣе Дюкро приводитъ слѣдующій разговоръ:

Генералъ Вимпфенъ: „Въ тылу у насъ одна лишь конница; намъ нечего безпокоится. Генералъ Дуэ ее задержитъ. Что касается насъ, то соединимъ всѣ наши усилія, чтобы задавить то, что находится противъ Лебрена".

Генералъ Дюкро отвѣтилъ: „Но куда же вы хотите, чтобы шла эта пѣхота (непріятельская), которая съ утра проходитъ Виллеръ-Сернэ и Франшиваль если не къ Илли"?

Генералъ Вимпфенъ спросилъ: „Илли? что такое Илли?"

[1]) Это и послѣдующее — у Дюкро, стр. 28, 29 и 32 и у Вимпфена стр. 162.

Генералъ Дюкро: „А, вы незнаете, что такое Илли? Такъ вотъ смотрите?“ и разложивъ карту на лукѣ сѣдла онъ добавилъ:

„Вы видите этотъ изгибъ Мезы, который поворачиваетъ къ сѣверу и оставляетъ только узкое пространство между рѣкою и Бельгійскою границею? Тамъ только одинъ проходъ—это и есть Илли? Если непріятель завладѣетъ имъ, то мы погибли“.

Генералъ Вимпфенъ едва бросилъ на карту бѣглый взглядъ и сказалъ: „Все это прекрасно, но теперь Лебренъ имѣетъ успѣхъ; надо имъ воспользоваться. Намъ не нужно отступленія, намъ нужна побѣда“.

„Вамъ нужна побѣда! А вотъ мы будетъ счастливы если вечеромъ намъ останется хотя отступленіе“.

Съ этими словами Дюкро уѣхалъ.

Начатое французами отступательное движеніе, которому Вимпфенъ приписываетъ потерю весьма важныхъ для французовъ высотъ южнѣе деревни Живонъ, а также и Базейля. было пріостановлено и за нимъ послѣдовали распоряженія Вимпфена къ новымъ контръ-аттакамъ со стороны французовъ.

Около этого времени императоръ Наполеонъ проѣзжалъ черезъ деревню Фонъ-де-Живонъ; тамъ къ нему быстро подошелъ одинъ егерскій офицеръ и сказалъ: „Ваше Величество, я изъ этого края; знаю его отлично. Мы погибли если позволимъ обойти себя черезъ Илли“.

Скоро затѣмъ императоръ встрѣтилъ Вимпфена и, видимо, подъ вліяніемъ только что услышаннаго, изложилъ генералу свои опасенія, но Вимпфенъ отвѣтилъ: „Прежде всего мы отбросимъ баварцевъ въ Мезу, а потомъ всѣми войсками обратимся противъ новаго непріятеля“, подразумѣвая тутъ находившіяся сзади (какъ значится въ его сочиненіи) нѣмецкія войска, которыя обходили Седанъ съ запада.

Впрочемъ изъ сочиненія Вимпфена трудно понять, по случаю многихъ противорѣчій, имѣлъ ли послѣдній, именно въ моментъ отдачи приказаній къ наступленію на востокъ, точное понятіе о томъ, что пруссаки, въ значительныхъ силахъ переправившись черезъ Мезу ниже Седана, пересѣкаютъ пути отступленія французской арміи, или не имѣлъ? Надо думать, что нѣтъ. Послѣднее подтверждается приведенными выше словами, сказанными Вимпфеномъ, что сзади французской арміи находится „одна лишь кавалерія непріятеля“.

Но какъ бы то ни было, вслѣдствіе однако перемѣны приказаній отходившія было отъ Базейля войска Лебрена снова пошли впередъ, на Базейль, а въ то же время, сѣвернѣе ихъ, наступали

другія его части, а также дивизія Лякретель (Lacretelle) того-же корпуса.

Въ то время, когда новый французскій командующій арміею, генералъ Вимпфенъ, предавался еще мечтамъ о возможности проложить себѣ путь на востокъ, по направленію на Кариньянъ, нѣмецкіе начальники, съ своей стороны, частью руководимые расчетомъ, частью безотчетнымъ влеченіемъ впередъ, готовились съ разныхъ сторонъ сломить послѣднѣе сопротивленіе и безъ того находящихся въ безвыходномъ положеніи французовъ.

Французская артиллерія, съ геройскою стойкостью державшаяся подъ жесточайшимъ огнемъ громадныхъ нѣмецкихъ батарей, вынуждена была укрыться, чтобы сберечь послѣднія силы противъ рѣшительнаго наступленія непріятеля. Французская пѣхота, засыпаемая гранатами, теряла свои силы въ безучастномъ ожиданіи или же въ безнадежныхъ и безплодныхъ, хотя храбрыхъ частныхъ контръ-аттакахъ.

Между тѣмъ нѣмецкая пѣхота, покровительствуемая образцовымъ дѣйствіемъ своей артиллеріи, завладѣла деревнею Илли, а часть ея, вскорѣ затѣмъ, около двухъ часовъ пополудни, загнѣздилась на высотѣ Кальверъ-д'Илли, въ непосредственной близости опушки сѣверной оконечности лѣса Гаренъ, въ коемъ какъ въ единственномъ (болѣе кажущемся нежели дѣйствительномъ) убѣжищѣ толпились теперь французскія войска.

Вообще къ тому времени французская армія, сбитая на тѣсномъ пространствѣ,—не болѣе трехъ верстъ въ поперечникѣ, — окружена была буквально стальнымъ кольцомъ нѣмецкихъ орудій, громившихъ ее почти совершенно безнаказанно.

Лѣсъ Гаренъ, послѣднее относительно безопасное убѣжище французовъ, взятъ былъ теперь подъ спеціальный, систематическій огонь гвардейской прусской артиллеріи, обстрѣливавшей его съ раздѣленіемъ на участки по батареямъ и подъ разными углами возвышенія. Этимъ подготовлялась аттака прусской гвардейской пѣхоты.

Въ то время была уже въ полномъ ходу и другая аттака нѣмцевъ, а именно со стороны западной. Тутъ на крайнемъ правомъ флангѣ общаго нѣмецкаго расположенія (по правую сторону Мезы) пруссаки, какъ уже сказано, около полудня завладѣли деревнею Флюанъ въ долинѣ Мезы. Но, тѣмъ не менѣе, и не взирая на жестокій огонь прусскихъ батарей, французская дивизія Либеръ стойко держалась на господствующемъ кряжѣ, передъ фронтомъ коего въ глубокой ложбинѣ протекаетъ ручей отъ Илли черезъ

Флюанъ. Пруссаки, занявшіе этотъ пунктъ въ первомъ часу, вынуждены были остановиться, въ виду сильнаго расположенія французовъ на высокомъ кряжѣ, господствующемъ надъ этою деревнею. Настало тутъ временное затишье, закопченное новымъ наступленіемъ пруссаковъ, получившихъ между тѣмъ сильную поддержку.

Вотъ какъ это случилось. Когда 22ая прусская дивизія (восемь баталіоновъ) около полудня подошла къ Сенъ-Альберъ, то командиръ ея, генералъ Шкопъ, рѣшилъ аттаковать по направленію Флюанъ, въ лѣвый флангъ и тылъ французовъ, для того, чтобы завладѣть поименованнымъ выше кряжемъ, на которомъ держалась французская дивизія Либеръ. Исполняя это намѣреніе, Шкопъ, построившись въ боевой порядокъ—въ двѣ линіи полубаталіоновъ съ двумя баталіонами въ третьей линіи,—пошелъ по долинѣ рѣки Мезы и частью перешелъ за ручей Флюанъ. Затихшее было въ этомъ мѣстѣ на время дѣло возобновилось теперь съ полнымъ ожесточеніемъ. Въ это же время Шкопъ получилъ приказаніе корпуснаго начальства „оставить одну бригаду въ общемъ резервѣ корпуса, которую направить къ рощѣ на высотѣ № 812".

Но такъ какъ Шкопъ въ то время, какъ сказано, имѣлъ на лицо всего восемь баталіоновъ, то ему, очевидно, оставалось одно изъ двухъ: или отказаться отъ бывшей уже въ полномъ ходу аттаки, или же не исполнить приказанія. Шкопъ избралъ послѣднее и отправивъ въ резервъ только два своихъ баталіона, съ остальными же продолжалъ наступленіе, считая невозможнымъ прервать сильно разгорѣвшійся бой и отказаться отъ аттаки, которую онъ считалъ рѣшающею все дѣло на этой части поля сраженія.

Оффиціальная прусская исторія войны, приводя мотивы Шкопа, не высказывается подробнѣе по этому поводу. Она не оправдываетъ этого самостоятельнаго рѣшенія частнаго начальника какъ это дѣлаетъ неоднократно въ другихъ случаяхъ, точно оставляя случившееся на отвѣтственности Шкопа [1]).

Случай этотъ какъ разъ подходитъ къ разбираемому въ настоящемъ сочиненіи вопросу, а потому приходится разъяснить его, насколько это возможно при весьма поверхностныхъ данныхъ.

Насколько можно понять—подошедшій изъ дефиле Шкопъ повелъ свои войска въ бой направо, на Флюанъ, самостоятельно, въ виду перѣшеннаго тамъ еще боя и не видя передъ собою другаго поля дѣйствія, такъ какъ влѣво тянулась большая батарея 11го корпуса. Въ этомъ случаѣ Шкопъ, видимо, не получившій никакихъ приказаній, дѣйствовалъ совершенно въ духѣ нѣмецкаго

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны", т. 1, стр. 1236.

наступательнаго метода, который болѣе всего опасается бездѣйствія, хотя бы въ формѣ выжиданія приказаній. Выйдя изъ дефиле, Шкопъ искалъ предмета для дѣйствія и избралъ высоты за Флюанъ; инаго,—какъ уже сказано,—въ то время и не было, по крайней мѣрѣ поблизости.

Начавъ разъ наступленіе и ввязавшись передовыми своими войсками въ бой очень оживленный, Шкопъ не счелъ уже возможнымъ прерывать аттаку и отойти въ резервъ. Форма полученнаго Шкопомъ приказанія (двинуть одну бригаду въ общій резервъ) казалось, оправдывала его рѣшеніе. Дѣйствительно, Шкопъ могъ заключить, что командиръ корпуса полагаетъ, что при Шкопѣ находятся обѣ бригады; что онъ согласенъ, чтобы одна двинулась въ аттаку за ручей Флюанъ и только другую бригаду желаетъ задержать въ частномъ резервѣ. Иными словами: командиръ корпуса желалъ, чтобы одна бригада шла въ аттаку, а другая оставалась въ резервѣ. Шкопъ же со своей стороны удовлетворилъ, по возможности, обоимъ этимъ требованіямъ, но начатую уже аттаку онъ поставилъ выше потребности въ резервѣ. Дѣйствительно, резервъ на этой части поля сраженія имѣлъ главную цѣлью прикрыть дефиле Сенъ-Альберъ—Мезонъ-Ружъ именно противъ наступленія французовъ съ позицій дивизіи Либеръ; слѣдовательно резервъ этотъ дѣлался излишнимъ, если бы удалось сбить названную дивизію; и вотъ это именно Шкопъ поставилъ себѣ главною задачею.

Возвращаюсь къ аттакѣ Шкопа. Войска его, по мѣрѣ наступленія, нашли себѣ слѣва поддержку въ частяхъ засѣвшихъ раньше во Флюанъ, которыя тоже перешли въ наступленіе.

Взобравшіяся на плято линіи пруссаковъ встрѣтили тамъ сильное сопротивленіе и стремительныя одиночныя контръ-аттаки французовъ, неоднократно гнавшихъ передъ собою участки общей прусской линіи. Прусскія войска перемѣшались; но толпы и группы ихъ тѣмъ не менѣе неудержимо стремились впередъ, собираясь вокругъ уцѣлѣвшихъ еще офицеровъ[1]). Во время самаго горячаго въ этомъ мѣстѣ боя поручикъ Барделебенъ повелъ на оспариваемыя высоты восемь орудій подъ прикрытіемъ одной роты и открылъ огонь во флангъ французамъ.

Наконецъ прусскія войска, сражавшіяся у Флюанъ, получили еще новую, весьма желанную, хотя и косвенную поддержку со стороны Фленье. Собравшаяся тамъ 19ая бригада (четыре баталіо-

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны", т. 1, стр. 1237—1238.

на) получила около часа пополудни приказаніе генерала Кирхбаха—,,наступать на французовъ" (дивизію Либеръ).

Наступавшая 19ая прусская бригада составляла связь между прусскими войсками, сражавшимися у Флюанъ и дравшимися у Илли.

Поражаемая жестокимъ огнемъ прусскихъ батарей, тѣснимая съ фронта и фланга аттаками пѣхоты нѣмцевъ, французская дивизія Либеръ начала сдавать, а между тѣмъ командиръ корпуса, генералъ Дуэ, израсходовалъ уже всѣ свои резервы, какъ для поддержки частей своего 12го корпуса, такъ и для войскъ державшихъ высоты Илли; наконецъ для усиленія Лебрена.

Въ эту критическую минуту французы опять хватились за свою кавалерію. На зовъ Дюкро, видѣвшаго общее опасное положеніе, явился генералъ Маргеритъ со своими пятью легкими полками, далѣе уланская бригада Саваресъ (Savaresse) кавалерійской дивизіи Фенелонъ (Salignac Fenelon), бывшей при 12мъ корпусѣ, и нѣсколько эскадроновъ кирасиръ дивизіи Бонемена.

Самъ Маргеритъ былъ убитъ при предварительной передъ аттакою рекогносцировкѣ. Принявшій послѣ него начальство генералъ Галифе повелъ французскіе эскадроны въ стремительную, геройскую аттаку. Первый ударъ французовъ засталъ прусскія густыя цѣпи уже на плато, между тѣмъ какъ сомкнутыя ихъ части взбирались еще по крутымъ подъемамъ. Подъ жестокимъ фланговымъ огнемъ прусскихъ батарей, теряя связь отъ разныхъ мѣстныхъ препятствій, французскіе эскадроны, тѣмъ не менѣе храбро, хотя по большей части поодиночно, неслись впередъ прямо на прусскую пѣхоту, которая встрѣчала ихъ преимущественно укрытая за рвами и изгородями.

За этою первою аттакою послѣдовало много другихъ, столь же беззавѣтно-храбрыхъ. Французская конница разъяренными волнами своими въ теченіе получаса заливала все оспариваемое плато. Французскіе всадники прорывали и рубили цѣпи противника, ворвались въ поименованную восьми-орудійную батарею, но не могли смять сомкнутыхъ частей и массами гибли отъ огня прусской пѣхоты, все болѣе и болѣе усиливавшейся на плато.

Наконецъ французская конница, послѣ нечеловѣческихъ усилій, истощивъ всѣ силы и средства, отхлынула назадъ, оставивъ на полѣ битвы болѣе половины своего состава, въ томъ числѣ четырехъ генераловъ.

Между тѣмъ французская пѣхота, видимо оправилась и ободрилась геройскимъ примѣромъ свой конницы; она вновь перешедшимъ въ наступленіе пруссакамъ оказала еще сильное и упорное сопро-

тивленіе. Аттакующая 19ая прусская бригада понесла такія потери, что въ 6мъ полку баталіонами пришлось командовать поручикамъ; а съ другой стороны стремительныя контръ-аттаки французовъ доходили до самаго кладбища Флюанъ.

Однако пруссаки, хотя сильно разстроенные и перемѣшанные, тѣмъ не менѣе неудержимо рвались впередъ, чуя близкую побѣду. Наконецъ истомленныя французскія войска западнаго фронта подались назадъ; правая ихъ часть ушла въ лѣсъ Гаренъ, а лѣвая, послѣ потери деревни Казаль, отступая понемногу съ боемъ, отошла наконецъ за гласисъ Седана, потерявъ довольно много плѣнныхъ при оборонѣ разныхъ мѣстныхъ предметовъ.

Этимъ собственно закончился бой на западной части поля сраженія. Прорывъ французовъ въ эту сторону былъ уже невозможенъ; французы (кромѣ одиночныхъ случайныхъ попытокъ) не предпринимали его. Они, напротивъ того, обратили всѣ свои усилія именно въ противоположномъ направленіи.

Вотъ какъ это происходило.

Новый французскій главнокомандующій, генералъ Вимпфенъ, вывелъ самыя неутѣшительныя заключенія изъ законченнаго имъ около полудня объѣзда своего западнаго фронта и центра боеваго расположенія французовъ у лѣса Гаренъ.

Утреннее оптимистическое настроеніе Вимпфена совершенно исчезло. Онъ убѣдился, что не въ состояніи удержаться на позиціяхъ даже до вечера. За симъ онъ, видимо, болѣе изъ за чести, нежели въ надеждѣ на дѣйствительный военный успѣхъ, рѣшилъ пробиться къ востоку, на Кариньянъ. Причиною выбора этого именно направленія было успѣшное сопротивленіе передъ тѣмъ корпуса Лебрена противъ аттакъ баварцевъ и саксонцевъ. Для прорыва въ этомъ восточномъ направленіи Вимпфенъ рѣшилъ употребить всѣ свободныя еще войска и воодушевить ихъ личнымъ присутствіемъ императора. Наконецъ, вѣроятно имъ же распущенъ былъ слухъ, что позади баварцевъ наступаетъ побѣдоносная армія Базена.

Въ сочиненіи своемъ Вимпфенъ повѣствуетъ, что новыя распоряженія свои Лебрену передавалъ онъ лично, а Дуэ и Дюкро переслалъ письменныя приказанія: первому, что „поручаетъ ему прикрытіе тыла наступающихъ на баварцевъ войскъ", а послѣднему, „чтобы онъ всѣми силами наступалъ на Монсель и Базейль". Наконецъ дивизіи генерала Лепаръ (5го корпуса) приказано было двинуться тоже на Монсель и Базейль [1]).

[1]) Упоминаемые здѣсь и приводимые ниже факты почерпнуты изъ сочиненія Дюкро, стр. 127, и Вимпфена, стр. 168—172.

*

Но для практическаго исполненія намѣреній Вимпфена встрѣтились затрудненія даже при самой разсылкѣ приказаній, за отсутствіемъ при немъ штаба арміи, который къ Вимпфену появился. По этой же причинѣ Вимпфенъ плохо оріентированъ былъ относительно дѣйствительнаго хода и положенія дѣлъ.

Приказаніе посланное Дюкро не дошло до послѣдняго. Впрочемъ начальнику его штаба, полковнику Роберу (какъ значится въ сочиненіи Дюкро), случайно попался офицеръ, везшій генералу Дуэ записку Вимпфена слѣдующаго „примѣрно" (какъ говоритъ Роберъ), содержанія:

„Я вижу, что непріятель одолѣваетъ; я собираю войска, которыя у меня подъ рукою, чтобы попытаться сдѣлать прорывъ по направленію на Кариньянъ; поддержите это движеніе если можете" [1]).

Хотя изъ содержанія этой записки, какъ говоритъ Роберъ, и можно было вывести заключеніе, что приказанія относительно прорыва на Кариньянъ касаются и 1го корпуса—Дюкро, но войска послѣдняго въ то время неспособны были принять участіе въ наступленіи на востокъ, такъ какъ частью были уже слишкомъ разстроены, или же сражались въ другомъ направленіи.

Скоро и отъ Дуэ послѣдовалъ неутѣшительный отвѣтъ, что „онъ держаться болѣе не въ состояніи и что не можетъ исполнить отступленія въ такомъ видѣ, какъ ему было" (Вимпфеномъ) „указано".

Но какъ бы то ни было, однако, частью вслѣдствіе распоряженій Вимпфена, частью же по причинѣ новыхъ наступательныхъ попытокъ французовъ и нѣмцевъ, завязался рядъ схватокъ весьма ожесточенныхъ, которыя на восточномъ фронтѣ французовъ продолжались до пяти часовъ пополудни.

Возвращаюсь на эту часть поля сраженія.

Саксонская 23я дивизія еще въ 11 часовъ дня получила указаніе, что саксонскій корпусъ возьметъ направленіе на Илли, что баварцы займутъ лѣсъ Гаренъ и ударятъ къ Седану и что поэтому 23я дивизія не должна переходить Ля-Монсель. Приказаніе это, видимо, было послѣдствіемъ прежнихъ указаній командира 4ой арміи, по коимъ, въ видахъ преслѣдованія якобы отступающихъ французовъ, предполагалось направить саксонцевъ на Илли, а гвардейскій корпусъ правѣе ихъ—на Фленье.

Но дѣйствительная обстановка была тогда совершенно иная. Французы вовсе не отступали, но напротивъ того твердо запи-

---

[1]) Въ запискѣ вѣроятно было сказано „прикройте" а не „поддержите".

мали противоположныя высоты ручья Живонъ, впереди лѣса Гаренъ. Баварцы не только не могли идти на лѣсъ Гаренъ (чтобы прикрыть флангъ предполагаемаго движенія саксонцевъ на Илли), но даже сами, изнемогая въ жестокомъ бою, просили саксонцевъ не уходить и не оголять праваго ихъ фланга. Съ этою именно просьбою обратился къ начальнику 23ей дивизіи, генералу Монбэ, командиръ ближайшей 3ей бригады баварцевъ, указывая на то, что въ случаѣ ухода саксонцевъ онъ лишится всѣхъ дорого купленныхъ имъ успѣховъ.

На основаніи всего сказаннаго, Монбэ условился съ командиромъ 3ей баварской бригады, что саксонцы останутся на позиціи до 12½ часовъ, то есть до времени прибытія ожидаемыхъ баварцами подкрѣпленій отъ войскъ 4го корпуса. Командиръ саксонскаго корпуса, принцъ Георгъ, одобрилъ это рѣшеніе и добавилъ, что 23ей дивизіи придется идти долиною ручья Живонъ до Деньи и оттуда на Илли, такъ какъ путь черезъ деревню Живонъ предоставленъ прусской гвардіи [1]).

Въ половинѣ перваго часа, какъ только голова 8ой дивизіи 4го корпуса показалась близъ замка Монвиль, генералъ Монбэ повелъ свою, собранную передъ тѣмъ побригадно, дивизію вверхъ по глубокой долинѣ ручья Живонъ, по западной дорогѣ, пролегающей у подошвы крутой, частью лѣсистой возвышенности западнаго ея берега. Такимъ образомъ саксонцы, скрытые въ глубокой ложбинѣ ручья, шли фланговымъ маршемъ передъ фронтомъ громадныхъ нѣмецкихъ батарей, расположенныхъ на восточныхъ возвышенностяхъ того же ручья. Нѣмецкія и французскія гранаты скрещивались надъ ихъ головами. Своеобразный этотъ походъ саксонцевъ продолжался однако менѣе двухъ верстъ; они вынуждены были повернуть влѣво въ аттаку на высоты противъ французовъ, оказавшихся на флангѣ ихъ пути. За симъ 45ая бригада приняла участіе въ бою, разыгравшемся тутъ вскорѣ, вслѣдствіе наступленія прусской гвардіи на лѣсъ Гаренъ. Что касается 46ой бригады, то она, прекративъ наступленіе, получила приказаніе собраться у Эбъ (Haybes), а 23ая (саксонская) дивизія стала на позиціи у Деньи.

Обратимся къ дѣйствіямъ прусской гвардіи, войска коей съ полудня очистили отъ французовъ только долину ручья Живонъ, а для послѣдующей аттаки противолежащихъ высотъ пѣхотою выжидали воздѣйствія своей усердно и искусно работавшей артиллеріи.

[1]) „Участіе саксонскаго корпуса въ битвѣ при Седанѣ", стр. 22.

Видимые съ позицій прусской гвардіи успѣхи частей 3ей арміи (5го корпуса) у Фленье и Илли указывали, что приближается время для рѣшительной аттаки гвардіи на противоположныя высоты и лѣсъ Гаренъ.

Прусская гвардейская артиллерія ранѣе того очистила все открытое пространство впереди и сѣвернѣе лѣса; она много содѣйствовала успѣху войскъ 3ей арміи въ этомъ мѣстѣ и въ особенности въ занятіи высотъ Кальверъ-д'Илли (Calvaire d'Illy), въ непосредственной близости сѣверной, выдающейся мысомъ окраины лѣса Гаренъ.

На лѣсъ Гаренъ обратился теперь самый методическій огонь прусскихъ гвардейскихъ орудій. Начальникъ артиллеріи корпуса, принцъ Гогенлоэ, раздѣлилъ лѣсъ побатарейно на участки, приказавъ каждой батареѣ стрѣлять однимъ орудіемъ по опушкѣ, а слѣдующимъ—100 шаговъ далѣе каждому.

Въ то время французскія батареи совершенно уже замолкли, а потому методическая стрѣльба пруссаковъ производилась, конечно, съ полнымъ спокойствіемъ, „какъ въ мишени на полигонѣ", и полная въ то время безопасность вызвала на батареи ихъ не только офицеровъ стоявшихъ сзади войскъ, но и зрителей нестроеваго элемента, въ томъ числѣ даже и лютеранскаго пастора, какъ повѣствуетъ принцъ Гогенлоэ [1]).

Лѣсъ Гаренъ обстрѣливаемъ былъ одновременно и изъ батарей 5го прусскаго корпуса и наконецъ служилъ сборомъ всѣхъ перелетовъ нѣмецкой артиллеріи, дѣйствовавшей концентрически по тѣсному расположенію французовъ. Вообще по расчету исторіи нѣмецкой артиллеріи спеціально противъ лѣса Гаренъ могло дѣйствовать въ то время около 200 нѣмецкихъ орудій.

Лѣсъ Гаренъ, расположенный на выдающейся возвышенности, имѣлъ видъ треугольника, обращеннаго вершиною къ сѣверу, немного болѣе версты высотою и столько же въ основаніи, притомъ съ большими видными нѣмцамъ прогалинами. Въ немъ столкнулись и толпились отступавшія отовсюду французскія войска. Самая многочисленность ихъ была для французовъ не силою, а слабостью, увеличивая только потери и безпорядокъ. Громадныя толпы метались по лѣсу, напрасно отыскивая себѣ убѣжища отъ губительнаго огня нѣмцевъ. По свидѣтельству очевидцевъ нѣмецкія гранаты неслись туда со всѣхъ румбовъ горизонта. Разстроенныя массы всадниковъ увеличивали хаосъ и смятеніе. По словамъ Дюкро, одна изъ бригадъ его (дивизіи Лерилье), направля-

[1]) Гогенлоэ. „Военныя письма, кн 3", стр. 52—54, нѣмецкое изд. 1885 года.

ясь на сѣверъ для поддержанія контръ-аттаки по направленію Илли, смята была массою бѣгущихъ всадниковъ и разсѣяна, не принявъ участія въ сраженіи [1]).

Наконецъ, французы, частью въ большемъ или меньшемъ порядкѣ, частью просто въ разсыпную, массами оставляли поле битвы и уходили или же отошли уже въ крѣпость.

Въ такомъ положеніи находились французы въ лѣсу Гаренъ въ то время, когда 1ая гвардейская прусская дивизія, генерала Папе, послѣ общаго сигнальнаго, послѣдняго залпа изъ всѣхъ орудій, ровно въ 2½ часа пополудни двинулась на приступъ.

Сопротивленіе французовъ на опушкѣ лѣса Гаренъ было самое незначительное. Въ срединѣ же его однѣ толпы ихъ (по свидѣтельству нѣмцевъ) сдавались почти охотно, другія же, напротивъ, яростно накидывались на пруссаковъ, причемъ сдавшіеся было французы не разъ опять хватались за оружіе, ставя прусскія части нерѣдко въ затруднительное положеніе. Однако эти одиночныя вспышки сопротивленія французовъ не могли измѣнить исхода дѣла. Черезъ полтора часа послѣ начала аттаки прусской гвардіи лѣсъ былъ уже совершенно очищенъ отъ французовъ, оставившихъ тутъ въ рукахъ побѣдителей болѣе десяти тысячъ нераненыхъ плѣнныхъ. Результатъ, купленный самыми ничтожными потерями [2]). Тутъ, конечно, главнымъ образомъ помогла пруссакамъ надлежащая на сей разъ подготовка аттаки артиллеріею. Кровавый урокъ Сенъ-Прива 18 августа не прошелъ даромъ.

Въ тоже самое почти время кончился и бой на крайне-правой части французской позиціи.

Перехожу къ дѣйствіямъ на этой части поля сраженія, начиная съ французовъ.

Генералъ Вимпфенъ въ часъ дня отдалъ приказанія къ новому наступленію для прорыва къ Кариньяну. Вслѣдъ за тѣмъ онъ послалъ императору Наполеону III письмо, которое въ сочиненіи своемъ приводитъ въ слѣдующемъ видѣ: [3])

„Я рѣшился прорвать линію, которая противъ генерала Лебрена и генерала Дюкро, чтобы избѣжать плѣна въ Седанѣ. Прибывайте Ваше Величество въ средину Вашихъ войскъ; они почтутъ за честь проложить Вамъ дорогу“.

---

[1]) Дюкро, стр. 40.

[2]) Вся потеря 1 прусской гвардейской дивизіи въ Седанскомъ бою была менѣе 250 человѣкъ.

[3]) Вимпфенъ, стр. 172. Сколько можно понять, выраженія приведены въ сочиненіи Вимпфена съ памяти; причемъ Вимпфенъ замѣчаетъ, что смыслъ вполнѣ вѣренъ, но что выраженія въ оригиналѣ, отысканномъ потомъ въ Седанѣ, были гораздо энергичнѣе.

Прождавъ напрасно цѣлый часъ прибытія императора или отвѣта отъ него, Вимпфенъ, находившійся, какъ сказано, въ такъ называемомъ „Старомъ лагерѣ", у сѣверо-восточной части крѣпости, рѣшилъ начать наступленіе.

Въ то время въ „Старомъ лагерѣ" находилась морская дивизія Васуань корпуса Лебрена, нѣсколько баталіоновъ зуавовъ и 47ой линейный полкъ; всего налицо пять до шести тысячъ человѣкъ. Вимпфенъ лично повелъ эти войска черезъ деревню Фонъ-де-Живонъ на возвышенность, которая господствуетъ надъ пунктами Ля-Монсель, Базейль и Балянъ. Лѣвѣе наступали дивизіи Гозъ, 5го корпуса и Граншанъ (Grandchamp) 12го корпуса.

Направивъ такимъ образомъ аттакующія войска, Вимпфенъ вернулся въ Седанъ, наполненный въ то время нестройными толпами французскихъ войскъ; увѣщаніями своими Вимпфенъ успѣлъ увлечь за собою массу около двухъ тысячъ при двухъ орудіяхъ и ударилъ съ ними на Балянъ.

Наступленіе французовъ, которое выразилось нѣсколькими стремительными аттаками, имѣло успѣхъ. Баварская 5ая бригада, укрѣпившаяся въ Балянъ и въ паркѣ къ сѣверо-западу отъ этого пункта, но частью ощущавшая недостатокъ въ патронахъ, была сильно потѣснена назадъ. Не смотря на смѣну 5ой баварской бригады свѣжею, 6ою бригадою (того же 2го баварскаго корпуса), а также частями 4го прусскаго, баварцы вытѣснены были изъ Балянъ. Они едва-едва удержали нѣкоторыя постройки въ самой восточной оконечности этого длиннаго предмѣстья, которое по линіи почти въ полторы версты тянется отъ Седана къ Базейлю.

Пораженіе баварцевъ было настолько полно и очевидно, что генералъ Таннъ принялъ уже оборонительныя мѣры для того, чтобы удержать за собою хотя Базейль и позицію по ручью Живонъ.

Однако, не смотря на частные успѣхи французовъ, далеко было до исполненія затѣяннаго Вимпфеномъ прорыва. Безотвѣтно-храброе наступленіе французской пѣхоты не могло быть подготовлено и поддержано артиллеріею, не смотря на геройское самоотверженіе послѣдней. Французской артиллеріи, такъ сказать „не было житья" отъ превосходной числомъ и матеріаломъ нѣмецкой артиллеріи, отлично пристрѣлявшейся и дѣйствовавшей большими массами. Въ видѣ примѣра можно привести, что три французскія батареи, послѣдовательно выѣзжавшія для занятія позиціи впереди Фонъ-де-Живонъ, дѣйствіемъ прусской гвардейской артиллеріи были разбиты почти въ щепки прежде чѣмъ успѣли сняться съ передковъ.

Такому же адскому огню 90 орудій прусской гвардіи, подъѣхавшихъ къ самому краю высотъ лѣваго берега Живона, подверглась и французская дивизія Граншапъ, шедшая на крайнемъ лѣвомъ флангѣ наступленія французовъ; причемъ „страшные вопли разрываемыхъ гранатами жертвъ слышны были и на прусскихъ батареяхъ“ [1]).

Аттака французовъ по открытому пространству сѣвернѣе Балянъ при подобныхъ условіяхъ оказалась вообще невозможною. Остатки ихъ храбрыхъ баталіоновъ отошли назадъ.

Баварцы обратили теперь огонь своей артиллеріи на занятый французами Балянъ, который мало по малу оставленъ былъ обезохоченными защитниками и опять по большей части занятъ баварцами.

Такъ окончилась попытка Вимпфена, предпринятая болѣе изъ за чести. За нее же геройски погибъ маіоръ д'Аленкуръ вмѣстѣ со 2мъ эскадрономъ 2го кирасирскаго полка, пролагая себѣ путь отъ Седана на Мезіеръ черезъ занятый пруссаками Казаль.

Въ то время, когда на правой сторонѣ р. Мозеля разыгрывались описанныя потрясающіяся событія, баварскія войска, оставленныя на лѣвомъ берегу рѣки, для воспрепятствованія возможному въ ту сторону прорыву французовъ,—а именно 4ая баварская дивизія съ корпусной и дивизіонной артиллеріею, не имѣли въ началѣ никакого особаго дѣла. Артиллерія, какъ уже сказано было, пристрѣлялась пока по разнымъ мѣстнымъ предметамъ и по временамъ дѣйствовала по разнымъ цѣлямъ (французскимъ войскамъ), показывавшимся на той сторонѣ Мозеля. Между тѣмъ пѣхота укрѣплялась на своей позиціи, занявъ даже желѣзнодорожную станцію противъ главнаго выхода изъ крѣпости и группу домовъ чуть не на глассисѣ крѣпости.

Въ 2½ часа пополудни баварская артиллерія лѣваго берега рѣки получила отъ Мольтке приказаніе „открыть по городу прилично живой огонь“. Это „приличіе“ оффиціальная исторія объясняетъ необходимостью сберечь заряды для болѣе рѣшительныхъ минутъ. Въ три часа приказано было прекратить огонь, вѣроятно въ виду бѣлаго флага, поднятаго въ крѣпости.

Между тѣмъ съ точки наблюденія главной королевской квартиры замѣчено было, что на томъ берегу рѣки большія массы французовъ въ безпорядкѣ отступаютъ въ крѣпость. Отъ офицеровъ генеральнаго штаба, посланныхъ за рѣку для сбора свѣдѣній о хо-

[1]) Эти подробности почерпнуты изъ сочиненія Гогенлоэ „Военныя письма III“, стр. 51—53. Достойно вниманія, что Гогенлоэ упоминаетъ, что дивизія Граншанъ наступала „массами“.

дѣ сраженія, получены были донесенія, „что захожденіе нѣмецкихъ войскъ вполнѣ закончено и что вездѣ находятся достаточные резервы для воспрепятствованія всякимъ попыткамъ французовъ". При такомъ положеніи дѣлъ главное нѣмецкое начальство сочло, что „настало время сильнымъ обстрѣливаніемъ послѣдняго убѣжища французовъ Седана убѣдить ихъ въ полной безнадежности положенія и склонить къ сдачѣ".

Въ четыре часа пополудни послѣдовало приказаніе короля Вильгельма, „чтобы вся артиллерія, которою можно располагать на лѣвомъ берегу рѣки, открыла самый энергическій огонь по внутренности Седана".

Для обстрѣливанія Седана вызваны были, очевидно нѣсколько поздно, и батареи виртембергской дивизіи, бывшей въ то время у Доншери. Изъ нихъ однѣ, запоздавъ уже, не приняли участія въ пальбѣ, а другія заторопившись открыли огонь по своимъ же, баварцамъ, очутившимся у входа въ крѣпость во время начавшихся тамъ частныхъ мирныхъ съ французами переговоровъ. „Только самое энергическое вмѣшательство командира баварской дивизіи умѣрило это злополучное усердіе виртембергскихъ артиллеристовъ, ссылавшихся на приказанія свыше". Вслѣдствіе этого эпизода баварцы понесли нѣкоторыя потери, а два ихъ офицера, вошедшіе уже въ Седанъ для переговоровъ, подверглись тамъ оскорбленіямъ со стороны французовъ, въ высшей степени взволнованныхъ внезапнымъ открытіемъ огня среди мирныхъ уже отношеній [1]).

Но, какъ бы то ни было, бомбардировка города, причинившая пожары въ десяти разныхъ мѣстахъ, независимо пораженія людей, произвела желанный для нѣмцевъ результатъ. Къ шести часамъ огонь былъ прекращенъ по случаю начавшихся окончательныхъ мирныхъ переговоровъ, увѣнчанныхъ для нѣмцевъ сдачею императора Наполеона III со всего его арміею.

Вышеприведеннымъ указаніемъ на сдачу французской арміи можно бы закончить вопросъ собственно о Седанской капитуляціи, не представляющей спеціально военнаго интереса, но тѣмъ не менѣе перипетіи и подробности этого печальнаго дѣла обличаютъ такіе взгляды и отношенія подлежащихъ французскихъ дѣятелей, которые, въ свою очередь, бросаютъ яркій свѣтъ на болѣе глубо-

[1]) Свѣдѣнія о дѣйствіи артиллеріи лѣваго берега дополнены частью изъ исторіи 2 баварскаго корпуса, стр. 44—48.

кія и слѣдовательно основныя причины пораженія французовъ. Вотъ какъ совершилось это дѣло:

Императоръ Наполеонъ (находившійся въ Седанѣ), убѣдившись около трехъ часовъ въ полной безнадежности дальнѣйшихъ дѣйствій со стороны французовъ, приказалъ поднять парламентерскій флагъ и послалъ генералу Вимпфену письменное приказаніе, чтобы тотъ „отправился къ непріятелю въ качествѣ парламентера". Посланный императоромъ офицеръ Пьерронъ отыскалъ Вимпфена въ исходѣ четвертаго часа въ ту минуту когда послѣдній, проводивъ въ бой морскую дивизію, выѣзжалъ въ городъ, чтобы собрать тамъ войска и повести ихъ на непріятеля.

Вимпфенъ, все еще ожидавшій, что императоръ, согласно его предложенію, лично станетъ во главѣ войскъ и поведетъ ихъ на прорывъ къ Кариньяну, былъ въ высшей степени пораженъ и взволнованъ свѣдѣніями о предполагаемой капитуляціи, переданными ему изустно Пьерроном. Онъ не признавалъ за императоромъ (не командовавшимъ лично арміею) права поднять парламентерскій флагъ и отвѣтилъ посланному:

„Я не хочу читать письма и отказываюсь вступать въ переговоры", и, не смотря на настоянія Пьеррона, Вимпфенъ, держа въ рукѣ нераспечатанное письмо императора, обратился къ войскамъ со слѣдующими словами: „Вы должны слѣдовать за мною, если не хотите положить оружіе и сдаться въ плѣнъ" [1]).

Между тѣмъ, поднятый по приказанію императора парламентерскій флагъ, еще ранѣе отказа Вимпфена, былъ ниспровергнутъ по приказанію начальника штаба арміи, генерала Форъ.

Вообще у французовъ не только снизу, но и сверху проявилось теперь полное разложеніе. Императоръ, уклонявшійся отъ командованія арміею, принимаетъ на себя починъ въ сдачѣ ея непріятелю. Командующій арміею и начальникъ ея штаба, каждый порознь, оказываетъ своему государю явное ослушаніе и сопротивленіе. Наконецъ, командиры корпусовъ, а изъ нихъ первый—генералъ Дюкро, въ сущности игнорируютъ уже своего прямаго начальника, генерала Вимпфена.

Перехожу къ послѣднимъ дѣйствіямъ Дюкро.

Послѣ самыхъ энергическихъ усилій къ задержанію успѣха пруссаковъ противъ центра французской позиціи у лѣса Гаренъ, Дюкро, истощивъ всѣ средства и силы, самъ увлеченный толпами бѣгущихъ, прибылъ къ Седанской цитадели. У входа онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ генераловъ. Вдругъ одинъ изъ ординарцевъ

[1]) Вимпфенъ, стр. 173—174.

закричалъ: „Поднять бѣлый флагъ! неужели парламентерскій“? „Это—отвѣтилъ Дюкро—вѣроятно флагъ госпитальный, на коемъ красный крестъ смытъ дождемъ“. [1])

Встрѣтивъ далѣе генерала Дежанъ, Дюкро обошелъ съ нимъ валы цитадели, стараясь размѣстить солдатъ по брустверу и прикрытому пути. Однако солдаты хотя повиновались, но немедленно затѣмъ оставляли свои мѣста; тутъ не помогали уже ни увѣщеванія, ни угрозы.

Въ три часа Дюкро рѣшился идти въ городъ (какъ онъ говоритъ) для свиданія съ главнокомандующимъ. Въ эту только минуту (сообщаетъ Дюкро) онъ получилъ письменное приказаніе Вимпфена: принять участіе въ прорывѣ на Кариньянъ и Монмеди.

„У меня уже нѣтъ ничего — отвѣтилъ Дюкро ординарцу; „я войду въ городъ и посмотрю, не окажется ли возможнымъ собрать нѣсколько войскъ“.

Внутренность Седана, по словамъ Дюкро, представляла видъ неописаннаго хаоса. Площади и улицы города загромождены были обозами, повозками и орудіями. Поминутно вбѣгали туда толпы солдатъ безъ оружія и аммуниціи, бросаясь въ дома и церкви. Въ воротахъ крѣпости среди страшной давки многіе затоптаны были на смерть. Въ эти обезумѣвшія толпы карьеромъ вскакивали всадники и врѣзывались повозки.

Сохранившіе еще кое-какую энергію солдаты выражали ее единственно обвиненіями и проклятіями: „Насъ продали измѣнники и трусы“, кричали они.

Видя, что съ подобными людьми ничего уже предпринять нельзя, Дюкро около половины четвертаго часа отправился въ префектуру, въ которой остановился императоръ.

На обыкновенно холодномъ и равнодушномъ лицѣ Наполеона III замѣтна была теперь глубокая скорбь. Императоръ выразилъ Дюкро сожалѣніе о томъ, что военный министръ назначилъ командиромъ арміи Вимпфена, чему императоръ не воспротивился единственно потому, что не хотѣлъ отмѣнять распоряженія выходящія изъ Парижа. Сказавъ далѣе, что только предположенное Дюкро отступленіе могло спасти армію, императоръ возвратился къ событіямъ предшествовавшимъ войнѣ и опять выразилъ сожалѣніе о томъ, что въ свое время не слушалъ предостереженій Дюкро, который, въ качествѣ командира Страсбургскаго военнаго округа, близко слѣдя за тѣмъ что́ происходило за Рейномъ, обличалъ императору опасныя намѣренія Германіи и указывалъ на

[1]) Это и послѣдующія свѣдѣнія почерпнуты изъ сочиненія Дюкро, стр. 45—50.

большія ея силы и средства. Когда императоръ замолкъ, то среди господствовавшей тутъ глубокой тишины тѣмъ рѣзче доносился внѣшній гулъ и громъ канонады.

„Не понимаю—сказалъ императоръ—почему непріятель продолжаетъ бомбардировку,—я приказалъ поднять парламентерскій флагъ. Надѣюсь добиться свиданія съ королемъ Прусскимъ; быть можетъ получу выгодныя для арміи условія".

„Съ моей стороны—отвѣтилъ Дюкро—не расчитываю на великодушіе нашихъ побѣдителей; ночью мы можемъ попытаться сдѣлать вылазку".

Въ отвѣтѣ своемъ императоръ указалъ, что въ городѣ безпорядокъ и скопленіе бѣжавшихъ, что войска пали духомъ и что, слѣдовательно, всякая новая попытка къ прорыву кончилась бы только напраснымъ кровопролитіемъ.

Между тѣмъ нѣмецкая канонада все болѣе и болѣе усиливалась; въ городѣ вспыхивали пожары; снаряды поражали войска и гражданъ, взрослыхъ и дѣтей, здоровыхъ и раненыхъ. Въ это же время погибли въ городѣ два французскихъ генерала.

„Надо непремѣнно прекратить огонь", сказалъ императоръ. „Пишите"—обратился онъ къ генералу Дюкро, указывая на столъ, за которымъ сидѣлъ.

Дюкро подъ диктовку императора написалъ:

„Парламентерскій флагъ поднятъ; начнутся переговоры съ непріятелемъ, огонь долженъ быть прекращенъ по всей линіи". „Теперь подпишите"—добавилъ императоръ.

„О нѣтъ, Государь, я не могу подписать. Въ какомъ качествѣ я подпишу? Я командиръ корпуса. Арміею командуетъ генералъ Вимпфенъ". Возразилъ Дюкро.

„Вы правы—отвѣтилъ императоръ, — но я незнаю гдѣ генералъ Вимпфенъ, надо, чтобы кто либо подписалъ".

„Прикажите подписать начальнику штаба арміи, или старшему генералу, т. е. Дуэ" сказалъ Дюкро.

„Да; пусть подпишетъ начальникъ штаба"—согласился императоръ.

Дюкро послалъ полковника Робера отыскать генерала Форъ. Но послѣдній отказался подписать приказаніе о прекращеніи огня и возразилъ: „Я не для того приказалъ писпровернуть парламентерскій флагъ, чтобы подписывать подобныя распоряженія". Полковникъ Роберъ вернулся къ Дюкро съ этимъ извѣстіемъ. Пока они говорили, вышелъ отъ императора генералъ Лебренъ и сказалъ, что „онъ отправляется къ непріятелю въ качествѣ парламентера".

Въ четыре съ половиною часа Лебренъ, предшествуемый парламентерскимъ флагомъ, подошелъ къ воротамъ, ведущимъ къ Баляну, у которыхъ встрѣтилъ Вимпфена, находившагося все еще въ пылу своихъ боевыхъ покушеній. Одинъ изъ ординарцевъ Вимпфена сбросилъ парламентерскій флагъ на землю. Вимпфенъ, съ своей стороны, предложилъ Лебрену принять участіе въ новомъ наступленіи на Балянъ. Хотя Лебренъ и отвѣтилъ, что „попытка поведетъ къ напрасной потерѣ 2—3 тысячъ человѣкъ", но онъ, тѣмъ не менѣе, позабывъ приказанія императора, пошелъ въ бой вмѣстѣ съ Вимпфеномъ. Однако скоро стало слишкомъ ясно, что ничего уже сдѣлать невозможно, и оба генерала вернулись въ Седанъ въ шесть часовъ пополудни.

Послѣ перваго письма императора (съ предложеніемъ отправиться парламентеромъ) Вимпфенъ получилъ отъ него же еще два приглашенія отправиться въ непріятельскую главную квартиру для переговоровъ. Оба раза Вимпфенъ на отрѣзъ отказался и, вернувшись на свою квартиру, подалъ письменное прошеніе объ отчисленіи отъ должности и увольненіи въ оставку [1]).

Получивъ прошеніе Вимпфена, императоръ предложилъ Дюкро принять командованіе. Но послѣдній возразилъ: „такъ какъ Вимпфенъ самъ добивался командованія, то онъ не можетъ отказываться теперь, когда дѣла пошли плохо; притомъ Дуэ старшій генералъ въ арміи и поэтому во всякомъ случаѣ командованіе принадлежитъ ему", а не Дюкро. Генералъ Дуэ почти согласился было принять на себя командованіе, то есть въ сущности переговоры о капитуляціи, но и онъ въ концѣ отказался, вслѣдствіе замѣчанія своего друга Лебрена, что „командованіе долженъ сохранить Вимпфенъ" [2]). Тогда императоръ написалъ отвѣтъ Вимпфену.

„Генералъ! вы не можете выдти въ отставку, когда дѣло идетъ о спасеніи арміи путемъ почетной капитуляціи. Поэтому я отставки вашей не принимаю. Вы цѣлый день вѣрны были долгу, исполните его до конца. Это услуга, которую вы сдѣлаете странѣ".

„Король прусскій принялъ перемиріе и я ожидаю его предложеній".

Въ сочиненіи своемъ Вимпфенъ замѣчаетъ, что „императоръ удержалъ при себѣ для совѣщаній подчиненныхъ Вимпфену генераловъ, мѣсто коихъ было на полѣ битвы", онъ противъ воли

---

[1]) Эти и послѣдующія подробности находятся у Вимпфена, стр. 175, 198, 230, 281, 282 и 296.

[2]) „Дюкро" стр. 51.

Вимпфена „приказалъ поднять парламентерскій флагъ". „Этими дѣйствіями императоръ взялъ на себя званіе главнокомандующаго, а поэтому дѣло императора же было подписать капитуляцію".

Тѣмъ не менѣе Вимпфенъ (какъ онъ пишетъ) не счелъ болѣе возможнымъ уклоняться отъ порученія императора, даннаго во имя блага арміи и страны.

Между тѣмъ императоръ Наполеонъ вошелъ уже въ непосредственныя сношенія съ непріятелемъ. Прибывшему отъ имени прусскаго короля парламентеромъ подполковнику Бронсарду, императоръ лично заявилъ, что арміею командуетъ не онъ, а генералъ Вимпфенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ черезъ адъютанта своего, генерала Рейль, послалъ королю письмо, въ которомъ выразилъ, что „не удалось ему умереть среди своихъ войскъ, а потому ему остается только передать королю свою шпагу".

На это король отвѣтилъ, что „сожалѣетъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ пришлось встрѣтиться, принимаетъ шпагу императора и проситъ его назначить лицо снабженное полномочіями императора для переговоровъ о капитуляціи арміи, которая такъ храбро сражалась подъ его (императора) начальствомъ". Для переговоровъ этихъ король съ своей стороны назначилъ генерала Мольтке.

Императоръ, отправляя генерала Вимпфена для переговоровъ, снабдилъ его бумагою, въ которой значилось:

„Императоръ Наполеонъ III, вслѣдствіе раны маршала Макъ-Магона, которая мѣшаетъ ему исправлять должность, поручилъ командованіе арміею генералу Вимпфену. Генералъ этотъ имѣетъ всѣ полномочія, чтобы уговориться объ условіяхъ для арміи, которая по признанію короля храбро сражалась".

(подписалъ) „Наполеонъ".

Вимпфенъ въ сочиненіи своемъ не преминулъ заявить еще разъ, что онъ „командованіе арміею получилъ не изъ рукъ императора", и добавляетъ, что тѣмъ не менѣе не хотѣлъ спорить о сказанномъ въ приведенной запискѣ и отправился въ главную королевскую квартиру вмѣстѣ съ прусскимъ офицеромъ, прибывшимъ въ Седанъ по дѣламъ переговоровъ о капитуляціи. Вимпфена провожалъ генералъ Форъ, какъ начальникъ штаба арміи и генералъ Кастельно въ качествѣ представителя личныхъ интересовъ императора Наполеона III, сдавшагося только лично, отдѣляя себя отъ арміи, которою не командовалъ.

Переговоры о капитуляціи ведены были генераломъ Вимпфеномъ съ генераломъ Мольтке, при коемъ находились канцлеръ, графъ Бисмаркъ, и генералъ-квартирмейстеръ Подбѣльскій.

Изъ довольно длинныхъ переговоровъ, веденныхъ представителями обѣихъ сторонъ, приводятся тутъ только нѣкоторыя, болѣе интересныя выдержки изъ переданнаго генераломъ Вимпфеномъ, или значащагося въ сочиненіи генерала Дюкро. Послѣднее записано было на мѣстѣ присутствовавшимъ при переговорахъ капитаномъ д'Орсе (d'Orcet) [1]).

Мольтке въ качествѣ уполномоченнаго короля Прусскаго, заявилъ, что „сдавшемуся императору Наполеону будутъ даны такія льготы, какія онъ самъ пожелаетъ", но что „армія должна сдаться военно-плѣнною". Требованіе свое Мольтке мотивировалъ превосходствомъ своихъ силъ, безнадежнымъ положеніемъ французской арміи, очутившейся безъ продовольствія и безъ зарядовъ и патроновъ, сбитой въ Седанѣ, который на слѣдующій день можетъ быть обращенъ въ груду развалинъ пятью стами нѣмецкихъ орудій, занимающихъ притомъ такое расположеніе, что всякія попытки французовъ къ прорыву вполнѣ невозможны.

Съ своей стороны Вимпфенъ предлагалъ, что окруженная французская армія готова удалиться, хотя бы въ Алжиръ, съ обязательствомъ не служить противъ Германіи во время этой войны. Онъ добавилъ, что французы могутъ и не принять тяжелыхъ и несовмѣстныхъ съ ихъ честью условій, что они предпочтутъ бой, тѣмъ болѣе, что и позиціи нѣмцевъ вовсе не такъ сильны, какъ представляетъ Мольтке.

На это Мольтке горячо возразилъ:

„Вы не знаете топографіи мѣстности окружающей Седанъ; и вотъ чудное обстоятельство, которое вполнѣ характеризуетъ вашу націю, заносчивую и непослѣдовательную: при началѣ войны вы раздали вашимъ офицерамъ карты Германіи, а между тѣмъ вы лишены возможности изучать топографію вашей страны, потому что у васъ нѣтъ картъ собственной территоріи. А вотъ я вамъ говорю, что наши позиціи не только весьма сильны, но неприступны и непобѣдимы".

Далѣе во время разговора Вимпфенъ проводилъ мысль, что для нѣмцевъ же неудобно затрогивать честь французской арміи слишкомъ тяжелыми условіями капитуляціи и раздражать французскую націю требованіемъ территоріальныхъ уступокъ. Что на-

[1]) Вимпфенъ, стр. 239—245 и Дюкро, стр. 53—68.

противъ того великодушіе возбудитъ во французахъ благодарность и даже дружескія чувства, подобно тѣмъ, которыя существуютъ теперь между Франціею и Англіею, не смотря на прежніе вѣковые раздоры. Франція теперь измѣнилась; она не ищетъ завоеваній и желаетъ мира.

На этотъ разъ отвѣтилъ графъ Бисмаркъ:

„Тутъ я остановлю васъ, генералъ. Нѣтъ! Франція не измѣнилась: она именно желала войны. Императоръ Наполеонъ III изъ видовъ династическихъ поддался популярной маніи славы и вызвалъ насъ. Мы очень хорошо знаемъ, что здравомыслящая часть населенія Франціи сама не толкала къ войнѣ; однако и она охотно ее приняла. Мы знаемъ тоже, что не армія была намъ непріязненна, но партія вызвавшая войну, т. е. та, которая созидаетъ и ниспровергаетъ ваши правительства. Изъ васъ мы желаемъ наказать именно журналистовъ и чернь, а для этого мы должны идти на Парижъ".

При дальнѣйшемъ разговорѣ графъ Бисмаркъ мѣтко очертилъ современное военное и политическое положеніе Франціи.

„Кто знаетъ, что можетъ случиться? Быть можетъ у васъ явится такое правительство, которое не уважитъ ничего, которое будетъ сочинять законы по своему произволу, и не признаетъ капитуляцію, вами подписанную отъ имени арміи; правительство, которое заставитъ офицеровъ нарушить данныя намъ обѣщанія, потому что вѣроятно захочетъ защищаться во что бы ни стало. Мы знаемъ, что во Франціи скоро формируются солдаты, но молодые солдаты не стоютъ испытанныхъ войною; наконецъ, нельзя импровизовать офицеровъ и даже унтеръ-офицеровъ".

Въ другомъ мѣстѣ разговора Бисмаркъ сказалъ: „Вообще не надо расчитывать на благодарность націи ни въ какомъ случаѣ; можно вѣрить въ благодарность государя и пожалуй въ благодарность его семейства, можно даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ положиться на нихъ совершенно; но, повторяю, ничего не слѣдуетъ ожидать отъ благодарности націи. Еслибы французскій народъ былъ такой какъ другіе народы; еслибы онъ имѣлъ прочныя учрежденія, если бы онъ почиталъ и уважалъ свои институціи; если бы онъ имѣлъ государя прочно возсѣдающаго на престолѣ, — мы могли бы вѣрить въ благодарность императора и его сына и цѣнить эту благодарность. Но во Франціи въ теченіе 80 лѣтъ правительства были такъ мало прочны и такъ многочислены, они смѣнялись съ такою странною быстротою и внѣ всякихъ предвидѣній, что въ вашей странѣ ни на что расчитывать нельзя. Уповать на благодарность французскаго государя было бы со стороны

сосѣда сумашествіемъ; это тоже, что возводить зданія въ воздушномъ пространствѣ".

Вимпфенъ такъ и не добился никакихъ уступокъ для арміи, кромѣ льготъ въ пользу офицеровъ, которые по желанію могли быть отпускаемы на совершенную волю, если дадутъ подписки не служить въ эту войну противъ Германіи. Дюкро не безъ основанія порицаетъ это условіе, которое, будучи введено въ самый текстъ капитуляціи, выдѣляло офицеровъ изъ арміи, судьбу коей по настоящему они обязаны были раздѣлять до конца [1]).

Капитуляція подписана была на другой день, 2 сентября.

Потери нѣмцевъ въ сраженіи были безъ малого 9 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ 460 офицеровъ. Потери французовъ согласно оффиціальной прусской исторіи войны были: убитыми и ранеными 17 тысячъ; взято въ плѣнъ въ бою 21 тысяча и сдалось по капитуляціи 83 тысячи: кромѣ того обезоружено въ Бельгійскихъ предѣлахъ 3 тысячи. Изъ этихъ цифръ видно, что численность французовъ въ день Седанскаго боя была 124 тысячи человѣкъ.

За симъ сравнительно довольно значительное число бѣжавшихъ въ разсыпную и даже въ составѣ частей ушло заблаговременно, еще до полнаго окруженія арміи, или же пробралось черезъ Бельгію; такъ напр. спаслась кавалерійская дивизія корпуса Фальи (кромѣ командира оной генерала Брао и его штаба); вся артиллерія одной изъ дивизій 1го корпуса; часть одного полка зуавовъ и проч; вообще спаслось отъ плѣна до 11 тысячъ человѣкъ. Если принять начальную численность арміи Макъ-Магона въ 150 тысячъ и взять въ расчетъ потерю у Бомона и въ разныхъ стычкахъ, то окажется, что Шалонская армія до Седана потеряла не менѣе 10 тысячъ человѣкъ отсталыми или просто покинувшими ряды. По свидѣтельству Гогенлоэ немало отсталыхъ имѣли въ то время и нѣмцы.

Операціи нѣмцевъ въ теченіе 31 августа и 1 сентября, законченныя полнымъ погромомъ французской арміи, основаны были на приведенномъ въ своемъ мѣстѣ (стр. 205) приказѣ короля Вильгельма, данномъ въ Бюзанси вечеромъ 30 числа, въ день Бомонскаго сраженія. А потому документъ этотъ въ видахъ разбираемыхъ тутъ вопросовъ заслуживаетъ особаго вниманія.

[1]) Французскіе офицеры каждый за себя лично могли пожалуй принять льготы, которыя угодно было дать имъ королемъ Вильгельмомъ, во вниманіе ихъ храбрости; но въ условія капитуляціи могли войти только льготы для всѣхъ чиновъ арміи, или ни для кого.

Не смотря на оглавленіе данное этому королевскому распоряженію „приказъ", оно было въ сущности самымъ типичнымъ директивомъ, передавшимъ только „руководящія воззрѣнія высшей инстанціи и предоставлявшемъ низшей—самостоятельное рѣшеніе въ предѣлахъ этихъ воззрѣній" [1]).

„Приказъ" начинается признаніемъ, что „не получено еще свѣдѣній въ какихъ именно пунктахъ окончились бои разныхъ корпусовъ; извѣстно только, что французы вездѣ отступали или были побиты".

Затѣмъ для дѣйствій слѣдующаго дня (т. е. 31 августа) опредѣляется „продолженіе наступленія и аттака непріятеля вездѣ гдѣ онъ остановится по сю сторону Мезы".

Далѣе въ нѣсколькихъ словахъ слѣдуетъ самая суть дѣла: опредѣленіе настоящей цѣли всѣхъ усилій, а именно, ни болѣе ни менѣе какъ совершенное уничтоженіе непріятельской арміи, выраженное кратко: „согнать непріятеля на возможно тѣсное пространство между рѣкою Мезою и Бельгійскою границею".

Къ этому добавлено, что „если непріятель перейдетъ границу и не будетъ тамъ немедленно обезоруженъ, то преслѣдовать его безотлагательно".

Наконецъ, слѣдуетъ распредѣленіе ролей между обѣими арміями: изъ нихъ 3ей указанъ „фронтъ и правый флангъ непріятеля", а 4ой—„охватъ лѣваго". Для чего (добавлено) можно рекомендовать, „чтобы по возможности два корпуса наступали по правому берегу р. Мезы, для того, чтобы брать во флангъ и тылъ эвентуальное расположеніе противника насупротивъ Музона".

Предположеніе, что французы займутъ позицію насупротивъ Музона не оправдалась. Тѣмъ не менѣе оба командира армій, имѣя ясно указанную общую цѣль „согнать непріятеля на возможно тѣсное пространство и проч.", отлично исполнили свои роли, приноравливаясь къ дѣйствительной, ближе извѣстной имъ обстановкѣ.

Кронпринцъ Саксонскій 31 августа перешелъ съ двумя корпусами не только р. Мезу, но и р. Шьеръ. Онъ въ тотъ же еще день совершенно преградилъ французамъ пути на востокъ

[1]) Нелишнимъ будетъ припомнить опредѣленіе слова „директивъ", приведенное выше, въ главѣ 3 т. 1 сего сочиненія, согласно „Оффиціальной прусской исторіи войны:" „Директивы суть сообщенія высшей инстанціи, въ коихъ излагаются не столько положительныя приказанія для немедленнаго исполненія, сколько руководящія воззрѣнія; послѣднія затѣмъ служатъ направляющею нитью для окончательныхъ рѣшеній, которыя, впрочемъ, низшей инстанціи приходится принимать совершенно самостоятельно".

*

между Мезою и Бельгійскою границею. Съ своей стороны кронпринцъ Прусскій нацѣлилъ часть своихъ войскъ, а именно 2½ корпуса, на пути отступленія французовъ „западнѣе Седана“; онъ въ тотъ же день завладѣлъ тамъ переправами черезъ р. Мезу у Доншери и Флизъ. Достойно вниманія, что эти весьма вѣскія рѣшенія приняты были начальствомъ 3ей арміи вполнѣ самостоятельно. Въ королевскомъ приказѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы операціями 31 числа сразу захватить и зону западнѣе Седана; заслуга этой операціи, столь плодотворно отозвавшейся на торжествѣ нѣмцевъ 1 сентября, принадлежитъ всецѣло кронпринцу Прусскому. Не меньше однако заслуга и главнаго нѣмецкаго начальства; она состоитъ въ томъ именно, что начальство это, указавъ обѣимъ арміямъ главную цѣль только въ общемъ, затѣмъ всецѣло предоставило имъ изысканіе ближайшихъ мѣръ и средствъ исполненія. Такимъ образомъ подробностями дѣла распорядились тѣ, которые, будучи ближе, видѣли и знали въ деталяхъ больше главнаго нѣмецкаго начальства.

Замѣчательно, что указаніе главной цѣли, данное обѣимъ нѣмецкимъ арміямъ собственно на 31 число, послужило единственнымъ основаніемъ не только для движеній 31 августа, но и для всѣхъ дѣйствій въ день Седанскаго погрома французовъ, а именно 1 сентября. Такимъ образомъ, одна изъ имѣющихъ всемірное значеніе, блистательнѣйшая побѣда одержана была не только безъ классической на тотъ день диспозиціи свыше, но даже безъ всякихъ общихъ формальныхъ предварительныхъ распоряженій со стороны главнаго начальства торжествующей стороны. Все дѣло ограничилось личнымъ свиданіемъ генерала Мольтке съ начальникомъ штаба 3ей арміи, генераломъ Блюменталемъ, состоявшемся въ Шемери (главной квартирѣ этой арміи) подъ вечеръ 31 августа. При этомъ свиданіи и выяснены были обоюдныя согласныя воззрѣнія на положеніе дѣлъ и необходимыя мѣры. Подобное объясненіе стоило конечно самыхъ обстоятельныхъ письменныхъ указаній. Но за симъ дѣло всецѣло предоставлено было распорядительности кронпринца. Конечно, въ главной королевской квартирѣ, на основаніи объясненій и принятыхъ въ Шемери рѣшеній, можно было составить и диспозицію на 1 сентября, хотя бы, такъ сказать, для порядка,—и въ иной арміи этого никакъ бы не упустили. Но нѣмецкое начальство смотрѣло на дѣло слишкомъ прямо-практически; оно не привыкло задаваться лишнею безполезною работою; оно во имя общей пользы охотно уступало другимъ и трудъ, и славу. Самъ король Вильгельмъ стоялъ и думалъ слишкомъ высоко, чтобы ревновать кого бы то ни было и стре-

миться къ тому, чтобы побѣда одержана была непремѣнно по его „собственной диспозиціи“.

Все это вполнѣ понятно и совершенно раціонально. Но за симъ остается фактъ, по меньшей мѣрѣ весьма любопытный, что главное нѣмецкое начальство на 1 сентября не только не дало ровно никакихъ указаній своей 4ой арміи, но даже вообще не имѣло съ ней никакихъ сношеній по поводу предстоящихъ дѣйствій 1 сентября [1]).

Единственнымъ, такъ сказать, толчкомъ для дѣйствій 4ой арміи на 1 сентября было (приведенное выше) письмо генерала Блюменталя, посланное кронпринцу Саксонскому, при которомъ приложена была диспозиція по 3ей арміи. Въ письмѣ сказано, что „по всѣмъ признакамъ непріятель будетъ отступать отъ Седана ночью“ (съ 31 августа на 1 сентября), что „11му корпусу и виртембергцамъ приказано перейти Мезу ночью же и наступать въ сѣверномъ направленіи“ (т. е. наперерѣзъ французамъ) „и что Танну приказано съ разсвѣтомъ наступать на Базейль и аттаковать непріятеля или его хвостъ“. Наконецъ добавлено: „Если Ваше Королевское Высочество можете сдѣлать тоже самое, то общій результатъ будетъ вѣроятно еще больше“.

Посланіе это нарочно было отправлено съ офицеромъ штаба 3ей арміи для того, чтобы онъ дополнилъ его изустными объясненіями.

Этого частнаго сношенія между двумя независимыми арміями (на которое, видимо, и расчитывалъ Мольтке) было достаточно для того, чтобы вызвать самое рѣшительное и вполнѣ раціональное содѣйствіе со стороны кронпринца Саксонскаго. Результатъ возможный тамъ гдѣ есть надлежащее пониманіе дѣла, сознаніе своего долга и за симъ общее, такъ сказать, тяготѣніе къ непріятелю. Такимъ образомъ двѣ отдѣльныя диспозиціи по 3ей и 4ой арміямъ, взаимно дополняя другъ друга, вполнѣ замѣнили общее на 1 сентября распоряженіе (со стороны главной королевской квартиры).

Однако главное нѣмецкое начальство вышло изъ своего, такъ сказать, созерцательнаго положенія, коль скоро это потребовалось по измѣнившимся (какъ думали) обстоятельствамъ Когда посланный изъ главной королевской квартиры къ Ремильи подполковникъ Брандштейнъ донесъ, что „французы, повидимому, готовятся къ ночному отступленію“, — Мольтке послалъ Блюменталю записку, въ коей „предоставлялъ его соображенію“, не будетъ ли

[1]) Это явствуетъ изъ содержанія стр. 1141, т. 1, „Оффиціальной прусской исторіи войны“.

возможно еще ночью переправить за Мезу 11ый корпусъ и виртембергскую дивизію". Записка эта передана была Блюменталю тѣмъ же подполковникомъ Брандштейномъ, посланнымъ для личныхъ объясненій.

Весьма интересенъ механизмъ нѣмецкаго командованія въ Седанскомъ бою 1 сентября Все дѣло происходило и рѣшалось за р. Мезою (на правомъ ея берегу). По сю, т. е. лѣвую сторону рѣки оказалось достаточнымъ имѣть только артиллерію и одну пѣхотную дивизію; тѣмъ не менѣе, какъ главная королевская квартира, такъ и командиры обѣихъ армій управляли дѣйствіями, оставаясь на лѣвой сторонѣ рѣки.

Командиръ 3ей арміи дѣйствительно могъ наблюдать за первоначальнымъ наступленіемъ на сѣверъ 5го и 11го корпусовъ, бывшихъ на томъ берегу рѣки и во́-время дать имъ новое направленіе, на востокъ, для аттаки въ тылъ Седанскому расположенію французовъ. Но корпуса эти исполнили все дальнѣйшее уже безъ всякихъ приказаній. Они дѣйствовали дружно и связно, не смотря на то, что нѣсколько перемѣшались при переправѣ черезъ Мезу и значительно перепутались при общемъ одновременномъ полномъ поворотѣ своихъ четырехъ походныхъ колоннъ въ одну и ту же сторону. Даже смерть павшаго въ бою командира 11го корпуса отнюдь не измѣнила общаго согласнаго дѣйствія.

Точно также, при полномъ отсутствіи общаго управленія на мѣстѣ, дружно дѣйствовали нѣмецкія войска и на противоположной сторонѣ поля сраженія, не смотря на несовсѣмъ удачныя приказанія командира 4ой арміи, отдавшаго ихъ съ другого берега рѣки при воображаемой обстановкѣ.

Кронпринцъ Саксонскій, предполагая, что французы отступаютъ, и опасаясь, чтобы они не обрушились на противостоящія имъ войска 3ей арміи (на правомъ берегу Мозеля), приказалъ корпусамъ: гвардейскому идти на Фленье, а Саксонскому на Илли. Но въ то время французы все еще крѣпко стояли на ручьѣ Живонъ, а потому приказанія кронпринца не могли быть тогда исполнены. Тѣмъ не менѣе они не остались безслѣдными, а потомъ повели къ едва ли не единственному въ своемъ родѣ фланговому движенію 23ей (саксонской) пѣхотной дивизіи, шедшей между фронтами обѣихъ перестрѣливавшихся сторонъ, пока непосредственное присутствіе французовъ близъ пути саксонцевъ не вынудило ихъ повернуть во фронтъ. Эпизодъ этотъ доказываетъ, что настоящее мѣсто начальства 4ой арміи было на правой сторонѣ Мезы, гдѣ находились всѣ части войскъ этой арміи. Нельзя тоже отрицать, что тамъ-же, т. е. за Мезою, было мѣсто и ко-

мандира 3ей арміи, тѣмъ болѣе, что на лѣвомъ берегу, противъ Седана, оставался еще король Вильгельмъ со своимъ главнымъ штабомъ.

Однако, то, чего у нѣмцевъ недоставало въ общемъ управленіи, пополнено было отличнымъ знаніемъ дѣла и товарищескимъ дружнымъ дѣйствіемъ частныхъ начальниковъ, изъ коихъ каждый порознь по крайнему своему разумѣнію не только не упускалъ изъ виду цѣлаго, а напротивъ того всѣми силами стремился къ одной общей великой цѣли.

Прежде уже сказано, что кронпринцъ Саксонскій, ни минуты не колеблясь, принялъ роль предоставленную ему командиромъ 3ей арміи, равнымъ ему по положенію. Предложеніе кронпринцу Саксонскому выражено было вдобавокъ въ письмѣ не самаго кронпринца Прусскаго, а его начальника штаба. Затѣмъ тоже упомянуто выше, что ошибочное распоряженіе командира 4ой нѣмецкой арміи (приказавшаго наступать на Илли и Фленье) все таки исходило изъ желанія прежде всего не упустить непріятеля (предполагаемаго въ отступленіи) и облегчить положеніе тѣхъ частей 3ей арміи (между Мезою и Бельгійскою границею), на которыя французы могли обрушиться всѣми своими силами. Подобныя же соображенія самостоятельно привели Танна къ трудной аттакѣ Базейля, какъ необходимой части общихъ операцій нѣмцевъ.

Саксонцы, съ своей стороны, поддержали баварцевъ Танна и по обоюдному соглашенію начальника 23ей дивизіи съ командиромъ ближайшей баварской бригады, они, получивъ уже приказаніе идти къ Илли, все таки оставались столько времени у Ля-Монсель, прикрывая флангъ баварцевъ, пока не подошла голова ожидаемой баварцами 8ой прусской дивизіи. Точно также и гвардейскій корпусъ, въ свою очередь, поддержалъ, съ одной стороны, саксонцевъ а съ другой—старался войти въ связь и съ 5мъ корпусомъ и вмѣстѣ съ нимъ сомкнулъ стальной кругъ, окончательно сдавившій французовъ.

Кругъ этотъ сомкнутъ былъ совершенно (и вдобавокъ вполнѣ своевременно) одною лишь распорядительностью командировъ обоихъ крайнихъ, заходившихъ прусскихъ корпусовъ, 5го и гвардейскаго. Дѣйствительно, главное нѣмецкое начальство въ предположеніяхъ своихъ довольствовались тѣмъ, чтобы погнать французскую армію на нейтральную Бельгійскую границу. А между тѣмъ командиры помянутыхъ корпусовъ, пользуясь благопріятными обстоятельствами, задались прямо цѣлью непосредственнаго уничтоженія арміи Макъ-Магона. Эту общую, дружно проведенную операцію они исполнили безъ всякихъ между собою сношеній

или переговоровъ, а просто, на основаніи здраво оцѣненной современной обстановки. Они согласовали свои дѣйствія издали, съ разстояній 3—5 верстъ, вглядываясь только въ клубы дыма, обозначавшіе обоюдныя позиціи.

Въ частности самостоятельныя дѣйствія нѣмецкихъ корпусовъ выразились слѣдующимъ образомъ:

Корпуса 5ый и 11ый, слѣдуя утромъ отъ переправъ на сѣверъ, получили отъ командира арміи приказаніе: „11му идти черезъ Манжъ, откуда принять участіе въ бою, а 5му слѣдовать за 11мъ и выстроиться за послѣднимъ, выдаваясь уступомъ влѣво“ [1]).

Понятно, что подобное расположеніе 5го корпуса (уступомъ позади 11го) имѣло видъ болѣе предварительнаго расположенія въ качествѣ резерва или обезпеченія фланга 11го корпуса. Для послѣдующихъ затѣмъ дѣйствій 5му корпусу нужны были бы новыя приказанія, которыхъ ожидать было некогда да и неоткуда. А потому генералъ Кирхбахъ съ мѣста, такъ сказать, задался мыслью совершенно окружить французовъ, подавъ руку 4ой арміи, и для исполненія этого онъ, двинувшись на Фленье, сталъ по отношенію 11го корпуса уступомъ впереди, а не сзади.

Эта весьма смѣлая мысль исполнена была Кирхбахомъ столь же смѣлымъ маневромъ. Такъ какъ пѣхота его была далеко, то артиллерія двинута была на рысяхъ и стала на позиціи между 10 и 11 часами, скрещивая свои выстрѣлы съ видными за Живоною орудіями прусской гвардіи.

Такимъ образомъ окруженіе французовъ свершилось уже въ 11 часовъ утра. Оно опоздало бы цѣлыми тремя часами, если бы пруссаки предварительно выѣзда артиллеріи пожелали занять всю эту мѣстность пѣхотою 5го корпуса. Доказывается это тѣмъ, что распоряженія для аттаки пѣхотою этого корпуса (отъ Фленье) дано было только около часу.

Столь же самостоятельно и рѣшительно дѣйствовали нѣмецкіе начальники и на восточной части общаго поля сраженія.

Командиръ гвардейскаго корпуса, опередивъ лѣвую свою колонну, убѣдился, что назначенное ей по диспозиціи по 4ой арміи направленіе отъ Франшваль на Ля-Монсель неудобно: оно раздѣляло обѣ колонны корпуса непроходимымъ лѣсомъ и вело въ тылъ другимъ войскамъ; почему двинувшейся влѣво колоннѣ все таки пришлось бы искать простора вправо. Поэтому командиръ корпуса приказалъ этой колоннѣ, т. е. 2ой дивизіи съ корпусною

[1]) Такъ выражено „въ исторіи 5-го корпуса“, стр. 71.

артиллеріею, идти тоже на Биллеръ-Сернэ (куда двинулась 1ая дивизія), причемъ корпусная артиллерія на рысяхъ опередила пѣхоту.

Если бы принцъ Виртембергскій двинулъ лѣвую колонну по направленію черезъ Франшваль на Ля-Монсель (какъ значилось въ диспозиціи), то она наткнулась бы на дѣйствовавшія тамъ уже саксонскія войска и, будучи вынуждена искать простора посредствомъ фланговаго марша подъ выстрѣлами французовъ, поспѣла бы на правый флангъ гораздо позже; это въ особенности относилось къ корпусной гвардейской артиллеріи, которая, какъ извѣстно, дополнила окруженіе французовъ. Такимъ образомъ завершилось вполнѣ сознательное и энергически исполненное рѣшеніе командировъ обоихъ фланговыхъ нѣмецкихъ корпусовъ.

Въ концѣ концовъ выходитъ, что намѣченный только главною квартирою охватъ французовъ вполнѣ подготовленъ былъ въ деталяхъ командирами обѣихъ армій, а ближайшими исполнителями обращенъ въ полное окруженіе и совершенный на мѣстѣ погромъ непріятеля. Разительное доказательство, что раціонально примѣненный принципъ самостоятельности частныхъ начальниковъ не только не умаляетъ проявленія мысли и воли старшаго начальника, но, напротивъ того, значительно ее усиливаетъ.

Изъ самостоятельныхъ дѣйствій начальниковъ дивизій, кромѣ помянутаго уже рѣшенія командира 23ей дивизіи (повременившаго выступленіемъ въ интересѣ баварцевъ), выдѣляется еще наступленіе генерала Папе съ 1ою гвардейскою дивизіею отъ Виллеръ-Сернэ къ Живону, предупредившее приказаніе командира корпуса. Далѣе—аттака Шкопа на Флюанъ съ отсылкою въ резервъ только двухъ баталіоновъ вмѣсто требовавшейся командиромъ корпуса бригады, что́ впрочемъ достаточно подробно разобрано въ своемъ мѣстѣ.

Неоднократно уже приходилось упоминать, что рѣшимость и самостоятельность, которыя въ настоящемъ сочиненіи изучаются только въ болѣе крупныхъ проявленіяхъ, выказывались у нѣмцевъ сверху до низу, вездѣ и всегда. Въ Седанскомъ дѣлѣ замѣчательны два совершенно аналогичныя ихъ проявленія, случившіяся въ различныхъ войскахъ и на противоположныхъ частяхъ поля сраженія. У Ля-Монсель на восточномъ фронтѣ двѣ саксонскія роты, пройдя мостъ, засѣли въ двухъ домахъ праваго берега ручья Живонъ и, прикрывая переправу, держались тамъ въ теченіе трехъ часовъ, посильно содѣйствуя отбитію опасныхъ контръ-аттакъ французовъ. Въ то же почти время (на западномъ фронтѣ) двѣ роты 11го корпуса, завладѣвъ двумя домами дер. Флюанъ, держались въ нихъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ при послѣдующей аттакѣ другими войсками, вся деревня не была захвачена нѣмца-

ми. Тутъ слѣдовательно и въ дробныхъ частяхъ войскъ видно сознаніе общаго положенія дѣлъ и общихъ высшихъ цѣлей, во имя коихъ части эти, временно предоставленныя только собственнымъ силамъ, жертвовали собою ни на что не оглядываясь.

Обращаясь къ дѣйствіямъ французовъ, можно замѣтить, что отступленіе ихъ послѣ Бомонскаго дѣла вообще къ западу вполнѣ соотвѣтствало обстоятельствамъ. Менѣе раціональною оказывается остановка въ теченіе 31 августа у Седана, хотя отчасти и вынужденная. За симъ совершенно непонятно рѣшеніе Макъ-Магона принять бой у Седана вообще, а пассивый—въ особенности. Однако на этомъ въ концѣ остановился маршалъ.

Вотъ какъ самъ Макъ-Магонъ объясняетъ свое рѣшеніе, говоря между прочимъ:

„Первыя войска прибыли" (къ Седану) „рано утромъ, остальныя въ теченіе дня" (31 августа). „Мы не хотѣли оставаться долго у Седана, тѣмъ болѣе, что было мало зарядовъ и что нелегко было ихъ пополнить".

„Оказалось на лицо 200 тысячъ раціоновъ для людей, которые розданы немедленно". Затѣмъ Макъ-Магонъ упоминаетъ, „что поѣздъ подходившій къ Седану съ 800 тысячъ раціоновъ, испугавшись орудійныхъ выстрѣловъ нѣмцевъ, ушелъ обратно къ Мезьеру". Далѣе маршалъ говоритъ: „Мы заняли позиціи у Седана. Онѣ довольно хороши для обороны,—командуютъ всѣми окружающими позиціями, но оставаться тамъ не было нашимъ назначеніемъ".

„Обыкновенно даютъ приказанія наканунѣ. Корпуса прибыли поздно, я не далъ приказаній на другой день, и вотъ почему: отправившись въ цитадель, откуда довольно хорошо видно было все что происходитъ, я видѣлъ непріятельскія войска разнаго оружія, направлявшіяся по лѣвому берегу Мезы, чтобы насъ обойти такимъ образомъ, чтобы стать между нами и Мезіеромъ — на наше естественное отступленіе. Можно было различить артиллерію и пѣхоту, но не было видно вполнѣ хорошо, и можно было предположить, что съ этой стороны находились довольно значительныя части непріятеля".

„Мое желаніе было слѣдующее: мнѣ хотѣлось, въ случаѣ неудачи, продолжать нашъ маршъ къ Кариньяну".

Далѣе маршалъ упоминаетъ объ опасеніяхъ за оголенный центръ его расположенія у Илли, куда онъ и приказалъ направиться генералу Вимпфену, т. е. 5^{му} корпусу.

„Генералъ Вимпфенъ удалился; я былъ спокоенъ“ продолжаетъ Макъ-Магонъ. „Если бы мы были аттакованы на томъ или другомъ пунктѣ, мы могли обороняться. Но долго мы оставаться не могли, потому что у насъ не было продовольствія. Наканунѣ сраженія я не зналъ слѣдуетъ ли намъ идти по пути въ Мезіеръ (который казался естественнымъ, но я опасался, что онъ можетъ быть прегражденъ войсками, которыя я видѣлъ направляющимися къ сторонѣ Доншери), или не будетъ ли лучше опрокинуть тѣ войска, которыя были восточнѣе, и направиться на Кариньянъ“.

„Утромъ рано (1 сентября) я послалъ двухъ офицеровъ къ сторонѣ генерала Дуэ, то есть къ сторонѣ Мезіеръ, чтобы узнать, что тамъ дѣлается? Послѣ того какъ они мнѣ доложили, что́ происходитъ къ сторонѣ Мезіеръ“ (о чемъ именно маршалъ умалчиваетъ), „я направился къ сторонѣ генераловъ Дюкро и Лебрена, которые находились на правомъ крылѣ. Въ 5½ часовъ я получилъ депешу генерала Лебрена, что противъ него баварцы и саксонцы. Онъ говорилъ, что аттакованъ, что нѣсколько опасается за свой лѣвый флангъ. Это меня удивило, такъ какъ тамъ былъ генералъ Дюкро съ четырмя очень сильными дивизіями. Въ то же время я получилъ депешу отъ генерала Маргерита, который со своею кавалеріею былъ впереди, къ сторонѣ восточной. Онъ писалъ, что „часть“ (corps) „войскъ непріятеля довольно значительная“ (это была прусская гвардія) „наступаетъ и что войска эти подвигаются на большое плято передъ фронтомъ позицій, занимаемыхъ генераломъ Дюкро. Это доказывало мнѣ, что нѣтъ большихъ силъ къ востоку, къ сторонѣ Кариньянъ“ [1]).

Нельзя сказать, чтобы это объясненіе, данное маршаломъ Макъ-Магономъ парламентской коммисіи, было особенно ясно. Да едва ли отчетливы и сознательны были взгляды маршала въ описываемое имъ время; послѣднее предположеніе основано на томъ именно, что Макъ-Магонъ о взглядахъ и намѣреніяхъ своихъ не можетъ дать сколько нибудь опредѣленнаго, хотя бы и съ натяжкою отчета (парламентской коммисіи) даже много времени спустя, когда вся обстановка стала уже извѣстна.

Для того, чтобы высказанное не показалось голословнымъ, придется поневолѣ взглянуть на объясненія маршала Макъ-Магона нѣсколько критически.

Первое, что бросается въ глаза, это то, что маршалъ обходитъ молчаніемъ самое главное, а именно современный взглядъ

[1]) Приведенныя выше слова Макъ-Магона значатся на стр. 143—144 въ сочиненіи Базена, который и отвѣчаетъ за содержаніе этой выдержки.

свой вообще „на наступавшія на него силы непріятеля". Если силы эти были слабы, то маршалъ могъ просто разбить ихъ. Далѣе, онъ могъ надѣятся по частямъ побить непріятеля раздѣленнаго рѣкою, если силы нѣмцевъ не слишкомъ превосходили французовъ. Наконецъ, если маршалъ считалъ нѣмцевъ, какъ и было на дѣлѣ, значительно сильнѣе себя, то ему оставалось серіозно подумать о спасеніи своей арміи или хотя бы ея части. Ясно, что всѣ дальнѣйшія разсужденія и предположенія всецѣло зависѣли отъ рѣшенія основнаго вопроса „о взаимномъ отношеніи силъ".

Маршалъ же Макъ-Магонъ, вовсе не задавшись указаннымъ основнымъ вопросомъ, путается, конечно, и сбивается во всѣхъ своихъ остальныхъ разсужденіяхъ, лишенныхъ всякаго прочнаго основанія. Такъ, Макъ-Магонъ говоритъ напр., что онъ желалъ только остановиться у Седана и, „въ случаѣ неудачи", опять продолжать свой маршъ къ сторонѣ Кариньяна. Но вѣдь движеніе въ ту сторону вообще, то есть къ востоку, къ Мецу, было настоящею цѣлью всей злополучной операціи маршала Макъ-Магона, начиная съ самаго выступленія изъ Шалонскаго лагеря. Нѣмцы этому именно и старались воспрепятствовать и въ сущности окончательно уже воспрепятствовали Бомонскимъ сраженіемъ. Вновь выиграть свободу дѣйствій для того, чтобы идти вообще къ востоку, т. е. къ Мецу или хотя бы къ Кариньяну, французы могли развѣ „посредствомъ рѣшительной побѣды" надъ нѣмцами. А между тѣмъ Макъ-Магонъ желаетъ ухватиться за то же самое на худой конецъ послѣ „неудачи", т. е. просто послѣ своего же пораженія. Кажется, что послѣ неудачи каждый долженъ стремиться къ естественнымъ своимъ сообщеніямъ (въ данномъ напр. случаѣ—на западъ), а никакъ не наоборотъ.

Если бы нѣмцы на первое время и пропустили Макъ-Магона къ востоку, то развѣ потому только, что французовъ тамъ при современной обстановкѣ не сегодня-завтра должна была постичь полная катастрофа.

Такъ же мало основательны и сбивчивы и другія заключенія Макъ-Магона: упомянувъ, что Лебренъ донесъ о присутствіи (аттакѣ баварцевъ и саксонцевъ, а Маргеритъ о наступленіи довольно значительныхъ силъ на расположеніе корпуса Дюкро, маршалъ вдругъ выводитъ изъ этого заключеніе самое неожиданное, т. е. просто превратное, а именно, что „нѣтъ большихъ силъ непріятеля къ востоку"!

Маршалъ Макъ-Магонъ между прочимъ признаетъ, что „обыкновенно даютъ приказанія наканунѣ", но онъ ихъ не далъ, потому что „съ вышины цитадели видѣлъ непріятельскія войска на

лѣвомъ берегу Мезы, въ окрестности Доншери и опасался за свой путь отступленія". Кажется, что подобная эвентуальность (возможность потери пути отступленія) никакъ не можетъ оправдать полнаго бездѣйствія Макъ-Магона (неотдача приказаній), а напротивъ того должна была склонить маршала принять „самыя энергическія рѣшенія и мѣры" для противодѣйствія или хотя бы, по крайней мѣрѣ, для предварительнаго разъясненія положенія дѣлъ.

Разстояніе Доншери отъ мѣстъ расположенія 12го корпуса, у Флюанъ, было верстъ 8—10, по кружному пути на правой сторонѣ р. Мезы. Разстояніе же отъ Седана въ тылъ Доншери, по лѣвому берегу рѣки, всего версты 3—4. При 12^мъ^ корпусѣ, рядомъ съ нимъ бивуакировали обѣ резервныя кавалерійскія дивизіи (36 эскадроновъ при 30 орудіяхъ), не говоря о 16 эскадронахъ 12го корпуса. Однако со стороны французовъ не сдѣлано было ровно ничего, хотя бы для разъясненія положенія въ этой сторонѣ.

Въ концѣ концовъ Макъ-Магонъ повторяетъ, что онъ хотя и считалъ за лучшее отступить къ Мезіеру, но, опасаясь войскъ, которыя двигались къ сторонѣ Доншери, онъ 31 августа вечеромъ не рѣшилъ еще „идти ли ему къ Мезіеру, или же опрокинуть тѣ войска непріятеля, которыя были съ восточной стороны, съ тѣмъ чтобы идти на Кариньянъ".

Чего собственно думалъ достигнуть Макъ-Магонъ наступленіемъ на Кариньянъ, т. е. къ востоку, онъ не объяснилъ, да врядъ ли это объяснимо. Казалось бы, что если маршалъ разъ вздумалъ опрокидывать кого либо, то цѣлесообразнѣе было просто опрокинуть тѣ непріятельскія войска, которыя преграждали ему путь отсуплепія. Маршалъ не могъ знать впередъ, гдѣ именно встрѣтитъ бо́льшое сопротивленіе: съ восточной, или съ западной стороны, такъ какъ для разъясненія настоящаго положенія дѣлъ онъ, какъ уже сказано, ничего не сдѣлалъ.

Если бы маршалъ Макъ-Магонъ въ дѣйствительности рѣшилъ открыть свои дѣйствія наступленіемъ на востокъ (Кариньянъ), отказавшись такимъ образомъ отъ всякихъ путей отступленія, то для возможности подобной операціи онъ долженъ былъ вообще „разбить всѣ противостоявшія ему нѣмецкія силы" (хотя бы по частямъ), иначе онъ рано или поздно долженъ былъ подвергнуться полной катастрофѣ. Средины тутъ не было. Отъ нѣмцевъ (какъ уже разъ замѣчено по поводу Шпихернскаго сраженія) нельзя отдѣлаться полумѣрами или полуусиліями. А между тѣмъ Макъ-Магонъ, ни на что не рѣшившись заранѣе, тѣмъ самымъ пере-

далъ починъ въ руки непріятеля [1]) и, наоборотъ, обрекъ французовъ на пассивное выжиданіе, которое при данной обстановкѣ заранѣе уже предопредѣляло неминуемую гибель Шалонской арміи.

Положеніе было въ сущности слѣдующее:

Собравшіеся у Седана на правомъ берегу Мезы французы находили себѣ нѣкоторую опору въ старинной крѣпости и укрытіе за рѣкою отъ нѣмцевъ, находившихся частью на томъ, лѣвомъ ея берегу. Нѣмцы, желавшіе охватить французовъ, поневолѣ должны были раздѣлиться на три части, разъединенныя р. Мезою и арміею Макъ-Магона. Нѣмецкія войска, совершавшія операцію двойнаго охвата, соединеннаго съ переправами черезъ довольно значительную р. Мезу, выше и ниже Седана, не могли быть всегда и вездѣ въ одинаково удобныхъ тактическихъ условіяхъ. Притомъ нѣмецкія операціи (двойной охватъ, соединенный съ переправами) требовали времени; наконецъ успѣхъ нѣсколькихъ частныхъ операцій нѣмцевъ не могъ быть одновременнымъ. Противъ разъединенныхъ (по существу предпринятаго маневра) войскъ нѣмцевъ французы занимали положеніе центральное и вполнѣ сосредоточенное. Это были шансы въ пользу французовъ. Но для того, чтобы воспользоваться ими, надо было дѣйствовать непремѣнно „наступательно". Выжиданіе же на мѣстѣ было гибельно для французовъ; оно давало нѣмцамъ полную возможность совершить свои маневры и вступить въ бой гдѣ и когда сами они хотѣли.

Самая позиція французовъ вокругъ Седана, хотя была тактически довольно сильна, если разбирать ее по частямъ, но въ общемъ не годилась, такъ какъ могла быть совершенно охвачена концентрическимъ огнемъ непріятеля. Это было особенно важно въ виду малой глубины французскаго расположенія и многочисленной и отлично дѣйствовавшей нѣмецкой артиллеріи, которая имѣла возможность поражать „всю" внутренность расположенія французовъ.

Но если французы не должны были выжидать аттаки противника стоя на мѣстѣ, то спрашивается: что же они могли сдѣлать?

Съ теоретической точки зрѣнія Макъ-Магону представлялись три рѣшенія:

Во первыхъ, французы, пользуясь своимъ центральнымъ расположеніемъ и неминуемымъ раздѣленіемъ противника, могли 1 сентября разбить его по частямъ и дѣйствовать далѣе по обстоятельствамъ. Они могли, во вторыхъ, оружіемъ проложить себѣ

[1]) Такимъ починомъ со стороны нѣмцевъ и была прежде всего ночная еще аттака Танномъ Базейля, приковавшая вниманіе и силы французовъ.

путь къ отступленію, хотя бы пока къ Мезіеру. Наконецъ французамъ оставалось еще попытаться убраться по добру по здорову, пользуясь временемъ до полнаго захожденія лѣваго крыла нѣмецкой арміи, начавъ движеніе еще съ вечера 31 августа или ночью на 1 сентября.

А такъ какъ при дѣйствительной данной обстановкѣ значительно слабѣйшимъ французамъ, отчасти разшатаннымъ Бомонскимъ боемъ, въ сущности было не до побѣдъ, то третій способъ дѣйствій, т. е. ночное еще отступленіе съ 31 августа на 1 сентября, былъ едвали не самимъ разумнымъ. Подготовкою могло служить движеніе 12го корпуса впередъ еще 31 числа [1]), для занятія или маскированія переправы у Доншери, и наступленіе внизъ по р. Мезѣ (хотя бы кавалеріею) съ цѣлью прикрыть дороги, ведущія къ Мезіеру между Мезою и Бельгійскою границею. Припомнимъ, что нѣмцы именно и опасались ночнаго ухода французовъ.

Нельзя однако отрицать, что ночное отступленіе представляло и свои опасности, и спасти этимъ способомъ „всю" Шалонскую армію едва ли было возможно. Положимъ, что въ настоящее время, послѣ совершившихся событій сдѣлалось ясно, что спасеніе хотя бы и обломковъ арміи было для французовъ лучшимъ исходомъ въ сравненіи съ дѣйствительно случившимся. Но понятно, что въ то время, т. е. до утра 1 сентября, французское начальство могло считать за лучшее не рисковать ночнымъ движеніемъ войскъ частью уже разшатанныхъ, частью же поздно подошедшихъ.

Оставалось за симъ дневное отступленіе 1 сентября, которое едва ли могло обойтись безъ боя; боя со стороны французовъ — непремѣнно наступательнаго.

Очевидно, что главныя усилія французовъ должны были быть обращены на западъ, то есть къ сторонѣ своего пути отступленія. Но и тутъ прежде всего требовалось занять по возможности ранѣе теченіе Мезы между Седаномъ и Мезіеръ и не пропустить нѣмцевъ за рѣку или же разбить перешедшія ихъ части. Съ востока французы могли прикрыть себя временно аріергардами.

Очень вѣроятно, что французы указаннымъ способомъ (двинувъ частъ войскъ еще ночью) достигли бы вѣроятно Мезіеръ въ теченіе 1 сентября, но и нѣмцы могли ихъ преслѣдовать частью прямо сзади, частью же параллельнымъ маршемъ по той сторонѣ рѣки, такъ что у Мезіера въ ночь съ 1 на 2 сентября вопросъ, быть можетъ, сталъ бы опять на той же точкѣ, на какой

[1]) Корпусъ этотъ прибылъ къ Седану прежде всѣхъ остальныхъ – рано утромъ 31 числа.

онъ былъ наканунѣ у Седана. Неизвѣстно, входили ли подобныя мысли въ соображенія маршала Макъ-Магона или нѣтъ, но каковы бы ни были взгляды французскаго начальства, ясно одно, что если вообще предполагалось наступать (все равно на востокъ или на западъ), то рѣшиться на это надо было непремѣнно своевременно, и, подготовивъ дѣло по мѣрѣ возможности, приступить къ исполненію пораньше. Этимъ только способомъ можно было захватить починъ дѣла въ свои руки.

Таковы должны были быть предварительныя соображенія французскаго начальства. Посмотримъ какіе могли бы быть результаты при дѣйствительной обстановкѣ слѣдующаго дня, то есть перваго сентября.

При движеніи на западъ рано утромъ 1 сентября французы хотя бы и не задержали нѣмцевъ на переправахъ у Доншери, но наступая широкимъ фронтомъ имѣли безспорно шансы (конечно при удачѣ), охватить, смять и опрокинуть оба корпуса 3-ей нѣмецкой арміи, 5-ый и 11-ый,— скомканные (по счастливой для французовъ случайности) послѣ внезапной перемѣны направленія (сѣвернаго на восточное),—недопустивъ нѣмцевъ до полнаго развертыванія. Это была бы для французовъ, конечно, самая лучшая эвентуальность, открывающая имъ пути отступленія не только къ Мезіеру, но вѣроятно и дальнѣйшіе.

Рѣшительное наступленіе на востокъ утромъ 1 сентября тоже дало бы французамъ несомнѣнный успѣхъ, по крайней мѣрѣ первоначальный. Это вполнѣ признаетъ и авторъ „Оффиціальной исторіи нѣмецкой артиллеріи", говоря, что французы раннимъ наступленіемъ 1 сентября легко могли опрокинуть саксонцевъ и затѣмъ встрѣтить гвардейскій прусскій корпусъ при выгодныхъ для себя условіяхъ. Къ этому позволительно добавить, что если бы саксонцы, прикрывавшіе правый флангъ баварцевъ Танна, были опрокинуты, то послѣдніе очутились бы въ открытой долинѣ р. Мезы между рѣкою и французами, въ положеніи самомъ критическомъ.

„Но", говоритъ далѣе нѣмецкій авторъ, „черезъ извѣстный срокъ, не смотря на временные успѣхи французовъ, въ тылу ихъ развернулись бы корпуса, 5-ый и 11-ый, которымъ Макъ-Магонъ не могъ бы противоставить достаточныхъ силъ, а потому если бы французы на восточномъ фронтѣ своемъ не одержали успѣховъ самыхъ рѣшительныхъ, то пораженіе ихъ все таки было въ концѣ концовъ неминуемо" [1]). Дѣйствительно, нельзя не признать, что вопросъ о прикрытіи тыла во время наступленія французовъ

[1]) „Нѣмецкая артиллерія въ битвахъ 1870—71 г.", кн. 8, стр. 173—4.

(все равно на востокъ или на западъ) имѣлъ первенствующее значеніе. Сводится же онъ къ общему основному вопросу „о взаимномъ отношеніи силъ", который маршалъ Макъ-Магонъ, какъ выяснено выше, совершенно игнорировалъ.

Всякій маневръ непріятеля можетъ быть разстроенъ контръ-маневромъ, но надо обладать „временемъ и средствами", а послѣднихъ то именно у французовъ и не хватало [1]); поэтому раздѣленіе войскъ нѣмцевъ (предпринятое послѣдними въ видѣ двойнаго охвата), которое при другомъ отношеніи силъ могло дать побѣду французамъ, въ настоящемъ случаѣ было причиною гибели арміи Макъ-Магона; не даромъ сказано „Dieu est pour les gros bataillons".

Какъ бы то впрочемъ ни было, французскій главнокомандующій не рѣшился однако ни на одну изъ указанныхъ комбинацій. Разъ французы ни на что во́-время не рѣшились и приняли пассивный бой на мѣстѣ, то всякія дальнѣйшія ихъ, болѣе или менѣе удачныя мѣры при веденіи самаго боя не могли уже предотвратить полнаго ихъ погрома. А потому весь печатный споръ между обоими кратковременными послѣ Макъ-Магона командирами (Дюкро́ и Вимпфеномъ) о правильности и цѣлесообразности обоюдныхъ взглядовъ на дѣло, объ исполненныхъ или предполагавшихся мѣропріятіяхъ, лишенъ въ сущности всякаго научнаго интереса [2]).

Неизвѣстно, что́ именно предпринялъ бы Макъ-Магонъ, если бы онъ не былъ раненъ въ самомъ началѣ сраженія; вѣрно только одно, что маршалъ, получивъ рано утромъ 1 сентября свѣдѣніе о томъ, что́ дѣлается на западномъ его фронтѣ, и лично убѣдившись о ходѣ дѣлъ на восточномъ, все таки ни на что не рѣшился и не передалъ Дюкро́ никакихъ указаній, совѣтовъ или хотя бы личныхъ своихъ воззрѣній.

[1]) Числительность французской арміи подъ Седаномъ, какъ сказано уже въ своемъ мѣстѣ, слѣдуетъ принять всего на все въ 124 тысячи человѣкъ строевыхъ и нестроевыхъ. Генералъ же Мольтке при переговорахъ своихъ съ Вимпфеномъ опредѣлилъ силы нѣмцевъ, окружившихъ Седанъ по окончаніи сраженія, въ 220 тысячъ человѣкъ. Цифра эта едва-ли преувеличена.

И такъ „Оффиціальная прусская исторія войны" (т. 1, стр. 243 приложеній) опредѣляетъ наличность 3-ей и 4-ой армій къ 22 августа въ 188 тысячъ штыковъ и 36 тысячъ коней кавалеріи, а всего 224 тысячи. Вычтя же изъ этого числа составъ неподоспѣвшаго 6-го корпуса и отряды баварцевъ, оставленные въ Нанси и передъ Тулемъ, получимъ 194 тысячи человѣкъ, „не включая въ это число ни офицеровъ, ни артиллеристовъ," не говоря уже о нестроевыхъ. Изъ этого состава 22 августа была конечно нѣкоторая убыль въ дѣлахъ (до Седана), а также заболѣвшими и отставшими.

[2]) Польза отъ этого спора выразилась единственно въ раскрытіи разныхъ интересныхъ подробностей и въ опубликованіи нѣкоторыхъ документовъ.

Діаметрально противоположныя предположенія Дюкрó и Вимпфена, быть можетъ въ то время казавшіяся каждому изъ нихъ спасительными, были одинаково несостоятельны. Да такими они, въ сущности, признаны впослѣдствіи и самими авторами.

Дѣйствительно, въ сочиненіяхъ генераловъ Дюкрó и Вимпфена сквозь наборъ всякихъ фразъ виднѣется одно лишь существенное, а именно, что ни тотъ ни другой въ моментъ первоначальныхъ дѣйствій не давалъ себѣ полнаго отчета о настоящемъ положеніи дѣлъ. За симъ, изъ словъ самаго же Вимпфена въ концѣ концовъ выходитъ, что онъ своею отчаянною вылазкою на востокъ могъ развѣ только доставить императору Наполеону III случай умереть на полѣ битвы во главѣ своихъ войскъ. А изъ сказаннаго генераломъ Дюкрó можно вывести заключеніе, что по его мнѣнію отступленіе на позицію на высоты Илли и Фленье дало бы возможность нѣкоторой части французской арміи избѣжать плѣна посредствомъ перехода Бельгійской границы. Но перешедшіе границу французы конечно были бы тамъ обезоружены и задержаны бельгійцами. Слѣдовательно какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ Шалонская армія французовъ все таки перестала бы существовать.

Переходя къ подробностямъ дѣйствій французовъ, нельзя не признать, что Дюкрó и Маргеритъ 31 августа дѣйствовали согласно (правда дружнымъ только отступленіемъ). Дюкрó въ день Седанскаго боя принялъ самостоятельное и вполнѣ раціональное рѣшеніе, выдвинувъ дивизію Ляртига за р. Живонъ. Далѣе, какъ онъ, такъ и Дуэ обличили вѣрный взглядъ и заинтересованіе общимъ дѣломъ, указывая на высоты Илли какъ на оголенный ключъ общей позиціи французской арміи. Однако ни одинъ изъ нихъ (въ ожиданіи чтó будетъ дальше) не рѣшался самостоятельно распорядиться занятіемъ и укрѣпленіемъ Илли. Точно также Дуэ, еще 31 августа предварявшій Макъ-Магона о появленіи нѣмцевъ у Доншери, не рѣшался предупредить тамъ непріятеля, или, по крайнѣй мѣрѣ, оборонять дефилé у Сенъ-Альберъ—Мезонъ-Ружъ впереди своей позиціи.

Дюкрó, правда, „хотѣлъ“ было протянуться болѣе влѣво, чтобы занять важную позицію Илли, но Макъ-Магонъ не разрѣшилъ. Въ воспрещеніи этомъ звучитъ, такъ сказать, „Базеновская централизаціонная нотка.“ [1]) Проявляется „Базенъ“ и ни въ чемъ практическомъ не выразившихся наступательныхъ мечтахъ Макъ-Магона наканунѣ сраженія, съ полнымъ однако на дѣлѣ подчиненіемъ себя почину непріятеля.

[1]) Макъ-Магонъ распорядился впрочемъ занять центръ общей позиціи, а слѣдовательно и Илли. 5-мъ корпусомъ, но корпусъ этотъ, сколько можно понять, вóвремя туда не поспѣлъ.

Вообще упомянутыя въ своемъ мѣстѣ безплодныя разсужденія Макъ-Магона о какихъ то наступательныхъ соображеніяхъ живо напоминаютъ сказанное Базеномъ интенданту Вольфу наканунѣ Марсъ-ля-Турскаго боя.

Базенъ, какъ извѣстно, сказалъ генералу Вольфу, спрашивавшему отъ имени императора о направленіи войскъ 16 августа: „направленіе арміи будетъ рѣшено окончательно только утромъ, когда мы узнаемъ намѣренія противника, показавшагося на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Если бы всѣ мои силы были сосредоточены, то я былъ бы склоненъ напасть на непріятеля, чтобы отбросить его къ Понтъ-а-Мусонъ“...

Макъ-Магонъ, приводя свои соображенія наканунѣ Седанскаго боя, тоже говоритъ о томъ, что „готовъ былъ опрокинуть непріятеля“, чтобы идти на Карньянъ, но не отдаетъ приказаній потому, что „видѣлъ войска непріятеля“ (неизвѣстныя силы) „въ окрестности Доншери“. Въ концѣ же концовъ и онъ ни на что не рѣшается.

Изъ сказаннаго видно, что Базенъ и Макъ-Магонъ при одинаково серіозной обстановкѣ, когда надо было дѣйствовать самымъ энергическимъ образомъ, отдаютъ себя всецѣло почину противника. Такимъ образомъ, изучая дѣйствія французовъ въ Седанской катастрофѣ, опять таки встрѣчаемъ основныя отрицательныя свойства французскихъ начальниковъ, которыя обличены были и прежде въ другихъ постигшихъ французовъ пораженіяхъ, а именно: пассивность и излишняя централизація свыше; придавленіе почина подчиненныхъ; малая дѣятельность послѣднихъ; отсутствіе должныхъ развѣдокъ и хожденіе ощупью.

Вообще въ описанный періодъ войны мѣняется только обстановка а отчасти и дѣятели, но коренныя ошибки и промахи французскихъ начальниковъ остаются все одни и тѣ же. Это лучшее доказательство, что „виновны были не отдѣльныя личности, а цѣлая система, среди коей они воспитывались и дѣйствовали“.

„Въ генеральномъ сраженіи конденсируется, такъ сказать, вся суть войны; въ немъ испытываются не только относительныя достоинства двухъ борющихся армій, но измѣряются и основныя свойства враждебныхъ государствъ и народовъ“...

Если мнѣніе это, высказанное великимъ мыслителемъ, справедливо [1]), то сопоставленіе нѣмцевъ и французовъ въ Седанскомъ

[1]) Мысли эти проводятся Клаузевицемъ въ знаменитомъ сочиненіи его „О войнѣ“ (Vom Kriege).

*

бою приводитъ, къ сожалѣнію, къ нелестнымъ для послѣднихъ заключеніямъ.

Со стороны нѣмцевъ видимъ сборъ ополченій разныхъ государствъ хотя и единоплеменныхъ, но тѣмъ не менѣе далеко еще не объединенныхъ духомъ и преданіями. Надъ ними, напротивъ того, носился еще въ то время кровавый призракъ недавняго междоусобія. Онъ воплощался въ знакахъ отличій заслуженныхъ въ войнѣ 1866 года и въ неизгладимыхъ рубцахъ отъ ранъ взаимно нанесенныхъ. А между тѣмъ этотъ сборъ вчерашнихъ враговъ, въ сознаніи своего военнаго и гражданскаго долга, сражался какъ одинъ человѣкъ за общее Германіи дѣло.

Баварцы, Саксонцы, Виртембергцы, недавно предъ тѣмъ мечтавшіе о побѣдномъ шествіи въ Берлинъ для униженія „заносчиваго Гогенцоллерна", теперь кровью своею окупали королю Вильгельму грядущую императорскую корону, залогъ единства и величія общаго ихъ отечества.

А что же мы видимъ у французовъ?

Шалонская армія берется за непосильную военную операцію изъ страха предъ революціею въ Парижѣ, то есть, изъ опасенія измѣны своихъ же. При арміи слѣдуетъ безгласный, точно никому уже ненужный, а между тѣмъ всѣмъ мѣшающій императоръ Наполеонъ III.

Назначенный Наполеономъ командиръ Шалонской арміи, маршалъ Макъ-Магонъ, избираетъ себѣ преемника помимо старшинства, безъ вѣдома и согласія императора. Въ тоже время генералъ Вимпфенъ носится съ секретнымъ приказомъ военнаго министра, и на основаніи его вступаетъ въ командованіе арміею, совершенно игнорируя своего, тутъ же присутствующаго государя. Наконецъ, тотъ же Вимпфенъ въ сочиненіи своемъ вообще категорически оспариваетъ у императора право избрать преемника маршалу Макъ-Магону, не смотря на то, что послѣдній назначенъ былъ командиромъ арміи никѣмъ инымъ, какъ самимъ же Наполеономъ III.

Къ сожалѣнію, надо признать, что этотъ явный раздоръ и безначаліе не былъ у французовъ явленіемъ единичнымъ и случайнымъ; это только наружный признакъ внутренняго разлада, давно уже охватившаго французскую націю. При каждомъ кризисѣ переживаемомъ Франціею неминуемо проявляется этотъ болѣзненный симптомъ кореннаго недуга, которымъ страдаетъ Франція съ тѣхъ поръ, какъ она въ кровавомъ переломѣ 1793 года лишилась своей законной, безспорно царствовавшей династіи.

Поразительныя военныя неудачи французовъ 1870 года, говоря вообще, могли быть предотвращены или, по меньшей мѣрѣ, огра-

ничены посредствомъ лучшей до войны организаціи и болѣе раціональнымъ во время ея командованіемъ, то есть просто признаніемъ и проведеніемъ въ дѣло принциповъ военнаго искусства, выведенныхъ ближайшимъ образомъ изъ великихъ дѣяній французскаго же геніальнаго полководца, императора Наполеона I. Но историческій недугъ Франціи и впредь не преминетъ заявлять о себѣ въ годину тяжкихъ ея испытаній. Онъ ослаблялъ и будетъ ослаблять Францію до тѣхъ поръ, пока не улягутся строптивыя волны, высоко взбитыя кровавою революціею, и тогда только, но не ранѣе, даровитая и симпатичная французская нація опять станетъ орудіемъ въ рукахъ Провидѣнія, Божіимъ воиномъ, исполнителемъ неисповѣдимыхъ предначертаній. И тогда изумленные народы въ дѣяніяхъ французовъ опять увидятъ:

„Gesta Dei — per Francos".

VIII.

Значеніе общаго и частнаго командованія въ побѣдахъ нѣмцевъ.

Принципъ „самостоятельности". — Шпихернъ. — Вейсенбургъ. — Вертъ. — Колёмбэ. — Нуйли. — Марсъ-ля-Туръ. — Гравелётъ. — Нуаръ. — Бомонъ и Седанъ. — Значеніе общаго командованія.

Покончивъ съ описаніемъ франко-германской войны 1870 года въ намѣченныхъ себѣ предѣлахъ, приступимъ къ рѣшенію основнаго вопроса, поставленнаго въ предисловіи:

„Какую роль въ побѣдахъ и пораженіяхъ франко-германской войны играло командованіе свыше, и что́ именно падаетъ на долю частныхъ начальниковъ?"

Займемся прежде всего нѣмцами, дѣйствія коихъ представляютъ полный матеріалъ для рѣшенія этого вопроса, насколько онъ касается ихъ стороны. [1]).

Нѣмцы открыли наступленіе свое вполнѣ надежнымъ числительнымъ превосходствомъ силъ надъ французами. Къ сознанію этого превосходства присоединялось еще въ пруссакахъ и справедливое чувство собственнаго достоинства, вынесенное какъ войсками, такъ и начальниками изъ недавнихъ побѣдъ въ войнѣ 1866 года.

[1]) Тѣ же вопросы по отношенію къ французамъ разбираются въ слѣдующей главѣ.

Общее у нѣмцевъ чувство превосходства надъ противникомъ выразилось въ частности въ постоянномъ „стремленіи впередъ и въ бой". Войска ихъ часто опережали указанныя маршевыя цѣли и не мѣшкая спѣшили въ сраженіе, если оно гдѣ-либо возгоралось.

Это стремленіе въ бой одинъ изъ авторитетнѣйшихъ писателей нашихъ назвалъ „дивною способностью спѣшить на выстрѣлы", а другой находитъ, что дѣйствія нѣмцевъ проявились въ формѣ „немудрой и грубой".—причемъ, конечно, послѣдній болѣе имѣлъ въ виду первобытный видъ, въ которомъ проявлялась дѣятельность нѣмцевъ, а первый — блистательныя ея послѣдствія.

Со своей стороны позволю себѣ добавить, что война вообще— не что иное, какъ проявленіе грубаго насилія, и что въ немъ пріемы самые простые, несложные — вмѣстѣ съ тѣмъ и самые надежные. Такимъ простымъ пріемомъ является и „хожденіе на выстрѣлы". Однако и самый грубый въ исполненіи пріемъ долженъ быть основанъ на самой тонкой оцѣнкѣ обстановки, т. е. на предварительной, вполнѣ разумной умственной работѣ.

По причинѣ разныхъ случайностей возгораются нерѣдко на войнѣ сраженія стратегически-неосмысленныя, совершенно безцѣльныя или просто вредныя, по крайней мѣрѣ для одной изъ сторонъ; такимъ, напримѣръ, былъ для французовъ бой передъ Мецомъ 11 августа, для нѣмцевъ — дѣло у Нуаръ. Вводить въ такія сраженія новыя войска—тоже самое, что увеличивать кушъ безъ надежды на окончательную прибыль. Съ другой стороны, отказаться отъ продолженія всякаго, разъ начавшагося, хотя бы и неожиданнаго боя не значитъ ли заранѣе отчаиваться въ его успѣхѣ, лишать себя возможности одержать полезный успѣхъ и передать всѣ выгоды въ руки противника? Изъ этого слѣдуетъ, что надо просто знать когда идти въ бой, и когда удержаться отъ этого искушенія. Короче сказать, „надо быть мастеромъ своего цеха", ибо, говоритъ Рюстовъ, „Изъ всѣхъ искусствъ военное менѣе всего дается диллетантамъ".

Возвращаясь къ нѣмцамъ, нельзя не признать, что безотчетное стремленіе ихъ „впередъ и въ бой", въ частности иногда опасное, взятое въ общемъ, имѣло вполнѣ раціональное основаніе, такъ какъ только столкновеніемъ съ непріятелемъ и разбитіемъ его нѣмцы могли пожать плоды своего числительнаго превосходства. Дѣломъ старшихъ начальниковъ было удерживать это стремленіе въ предѣлахъ общеполезныхъ и стратегически-осмысленныхъ операцій. Иными словами можно сказать, что если „самостоятельность" частныхъ нѣмецкихъ начальниковъ въ описанный періодъ войны выражалась

преимущественно стремленіемъ въ бой, то произошло это отъ того именно, что характеръ дѣйствій нѣмцевъ при данной обстановкѣ (стратегическое упрежденіе значительнымъ превосходствомъ силъ) неминуемо долженъ былъ быть наступательный какъ въ общемъ, такъ и въ частности.

Вотъ тѣ причины, которыя, съ перваго взгляда, придали дѣйствіямъ нѣмцевъ узкій и односторонній видъ (но только „видъ") принципіальнаго или пожалуй „безотчетнаго хожденія на выстрѣлы".

При внимательномъ однако изученіи нетрудно убѣдиться, что дѣйствія нѣмецкихъ начальниковъ отнюдь не были односторонни, а только просто „однородны", въ зависимости отъ общей однородной стратегической задачи, которая состояла въ томъ именно, чтобы „отыскать главныя силы непріятеля и разбить, или вѣрнѣе уничтожить ихъ". Въ частности же въ значительномъ большинствѣ случаевъ движеніе нѣмецкихъ начальниковъ „на выстрѣлы" было продуктомъ самой зрѣлой и раціональной оцѣнки обстановки. Оно связывалось съ цѣлымъ радомъ предыдущихъ и послѣдующихъ основательныхъ умозаключеній и толковыхъ мѣропріятій. Только этимъ путемъ нѣмецкіе начальники могли попадать въ бой во́-время и дѣйствовать въ немъ совершенно кстати.

Впрочемъ, нельзя не признать, что принципъ „самостоятельности частныхъ начальниковъ",—этотъ младшій сынъ современной намъ военной науки,—былъ своего рода „Веніаминомъ" нѣмецкаго главнаго начальства. Немудрено, что къ любимчику этому относились пристрастно, а подчасъ и не по заслугамъ; это явствуетъ между прочимъ изъ оффиціальной прусской исторіи войны, которая авторитетомъ своимъ, то есть, въ сущности, авторитетомъ своего „верховнаго вождя" не разъ прикрываетъ такія проявленія „принципа самостоятельности", которыя въ дѣйствительности никакъ не могутъ быть оправданы.

Съ другой стороны, отъ новаго принципа требовали и того, чего онъ никакъ дать не могъ. Высшее нѣмецкое начальство, видимо, въ надеждѣ на частную распорядительность, не разъ упускало общую связь между арміями и твердое управленіе ими. Случалось, что оно молчало тамъ, гдѣ надо было давать ясныя указанія, или же ограничивалось „намеками" тогда, когда требовались приказанія самыя категорическія.

Вообще можно сказать, что вѣрный въ основаніи и большинствѣ случаевъ правильно нѣмцами примѣнявшійся въ войнѣ 1870 года принципъ „самостоятельности частныхъ начальниковъ" не нашелъ тогда еще и у нихъ должной подготовки, по крайней мѣрѣ въ началѣ войны. По всему видно, что заранѣе не былъ выясненъ

и не принятъ обязательно извѣстный методъ командныхъ отношеній, естественно вызываемый новымъ, вполнѣ узаконеннымъ у нѣмцевъ принципомъ. Не были выработаны своевременно механическіе, такъ сказать, пріемы для облегченія связи между войсковыми начальниками. Наконецъ, по правдѣ, и не всѣ тогдашніе нѣмецкіе начальники доросли до требованій, проистекающихъ изъ проведенія въ дѣло принципа „самостоятельности". А между тѣмъ неудобства и опасности отъ этихъ стороннихъ обстоятельствъ, проистекающія именно „отъ неполнаго развитія и примѣненія" принципа самостоятельности, легко могутъ быть приняты какъ недостатки, вытекающіе изъ самой сути новаго принципа.

Вмѣсто дальнѣйшаго развитія доказательствъ въ пользу этого положенія обратимся прямо къ событіямъ войны, которыя говорятъ краснорѣчіемъ неопровержимыхъ фактовъ.

При изученіи причинъ несвоевременнаго и опаснаго для нѣмцевъ столкновенія при Шпихернѣ выяснено было въ своемъ мѣстѣ, въ сущности, слѣдующее: [1])

Нѣмецкое главное начальство, видимо, слишкомъ полагаясь на самостоятельную распорядительность частныхъ начальниковъ, не разграничило своевременно районовъ наступленія войскъ 1ой и 2ой армій, отчего 4 августа произошло у Отвейлера столкновеніе между маршевыми ихъ колоннами.

Съ другой стороны, старшее нѣмецкое начальство, (то есть, король Вильгельмъ, со своею главною квартирою все еще остававшійся далеко позади, въ Майнцѣ), упустило посвятить командира 1ой арміи, генерала Штейнмеца, въ свои виды и намѣренія. Штейнмецу вовсе не было извѣстно, что генералъ Мольтке предполагаетъ подойти къ р. Саарѣ разомъ всѣми силами съ тѣмъ, чтобы перейти или форсировать рѣку только 9 августа.

Не получивъ никакихъ директивовъ, хотябы даже на ближайшіе дни, Штейнмецъ понялъ обстановку по своему, какъ умѣлъ: онъ предположилъ, что армія его изображаетъ „наступательный флангъ" по отношенію общаго стратегическаго фронта нѣмецкихъ силъ. Получивъ затѣмъ въ теченіе 5 августа приказаніе „очистить для 2ой арміи путь Сенъ-Ведель—Отвейлеръ—Нейнкирхенъ", который въ продолженіи своемъ выходилъ на Саарбрюкенъ, Штейнмецъ, преисполненный своею воображаемою наступательною миссіею и (нельзя отрицать) поддающійся „стремленію впередъ", рѣшилъ

[1]) Томъ I, стр. 30—54 сего сочиненія.

6 числа подвинуть свои войска довольно значительно къ югу, и въ тотъ же день выслать два авангарда непосредственно на пограничную р. Саару. Извѣстно, что рѣшеніе это привело 6 августа къ совершенно безцѣльному для нѣмцевъ сраженію, которое они выиграли только благодаря непростительнымъ промахамъ противника.

Собственно ближайшій поводъ къ сраженію подалъ начальникъ 14ой прусской пѣхотной дивизіи, генералъ Камеке. Не довольствуясь занятіемъ Саарбрюкенскихъ переправъ авангардомъ своей дивизіи, Камеке, видимо, тоже подчинившійся общему „стремленію впередъ", вздумалъ завладѣть еще и кряжемъ Шпихернскихъ высотъ, нѣсколько верстъ южнѣе Саарбрюкена, предполагая, что онъ занятъ французами слабо, только въ видахъ посадки войскъ въ поѣзда у Форбаха.

Аттака поведена была съ вѣдома командира корпуса, генерала Цастрова, который разрѣшилъ Камеке „дѣйствовать по усмотрѣнію" и съ благословенія, такъ сказать, Штейнмеца, выразившаго въ отвѣтѣ своемъ Цастрову, что „слѣдуетъ наказать непріятеля за его оплошность".

Такимъ образомъ нельзя сказать, чтобы опасное дѣло затѣяно было Камеке на свою только отвѣтственность, во имя „самостоятельности"; напротивъ того, онъ подѣлился этою отвѣтственностью со своими начальниками. Отвѣтственъ же Камеке непосредственно за ошибочную оцѣнку противостоявшихъ ему силъ непріятеля. Но въ подобную же „ошибку", говоря вообще, могъ, пожалуй, впасть и любой изъ его начальниковъ. Слѣдовательно, самый принципъ „самостоятельности частныхъ начальниковъ" тутъ ни при чемъ.

Гораздо важнѣе то, что нѣмцы не имѣли никакой цѣли затѣвать сраженіе у Саарбрюкена 6 августа, коль скоро переходъ р. Саары предполагался только 9 числа. Но это послѣднее обстоятельство ни Штейнмецу, ни, конечно, его подчиненнымъ извѣстно не было. Не будучи за симъ удерживаемы никакими иными уваженіями, ближайшіе нѣмецкіе начальники, можно сказать, охотно поддались „общему стремленію впередъ".

Опасность затѣяннаго сраженія увеличивалась тѣмъ, что слишкомъ впередъ выдвинутыя 6 августа войска не могли въ теченіе того же дня получить достаточной поддержки въ случаѣ, еслибы французы повели на нихъ всѣ свои силы, бывшія тутъ же, по близости. А между тѣмъ нѣмцы заранѣе обречены были на полное отсутствіе общаго на мѣстѣ начальства во время боя, такъ какъ направленіе дороги на Саарбрюкенъ, которое въ продолженіи

своемъ всло на Мецъ, было какъ разъ раздѣльною линіею между двумя ихъ арміями, управляемыми независимо одна отъ другой.

Не станемъ оспаривать мотивовъ, приводимыхъ оффиціальною прусскою исторіею войны, которыми она отказъ Штейнмецу въ директивахъ оправдываетъ необходимостью въ критическіе моменты „свыше управлять движеніями большихъ отдѣловъ войскъ посредствомъ опредѣлительныхъ приказаній", но полагаемъ, что именно въ этихъ видахъ главной королевской квартирѣ никакъ не слѣдовало оставаться такъ долго въ Майнцѣ, далеко позади двигавшихся впередъ армій, упуская изъ рукъ всякую возможность фактическаго непосредственнаго управленія ими въ „критическое время" сближенія съ противникомъ.

Указанныя выше упущенія высшаго нѣмецкаго начальства были, можно сказать, основною причиною Шпихернскаго боя и безпорядочнаго его веденія со стороны нѣмцевъ. Ошибки эти (независимо отъ крупныхъ промаховъ французовъ) исправлены были именно „самостоятельнымъ починомъ частныхъ нѣмецкихъ начальниковъ".

Изъ описанія сраженія видно, что не только генералъ Гебенъ, командиръ 8го корпуса, находившагося въ то время на цѣлый переходъ позади, но и командиръ бригады (3го корпуса 2ой арміи), генералъ Дерингъ рано утромъ 6 августа лично рекогносцировали окрестности Саарбрюкена. Они ознакомились съ обстановкою и узнали о намѣреніи Камеке завладѣть Шпихернскими высотами.

Дерингъ еще за три часа до начала сраженія послалъ своей бригадѣ (долженствовавшей ночевать недоходя верстъ семь до Саарбрюкена) приказаніе поспѣшить впередъ, для поддержки Камеке. Подобнымъ же образомъ распорядился и Гебенъ, какъ только на возвратномъ пути заслышалъ сильную канонаду со стороны Саарбрюкена. Въ дѣйствіяхъ названныхъ генераловъ проглядываетъ вовсе не одно лишь „механическое", такъ сказать, хожденіе на выстрѣлы, а напротивъ того—вполнѣ разумная „самостоятельная дѣятельность", выходящая изъ тѣсной рамки прямо-обязательной очередной задачи, во имя общаго блага и высшихъ общихъ цѣлей. Въ этомъ же духѣ были и дѣйствія генераловъ Цастрова, Альвенслебена, Штюльпнагеля, Глюмера и Гольца, подробно описанныя въ своемъ мѣстѣ.

Еще одно замѣчаніе.

Говорятъ вообще, что „побѣдителя не судятъ". Казалось бы за симъ, что если нѣмцы выиграли столь опасный для нихъ Шпихернскій бой, то этимъ все уже сказано; далѣе, что все предпринятое ими для одержанія побѣды сдѣлано хорошо. Наконецъ, что чѣмъ опаснѣе дѣло, тѣмъ больше чести побѣдителю.

Но наука, имѣющая въ виду выводы для будущаго, никакъ не можетъ удовольствоваться этою точкою зрѣнія. Критика вправѣ сказать, что въ концѣ концовъ пруссаки обязаны побѣдою только бездѣйствію своихъ противниковъ. Она должна спросить: что сдѣлалось бы со всѣми поспѣвшими въ дѣло прусскими войсками, если бы французскіе начальники мало-мальски стояли на высотѣ своей задачи? Критика констатируетъ, что полное пораженіе пруссаковъ было бы тогда неминуемо. Спрашивается невольно послѣ того: не лучше ли было пруссакамъ уменьшить размѣры безцѣльнаго сраженія, то есть не вводить въ него новыхъ войскъ, предоставивъ своей судьбѣ дивизію Камеке, столь опрометчиво ввязавшуюся въ непосильное дѣло?

Но въ отвѣтъ на это придется сказать, что обстановка на войнѣ рѣдко бываетъ совершенно ясною и извѣстною. Нельзя одержать никакого успѣха, если заранѣе отчаиваться въ исходѣ любаго начавшагося дѣла. Въ данномъ случаѣ и во всѣхъ аналогичныхъ частный начальникъ, не имѣющій въ виду иной важной задачи, во всякомъ случаѣ долженъ поспѣшить на выручку товарищей. Дѣло же высшаго начальства — опредѣлить каждому надлежащій кругъ дѣйствій и распоряжаться такъ, чтобы нежелательныя ему столкновенія не случались, или хотя ограничивались въ размѣрѣ.

Изъ предыдущаго видно, насколько въ данномъ случаѣ высшее нѣмецкое начальство исполнило свои обязанности. Поэтому причины безцѣльнаго въ основаніи Шпихернскаго боя кроются по меньшей мѣрѣ настолько же въ дѣйствіяхъ или бездѣйствіи „высшаго“ нѣмецкаго начальства, сколько и въ „стремленіи войскъ впередъ“.

Справедливость требуетъ повторить еще въ видѣ общаго вывода, что разумною и энергичною дѣятельностью или, иначе, полнымъ примѣненіемъ „самостоятельности“ частныхъ нѣмецкихъ начальниковъ безцѣльное въ основаніи и безнадежное по обстановкѣ Шпихерское дѣло обращено было въ цѣнную для нѣмцевъ побѣду.

Бой у Вейсенбурга 4 августа веденъ былъ нѣмцами такимъ громаднымъ превосходствомъ силъ, которое само по себѣ исключало всякую возможность не только неудачи съ ихъ стороны, но даже просто запинки. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ сраженіи частные нѣмецкіе начальники успѣли заявить свою разумную, самостоятельную дѣятельность.

Изъ описанія сраженія видно, что командиръ 5го прусскаго корпуса, генералъ Кирхбахъ, заслыша канонаду у Вейсенбурга,

повернулъ туда свои главныя силы; но не довольствуясь этимъ „движеніемъ на выстрѣлы", Кирхбахъ послалъ впередъ офицера генеральнаго штаба — ознакомиться съ обстоятельствами и узнать у дѣйствовавшаго непосредственно противъ Вейсенбурга генерала Ботмера (начальника 4ой баварской дивизіи), „въ какомъ именно направленіи желательно содѣйствіе войскъ 5го корпуса?" Независимо этого, Кирхбахъ скоро отправился впередъ лично, самъ ознакомился съ обстановкою боя и ободрилъ баварцевъ обѣщаніемъ скорой поддержки. Нечего, кажется, подчеркивать того, что со стороны Кирхбаха видно тутъ не одно лишь „безотчетное" движеніе на выстрѣлы, а напротивъ того—вполнѣ сознательныя, послѣдовательныя мѣропріятія въ видахъ лучшаго и вполнѣ цѣлесообразнаго употребленія въ дѣло своихъ войскъ.

Совершенно въ томъ же какъ Кирхбахъ духѣ дѣйствовали генералы Бозе (командиръ 11го нѣмецкаго корпуса) и Зандрартъ (начальникъ авангарда 5го корпуса), условившись взаимно, что Зандрартъ пойдетъ прямо на Вейсенбургъ (съ востока), а Бозе съ наличными при немъ силами — лѣвѣе Зандрарта, для лучшаго охвата праваго фланга противника.

Обстоятельства, среди коихъ нѣмцы одержали побѣду при Вертѣ, были слѣдующія:

Послѣ Вейсенбургской битвы 3я нѣмецкая армія подвинулась 5 августа къ югу и раскрыла присутствіе арміи Макъ-Магона на флангѣ своего наступленія у Верта.

Начальство 3й нѣмецкой арміи, какъ увѣряютъ нѣмецкіе же историки, намѣревалось аттаковать французовъ только 7 августа, 6 же число употребить для лучшей группировки своихъ войскъ. Не станемъ повторять тутъ достаточно, кажется, убѣдительныхъ (приведенныхъ въ своемъ мѣстѣ) доводовъ въ пользу того мнѣнія, что начальство нѣмецкой арміи, дѣлая свои распоряженія на 6 августа, собственно еще ни на что не рѣшилось.[1]) Но какъ бы то ни было, довольно того, что начальникъ нѣмецкой арміи не предварилъ командировъ корпусовъ о томъ, что онъ намѣренъ аттаковать именно 7 августа и избѣгать частныхъ столкновеній въ теченіе 6 числа. А между тѣмъ корпуса 5ый прусскій и 2ой баварскій еще 5 августа вечеромъ очутились такъ близко отъ французовъ, что въ ночь на 6 число не прекращалась перестрѣлка между обо-

[1]) Томъ I, стр. 132—137 сего сочиненія.

юдными аванпостными цѣпями. При такой близости сраженіе легко могло возгорѣться отъ любой случайности.

Вдобавокъ, командиру 2го баварскаго корпуса, генералу Хартману, дано было такое особое приказаніе (несообщенное другимъ командирамъ корпусовъ), которое неминуемо должно было повести или къ частной неудачѣ баварской дивизіи Ботмера, или же — къ общему сраженію уже въ теченіе 6 августа. Приказаніе это, между прочимъ, гласило: „если утромъ 6 августа послышится канонада у Верта, то одною дивизіею черезъ Лянгензульцбахъ аттаковать лѣвый флангъ противника". [1])

Между тѣмъ рано утромъ 6 числа близъ Верта загремѣло разомъ не одна, а цѣлыхъ двѣ канонады. Произошли онѣ—одна непосредственно у Верта, вслѣдствіе усиленной развѣдки начальника авангарда 5го корпуса, генерала Вальтера, а другая—по причинѣ рекогносцировки французовъ противъ Гунштета, южнѣе Верта. Въ виду этой канонады баварцы (дивизія Ботмера) перешли въ наступленіе, были отбиты и отошли назадъ въ полномъ разстройствѣ. Это была прелюдія Вертскаго сраженія. Въ своемъ мѣстѣ описано дальнѣйшее его развитіе и приведены мотивы, которые, въ виду разыгравшагося у баварцевъ сильнаго боя, побудили Кирхбаха (и ранѣе послѣдняго еще подчиненныхъ ему начальниковъ, полковника Эпа и генерала Шмита) занять французовъ съ фронта. Тамъ-же подробно описано, какимъ образомъ втянулись въ бой передовыя войска 11го нѣмецкаго корпуса, поддерживая у Гунштета небольшой отрядъ 5го корпуса, угрожаемый французами.

Такъ разыгралось настоящее сраженіе помимо воли и желанія командира 3ей нѣмецкой арміи. Но такъ какъ, хорошо ли дурно ли, мысль и воля старшаго начальника должны быть исполнены его подчиненными, то не лишнимъ будетъ припомнить, кто собственно подалъ поводъ къ преждевременному (по предположеніямъ кронпринца Прусскаго) сраженію.

Изъ сказаннаго видимъ, что генералу Хартману дано приказаніе аттаковать, если утромъ 6 августа послышится „канонада у Верта", о чемъ другимъ командирамъ корпусовъ и въ особенности Кирхбаху, сосѣду Хартмана, не сообщено. Точно такъ же командирамъ корпусовъ не были сообщены виды кронпринца, а именно, что онъ желаетъ избѣжать боя въ день 6 августа. Это было особенно важно въ виду непосредственной близости про-

[1]) Нельзя не припомнить, что писавшій приказаніе, начальникъ штаба арміи кронпринца Прусскаго, генералъ Блюменталь, подразумѣвалъ „канонаду отъ наступленія французовъ"; но это не было высказано съ достаточною ясностью.

тивника и признаваемой за нѣмецкими начальниками „самостоятельности", положительно отъ нихъ даже требуемой.

Противныя стороны еще 5го вечеромъ сошлись уже, такъ сказать, на выстрѣлъ. Канонада могла возгорѣться отъ любой случайности, а разъ она началась, то сраженіе было уже неизбѣжно. Если затѣмъ сраженіе разыгралось въ дѣйствительности, то произошло это главнымъ образомъ отъ промаховъ начальства арміи, а никакъ не отъ злоупотребленія младшими признаваемымъ за ними правомъ самостоятельности, а еще менѣе отъ самаго „принципа" самостоятельности частныхъ начальниковъ. Напротивъ того, въ своемъ мѣстѣ доказано, что еслибы принципъ этотъ проведенъ былъ въ дѣло въ полномъ объемѣ, то ошибка въ изложеніи приказанія генерала Блюменталя навѣрное была бы исправлена Хартманомъ. Хартману стоило только вникнуть въ „смыслъ" приказанія, а не держаться единственно его „формы и буквальнаго выраженія". [1])

Далѣе, нельзя не замѣтить, что еслибы нѣмцы, принявшіе и узаконившіе принципъ самостоятельности частныхъ начальниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ провели въ дѣло и матеріальныя, такъ сказать, послѣдствія отъ его примѣненія, то сосѣдніе начальники ихъ, съ одной стороны, авангардные Ботмеръ и Вальтеръ, а съ другой — командиры корпусовъ Хартманъ и Кирхбахъ, не преминули бы войти въ непосредственное общеніе. Они, вѣроятно, помѣнялись бы офицерами, спеціально обязанными сообщать о всемъ, что дѣлается у сосѣда: тогда, съ одной стороны, въ 5омъ корпусѣ навѣрное извѣстно бы было особое приказаніе, данное Хартману, а съ другой—Ботмеръ едвали сунулся бы прямо въ бой, не выждавъ свѣдѣнія о дѣйствительномъ значеніи заслышанной имъ канонады со стороны войскъ Кирхбаха.

Если бы Кирхбахъ, подобно Хартману, придержался буквы полученнаго имъ во время боя приказанія кронпринца, и прекратилъ дѣло, то день 6 августа окончился бы бо́льшею или меньшею неудачею трехъ нѣмецкихъ корпусовъ, ввязавшихся въ то время довольно значительными силами въ бой, пока для нихъ неудачный. Если бы день 6 августа этимъ и закончился, то испытанныя неудачи легко могли обезохотить разношерстную армію нѣмцевъ, состоявшую преимущественно изъ недавнихъ враговъ Пруссіи въ войнѣ 1866 года. За ночь же Макъ-Магонъ узналъ бы о пораженіи Фроссара при Шпихернѣ и, будучи въ то время уже достаточно оріентированъ относительно значительныхъ наличныхъ силъ про-

---

[1]) Томъ I, стр. 122—125 сего сочиненія.

тивника, могъ отступить, уклоняясь такимъ образомъ отъ ударовъ нѣмцевъ. Не лишнимъ будетъ замѣтить здѣсь, что самый опасный для французовъ по своему расположенію баварскій корпусъ Хартмана частью былъ разбитъ (дивизія Ботмера), частью могъ быть удержанъ подходившими съ той стороны войсками французскаго корпуса генерала Фальи. Такимъ образомъ рѣшимость Кирхбаха даровала нѣмцамъ побѣду, готовую ускользнуть изъ ихъ рукъ.

Конечно, дѣйствія Кирхбаха могли привести къ желаннымъ для нѣмцевъ результатамъ только при условіи энергической и разумной поддержки со стороны всѣхъ прочихъ дѣятелей, какъ и случилось на дѣлѣ. Все это подробно разобрано въ своемъ мѣстѣ; припомнимъ только, что командиръ 1ой дивизіи 1го баварскаго корпуса, генералъ Стефанъ, самостоятельно рѣшилъ идти на помощь Кирхбаху, избравъ такое направленіе, чтобы взять во флангъ противостоявшихъ послѣднему французовъ. Командиръ корпуса, генералъ Таннъ, одобрилъ предположенія Стефана и самъ отправился впередъ, чтобы лично ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ и условиться съ Кирхбахомъ.

Командиръ 11го нѣмецкаго корпуса, генералъ Бозе, распоряжаясь самостоятельно на лѣвомъ флангѣ боевой линіи нѣмцевъ, не только ввелъ въ дѣло всѣ свои войска для облегченія аттаки войскъ Кирхбаха, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, охватилъ правый флангъ французовъ.

Командиръ сводного (изъ баденцевъ и виртембергцевъ) корпуса, генералъ Вердеръ, имѣвшій спеціальную задачу наблюдать за путями на Гагенау (гдѣ, повидимому, предполагались значительныя силы французовъ), тѣмъ не менѣе, по выяснившимся обстоятельствамъ, нашелъ возможнымъ направить половину своихъ войскъ въ распоряженіе Бозе и пододвинуть поближе почти всѣ остальныя.

Побѣда нѣмцевъ, конечно, была бы гораздо полнѣе, если бы дѣло было ведено не разрозненными усиліями частныхъ начальниковъ, а исполнено ими на основаніи общихъ единоличныхъ распоряженій старшаго. Но кто же виноватъ въ томъ, что этихъ-то общихъ распоряженій какъ разъ и не было? Кажется, въ этомъ никакъ не повиненъ принципъ „самостоятельности частныхъ начальниковъ". Онъ, напротивъ того, въ день 6 августа предотвратилъ неминуемую частную неудачу нѣмцевъ у Верта и даровалъ имъ неожиданную побѣду, которой они легко могли лишиться, хотя бы вслѣдствіе отступленія французовъ.

Нечего, кажется, добавлять еще, что дѣйствія нѣмецкихъ частныхъ начальниковъ, выигравшихъ общими усиліями Вертское

сраженіе, не имѣютъ ничего общаго съ „безотчетнымъ“, такъ сказать, хожденіемъ на выстрѣлы. Напротивъ, мы видимъ тутъ цѣлый рядъ вполнѣ сознательныхъ и въ высшей степени осмысленныхъ дѣйствій, основанныхъ на вѣрной оцѣнкѣ современной обстановки. Да иначе и быть тутъ не могло. Для того, чтобы подобно Кирхбаху и его сподвижникамъ рѣшиться продолжать сраженіе противно „буквѣ“ полученнаго приказанія, надо было буквѣ этой противоставить свое „вполнѣ сознательное самостоятельное сужденіе“—имѣть вѣру въ свое сужденіе, наконецъ — достаточно собственной воли и характера, чтобы сужденіе свое провести въ дѣло на свой рискъ и отвѣтственность. А все это вмѣстѣ и составляетъ то именно, что опредѣляется однимъ словомъ — „самостоятельность“.

Самый интересный примѣръ съ точки зрѣнія разбираемаго вопроса представляетъ сраженіе у Меца 14 августа, названное нѣмцами сраженіемъ при Колёмбэ—Нуйли; сраженіе самостоятельно затѣянное и разыгранное частными начальниками 1ой нѣмецкой арміи вопреки волѣ командира ея, генерала Штейнмеца.

Положеніе, среди коего разыгралось дѣло 14 августа, было слѣдующее:

Главная французская армія стянулась къ Мецу съ намѣреніемъ переправиться у него черезъ р. Мозель для дальнѣйшаго отступленія во внутрь страны.

Въ недальнемъ отъ французовъ разстояніи, восточнѣе Меца, стояла 1ая нѣмецкая армія Штейнмеца, слѣдившая за французами, въ то время, когда болѣе сильная армія принца Фридриха-Карла совершала фланговое передвиженіе, соединенное съ обходомъ Меца съ южной его стороны. Нѣкоторыя переправы черезъ Мозель были въ то время уже захвачены нѣмцами.

Въ королевской диспозиціи на 14 число 1ой арміи предписывалось „наблюдать посредствомъ авангардовъ: отходятъ ли французы“ (подразумѣвалось съ цѣлью уйти за Мозель) „или нѣтъ“. Далѣе диспозиція указывала тѣ мѣры, которыя придется принять арміи Штейнмеца въ случаяхъ, еслибы французы бросились на востокъ, то есть на 1ую же армію, или же — на югъ, на ближайшія обходящія колонны арміи принца Фридриха-Карла.

Распоряженія эти дѣлались на всякій случай; въ сущности же нѣмцы предвидѣли, что французы захотятъ отойти назадъ, хотя бы пока къ Вердену. Но начали ли они съ этою цѣлью переправу у Меца и насколько въ ней успѣли — нѣмцамъ извѣстно

не было. Дознано было только, что значительныя силы французовъ еще 13 августа стояли по сю, то есть восточную сторону Меца. Задача арміи Штейнмеца состояла слѣдовательно въ томъ именно, чтобы зорко слѣдить, какія перемѣны происходятъ у французовъ.

Нѣмцы, по правдѣ сказать, въ то время еще отнюдь не полагали возможнымъ отрѣзать часть, а тѣмъ менѣе всю армію противника, какъ это удалось имъ въ послѣдствіи. У нѣмцевъ, пока, преобладали соображенія оборонительныя: обезпечить свое фланговое передвиженіе отъ возможныхъ покушеній французовъ.

Мысль о возможности отрѣзать хотя бы часть французскихъ силъ собранныхъ у Меца могла быть только плодомъ дальнѣйшихъ наблюденій со стороны арміи Штейнмеца. Разъ же мысль эта зараждалась изъ хода ближайшихъ событій, то для нѣмцевъ, очевидно, было весьма важно удержать французовъ передъ Мецомъ (восточнѣе его) хотя бы и непосредственною аттакою, съ цѣлью замедлить отступательную переправу противника и дать время обходнымъ колоннамъ 2ой арміи довершить свое захожденіе. Эта эвентуальная задача (аттака) естественно лежала на 1ой арміи и на командирѣ ея, Штейнмецѣ. Но исполненіе какъ въ общемъ, такъ и въ частности вполнѣ зависило отъ обстановки; тутъ именно надо было „уловить моментъ"; поэтому наступленіе не могло быть „приказано" свыше; оно должно было быть плодомъ самостоятельнаго рѣшенія командира 1ой арміи. На дѣлѣ же вышло, что сраженіе затѣяно и разыграно было частными начальниками, помимо Штейнмеца.

И вотъ опять невольно является вопросъ: какъ это могло случиться? Кто собственно виновенъ въ дѣйствіи въ противность видамъ и намѣреніямъ старшаго начальника? Для того, чтобы понять это, надо припомнить, что генералъ Штейнмецъ, еще находясь близъ Саарбрюкена 8 августа и излагая предъ непосредственно подчиненными ему начальниками свои виды и намѣренія, рекомендовалъ имъ „держаться оборонительно". Указаніе Штейнмеца нельзя было конечно считать абсолютно и въ будущемъ обязательнымъ, тѣмъ болѣе въ войнѣ наступательной; но Штейнмецъ, насколько онъ подразумѣвалъ тогда уже предвидимый періодъ временной стоянки предъ Мецомъ, могъ считать слова свои достаточно опредѣлительнымъ приказаніемъ на это именно время, когда 1ая армія должна была взять на себя пассивную задачу, то есть прикрывать движеніе принца Фридриха-Карла.

Но и самая пассивная въ основаніи своемъ задача на войнѣ можетъ, а подчасъ — просто должна быть рѣшаема активно,

то есть наступленіемъ, а не обороною. Чтобы не искать долго, укажемъ, что самая диспозиція, данная обѣимъ нѣмецкимъ арміямъ на 14 число, говорила прямо: „1ая армія имѣетъ возможность аттакою во флангъ помѣшать наступленію непріятеля къ югу". Подразумѣвалось тутъ наступленіе французовъ на войска 2ой арміи, подходившія тогда къ р. Мозелю.

Когда 14 августа нѣмецкіе аванпосты начали доносить объ отходѣ французовъ, то командиръ 1го прусскаго корпуса, генералъ Мантейфель, и начальникъ авангарда 7го корпуса, генералъ Гольцъ, „чувствовали", что надо помѣшать противнику. Гольцъ, узнавъ, что 1ый корпусъ „готовится" къ бою, понялъ, что онъ „идетъ" въ бой и самъ вцѣпился въ отходившихъ французовъ, а Мантейфель, со своей стороны, тоже напалъ на непріятеля для облегченія положенія Гольца, котораго онъ считалъ аттакованнымъ.

Такимъ образомъ сраженіе и тутъ произошло отъ „стремленія впередъ", и на сей разъ вполнѣ осмысленнаго; причемъ нельзя однако отрицать, что Мантейфель и Гольцъ поддались этому „стремленію" именно на основаніи „принципа самостоятельности." Если за симъ дѣйствія поименованныхъ прусскихъ начальниковъ считать неправильными (какъ не входившія въ расчеты командира арміи), то нетрудно убѣдиться, что это „злоупотребленіе" принципомъ самостоятельности было именно послѣдствіемъ „неполнаго" его примѣненія.

Не разъ приходилось уже указывать, что признанная за частными начальниками „самостоятельность" требуетъ возможно полной оріентировки ихъ и постояннаго наблюденія за измѣненіями въ окружающей обстановкѣ. Если бы авангарды прусскихъ корпусовъ въ этихъ именно видахъ находились 14 августа въ постоянномъ между собою общеніи, то Гольцъ зналъ бы, что 1ый корпусъ готовится къ сраженію только эвентуально, „въ ожиданіи на то приказаній", а пока еще въ бой не идетъ; съ другой же стороны, Мантейфелю стало бы ясно настоящее значеніе канонады, раздавшейся со стороны Гольца. Онъ зналъ бы, что французы вовсе не наступаютъ, а только обороняются, и что, слѣдовательно, Гольцъ особой опасности еще не подвергается.

Весьма возможно, что въ такомъ случаѣ Гольцъ и Мантейфель, дѣйствовавшіе въ сущности во имя „товарищеской выручки", отказались бы отъ наступленія на французовъ, хотя и „чувствовали", что необходимо мѣшать ихъ отступательному движенію. Отказавшись отъ аттаки, Гольцъ и Мантейфель пожертвовали бы принципомъ „самостоятельности" во имя „воинскаго подчиненія", такъ какъ имъ извѣстны были „оборонительные" взгляды коман-

дира арміи. Конечно, пруссаки, въ сущности по винѣ Штейнмеца, лишились бы тогда всѣхъ выгодъ вполнѣ осмысленнаго боя 14 августа, потому что Штейнмецъ слишкомъ, повидимому, поглощенъ былъ своими оборонительными соображеніями и какъ будто совершенно игнорировалъ возможность наступленія.

Если бы генералъ Штейнмецъ, — хотя бы въ виду наблюдательной задачи своей арміи, которая однако даже по предвидѣнію королевской диспозиціи на 14 августа могла обратиться въ наступательную,—находился ближе передовыхъ своихъ войскъ, или же имѣлъ при нихъ довѣренное лицо, то ему нетрудно было бы удержать порывы своихъ подчиненныхъ, если онъ считалъ ихъ несоотвѣтственными. Въ противномъ случаѣ Штейнмецъ, самъ рѣшившись аттаковать отходившихъ французовъ, съ мѣста могъ дать общеобязательныя приказанія и съ разу повелъ бы впередъ достаточныя силы пѣхоты, упирающіяся на дѣйствіе какихъ либо 200 орудій. Однимъ словомъ, дѣло пруссаковъ пріобрѣло бы тогда единство и силу, которыхъ имъ никакъ не могли дать разрозненныя усилія частныхъ начальниковъ, хотя бы въ раздѣльности и самыя раціональныя.

До сихъ поръ мы въ самыхъ общихъ чертахъ припомнили, какъ нѣмецкіе начальники умѣли распоряжаться и дѣйствовать въ день боя 14 августа; теперь возстановимъ примѣры, какъ они столь же раціонально сумѣли удержаться и промедлить.

Генералъ Гебенъ находился 14 числа со своимъ корпусомъ позади остальныхъ двухъ корпусовъ 1ой арміи, въ видѣ ея „резерва". Поэтому Гебенъ, узнавъ о начавшемся сраженіи, не считалъ себя вправѣ дѣйствовать помимо приказаній Штейнмеца; притомъ онъ разсудилъ, что по случаю поздней поры дня французы, которые, по дошедшимъ до Гебена неточнымъ свѣдѣніямъ, сами перешли въ наступленіе, въ тотъ день ничего важнаго уже предпринять въ виду не имѣютъ. Когда же впослѣдствіи, уже въ темнотѣ, Гебенъ получилъ запоздавшее приказаніе Штейнмеца: подойти ближе къ полю сраженія для образованія боеваго резерва, то Гебенъ (по подробно въ своемъ мѣстѣ изложеннымъ соображеніямъ) остался на мѣстѣ, и такимъ образомъ сберегъ свои войска отъ напраснаго утомленія. [1]).

Подобнымъ же образомъ поступилъ и командиръ 7го корпуса, генералъ Цастровъ. Штейнмецъ опасался, что войска Цастрова, выдвинувшись съ ходомъ боя далеко впередъ, чуть не подъ орудія Меца, могутъ ночью или утромъ слѣдующаго дня подвергнуться

---

[1]) Томъ I, стр. 193—195, сего сочиненія.

*

нападенію французовъ; но Цастровъ, получившій это приказаніе въ темнотѣ, по извѣстнымъ причинамъ и въ особенности не желая ночью отходить назадъ съ войсками разстроенными жаркимъ боемъ, предпочелъ остаться на мѣстѣ и отойти уже засвѣтло утромъ.

Не лишнимъ будетъ прибавить, что Штейнмецъ одобрилъ рѣшенія своихъ подчиненныхъ, хотя и отмѣнявшія его же приказанія; а это потому, что нѣмцы привыкли исполнять и требовать исполненія приказаній по ихъ „смыслу и духу", а не по одной лишь „буквѣ".

Если бы у нѣмцевъ вообще, а у пруссаковъ въ особенности, принято было водить подчиненныхъ на помочахъ, то Штейнмецъ, пославъ Гебену приказаніе „идти впередъ отъ Біонвиля къ Варизу," потомъ, въ виду прекращенія дѣла, послалъ бы другое „оставаться на мѣстѣ у Біонвиля" и тогда, при буквальномъ исполненіи обоихъ приказаній, легко могло случиться, что войска Гебена безъ толку всю ночь проходили бы между поименованными пунктами, лишившись сна и покоя, а можетъ быть и пищи. Ближайшимъ послѣдствіемъ было бы то, что утомленныя войска Гебена никакъ не могли бы на слѣдующій день, 15 августа, совершить одиннадцатичасоваго марша, который дозволилъ части ихъ (бригадѣ Рекса) попасть своевременно въ бой 16 числа подъ Марсъ-ля-Туромъ и предотвратить тамъ неминуемое иначе пораженіе корпуса Альвенслебена. Вотъ яркій примѣръ, показывающій какимъ образомъ первобытное, такъ сказать, самостоятельное движеніе на выстрѣлы части корпуса Гебена 16 августа непосредственно основано было на предыдущей (то есть 14 числа), вполнѣ самостоятельной рѣшимости Гебена совершенно инаго, чтобы не сказать— противоположнаго рода.

Тяжелое положеніе, въ которомъ нѣмцы очутились въ сраженіи при Марсъ-ля-Турѣ 16 августа, было послѣдствіемъ не одной причины, или, вѣрнѣе, — не одного промаха со стороны нѣмецкаго начальства.

Самой главной и основной причинѣ посвящена цѣлая глава настоящаго сочиненія [1]). Въ ней выяснено, что нѣмцы, не смотря на полную возможность, не произвели своевременныхъ кавалерійскихъ поисковъ въ тылъ Мецу, съ цѣлью раскрыть французскую армію. Распоряженія главной королевской квартиры, данныя съ этою цѣлью, оказались запоздалыми и недовольно настоятельными; это были скорѣе „намеки", нежели „положительныя приказанія".

[1]) Томъ I, гл. IX, стр. 197—205.

Главное нѣмецкое начальство точно совѣстилось дать положительныя и категорическія приказанія, какъ будто стѣсняясь принципомъ „самостоятельности“ командировъ армій. Оно упускало такимъ образомъ прямыя свои обязанности, передавая заботу объ „общихъ интересахъ“ въ частныя руки двухъ командировъ армій, независимыхъ другъ отъ друга и раздѣленныхъ пространствомъ.

Тутъ дѣйствительно натыкаемся на увлеченіе, чтобы не сказать „злоупотребленіе“ принципомъ самостоятельности частныхъ начальниковъ; но въ злоупотребленіи этомъ виновны не частные начальники, какъ вообще можно ожидать, а какъ разъ наоборотъ— главное нѣмецкое начальство.

Со своей стороны командиры армій не стали на сей разъ на высотѣ положенія; оба они не сознавали важности развѣдки въ тылъ Мецу, на пути отступленія непріятеля, для того, чтобы узнать отходятъ ли по немъ французы и на сколько успѣли въ своемъ отступленіи. Въ этомъ отношеніи арміею Штейнмеца не сдѣлано ровно ничего, а 2ою—въ рѣшительномъ направленіи (на сообщенія Меца съ Верденомъ) направлена конница только 15 числа, да и то въ силахъ недовольно значительныхъ, причемъ надлежащая цѣль движенія не была объяснена послѣдней. Сама же прусская конница (дивизія Рейнбабена) „самостоятельнымъ“ сужденіемъ не сумѣла пополнить сказаннаго пробѣла въ распоряженіяхъ командира арміи.

Вотъ тѣ причины, по коимъ нѣмецкое начальство отдало свои распоряженія на 16 августа, находясь въ полномъ невѣдѣніи относительно мѣстонахожденія арміи маршала Базена. Вовсе не позаботившись о раскрытіи настоящаго положенія дѣлъ, хотя бы, такъ сказать, въ послѣднюю минуту, командиръ 2ой нѣмецкой арміи всецѣло предался предвзятой мысли, что французы уже значительно подвинулись въ отступленіи своемъ отъ Меца. На этомъ основаніи принцъ Фридрихъ-Карлъ рѣшилъ 16 августа поспѣшать къ р. Мезѣ, надѣясь параллельнымъ маршемъ обогнать французовъ, а непосредственно за Мецъ онъ направилъ одинъ только 3ій корпусъ, Альвенслебена, который такимъ образомъ утромъ 16 августа очутился лицомъ къ лицу одинъ противъ большей части арміи маршала Базена. Но и тутъ допущенные старшими промахи, — поставившіе Альвенслебена сразу въ самое затруднительное положеніе, — исправлены были посильною самостоятельною распорядительностью младшихъ начальниковъ.

Изъ подробно изложеннаго въ своемъ мѣстѣ припомнимъ тутъ только главнѣйшее:

Генералъ Фохтсъ-Рецъ, командиръ 10го нѣмецкаго корпуса, долженствовавшаго 16 числа наступать лѣвѣе 3го—въ расходящемся

отъ него направленіи, чувствовалъ, повидимому, всю неясность положенія, а слѣдовательно и шаткость основаній, на которыхъ построенъ былъ маневръ 2ой арміи, исполнявшійся 16 августа. Хотя, какъ сказано, ближе къ Мецу долженъ былъ наступать 3ій корпусъ, Альвенслебена, тѣмъ не менѣе, Фохтсъ-Рецъ рѣшилъ рано утромъ того числа произвести къ сторонѣ Меца (съ запада на востокъ) усиленную развѣдку всею кавалеріею Рейнбабена (36 эскадроновъ, 12 орудій) съ тремя конными батареями корпусной артиллеріи. Для поддержки этой кавалеріи должны были подойти еще отряды полковниковъ Лемана и Линкера (бригада пѣхоты съ артиллеріею и кавалеріею). Какую важность Фохтсъ-Рецъ вполнѣ справедливо придавалъ этому поиску, видно изъ того, что онъ отправилъ съ Рейнбабеномъ своего начальника штаба и самъ рано утромъ направился въ сторону своей кавалеріи. Будучи такимъ образомъ близко поля событій 16 августа и свидѣтелемъ начальнаго ихъ развитія, генералъ Фохтсъ-Рецъ могъ безъ замедленія принять дальнѣйшія мѣры, клонящіяся къ поддержкѣ и усиленію войскъ Альвенслебена.

Извѣстно, что наступленіе Рейнбабена застигло французскую кавалерійскую дивизію Фортона совершенно въ расплохъ и что нѣмецкая конная артиллерія, въ видѣ прелюдіи къ бою, прямо обстрѣляла не только кавалерійскіе, но и пѣхотные французскіе бивуаки. Этотъ удачный артиллерійскій налетъ сразу передалъ починъ въ руки нѣмцевъ и не могъ не подѣйствовать на духъ французовъ и на умы ихъ начальниковъ, которые за симъ во весь день не сознали своего значительнаго численнаго превосходства надъ нѣмцами.

Излишнимъ будетъ повторять тутъ, какимъ образомъ изнемогавшія въ неравномъ бою войска Альвенслебена получили первую, крайне нужную имъ поддержку со стороны именно отрядовъ Лемана и Линкера, самостоятельно съ пути поспѣшившихъ на выстрѣлы. Замѣчу только, что столь полезное воздѣйствіе Рейнбабена, Линкера и Лемана не явилось случайно, въ видѣ импровизаціи въ минуту надобности; напротивъ того, оно было прямымъ послѣдствіемъ вполнѣ самостоятельной благовременной рѣшимости и распорядительности Фохтсъ-Реца, который, исправляя промахъ старшаго начальника, или, если угодно, пополняя пробѣлъ въ его распоряженіяхъ, рѣшилъ поискать разгадки вопроса: „куда дѣлась французская армія, недавно бывшая у Меца?“ именно — ближе къ самому источнику, то есть, ближе къ этой крѣпости. Тутъ, слѣдовательно, „движенію на выстрѣлы“ тоже предшествовалъ рядъ дѣльныхъ умозаключеній и такихъ же мѣропріятій.

Въ этомъ же духѣ дѣйствовалъ и начальникъ 20ой пѣхотной дивизіи (10го корпуса), генералъ Краацъ. Получивъ въ Тіокурѣ (назначенной ему стоянкѣ на ночь съ 16 на 17 августа) извѣстіе о серіозномъ сраженіи и рѣшивъ двинуться со своею дивизіею на выручку своимъ, Краацъ немедленно выслалъ впередъ офицера генеральнаго штаба. Самъ же, опередивъ свою дивизію, двигавшуюся къ Тронвилю съ юга, и ознакомившись съ обстоятельствами, прямо отъ себя направилъ часть своихъ войскъ для усиленія центра Альвенслебена, а съ остальными пошелъ на сильно угрожаемый тогда лѣвый флангъ нѣмецкой боевой линіи. Въ томъ же направленіи, но съ запада, отъ Сенъ-Иллеръ дѣйствовалъ и авангардъ 10го корпуса подъ начальствомъ генерала Шварцкоппена, отыскивая самое больное мѣсто французовъ, то есть правый ихъ флангъ.

Такимъ образомъ общими усиліями, при весьма видномъ участіи конницы, возстановились дѣла нѣмцевъ на лѣвомъ ихъ флангѣ и доведены были до окончательнаго, возможно благополучнаго здѣсь для нихъ исхода. Смѣло можно сказать, что каждый сдѣлалъ тутъ все то, что́ было въ предѣлахъ умѣнія и силъ человѣческихъ. Но далеко не то было на противоположномъ, правомъ нѣмецкомъ флангѣ.

Припомнимъ, что генералъ Мольтке не раздѣлялъ увѣренности и спокойствія принца Фридриха-Карла. Мольтке опасался, что ближайшія къ Мецу войска 2ой арміи не окажутся достаточно сильными. Онъ рѣшилъ поэтому поторопить переправу 9го корпуса той же арміи. Съ этою цѣлью Мольтке рано утромъ 16 августа послалъ съ офицеромъ генеральнаго штаба открытое приказаніе, въ которомъ значилось, чтобы „9ый корпусъ“ (долженствовавшій на основаніи диспозиціи по 2ой арміи дойти только до Силеньи, на р. Сейль, недоходя р. Мозеля) „по возможности еще 16 числа перешелъ Мозель и чтобы части 1ой арміи дали этому корпусу дорогу“.

Между тѣмъ головная часть войскъ 1ой арміи, дивизія Барнекова, корпуса Гебена (въ составѣ одной только бригады), успѣла уже уйти впередъ и около полудня достигнуть Арри, на Мозелѣ; остальныя войска Гебена, уступивъ дорогу 9му корпусу, совершенно отстали отъ Барнекова.

Извѣстно, что Барнековъ съ разрѣшенія корпуснаго командира повелъ свою наличную бригаду на усиленіе изнемогавшихъ въ неравномъ бою войскъ праваго фланга, Альвенслебена. Примѣръ Барнекова увлекъ за собою и головной полкъ 9го корпуса, полковника Шенинга.

Однако остальныя части 9го корпуса вовсе не поддержали своихъ, по крайней мѣрѣ своевременно. Причиною тому было самое категорическое приказаніе командира корпуса, генерала

Манштейна: „въ теченіе 16 числа не дѣлать никакихъ передвиженій безъ его распоряженія“. Стѣснивъ такимъ образомъ самостоятельность своихъ подчиненныхъ, Манштейнъ вмѣстѣ съ тѣмъ самъ лично не направился ближе возможнаго театра событій (то есть болѣе впередъ и къ сторонѣ Меца), напротивъ того, насколько можно судить, онъ не находился ни при одной изъ своихъ дивизій. Запоздалыя затѣмъ приказанія Манштейна „идти впередъ“ не принесли уже никакой существенной пользы; только четыре баталіона изъ войскъ Манштейна къ ночи приняли въ бою участіе, да и то самое незначительное. Такимъ образомъ войска 9го корпуса, шедшія непосредственно за Барнековымъ (если не считать полка Шенинга, дѣйствовавшаго на свою руку), не подали своимъ крайне нужной имъ помощи.

Таковы были плоды стѣсненія Манштейномъ „самостоятельности“ его подчиненныхъ. Не останавливаясь болѣе надъ этимъ дѣломъ, достаточно подробно разобраннымъ въ своемъ мѣстѣ [1]), замѣчу только, что бездѣйствіе войскъ Манштейна могло имѣть для нѣмцевъ самыя гибельныя послѣдствія—стоило только французамъ повести серіозное наступленіе отъ Гравелёта.

Весьма интересно то, что благодаря воспрещенію командира 9го корпуса (не дѣлать 16 августа передвиженій безъ его приказанія), самое раціональное соображеніе генерала Мольтке обратилось во вредъ нѣмцамъ же. Дѣйствительно, еслибы Мольтке не сдѣлалъ никакого распоряженія (для скорѣйшаго усиленія войскъ 2ой арміи на лѣвомъ берегу Мозеля, ближе къ Мецу) и не поторопилъ бы 9го корпуса, то весь корпусъ Гебена (1ой арміи) оказался бы впереди и навѣрное поддержалъ бы Альвенслебена всѣми наличными своими тремя пѣхотными бригадами съ корпусною артиллеріею. И наоборотъ,—еслибы предположеніе Мольтке удалось вполнѣ, то всѣ войска Гебена должны бы очутиться позади Манштейна. Въ послѣднемъ случаѣ Альвенслебенъ не получилъ бы поддержки со стороны Барнекова и увлеченнаго его примѣромъ — Шенинга; нѣмцы на правомъ своемъ флангѣ, имѣвшіе тамъ одну лишь бригаду Деринга, лишились бы девяти баталіоновъ и нѣсколькихъ батарей поддержки, такъ что французы, можно сказать, волею-неволею должны были просто тяжестью своею задавить ничтожныя силы противника. Строй нѣмцевъ по всему ихъ фронту состоялъ буквально изъ одной только „линіи“ сильно разстроенной, а частью даже разбитой пѣхоты (напр. бригада Веделя) и артиллеріи, ощущавшей недостатокъ въ зарядахъ и лошадяхъ. Разъ общая боевая

[1]) Стр. 243—245 и 260—263 тома I-го сего сочиненія.

линія нѣмцевъ пошатнулась бы гдѣ либо (хотя бы на правомъ ихъ флангѣ), то полнѣйшее пораженіе двухъ корпусовъ ихъ, 3го и 10го, было бы неминуемо.

Такія, да и не такія еще дѣла въ состояніи натворить на войнѣ „генералъ Случай", въ особенности, если онъ товарищески поддержанъ „Недомекомъ".

Еще одно, послѣднее воспоминаніе: примѣръ одновременныхъ, совершенно схожихъ дѣйствій генерала Шварцкоппена и принца Виртембергскаго, очутившихся въ день Марсъ-ля-Тура въ аналогичномъ положеніи.

Припомнимъ, что Шварцкоппенъ съ бригадою пѣхоты и гвардейскими драгунами шелъ утромъ въ день боя на Сенъ-Иллеръ (Френъ), въ видѣ авангарда 10го корпуса, долженствовавшаго двигаться наперерѣзъ, между Мецомъ и Верденомъ, значительно лѣвѣе 3го корпуса. Подобнымъ же образомъ подвигался южнѣе и гвардейскій прусскій корпусъ, подъ начальствомъ принца Виртембергскаго, спѣша наперерѣзъ французамъ, хотя бы уже за р. Мезою. Шварцкоппенъ и принцъ Виртембергскій, заслышавъ канонаду — первый на походѣ, а послѣдній по достиженіи цѣли марша 16 числа,—не поддались однако шаблонному „стремленію на выстрѣлы". Оба сознавали, что двинувшись немедленно на выстрѣлы они неминуемо уклонятся отъ указанной имъ цѣли—„идти наперерѣзъ отступавшимъ" (какъ предполагалось) „французамъ".

Въ то время ни Шварцкоппенъ, ни принцъ Виртембергскій не могли еще знать, гдѣ именно присутствіе ихъ будетъ нужнѣе; поэтому они сдѣлали только предварительныя распоряженія: первый послалъ въ сторону боя свою конницу, а послѣдній, за дальностью, отправилъ туда только двухъ офицеровъ, съ цѣлью разъяснить обстановку; самъ же принцъ пока стянулъ свой корпусъ болѣе къ сѣверу, предвидя возможность движенія на слѣдующій день. Хотя въ дѣйствительности необходимость присутствія нѣмецкихъ войскъ ощущалась въ то время (16 августа) только на поляхъ битвы у Марсъ-ля-Тура, тѣмъ не менѣе дѣйствія обоихъ поименованныхъ дѣятелей нельзя не признать вполнѣ соотвѣтственными обстановкѣ; въ одинаковомъ же рѣшеніи ими аналогичныхъ вопросовъ нельзя не видѣть равносильно полнаго знанія своего дѣла и основанной на немъ „истинной самостоятельности", которая вполнѣ сознательно умѣетъ „спѣшить кстати и медлить во́-время".

Кровавый день Марсъ-ля-Тура не выяснилъ нѣмцамъ настоящаго положенія дѣлъ. Онъ не далъ имъ даже тѣхъ свѣдѣній,

которыя они могли бы добыть однимъ своевременнымъ, толковымъ поискомъ въ тылъ Мецу. Утромъ 17 августа нѣмцы все еще не поняли, что наканунѣ до ночи имѣли предъ собою всю армію маршала Базена; они насчитали только три французскихъ корпуса, о присутствіи же еще семи пѣхотныхъ дивизій (корпусá: Лямиро и Ле-Бефа) они ничего не знали.

Казалось бы за тѣмъ, что главнѣйшею заботою нѣмецкаго начальства въ затишный день 17 августа должна была быть самая обстоятельная развѣдка съ цѣлью раскрыть французовъ. Но французы, находившіеся еще утромъ того дня на виду самого короля Вильгельма и его штаба, вдругъ куда то изчезли для нѣмцевъ, и въ тотъ день болѣе не разысканы. Въ такомъ положеніи, то есть невѣдѣніи, застало нѣмцевъ и утро дня боя при Гравелётъ—Сенъ-Прива, не смотря на то, что они бóльшую часть предыдущаго дня и всю за нимъ ночь провели, такъ сказать, локоть объ локоть съ арміею маршала Базена, расположившеюся тутъ-же, на сильной позиціи, съ намѣреніемъ дать рѣшительный отпоръ.

Въ своемъ мѣстѣ [1]) достаточно выяснены настоящія причины этого поразительно-невѣроятнаго, но тѣмъ не менѣе вполнѣ достовѣрнаго факта; тамъ же доказано, что и тутъ главное нѣмецкое начальство упустило свои прямыя обязанности—заботу объ общихъ интересахъ, въ то время, когда командиръ 2ой арміи, принцъ Фридрихъ-Карлъ, подъ впечатлѣніемъ кроваваго кануна, болѣе чѣмъ когда либо поглощенъ былъ 17 августа частностями, касающимися собственно прямо подчиненныхъ ему войскъ. Король Вильгельмъ и принцъ Фридрихъ-Карлъ со своими штабами съ ранняго утра 17 августа находились вмѣстѣ (на высотѣ у Флявиньи); поэтому главнокомандующему не могло не быть извѣстно чтó именно сдѣлано командиромъ 2ой арміи, а чтó имъ упущено. Главному нѣмецкому начальству, которому подчинена была не только 2ая, но и 1ая арміи, необходимо было твердо взять въ свои руки общую систематическую развѣдку для раскрытія силъ и расположенія противника; но въ этомъ отношеніи ничего не было сдѣлано, хотя средствъ для обширныхъ поисковъ имѣлось вполнѣ достаточно [2]).

Нѣмцы, ничего не раскрывшіе въ теченіе 17 августа и за ночь на 18 число, начали передвиженія свои утромъ того дня

[1]) Выше стр. 60—64.

[2]) Если даже вовсе не считать войскъ, бывшихъ въ бою наканунѣ, а также саксонской конной дивизіи, направленной западнѣе, то и тогда къ полудню, примѣрно можно насчитать совершенно нетронутой конницы: 1-ую кавалерійскую дивизію и десять полковъ дивизіонной конницы отъ пяти свѣжихъ корпусовъ; такъ что, не оголяя совершенно пѣхоты отъ кавалеріи, не трудно было двинуть совершенно свѣжихъ 40—50 эскадроновъ при 60 до 70 конныхъ орудіяхъ; къ нимъ могли присоединиться и части кавалеріи, бывшія въ бою 16 числа, менѣе пострадавшія.

и продолжали ихъ, такъ сказать ощупью, частью подъ вліяніемъ предвзятыхъ, ни на чемъ не основанныхъ убѣжденій. Настоящая обстановка выяснилась предъ ними лишь постепенно. На непріятеля натыкались они разновременно, не соразмѣряя усилій своихъ (а слѣдовательно и приносимыхъ жертвъ) съ дѣйствительною потребностью. Такимъ образомъ открывалось тутъ широкое поле для самостоятельнаго почина частныхъ начальниковъ, который на этотъ разъ заявилъ о себѣ не только положительными, но и прямо-отрицательными примѣрами „стремленія впередъ", не всегда оправданными дѣйствительною обстановкою. Начну съ примѣровъ положительныхъ.

Командиръ 8го корпуса, генералъ Гебенъ, еще 16 числа рѣшилъ перевести за Мозель наличныя свои войска. Генералъ Штейнмецъ одобрилъ это предположеніе; онъ позаботился о томъ, чтобы понтонные парки пропущены были впередъ, и устроены мосты для скорѣйшей переправы и другаго, 7го корпуса его арміи. Такимъ образомъ предупреждены были послѣдующія приказанія главной королевской квартиры. Переправа обоихъ корпусовъ съ 1ою кавалерійскою дивизіею совершена была своевременно, такъ что утромъ 17 числа они находились уже на лѣвой сторонѣ Мозеля.

Генералъ Фохтсъ-Рецъ вечеромъ 16 числа разослалъ открытое воззваніе, прося, чтобы всѣ свободныя войска, насколько они не получили отъ принца Фридриха-Карла другихъ приказаній, явились съ разсвѣтомъ къ Тронвилю.

Находившійся ближе всѣхъ, въ Тіокурѣ, принцъ Георгъ Саксонскій, немедленно, еще ночью откликнулся на воззваніе Фохтсъ-Реца и переслалъ записку его въ сосѣдній, хотя и не близко находившійся прусскій гвардейскій корпусъ.

Гвардейскій корпусъ, какъ сказано выше, еще 16 числа стянулся болѣе къ сѣверу, предвидя возможность движенія въ этомъ направленіи.

Наконецъ и главная королевская квартира, не стѣсняясь, дала прямо отъ себя непосредственныя приказанія корпусамъ 2ой арміи, а именно 2му, 9му и 12му (саксонскому), ускоряя ихъ прибытіе на поддержку истощеннымъ боемъ войскамъ. Надо признать, что генералъ Мольтке, въ разрѣзъ принцу Фридриху-Карлу (вполнѣ предавшемуся предвзятой мысли, что французы находятся въ полномъ отступленіи къ р. Мезѣ), отнюдь не упускалъ изъ расчета возможности присутствія значительныхъ силъ непріятеля и у Меца. Доказательствомъ этому служитъ и уступной порядокъ наступленія нѣмцевъ 18 августа съ лѣваго (то есть болѣе дальняго отъ Меца) фланга. Двигавшіеся въ этомъ порядкѣ нѣмецкіе корпуса первой

линіи: 8ой, 9ый, гвардейскій и саксонскій (7ой стоялъ неподвижно), успѣли постепенно, по мѣрѣ выясненія обстановки, совершать захожденіе и развертываніе направо и закончить его охватомъ праваго фланга противника, хотя флангъ этотъ оказался гораздо дальше нежели предполагалось вначалѣ по раскрытіи присутствія французовъ на позиціи у Гравелёта.

При этомъ случаѣ командиры гвардейскаго и саксонскаго корпусовъ, дѣйствовавшихъ лѣвѣе остальныхъ, явили совершенно умѣстную самостоятельную распорядительность, предупредившую приказанія свыше. Это „предупрежденіе приказаній" было тутъ въ особенности важно и вѣско отразилось на окончательномъ, благополучномъ для нѣмцевъ исходѣ сраженія, ибо охватъ и аттака саксонцевъ могли совершиться только поздно вечеромъ, такъ что рѣшившій все дѣло охватъ при нѣкоторомъ промедленіи могъ и вовсе не состояться, а тогда день 18 августа окончился бы отраженіемъ нѣмцевъ по всей линіи.

Что касается другихъ частностей дѣйствій гвардейскаго прусскаго корпуса, то своевременное прибытіе его именно въ должномъ направленіи, а также и соотвѣтствующее обстановкѣ развитіе выжидательнаго, въ началѣ, боя были послѣдствіемъ вполнѣ раціональной, самостоятельной распорядительности его командира; но далеко не то приходится сказать объ аттакѣ на Сенъ-Прива, опрометчиво затѣянной и торопливо, безъ подготовки исполненной.

Нужно припомнить, что до аттаки гвардіи, артиллерія ея дѣйствовала по французскимъ батареямъ и по позиціи у Сенъ-Прива вообще, а лѣвѣе ея (сѣвернѣе) саксонская—подготовляла дѣйствіе обходной своей колонны. Собственно же самый пунктъ Сенъ-Прива, съ цѣлью подготовки аттаки, пока вовсе обстрѣливаемъ не былъ. Командиръ гвардейскаго корпуса, принцъ Виртембергскій, находился въ то время на крайне правомъ его флангѣ или, кажется вѣрнѣе, даже внѣ его—при принцѣ Фридрихѣ-Карлѣ. Въ исходѣ пятаго часа показалось принцу Виртембергскому, что воздѣйствіе обхода саксонцевъ заставляетъ себя ждать слишкомъ долго; поэтому принцъ съ разрѣшенія командира арміи повелъ немедленную общую аттаку на Сенъ-Прива всею наличною своею пѣхотою (три бригады, четвертая оставлена была въ резервъ 9го корпуса). Извѣстно, что пруссаки понесли тутъ страшныя потери и что взять Сенъ-Прива на сей разъ имъ не удалось.

Спрашивается, можетъ ли одобреніе старшаго, то есть командира арміи, разрѣшившаго аттаку, снять съ младшаго отвѣтственность за неудачный ея исходъ? Конечно нѣтъ. Дѣло командира арміи рѣшить, своевременна ли вообще аттака по общему ходу

событій, но вопросъ объ исполнимости ея, о томъ, созрѣло ли положеніе дѣлъ въ данномъ именно мѣстѣ настолько, что самая аттака обѣщаетъ успѣхъ вообще, лежитъ всецѣло на младшемъ начальникѣ, который, находясь ближе и спеціально слѣдя за мѣстнымъ ходомъ боя, лучше долженъ знать обстановку. Но дѣло въ томъ именно, что принцъ Виртембергскій не былъ „на мѣстѣ"; онъ не прослѣдилъ за тѣмъ, подготовлена ли артиллерійскимъ огнемъ аттака собственно „на Сенъ-Прива", наконецъ, онъ не находился въ должной связи съ сосѣднимъ, саксонскимъ корпусомъ и не зналъ, въ какой стадіи должно находиться обходное движеніе части войскъ послѣдняго.

Нельзя конечно сказать, чтобы преждевременная аттака гвардіи на Сенъ-Прива была прямымъ злоупотребленіемъ принципомъ „самостоятельности" (коль скоро она произведена съ вѣдома и согласія командира арміи), въ особенности если посмотрѣть на дѣло съ формальной только стороны, но тѣмъ не менѣе принцъ Фридрихъ-Карлъ вправѣ былъ ожидать, что воспитанный въ этомъ принципѣ начальникъ исполнитъ свои прямыя обязанности, то есть, что онъ не поведетъ неподготовленной а слѣдовательно и почти безнадежной аттаки. Случилось-же тутъ какъ разъ обратное, то есть, что неисполнившій своихъ обязанностей командиръ гвардейскаго корпуса не послушалъ представленія находившагося все время тутъ же на мѣстѣ командира 1ой гвардейской дивизіи, генерала Папе, который указывалъ, что аттака вовсе еще не подготовлена. Неудачный для нѣмцевъ исходъ аттаки какъ нельзя болѣе оправдалъ воззрѣніе Папе и показалъ какія гибельныя послѣдствія можетъ повлечь за собою игнорированіе „принципа самостоятельности", то есть въ данномъ случаѣ самостоятельнаго сужденія Папе, основаннаго на наблюденіи имъ дѣйствительной ближайшей обстановки.

Кстати здѣсь припомнить, что сила французской позиціи (въ особенности по удобству обстрѣла) была до того очевидна, что офицеръ саксонскаго генеральнаго штаба, до полудня издали только успѣвшій осмотрѣть мѣстность, доносилъ, что „позиція Сенъ-Прива—Ронкуръ возвышается въ видѣ гласиса, такъ что фронтальная аттака будетъ стоить многихъ жертвъ".

Преждевременная аттака прусской гвардіи была явленіемъ неединичнымъ въ день 18 августа. Еще ранѣе того 9ый корпусъ, генерала Манштейна, произвелъ подобную же аттаку въ окрестностяхъ Верневиля. Аттака эта, или вѣрнѣе артиллерійскій налетъ на „безпечныхъ" (по мнѣнію Манштейна) „французовъ" окончился какъ извѣстно полнымъ на первыхъ же порахъ пораженіемъ

артиллеріи 9го корпуса, какъ это выяснено въ своемъ мѣстѣ достаточно подробно [1]). Подчеркнуть можно только, что аттака предпринята была вопреки смысла полученнаго приказанія, безъ предварительной рекогносцировки позиціи французовъ и освѣщенія въ ту сторону, когда корпусъ еще отдыхалъ у Верневиля, не смотря на напоминанія со стороны командира арміи.

Не лишнимъ будетъ припомнить, что тотъ-же 9ый корпусъ въ кровавый день Марсъ-ля-Тура не подалъ своимъ крайне нужной помощи. Такимъ образомъ оказывается, что онъ въ одномъ случаѣ промедлилъ, а въ другомъ поторопился, и оба раза не во́-время и не кстати. Тутъ видимъ дѣятельность просто „по нраву", которая никакъ не вяжется съ принципомъ „самостоятельности", долженствующей упираться на полное знаніе дѣла и раціональную всякій разъ оцѣнку современной обстановки.

Опрометчивая аттака Манштейна повлекла за собою и преждевременное наступленіе 8го корпуса, Гебена. Вотъ какъ это случилось.

Начальникъ штаба 1ой арміи, генералъ Шперлингъ, лично прибылъ къ королю утромъ 18 числа и ознакомился съ общими видами и намѣреніями, которые, въ предѣлахъ невполнѣ тогда выяснившейся обстановки, состояли въ томъ, чтобы изъ корпусовъ 2ой арміи — 9ый аттаковалъ по направленію на Верневиль и лѣсъ Жениво, а гвардейскій и саксонскій — дѣйствовали еще лѣвѣе для прегражденія самаго сѣвернаго пути, на Бріей, или эвентуальнаго охвата праваго фланга французовъ (если они стали на позиціи тыломъ къ Мецу). Что касается арміи генерала Штейнмеца, то она должна была „аттаковать тогда, когда 2ая армія подвинется впередъ и будетъ готова къ дѣйствію".

Извѣстно, что приказаніе это передано было Гебену въ томъ видѣ, чтобы онъ „перешелъ въ наступленіе отъ Гравелёта по обѣ стороны шоссе на позиціи лежащія восточнѣе этого пункта, какъ только 9ый корпусъ вступитъ въ дѣло". Гебенъ же съ своей стороны еще упростилъ рѣшеніе данной ему задачи: онъ отдалъ приказаніе къ наступленію, то есть къ аттакѣ, когда около полудня „послышалась" пушечная и ружейная пальба со стороны Верневиля.

Въ этихъ дѣйствіяхъ Гебена встрѣчается поразительное сходство съ неудачнымъ наступленіемъ Ботмера въ Вертскомъ сраженіи, вслѣдствіе „канонады у Верта". Какъ тамъ, такъ и тутъ канонада случайная, вовсе не входившая въ соображеніе старшаго

[1]) Стр. 30—32 и 66—68.

начальника, послужила, такъ сказать, „исполнительною командою“ для одинаково преждевременныхъ неудачныхъ дѣйствій.

Оставивъ въ сторонѣ Вертское дѣло, поставимъ вопросъ, какимъ образомъ произошло преждевременное наступленіе Гебена? Съ виду казалось бы, что всѣ тутъ правы. Да и въ самомъ дѣлѣ, чего-же можно еще требовать отъ главнаго нѣмецкаго начальства? Оно достаточно обстоятельно объяснилось съ начальникомъ штаба арміи Штейнмеца и дало ему самыя раціональныя указанія. Извѣстно было, что 1ая армія должна аттаковать тогда, „когда 2ая подвинется болѣе впередъ и будетъ готова къ дѣйствію.“ Засимъ Штейнмецъ предполагаемое „вступленіе въ дѣло“ 9го корпуса, сосѣдняго Гебену, считалъ лучшимъ доказательствомъ готовности 2ой арміи. Наконецъ Гебенъ вывелъ заключеніе, что если 9ый корпусъ „стрѣляетъ,“ то, значитъ, „вступилъ въ дѣло“ или по меньшей мѣрѣ въ него „вступаетъ“.

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ вышло бы, что всѣ заключенія, а слѣдовательно и зависящія отъ нихъ распоряженія и дѣйствія нѣмецкихъ начальниковъ были вполнѣ правильны и цѣлесообразны. Но этого все таки никто не сказалъ, да и сказать не можетъ, хотя бы потому, что съ мѣста энергическая въ лобъ аттака у Гравелёта вовсе не входила въ виды и расчеты главнаго нѣмецкаго начальства. А изъ этого слѣдуетъ, что въ приведенной выше вереницѣ оправданій нѣмецкихъ начальниковъ кроется какая то фальшь или передержка. Дѣйствительно, не трудно замѣтить, что приведенныя (предполагаемыя) умозаключенія нѣмецкихъ начальниковъ, взятыя всѣ вмѣстѣ или порознь, построены на весьма шаткомъ основаніи, а именно на предположеніи, что „все сойдетъ совершенно гладко и безъ всякой запинки, такъ именно, какъ оно задумано“; но на подобныхъ же предположеніяхъ построены были, да и впредь строиться будутъ, всѣ оканчивающіеся собственнымъ пораженіемъ планы и маневры всевозможныхъ Мелясовъ и Альвинзіевъ. Между тѣмъ все практическое военное искусство состоитъ именно въ томъ, чтобы не полагаясь на то, что „все сойдетъ благополучно“, умѣть предвидѣть, а за симъ устранить или обойти всевозможныя тренія и препятствія. Обязанность эта прежде всѣхъ лежитъ на главнокомандующемъ. Посмотримъ, какъ главное нѣмецкое начальство исполнило тутъ свои обязанности.

При самомъ даже высшемъ развитіи принципа „самостоятельности частныхъ начальниковъ“ мы вправѣ ожидать и требовать, чтобы старшій начальникъ, во первыхъ, указалъ общую „цѣль“ дѣйствій, далѣе — распредѣлилъ „роли“ и разграничилъ „сферу“ дѣйствій между прямо подчиненными ему, независимыми другъ отъ

друга начальниками и, наконецъ,—чтобы онъ „все время“ согласовалъ дѣйствія этихъ же частныхъ начальниковъ въ видахъ достиженія общей цѣли.

Съ разъясненіемъ обстановки утра 18 числа (присутствіе значительныхъ силъ французовъ на позиціи въ окрестности Гравелёта) указана была нѣмецкимъ силамъ „общая цѣль“, то есть аттака и пораженіе противника посредствомъ охвата его праваго фланга. Уступной порядокъ наступленія, указанный Мольтке на 18 августа еще наканунѣ, точно по внушенію вѣщаго ума истиннаго стратега, дѣлалъ охватъ этотъ вполнѣ возможнымъ. Далѣе, ясно разграничены „сферы“ дѣйствій: Штейнмецу—отъ окрестностей Гравелёта и вправо, а принцу Фридриху-Карлу—влѣво. Подобнымъ же образомъ „распредѣлены были и „роли“ между обѣими арміями, а именно: для 2ой арміи—предварительное захожденіе, а главное — аттака съ охватомъ праваго фланга противника, и для 1ой—выжиданіе до времени, а затѣмъ—вспомогательная аттака.

Все это такъ; но куда же дѣлось „согласованіе дѣйствій“ обѣихъ армій? Оно очевидно должно было бы состоять прежде всего въ точномъ опредѣленіи „времени“, въ которое, въ зависимости отъ успѣха движенія и дѣйствій 2ой арміи, войска Штейнмеца должны были начать дѣло. Далѣе, самая „мѣра напряженія“, такъ сказать, дѣйствій 1ой арміи должна была зависѣть отъ хода дѣлъ у принца Фридриха-Карла и регулироваться приказаніями или указаніями главной королевской квартиры. А между тѣмъ главное нѣмецкое начальство все это всецѣло взвалило на Штейнмеца, или, вѣрнѣе сказать, предало на произволъ случая.

Дѣйствительно, какъ знать было Штейнмецу, что 2ая армія „достаточно уже подвинулась впередъ и готова къ дѣйствію“, коль скоро въ то время не было еще въ точности извѣстно гдѣ находятся главныя силы французовъ и—гдѣ ихъ нѣтъ? Какъ соразмѣрить Штейнмецу силу своихъ ударовъ съ неизвѣстнымъ ему общимъ положеніемъ дѣлъ и успѣхами принца Фридриха-Карла? Конечно, Штейнмецъ могъ вступить въ предварительную связь съ принцомъ Фридрихомъ-Карломъ, равно какъ и Гебенъ съ Манштейномъ, командиромъ 9го корпуса, чего они, сколько можно судить, не сдѣлали; но подобная связь между сосѣдями должна существовать вездѣ и всегда. Это обстоятельство, можно сказать совершенно стороннее, никакъ не снимаетъ съ главнокомандующаго отвѣтственности за исполненіе прямой его обязанности, то есть за сохраненіе единства цѣли и должной связи между дѣйствіями разныхъ, независимыхъ другъ отъ друга начальниковъ. Очевидно, связь между независимыми начальниками и даже возможно лучшее

согласованіе взаимныхъ дѣйствій все таки никакъ не въ состояніи „замѣнить“ вполнѣ успѣшно единоличнаго управленія свыше.

Сколько можно понять, главное нѣмецкое начальство скоро, хотя и поздно для исправленія дѣла, почувствовало свою ошибку. Отпустивъ Шперлинга въ 11½ часовъ, Мольтке уже черезъ полчаса писалъ съ высотъ Флявиньи:

„Слышный теперь бой передъ Верневилемъ только частный и не обусловливаетъ общей аттаки 1ой арміи. Сильныхъ массъ войскъ показывать не надо,—эвентуально только артиллерію для подготовки позднѣйшихъ дѣйствій“.

Но въ то время покатились уже „желѣзныя кости“ боеваго жребія, и пламя возгорѣвшагося сраженія пожирало все новыя и новыя, совершенно напрасныя жертвы.

Въ дѣйствіяхъ или, вѣрнѣе, въ бездѣйствіи главнаго нѣмецкаго начальства въ описанномъ случаѣ опять нельзя не видѣть неоднократно уже замѣченнаго „излишняго упованія“ на принципъ самостоятельности частныхъ начальниковъ. Отъ него требовали или ожидали того, чего онъ по самой сути дѣла дать не былъ въ состояніи; а вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ упущеніе или, вѣрнѣе, нарушеніе другаго основнаго принципа „единства мысли и воли“ при проведеніи въ дѣло военныхъ операцій. А между тѣмъ относительно разныхъ принциповъ можно, кажется, сказать тоже самое, что теорія законовъ гласитъ по отношенію равноправности отдѣльныхъ личностей, а именно, что „сфера свободы одного лица оканчивается тамъ, гдѣ начинается сфера свободы“ (или скажемъ просто дѣйствія) „другаго“.

Но если главное нѣмецкое начальство ошибалось, увлекаясь своимъ излюбленнымъ „новымъ“ принципомъ, то самый принципъ все таки ни въ чемъ тутъ не повиненъ. Виновны же тѣ, которые неправильно его примѣняли или, вѣрнѣе, сами еще не вполнѣ къ нему примѣнились.

Такъ, между прочимъ, писавшій приказаніе генералу Франзецкому, что корпусъ его назначается въ резервъ „праваго крыла“, подразумѣвая тутъ 1ую армію,—слишкомъ понадѣялся на догадливость получающаго приказаніе, такъ какъ такого дѣленія („правое крыло“) на дѣлѣ не существовало. Обстоятельство это послужило Франзецкому поводомъ къ отказу въ помощи по требованію командира „1ой арміи“. Положимъ, Франзецкій былъ, относительно, правъ; но съ другой стороны, въ виду принципа „самостоятельности“, онъ долженъ былъ воспользоваться трехчасовымъ личнымъ пребываніемъ своимъ на полѣ дѣйствій (до сказаннаго требованія Штейнмеца) для основательнаго изученія ближайшей обстановки. Если бы

онъ это исполнилъ, то едва-ли отказалъ бы Штейнмецу въ поддержкѣ подъ предлогомъ, или, пожалуй, по причинѣ того, что онъ назначенъ въ резервъ „праваго крыла", несуществовавшаго въ видѣ дѣйствительнаго органическаго дѣленія. Самую же аттаку у Гравелёта, когда получено было на то королевское приказаніе, Франзецкій, изучивъ заранѣе обстановку и подготовясь, могъ бы повести менѣе торопливо и не такъ кучисто, избѣжавъ этимъ многихъ напрасныхъ потерь.

Совершенно обратно, то есть вполнѣ въ духѣ принципа „самостоятельности частныхъ начальниковъ", распорядился принцъ Фридрихъ-Карлъ, отдавая подъ конецъ дня находившимся въ частныхъ резервахъ корпусамъ Фохтсъ-Реца и Франзецкаго свое (по отношенію, впрочемъ, 2го корпуса запоздалое) приказаніе: принять участіе въ бою „по своему усмотрѣнію"; причемъ принцъ, ближе знакомый съ обстановкою на лѣвой части боевой линіи, выразилъ и свое мнѣніе о способѣ участія дивизій Фохтсъ-Реца въ бою; Франзецкому же, какъ болѣе удаленному, предоставилъ совершенную свободу.

При разборѣ, въ своемъ мѣстѣ, предположеній нѣмцевъ послѣ Гравелётской побѣды, а также и дѣйствій блокадной ихъ арміи предъ Мецомъ, выяснилось главнымъ образомъ слѣдующее:

Нѣмцы, рѣшившись частью своихъ силъ (1ая и 2ая арміи, за отдѣленіемъ отъ нихъ трехъ корпусовъ) блокировать армію маршала Базена и одновременно двинуть остальную въ глубь непріятельской территоріи на Шалонъ (гдѣ собиралась новая французская армія) и Парижъ, столицу Франціи.

Оставленныя у Меца нѣмецкія силы не были достаточны для полнаго, одинаково сильнаго обложенія французовъ на обоихъ берегахъ Мозеля. А такъ какъ, въ особенности на первое время, было весьма важно не допустить Базена прорваться на западъ, то нѣмцамъ поневолѣ пришлось ослабить себя на правомъ, то есть восточномъ берегу рѣки. Королевское приказаніе отъ 19 августа (опредѣлившее новую организацію нѣмецкихъ силъ и новыя ихъ цѣли), — въ предвидѣніи возможности наступленія всей арміи маршала Базена на сравнительно слабыя и отдѣленныя Мозелемъ войска нѣмцевъ праваго берега рѣки, — высказалось, что они, „если нужно, должны уклониться отъ натиска превосходныхъ непріятельскихъ силъ". Предполагалось, повидимому, за лучшее выпустить Базена изъ блокады на правую сторону Мозеля съ тѣмъ, чтобы разбить его въ полѣ при невыгодныхъ для него стратегическихъ условіяхъ (обратный фронтъ).

Однако принцъ Фридрихъ-Карлъ, принявшій начальство надъ блокадною арміею, понялъ свою задачу совершенно иначе, чтобы не сказать — обратно. Онъ, какъ извѣстно, силою воспротивился попыткамъ французовъ къ прорыву на правый берегъ Мозеля (къ сѣверу), и этимъ предоставилъ Базену прекрасный случай одержать полную побѣду надъ частью нѣмецкихъ силъ. При этомъ принцъ самъ упустилъ возможность покончить съ Базеномъ тутъ же, въ нѣсколько дней; онъ не дозволилъ Базену оставить безопасное убѣжище (Мецъ) и стать въ самое невыгодное для французовъ положеніе, а именно между нейтральною границею и превосходными силами принца Фридриха-Карла. Такимъ образомъ даже при лучшемъ исходѣ для нѣмцевъ, то есть побѣдѣ ихъ при Нуассевилѣ, они, такъ сказать, „заставили" французовъ держаться еще два мѣсяца [1]). Что Базенъ, благодаря распоряженіямъ по блокадной нѣмецкой арміи, имѣлъ возможность уйти а именно на югъ — это признается самыми авторитетными нѣмецкими же писателями [2]).

Если бы Базенъ воспользовался промахами нѣмцевъ и недолго мѣшкая ушелъ изъ подъ блокады, то и Макъ-Магону нечего было бы упорствовать въ своемъ движеніи на востокъ (на выручку Базену); онъ могъ своевременно еще уклониться отъ направленныхъ на него ударовъ. Ни Седанской, ни Мецской капитуляціи тогда бы не было, и двойственная цѣль, поставленная себѣ нѣмцами послѣ Гравелётской побѣды, обратилось бы (какъ уже сказано было однажды) въ то, что народная мудрость называетъ „погонею за двумя зайцами".

Таковы могли бы быть послѣдствія „самостоятельныхъ распоряженій" командира блокадной нѣмецкой арміи передъ Мецомъ. Спрашивается невольно: было-ли тутъ со стороны командира арміи „ослушаніе", или хотя „злоупотребленіе предоставленною ему самостоятельностью?" Ни то, ни другое. Принцъ просто воспользовался предоставленною ему самостоятельностью и принялъ посильныя, наилучшія, по его мнѣнію, мѣры, надо признать — на этотъ разъ вполнѣ неудачныя. Оправдать эти мѣры едвали возможно; тѣмъ не менѣе, прежде чѣмъ обвинить подначальнаго, который такъ или иначе дѣйствовалъ по крайнему своему разумѣнію, позволительно опять таки спросить: „исполнило ли главное нѣмецкое начальство въ этомъ случаѣ всѣ свои обязанности?"

Правда, что въ приведенныхъ выше словахъ королевскаго повелѣнія 19 августа заключался довольно ясный намекъ на цѣлую

---

[1]) Выше, стр. 121—126.

[2]) Оффиціальною прусскою исторіею войны, принцемъ Гогенлоэ и Гофбауеромъ, авторомъ сочиненія „Нѣмецкая артиллерія въ битвахъ у Меца".

*

систему вполнѣ раціональныхъ дѣйствій; но, надо повторить, это былъ именно „намекъ“ и не больше, намекъ совершенно недостаточный, въ особенности въ виду оффиціально признаннаго у нѣмцевъ права самостоятельности частныхъ начальниковъ, а тѣмъ болѣе командировъ армій. Притомъ является юридическое, такъ сказать, сомнѣніе: могъ ли вообще для командира оставшейся въ отдѣлѣ арміи считаться на „все время впредь“ дѣйствій у Меца обязательнымъ къ исполненію „намекъ“, заключающійся въ королевскомъ приказаніи 19 августа, которое, такъ или иначе, все таки имѣло значеніе главнымъ образомъ только современное и едва ли могло забѣгать много впередъ въ неизвѣстную еще будущую обстановку?

Оставивъ поставленный выше вопросъ открытымъ и возвращаясь къ главному нѣмецкому начальству, нельзя не высказать, что если оно, вполнѣ впрочемъ справедливо, считало такой, а не иной способъ дѣйствій блокадной арміи подъ Мецомъ интегральною, такъ сказать, частью общаго своего плана будущихъ дѣйствій (блокада Базена и наступленіе на Макъ-Магона), то надо было дать въ этомъ именно смыслѣ „самыя категорическія и настоятельныя приказанія“, или же, по меньшей мѣрѣ, заручиться вполнѣ серіозными гарантіями, что „намекъ“, заключающійся въ королевскомъ приказаніи, понятъ начальствомъ блокадной арміи, оцѣненъ по всей его важности и „неуклонно проведенъ будетъ въ дѣло“. Но вмѣсто этого, со стороны нѣмецкаго главнокомандующаго, тутъ, какъ и неоднократно прежде, видѣнъ доведенный до крайности культъ принципа „самостоятельности“ командировъ армій, доходящій при сношеніяхъ съ ними, можно сказать, чуть ли не до застѣнчивости.

Покончивъ съ распоряженіями старшихъ начальниковъ, можно еще добавить, что изъ частностей дѣйствій нѣмцевъ подъ Мецомъ, а именно въ Нуассевильскомъ сраженіи, въ своемъ мѣстѣ указаны вполнѣ раціональныя дѣйствія генераловъ Мемерти, Война, затѣмъ — дѣятелей въ ночномъ отбитіи деревни Сервиньи и т. д., и въ особенности достойны вниманія рѣшенія командира 2ой прусской пѣхотной дивизіи, генерала Прицельвица, прикрывавшаго у Лякенекси склады, находящіеся сзади, въ Ремильи. Прицельвицъ, какъ извѣстно, будучи отдѣленъ отъ главной позиціи нѣмцевъ семиверстнымъ разстояніемъ и очутившись лицомъ къ лицу съ наступавшими частями французовъ, тѣмъ не менѣе, для обезпеченія и усиленія угрожаемаго французами лѣваго фланга главной позиціи, отрядилъ въ первый день сраженія одну свою бригаду, а на другой день — и бригаду генерала Война, отъ 7го корпуса, прибывшую

ему на помощь. Прицельвицъ во имя общихъ, болѣе важныхъ цѣлей не побоялся значительно ослабить своего отряда. Рѣшимость его основана была на вполнѣ вѣрной оцѣнкѣ общаго положенія дѣлъ, то есть просто на полномъ „знаніи своего дѣла", которое и должно быть корнемъ раціонально понимаемой „самостоятельности".

Незначительная стычка при Нуарѣ 29 августа или, вѣрнѣе, вызвавшая ее обстановка представляетъ особый интересъ съ точки зрѣнія разбираемыхъ тутъ вопросовъ.

Послѣ Гравелётскаго боя, нѣмцы, какъ извѣстно, отдѣливъ одну часть своихъ силъ для блокады Меца, направились съ остальною на западъ. Ближайшій предметъ этихъ послѣднихъ войскъ была вновь сформированная въ Шалонѣ французская армія маршала Макъ-Магона. Ее предполагалось охватить съ праваго фланга и оттѣснить отъ сообщеній съ Парижемъ. Нѣмцы наступали вначалѣ широкимъ фронтомъ: правѣе вновь сформированная 4ая армія, кронпринца Саксонскаго (три корпуса), а лѣвѣе—уступомъ впереди—3ья армія, кронпринца Прусскаго (пять съ половиною корпусовъ).

Когда выяснилось, что французы перешли изъ Шалона къ сѣверо-западу, въ Реймсъ, то и нѣмцы стянулись на походѣ болѣе къ правому своему флангу, съ пріобрѣтеніемъ же увѣренности, что противникъ пробирается сѣверными путями въ обходъ наступающихъ нѣмцевъ, съ намѣреніемъ идти къ Мецу на выручку Базену, обѣ нѣмецкія арміи повернули на сѣверъ, и съ 27 августа, полнымъ, такъ сказать, ходомъ пошли наперерѣзъ Макъ-Магону.

Къ вечеру 28 августа положеніе дѣлъ созрѣло уже на столько, что нѣмецкіе начальники приняли въ расчетъ близкую возможность настигнуть французовъ въ ихъ фланговомъ движеніи и разбивъ погнать на нейтральную, Бельгійскую границу, но для исполненія этого требовалось, во первыхъ, время, чтобы дать возможность подойти корпусамъ 3ей арміи, очутившимся уступомъ влѣво и позади 4ой (вслѣдствіе поворота всего фронта изъ западнаго направленія на сѣверъ), во вторыхъ, чтобы 4ая армія избѣгала пока частнаго столкновенія съ французами, въ которомъ послѣдніе легко могли имѣть превосходство силъ противъ войскъ кронпринца Саксонскаго.

На основаніи изложеннаго, въ королевской диспозиціи на 29 августа по отношенію 4ой арміи значилось: „для того, чтобы не вызывать непріятеля на бой, пока не будутъ собраны достаточныя силы, предоставляется усмотрѣнію командира 4ой арміи собрать корпуса 12ый и 4ый предварительно на оборонительной позиціи Ляндръ—Энкревиль", и далѣе, „что дальнѣйшее наступленіе"

(то есть распоряженіе для наступленія) „на путь Вузіеръ — Бюзанси—Стенэ главная королевская квартира предоставляетъ себѣ. Не исключается ближайшее занятіе его 4ою арміею, если ей противостоятъ слабыя силы противника“.

На бѣду нѣмецкая конница какъ разъ противъ фронта 4ой арміи потеряла 28 августа всякое прикосновеніе съ противникомъ. Тѣмъ не менѣе командиръ арміи, сдѣлавъ распоряженіе объ обширныхъ развѣдкахъ конницею утромъ 29 числа, двинулъ немедленно за нею цѣлыхъ два корпуса (саксонскій и гвардейскій) именно на линію, которую разрѣшалось занять въ такомъ только случаѣ, если непріятель тамъ „слабъ“. Въ дѣйствительности по близости оказалось цѣлыхъ два французскихъ корпуса (шесть пѣхотныхъ дивизій), а за ними другіе два (еще восемь пѣхотныхъ дивизій). Въ случаѣ рѣшительнаго наступленія французовъ пораженіе обоихъ нѣмецкихъ корпусовъ, выдвинутыхъ передъ общій фронтъ, и вѣроятно и 4го корпуса, насколько бы онъ подоспѣлъ на выручку своимъ, было вполнѣ вѣроятнымъ. Это признается и принцемъ Гогенлоэ, авторомъ сочиненія „Стратегическія письма“.

Не распространяясь болѣе объ этомъ дѣлѣ, достаточно подробно выясненномъ въ своемъ мѣстѣ [1]), нельзя однако не признать, что дѣйствія 4ой арміи нѣмцевъ 29 августа (къ счастію для нихъ закончившееся незначительною только стычкою у Нуаръ) были въ сущности типичнымъ, такъ сказать, „злоупотребленіемъ“ принципомъ самостоятельности, потому что безъ малѣйшихъ на то основаній нарушено было вполнѣ цѣлесообразное, данное свыше приказаніе. Не лишнимъ будетъ припомнить, что по причинѣ условій общей тогдашней стратегической обстановки, даже самый какой либо частный успѣхъ 4ой нѣмецкой арміи противъ французовъ долженъ бы былъ обратиться во вредъ нѣмцамъ, такъ какъ французы не могли не сознать тогда, наконецъ, опасности своего положенія, а благодаря отдаленности войскъ 3ей арміи, они успѣли бы избѣжать окончательной катастрофы посредствомъ быстраго отступленія.

Ограничиваясь прямо поставленною себѣ задачею, мы не можемъ развивать на этомъ мѣстѣ, да и вообще въ настоящемъ сочиненіи, такъ сказать „теоріи“ самостоятельности частныхъ начальниковъ. Тѣмъ не менѣе нельзя не выразить, хотя бы мимоходомъ, что частный начальникъ не только вправѣ, но даже положительно обязанъ „видоизмѣнять исполненіе“ по полученнымъ приказаніямъ, но только въ той мѣрѣ, въ какой „измѣняется самая обстановка“, противъ предполагавшейся въ моментъ отдачи полученныхъ прика-

[1]) Стр. 160—164.

заній; этого въ разбираемомъ случаѣ очевидно не было, а потому и дѣйствія 4ой арміи никакъ оправданы быть не могутъ. Этого вывода не можетъ поколебать и обычное въ подобныхъ случаяхъ (неудачнаго проявленія самостоятельности) заступничество оффиціальной прусской исторіи войны, тщетно старающейся подыскать основательные доводы для оправданія самовольныхъ дѣйствій 4ой арміи въ день 29 августа. Заступничество это доказываетъ только (какъ неоднократно замѣчено) сколь высоко нѣмцы цѣнятъ принципъ самостоятельности и какъ много ожидаютъ отъ него выгодъ, если готовы нести частичные отъ него убытки.

Послѣ Вейсенбургскаго дѣла, столкновеніе при Бомонѣ — первое, которое предвидѣно было нѣмецкимъ начальствомъ и, какъ вѣроятная эвентуальность, включено въ диспозицію [1]). Дѣйствительно, въ королевскомъ распоряженіи на 30 августа значилось между прочимъ: „Всѣ полученныя свѣдѣнія согласуются въ томъ, что непріятельская армія главными своими силами будетъ находиться завтра до полудня между Ле-Шенъ и Бомонъ, или эвентуально южнѣе этой линіи. Его Величество король приказываетъ аттаковать непріятеля“.

Хотя опредѣленіе района нахожденія подвижной цѣли (каковою при данной обстановкѣ была французская армія по отношенію нѣмцевъ) указано было въ диспозиціи въ общемъ вѣрно, но и тутъ въ частности встрѣчается неточность, не смотря на громадныя средства, то есть развѣдки многочисленной и вполнѣ надежной конницы. А именно французы главными своими силами оказались около полудня 30 августа не южнѣе, а какъ разъ на пути Ле-Шенъ — Бомонъ и сѣвернѣе его, а частью — даже за р. Мезою. Фактъ этотъ доказываетъ только, что на войнѣ возможность точнаго въ подробностяхъ предвидѣнія обстановки ограничивается немногими частными лишь случаями. Понятно, что чѣмъ менѣе точны свѣдѣнія, на которыхъ старшій начальникъ строитъ свои соображенія и планы, тѣмъ болѣе общи должны быть его распоряженія и тѣмъ бо́льшій просторъ обязанъ онъ предоставить почину своихъ подчиненныхъ. Въ такомъ именно духѣ и была выдержана королевская диспозиція на 30 число, разграничившая въ сущности только районы наступленія между обѣими арміями, послѣ указанія имъ общей цѣли.

[1]) Сраженія при Шпихернѣ, Вертѣ, Колёмбэ—Нуйли и Марсъ-ля-Турѣ вовсе не были предвидѣны нѣмцами, а королевская диспозиція на 18 августа (день Гравелётскаго боя) опредѣляла только первоначальное движеніе уступами; о возможности встрѣчи съ противникомъ она не упоминала.

Еще болѣе разительный примѣръ въ подтвержденіе высказаннаго выше представляютъ событія того же 30 числа въ 4ой нѣмецкой арміи.

Кронпринцъ Саксонскій, основываясь на разныхъ свѣдѣніяхъ и признакахъ, заключилъ, что французы отходятъ къ сѣверу, съ цѣлью переправиться за р. Мезу и что они вѣроятно захотятъ хотя временно удержаться на позиціи у Бомона, съ цѣлью прикрыть переправу своихъ войскъ. Предвидя затѣмъ столкновеніе у поименованнаго пункта, кронпринцъ дополнилъ свою диспозицію приказаніемъ, чтобы „отдѣльныя колонны войскъ, подвигавшіяся впередъ черезъ неудобное для поддержанія взаимной связи лѣсистое пространство, по достиженіи противоположной лѣсной опушки не наступали далѣе, а открывали только артиллерійскій огонь, въ ожиданіи другихъ колоннъ для одновременнаго съ ними наступленія".

А такъ какъ французы дѣйствительно оказались у Бомона, то казалось бы, что все тутъ было предвидѣно со стороны нѣмцевъ и что дѣло должно было развиться по мысли и волѣ старшаго начальника и при неуклонномъ исполненіи со стороны младшихъ. Но тѣмъ не менѣе частнымъ начальникамъ пришлось и тутъ распорядиться опять таки совершенно самостоятельно, придерживаясь не буквы полученныхъ приказаній, а общей мысли и духа распоряженій на 30 августа.

Припомнимъ, что головная часть 8ой пѣхотной дивизіи, генерала Шелера, выйдя изъ лѣсу, очутилась въ разстояніи менѣе 800 шаговъ отъ французовъ, стоявшихъ у Бомона не на позиціи, какъ вполнѣ раціонально ожидалъ кронпринцъ Саксонскій, а просто лагеремъ, безъ всякихъ мѣръ охраненія или предосторожности. Думать тутъ о выжидательной канонадѣ и чаять подхода не только другихъ колоннъ, но даже войскъ собственной дивизіи, было немыслимо, и передовымъ частямъ 8ой дивизіи сразу пришлось вступить въ настоящее сраженіе, открывъ дѣло однимъ только баталіономъ стрѣлковъ при двухъ батареяхъ.

Въ своемъ мѣстѣ описанъ и разобранъ этотъ эпизодъ, равно и мотивы дѣйствій нѣмецкихъ начальниковъ; остается добавить только, что и въ немъ находимъ еще одно доказательство сколь необходимъ и законенъ на войнѣ разумный, самостоятельный починъ частныхъ начальниковъ [1]).

Переходя къ Седанскому бою, приходится замѣтить, что нѣмецкое главное начальство грѣшило развѣ излишнимъ довѣріемъ къ „принципу самостоятельности" и никогда не стѣсняло почина

[1]) Выше: стр. 171—173 и 179—180.

своихъ подчиненныхъ. Примѣрами или, если угодно, образцами въ этомъ отношеніи, — но только, конечно, при данномъ составѣ начальниковъ и общемъ рвеніи, воодушевлявшемъ нѣмецкую армію, — были тѣ королевскія распоряженія, которыя дали нѣмцамъ блистательную Седанскую побѣду. Корнемъ этой побѣды, одержанной нѣмцами 1 сентября, былъ „приказъ по арміи", данный королемъ въ Бюзанси 30 августа, въ 11 часовъ вечера, для дѣйствій 31 числа.

Поименованный „приказъ" [1]), бывшій въ сущности самымъ типичнымъ „директивомъ", точно и ясно указывалъ цѣль операціи: „согнать непріятеля на возможно тѣсное пространство между р. Мезою и бельгійскою границею". Далѣе распредѣлялись роли между обѣими арміями, изъ коихъ на 4ую возлагалась „спеціальная обязанность недозволить непріятельскому лѣвому крылу уйти на востокъ", наконецъ рекомендовалось, чтобы „по возможности два корпуса ея наступали по правому берегу р. Мезы для того, чтобы взять во флангъ или тылъ эвентуальное расположеніе непріятеля у Музона". О 3ей арміи сказано было только, что она должна „подобнымъ же образомъ обратиться на фронтъ и правый флангъ противника".

Вотъ тѣ немногія простыя слова, которыя многочисленными частными нѣмецкими начальниками воплощены были въ одну обширную стратегическую операцію, давшую королю Вильгельму самую рѣшительную побѣду. Поистинѣ „мало словъ а бездна дѣла". Но много дѣла совершилось именно благодаря простору, предоставленному распорядительности частныхъ начальниковъ, то есть тѣхъ именно, которые, находясь на самомъ театрѣ событій, видѣли и въ каждый данный моментъ знали такія частности, которыя главной королевской квартирѣ извѣстны быть не могли.

Изъ описанія дѣйствій нѣмцевъ въ теченіе 31 августа видно, что не смотря на оказавшееся ошибочнымъ предположеніе, вошедшее въ королевскій приказъ (что французы эвентуально станутъ на позиціи противъ Музона), въ общемъ все сошло у нѣмцевъ совершенно гладко и правильно; а кронпринцъ Прусскій тогда еще, то есть 31 числа, охватилъ уже своими войсками и Седанскій районъ и завладѣлъ переправою Доншери ниже (западнѣе) этой крѣпости. На все это не было ни малѣйшаго намека въ королевскомъ приказѣ, который (допуская возможность боевой позиціи французовъ противъ Музона), казалось, скорѣе призывалъ къ скученію 3ей арміи къ правому ея флангу, нежели къ растяженію

[1]) Выше, стр. 205—206.

фронта ея влѣво. Но тутъ опредѣленіе „общей цѣли“ замѣняло собою всякія, болѣе точныя топографическія, такъ сказать, указанія. Главная королевская квартира никакъ не могла въ точности указать впередъ, гдѣ именно надо искать непріятеля, да она какъ будто объ этомъ и знать не хотѣла; она просто распредѣлила роли между обѣими арміями и указала имъ цѣль; искать же и отыскать противника предоставлялось командирамъ армій, пришедшихъ уже въ прикосновеніе съ противникомъ. Дѣйствительно, къ вечеру 31 августа съ одной стороны войска 4ой арміи преградили уже французамъ пути на востокъ, между р. Мезою и бельгійскою границею, а съ другой — 3ья армія протянулась на западъ и заняла переправу Доншери и Флизъ западнѣе Седана. Намѣченный двойной охватъ съ одной стороны былъ исполненъ, а съ другой — подготовленъ.

Цѣль дѣйствій 1 сентября осталась таже самая, которая была указана на 31 августа, и для достиженія ея не требовалось другаго распредѣленія ролей между обѣими арміями. Поэтому Мольтке на сей разъ отдалъ на 1 сентября кратчайшее изъ славящихся краткостью распоряженій своихъ, а именно „ровно никакое“. Нѣмецкое главное начальство явило тутъ высшее доказательство своего довѣрія къ частной распорядительности, а также — полное пренебреженіе къ традиціоннымъ формамъ и обрядностямъ тамъ, гдѣ онѣ по существу дѣла излишни.

Въ своемъ мѣстѣ сказано, что все дѣло королевскихъ распоряженій на 1 сентября ограничилось личнымъ объясненіемъ генераловъ Мольтке и Блюменталя (пополудни 31 августа въ Шемери, главной квартирѣ 3ей арміи), которое констатировало обоюдный тождественный взглядъ на положеніе дѣлъ и на вызываемыя имъ мѣры. Съ арміею кронпринца Саксонскаго Мольтке въ тотъ день, 31 августа, не имѣлъ никакихъ сношеній. Она пошла въ дѣло по приглашенію Блюменталя, сообразуясь съ сообщенной ей диспозиціей по 3ей арміи.

Конечно, дѣйствіе или, вѣрнѣе, бездѣйствіе главнаго нѣмецкаго начальства накануне Седанской побѣды есть своего рода „кунстштюкъ“—опытъ, можно сказать, „высшей школы“ управленія войсками, возможный при данной обстановкѣ и, добавимъ,— при данныхъ частныхъ начальникахъ. А потому изложенное приводится вовсе не какъ образецъ для непремѣннаго подражанія. Но этотъ примѣръ чуть-ли не „аскетической воздержности“ отъ непосредственнаго формальнаго управленія съ успѣхомъ можно противоставить поползновеніямъ къ хроническому опеканію подчиненныхъ, соединенному съ многорѣчивыми диспозиціями, инструк-

ціями, приказаніями и т. п. Выбирая же одинъ изъ двухъ, лучше приблизиться къ первому нежели къ послѣднему методу, хотя бы во имя изреченія: „Въ многоглаголаніи нѣсть спасенія".

Въ настоящей главѣ (и безъ того, быть можетъ, слишкомъ уже растянувшейся) вовсе не имѣлось въ виду воспроизвести сравнительный перечень всѣхъ общихъ и частныхъ у нѣмцевъ распоряженій и дѣйствій. Мы желали только, главнымъ образомъ, въ живыхъ примѣрахъ представить характеристику дѣятельности нѣмецкихъ начальниковъ и надлежащимъ свѣтомъ освѣтить „принципъ самостоятельности" такъ, какъ онъ былъ понятъ у нѣмцевъ и проведенъ ими въ дѣло. День Седана опять представилъ самое обширное поле примѣненія сказаннаго принципа, и на сей разъ какъ въ общемъ, такъ и въ частности самаго удачнаго. Не будемъ повторять всего того, что въ своемъ мѣстѣ [1]) высказано по этому предмету, ограничимся лишь приведеніемъ заключительныхъ словъ:

„...намѣченный только главною нѣмецкою квартирою двойной охватъ французовъ вполнѣ подготовленъ былъ въ деталяхъ командирами обѣихъ армій, а ближайшими исполнителями" (въ особенности командирами гвардейскаго и 5го корпусовъ) „обращенъ въ полное окруженіе и совершенный на мѣстѣ погромъ непріятеля. Разительное доказательство, что раціонально примѣненный принципъ самостоятельности частныхъ начальниковъ не только не умаляетъ проявленій мысли и воли старшаго, но, напротивъ того, значительно ихъ усиливаетъ".

Изъ всего сказаннаго выше можно вывести заключеніе, что львиная часть въ побѣдахъ нѣмцевъ принадлежитъ дѣятельности частныхъ ихъ начальниковъ, такъ что на долю старшихъ остается сравнительно немного. Но ошибочно было бы тою же пропорціею дѣятельности собственно на поляхъ битвъ мѣрить дѣйствительное участіе и заслуги старшихъ и младшихъ начальниковъ въ общемъ торжествѣ нѣмцевъ надъ французами. Дѣло въ томъ, что боевыя встрѣчи не составляютъ явленій отдѣльныхъ и оторванныхъ отъ общаго теченія войны. А между тѣмъ управленіе общимъ теченіемъ войны, то есть просто военными операціями есть именно неотъемлемая область старшаго начальства, равно какъ и подготовка боевыхъ силъ и политической обстановки до открытія войны. Все это — дѣло старшаго начальства. Но коль скоро боевыя силы появятся на театрѣ войны, и развернувшись приходятъ въ болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе съ противникомъ, то младшіе или частные

[1]) Выше, стр. 258—266.

военные начальники вступаютъ въ свои права или, вѣрнѣе, обязанности распоряжаться деталями дѣла. Вотъ почему дѣятельность младшихъ начальниковъ выступаетъ на первый планъ именно въ дни боевыхъ столкновеній, когда соприкосновеніе съ противникомъ дѣлается самымъ близкимъ и, можно сказать, самымъ интенсивнымъ.

Для того, чтобы понять и надлежаще оцѣнить истинную долю заслугъ высшаго нѣмецкаго или, вѣрнѣе, прусскаго начальства въ торжествахъ 1870 года (понимая тутъ слово „начальство" въ самомъ обширномъ смыслѣ), пришлось бы, съ одной стороны, обратиться къ оцѣнкѣ прусской военной системы, а съ другой — прослѣдить ту политически-дипломатическую работу, которою Пруссія подготовила себѣ удобную для войны съ Франціей почву.

Въ свою очередь, для надлежащей оцѣнки прусской военной системы пришлось бы вернуться едва ли не ко временамъ Штейна и Шарнгорста и прослѣдить затѣмъ все развитіе этого сложнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ живаго и цѣльнаго организма. Все это достойно совершенно отдѣльнаго обширнаго труда. А потому ограничусь тутъ повтореніемъ вывода Г. А. Леера въ мастерскомъ его сравнительномъ очеркѣ прусской и французской военныхъ системъ до войны 1870 года.

„Великіе успѣхи въ настоящую войну, приведшіе къ созданію въ центрѣ Европы могущественнаго государства, и еще болѣе великое будущее—перенесеніе политическаго центра въ Берлинъ; вотъ чѣмъ, ни болѣе ни менѣе, Пруссія обязана своей замѣчательной военной системѣ, давшей ей при самомъ открытіи военныхъ дѣйствій подавляющее численное превосходство надъ противникомъ" [1]).

Къ этому мы желали бы добавить только еще, что значительнымъ наличнымъ превосходствомъ силъ надъ французами при открытіи военныхъ дѣйствій Пруссія, сверхъ своей военной системы, обязана была и тонкой своей политикѣ.

Сопоставленіе за одно военной системы съ политикою можетъ показаться страннымъ, но на дѣлѣ между ними существуетъ связь самая тѣсная, можно сказать—родственная. Военная система даннаго государства даетъ наличныя боевыя его силы. Силы эти, не будучи даже употребляемы въ дѣло, тѣмъ не менѣе придаютъ вѣсъ внѣшней его политикѣ; послѣдняя же не должна ставить себѣ цѣлей, достиженіе коихъ превосходитъ военныя силы государства;

[1]) Публичныя лекціи о войнѣ 1870 года.

Весьма обстоятельный очеркъ военныхъ системъ и военной организаціи Франціи и Германіи помѣщенъ въ началѣ сочиненія, изданнаго прусскимъ генеральнымъ штабомъ „Франко-Германская война 1870—71 г.", отчасти уже изданнаго въ русскомъ переводѣ. Туда отсылаемъ читателя.

но искусная политика можетъ увеличить эти силы посредствомъ союзовъ [1]). Такимъ образомъ политика является дополненіемъ и почти продолженіемъ военной системы даннаго государства. Раціональная политика умѣетъ снискать себѣ союзниковъ, а малоискусная, напротивъ того, наживаетъ лишнихъ враговъ. Но насколько политика составляетъ дополненіе военной системы, настолько самая война является продолженіемъ политической дѣятельности государства, но только иными, насильственными средствами.

Знаменитый авторъ „Стратегіи", Блюме, начинаетъ сочиненіе свое словами: „Война есть насильственное дѣйствіе народовъ для достиженія или сохраненія государственныхъ интересовъ". Въ этомъ видѣ война будетъ ни болѣе, ни менѣе какъ продолженіе внѣшней государственной политики. Поэтому, какъ говоритъ принцъ Гогенлоэ въ своихъ „Стратегическихъ письмахъ": „Политика должна идти со стратегіею тѣсно, рука объ руку".

Фельдмаршалъ графъ Бергъ, высокообразованный и блистательный въ молодости своей воинъ, тѣмъ не менѣе дипломатъ въ душѣ, былъ однажды вызванъ высказать свое мнѣніе по вопросамъ государственныхъ вооруженій. Изложивъ свои взгляды и указавъ нужныя по его мнѣнію мѣры, графъ закончилъ свое посланіе словами: „....et surtout une bonne politique".

Дѣйствительно, война зараждается на почвѣ политики. Политика это та ворожея, которая рѣшаетъ судьбу войны еще у ея колыбели часто даже независимо достоинствъ вооруженныхъ силъ государства. Исторія видѣла не разъ безплодныя „Пирровы побѣды" и военныя торжества, обратившіяся въ концѣ концовъ во вредъ побѣдителю. Не говоря объ иныхъ поразительныхъ въ этомъ отношеніи примѣрахъ, достаточно припомнить, что одержанныя незадолго до войны 1870 года „Мексиканскія побѣды" ослабили Францію матеріально и поразили ее нравственно печальнымъ концомъ созданной ею эфемерной Мексиканской имперіи.

Пруссія, наоборотъ, мастерски умѣла подготовлять войну и обезпечивать ея успѣхъ предварительною искусною дипломатическою работою.

Въ 1864 году Пруссія, ополчившись на слабую Данію, все таки заручилась сильнымъ союзникомъ въ лицѣ Австріи. Посред

---

[1]) Представимъ себѣ два государства: А и Б, изъ коихъ первое, при данной военной системѣ, можетъ выставить 500 тысячъ войска, а другое—600. Если между этими государствами находится какое либо В, меньшее, могущее выставить армію въ 100 тысячъ, то В, присоединившись къ А, уравновѣситъ силы его съ силами Б, и наоборотъ: передавшись на сторону Б, дастъ ему перевѣсъ въ 200 тысячъ. Не трудно понять какія громадныя жертвы потребовались бы для того, чтобы собственными вооруженіями дойти до того положенія, которое между тѣмъ въ данный моментъ можетъ дать искусная политика.

ствомъ этого союза Пруссія отклонила возможность посторонняго дѣятельнаго вмѣшательства въ пользу Даніи; между тѣмъ какъ вовсе ненужный ей въ сущности австрійскій вспомогательный корпусъ служилъ ей болѣе политическимъ заложникомъ нежели военнымъ союзникомъ. Въ концѣ концовъ Пруссія руками своей же соперницы Австріи добыла себѣ двѣ новыя провинціи, половину Датскаго королевства.

Два года спустя между бывшими союзниками возгорѣлась война. На сторону Австріи стали всѣ почти Германскія государства. Пруссія со своею разорванною территоріею едва ли была въ состояніи оборонять ее. Но она усилилась союзомъ съ юнымъ Итальянскимъ королевствомъ и защитила себя самымъ энергическимъ наступленіемъ. Итальянцы потерпѣли пораженіе, но они притянули на себя лучшую армію и лучшаго австрійскаго полководца, и такимъ образомъ дали пруссакамъ возможность управиться съ остальными силами Австріи въ теченіе восьмидневной Богемской кампаніи. Немудрено, что торжествующая Пруссія достигла затѣмъ всего того, чего только сама пожелала; но и побитая Италія получила Венеціанскую область, которая, благодаря вмѣшательству Пруссіи, ускользнула отъ нея за семь до этого лѣтъ, не смотря на тогдашній союзъ итальянцевъ съ императоромъ Наполеономъ, побѣдителемъ при Маджентѣ и Сольферино.

Готовясь къ войнѣ съ Франціею, Пруссія сумѣла прикрыть свой тылъ благосклоннымъ ей нейтралитетомъ Россіи. Опираясь на общественное мнѣніе народовъ Германіи, она вынудила остальныя ея государства ополчиться противъ Франціи, не столько въ качествѣ равноправныхъ союзниковъ Пруссіи, сколько въ видѣ вассальныхъ ей провинцій.

Не менѣе искусно подготовлено было и употребленіе въ дѣло громадныхъ ополченій Германіи. Еще въ мемуарѣ, составленномъ генераломъ Мольтке зимою 1868 — 1869 года, расчитано было, что французы должны будутъ сосредоточиться въ двѣ группы: у Меца и Страсбурга, и рѣшено было, не вдаваясь въ непосредственную оборону Южно-Германской границы, сосредоточить всѣ силы между Люксембургомъ и Рейномъ лицомъ на югъ. Сосредоточеніе это было подготовлено на дѣлѣ и исполнено съ точностью часоваго механизма. Мемуаръ генерала Мольтке расчитывалъ, что на восемнадцатый день мобилизаціи на границѣ соберется десять корпусовъ и что на двадцатый къ нимъ прибудутъ всѣ почти обозы. Дѣйствительно, вторженіе въ Нижній-Эльзасъ, открытое Вейсенбургскою побѣдою, начато нѣмцами именно на двадцатый день мобилизаціи.

Общее численное превосходство нѣмцевъ (плодъ отличной военной системы и искусной политики) не только само по себѣ служило имъ залогомъ грядущихъ успѣховъ, но, будучи отлично сознаваемо нѣмецкими войсками, усугубляло ихъ смѣлость и предпріимчивость, давая имъ побѣды и тамъ, гдѣ нѣмцы на дѣлѣ оказывались слабѣе французовъ. Распорядительность старшаго нѣмецкаго начальства проявлялась даже на дѣлѣ тамъ, гдѣ начальство это какъ будто стушевывалось и на первый взглядъ совершенно оттѣснено было починомъ младшихъ. Такъ было и подъ Вертомъ. Дѣйствительно, если частные нѣмецкіе начальники и выиграли это дѣло помимо начальства 3ей нѣмецкой арміи, то не слѣдуетъ забывать, что раціональная и искусная группировка ея корпусовъ (одновременно фронтомъ на югъ и на западъ), дозволившая нѣмцамъ съ успѣхомъ аттаковать Макъ-Магона въ день 6 августа на Вертской позиціи, была прямымъ послѣдствіемъ диспозиціи кронпринца, отданной еще 4 августа на Вейсенбургскомъ побоищѣ.

Вотъ это и была заслуга командира арміи. Съ другой стороны извѣстно, что только самое энергичное настояніе главной королевской квартиры заставило армію кронпринца вторгнуться въ Нижній-Эльзасъ уже 4 августа, въ то именно время, когда французы не были тамъ еще сосредоточены и не приготовлены встрѣтить столь раннее вторженіе нѣмцевъ. Такимъ образомъ, хотя Вертская побѣда дѣйствительно одержана была одними только частными начальниками, но средства и случай къ этому дали имъ безусловно начальники старшіе.

Возвращаясь къ дѣйствіямъ главной королевской квартиры при началѣ войны, припомнимъ, что мемуаръ генерала Мольтке предвидѣлъ и эвентуальность ранняго сосредоточенія французовъ передъ Мецомъ до окончанія ихъ мобилизаціи, и когда это случилось на дѣлѣ, то нѣмцамы немедленно приняты были заранѣе обдуманныя и расчитанныя мѣры. Еслибы французы продолжали свое наступленіе, то скоро наткнулись бы на силы значительно превосходныя.

Когда, не смотря на вполнѣ правильныя воззрѣнія и распоряженія главнаго нѣмецкаго начальства, ему (благодаря частнымъ собственнымъ ошибкамъ) не удалось совладать со „стремленіемъ войскъ впередъ“ и избѣжать опаснаго и безцѣльнаго Шпихернскаго сраженія, то оно, по меньшей мѣрѣ умѣло воспользоваться этою побѣдою для дальнѣйшаго вторженія. При этомъ наступленіи главная королевская квартира, не стѣсняя командировъ армій, тѣмъ не менѣе умѣла направлять ихъ движенія и всегда была готова

встрѣтить возможное наступленіе французовъ въ критическій моментъ движеній мимо Меца.

Далѣе, хотя и нельзя отрицать, что именно частные нѣмецкіе начальники, генералы Гольцъ и Мантейфель, самостоятельною своею аттакою, поведенною 14 августа на отступавшихъ французовъ, сослужили своимъ хорошую службу, однако справедливость требуетъ добавить, что возможно было это только при раціональномъ общемъ распредѣленіи ролей между 1ою и 2ою нѣмецкими арміями распоряженіемъ главной королевской квартиры, передавшей Штейнмецу наблюденіе за французскою арміею, отошедшею къ Мецу. Съ другой стороны, прусскіе частные начальники могли 14 августа безъ задержки перейти въ наступленіе и занять готовящихся къ обратной переправѣ французовъ по всему ихъ фронту, потому только, что по распоряженію командира арміи, генерала Штейнмеца, къ сторонѣ Меца заранѣе выдвинуты были три прусскіе довольно сильные авангарда. Такимъ образомъ въ этой „стратегической" побѣдѣ нѣмцевъ видимъ опять вѣское, хотя и косвенное, участіе старшихъ ихъ начальниковъ.

При дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ главная королевская квартира вѣрно предугадала опасное положеніе корпуса Альвенслебена 16го августа за Мозелемъ и старалась подвинуть въ подмогу ему корпусъ Манштейна. Этимъ она по возможности исправляла отсутствіе своевременныхъ обширныхъ кавалерійскихъ поисковъ за Мозель и ошибку командира 2ой арміи, стремившагося впередъ, безъ должной заботы о разъясненіи положенія дѣлъ у Меца.

Хотя принцъ Фридрихъ-Карлъ, можно сказать, почти вовсе не участвовалъ въ управленіи тяжелымъ боемъ у Марсъ-ля-Тура, но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что желѣзная воля и духъ отваги полководца передавались его войскамъ и воплотились въ геройскихъ ихъ усиліяхъ, въ особенности 3го прусскаго корпуса, которымъ принцъ командовалъ до войны въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. Въ настоящей же главѣ упомянуто уже о вѣрномъ въ основаніи маневрѣ, предписанномъ королемъ Вильгельмомъ на 18 число. Маневръ этотъ дозволилъ нѣмцамъ безъ задержки и путаницы перемѣнить фронтъ и успѣшно сразиться съ французами, оказавшимися сверхъ всякаго чаянія нѣмцевъ на правомъ ихъ флангѣ, на грозной оборонительной позиціи.

Еще бо́льшаго одобренія заслуживаетъ рѣшимость нѣмецкаго начальства послѣ Гравелётскаго боя, рѣшимость, которая по моментальности своей и энергіи въ исполненіи можетъ найти аналогическое сходство развѣ только въ рѣшеніяхъ лучшихъ кавалерійскихъ вождей. Планъ, принятый нѣмцами послѣ Гравелётскаго боя

можетъ показаться обыденнымъ. Да онъ и былъ простъ въ основаніи своемъ (блокада Меца и наступленіе на армію Макъ-Магона). Штабные фезёры (тамъ гдѣ они допускаются) имѣютъ всегда наготовѣ не такіе еще „планы", одинъ другаго заманчивѣе, которыми они играютъ какъ жонглеръ своими шариками, но полководецъ долженъ изъ всѣхъ представляющихся ему дѣйствительно исполнимыхъ комбинацій непремѣнно остановиться на одной единственной, безповоротно бросивъ всѣ остальныя, какъ бы онѣ въ частностяхъ ни были заманчивы. Чѣмъ богаче умъ, знаніе и воображеніе полководца, тѣмъ болѣе комбинацій представится разомъ предъ его глазами и тѣмъ труднѣе будетъ для него окончательное рѣшеніе. Раздѣленіе силъ нѣмцевъ послѣ Гравелётскаго боя или рѣшеніе въ зимнее время перейти Балканы (послѣ взятія Плевны въ 1877 году) могутъ показаться очень просты, но для того, чтобы остановиться при этихъ именно комбинаціяхъ и взвалить на себя всю отвѣтственность за послѣдствія своего рѣшенія требуется желѣзная воля и характеръ истиннаго полководца, характеръ, который цѣнится по меньшей мѣрѣ наравнѣ со стратегическимъ знаніемъ [1]).

Нечего, кажется, припоминать съ какимъ искусствомъ поведены были дальнѣйшія операціи, съ какою моментальною опять рѣшимостью нѣмецкія силы перемѣнили фронтъ и устремились на пробиравшуюся къ Мецу армію Макъ-Магона. Дальнѣйшій подходъ къ противнику вообще и Седанская операція въ особенности могутъ служить образцомъ вполнѣ точнаго и энергическаго командованія свыше съ предоставленіемъ достаточнаго простора дѣятельности подчиненныхъ.

Наконецъ, въ видѣ общаго заключенія, приведу тутъ еще разъ сказанное уже въ предисловіи о истинныхъ большихъ заслугахъ нѣмецкаго главнаго начальства: „заключались онѣ главнымъ образомъ въ раціональномъ пониманіи сути войны и въ систематической общей и частной подготовкѣ предстоявшей борьбы. Во время же

---

[1]) Нелишне упомянуть, что рѣшеніе, которое кажется теперь столь простымъ, вовсе однако не было предвидѣно въ нѣмецкой арміи. Принцъ Гогенлоэ, одинъ изъ болѣе видныхъ дѣятелей войны 1870 г. и ученый авторъ извѣстныхъ военныхъ сочиненій, говоритъ, что многіе, даже самые авторитетные нѣмецкіе начальники увѣрены были, что ближайшія послѣ Гравелётской битвы операціи ограничатся блокадою Меца и ея прикрытіемъ стоя на мѣстѣ. Мольтке однако рѣшилъ прикрыть блокаду дальнѣйшимъ наступленіемъ.

Нечего, конечно, говорить, что если бы нѣмецкое главное начальство остановилось на комбинаціи блокады Меца и ея прикритія, то французы выиграли бы драгоцѣнное время для лучшаго снабженія Парижа и для новыхъ вооруженій, которыя безъ того, не смотря на Седанскій погромъ, скоро сдѣлались опасными для нѣмцевъ, такъ что принцу Фридриху Карлу тотчасъ послѣ сдачи Меца пришлось форсированными маршами двинуться на выручку дѣйствовавшихъ противъ Орлеана нѣмецкихъ силъ, тѣснимыхъ французами.

самой борьбы нѣмецкое начальство отличалось крайне энергичнымъ и вполнѣ сознательнымъ преслѣдованіемъ цѣлей самыхъ крупныхъ, ясно поставленныхъ"...

Плѣненіе двухъ непріятельскихъ армій—вотъ результатъ, достойный усилій нѣмецкаго старшаго начальства, поддержаннаго распорядительностью младшихъ.

IX.

Значеніе общаго и частнаго командованія въ испытанныхъ французами пораженіяхъ.

Подготовка войны.—Шпихернъ.—Вертъ.—Генералъ Фальи въ день Верта и послѣ него.—Базенъ и его сподвижники въ Мецѣ и у Меца.—Бомонъ и Седанъ.—Параллель между французскимъ и нѣмецкимъ командованіемъ.

Франція объявила войну Пруссіи, не подготовившись къ ней ни вооруженіями, ни политически. Превосходя всю Германію численностью своего населенія, обладая несравненно болѣе богатыми финансовыми средствами, Франція тѣмъ не менѣе не въ состояніи была выставить силы, сколько нибудь соотвѣтствующія ея затѣямъ. Вдобавокъ она не сумѣла во время обезпечить себя надежными военными союзниками и подготовить враговъ своему противнику — Пруссіи.

На днѣ внѣшней политики императора Наполеона по большей части скрывалась политика внутренняя, узко-династическая. Внѣшнія предпріятія должны были развлекать вниманіе нетерпѣливаго общественнаго мнѣнія во Франціи и удовлетворять національному ея самолюбію. Такая политика не могла быть цѣльною, серіозно направленною къ одной ближайшей крупной цѣли, готовою въ пользу ея пожертвовать менѣе важными интересами и посторонними уваженіями.

Императоръ упирался на сохраненіи свѣтской власти Римскаго папы; онъ не допускалъ имъ же самимъ вызванное новое Италіанское королество до исторической и естественной его столицы, Рима. Отстаивая давно отжившее учрежденіе, Наполеонъ III лишился возможности пріобрѣсть себѣ въ лицѣ Италіи цѣннаго союз-

ника въ то время, когда симпатіи италіанцевъ для Франціи были еще очень сильны [1]).

Императоръ Наполеонъ расчитывалъ начавъ войну привлечь на свою сторону Австрію и Италію и даже Южно-Германскія государства. Но онъ забылъ, что только побѣды даютъ друзей и союзниковъ. Иначе понималъ это дѣло великій дядя его, отвѣтившій поздравлявшему его прусскому уполномоченному Гарденбергу, „побѣды мои перемѣнили адресъ вашихъ поздравленій.“ Но именно для одержанія хотя бы первоначальныхъ успѣховъ нужны были Франціи надежные съ мѣста союзники, такъ какъ вооруженныя ея силы были менѣе силъ противника, даже безъ присоединенія къ нему Южно-Германскихъ государствъ (Баваріи, Виртемберга и Бадена).

Правда, что императоръ расчитывалъ неравенство силъ уравновѣсить быстрымъ наступленіемъ за Рейнъ, но подобными предположеніями онъ обличилъ только полное незнаніе свойствъ своей же организаціи и перевозочныхъ средствъ сравнительно съ непріятельскими. Это тѣмъ болѣе странно, что по завѣренію Деррекаге еще за нѣсколько лѣтъ до войны генералъ Фроссаръ въ мемуарѣ своемъ, составленномъ по порученію императора, прямо предвидѣлъ, что прусская армія въ превосходныхъ силахъ собравшись именно между Люксембургомъ и Рейномъ „ранѣе нежели французы будетъ готова и сосредоточена,“ и на этомъ основаніи Фроссаръ совѣтовалъ дѣйствовать оборонительно.

Дѣйствительно, въ началѣ августа, въ то время когда нѣмцы силою безъ малаго въ 400 т. человѣкъ (не считая войскъ, подходившихъ сзади) готовились перешагнуть границу, французы имѣли противъ нихъ немного болѣе 200 т., считая въ томъ числѣ даже войска собиравшіяся позади, у Шалона. Мечтавшіе о предупрежденіи пруссаковъ, французы нетолько не успѣли сосредоточиться въ моментъ вторженія непріятеля, но они къ тому времени не были даже еще вполнѣ укомплектованы [2]). Подобное неравенство силъ, разъ оно было сознано французскими начальниками, не могло не отразиться на ихъ нравственномъ настроеніи.

Первоначальное, ни на чемъ не основанное оптимистическое настроеніе французовъ и теоритическая ихъ предпріимчивость не

---

[1]) Доказывается это и послѣдующимъ участіемъ въ оборонѣ Французской территоріи дружинъ италіанскихъ добровольцевъ подъ начальствомъ Гарибальди, перваго патріота Италіи, одного изъ самыхъ видныхъ виновниковъ ея объединенія.

[2]) Доказывается это между прочимъ и тѣмъ, что не поспѣвшая еще по назначенію маршевая команда французскихъ резервистовъ принимала 6 августа участіе при оборонѣ Форбаха, а 4 августа въ сраженіи у Вейсенбурга нѣмцы въ числѣ плѣнныхъ взяли и нѣкоторое число резервистовъ полковъ, не принимавшихъ участія въ этомъ дѣлѣ.

*

знавшая ни числа, ни пространства, смѣнились скоро крайнею осторожностью, доходившею до полной пассивности или, вѣрнѣе, инертности, упускавшей самые лучшіе шансы. Проявилось это въ особенности послѣ первыхъ неудачъ французовъ. Такимъ образомъ несоотвѣтствующая военная система въ соединеніи съ медленностью мобилизаціи привела къ тому, что французы на первыхъ же порахъ очутились значительно слабѣе числомъ противъ непріятельскихъ силъ.

Числительность силъ Франціи, говоря вообще, не зависѣла единственно отъ доброй воли ея правительства. Исторія военно-административныхъ учрежденій Франціи послѣ паденія Наполеона I показываетъ непрерывный рядъ экспериментовъ, чтобы не сказать ухищреній, клонящихся къ тому, чтобы съ одной стороны поддержать съ виду принципъ общеобязательной личной воинской повинности, спасшій цѣлость Франціи отъ чужеземнаго нашествія въ эпоху революціи, а съ другой—потворствовать отвращенію къ личной военной службѣ, которымъ проникнуты были всѣ имущіе классы французскаго населенія. Понятно, что это послѣднее направленіе обыкновенно брало вверхъ, такъ какъ правительства возводились и законы писались классами имущими. При подобномъ направленіи годовой контингентъ новобранцевъ сокращался; отъ этого уменьшалась сумма готоваго запаса, прошедшаго черезъ ряды войскъ, а наконецъ — и общее число дѣйствительно боевыхъ силъ, которыя могла выставить Франція. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ оказалось, что штатныя цифры всѣхъ французскихъ силъ на случай войны (до которыхъ на дѣлѣ въ 1870 году она не дошла) показывали всего на все не болѣе 567 тысячъ человѣкъ строевыхъ и нестроевыхъ, между тѣмъ какъ нѣмецкіе отчеты за августъ мѣсяцъ показываютъ фактическую наличность германскихъ войскъ на продовольствіи въ милліонъ и 830 тысячъ человѣкъ. Итакъ Германія при меньшемъ общемъ населеніи сравнительно съ Франціею сразу выставила противъ нее силы болѣе нежели тройныя [1]).

---

[1]) Весьма поучительный выводъ можно сдѣлать изъ сопоставленія прямо противоположныхъ дѣйствій обоихъ правительствъ въ совершенно аналогичныхъ положеніяхъ. Въ Пруссіи народъ, хотя въ общемъ гораздо болѣе податливый въ вопросахъ военной подготовки, тѣмъ не менѣе, тоже далеко не симпатизировалъ съ иными реформами затѣиваемыми его правительствомъ. Доходило до прямыхъ отказовъ со стороны парламента; но Прусское правительство не отставало: оно добивалось намѣченныхъ реформъ тѣмъ или другимъ способомъ. Пруссія пережила свой періодъ „конфликта", то есть правленія наперекоръ парламенту, пока торжество надъ Австріею не примирило враждующій парламентъ, но „избранникъ французскаго народа", императоръ Наполеонъ III, не смѣлъ отважиться на то, на что рѣшался Вильгельмъ „Божьею милостью" король Прусскій во благо своему народу и государству.

Положимъ, что въ этомъ обстоятельствѣ общая вина французскаго народа покрываетъ собою частную вину его правительства вообще и военнаго начальства въ особенности. Но за всѣмъ тѣмъ военное французское начальство и въ предѣлахъ данной общей числительности своихъ боевыхъ силъ могло сдѣлать гораздо больше, начавъ по меньшей мѣрѣ съ надлежащаго изученія истиннаго положенія дѣлъ. А между тѣмъ оно не дало себѣ отчета въ томъ, что быстрымъ наступательнымъ дѣствіямъ, которыми предполагалось открыть войну, должна была предшествовать возможно скорая, но вмѣстѣ съ тѣмъ правильная мобилизація и своевременное стратегическое сосредоточеніе. На дѣлѣ же оказалось, что вторженіе нѣмцевъ застало французскія части даже невполнѣ укомплектованными отпускными. Въ этомъ конечно была полнѣйшая вина французскаго военнаго начальства. Послѣднее никакъ не умѣло отречься отъ вседавящей централизаціи, при которой немыслима правильная мобилизація, требующая, напротивъ, возможно бо́льшаго выдѣленія каждаго отдѣльнаго организма и мѣръ самыхъ простыхъ, несложныхъ.

Еще большій вредъ принесла французамъ идея безусловной централизаціи, перенесенная ими изъ сферы бюрократіи и мирной административной практики прямо на театръ войны. Мы видѣли, что эта идея полной централизаціи придавляла всякій починъ со стороны частныхъ французскихъ начальниковъ, которые поэтому и упускали самые благопріятные шансы, терпя пораженія даже тамъ, гдѣ побѣда принадлежала французамъ, такъ сказать, по праву.

Если прибавить къ этому нерѣшительность старшихъ французскихъ начальниковъ, частью связанныхъ императоромъ, частью же находившихся подъ впечатлѣніемъ первыхъ неудачъ и несостоятельности своей военной организаціи, то получимъ полнѣйшую антитезу всего того, что́ мы видѣли у нѣмцевъ.

Перейдемъ къ дѣйствіямъ французскихъ начальниковъ или, вѣрнѣе, къ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ имъ предстояло поле для дѣйствій.

Въ своемъ мѣстѣ подробно изложено было, что въ день Шпихернскаго боя четыре французскія пѣхотныя дивизіи корпуса Базена находились въ немногихъ часахъ ходу отъ поля сраженія, а между тѣмъ корпусъ Фроссара долженъ былъ одинъ вынести на себѣ всю тяжесть боя, оставаясь безъ всякой помощи и поддержки. Нечего повторять тутъ всего сказаннаго по этому поводу и подробно разобраннаго въ своемъ мѣстѣ, довольно вспо-

мнить, что изъ трехъ начальниковъ дивизій, направленныхъ на поддержку Фроссару, не только никто его не поддержалъ, но ни одинъ не вошелъ даже въ связь съ Фроссаромъ. Всѣ они, а равно и драгунская бригада (тоже направленная на поддержку Фроссару), вопреки всякому смыслу стратегической обстановки, бросили ночью данное имъ направленіе (прикрывавшее пути на Мецъ) и побѣжали въ сторону подъ предлогомъ присоединенія къ сбитому или, вѣрнѣе, считавшему себя сбитымъ къ Сааргемюнду Фроссару. Этимъ французскіе начальники исполняли полученное приказаніе „по буквѣ", ничуть не заботясь о „его смыслѣ и значеніи."

Нечего добавлять, что безтолковыя ночныя движенія истомили французскія войска физически и подорвали ихъ довѣріе къ начальникамъ. Поучительныя заключенія можно бы вывести изъ этого поведенія французскихъ начальниковъ, противопоставивъ имъ нѣмецкихъ, не только когда послѣдніе дѣйствовали вóвремя, но и тогда, когда они кстати бездѣйствовали. Намекается тутъ на поведеніе Гебена и Цастрова 14го августа подъ Мецомъ, когда эти генералы, вопреки запоздалыхъ приказаній Штейнмеца (первому „идти въ резервъ сражавшихся", а второму „отойти съ поля битвы на прежніе бивуаки"), остались оба на мѣстахъ и тѣмъ предохранили свои корпуса отъ напраснаго ночнаго утомленія. Справедливость требуетъ однако добавить, что командиръ арміи, Штейнмецъ, одобрилъ рѣшенія своихъ подчиненныхъ, Гебена и Цастрова, между тѣмъ какъ напримѣръ маршалъ Базенъ и черезъ тринадцать лѣтъ не можетъ забыть, что генералъ Лямиро (командиръ 4го корпуса) „осмѣлился" перемѣнить ночлежный пунктъ одной изъ своихъ дивизій, „не испросивъ но то предварительнаго разрѣшенія". Нетрудно понять, что мудрено дѣйствовать самостоятельно подчиненнымъ подобнаго Базену начальника. А между тѣмъ и другіе высшіе французскіе начальники проникнуты были тѣмъ же самымъ духомъ.

Въ своемъ мѣстѣ сказано было, что маршалъ Макъ-Магонъ нарочно пріѣхалъ изъ Страсбурга къ Вейсенбургу, чтобы на мѣстѣ рѣшить вопросъ, „можетъ-ли дивизія Абеля-Дуэ выдвинуть одинъ баталіонъ въ самый Вейсенбургъ или нѣтъ". Правда, что къ прибытію маршала (на высоты Голубятни) баталіонъ, о которомъ шла рѣчь, взятъ былъ уже въ плѣнъ баварцами, а самъ Дуэ палъ на полѣ битвы, разъ на всегда избѣжавъ всякихъ дальнѣйшихъ опеканій, исходившихъ не отъ одного лишь Макъ-Магона.

Извѣстно, что Дуэ для единства дѣйствій подчиненъ былъ генералу Дюкро. Это, конечно, было вполнѣ раціонально, но весьма странно было приказаніе, отданное по этому поводу, въ которомъ значилось между прочимъ... „Генералъ Дюкро, знакомый съ мѣстностью Вейсенбурга и съ окрестностями его, возметъ на себя трудъ указать расположенія, которыя придется назначить разнымъ частямъ дивизіи Дуэ.“ Этимъ съ одной стороны какъ будто признавалось невозможнымъ дѣйствовать на мѣстности „лично незнакомой“, а съ другой — намекалось на то, что Дуэ безъ постороннихъ указаній не сумѣетъ управиться со своею дивизіею.

Но какъ бы то ни было, довольно того, что Дюкро въ полной мѣрѣ воспользовался своимъ правомъ и особенною „инструкціей“, данной Дуэ (надо замѣтить изъ Рейхсхофена). точно распредѣлилъ его войска, такъ что Дуэ оставалось только стать и ждать аттаки, чтобы быть разбитымъ на позиціи, которую избралъ не онъ самъ и въ расположеніи войскъ свыше ему предписанномъ [1]). Но заботясь о мелочахъ, опекая своихъ подчиненныхъ, маршалъ Макъ-Магонъ не исполнилъ между тѣмъ своихъ собственныхъ прямыхъ обязанностей. Отправляя Дуэ къ Вейсенбургу, онъ не объяснилъ ему даже просто „цѣли“ этой командировки. Маршалъ точно такъже не позаботился о должныхъ своевременныхъ развѣдкахъ и далъ сраженіе у Верта, не смотря на то, что по свидѣтельству Дерреkаге имѣлись вполнѣ достаточныя данныя, доказывающія, что нѣмцы наступаютъ въ силахъ очень значительныхъ. Наконецъ и эта „рѣшимость“ Макъ-Магона была едва-ли не плодомъ именно „пассивности“, хватающейся за все чужое лишь бы готовое, во избѣжаніе необходимости рѣшиться на что либо самостоятельно, на свой рискъ и страхъ. Въ своемъ мѣстѣ сказано было, что „позиціи“ Вейсенбургская и Вертская указаны были (въ видахъ обороны Нижняго-Эльзаса) еще въ мемуарѣ генерала Фроссара, составленномъ по порученію императора Наполеона задолго до описываемой войны. Макъ-Магонъ такъ и позволилъ разбить себя на обѣихъ этихъ позиціяхъ [2]).

Въ дѣятельности генерала Фальи въ эпоху Вертскаго сраженія надо отличить два періода: въ первомъ изъ нихъ (когда дѣло шло о поддержаніи Макъ-Магона) Фальи заявилъ извѣстную самостоятельность, но, къ сожалѣнію, склонившую его только къ без-

[1]) Т. I, стр 147—8 сего сочиненія.
[2]) Т. I, стр. 144—5. сего сочиненія.

дѣйствію или по меньшей мѣрѣ къ такой относительной медленности, которая въ сущности равнялась именно полному бездѣйствію.

Во второмъ періодѣ (по полученіи свѣдѣнія о пораженіи при Вертѣ) Фальи заявилъ горячечную дѣятельность и большую подвижность, но сводившуюся въ сущности только къ стремленію инертнаго тѣла, повинующагося закону притяженія. Притягательною для Фальи силою являлось теперь только исполняемое имъ приказаніе „присоединиться къ Макъ-Магону", не смотря на то, что обстановка уже измѣнилась. Дѣйствительно, коль скоро Фальи не поддержалъ во́-время Макъ-Магона, а послѣдній потерпѣвъ пораженіе отступалъ на Савернъ, то казалось бы, что по меньшей мѣрѣ стоило основательно разобрать, не лучше ли употребить свѣжія еще войска Фальи въ иномъ какомъ либо направленіи, хотя-бы напримѣръ для усиленія войскъ Фроссара и Базена (которыя, какъ извѣстно было Фальи изъ телеграммы Ле-Бефа, тоже аттакованы были нѣмцами), или вообще отойти на Мецскую армію?

Не задавясь никакими подобными разсужденіями, Фальи, цѣпляясь видимо „буквы" полученныхъ приказаній, рѣшилъ теперь непремѣнно „поддержать Макъ-Магона", не смотря на то, что съ тѣхъ поръ какъ даны были тѣ приказанія обстановка совершенно уже измѣнилась. Но и это свое „рѣшеніе" Фальи не сумѣлъ исполнить на свой страхъ и отвѣтственность, но созвалъ военный совѣтъ. Съ другой стороны, постановка вопросовъ предложенныхъ совѣту на рѣшеніе была такая, что совѣту осталось только рѣшить „идти на присоединеніе къ маршалу Макъ-Магону," бросивъ обозы у Бича и въ числѣ ихъ „по ошибкѣ" и часть повозокъ артиллерійскихъ [1]). Такимъ образомъ Фальи, который въ другомъ направленіи могъ принести пользу общему дѣлу, ограничилъ свою роль участіемъ въ отступленіи Макъ-Магона. Двукратныя приказанія императора, сообщенныя Фальи телеграмами 9 и 10 августа, не могли вырвать его изъ этого отступленія или, вѣрнѣе, бѣгства безъ оглядки. Императоръ призывалъ Фальи идти къ Нанси, съ тѣмъ чтобы (какъ сказано было) направлять его оттуда къ Мецу или Шалону.

---

[1]) Вотъ эти вопросы, согласно сочиненію генерала Фальи „Campagne de 1870. Opérations et marches du 5 Corps etc.

1. Принять-ли сраженіе подъ стѣнами Бича?

2. Слѣдовать-ли отступательному движенію маршала Макъ-Магона?

Очевидно, что предложеніе заключающееся въ первомъ вопросѣ лишено было всякаго смысла; подтверждается это даже просто тѣмъ, что цѣль сраженія у Бича вовсе не указана. Совѣтъ дѣйствительно „послѣ всесторонняго обсужденія" рѣшилъ, что первое предложеніе принято быть не можетъ.

Подробности о дѣйствіяхъ корпуса Фальи взятыя изъ поименованнаго сочиненія стр. 16—23.

Изъ сочиненія генерала Фальи видно, что онъ съ главными своими силами могъ 11 августа достигнуть Нанси; остальныя его войска подоспѣли бы туда же 12 числа. Такимъ образомъ Фальи, при дальнѣйшемъ движеніи къ Мецу, предстояла полная возможность предупредить противника у весьма важной переправы черезъ Мозель у Понтъ-а-Муссона (одинъ переходъ отъ Нанси и столько же отъ Меца) или выбить оттуда и перебросить за рѣку единственную 19ю прусскую дивизію, прибывшую къ сказанной переправѣ 13 августа пополудни и отдѣлившую два баталіона къ Діелюаръ (переправа черезъ Мозель къ сторонѣ Нанси).

Но на бѣду маршалъ Ле-Бефъ во вторичномъ своемъ приказаніи счелъ нужнымъ добавить, что еслибы Фальи былъ „предупрежденъ въ Нанси нѣмцами", то ему „во избѣжаніе столкновенія съ превосходными силами непріятеля" указывалось движеніе болѣе къ югу.

Хотя Фальи въ то время (10 августа) находился въ Люневилѣ, въ переходѣ отъ Нанси, и положительно зналъ, что въ то время непріятель въ той сторонѣ не показывался, онъ тѣмъ не менѣе подъ предлогомъ разныхъ воображаемыхъ опасеній ухватился за безопасное движеніе къ югу, потому что иначе ему пришлось бы (по его словамъ) „взять на себя рѣшеніе и взвалить на себя же серіозную отвѣтственность." Такъ вотъ это то опасеніе передъ „отвѣтственностью" и гнало Фальи подальше, независимо отъ опасеній передъ непріятелемъ, котораго онъ воображалъ себѣ чуть не со всѣхъ сторонъ.

Оправдывая свое рѣшеніе разными „стратегическими" соображеніями, генералъ Фальи въ отвѣтѣ своемъ маршалу Ле-Бефу утѣшаетъ послѣдняго тѣмъ, что онъ „только пройдетъ черезъ Шармъ" (къ югу и нѣсколько западнѣе Люневиля) „съ тѣмъ, чтобы оттуда черезъ Везелизъ достигнуть Туля" (переходъ западнѣе Нанси на пути въ Шалонъ и Парижъ). Далѣе, по предполагаемомъ сосредоточеніи своего корпуса у Туля, Фальи сулилъ всевозможныя „дѣянія": онъ хотѣлъ занять долину Мозеля, прикрывать дорогу на Шалонъ и Парижъ, наступать на Нанси и выбить оттуда непріятеля, идти къ Мецу и т. п. Все это, конечно, были не болѣе какъ „набожныя пожеланія" генерала Фальи, да и то въ лучшемъ случаѣ. Въ дѣйствительности-же едва ли самъ авторъ бралъ въ серіозъ все имъ написанное.

Вся несостоятельность и пустота этого „стратегическаго" фантазерства явствуетъ хотя-бы изъ того, что генералъ Фальи, который, находясь въ Люневилѣ (въ одномъ переходѣ отъ Нанси и въ двухъ отъ Туля), боялся быть тамъ настигнутымъ превосходными

силами непріятеля, вдругъ обѣщаетъ занять Туль посредствомъ кружнаго движенія черезъ Шармъ, на которое требовалось никакъ не менѣе четырехъ переходовъ. Что генералъ Фальи вовсе не думалъ объ исполненіи написаннаго имъ, доказывается и тѣмъ, что когда императоръ 12 августа потребовалъ дѣйствительнаго исполненія предположеній Фальи, то есть движенія къ Тулю, то оказалось, что войска корпуса Фальи очутились между тѣмъ южнѣе колоннъ Макъ-Магона (а не сѣвернѣе, какъ слѣдовало ожидать), такъ что для достиженія Туля пришлось бы скрестить походныя колонны обоихъ корпусовъ.

Мы остановились такъ долго на дѣйствіяхъ и сужденіяхъ генерала Фальи потому именно, что они представляютъ собою вполнѣ характерный образчикъ думъ и разсужденій всѣхъ почти тогдашнихъ французскихъ дѣятелей. Они обличаютъ самое шаткое знаніе своего дѣла, неумѣнье оцѣнить и взвѣсить общую обстановку; отсюда проистекала боязнь предъ отвѣтственностью, а слѣдовательно и предъ встрѣчею съ непріятелемъ.

Весьма любопытно противоставить тутъ генералу Фальи командира 10го прусскаго корпуса, генерала Фохтсъ-Реца; въ то время, когда первый изъ нихъ, запугавъ самъ себя воображаемымъ непріятелемъ, уходилъ подальше отъ Нанси „вопреки настоящему смыслу полученнаго приказанія", въ то же самое время Фохтсъ-Рецъ, „предупреждая приказанія свыше", направилъ 12 числа одну дивизію пѣхоты усиленнымъ движеніемъ къ р. Мозелю. Дивизія эта уже 13 числа и заняла важныя переправы черезъ Мозель, Понтъ-а-Муссонъ и Діелюаръ.

Въ своемъ мѣстѣ подробно указано, что все командованіе Рейнскою арміею императора Наполеона III было съ одной стороны непрерывнымъ ухищреніемъ, клонящимся къ тому, чтобы себѣ приписать возможный успѣхъ, а неудачу свалить на другаго, то есть на Базена. Послѣдній постоянно является „чѣмъ-то, въ роли чего-то", все получаетъ разныя назначенія и наименованія; но онъ въ сущности до самаго выбытія императора изъ арміи, состоявшагося только подъ громъ утренней канонады боя 16 августа, не свободенъ въ своихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ. [1]).

[1]) Маршалу Базену съ самаго начала мобилизаціи подчинялись номинально временно всѣ корпуса Рейнской арміи до прибытія Ле-Бефа, то есть 20 августа. Затѣмъ 30 числа ему подчинены были войска, долженствовавшія участвовать въ наступленіи на р. Саару, кончившемся рекогносцировочною стычкою 2 августа у Саарбрюкена. 5 августа Базену подчинены были корпуса 2-ой и 4-ый, затѣмъ 9 августа Базенъ назначенъ былъ главнокомандующимъ надъ корпусами 2-ымъ, 3-имъ и 4-ымъ наконецъ, 12 августа маршалъ назначенъ былъ главнокомандующимъ Рейнскою арміею, то есть всѣхъ дѣйствующихъ войскъ Франціи

Нечего повторять тутъ всего высказаннаго въ своемъ мѣстѣ [1]) по этому поводу; достаточно припомнить, что императоръ (во время личнаго еще командованія всею Рейнскою арміею) распоряжался дивизіями чуть не поименно, да и потомъ продолжалъ давать непосредственныя приказанія подчиненнымъ Базена. Во французской арміи дошло до того, что никто не зналъ, кого ему слушаться и чѣмъ распоряжаться. Даже сдавъ маршалу Базену командованіе „Рейнскою арміею", императоръ продолжалъ свое опеканіе требованіемъ, чтобы маршалъ повелъ армію за р. Мозель, между тѣмъ какъ Базенъ (по его завѣренію) хотѣлъ напасть на нѣмцевъ. Самое назначеніе маршалу начальника штаба помимо его воли и желанія было, въ сущности, продолженіемъ все той же опеки и надъ „главнокомандующимъ Рейнскою арміею".

Маршалъ Базенъ, будучи предоставленъ самому себѣ, быть можетъ одержалъ бы по крайней мѣрѣ какой либо тактическій успѣхъ впереди Меца (чему прекрасный случай представился ему 14 августа, во время аттаки Мантейфеля и Гольца), но будучи связанъ императоромъ, маршалъ не наказалъ смѣлаго противника и вмѣстѣ съ тѣмъ (въ сущности по винѣ навязаннаго ему штаба) запоздалъ и отступительною переправою за Мозель.

Дѣло 14 августа представляетъ еще примѣръ неудачнаго движенія „на выстрѣлы". Въ моментъ аттаки пруссаковъ на стоявшія впереди Меца части арміи Базена французы были уже въ полномъ ходу своей отступательной переправы. Между прочимъ, успѣли уже переправиться и двѣ пѣхотныя дивизіи корпуса Лямиро. И вотъ, въ виду возгорающагося боя генералъ Лямиро прекращаетъ переправу и ведетъ двѣ свои дивизіи обратно черезъ Мозель на встрѣчу непріятелю. Въ своемъ мѣстѣ достаточно выяснено, что разъ французы начали переправу, то всякое промедленіе ея было противно ихъ интересамъ. Такимъ образомъ, въ дѣйствіи генерала Лямиро мы видимъ неудачное примѣненіе принципа самостоятельности или, вѣрнѣе (по совершенному невѣдѣнію французовъ о чемъ либо подобномъ), просто принципъ „хожденія на выстрѣлы". Это обратное движеніе двухъ французскихъ дивизій и было одною изъ самыхъ осязательныхъ выгодъ, которую пруссаки достигли смѣлою своею аттакою 14 августа. Утомленныя излишними передвиженіями, ночью, проведенною безъ огня и пищи, войска Лямиро и 15 числа подвинулись весьма немного, такъ что 16 числа до вступленія въ бой пришлось имъ сдѣлать переходъ довольно значительный. Это послѣднее обстоятельство послужило предлогомъ слабой дѣятельности

---

[1]) Томъ I, стр. 56—64 и 268—278 сего сочиненія.

Лямиро въ бою подъ Марсъ-ля-Туромъ—въ бою, который именно войсками Лямиро легко могъ быть обращенъ въ самую рѣшительную для французовъ побѣду, какъ это достаточно выяснено въ своемъ мѣстѣ.

Въ свою очередь наличные наканунѣ этого боя на лѣвомъ берегу Мозеля французскіе начальники, Фортонъ и Фроссаръ, не сумѣли разъяснить обстановки. Послѣдній 16 числа не только не прикрылъ корпуса Фроссара отъ нападенія пруссаковъ, но допустилъ послѣднихъ даже просто обстрѣлять бивуаки французской пѣхоты, не предупрежденной даже Фортономъ о близости непріятеля.

Такимъ образомъ видимъ, что между тѣмъ какъ у нѣмцевъ частные начальники, привыкшіе къ самостоятельному сужденію и осмысленной дѣятельности, „развивали и дополняли" распоряженія старшихъ, „предупреждали" ихъ нерѣдко и даже просто „исправляли промахи", свыше допущенные, французскіе вредили обоюдному дѣлу кто бездѣятельностью, а кто и дѣйствіемъ.

Весьма яркій примѣръ обоюдныхъ, діаметрально противоположныхъ взглядовъ на дѣло въ двухъ противныхъ арміяхъ мы находимъ между прочимъ и въ описаніи Гравелётскаго сраженія. Между тѣмъ какъ Базенъ спустя 13 лѣтъ укоряетъ Канробера въ занятіи имъ (сказать мимоходомъ, вполнѣ раціональномъ) передоваго пункта Сентъ-Мари, а въ день боя, отправляя Бурбаки на поддержку правой части своего фронта, стѣсняетъ его дѣятельность условіемъ снестись предварительно съ Лямиро и Канробером, въ то же самое время принцъ Фридрихъ-Карлъ посылаетъ своимъ резервнымъ корпусамъ, 2му и 10му, просто приказаніе „аттаковать по усмотрѣнію ихъ командировъ".

Независимо отъ указанныхъ выше обстоятельствъ и частностей не слѣдуетъ забывать, что французскій главнокомандующій, маршалъ Базенъ, не былъ проникнутъ полнымъ сознаніемъ дѣйствительной стратегической обстановки, среди коей разыгрывались боевыя схватки вокругъ Меца; вмѣсто самой крайней энергіи маршалъ выказалъ вялость и нерѣшительность. Базенъ 16 августа у Марсъ-ля-Тура не сознавалъ того, что онъ непремѣнно „долженъ" разбить тамъ нѣмцевъ. Вмѣсто самаго энергическаго наступленія (на преграждавшихъ ему путь нѣмцевъ), которое одно могло обезпечить дальнѣйшее движеніе французовъ за р. Мезу, Базенъ держался пассивной обороны.

Такъ же пассивно держался себя Базенъ и въ день Гравелёта, 18 августа; тамъ онъ уже заранѣе, до начала сраженія, помирился съ мыслью о необходимости уступить непріятелю свою позицію. Поддаваясь опасеніямъ за свой въ дѣйствительности вполнѣ безопасный лѣвый флангъ, Базенъ не усилилъ во-время подверженнаго

охвату праваго и тѣмъ упустилъ возможность (по меньшей мѣрѣ въ тотъ день) отбить всѣ аттаки нѣмцевъ.

Тѣ же самыя отрицательныя свойства Базеновскаго командованія обличаются какъ въ попыткахъ его къ освобожденію изъ-подъ Мецской блокады вообще, такъ и въ сраженіи при Нуассевилѣ въ особенности; независимо отъ крупныхъ промаховъ—неурядицы при переправѣ (предшествовавшей сраженію) и неправильнаго въ немъ распредѣленія силъ; — нерѣшительность старшихъ видимо и тутъ передавалась младшимъ. Изъ описанія сраженія видно, между прочимъ, что войска праваго французскаго фланга отступили окончательно предъ демонстративными въ сущности только дѣйствіями четырехъ прусскихъ баталіоновъ генерала Война, двинутыхъ на подмогу „своимъ" самостоятельнымъ рѣшеніемъ генерала Прицельвица; послѣдній, имѣя противъ себя непріятеля, всетаки не побоялся на важномъ посту у Лякенекси (въ прикрытіи армейскихъ складовъ, находившихся позади, въ Ремильи) остаться съ одною только бригадою. Прицельвицъ понималъ отлично, что не спасти ему складовъ, если французы собьютъ главныя силы нѣмцевъ, и наоборотъ, что онъ усиливая сосѣдей, давая имъ средства къ переходу въ наступленіе, тѣмъ самымъ прикрываетъ и ввѣренные его защитѣ склады. Ничего подобнаго (въ смыслѣ раціональныхъ заключеній и дѣйствій) не видимъ у французовъ.

Изъ описанія Нуассевильскаго сраженія видно, что въ то время, когда выдвинутыя на общій правый флангъ боевой французской линіи части 2го ихъ корпуса начали окончательное отступленіе (повлекшее за собою отступленіе всей французской арміи), въ то же самое время находившійся позади съ сильнымъ еще резервомъ командиръ этого корпуса, генералъ Фроссаръ, ни о чемъ не зная, спрашивалъ у проѣзжихъ чиновъ другаго корпуса, „почему войска отступаютъ?" Не надо забывать и того, что тутъ же не въ далекомъ разстояніи безъ всякаго въ сущности дѣла стояла еще и пѣхотная дивизія Кастиньи, якобы прикрывавшая правый флангъ общаго французскаго расположенія. Французскіе начальники, противостоявшіе Прицельвицу, далеко не доросли до своего противника. Съ одной стороны Фроссаръ (быть можетъ подъ предлогомъ, что онъ подчиненъ Ле-Бефу) не заботится о своихъ передовыхъ, въ бою находящихся войскахъ и дозволяетъ имъ отступить, не пустивъ въ ходъ нетронутыхъ еще довольно значительныхъ силъ своего корпуса, а съ другой—Кастиньи какъ будто не сознаетъ обязанности думать и дѣйствовать на свой рискъ и страхъ; онъ, видимо, не понимаетъ, что поддержавъ своихъ и споспѣшествуя окончательной побѣдѣ (подобно Прицельвицу), онъ вмѣстѣ съ тѣмъ

удовлетворитъ и всѣмъ требованіямъ своей второстепенной задачи. Однако прежде произнесенія полнаго обвинительнаго приговора необходимо спросить: могли ли много иначе дѣйствовать подчиненные централиста-Базена?

Какъ тему для раздумья прежде произнесенія приговора надъ французскими начальниками и какъ доказательство, насколько система централизаціи или (что въ практическихъ проявленіяхъ ея все равно) привычка къ полной бездѣятельности безъ толчка свыше проникла въ плоть и кровь французской арміи, вслѣдствіе ея мирнаго воспитанія, припомнимъ тутъ еще мелкіе эпизоды изъ того же Нуассевильскаго сраженія.

Въ своемъ мѣстѣ [1]) сказано, что начальникъ инженеровъ 3го французскаго корпуса въ чинѣ генералъ-лейтенанта не отпустилъ въ Нуассевиль піонерную роту, гдѣ она была крайне нужна для приведенія этого, только что отбитаго у нѣмцевъ пункта въ оборонительное положеніе, потому что „не считалъ себя вправѣ распорядиться ею безъ разрѣшенія командира корпуса, маршала Ле-Бефа, который въ то время отправился уже почивать". Подъ аналогичнымъ предлогомъ начальникъ артиллерійскаго отдѣленія отказалъ одному изъ командировъ батарей свезти брошенныя пруссаками у Сервиньи орудія, подъ предлогомъ, что старше его начальникъ на мѣстѣ не присутствуетъ. Нужно ли еще всѣмъ этимъ французскимъ дѣятелямъ или, вѣрнѣе, „бездѣятелямъ" противоставлять хотябы тѣхъ (случайно, благодаря принцу Гогенлоэ, попавшихъ въ исторію) артиллерійскихъ парковыхъ начальниковъ прусскаго гвардейскаго корпуса, которые безъ всякихъ приказаній или понужденій сумѣли попадать вездѣ кстати и во́-время, не смотря на всевозможныя трудности и препятствія [2]).

Въ своемъ мѣстѣ достаточно подробно разобранъ злополучный для французовъ Седанскій походъ; эта странная смѣсь смѣлости, доходившей въ предположеніи операціи чуть ли не до дерзости, и крайней осторожности, въ исполненіи переходившей въ полную почти пассивность.

Прелюдія Седанскаго погрома, Бомонское пораженіе французовъ, застигнутыхъ совершенно врасплохъ, обличаетъ съ виду едва не повальную апатію и нераспорядительность во французскомъ корпусѣ Фальи и полную виновность всѣхъ въ немъ начальниковъ.

---

[1]) Выше, стр. 130.
[2]) Выше, стр. 71—72.

Дѣйствительно, казалось бы, что если главный начальникъ не успѣлъ или не сумѣлъ распорядиться во-время общими мѣрами предосторожности, то замѣнить его должны были подчиненные, по меньшей мѣрѣ, каждый въ своей части; но такъ бывало у нѣмцевъ, а не у французовъ. Нѣмецкіе частные начальники имѣли „право", но вмѣстѣ съ тѣмъ и „обязанность" распоряжаться самостоятельно по крайнему своему разумѣнію; за французскими начальниками не признавалось такихъ „правъ", а потому на нихъ не могло лежать „обязанностей." Онѣ немыслимы были у французовъ, у которыхъ никто не смѣлъ дѣйствовать безъ предварительныхъ приказаній, разрѣшеній и тому подобныхъ толчковъ, свыше получаемыхъ.

Седанская катастрофа вмѣщаетъ въ себѣ всѣ тѣ же основныя, характерныя и, прибавимъ, отрицательныя черты французскаго командованія. Со стороны главнокомандующаго французскими силами, маршала Макъ-Магона, видимъ (до сраженія) какія то весьма неопредѣленныя и даже въ словесномъ изложеніи маршала вполнѣ неясныя наступательныя намѣренія или, вѣрнѣе, мечтанія, основанныя на въ высшей запутанныхъ степени „стратегическихъ" соображеніяхъ; на дѣлѣ же замѣчается полная пассивность, переходящая просто въ типичную инертность.

Весьма интересно, что оба противные главнокомандующіе не сдѣлали на день Седанскаго боя „никакихъ" общихъ распоряженій. Но эти схожія съ виду обстоятельства были послѣдствіемъ причинъ совершенно разнородныхъ, просто діаметрально противоположныхъ. Французскій маршалъ ничѣмъ не распорядился потому, что самъ ничего въ сущности себѣ не уяснилъ и ни на что не рѣшился. Напротивъ того, нѣмецкій главнокомандующій имѣлъ предъ собою цѣль, ясно намѣченную, и зналъ, что она столь-же отчетливо сознана командирами нѣмецкой арміи. Маршалъ Макъ-Магонъ совершенно опустилъ руки, не зная, какъ и за что ему приняться, а нѣмецкое верховное начальство спокойно выжидало дѣйствія имъ-же заранѣе заведенной и вѣрно расчитанной искусной машины, которая, подобно утопическому (въ мірѣ механики) „perpetuum mobile", въ собственной работѣ своей находила дальнѣйшую двигательную для себя силу. Этою дальнѣйшею двигательною силою и была „самостоятельная распорядительность частныхъ нѣмецкихъ начальниковъ". Германскій главнокомандующій вѣрилъ въ эту силу и вполнѣ уповалъ на нее, между тѣмъ какъ маршалъ Макъ-Магонъ едва-ли не единственный проблескъ своей воли въ печальномъ для французовъ днѣ Седана употребилъ на то, чтобы воспретить генералу Дюкро заранѣе занять и обезпечить ключъ французской позиціи

Илли. Немудрено, что подъ вліяніемъ подобныхъ узко-централистическихъ свыше вѣяній и генералъ Дуэ не могъ, если-бы и хотѣлъ, заранѣе занять переправу у Доншери и тѣмъ предотвратить полное у Седана окруженіе французской арміи.

Если подвести итоги всему сказанному въ послѣднихъ двухъ главахъ сего сочиненія и вывести окончательныя сравнительныя заключенія, параллель между командными системами и порядками въ двухъ противныхъ арміяхъ, то увидимъ слѣдующее:

У нѣмцевъ громадный механизмъ современной арміи приводился въ движеніе одною мыслью и волею верховнаго вождя, всецѣло направленными къ достиженію цѣлей чисто военныхъ, безъ всякихъ постороннихъ уваженій и ограниченій.

У французовъ, напротивъ того, военныя соображенія подчиняются видамъ внутренней, узко-династической политики Бонапартовъ.

У нѣмцевъ мысль и воля главнаго начальника не только просто приводится въ исполненіе частными начальниками, но ими же развивается и дополняется, воплощаясь иной разъ въ совершенно неожиданно-благопріятные для нѣмцевъ результаты. Они же (частные нѣмецкіе начальники) и не разъ исправляютъ допущенные свыше болѣе или менѣе неизбѣжные промахи.

У французовъ въ теоріи господствовала полная, все давящая централизація, которая желала сама распоряжаться всѣмъ, всегда и вездѣ, но зачастую нигдѣ не поспѣвала, оставляя подчиненныхъ съ одной стороны безъ приказаній, а съ другой и безъ права почина. Но отказавъ подчиненнымъ во всякомъ правѣ на малѣйшій раціональный починъ (во имя общаго дѣла и блага), все-таки невозможно было лишить ихъ правъ общечеловѣческихъ, то есть просто „права дѣлать промахи и ошибки на свою руку". Вотъ этимъ-то правомъ французскіе частные начальники, надо признать, широко пользовались всегда почти, когда они, по самому естественному ходу дѣлъ, оставались безъ прямыхъ на всякій данный случай приказаній.

Такимъ образомъ, выходитъ въ концѣ концовъ, что у нѣмцевъ дѣятельность частныхъ ихъ начальниковъ является въ видѣ „множителя" увеличивающаго двигательную, такъ сказать, силу старшихъ, между тѣмъ какъ дѣйствія или бездѣятельность французскихъ начальниковъ служили, наоборотъ, „дѣлителемъ", уменьшающимъ и безъ того неважныя напряженія старшаго ихъ начальства.

„Узнать войну можно только посредствомъ войны; но для этого не требуется непремѣнно личное въ ней участіе. Напротивъ того, самую суть войны можно узнать, изучая ее въ серіозномъ раздумьи за книгами и планами. Даже участникъ войны „узнаётъ“ ее настолько, насколько онъ вмѣстѣ съ тѣмъ ее „изучаетъ.“ То же, что́ „свыше“ дается только истинному полководцу, то, чего не можетъ дать и самая наука, того полководецъ не пріобрѣтетъ и на войнѣ: война только обнаружитъ наличныя, уже присущія ему качества.“

Виллизенъ.

Трудъ нашъ оконченъ.

Въ предѣлахъ наличныхъ источниковъ и собственнаго умѣнія старались мы удовлетворить поставленной себѣ задачѣ.

Не стѣсняясь установившимися мнѣніями и воззрѣніями, шли мы своею дорогою, пытаясь проникнуть въ глубь дѣла и возстановить факты въ дѣйствительномъ ихъ видѣ.

Смѣемъ думать, что намъ удалось раскрыть въ частностяхъ и ясно высказать не мало такого, чего до сихъ поръ нѣмецкіе военные писатели прямо сказать не хотѣли, а другіе, положимъ, еще не успѣли.

Стремясь единственно къ правдѣ, а не гоняясь за новинками, мы не чувствуемъ за собою и особаго излишняго пристрастія къ „принципу самостоятельности.“ Но мы не могли не видѣть его и не подчеркнуть, коль скоро онъ проникаетъ всю командную систему арміи, одержавшей въ короткій срокъ всесокрушающіе успѣхи.

Возстановляя факты, мы не старались гнуть ихъ по своему, въ видахъ полученія матеріала и темы для какихъ бы то ни было „псевдо-

научныхъ правоученій.“ Война существуетъ и совершаетъ свое теченіе въ мірѣ вполнѣ реальномъ, а потому и наука о ней или военная исторія, имѣющая цѣли научныя, не смѣетъ удаляться отъ безусловной истины. Поступая иначе, военная наука переходитъ въ область правоучительной сказки и становится вредною уже потому, что насильно стараясь провести какія либо научныя истины (принципы) она, неминуемо, затемняетъ другія, прямо подтверждаемые дѣйствительными, а не „благонамѣренно-искаженными“ фактами.

Въ „принципѣ самостоятельности“ видимъ мы только ближайшую, непосредственную причину „боевыхъ“ успѣховъ нѣмцевъ; но основными и коренными причинами общаго ихъ торжества надъ французами признаемъ: искусную политику, раціональное общее на войнѣ командованіе и наконецъ, самое главное,—отличную военную систему.

Но въ свою очередь возникаетъ вопросъ: откуда-же взялась эта военная система? какимъ образомъ воспрянула она вдругъ передъ изумленнымъ міромъ, возвѣщая о себѣ громовыми ударами Богемской и Французской кампаній? Конечно не непосредственно изъ ближайшаго, боеваго опыта Пруссіи.

Пруссія—единственная изъ державъ Европы которая въ теченіе полувѣка, со временъ великой Наполеоновской эпохи, не вела никакой войны, если не считать мелкихъ дѣйствій противъ инсуррекцій 1848—49 годовъ.

Первый очередной противникъ Пруссіи—Австрія гордилась новѣйшими двумя побѣдоносными Итальянскими кампаніями 1848—49 годовъ; далѣе она выдержала войну Венгерскую и наконецъ еще одну Итальянскую кампанію 1859 г. противъ Сардиніи и Франціи. Такимъ образомъ выгоды „военнаго опыта“ всецѣло были на сторонѣ Австріи. Однако на дѣлѣ оказалось, что „неопытная“ Пруссія во всемъ упредила свою „бывалую“ соперницу. Тоже самое, какъ мы видѣли, повторилось и въ 1870 году, въ войнѣ Пруссіи противъ Франціи, не смотря на то, что послѣдняя гордилась своею „Африканскою военною школою,“ войнами Крымскою, Итальянскою и наконецъ многими заморскими болѣе или менѣе обширными экспедиціями, въ особенности ближайшею къ Франко-Германской войнѣ, Мексиканскою.

Итакъ, спрашивается въ концѣ концовъ: чѣмъ именно современная намъ Пруссія восполнила недостатокъ собственнаго военнаго опыта, и гдѣ нашла она умѣніе, давшее ей возможность опередить своихъ „бывалыхъ“ соперниковъ?

Источникъ, изъ котораго черпала Пруссія, а вмѣстѣ съ нею и вся Германія,—это не что иное какъ наука. Опираясь на великіе Наполеоновскіе уроки, освѣщая ихъ размышленіями и пополняя зоркимъ наблюденіемъ за всѣми позднѣйшими военными событіями, нѣмцы съ легкой руки геніальнаго Кляузевица создали и развили цѣлую новую военную науку и примѣняли ее къ дѣлу въ предѣлахъ мирной практики.

Въ то время, когда другія государства, воюя, умѣли возвышать только эмпириковъ „Базеновъ и Макъ-Магоновъ“, или созидать эфемерныя „Бенедековскія репутаціи“, Германія своею наукою воспитала цѣлый сонмъ просвѣщенныхъ военныхъ спеціалистовъ; она не побоялась развязать имъ рукъ „правомъ самостоятельнаго почина.“ На этой же наукѣ Германія или, вѣрнѣе, Пруссія основала и всю свою военную систему.

Многочисленные крупные и мелкіе почитатели и подражатели пруссаковъ, готовые вкривь и вкось заимствовать у нихъ то одно то другое, далеко не всѣ однако сознаютъ причину-причинъ первенства своего идеала, а иные изъ нихъ даже прямо отрицаютъ всякую военную науку. А между тѣмъ изъ этой именно науки, и только изъ нея, послѣ полувѣковаго мира вышла цѣлая гигантская военная система, давшая Пруссіи многочисленную боевую армію, и эта сила, воспрянула вдругъ непосредственно изъ нѣмецкой военной науки, въ грозномъ всеоружіи, какъ побѣдоносная Паллада изъ чела Громовержца—Зевеса.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	Канунъ сраженія и сраженіе при Гравелётъ—Сенъ-Прива 18 августа .	3
II.	Положеніе дѣлъ у Меца послѣ сраженія Гравелётъ—Сенъ-Прива и новыя предположенія нѣмцевъ	77
III.	Блокада нѣмцами крѣпости Меца и сраженіе при Пуассевиль 31 августа—1 сентября	86
IV.	Наступленіе 3-ей и 4-ей нѣмецкихъ армій на французскую „Шалонскую" армію и стычка у Нуаръ 29 августа	132
V.	Канунъ сраженія и сраженіе при Бомонѣ 30 августа	165
VI.	Критическій взглядъ на обоюдныя предположенія и дѣйствія въ „Седанскомъ походѣ" по 31 августа	185
VII.	Канунъ сраженія и сраженіе при Седанѣ 1 сентября	201
VIII.	Значеніе общаго и частнаго командованія въ побѣдахъ нѣмцевъ . . .	277
IX.	Значеніе общаго и частнаго командованія въ испытанныхъ французами пораженіяхъ.	322
	Послѣднее слово.	337

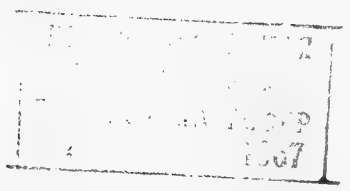
ОПЕЧАТКИ.

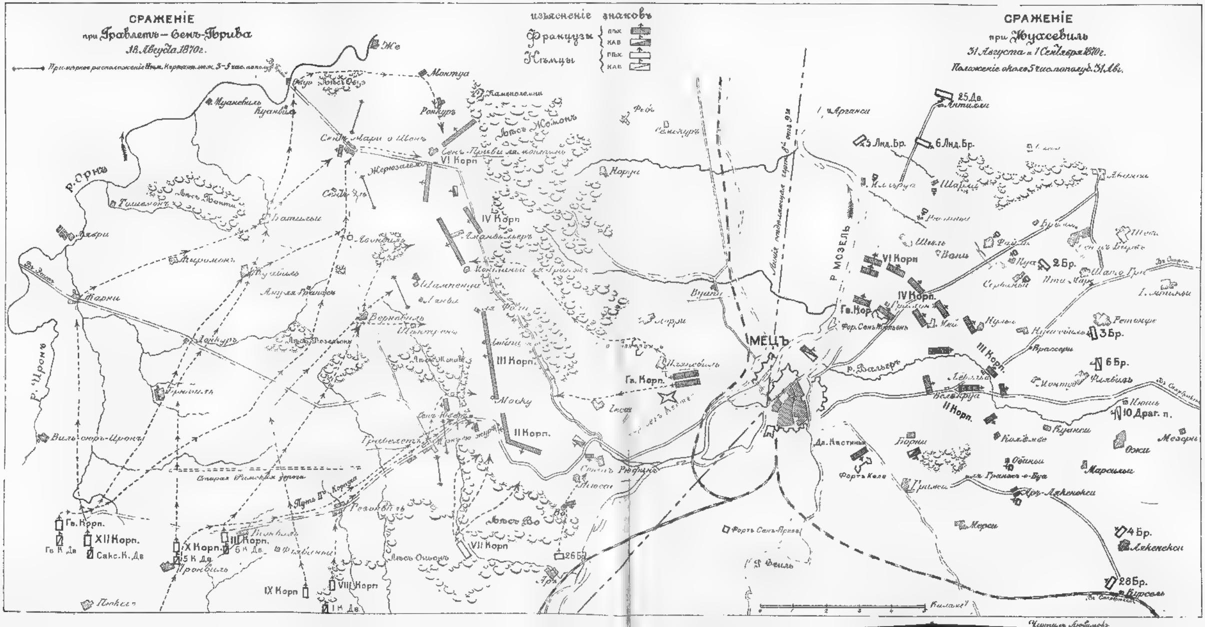
Томъ I.

Стр.	140	*Строка*	6 (прим.)	*Напечатано:*	бригада	*Должно быть:*	бригады.
„	151	„	4 сверху	„	Колёбе	„	Колёмбе.
„	158	„	3 — 4	„	Мархтаталеръ	„	Мархталеръ.
„	242	„	35 сверху	„	Война	„	Рексъ.
„	270	„	30 „	„	16 августа	„	6 августа.
„	271	„	11 „	„	5-ымъ	„	3-имъ.

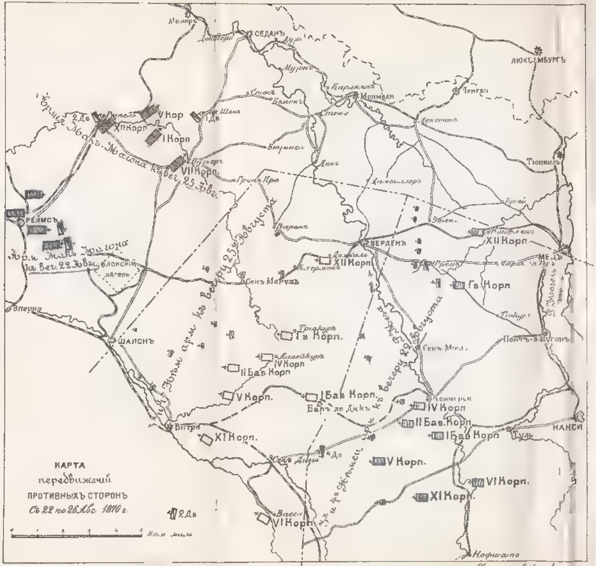
Томъ II.

Стр.	6	*Строка*	23 сверху	*Напечатано:*	Война	*Должно быть:*	Рексъ.
„	43	„	21 „	„	Донкуръ	„	Ронкуръ.
„	65	„	29 „	„	Война	„	Рексъ.
„	71	„	27 „	„	муниціяльныхъ	„	муниціонныхъ.
„	83	„	3 „	„	не отбившихся	„	но отбившихся
„	105	„	4 „	„	къ западу	„	къ востоку.
„	„	„	34 „	„	отрядъ	„	отряды.
„	106	„	26 „	„	Кастиньи	„	Эмаръ
„	136	„	2 (прим.)	„	36 бат.	„	56 бат.
„	„	„	5 сверху	„	46 „	„	40 „
„	„	„	10 „	„	въ составѣ корпуса генерала Дюкро	„	въ составѣ корпусовъ Дюкро и Лебрена
„	187	„	12 (прим.)	„	Винца	„	Винуа.
„	225	„	19 сверху	„	33-я дивизія	„	23-я дивизія
„	242	„	10 „	„	12-го корпуса	„	7-го корпуса.
„	269	„	12 „	„	12-омъ корпусѣ	„	7-омъ корпусѣ.
„	„	„	14 „	„	16 эскадроновъ	„	12 эскадроновъ.
„	„	„	14 „	„	12-го корпуса	„	7 корпуса.
„	289	„	32 „	„	8 августа	„	10 августа
„	303	„	31	„	Мелясовъ	„	Вурмзеровъ

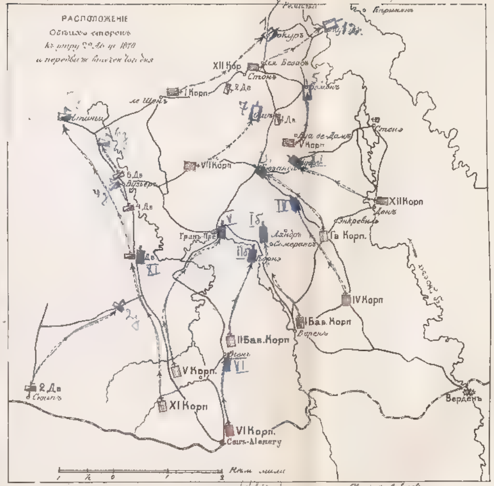



СРАЖЕНІЕ
при Гравлотъ – Сенъ-Привà
18. Августа 1870 г.
изъясненіе знаковъ
Французы пхъ. кав.
Нѣмцы пхъ. кав.
СРАЖЕНІЕ
при Нуассевиль
31 Августа и 1 Сентября 1870 г.
Положеніе около 5 час. пополуд. 31 Авг.
VI Корп
IV Корп
III Корп.
II Корп.
VII Корп
Гв. Корп.
Гв. Корп.
XII Корп.
X Корп.
IX Корп
VIII Корп
МЕЦЪ
Р. МОЗЕЛЬ
25 Дв.
6 Лнд. Бр.
5 Лнд. Бр.
VI Корп
IV Корп.
III Корп.
II Корп.
Гв. Кор.
2 Бр.
3 Бр.
6 Бр.
10 Драг. п.
4 Бр.
28 Бр.
26 Бр.
Форт Келе
Чертилъ Любимовъ

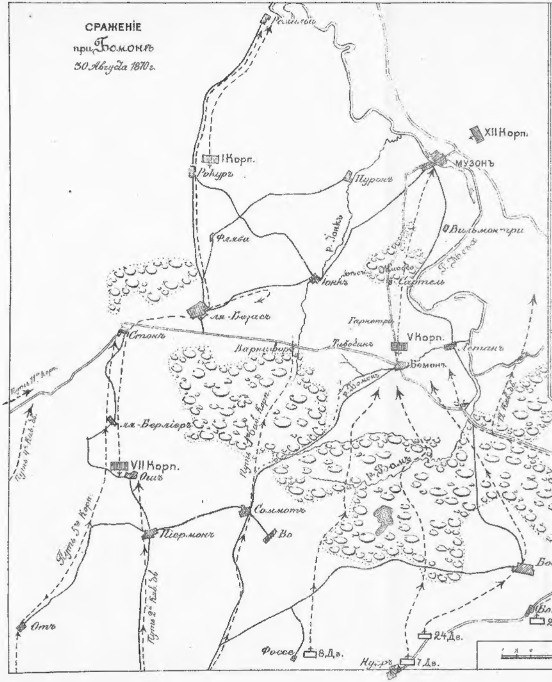
Черт. 10

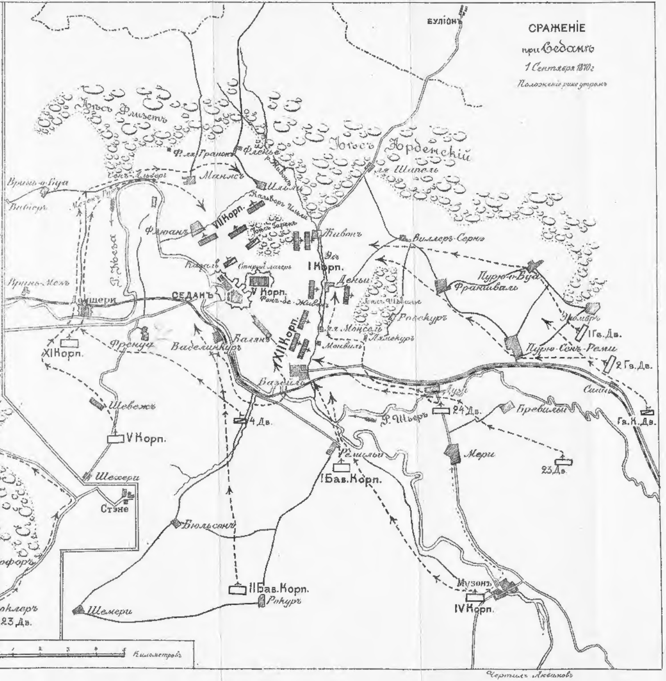


Черт. 11



Черт. 12 Таб. VII Черт. 13.





Чертилъ Любиковъ